

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ СОРОКЪ ВОСЬМОЙ.

1907.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страгномъ бульварѣ.

1907.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, 9 декабря 1906 года.

Цензоръ *Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.*

О ВНУТРЕННЕМЪ ОБНОВЛЕНІИ.

Гласъ вопіющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень, и вы творите стези Его (Мар. 1, 3).

По милости Божіей, мы вступили нынѣ въ новое лѣто жизни. У всѣхъ насъ теперь общее желаніе, чтобы новый годъ принесъ намъ съ собою счастье, успокоеніе и благоденствіе, чтобы Господь утвердилъ миръ и тишину въ землѣ нашей.

Чѣмъ же мы можемъ привлечь къ себѣ и дорогому отечеству нашему благословеніе Божіе на наступающее лѣто? Обратимъ для сего вниманіе на событія послѣдняго времени и постараемся уразумѣть въ нихъ гласъ Господень, къ намъ обращенный.

Нѣкогда, предъ Своимъ пришествіемъ на землю,—Господь воздвигъ изъ среды людей великаго проповѣдника покаянія, — Предтечу и Крестителя Іоанна. Мы слышимъ во св. Евангеліи вроткій, но проницающій въ самую глубину души нашей,—гласъ его: «уготовайте путь Господень, правы творите стези Его». Но нынѣ не только спасительными гласами пророческими и апостольскими, но и обстоятельствами времени,—такъ какъ все сущее и дѣйствующее въ мірѣ носимо глаголомъ силы Божіей (Евр. 1, 3),—и событіями послѣдняго времени мы призываемся къ обновленію духа и исправленію жизни. Вспомнимъ, какъ тяжело и тревожно было для насъ все это послѣднее время, въ продолженіи котораго мы пережили бѣдствія и столь неуспѣшной для насъ войны, и внутрен-

ней смуты, въ теченіе котораго сердца наши содрогались и отъ потоковъ крови на полѣ брани и отъ кровопролитій внутри нашего отечества. Эти ужасающія бѣдствія не есть ли для насъ грозный *гласъ Господень*, призывающій насъ къ покаянію и исправленію? Во время бывшей войны открылось много нравственныхъ язвъ и неправды, коренившихся въ насъ, въ нашей общественной жизни: не онѣ ли послужили причиной бѣдствій войны и праведнаго на насъ гнѣва Божія? А въ чемъ нужно искать причину внутренней смуты, отъ которой всѣ мы такъ много пострадали и страдаемъ? Главная причина этого печальнаго явленія, это—общее наше охлажденіе къ вѣрѣ, а за симъ: уклоненіе отъ пути добродѣтели христіанской, чрезмѣрное пристрастіе къ матеріальнымъ благамъ жизни и удовольствіямъ, усиленное самомяніе. Удивительно ли, что при такомъ нравственномъ настроеніи нашего современнаго общества, при общемъ пониженіи вѣрованія въ высшее руководство нашею жизнью, нѣкоторые изъ среды насъ дошли до полнаго своеволія и страшныхъ преступленій: *не можетъ древо зло плоды добры творити* (Мѣ. VII, 18). Какое же можемъ мы посему указать наилучшее средство къ искорененію нашей внутренней смуты, къ уврачеванію этой нашей глубокой общественной язвы, какъ не наше общее стараніе и заботу объ укрѣпленіи въ себѣ вѣры, о поднятіи общаго уровня нравственности? Какое можемъ высказать теперь пожеланіе, какъ не то, чтобы постигшія насъ бѣдствія и кровопролитія вразумили насъ, и чтобы наше дорогое отечество, какъ можно скорѣе и обильнѣе украсилось плодами мира и любви христіанской?

Но не одни только печальныя событія переживали мы. Свѣтлымъ лучемъ радости и утѣшенія среди бѣдствій было для насъ Царское слово, призвавшее насъ къ новому порядку государственной жизни, даровавшее всѣмъ намъ права законной свободы. Русская земля получила теперь возможность обновленія и

усовершенія. Но, при какомъ непремѣнномъ условіи это обновленіе и усовершеніе нашей жизни будетъ дѣйствительно плодотворнымъ для нашей родины? Если съ трудами этого внѣшняго улучшенія будетъ соединяться наше внутреннее обновленіе, т.-е. если въ себѣ самихъ мы будемъ стараться подавлять эгоизмъ, самолюбіе, пристрастіе къ собственной выгодѣ и чести, недоброжелательство и зависть по отношенію къ другимъ; если будемъ возвращать и укрѣплять въ себѣ чувства смиренія, кротости, милосердія, правдолюбія. *Ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ* (Мѡ. VI, 33), сказалъ Спаситель: т.-е. каждый изъ насъ долженъ поставить для себя, для своей жизни высшую, разумную цѣль, трудиться съ самоотверженіемъ для ея осуществленія, для водворенія на землѣ добра и правды, а прежде всего постараться воплотить добрыя качества въ душѣ своей,—и тогда внѣшнее благосостояніе и благоденствіе будутъ нашимъ общимъ достояніемъ. Тогда водворится въ насъ и среди насъ и истинная свобода. Ибо, по ученію Слова Божія, истинно свободенъ тотъ, кто исполненъ и освященъ благодатію Св. Духа: *Господь Духъ есть, а идѣже Духъ Господень, ту свобода* (2 Кор. III, 17). А чѣмъ мы можемъ снискать благодать Св. Духа, какъ не очищеніемъ сердца отъ страстей, и участіемъ въ молитвѣ и таинствахъ Церкви? Итакъ, и этими новыми государственными законами о свободѣ и объ улучшеніи внѣшнихъ формъ государственной жизни не призываетъ ли насъ также Господь къ внутреннему духовному обновленію?

Правда, дѣло нашего духовнаго обновленія—дѣло весьма нелегкое, требующее отъ насъ трудовъ и усилій. Не легко бываетъ иногда очистить и уравнять путь, сдѣлать его гладкимъ и удобопроходимымъ. Легко ли очистить душу отъ грѣховныхъ страстей, побороть въ себѣ то, что наиболѣе влечетъ къ себѣ? Но мы должны помнить, что достиженіе высокихъ цѣлей и совершенства невоз-

можно б зъ подвиговъ и борьбы: *царство Божіе*, сказалъ Спаситель, *(силою) нудится, и нуждницы*, т.-е. подвизающіеся *восхищаютъ е* (Мѡ. XI, 12). Чтобы укрѣпить въ себѣ духовныя силы, будемъ чаще взирать мысленно на Божественный примѣръ Спасителя и вспоминать все, совершенное Имъ для спасенія нашего. За всю Его любовь къ намъ не должны ли и мы показать благодарную любовь къ Нему, чрезъ исправленіе и очищеніе сердца, открывая свою душу для воспріятія отъ Него благодати и спасенія?

Послушаемъ гласа Господа Бога нашего и будемъ ходити путями Его (Второз. 28, 2. 9); тогда благословеніе Божіе почіетъ на насъ, и будущее наше и нашей родины будетъ свѣтло и радостно.

Молитвами, убажжаемаго нынѣ Церковію, св. Василія Великаго, вся жизнь котораго была однимъ лишь непрерывнымъ подвигомъ самоотверженія и крестоношенія, да даруетъ намъ Господь начать наступающій новый годъ «обновленіемъ жизни» (Римл. VI, 4), и преуспѣвать въ вѣрѣ и добродѣтели.

Священникъ Арсеній Разумихинъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЛЕОНИДА, АРХІЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО *).

Благослови Господи. 1863 г. Января 1. (Вторникъ). Владыка въ ночь почувствовалъ простуду и отказался отъ служенія: въ соборѣ служилъ преосвященный Можайскій, а я дома. Я подарилъ Мстиславу «Странствіе и путешествіе о. Парѣенія», и онъ уже прочиталъ болѣе 20 страницъ, сидя у меня. Его очень заняло простое и живое описаніе. Послѣ вечерни собралъ я дѣла и поѣхалъ ко владыкѣ. — Онъ писалъ къ Государю, поздравлялъ съ праздникомъ и получилъ рескриптъ. Государь желаетъ ему жизни и здоровья для счастья отечества и подписывается: «искренно васъ любящій». — Читалъ исполненную остроумія критику на письмо А. Порфирія противъ Синайской библии. Урусовъ прервалъ насъ. Мы вышли. Онъ блеснулъ предъ нами своей звѣздой и сталъ передавать владыкѣ отъ Государя и Государыни поздравленіе съ праздникомъ.

Второго числа посѣтилъ меня адмиралъ Михаилъ Николаевичъ Лермонтовъ, которому много я обязанъ при опредѣленіи моемъ во флотскую службу въ 1834 году, когда онъ былъ вице-директоромъ инспекторскаго депар-

*) Продолженіе. См. декабрьскую кн. *Душеспол. Читенія* 1906 г.

тамента морского министерства. Дежурный генераль Колзаковъ считался начальникомъ, а всѣмъ владѣлъ Лермонтовъ, пользовавшійся огромнымъ довѣріемъ у князя Меншикова. Михаилъ Николаевичъ постарѣлъ, конечно, но мало измѣнился. Я не видалъ съ Петербурга. Послѣ того онъ былъ главнымъ командиромъ и военнымъ губернаторомъ въ Гельсингфорсѣ. «Исполнилось, говорилъ онъ, 50-ти лѣтіе моей службы; я произведенъ въ адмиралы; обѣдалъ у Государя. Это было 22 декабря, а въ февралѣ отставленъ съ 1600 р. содержанія. Велѣлъ мнѣ Богъ дожить до бесполезной и безпріютной старости». Онъ очень желалъ принять благословеніе у владыки. «Въ 15 году мы возвратились изъ похода. Въ *Съверной Пчелѣ* я прочиталъ посвященіе «Записокъ на книгу Бытія». Я восхитился и подумалъ: кто умѣлъ написать такое посвященіе, способенъ написать и книгу превосходную, и я прочиталъ эту книгу. Я былъ воспитанникъ университета, молодецъ, пламенецъ. Меня обуздали, остепенили, укрѣпили въ вѣрѣ, дала мнѣ правила эта прекрасная книга. Повтому я почитаю себя воспитанникомъ ея автора».—Я вспомнулъ старое; онъ былъ до слезъ растроганъ. Я далъ ему образъ пр. Сергія. Онъ на колѣняхъ принялъ его. Михайломъ Николаевичемъ многіе во флотѣ были недовольны; если и справедливо, то несчастія его примирили съ нимъ недовольныхъ. Въ Костромѣ моряки давали ему обѣдъ. Онъ говорилъ, что есть въ Галерной гавани отставные офицеры и чиновники морского вѣдомства, которые на взморьѣ (чтобы не платить въ Думу) колютъ ледъ и развозятъ по Петербургу. Священникъ 1 кадетскаго корпуса рассказывалъ гнусную исторію, случившуюся въ 1 корпусѣ: два кадета — одинъ православный, другой лютеранинъ — спорили объ иконахъ; лютеранинъ въ пылу спора наругался надъ иконой св. Николая. Третье лицо, кадетъ же, Ашенбреннеръ, дерзкій, котораго давно надобно было удалить, былъ укоряемъ директоромъ, какъ поджигатель спора и, послѣ объясненія съ генераломъ въ его каби-

нетъ, сталъ хвалиться, будто онъ ударилъ генерала. Священникъ предсказывалъ генералу, что онъ пострадаетъ за ложную свою гуманность. Офицеры, набранные, а не избранные, не имѣли ни у него, ни у кадетъ авторитета. «Призывайте офицеровъ чаще, говорите съ ними». — «Благодарю: довольно мнѣ воспитывать кадетъ, а то еще и офицеровъ».

Въ это время были у меня Н. В. Исаковъ и князь Урусовъ; но имъ отказали. Бѣдный Ломовъ съ новымъ владимірскимъ крестомъ за 35-ти лѣтнюю службу. — «Кавалерію свою прикрою халатомъ и поработаю около дома». — Гр. Закревскій сказывалъ, что онъ былъ сдѣланъ генераль-адъютантомъ 27 лѣтъ, а генераль-адъютантовъ было всего 7 человекъ, въ томъ числѣ и Константинъ Павловичъ. Нынче до 78 генераль-адъютантовъ, до 80 свитскихъ и болѣе ста флигель-адъютантовъ. — Франція раздѣлена на военные округа подъ начальствомъ маршаловъ безъ всякой гражданской власти. Вечеромъ были братья съ Т. В—вной, Дм. Ал—чъ. Говорятъ, что пьянство на улицахъ нестерпимое. Нѣсколько человекъ, сложившись, покупаютъ полведра и тутъ же у кабака, на улицѣ, выпьютъ. Эти дни вся Россія пьяна. Но пошатнутся, пропьютъ деньжоки и усмирятся.

3. Долго бесѣдовалъ я съ Аносинской игуменьей. Говорить, что дѣвочка 11 лѣтъ допытывается: да есть ли Богъ? да какъ Онъ на небеси и на земли? и проч. Духъ пытливости и невѣрія всепроницающъ. Общежительные монастыри хранятъ уставъ, церковь, вѣру. Народъ невѣжественъ, но ищетъ вѣры. Церковь или, точнѣе, просвѣщеніе христіанское чрезъ церковь приближается къ народу; на перерѣзъ идетъ свѣтское просвѣщеніе. Если мы сойдемся (?) успѣемъ прежде, нежели свѣтское просвѣщеніе подоспѣетъ, хорошо; а не то плохо будетъ, если, къ тому, народъ не пойметъ, куда его ведутъ.

Быль старецъ любезный—арбатскій протоіерей, нарядный такой: въ синей рясѣ съ владимірскимъ крестомъ на новой широкой лентѣ. Священникъ П—скій, 3-го корпуса, говоритъ, что о Михаилѣ Николаевичѣ сожалеютъ, что корпуса уже близки къ уничтоженію. Я рѣшился послать ко Владыкѣ при докладной запискѣ по обзорѣнію епархіи и докладную памятную о лицахъ, заслуживающихъ награды. Книга Завалишина «О Западной Сибири» превосходна. Сибирь вижу я какъ сквозь стекло.

Третьяго числа вышелъ 1 № «Московскихъ Вѣдомостей» редакціи Каткова. Катковъ—отличный публицистъ и человекъ довольно благонамѣренный. Что газета будетъ хороша, то несомнѣнно; но газета, ставъ полнѣе и занимательнѣе, обязана умѣщаться въ одинъ листъ. Съ этою цѣлью и листъ страшно выросъ, и шрифтъ сталъ мельче до того, что нѣкоторыхъ рубрикъ почти нельзя читать безъ опасенія испортить зрѣніе.

4. Помолясь, поѣхалъ въ путь: на Троицкое съ докладомъ. Въ половинѣ 10 возвратился. Тишендорфъ занимаетъ умы. Владыка съ удивленіемъ и умиленіемъ говорилъ о смиреніи М. Н. Лермонтова.—«Онъ называетъ себя воспитанникомъ вашимъ!» сказалъ я.—«Онъ что-то сталъ говорить мнѣ, отвѣчалъ Владыка, но я отклонилъ разговоръ».—Это подало поводъ просить Владыку о новомъ изданіи «Записокъ на книгу Бытія». Владыка сказалъ, что нужны нѣкоторыя дополненія въ опроверженіе геологическихъ доводовъ противниковъ, а геологія такая наука, которая не устоялась. Говорилъ, что изданіе не его дѣло. Мы предлагали, чтобы академія этимъ занялась. При этомъ онъ сказалъ, что русскій переводъ книги Бытія, помѣщенный во второмъ изданіи, надо помѣстить и въ новомъ, чтобы читающему не ходить въ двѣ книги. Тутъ узнали мы, что переводъ этотъ сдѣланъ Владыкою и ранѣе всѣхъ другихъ переводовъ. «Въ библейскомъ изданіи переводъ Павскаго. Мнѣ приносили его для про-

смотра уже въ корректурныхъ листахъ; кое-что я указалъ, иное оставилъ. Можетъ быть по самолюбію, но я переводъ Павскаго своему не предпочелъ».

5. Видѣлъ я наконецъ и прославленную больную. Княгиня 4 года въ расслабленіи, красива, молода, жива чрезвычайно. Постель покрыта дикимъ шелкомъ, и сама она въ дикомъ, только малиновая накидка на головѣ. Но на первый разъ въ лицѣ ея что-то отталкивающее. Впрочемъ, приятно, что она на слова мои: «благодареніе Богу за все», отвѣчала: «нѣтъ, благодарить не могу, а успокаиваю себя тѣмъ, что есть еще хуже меня и тѣмъ, что многіе за меня молятся».—«Просите Бога: Онъ научитъ васъ, какъ благодарить».—«Это другое дѣло».—Князь говорилъ, что преосвященный Теоностъ изъ Тобольска проѣхалъ во Псковъ, не заѣзжая въ Петербургъ. Это Тобольскъ сдѣлалъ его ко всему равнодушнымъ. Зачѣмъ же св. Синодъ не измѣнилъ образа дѣйствованія? зачѣмъ разлучаетъ пастыря съ паствою? Пока это будетъ, будутъ и люди раздраженные. — «Что дѣлать: члены св. Синода строго наблюдаютъ старшинство епархій. Надобно убѣждать ихъ. Въ наше время архіепископство и епископство ничего не значать. Пустой звукъ этотъ только дѣтей можетъ забавлять. Теперь существенно различаются митрополии, прочія— епархія и викаріатства».

Отъ Урусова я заѣхалъ къ брату и сестрамъ. Отъ нихъ, при поворотѣ на Арбатъ, вижу четверкой лошадей везутъ колесницу, на ней гробъ. Ъдутъ скорымъ шагомъ; далѣе кареты. Это Михаила Михайловича Нарышкина везутъ. Говорятъ, около Крымскаго брода встрѣтилась процессія большая партія арестантовъ, въ цѣпяхъ идущихъ въ Сибирь. Нѣкогда и онъ тоже въ цѣпяхъ шелъ изъ Москвы туда же. Н. Сем. Храповицкій (тайный совѣтникъ, бывшій петербургскій гражданскій губернаторъ), говорилъ о достойной супругѣ Михаила Михайловича, рожденной графинѣ Коновницыной. «Мужъ ушелъ въ Си-

бирь; и я за нимъ пойду», говорила она.—«Не будь ему въ тягость, вынесешь ли его жизнь?». Она, чтобы испытать себя, уѣхала въ деревню, сама стряпала, мыла полы, носила воду и послѣ этого испытанія отправилась въ Сибирь. Мих. Мих. былъ человекъ превосходный, благородный, тихій, благочестивый. Склонить его къ соборованію не сумѣли, но онъ еще разъ приобщался.

8. Весь день до вечера сидѣлъ дома, готовя докладъ. Принялъ только (*фамилія не разобрана*), который при великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ. И онъ и Лачинова очарованы В. К. Николаемъ Николаевичемъ и его супругой. У В. К. постный столъ въ среду и пятницу, а великая княгиня говѣетъ каждый постъ. Добра дѣлаютъ они пропасть. Владыка говорилъ о томъ, чтобы женскій монастырь изъ Вознесенскаго монастыря перевели на Бутырки весь, а зданія присоединить къ Чудову. Я представлялъ это мелькомъ когда-то, но Владыка отвергъ. Теперь онъ убѣдился, что женскому монастырю на этомъ мѣстѣ быть не встаети. Я похвалилъ эту мысль, но вмѣстѣ просилъ и о томъ, чтобы общину сестеръ милосердія не выпускалъ онъ изъ виду, иначе она устроится не на церковныхъ началахъ. Докладъ прерванъ былъ приходомъ священника 1 кадетскаго корпуса. Къ нимъ присланъ слѣдователь по дѣлу объ иконѣ.

11. Вчера была у меня монахиня Паисія (Боде); на ней лица нѣтъ отъ скорби: съѣдаетъ ее и игуменью дѣло о перенесеніи монастыря. Мы разсуждали, что общинѣ сестеръ милосердія еще удобнѣе будетъ на Бутыркахъ: тамъ бѣдныхъ больше.

Игуменья Митрофанія, эта дѣйствуетъ энергически, героически. Отчетъ ея лучшій изъ всѣхъ, добросовѣстный и ясный. Владыка говоритъ о себѣ, что когда онъ былъ дѣтъ семи, то ходилъ съ причтомъ славить и былъ не

безъ обязанности; на примѣръ, въ пасху читалъ канонъ. Только всегда было совѣстно ходить, зная, что ходишь для денегъ. О книгѣ Н. А. Жеребцова Владыка отозвался: «изъ этой небольшой книги можно имѣть объ Англіи понятія болѣе, нежели изъ многихъ большихъ сочиненій»; рассказалъ содержаніе и далъ прочитать замѣчательныя мѣста: о раздѣлѣ земель при Вильгельмѣ, о Церевии, о судѣ и значеніи королевской власти и въ заключеніи о томъ, что въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ понятія измѣнились болѣе, нежели прежде измѣнялись они въ теченіе 200 лѣтъ.

12. Объ отцѣ Антоніи сказалъ пр. Савва: Къ о. Антонію пр. Рождественскій отъ имени в. в. Маріи Николаевны писалъ, что такъ какъ при ея общинѣ сестеръ милосердія учреждается отдѣленіе для исправленія дѣвицъ заторнаго поведенія, то нельзя ли въ пользу ихъ поставить сборную кружку при мощахъ преподобнаго Сергія. О. Антоній отвѣчалъ, что кружки на этотъ предметъ прилично было бы поставить въ тѣхъ домахъ, изъ которыхъ въ заведеніе поступаютъ дѣвицы, а не при мощахъ преподобнаго.

Дома послѣ всенощной былъ со Мстиславомъ урокъ изъ Катихизиса. Какое духовное разсужденіе у этого мальчика: онъ вызвалъ слезы на глаза мои. Неужели все это должно погибнуть отъ нелѣпаго воспитанія его? Избави Господи!

13. Обѣдалъ съ о. игуменомъ и Мстиславомъ. Читалъ имъ вслухъ 2 проповѣди Владыки. Тема одной примѣчательна: не испытывай правды судьбы Божіихъ, а проси уразумѣнія и силы для исполненія заповѣдей Божіихъ: тогда освятитъ тебя Богъ и уразумѣешь правду судьбы Его. (Въ церкви св. Варвары сиротскаго дома). Это то, что я вижу всегда въ словахъ Спасителя: «аще, кто хо-

щеть волю Мою творити, разумѣть о ученіи, кое отъ Бога есть или Азъ отъ Себе глаголю.—Анна Георгіевна читала письмо отъ мужа, который отъ 5 до 17 Ноября провелъ въ Іерусалимѣ. Почеть ему былъ необыкновенный; патріархъ сопровождалъ его до Яффы; другое письмо аббата, котораго 15 лѣтъ назадъ она знала въ Парижѣ, и графъ хотѣлъ его взять въ домъ; оказалось, что онъ невѣрующій. Его искали заинтересованные судьбой его религиозной жизни; онъ отвѣчаетъ на вызовъ: называетъ себя не только адептомъ, но и апостоломъ рационализма, единственной религіи въ будущемъ, и говоритъ, что если эти идеи имъ не нравятся, то чтобы они оставили его въ покоѣ.

16. Владыка спрашиваетъ насъ, какъ рѣшить вопросъ: человекъ двоебрачный, если первый бракъ былъ въ язычествѣ, можетъ ли быть іеромонахомъ?—Сообразивъ, что апостоль имѣлъ дѣло съ христіанами, только что вышедшими изъ язычества, гдѣ значительная часть была крещеніемъ просвѣщена уже въ полномъ возрастѣ, я сказалъ, что не можетъ. Владыка мнѣ замѣтилъ, что такимъ же образомъ рѣшилъ и старѣйшій меня архіерей; но основываясь на правилѣ апостольскомъ, разъяснилъ, что съ крещеніемъ только начинается новая жизнь.

Въ пятницу я обѣдалъ у преосвященнаго можайскаго съ преосвященнымъ Теофилактомъ, епископомъ ставропольскимъ. Вечеръ у владыки. Онъ въ этотъ день (18-го) совершалъ литургію: память по отцѣ; былъ очень разговорчивъ. Я убѣждалъ преосвященнаго Савву записывать его рассказы, но тотъ отказался.

19. У меня обѣдали преосвященные Теофилактъ и Савва, о.о. ректоръ и Угрѣшскій, С. А. Масловъ, родные. С. А.—чь, при сей вѣрной оказіи, вышелъ было изъ себя, и я боялся, чтобы не вышло скандала. Прости меня, Го-

споди; но этого, во многихъ отношеніяхъ достойнаго человека, обуяла гордость, и діаволь имъ играетъ. Мужественный старикъ борется съ діаволомъ тѣми остатками истины Христовой, которыхъ у него еще не отняли лжемудрствованія масонскія.

Въ воскресенье я служилъ, и со мною Угрѣшскій. Обѣдалъ я съ обоими пр-ными у Владыки. Владыка былъ милъ чрезвычайно. Говорилъ самымъ ученымъ образомъ, съ еврейскими цитатами о переводѣ библии: Синодъ рѣшилъ было задать переводъ псалтири четыремъ академіямъ и 2 архіереямъ—казанскому и астраханскому. Владыка же говоритъ, что начать должно съ книги Бытія,—порядокъ естественный и удобный, отъ легкаго къ трудному; что переводить должно, имѣя въ виду и еврейскій текстъ, и греческій, и дѣлаетъ дѣло человекъ, а не комиссія, не общество. Потомъ говорилось о другихъ предметахъ легко, и пріятно, и сильно. При слѣдующемъ свиданіи, о преосвященномъ Теофилактѣ Владыка сказалъ: «надо думать, что онъ будетъ дѣйствовать добродушно, но не сильно».

25. Служилъ на погребеніи дочери Д. А—ча. Ее звали Марія, 27 лѣтъ, отлично образована, глубоко религіозна, превосходно знала музыку, имѣла взглядъ серьезный и строгій, руководила и учила младшихъ; умерла отъ чахотки; нѣсколько лѣтъ какъ по обѣту не вкушала мясного, соборовалась, пріобщалась дважды, неоднократно призывала духовника, чтобы до чиста очистить совѣсть; умерла, давъ младшимъ наставленіе и по прочтеніи отходной. Я былъ словно на свадьбѣ: подавая свѣчу Д. А—чу, я сказалъ: «это вѣнчальная ея свѣча». Такъ легко видѣть смерть при такихъ залогахъ на будущее. Вечеромъ докладъ.

26. Обѣдалъ съ преосвященнымъ Іоанномъ у преосв. Саввы.

27. Послѣ обѣда проводилъ преосв. Іоанна. Онъ—сердечный человѣкъ: есть маленькое сходство съ костромскимъ, но гораздо степеннѣе, осмотрительнѣе, глубже.

Февраля 3 (Воскресенье). Какъ проведены были эти три дня новаго мѣсяца? 1-го было погребеніе О. А. Платона: былъ пр. Савва. А. Платонъ былъ по Златоустову и Знаменскому моимъ благочиннымъ; въ дѣла не ввязывался, начальникомъ себя не выставялъ, а если что попрошу наблюдать въ отсутствіе мое, все исполнить съ усердіемъ. Имѣлъ умъ и разсужденіе; но былъ въ словѣ угловатъ, отрывистъ, прямъ до цинизма и неопрятенъ. Былъ шутивъ, имѣлъ деньги, любилъ дѣтей. Андроньевъ пришелъ при немъ въ заупущеніе: о. Платонъ не любилъ его, сожалѣя о Даниловѣ. Былъ до самой смерти духовникомъ Владыки. Вечеромъ были мы у Владыки, до всенощной. Я упоминалъ уже о мнѣніи Владыки о переводѣ Библіи. Доводы ясны, какъ день; но что же вышло? Сѣнодь отвергъ его. Оберъ-прокуроръ сказала: «Я пропустилъ протоколъ, потому что по этому предмету не могу входить въ сужденіе; но вотъ мнѣніе преосвященнѣйшаго митрополита Московскаго, съ которымъ я совершенно согласенъ: это, заявляю я, какъ сынъ Церкви». Митрополитъ Исидоръ сказалъ: «и я съ этимъ согласенъ, но не могу измѣнить опредѣленія Сѣнода».—Владыка замѣтилъ: «какое опредѣленіе: оно не было подписано членами, оно не касалось суднаго дѣла, а административныя опредѣленія всегда можно измѣнять. Я этого не ожидалъ; но вижу, что надобно дѣйствовать осторожнѣе, чтобы не умножать спорныхъ случаевъ, и беречь голосъ для дѣлъ собственно церковныхъ и вопросовъ догматическихъ. Видно я надолъ Сѣноду; надобно было бы меня отставить».

На кавказскую епархію назначили Іоанна, но положили его имѣть въ виду и на Полтаву, если успѣютъ склонить пр. Александра къ удаленію отъ дѣлъ. Успѣли, но тогда одинъ изъ двухъ протоіереевъ возразилъ и преосв. Александръ согласился. Оберъ-прокуроръ сказалъ ему: «вы сами прежде соглашались: неужели вы хотите, чтобы я сталъ къ св. Синоду въ тѣ же отношенія, какъ гр. Протасовъ?»—Уступили.

Оберъ-Прокуроръ говорилъ пріятелю своему Маслову, а тотъ брату моему: «преосвященный Филаретъ такой свѣтильникъ, не будь котораго,—надо бросить всѣ дѣла или бродить въ потьмахъ».

4. Работалъ до 6 часовъ; часа два вечера провелъ у Н. П. Шипова. Домъ, какъ дворецъ, великолѣпный, а хозяйкѣ бѣдной что въ этомъ? Она вдругъ состарѣлась совсѣмъ: болѣзнь съѣдаетъ ее. Говорятъ, что свящ. Ключаревъ прекрасно принять въ Петербургъ и вечера проводить у Тютчевой. Тутъ видѣлъ я сына начальницы царско-сельскаго училища дѣвицъ духовнаго званія. Замѣтно, что дѣвушки тамъ развиваются умственно, чтобы въ уровень быть съ мужьями, а сердце то гораздо выше. Дѣло объ общинѣ сестеръ милосердія при Вознесенскомъ монастырѣ путается: о. намѣстникъ проектируетъ соединить общину съ учрежденіемъ А. В. Голицыной на Бутыркахъ. Владыка говоритъ, что княжна будетъ сама первымъ пріобрѣтеніемъ для общества, какъ сестра милосердія; но княжнѣ одинъ развѣ можетъ быть интересъ: усилятся средства, которыхъ у нея мало. Я же того мнѣнія, что община должна быть при монастырѣ и изъ духа монашества получить свою жизнь. Игуменія Паисія, конечно, лучше можетъ руководить, нежели княжна. Владыка обѣщалъ дозволить своему хору дать концертъ въ пользу общества распространенія книгъ. Я предлагаю, чтобы не былъ концертъ монотоненъ и имѣлъ бы характеръ дѣль-

ный и занимательный, въ программу его включить пьесы латинскаго церковнаго пѣнія съ соблюденіемъ параллели; напр., наша панихида и реквиѣмъ, Тебе Бога хвалимъ и Te Deum laudamus; пѣніе псалмовъ—наше и латинское; Тебе поемъ и латинскую пѣснь при освященіи Даровъ и т. д. Если этотъ опытъ будетъ благоуспѣшенъ, то можно такую параллель провести съ пѣніемъ лютеранъ, англиканъ, армянъ и проч. Чтобы не соблазнить люда, надобно въ программѣ объяснить цѣль. Павелъ Алексѣичъ Тучковъ сказывалъ, что 2 числа былъ у него графъ Барановъ и сообщилъ, что Англія и Франція требуютъ энергическаго подавленія бунта, опасаясь, не есть ли это проявленіе общаго движенія западныхъ славянъ; Австрія слаба, можетъ быть разрушена, и на ея развалинахъ чтобъ не образовалось сильное славянское государство, которое естественно будетъ опираться на Россію и тяготѣть къ ней. Прусскій король предполагаетъ ввести корпусъ своихъ войскъ въ наши предѣлы польскіе; но Австрія уже успѣла сдѣлать визость: пропустила одну или болѣе тысячъ вооруженныхъ мятежниковъ. 2 дивизія гренадерскаго корпуса уже въ походѣ; но младшіе офицеры безъ рубля въ карманѣ и худо одѣты, за солдатами же какъ повезутъ ихъ тюфяки и байковыя одѣяла?

5. Папская булла разрѣшила театральныя представленія двѣ пятницы сряду, чтобы вознаградить артистовъ за потерю двухъ вечеровъ по случаю наводненія Тибра.— Въ 1840 г. социалистъ Оуэнъ проповѣдывалъ (въ Англіи) гласно: «если на свѣтѣ существуетъ сатана, то это—религія, бракъ и собственность, страшная, чудовищная тройственность, неистощимый источникъ преступленій и бѣдствій» (М. Вѣд. 1863 г. № 28). Вотъ до какихъ нечестностей доводитъ папство и реформація.

Шестого—спалъ долго отъ крайней усталости, такъ-какъ наканунѣ, кромѣ часовъ, употребленныхъ на богослуженіе, посвящено на работу домашнюю часовъ шесть, да у Владыки, не поднимаясь съ мѣста, просидѣли четыре часа, а уснуть пришлось около полночи.

Въ среду обѣдалъ у меня о. архимандритъ; пріемъ продолжался во весь день и вечеромъ много перебивало; Сергѣй Павловичъ читалъ свою записку о Польшѣ. Жеребцовъ хвалилъ брата. Въ школѣ нечаянная ревизія; спрашивали учениковъ: единодушно отзывались они съ похвалою ему. Но бѣдный Александръ изстрадался. Онъ огражденъ отъ дѣлъ формою; но могутъ ко всему прицѣпиться, а дѣла то школы плохи. Всего болѣе мучить его мысль, что его директоръ можетъ подозрѣвать интригу со стороны брата. Директоръ же, имѣя много занятій стороннихъ, излишне довѣрялъ эконому.

Княгиня Елизавета П. Долгорукова говорила, что братъ ея графъ Орловъ-Давыдовъ въ Римѣ живетъ очень пріятно; но сожалѣетъ, что русскіе во всѣхъ странахъ Европы пріобрѣтаютъ недвижности. Княгиня Мещерская изъяснила надежду, что я посѣщу ея сестру Карамзину; интересовалась письмомъ о спиритизмѣ. Есть генералъ-адъютантъ Безобразовъ, о которомъ духи-лжецы сказали, что его душа была сначала въ двоюродномъ братѣ Юлія Цезаря, за гордость переселена была въ адвоката, а наконецъ попала въ Безобразова; и этой дичи вѣрятъ. Другой духъ, чтобы успокоить свою вдову о потерѣ 8-мѣсячнаго сына, сказалъ, что его душа посажена въ душу живущей еще княгини, чтобы ее очистить, и—дура успокоилась. Былъ тутъ С. М. Сухотинъ, сынъ начальницы царскосельскаго училища.

Седьмого. Игуменья Паисія была со своими тревогами. Я успокоилъ ее тѣмъ, что «Владыка не отвергаетъ ни одной мысли прежде обсужденія, а потому вамъ и ка-

жется будто онъ противъ васъ и удалился отъ прежней мысли. Будьте увѣрены, что возвратится и утвердится на мысли о соединеніи общины съ монастыремъ. Проектъ о соединеніи общины съ Голицынской богадѣльней не удобенъ. 20 аристократокъ не захотятъ подчинить себя какой-нибудь ничего не значущей княжнѣ Голицыной; община должна питаться началами монастырской жизни. Мысль намѣстника объ общинѣ милосердыхъ сестеръ при Хотьковѣ монастырѣ великолѣпна. И монастырь, и вся окрестность преобразятся, и даже не будетъ ли въ этомъ оплота противъ раскола?

Быль у Карамзиной: у нея было воспаление въ горлѣ одинъ день, а три недѣли послѣ того больна, особенно головными нервами. Она не выходитъ изъ спальни и сидитъ подлѣ кровати, читая жизнь Богородицы и молясь. Она говоритъ, что Марія Макс... передъ свадьбою за 2 дня приобщалась, а когда представляли ее своему жениху, то на-ухо сказала ей: «онъ прежде всего христіанинъ». Невѣста и женихъ положили между собою: хотя они и разнаго вѣроисповѣданія, читать вмѣстѣ ежедневно утреннія и вечернія молитвы и евангеліе.

Какъ Н. В. ни преисполнена достоинствъ внѣшнихъ и внутреннихъ, но думаю, что ея нервныя боли съ тоскою и мнительностью—брестъ для ея добраго мужа, посредника нъ нижегородской губерніи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Уроки и примѣры изъ исторіи древнихъ соборовъ—примѣнительно въ предстоящему всероссійскому собору.

Въ виду имѣющаго въ непродолжительномъ времени открыться русскаго церковнаго собора въ Москвѣ—предположено созвать его весною будущаго 1907 года, — конечно, было бы очень полезно составить себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе о томъ, чѣмъ, какими вопросами и дѣлами, займется этотъ соборъ и какимъ образомъ, т.-е., руководясь какими правилами и нормами, онъ станетъ и можетъ разрѣшать эти вопросы и устроять подлежащія его компетенціи дѣла. Предстоящій русскій церковный соборъ, конечно, явленіе совсѣмъ новое для настоящихъ поколѣній нашего духовенства и народа. Но онъ, по своей идеѣ и дѣятельности, не можетъ и не долженъ быть чѣмъ-нибудь совсѣмъ новымъ въ исторіи церкви. Раньше было много соборовъ въ христіанскомъ мірѣ, въ особенности много было ихъ въ древности, въ эпоху древней вселенской церкви. Слѣдовательно, естественно возникаетъ вопросъ: можетъ ли исторія этихъ прежнихъ соборовъ быть чѣмъ-либо полезна для предстоящаго собора? Можетъ ли она давать болѣе или менѣе опредѣленные правила и уроки, которые могли бы служить руководствомъ для этого собора? Въ настоящее время лицо, интересующееся ожидаемымъ русскимъ соборомъ, въ состояніи имѣть подъ руками и пользоваться очень цѣннымъ матеріаломъ, отпечатаннымъ по распоряженію высшей церковной власти и могущимъ служить и къ разъ-

ясненію тѣхъ самыхъ вопросовъ, которые мы сейчасъ поставили. Такой матеріалъ находится въ слѣдующихъ изданіяхъ: «Журналы и протоколы высочайше утвержденнаго предсоборнаго присутствія»¹⁾ и «Отзывы епархіальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ» («Матеріалы къ предстоящему всероссійскому церковному собору»²⁾). Мы, однакожь, не думаемъ возлагать на себя скучнаго и неблагодарнаго труда ознакомить читателя съ существеннымъ содержаніемъ и выводами, заключающимися въ указанномъ собраніи документовъ; а изберемъ самостоятельный путь въ разрѣшеніи намѣченной нами задачи. Указанное же собраніе документовъ останется для насъ не болѣе, какъ сырымъ матеріаломъ.

Итакъ, гдѣ можетъ и долженъ предстоящій соборъ искать и находить правила и уроки для руководства въ подлежащей ему дѣятельности? Принимая во вниманіе, что это будетъ русскій соборъ, слѣдовательно помѣстный соборъ, можно было бы думать, что соборъ нашъ долженъ искать указанное руководство въ практикѣ и тактикѣ древнихъ помѣстныхъ соборовъ. Но такая точка зрѣнія намъ представляется узкою и неправильною. Не говоря уже о томъ, что помѣстные соборы древности были не очень авторитетны и оставили по себѣ мало слѣдовъ въ исторической литературѣ (протоколы ихъ рѣдко записывались), нашъ соборъ долженъ выйти очень грандіозенъ: здѣсь возстанетъ во весь свой ростъ могущественнѣйшая, первѣйшая изъ православныхъ церквей—всероссійская. Предъ нею всѣ остальные православныя церкви

¹⁾ Журналы эти первоначально печатались небольшими частями въ *Церк. Вѣд.* (за 1906 г.), а теперь изданы въ видѣ двухъ большихъ томовъ (Сиб., 1906).

²⁾ Отзывы эти первоначально печатались въ *Церк. Вѣд.* (за 1906 г.), да и теперь продолжаютъ печататься тамъ же. Отдѣльное изданіе ихъ сдѣлано въ 1906 г., но исключительно для членовъ „предсоборнаго присутствія“ и архіереевъ, а въ продажу не пущено.

то же, что малыя дѣти, и во всякомъ случаѣ не больше, какъ меньшіе братья; російская церковь теперь—это проснувшійся богатырь, значеніе котораго пора понять и прочимъ православнымъ церквамъ. Поэтому, уроки для себя она можетъ брать въ примѣръ соборовъ вселенскихъ. Это не наше только мнѣніе. Ту же мысль въ одномъ изъ предсоборныхъ засѣданій (происходящихъ, какъ извѣстно, въ Петербургѣ, подъ руководствомъ Свѣиода) выразилъ и московскій профессоръ церковнаго права Н. С. Суворовъ. Разсуждая о значеніи будущаго нашего собора, онъ сказалъ: «если говорить о каноническихъ аналогіяхъ (для предстоящаго собора), то нельзя брать за примѣръ ни провинціальныя (помѣстные) соборы римской имперіи, ни даже патріаршіе, (т.-е. областныя или діоцезальныя); а если брать, то необходимо взять (за образецъ) соборы вселенскіе, какъ собранія епископовъ со всей римской имперіи. Предполагаемый всеросійскій соборъ—продолжаетъ г. Суворовъ,—не будетъ соборомъ одной провинціи (или губерніи), какъ митрополитанскій соборъ каноническихъ правилъ (въ древности), не будетъ соборомъ и патріархата, какъ одной изъ частей римской имперіи, для которыхъ центромъ былъ Константинополь, а будетъ соборомъ всей русской церкви. Въ этомъ смыслѣ онъ долженъ быть сравниваемъ со всеелечскимъ соборомъ древности»¹⁾. Такимъ образомъ мы видимъ, что русскій канонистъ, не мало ни сумнясь, ставитъ рядомъ такія величины, какъ римская имперія и русская имперія и съ этимъ вмѣстѣ, пожалуй, такія историческія явленія, какъ вселенская церковь, заключавшая въ себѣ патріархаты римскаго государства, и русская церковь, обширнѣйшая православная церковь нашего времени; и во всякомъ случаѣ аналогію для нашего предстоящаго собора

¹⁾ Журналы предсоборнаго присутствія. *Церк. Вѣд.* 1906, № 21, ст. 1392. Къ сожалѣнію, мы не получили еще отдѣльнаго изданія этихъ „Журналовъ“.

онъ же находить только во вселенскихъ соборахъ древности. Вотъ почему не будетъ ничего страннаго въ томъ, что уроки и примѣры для нашего собора станемъ искать въ исторіи, дѣятельности и тактикѣ этихъ именно соборовъ. Эта аналогія сама собою возникаетъ, если примемъ въ расчетъ слѣдующее. Вѣдь, ужъ величественнѣе, многозначительнѣе того, что будутъ представлять собою наши всероссійскіе соборы—а институтъ этотъ, безъ сомнѣнія, утвердится въ нашей церкви,—вообразить себѣ въ православномъ мірѣ нельзя. Мечтать же о созваніи такихъ соборовъ, какими были нѣкоторые изъ вселенскихъ соборовъ, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній для православнаго міра. Вѣдь, папа римскій не поѣдетъ на вселенскій православный соборъ, если бы мы, т.-е. русское духовное и свѣтское правительство, вздумали созвать таковой, и не пришлетъ легатовъ вмѣсто себя. А безъ папы или его уполномоченныхъ какой ужъ можетъ быть вселенскій соборъ? Мало того: нельзя ожидать даже, что на нашъ такого значенія соборъ изволятъ пожаловать захудалые и часто малообразованные восточные патріархи. Представимъ себѣ, что русскій государь въ настоящее время рѣшилъ бы собрать вселенскій соборъ въ Москвѣ,—а вселенскіе соборы могутъ созывать, по своей личной инициативѣ, только великіе православные государи, почему, напр., въ Турціи, вселенскаго собора быть не можетъ. Что изъ этого вышло бы? Патріархъ Константинопольскій едва-ли поѣхалъ бы на этотъ соборъ. Константинопольскіе фанариоты не могутъ простить русской церкви, что она не согласилась провозгласить, какъ сдѣлала то константинопольская патріархія, болгарскую церковь—схизматическою. Александрійскимъ патріархомъ въ данное время состоитъ Фотій, руссофобъ, врагъ русскаго имени; его—и не зачѣмъ было бы звать на нашъ соборъ. Мѣсто антиохійскаго патріарха теперь, къ негодованію фанариотовъ, занято не грекомъ, а природнымъ арабомъ, какъ и быть должно въ сирійской церкви; но онъ не считается

дѣйствительнымъ патріархомъ ни въ Константинополѣ, ни въ Александріи, ни въ Іерусалимѣ. Могъ ли бы онъ, при такихъ обстоятельствахъ, пріѣхать къ намъ на соборъ? Нашъ русскій соборъ, хоть не по имени, а по значенію можетъ быть вселенскимъ соборомъ. Болѣе полного, въ указанномъ смыслѣ, собора въ настоящее время собрать и нельзя, если бы мы и пожелали. Конечно, можно было бы присоединить когда-нибудь къ числу нашихъ епископовъ на соборѣ и церковныхъ представителей Болгаріи, Сербіи, Румыніи; но они нужны были бы развѣ для большаго декорума.—Другимъ важнымъ признакомъ, по которому извѣстные соборы въ древности получали значеніе и титулъ вселенскихъ, состоитъ въ томъ, что главнѣйшія ихъ опредѣленія утверждались императоромъ и входили въ составъ государственныхъ законовъ. Такого значенія ни одинъ изъ православныхъ соборовъ въ настоящее время пріобрѣсти не можетъ, хотя бы на немъ, кромѣ всѣхъ русскихъ архіереевъ, засѣдали всѣ восточные патріархи съ ихъ синодами. Почему? Да если бы, предположивъ, что такой соборъ составился у насъ въ Россіи: а больше ему собраться и не гдѣ, и что нашъ государь утвердилъ бы существеннѣйшія постановленія собора и придалъ имъ законодательную санкцію, то все же эти опредѣленія для всѣхъ патріархатовъ Турціи (да и для одной ли Турціи?) не имѣли бы обязательнаго значенія: для іерархіи этой не христіанской страны они имѣли бы лишь нравственное значеніе, а для подчиненнаго этой іерархіи народа и еще меньше: они могли бы быть, какъ говорится, лишь принимаемы въ свѣдѣнію. Въ концѣ концовъ, и это сейчасъ указанное обстоятельство должно повышать значеніе, имѣющихъ воспослѣдовать, всероссійскихъ церковныхъ соборовъ. Еще одно замѣчаніе прежде, чѣмъ обратиться намъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ вопросовъ. Мы сказали выше, что мы будемъ изслѣдовать исторію, дѣятельность и тактику древнихъ соборовъ, а такими для насъ должны быть, какъ сейчасъ разъяснено, соборы вселен-

скіе, съ тѣмъ, чтобы отыскивать здѣсь поучительные уроки и руководственные правила для практическаго осуществленія задачъ, которыми, по предварительному предначертанію, долженъ заняться нашъ первый «чрезвычайный» соборъ. Но это свое намѣреніе мы имѣемъ въ виду привести въ исполненіе не только въ прямомъ и положительномъ смыслѣ, но и отрицательномъ. Мы не отказываемся указывать и разъяснять и такіе случаи, представляющіеся нашему вниманію и относящіеся къ тому или другому изучаемому нами вопросу, которые дадутъ намъ лишь матеріаль для указанія того, какъ *не должны* поступать нашъ соборъ, если хочетъ оставаться на высотѣ своего призванія. Другими словами: мы станемъ 'также указывать, какъ долженъ поступать нашъ соборъ, устраняясь отъ тѣхъ ненормальностей, которыя были допущены прежними соборами.

Прежде всего нужно относить къ твердо установленнымъ фактамъ то, что на первомъ же всероссійскомъ соборѣ должно воспослѣдовать коренное законодательное переустройство Святѣйшаго Правительствующаго Синода нашей церкви. Синодъ этотъ, какъ извѣстно, учрежденъ при Петрѣ I, въ 1721 году, по уничтоженіи патріаршей власти въ нашей церкви, и съ тѣхъ поръ почти безъ всякихъ видоизмѣненій просуществовалъ въ теченіе около 200 лѣтъ. Такое предначертаніе реформы Синода слѣдуетъ искренне привѣтствовать. Синодъ давно уже нуждался въ серьезной реформѣ. И вотъ тотъ самый Синодъ, который въ продолженіе почти двухъ столѣтій уже своимъ именемъ наводилъ страхъ и трепеть на тѣхъ, кому приходилось прибѣгать къ его власти въ минуту жизни трудную или кому приходилось подвергаться его суду, въ настоящее время объявленъ официально учрежденіемъ, лишеннымъ каноническаго характера и потому подлежащимъ сломкѣ. Такой приговоръ произнесли о немъ, какъ въ некоторые

члены «предсоборнаго Присутствія», такъ и нѣкоторые архіереи въ своихъ «отзывахъ» по вопросу о неотложныхъ церковныхъ реформахъ ¹⁾. То, что мы привыкли считать высшимъ церковнымъ авторитетомъ, оказалось на дѣлѣ авторитетомъ не очень высокой пробы.

Обращаясь къ исторіи вселенскихъ соборовъ, мы находимъ, что и въ жизни константинопольской церкви V вѣка былъ подобный же случай, когда Сѹнодь этой церкви оказался не на высотѣ своей задачи, вслѣдствіе чего понадобилось урегулировать его дѣятельность. Но прежде всего, нужно дать понятіе о томъ, что такое былъ за Сѹнодь константинопольскій, о которомъ у насъ рѣчь? Съ тѣхъ поръ, какъ Константинополь сдѣлался столицею Римской имперіи и въ особенности съ того времени, какъ епископъ этого города на II вселенскомъ соборѣ получилъ нѣкоторыя личныя преимущества (но далеко, не патріаршія права), здѣсь возникаетъ сѹнодь (который назывался: *συνόδος ἐνδημοῦσα*, т.-е. мѣстный или домашній сѹнодь): онъ начинаетъ играть очень видную церковную роль, не имѣя для этого однакожъ никакого каноническаго основанія. Сѹнодь этотъ, какъ думаютъ, началъ дѣйствовать со времени Константинопольскаго епископа Нектарія, избраннаго въ это достоинство на II вселенскомъ соборѣ, слѣдовательно съ конца IV вѣка. Разсматриваемое учрежденіе явилось вслѣдствіе естественнаго хода церковныхъ дѣлъ. Дѣло происходило такимъ образомъ: съ указаннаго нами времени, многіе епископы стали стекаться въ столицу, частію по личнымъ дѣламъ, а частію для рѣшенія дѣлъ, возникавшихъ въ ихъ епархіяхъ. Съ своими просьбами въ подобныхъ случаяхъ они обращались къ императору, потому что не было установлено особаго формальнаго учрежденія для этого. Императоръ разбиралъ подобныя дѣла или самъ непосредственно, по согла-

1) Журналы предсоборнаго присутствія. *Церк. Вѣд.*, 1906, № 15, ст. 763. Отзѣвы архіереевъ, тамъ же, № 43, ст. 2840.

сію съ епископомъ Константинопольскимъ, или же поручалъ, что случалось чаще, разобрать ихъ тому же епископу въ Синодѣ, который должно было образовывать изъ случайно тогда находившихся въ столицѣ епископовъ. Съ другой стороны случалось, что и самъ столичный пред- стоятель собиралъ, находившихся въ Константинополь, своихъ собратій для обсужденія какихъ-либо церковныхъ дѣлъ. И малу-по малу, Константинопольскій Синодъ, подъ влияніемъ потребности и привычки, обращается въ постоянный трибуналъ для разбирательства дѣлъ сосѣднихъ іерарховъ, въ особенности высшаго ранга ¹⁾. Хиротонія сосѣднихъ митрополитовъ, вовсе не подчиненныхъ столичному предстоятелю, тоже почти сполна вошла въ составъ прерогативъ этого іерарха. Все шло довольно гладко, пока на Халкидонскомъ IV вселенскомъ соборѣ не обозначилось много тѣневыхъ сторонъ въ практикѣ этого столичнаго Синода. Оказалось, что Константинопольскій епископъ, чрезъ свой Синодъ, вмѣшивался въ дѣла, не имѣющія ни малѣйшаго отношенія къ столицѣ и подлежащія другой высокой церковной компетенціи. Оказалось также, что въ нѣкоторыхъ митрополіяхъ (наприм. Ефесской) паства такъ была недовольна лицами, получавшими рукоположеніе въ Константинополь, что она угрожала убійствомъ такому рукоположенному и даже городскимъ бунтомъ. Открылись наконецъ и очень некрасивыя стороны въ нравахъ предсѣдателя Синода (взятничество епископа Константинопольскаго Прокла и друг.). Но больше всего слышалось на Халкидонскомъ соборѣ возраженій противъ Константинопольскаго Синода, какъ учрежденія, не имѣвшаго правильной и законной организаціи, и въ особенности противъ права столичнаго іерарха поставлять и рукополагать митрополитовъ сосѣднихъ

¹⁾ Лебедевъ А. Духовенство древней вселенск. церкви, стр. 216. Мос. 1905.

областей ¹⁾). Въ виду этого вѣкоторыми членами собора вселенскаго поставленъ былъ ребромъ вопросъ: «слѣдуетъ ли именовать Сѹнодомъ случайное собраніе епископовъ, лишь временно проживающихъ въ Константинополѣ?» ²⁾ Епископы Константинопольскіе и до времени Халкидонскаго собора нерѣдко слышали жалобы на свое незаконное вмѣшательство; но они не хотѣли считать своихъ поступковъ вмѣшательствомъ, а называли это «честнымъ посредничествомъ» ³⁾. (Какъ это напоминаетъ извѣстнаго «честнаго маклера» — Бисмарка!). Что касается архіепископа Константинопольскаго Анатолія, засѣдавшаго на IV вселенскомъ соборѣ, то онъ не нашелся ничего сказать въ оправданіе Сѹнода, кромѣ того, что учрежденіе это явилось задолго до него, и что издавна такъ повелось, что епископы, проживающіе въ столицѣ, являясь въ Сѹнодѣ, рѣшали всякіе дѣла и «удостоивали отвѣта просителѣй» ⁴⁾.

Подъ вліяніемъ жалобъ, которыя громко раздавались на IV вселенскомъ соборѣ, волей-неволей пришлось озаботиться устраненіемъ тѣхъ недостатковъ, которые до сихъ поръ сопутствовали константинопольскому Сѹноду; это тѣмъ проще было сдѣлать, что на халкидонскомъ соборѣ константинопольскій представитель добылъ себѣ права патріарха надъ сосѣдними церковными областями, и такимъ образомъ обвиненіе его за вмѣшательство въ дѣла сосѣднихъ областей само собою должно было пасть; другими словами: нѣкоторыя злоупотребленія Сѹнода должны были прекратиться въ силу историческихъ обстоятельствъ. Затѣмъ совершились и другія перемѣны въ положеніи Сѹ-

¹⁾ Дѣянія вселен. соборовъ въ рус. пер. Т. IV, 41—42; 117—19; 168—9. Казань, 1878.

²⁾ Тамъ же, 41.

³⁾ Дѣянія всел. соб Тамъ же, стр. 132.

⁴⁾ Дѣянія вс. соб. Тамъ же, стр. 42.

нода. Сначала онъ получилъ законную форму, войдя въ разрядъ повременныхъ областныхъ соборовъ, требуемыхъ канонами, а потомъ мало-по-малу превратился въ обычный патріаршій Сѹнодъ, въ составъ котораго, въ известной очереди, входили митрополиты патріархата, нѣкоторые епископы этого послѣдняго по особому приглашенію патріарха, а также епископы, случайно находившіеся въ Константинополѣ. Самое малое число архіереевъ, необходимое для открытія засѣданій Сѹнода, считалось такое: патріархъ и три другихъ епископа. Однако-жъ, нельзя сказать, чтобы константинопольскій Сѹнодъ, получивъ указанное устройство, избавился отъ злоупотребленій. Нѣтъ, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше и больше сталъ обнаруживать злоупотребленій этотъ Сѹнодъ, которыхъ невозможно было предупредить никакими правилами. Главнымъ и вмѣстѣ общимъ недостаткомъ архіереевъ, принадлежавшихъ къ Византійской имперіи, было то, что они вопреки церковнымъ правиламъ, любили безъ нужды покидать свои епархіи и безъ дѣла подолгу жить въ Константинополѣ. Здѣсь они, по словамъ одного византійскаго историка, «проводили время въ предосудительной праздности и изъ всѣхъ силъ съ живѣйшею ревностію гонялись за благорасположеніемъ царя». Эти-то празднопребывающіе въ Константинополѣ архіереи и были источникомъ зла въ Сѹнодѣ: какъ лица, искавшія благосклонности царя, они часто въ угоду ему соглашались на сѹнодальныхъ совѣщаніяхъ издавать тѣкія опредѣленія, которыя не могли быть оправданы постановленіями церкви. Впрочемъ, какъ сейчасъ увидимъ, византійскіе императоры иногда, напротивъ, старались исправлять злоупотребленія сѹнодскихъ воротилъ. Тѣ же архіереи, находившіе выгоду праздно шататься въ Константинополѣ, производили, при посредствѣ Сѹнода, и другіе безпорядки; они интриговали противъ патріарховъ, если они являлись ревнителями церковныхъ законовъ, и всевозможнымъ

образомъ содѣйствовали ихъ низложенію ¹⁾). Но нужно сознаться, что и сами предсѣдатели Сѹнода, патріархи, часто далеко не были ангелами во плоти. Вотъ, наприм., что случилось въ правленіе византійскаго императора Исаака II Ангела, при патріархѣ Никитѣ. Этотъ патріархъ, по своеволію и личнымъ соображеніямъ, началъ созывать въ Сѹнодъ не всѣхъ, проживавшихъ въ Костантинополь и имѣвшихъ право присутствовать въ Сѹнодѣ, епископовъ, а только такихъ, какіе ему были угодны. Это, впрочемъ, ему не прошло даромъ. Такъ какъ оказалось, что такимъ незаконнымъ путемъ въ Сѹнодѣ избрано было нѣсколько лицъ въ епископы и даже получили хиротонію, то въ это дѣло вмѣшался самъ императоръ. Собранъ былъ Сѹнодъ подъ предсѣдательствомъ патріарха, въ присутствіи Исаака Ангела и епископовъ, произвольно устранившихся патріархомъ отъ сѹнодскихъ засѣданій. Результатъ этого засѣданія былъ поразителенъ. Конечно, по настоянію императора, здѣсь было опредѣлено, что «хиротонія и выборы только что назначенныхъ пяти архіереевъ, какъ совершенные антиканонически (не въ присутствіи всѣхъ членовъ Сѹнода), не имѣютъ никакой силы и должны признаваться какъ не бывшіе». Значить, эти архіереи низвергались съ каедръ и лишались даже сана. Открылись затѣмъ и другія злоупотребленія того же патріарха Никиты: посредствомъ раболѣпствующихъ членовъ Сѹнода онъ проводилъ въ архіереи лицъ, не имѣвшихъ на то права, именно лицъ женатыхъ (къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ: кто это были, — священники и діаконы, или міряне), жены которыхъ, несмотря на то, что ихъ мужья стали архіереями, проживали въ одномъ и томъ же городѣ съ этими послѣдними и ни въ чемъ не измѣняли своего образа жизни, одѣваясь по-мірскому, тогда какъ,

¹⁾ Проф. О. А. Курганова. Отношенія между церковною и гражданскою властію въ византійской имперіи, стр. 126. 131—2. Казань, 1880.

по канонамъ, онѣ обязаны, еще до хиротоніи своихъ мужей, принять монашество и оставаться навсегда въ женскомъ монастырѣ, находящемся далеко отъ архіерейскаго подворья ¹⁾). Живя по-мірскому, эти архіерейскія жены, какъ нужно думать, позволяли себѣ такія близкія отношенія къ своимъ мужьямъ, каковыхъ и никакіе каноны не предвидѣли... Да, какъ видимъ, всякіе бывали и предсѣдатели константинопольскаго Сѹнода: они брали на свою душу грѣхи еще бѣльшіе, чѣмъ нѣкоторые недостойные члены онаго.

Но обращаемся къ вопросу о нашемъ Сѹнодѣ. Мы сказали, что рѣшено въ корнѣ преобразовать его. Побужденія къ этому, насколько они извѣстны, можно представлять себѣ въ слѣдующемъ видѣ. До сѹнодальнаго управленія въ русской церкви дѣйствовало патріаршество. Съ его установленіемъ наша церковь стала автокефальною. Сѹнодъ же устроенъ такъ, что въ немъ не оказывается предсѣдателя; такимъ образомъ русская автокефальная церковь сдѣлалась какъ бы акефальною (изъ самоглавенствующей—безглавою). вмѣсто головы со стороны (т. е. по волѣ свѣтской власти) приставленъ къ тѣлу церкви глазъ, око государево (какъ оберъ - прокуроръ Сѹнода наименованъ въ одномъ указѣ Петра I-го). А оттого, что Сѹнодъ былъ акефальнымъ и произошло то, чего слѣдовало ожидать отъ безголоваго организма—что въ свѣтской литературѣ называли летаргіей, параличемъ церкви. Другимъ существеннымъ недостаткомъ существующаго Сѹнода служить то, что въ немъ нѣтъ правильнаго, каноническаго представительства отъ всей іерархіи русской церкви, а члены назначаются въ составъ его по усмотрѣнію свѣтскаго правительства. Вотъ тѣ недостатки, которые вызываютъ необходимость его реорганизации. Въ

¹⁾ Проф. И. И. Соколова. Церковная политика византійскаго императора Исаака II Ангела. *Христ. Чт.*, 1905, т. I, 339 — 340; 343—4.

частности первенствующій членъ Сѹнода (занимающій мѣсто предсѣдателя) не обладаетъ каноническими полномочіями. Единственное полномочіе его заключается развѣ въ томъ, что въ Сѹнодѣ ему принадлежитъ первое слово. Назначеніе времени и порядка занятій въ Сѹнодѣ не отъ него зависитъ. Онъ не знаетъ даже, о чемъ будутъ вестись разсужденія. Направленіе дѣлъ почти совсѣмъ не зависитъ отъ него ¹⁾. Всѣ эти прерогативы предсѣдателя перешли къ оберъ-прокурору. Въ виду сейчасъ указаннаго ненормальнаго состоянія нашего Сѹнода выражается непреклонное желаніе, чтобы святѣйшій Сѹнодъ былъ дѣйствительно собраніемъ епископовъ и чтобы онъ имѣлъ церковный характеръ. А для этого признается необходимымъ измѣнить самый способъ назначенія членовъ Сѹнода. Составъ членовъ Сѹнода долженъ быть точно определенъ, по соображенію съ церковными потребностями и огражденъ отъ всякихъ случайныхъ и произвольныхъ перемѣнъ. Находятъ, что несомнѣнно будетъ лучше, если члены Сѹнода будутъ частію постоянные, частію перемѣнные ²⁾. Не будемъ перечислять всѣхъ измѣненій въ положеніи Сѹнода, выраженныхъ въ видѣ пожеланій или точно проектированныхъ; для нашей задачи это не представляется необходимымъ ³⁾. Упомянемъ объ одномъ: во главѣ Сѹнода проектируется поставить патріарха всероссійской церкви, съ особыми высокими правами, ему принадлежащими, возстановить его приблизительно въ томъ родѣ, какъ были у насъ патріархи предъ учрежденіемъ Сѹнода ⁴⁾.

Такимъ образомъ, мы усматриваемъ, что есть значи-

¹⁾ Отзѣвы епархіал. архіереевъ. *Церк. В.* № 15, ст. 801.

²⁾ Журналы предсоборнаго присутствія. *Церк. Вѣд.*, 1906, № 21, ст. 1328, 1337, 1390.

³⁾ Журналы предсоборн. Присутствія. Тамъ же, № 29, ст. 2317 и далѣе.

⁴⁾ Тамъ же.

тельное сходство тѣхъ недостатковъ, которыми вызывается реорганизація нашего Сѹнода, съ тѣми недостатками, которыми опредѣлялось, послѣ халкидонскаго собора, реформированіе Сѹнода константинопольскаго; это сходство тѣмъ больше, что и теперь и тогда реорганизація Сѹнода совпадала со введеніемъ патріаршей власти. Во всякомъ случаѣ, реформу Сѹнода можно только привѣтствовать: она сдѣлаетъ честь предстоящему собору и доставитъ славу нашей церкви. Правда, переустройство константинопольскаго Сѹнода не избавило его отъ нѣкоторыхъ злоупотребленій въ послѣдствіи времени, но мы уповаемъ, что у насъ ничего подобнаго не воспослѣдуетъ...

Сейчасъ мы сказали, что проектируется, путемъ опредѣленія предстоящаго собора, одного изъ іерарховъ русской церкви возвести въ санъ патріарха, т. е. сдѣлать, правиломъ, чтобы митрополиты Санктпетербургскіе въ будущемъ носили титулъ этотъ и имѣли соединенную съ нимъ власть. Какъ смотрѣть на это имѣющее воспослѣдовать дѣйствіе? Нужно ли смотрѣть на него, какъ на простой шагъ, который долженъ возратить нашу церковь къ положенію, какое занимала она до учрежденія Сѹнода, когда во главѣ ея стоялъ патріархъ, или же это дѣйствіе должно разсматривать, какъ новый шагъ, ведущій къ созданію у насъ патріаршей власти? Короче сказать: какъ назвать это дѣйствіе—возстановленіемъ патріаршества или же учрежденіемъ его вновь? Сколько можемъ судить, почти всѣ, обладающія извѣстною компетентностію, лица смотрятъ въ настоящее время на возвышеніе нашего столичнаго іерарха въ рангъ патріарха, какъ на простое возстановленіе, нѣкогда бывшей у насъ, власти патріаршей, не входя ни въ какія сложныя разсужденія; напротивъ, другія лица, то же обладающія правомъ выражать свой голосъ по вопросу, смотрятъ на дѣло иначе: съ ихъ точки зрѣнія, предполагаемое въ проектѣ, организованіе патріаршества трудно признать возстановленіемъ прежде бывшаго института, для нихъ оче-

видно это — не возстановленіе, а созиданіе вновь. Въ доказательство своей мысли подобныя лица говорятъ: по проекту, патріархъ у насъ будетъ ограниченъ въ своей власти властію Синода (онъ не замѣняетъ Синода, какъ вѣкогда Синодъ замѣнилъ патріарха, а лишь поставляется во главѣ теперешняго высшаго церковнаго органа), тогда какъ въ XVII вѣкѣ русскіе патріархи были полновластными владыками и дѣйствовали единолично. Притомъ, патріархъ въ XVII вѣкѣ былъ іерархомъ московскимъ, по проекту же этотъ титулъ предполагается соединить съ с.-петербургскою кафедрою ¹⁾. Мнѣніе подобнаго рода высказывается, нужно прибавить, тѣми, кто оппозиціонно относится вообще къ введенію у насъ патріаршей власти. Мы однако находимъ эти соображенія справедливыми, хотя и не причисляемъ себя къ противникамъ введенія у насъ патріаршей власти. Поэтому, съ своей стороны мы хотимъ привести одно соображеніе, которое еще болѣе усилить приведенное мнѣніе. Должно знать, что новѣйшіе церковные историки стали скептически взирать на актъ водворенія у насъ патріаршества въ концѣ XVI вѣка. Такъ одинъ изъ такихъ историковъ официально выразилъ слѣдующія мысли: «учрежденіе патріаршества въ Россіи не было такимъ событіемъ, которымъ могла бы гордиться (?) наша церковь ²⁾. Есть много темнаго (точнѣе бы сказать: непригляднаго) въ этомъ событіи: имѣются прямыя указанія на то, что константинопольскій патріархъ Іеремія II, будучи въ Москвѣ, благословилъ утвержденіе патріаршества, только уступая *насилью, неволею*» (курсивъ принадлежитъ цитируемому нами автору) ³⁾. Зна-

¹⁾ Журналы предсоборн. присутствія Ц. В. № 29, ст. 2,305 (Мнѣніе О. Д. Самарина).

²⁾ „Церковь“ и „гордиться“ — неудачное выраженіе, особенно въ устахъ автора, образованнаго духовнаго лица.

³⁾ Журналы предсоборн. присутствія. № 22, стр. 1,487. (Мнѣніе проф. прот. И. О. Титова).

чить, говоря опредѣленнѣе, учрежденіе у насъ патріаршества произошло, такъ сказать, путемъ «захватнаго права», слѣдовательно было актомъ незаконнымъ. Теперь спрашивается: возстановленіе патріаршества, какъ такое, не будетъ ли лишь повтореніемъ прежняго беззаконнаго акта? Ибо никакое продолжительное время не въ состояніи превратить грѣха въ добродѣтель. Опять таки выходитъ, что слѣдуетъ не возстановлять патріаршество, а создать вновь. Мы не понимаемъ еще: какимъ образомъ нѣкогда учрежденное (пусть и незаконно) патріаршество Московское вдругъ можетъ превратиться въ Санктпетербургское? Невиданное и не слыханное дѣло! Патріархи александрійскіе, съ подчиненіемъ Египта магометанамъ и упадкомъ Александріи, вынуждены были перенести въ X вѣкѣ свою резиденцію въ новую столицу Египта—Каиръ, но каирскими себя не переименовали; Антиохійскіе патріархи съ давнихъ временъ (въ XIII в.) проживали и теперь проживаютъ въ Дамаскѣ, но дамасскими себя не называли и не называютъ. Патріархи не только создаются, но и кромѣ того получаютъ свои крещенныя имена по городамъ, для которыхъ они первоначально назначались. Для насъ вообще не совсѣмъ понятно, почему лица, призванные судить о церковныхъ реформахъ и такъ много и съ видимымъ наслажденіемъ распространяющіяся о неканоничности Синода, чуть обмолвились о незаконномъ происхожденіи нашего прежняго патріаршества (о чемъ мы замѣчали выше и будемъ говорить рѣшительнѣе потомъ). Ужъ не потому ли такъ вышло, что Синодъ погребается, а патріаршество напротивъ возрождается (живая собака лучше мертваго льва, говоритъ какая-то пословица)? Но нужно и къ завтрашнимъ покойникамъ относиться справедливѣе.

Мы уже заявили, что по нашему, какъ мы видѣли—не единоличному сужденію, нѣтъ твердыхъ основаній говорить о возстановленіи патріаршества, а скорѣе нужно говорить о созданіи русскаго патріаршества, если станемъ

мысленно представлять себѣ задачу, какую предложить разрѣшить предстоящему собору, когда на немъ дойдетъ очередь до разсмотрѣнія проекта о введеніи патріаршей власти въ Россіи.

Возникаетъ вопросъ: можетъ ли исторія вселенскихъ соборовъ дать какія-либо руководящія нити, какія-либо указанія, которыя оказались бы не бесполезными и для отцовъ и братіи предстоящаго собора, обязаннаго дать намъ, судя по существующимъ проектамъ, власть патріаршую. Извѣстно, что вселенскіе соборы создали двухъ патріарховъ вселенской церкви: константинопольскаго и іерусалимскаго (остальные патріархи создались раньше и притомъ непримѣтно). Что же представляетъ исторія этихъ двухъ патріарховъ, рассматриваемая при свѣтѣ данныхъ, сохранныхъ актами вселенскихъ соборовъ? Очень мало утѣшительнаго, но за то немало поучительнаго. Для краткости повѣствованія оставимъ въ сторонѣ патріархію іерусалимскую, и остановимъ наше вниманіе на константинопольской.

Возвеличеніе прежняго византійскаго епископа начинается съ образованіемъ изъ Византіи новой восточной столицы — Константинополя. На II вселенскомъ соборѣ епископъ столицы получилъ что-то довольно неопредѣленное: право подписываться на церковныхъ официальныхъ документахъ послѣ главнѣйшаго іерарха римскаго, а фактически большихъ правъ, повидимому, ему, при этомъ не дано. Все дѣло ограничилось «преимуществомъ чести» (пр. 3). Третій вселенскій соборъ не принесъ никакой выгоды константинопольскому епископу, да иначе и быть не могло. Здѣсь каедрa константинопольская не имѣла ходатая для себя. Епископомъ столичнымъ въ это время былъ Несторій, осужденный за ересь на этомъ самомъ соборѣ. А кромѣ самого Несторія рѣшительно не кому было хлопотать о привилегіяхъ константинопольской каедры на этомъ соборѣ. Другимъ іерархамъ здѣсь скорѣе было пріятно, что епископъ константинопольскій не могъ

сдѣлать ни одного шага въ интересахъ своей катедры. А на слѣдующемъ вселенскомъ соборѣ даже надругались надъ епископомъ столичнымъ. Я собственно при этомъ разумѣю вселенскій по идеѣ, но разбойничій на дѣлѣ, соборъ ефесскій (449 г.): на немъ іерарху константинопольскому, по волѣ Діоскора, архіепископа Александрійскаго, занявшаго на этомъ соборѣ первое мѣсто, указано было лишь пятое мѣсто, послѣ, невиднаго по своему іерархическому значенію, епископа іерусалимскаго. Но за то, черезъ два года, все измѣнилось. Говоримъ о IV вселенскомъ халкидонскомъ соборѣ. Іерархомъ восточной столицы былъ Анатолій, человекъ ловкій, стоявшій близко ко двору, да и соборъ-то происходилъ такъ сказать у него подъ окнами—въ Халкидонѣ, т.-е. на другомъ берегу Босфора. На соборѣ Анатолій игралъ видную роль, хотя роль декоративную онъ и уступалъ часто папскимъ легатамъ. Очень многое благопріятствовало Анатолію, и времени терять понапрасну никакъ не слѣдовало. Все это Анатоліемъ принято было въ расчетъ и правильно оценено. слѣдовало воспользоваться случаемъ для возведенія константинопольской катедры въ рангъ патриаршихъ. Все это конечно было хорошо; но всё таки рассчитывать на то, что предложеніе принято будетъ на соборѣ охотно и единодушно—отнюдь нельзя было. Поэтому Анатолій рѣшилъ дѣйствовать: быстротою и натискомъ. Соборныя засѣданія приходили къ концу, епископы, члены собора, видимо были утомлены продолжительностію собора, всѣмъ хотѣлось скорѣе домой, всѣ ждали только прогонныхъ и еуточныхъ. Всѣ направляли стопы свои на путь миренъ. При такомъ положеніи вещей, люди бываютъ настроены благодушно: согласятся и на то, что прежде, пожалуй, и вовсе отвергли бы. Этимъ расположеніемъ духа членовъ собора и рѣшилъ воспользоваться Анатолій. На 15-ое засѣданіе собора, повидимому, совсѣмъ неожиданно, внесены были для утвержденія нѣсколько «правилъ», и въ числѣ ихъ, чуть не на послѣднемъ мѣстѣ, находилось пра-

вило, провозглашавшее іерарха константинопольскаго патріархомъ и дававшее ему патріаршія права. Вотъ это любопытное правило:

«Престолу древняго Рима отцы прилично дали преимущества, потому что онъ былъ царствующій городъ. Слѣдуя тому же побужденію и 150 епископовъ (т.-е. отцы II вселен. собора) предоставили равныя преимущества престолу новаго Рима, справедливо разсудивъ, чтобы городъ, почтенный царскимъ правительствомъ и синглитомъ, и имѣющій одинаковыя преимущества съ древнимъ царственнымъ Римомъ, былъ возвеличенъ подобно ему и въ церковныхъ дѣлахъ, будучи вторымъ по немъ ¹⁾. И потому (всѣ) митрополиты Понтійскаго, Асійскаго (часть малой Азіи) и Фракійскаго округа и кромѣ того епископы у иноплеменниковъ вышеупомянутыхъ округовъ рукополагаются отъ престола константинопольской церкви. Митрополитовъ вышеупомянутыхъ округовъ должно рукополагать константинопольскому архіепископу (это каноническое названіе патріарха) послѣ того, какъ сдѣлано по обычаю согласное избраніе и представлено ему» (пр. 28).

Комментировать это правило не станемъ. Замѣтимъ одно: оно предоставляло обычныя въ то время патріаршія права архіепископу новой столицы, уравнивая его въ этомъ случаѣ съ первенствующимъ патріархомъ — римскимъ; «будучи возвеличенъ (второй Римъ, а съ нимъ, конечно, и его предстоятель), подобно древнему Риму, и въ церковныхъ дѣлахъ». По существу дѣла, правило это особенныхъ сомнѣній не возбуждаетъ. Само собою разумѣется, столичный архіерей въ тѣ времена не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ патріархомъ.

Но въ актѣ провозглашенія этого правила на соборѣ

¹⁾ Нужно сказать: указанное здѣсь толкованіе 3-го правила II всел. собора, толкованіе, сдѣланное членами халкидонскаго собора, было неправильно: *Лебедева А.* Духовенство древней церкви, стр. 221. М. 1905.

халкидонскомъ допущено было такъ много отступленій отъ законной нормы, что остается только сожалѣть объ этомъ. Начать съ того, что то «дѣяніе» собора, именно 15-ое, на которомъ утверждены были 30 «правиль», а въ томъ числѣ и знаменитое: 28, происходило, очевидно, незаконнымъ образомъ. Объ этомъ «дѣяніи» (а оно дошло до насъ въ сохранности, въ качествѣ одного изъ актовъ изъ протоколовъ указаннаго собора) мы не знаемъ: когда оно происходило, (въ какой день), гдѣ оно происходило, кто присутствовалъ на засѣданіи, какъ велось разсмотрѣніе правилъ. Вопреки закону и обычаю, обо всемъ этомъ ни словомъ не упомянуто въ записи 15-го «дѣянія». И такое умолчаніе сдѣлано не спроста. Дѣло всплыло по жалобѣ трехъ папскихъ легатовъ, представлявшихъ на этомъ соборѣ особу римскаго архіепископа, Льва I. Они потребовали отъ свѣтскаго правительства пересмотра соборнаго опредѣленія относительно константинопольской катедры, въ чемъ имъ не было отказано. Собралось послѣднее, 16-ое засѣданіе собора. На немъ открылось, какъ много неправильностей допущено было при провозглашеніи 28 правила. Прежде всего оказалось, что на предшествующемъ засѣданіи не присутствовали почему-то императорскіе сановники, которые находились однакожъ на всѣхъ прочихъ засѣданіяхъ халкидонскаго собора; папскіе легаты на него не были приглашены, такъ выходить, по крайней мѣрѣ, по ихъ словамъ; мѣстомъ засѣданія почему-то была зала дикастеріи (т.-е. консисторіи), тогда какъ всѣ другія засѣданія собора происходили въ храмѣ мученицы Евѣиміи. Все это подозрительно. Кромѣ того, нужно сказать, что и вообще моментъ для утвержденія правила о возвышеніи Константинопольской катедры былъ выбранъ съ расчетомъ. Главнаго митрополита (экзарха) Оракіи и такого же митрополита Асіи (двухъ областей, верховная власть надъ которыми отъ указанныхъ іерарховъ переходила теперь къ Константинополю) на 15-мъ засѣданіи не было: перваго потому, что онъ

совсѣмъ не присутствовали на соборѣ Халкидонскомъ, а второго потому, что онъ въ теченіе этого послѣдняго былъ низложенъ. Главный митрополитъ (экзархъ) третьей области Понтійской, по правилу 28-му подчиняемой верховенству Константинопольскаго архіепископа, какъ оказывается, своевременно заявилъ протестъ противъ разбираемаго нами опредѣленія и въ знакъ этого не подписался подъ нимъ. Повидимому, заявлялъ на 15-мъ засѣданіи такого-же рода протестъ второстепенный митрополитъ города Анкиры. Открылось на послѣднемъ засѣданіи странное противорѣчіе въ показаніяхъ пацскихъ легатовъ и одного виднаго члена собора, епископа Евсевія Дорилейскаго; первые утверждали, что папа отнюдь не разрѣшилъ имъ соглашаться на возвышеніе Константинопольской кathedры, чего и раньше власти искали подъ предлогомъ, что Константинополь сдѣлался столицею вмѣсто Рима; а Евсевій напротивъ увѣрялъ, что самъ онъ читалъ 28 правило святѣйшему папѣ въ Римѣ, въ присутствіи Константинопольскихъ клириковъ, и что Левъ принялъ оное (?). Летапы подтверждали свои слова, принесенною отъ папы, хартіею, а Евсевій ничѣмъ не подтверждалъ своего свидѣтельства, да и оно не можетъ заслуживать никакого довѣрія: папа Левъ I открыто протестовалъ противъ 28 правила, тотчасъ же послѣ Халкидонскаго собора. Какъ всегда, въ подобныхъ случаяхъ, въ этомъ послѣднемъ засѣданіи, при томъ возбужденномъ состояніи, въ которомъ находились члены собора, началось то, что въ наше время называется публичнымъ мытьемъ грязнаго бѣлья. Начались упреки во взяточничествѣ. Епископъ Анкирскій заявлялъ, что нѣтъ житья отъ вымогательства константинопольскихъ іерарховъ, когда у нихъ приходилось брать рукоположеніе въ епископа; упоминались огромныя суммы денегъ; затрогивалась честь уже скончавшихся архіепископовъ Константинопольскихъ, наприм., Прокла: хиротонія отъ него, въ виду траты большихъ суммъ при этомъ, именовалась «несчастьемъ». Одинъ изъ

константинопольскихъ пресвитеровъ, присутствовавшихъ на данномъ засѣданіи, желая обѣлить своихъ духовныхъ владыкъ, говорилъ: «это уничтожено законами (?); алтари (теперь) чисты». Неизвѣстно, какое впечатлѣніе производило это увѣреніе. Во всякомъ случаѣ общая картина получалась самая некрасивая. Легаты не разъ замѣчали, что возвышеніе Константинопольскаго архіепископа произошло «не по канонамъ», «вопреки правиламъ». Соборные нотаріи (секретари) напротивъ старались выкрикивать, что «дѣяніе» (15-ое) «не производилось тайкомъ», «не какимъ нибудь воровскимъ образомъ» ¹⁾. Нельзя умалчивать, что отъ чтенія тѣхъ страницъ «Дѣяній вселенскихъ соборовъ», на которыхъ изображены обстоятельства возвышенія константинопольскаго іерарха въ достоинство патріаршее, не выносишь пріятнаго впечатлѣнія. Дѣло происходило не такъ, какъ слѣдовало-бы. Какъ бы то ни было 28 правило никакимъ измѣненіямъ не подвергалось.

Кстати, такъ сказать по ассоціаціи идей, припомнимъ, что и учрежденіе патріаршества въ Россіи происходило при обстоятельствахъ очень странныхъ, какъ это видно изъ одной замѣтки, какую мы привели по этому поводу выше, и какъ это еще виднѣе станетъ изъ краткаго обзора содержанія историческихъ документовъ, сохранившихъ память о разбираемомъ событіи. Какъ будто какой несчастный рокъ тяготѣетъ на исторіи патріаршества! Патріаршество у насъ учреждено въ 1589 г., въ царствованіе Θεодора Ивановича, при умѣломъ содѣйствіи Бориса Годунова. Посвящалъ перваго патріарха Іова константинопольскій патріархъ Іеремія II, случайно прибывшій въ Москву съ обычною цѣлью—для сбора милостыни. Какъ происходило дѣло съ учрежденіемъ Московскаго патріаршества, объ этомъ получаемъ интересныя свѣдѣнія отъ очевидца событій греческаго (Монемвасійскаго) митрополита Іероея, спутника патріарха Іере-

¹⁾ Дѣян. всел. соборовъ. Т. IV, стр. 159—170.

ми въ его путешествіи по Россіи. Оказывается, что когда задумали на Москвѣ учредить въ русской церкви патріаршество, то косвенными намеками давали знать Іереміи, что желали бы имѣть именно его московскимъ патріархомъ. Но это желаніе было едвали искреннее, а скорѣе притворное: думали, что Іеремія откажется отъ этого предложенія, и что тогда можно будетъ упросить его дать, вмѣсто себя, другого патріарха для «Россіи». Къ огорченію Московскихъ властей, Іеремія выражалъ охоту остаться въ Москвѣ, но это не входило въ планы указанныхъ властей. Поэтому, ему стали внушать, что патріархъ у насъ можетъ жить только въ древнемъ городѣ Владимирѣ, и при этомъ же стращали пришельца, говоря, что хотя это и старинный городъ, но хуже даже Кукуза (А Кукузъ былъ мѣстомъ заточенія Златоуста). Когда эти застращиванія возымѣли свою силу, и Іеремія не пожелалъ русскаго патріаршества, то власти напрямикъ обратились къ нему съ требованіемъ: «воля царя такова, чтобы ты устроилъ намъ патріархію». Іеремія началъ было сопротивляться, но «наконецъ, хотя и не по доброй волѣ, онъ рукоположилъ патріарха для Россіи». Затѣмъ, по волѣ правительства, составлена была «великая и длинная пергаменная грамота, написанная болгарскими (т.-е., конечно, славянскими) письменами» (добавимъ, значить, на непонятномъ для Іереміи языкѣ): здѣсь описывается актъ учрежденія патріаршества въ Россіи. Константинопольскій патріархъ долженъ былъ утвердить своимъ подписомъ эту, для него невразумительную, грамоту. Что касается греческаго спутника Іереміина, митрополита Іероея, то онъ началъ упорно отказываться отъ подписи подъ актомъ. Онъ возражалъ: «что эта за грамота, предлагаемая для подписи? Слѣдовало бы написать ее по гречески, а не по русски, и слѣдовало бы напередъ предложить ее выслушать». Этотъ митрополитъ долго сопротивлялся; по его словамъ, онъ «былъ даже въ опасности, что его бросятъ въ Москву-

рѣку». Но наконецъ дѣло уладилось, Іероѳеѣй подписался, ¹⁾ да и играть съ огнемъ было не безопасно; разумѣется, не остались безъ вліянія и подарки, за которыми собственно и пріѣхали греческіе гости. Итакъ выходитъ, какъ пишетъ русскій церковной историкъ, проф. П. Θ. Николаевскій, «Іеремія поставилъ въ Россіи патріарха на свой страхъ, одинъ — безъ письменнаго согласія восточныхъ патріарховъ, вопреки своему личному желанію, единственно по настоянію Московскаго правительства» ²⁾. Русскіе документы съ своей стороны ясно показываютъ, что дѣло велось нечисто. Для утвержденія учреждаемаго патріаршества нуженъ былъ соборъ въ Москвѣ, и вотъ для этой цѣли держали наготовѣ, но въ тайнѣ отъ Іереміи, нѣсколько представителей высшаго русскаго духовенства; эти представители (а ихъ было очень немного, не болѣе 10) съ прочимъ немногочисленнымъ чернымъ духовенствомъ и успѣшили составить соборъ, лишь только Іеремія согласился поставить патріарха для Россіи. Любопытно, что никого изъ греческихъ архіеревъ и ихъ спутниковъ на соборъ не пригласили: и патріархъ Константинопольскій на немъ не присутствовалъ. Далѣе: русская самонительность того времени ³⁾ нашла не торжественнымъ тотъ чинъ поставленія въ патріархи, какой употреблялся Греками, и царь приказалъ своему дьяку Андрею Щел-

¹⁾ Митр. Іероѳеѣй кратко изобразилъ исторію учрежденія патріаршества въ Россіи въ своей книгѣ: Βιβλίον ἱστορικόν. Нужно сказать, что въ оригиналѣ писатель книги названъ: Дороееємъ, но это типографская опечатка, допущенная венеціанскою типографіею, при первомъ изданіи ея (А. Лебедева. Исторія Греко-восточной церкви, стр. 43. Серг. Пос., 1896). Нужный намъ отрывокъ изъ исторіи Іероѳеѣя въ точномъ русск. переводѣ находимъ у проф. Ф. А. Терновскаго: Изученіе визант. исторіи въ древней Руси. Вып. II, 71—73. Кіев., 1876.

²⁾ Проф. Николаевскаго. Сношенія русскихъ съ Востокомъ о іерархич. степеняхъ моск. патріарха. „Христ. Чит.“. 1880, т. I, 129.

³⁾ По паденіи Константинополя, этого новаго Рима, русскіе говорили, что Москва есть *третій Римъ*, а четвертаго—де не бывать.

калову сочинить новый чинъ, выкроивъ его изъ греческаго и русскаго—русскаго, какой примѣнялся въ Россіи при возведеніи на каѳедру нашихъ митрополитовъ. Интересно отмѣтить, что требуемый чинъ сочиняется канцелярскимъ путемъ, мірскимъ человѣкомъ ¹⁾. Тѣмъ же Щелкаловымъ, повидимому, сочинена и «уложенная грамота» о учрежденіи патріаршества, назначавшаяся для подписи и подписанная учредителями этого послѣдняго, сочинена послѣ собора и не составляетъ подлиннаго протокола соборнаго дѣянія, на которомъ совершилось великое историческое дѣло. Кромѣ того грамота эта не чужда прямой лжи. Такъ въ ней говорится, что поставленіе патріарха на Москвѣ, произошло по совѣту «со всѣмъ освященнымъ соборомъ великаго російскаго и греческаго царствія» и согласно съ «избраніемъ» (Іова) самимъ Іереміею цареградскимъ и прочими вселенскими патріархами—Александрійскимъ, Антиохійскимъ и Іерусалимскимъ и всѣмъ соборомъ греческимъ,—чего, какъ извѣстно, на самомъ дѣлѣ не было. Далѣе, этою грамотою въ уста патріарха Іереміи влагаются слѣдующія слова: «такъ какъ ветхій Римъ палъ отъ Аполлинаріевой (?) ереси, а второй Римъ, Константинополь, находится въ обладаніи безбожныхъ турокъ, то твое, благочестивый царь, великое російское царство, третій Римъ, превзошло благочестіемъ всѣ прежнія царства, и всѣ благочестивыя царства соединились въ одно твое царство». Само собою понятно, такой грубой лести выразить Іеремія не могъ, да и мысль, въ этихъ словахъ выраженная, чисто московскаго издѣлія. Грамота кончалась надменнымъ замѣчаніемъ, что соборное опредѣленіе о русскомъ патріарствѣ останется непреложнымъ во вѣки ²⁾, что однакожь не исполнилось.

¹⁾ Проф. П. Θ. Николаевскаго. Учрежденіе патріаршества въ Россіи. „Христ. Чт.“, 1879, т. II, 555. 558.

²⁾ Проф. Николаевскаго. Сношенія русскихъ съ Востокомъ и т. д. „Христ. Чт.“, 1880, т. I, стр. 129—132.

Мы изложили нѣкоторыя свѣдѣнія о происхожденіи патріаршества константинопольскаго, на основаніи дѣяній вселенскаго собора, и коснулись исторіи учрежденія патріаршества на Москвѣ. Нельзя таить того, что эти дѣйствія возбуждаютъ горькія чувства и тревожатъ совѣсть историка. Желательно, что бы, при предстоящемъ у насъ введеніи патріаршей власти, канонъ, истина и справедливость не потерпѣли ни малѣйшаго ущерба, и чтобы исторія вписала на своихъ страницахъ это дѣяніе, изобразивъ его, какъ отрадное событіе въ полномъ смыслѣ этого слова. А исторія учрежденія русскаго патріаршества отчасти разсказана нами съ тѣмъ, чтобы настаивать на мысли о новомъ созданіи у насъ патріаршаго института ¹⁾, а не считать его возстановленіемъ прежняго, учрежденнаго не по правиламъ церковнымъ, и даже не по правиламъ простой человѣческой порядочности.

Проектъ о введеніи у насъ патріаршества встрѣченъ громкимъ протестомъ немалаго числа духовныхъ писателей, такъ называемыхъ церковныхъ «кадетовъ». Они слышать не хотятъ о немъ ²⁾. Но мы лично желаемъ патріаршества на Руси ³⁾ и питаемъ увѣренность, что такъ и будетъ (Іоан. 10, 16).

Отъ разсужденій о патріаршествѣ очень естественно перейти къ разсмотрѣнію идеи объ автокефальномъ упра-

¹⁾ Для этого нѣтъ никакой необходимости заводить сношенія съ восточными патріархами: можно отлично обойтись безъ нихъ. Въ XVI вѣкѣ русскіе по высокоумію хотѣли поставить у себя патріарха съ значеніемъ „вселенскаго патріарха“; но ничего такого намъ не надобно. Русскіе должны имѣть просто всероссійскаго патріарха, а такого они всегда могутъ поставить себѣ съ разрѣшенія нашего Государя и благословенія нашего собора.

²⁾ Кажется, главнымъ основаніемъ протеста служить то, что послѣдній слогъ въ словѣ: патріархъ составляетъ: „архъ“, а вѣдь это напоминаетъ церковнымъ кадетамъ о невыносимомъ для нихъ „деспотизмѣ“.

³⁾ Почему такъ, объ этомъ мы думаемъ сказать при другомъ случаѣ и въ другомъ мѣстѣ.

вленіи извѣстныхъ областей церковныхъ. Къ этому уполномочиваетъ насъ и патріархъ Іеремія II, который сначала отказывалъ русскимъ властямъ въ учрежденіи патріаршества, но соглашался дать автокефалію русской церкви, т.-е. полную іерархическую независимость отъ ея матерней церкви—константинопольской³⁾. Понятіе объ автокефаліи могутъ давать и грузинскій «католикосатъ» прежнихъ вѣковъ (до соединенія Грузіи съ Россіей), и устройство управленія греческой церкви на о. Кипрѣ. Автокефалія на Кипрѣ удержалась до нашего времени. Требования автокефаліи или, какъ другіе выражаются, автономіи церковной по отношенію къ такимъ мѣстностямъ, какъ Малороссія, Литва, Сибирь слышутся въ компетентныхъ сферахъ текущаго времени очень рѣдко и выражаются не рѣшительно. Иное дѣло—Грузія. Грузины кричатъ, чтобъ имъ дали автокефалію. Грузинскій архіерей, Леонидъ, епископъ Имеретіи, пишетъ: «что касается православной грузинской церкви, то по отношенію къ ней можетъ быть рѣчь не объ автономномъ митрополичьемъ управленіи, а лишь о возстановленіи католикосата (автокефаліи) во всемъ его объемѣ, цѣлости и чистотѣ»⁴⁾. Въ виду такихъ ясно выраженныхъ стремленій грузинскаго высшаго духовенства возстановить у себя автокефалію, по отношенію къ русскому государству только объ этой автокефаліи и поведемъ рѣчь. На какомъ основаніи грузинскіе церковные ревнители требуютъ этого? Конечно, прежде всего на томъ, что, назадъ тому сто лѣтъ, у нихъ была автокефалія; но на это можно сказать, что съ присоединеніемъ Грузіи къ Россіи, а церкви первой къ церкви второй, автокефалія кончилась, ибо въ одномъ православномъ царствѣ не можетъ быть двухъ православныхъ церквей. Это, кажется, сознаютъ и сами грузинскіе церков-

³⁾ Указываемое мнѣніе Іереміи отмѣчено Іерооосемъ. См. въ книгѣ Терновскаго, въ прежде цитированномъ мѣстѣ.

⁴⁾ Отзвы архіереевъ. *Церк. Вѣд.*, № 43, ст. 2837.

ные ревнители. Поэтому, они сосредоточили все свое вниманіе на одной греческой церкви, которая и въ византійскія времена ни къ какому патріархату не принадлежала, а управлялась автокефально, хотя по своимъ вѣрованіямъ и устройству ничѣмъ не отличалась отъ господствующей церкви византійскаго государства. Разумѣемъ церковь кипрскую. Этотъ примѣръ представляется грузинскимъ церковнымъ писателямъ въ высшей степени поучительнымъ для нихъ: они хотятъ поставить свою церковь въ аналогическія отношенія къ нашей церкви и къ ея высшему духовному правительству. Особенно большую увѣренность въ этомъ случаѣ даетъ имъ то обстоятельство, что кипрская автокефалія, по ихъ мнѣнію, ограждена отъ всякихъ посягательствъ на нее въ будущемъ—самымъ авторитетнымъ церковнымъ голосомъ, голосомъ третьяго вселенскаго собора. Грузинскіе ревнители своихъ церковныхъ правъ рассказываютъ на основаніи актовъ III вселенскаго собора, историческій фактъ касательно того, какъ на этомъ соборѣ кипрскіе епископы жаловались на то, что тогдашній антиохійскій архіепископъ хотѣлъ отнять автокефалію, право самостоятельно избирать и посвящать перваго епископа (митрополита) на островѣ Кипрѣ, автокефалію будто бы принадлежащую кипрской церкви со временъ апостольскихъ, и какъ соборъ, уваживъ жалобы этихъ епископовъ, утвердилъ за кипрскою церковію ея прежнія права—пребывать независимо отъ архіепископа антиохійскаго. А рассказавъ объ этомъ, покрывшемся пылію, фактѣ, эти ревнители съ подогрѣтымъ паѳосомъ зываютъ: «Святой (?) гнѣвъ отцовъ собора противъ незаконныхъ притязаній (антиохійскаго) патріарха былъ столь великъ (!), что соборъ обязалъ митрополитовъ (вовсе не обязывалъ, а предоставилъ право, замѣтимъ въ скобкахъ), взявъ копіи съ настоящаго постановленія, руководствоваться послѣднимъ на будущее время въ дѣлѣ огражденія отъ незаконнаго вмѣшательства патріарховъ (пр. 8). Мало того: опасаясь притязаній патріарховъ, соборъ по-

становиль считать недѣйствительными всякія несогласныя съ этимъ постановленію, какія могутъ быть предложены на будущихъ соборахъ» (?!) ¹). Вотъ, самый сильный аргументъ, извлекаемый изъ дѣяній III всел. собора и обращаемый грузинскими автокефалистами въ пользу искомыхъ преимуществъ для своей церкви. Что сказать объ этомъ доказательствѣ? Оно очень слабо. Ревнителю не ясно представляютъ себѣ то дѣло о кипрской церкви, которое разсматривалось на указанномъ соборѣ. Прежде всего притязаніе антиохійскаго архіепископа подчинить своей власти перваго епископа или митрополита кипрской церкви основывалось вовсе не на стремленіи его къ самоволію, не на стремленіи его вопреки закону вмѣшиваться въ дѣла чужихъ церквей, а на томъ, что въ то время Кипръ вмѣстѣ съ другими четырьмя проконсульскими областями (Сирію, Палестиною, Финикію и Киликію) въ административномъ отношеніи подчиненъ былъ проконсулу Антиохіи, бывшей главнымъ городомъ «Востока» ²). А нужно сказать, что въ тѣ времена церковныя области, по своему объему, выкраивались по образцу областей гражданскаго управленія, почему старались о томъ, чтобы тѣ и другія области, для удобства въ управленіи, совпадали въ отношеніи своихъ границъ. Отъ этого ви-

¹) Послѣдняя мысль грузинскихъ церковныхъ ревнителю есть прямое искаженіе мысли оригинала: въ послѣднемъ ни о какихъ соборахъ не говорится, уже по той уважительной причинѣ, что всякое правило одного вселенскаго собора могло быть отмѣнено послѣдующимъ. Третій всел. соборъ въ концѣ 8 правила говорить о томъ, что если «кто представитъ постановленіе, противное настоящему опредѣленію, то первое будетъ недѣйствительно». Это значить только то, что если свѣтское правительство и усилившійся тогда кон.-польскій синодъ ограничатъ или отмѣнятъ опредѣленіе, составленное на этомъ соборѣ, то эти новыя постановленія не имѣютъ силы. Слич. отзывы архіереевъ. „Церк. Вѣд.“ 1906, № 43, ст. 2838.—Сейчасъ выскажанаю нами мысль подтверждаетъ и Вольтсамоу въ толкованіи на эіс 8 правило.

²) Епископа Арсенія. Лѣтопись церковныхъ и гражданскихъ событій, стр. 170. Спб. 1899.

димъ, что о подчиненіи Кипра Антиохіи въ церковномъ отношеніи заботился не столько архіепископъ, сколько «знаменитѣйшій проконсулъ» Востока—антиохійскій, какъ это ясно видно изъ актовъ III-го же всел. собора. И мы увѣрены, что вмѣшательство свѣтской власти антиохійской въ дѣла Кипра, въ интересахъ антиохійской архіепископіи, имѣло бы полный успѣхъ, если бы не выбрана была минута очень благопріятная для Кипра и очень неблагопріятная для Антиохіи. Дѣло все въ томъ, что III-й всел. соборъ низложилъ Іоанна, архіепископа антиохійскаго и подвергъ его отлученію отъ церкви. При такихъ обстоятельствахъ все, что ни предпринималось бы, при посредствѣ собора, вопреки интересамъ этого архіепископа, должно было имѣть благопріятный исходъ. Такъ это и было. Значить, побѣда Кипра надъ Антиохіею есть историческая случайность. Самое опредѣленіе III го всел. собора касательно кипрской церкви само по себѣ также возбуждаетъ не мало недоразумѣній. Прежде всего, никакихъ доказательствъ въ пользу своей автокефаліи епископы кипрскіе не представили; правда, они говорили, что такъ было со временъ апостольскихъ (но во времена апостоловъ всѣ церкви были автокефальны); говорили, что у нихъ всѣ митрополиты за послѣднее время ставились мѣстнымъ соборомъ, а не антиохійскимъ іерархомъ; но никакихъ документовъ или постороннихъ свидѣтелей они не предъявляли, да этого отъ нихъ настойчиво соборъ и не требовалъ. Не вызвано было ни одного свидѣтеля со стороны антиохійскаго архіепископа, который хоть сколько-нибудь разъяснилъ бы, на чемъ покоются требованія этой послѣдней по отношенію къ кипрской церкви. Правда, епископы кипрскіе говорили, что будто проконсулъ Востока (т. е. Антиохіи) дѣйствовалъ во вредъ кипрской церкви, по наущенію архіепископа и клира антиохійскихъ, но доказательствъ на это нѣтъ никакихъ. Невѣроятно, чтобы такой важный сановникъ, какъ «именитѣйшій и славнѣйшій проконсулъ» Востока былъ игрушкою въ ру-

гахъ антиохійской архіепископіи. Да и опредѣленіе III-го всел. собора относительно кипрской церкви въ извѣстномъ смыслѣ неправильно. Оно опирается на 6 правило никейскаго собора, но въ немъ говорится о патріархахъ и болѣе извѣстныхъ главныхъ епископахъ церковныхъ областей (экзархахъ). Правда, въ этомъ правилѣ есть такая фраза: «въ антиохійскомъ и другихъ округахъ (по болѣе точному пониманію, т.-е. въ экзархатахъ) да соблюдаются преимущества, принадлежащія извѣстнымъ церквамъ». Но едвали есть возможность прилагать это правило, въ этой его части, къ ничтожному о. Кипру. Соборъ III й вселенскій опирается на это правило, за неимѣніемъ ничего лучшаго ¹⁾). Разсматриваемое опредѣленіе III-го всел. собора отвѣчаетъ на вопросъ, который предложенъ былъ на немъ кипрскими епископами: имѣть ли право антиохійскій іерархъ поставлять перваго епископа, или митрополита (въ кипрскомъ городѣ Константиі), — отвѣчаетъ такъ: не имѣть, и въ доказательство раскрываетъ не идущую къ дѣлу теорію митрополичьяго управленія церковію того времени. Все опредѣленіе ²⁾), по своей спутанности не можетъ слу-

¹⁾ 6 правило никейское до очевидности разъяснено во 2 пр. II вселенскаго собора, но III всел. соборъ не принималъ ни правилъ, ни даже символа вѣры этого послѣдняго, признавая тѣ и этотъ за искаженіе и измѣненіе опредѣленій никейскихъ. Это одинъ изъ тезисовъ моей диссертации: „Вселенскіе соборы IV и V вѣк.“

²⁾ Опредѣленіе это едва ли относится къ числу правилъ (каноновъ) III всел. собора. Знаменитый канонистъ Гефеле и переводчики „дѣяній“ III всел. собора не причисляютъ этого опредѣленія къ числу Ефесскихъ правилъ. Все это опредѣленіе, по нашему мнѣнію, косвенно, но мѣтко направлено противъ константинопольскихъ архіепископовъ, которые постепенно начали подчинять себѣ сосѣднія митрополіи. Этому не могли выносить александрійскіе архіепископы, всегда подставлявшіе ногу константинопольскимъ. Примѣры: Оеуфилъ и Златоустъ, Кириллъ и Несторій, Діоскоръ и Флавіанъ. Всѣ трое: Златоустъ, Несторій и Флавіанъ окончили жизнь въ ссылке, при содѣйствіи александрійскихъ архіепископовъ.

жить ни для какой автокефаліи позднѣйшаго времени ¹⁾).

Любопытно будетъ узнать, чѣмъ заявила себя въ исторіи кипрская автокефалія, какими такими плодами ознаменовала себя. До VII вѣка она существовала безъ перемѣнъ, но въ это время съ ней произошла странная метаморфоза. Императоръ Юстиніанъ II, ничѣмъ не славный въ исторіи, ²⁾вздумалъ, однакожъ, соперничать съ Константиномъ Великимъ, въ честь своего имени наименовалъ какой-то городъ въ Гелеспонтѣ Новымъ Юстиніанополемъ, какъ Константинъ переименовалъ Византію ³⁾Θρακίησκιυ Констининополемъ. Мало того: онъ перевелъ въ этотъ Юстиніанополь всю автокефальную кипрскую церковь съ ея архіепископомъ Іоанномъ и съ его богохранимою паствою. Побужденіемъ къ такой эмиграціи было то, что Кипръ былъ завоеванъ варварами. Новой Юстиніанопольской церкви даны были права патріархіи константинопольской (Трульск. собора, пр. 39) или по крайней мѣрѣ автокефальной архіепископіи Константиійской (въ Кипрѣ) ⁴⁾ Юстиніанополь находился ⁵⁾ въ Гелеспонтѣ, въ Малой Азіи: мѣстный митрополитъ Кизическій долженъ былъ смиренно склонить свою голову предъ счастливымъ соперникомъ. Такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что съ такой метаморфозой Кипрская автокефалія лопнула, какъ мыльный пузырь. Кипрская автокефалія превра-

¹⁾ Все кипрское дѣло см. въ „Дѣян. вс. собора“. т. II, стр. 5—14. Казань, 1861.

²⁾ Hefele. Conciliengeschichte B. III, 336. Freib., 1877.

³⁾ Мы говоримъ: „Юстиніанополь находился“... но толкователи церковныхъ правилъ Аристинъ и Вальсамопъ увѣряютъ, что Юстиніанополя и не существовало на свѣтѣ. Они увѣряютъ, что этимъ именемъ Юстиніанъ называлъ: или островъ Кипръ (?) или Кипрскую церковь (?). По ихъ словамъ выходитъ, что существовалъ только воображаемый городъ: Новый Юстиніанополь! (см. ихъ толкованія на 39 пр. Трул. собора). Но если такъ, то только фантазія сумасбродныхъ византійскихъ императоровъ могла выдумать такую нелѣпицу.

тилась въ акефалию (безголовье). Недолго, повидимому, просуществовала и затѣя Юстиніана, Гелеспонтская автокефальная церковь. Но на этомъ не кончается Кипрская авантюра. На этомъ островѣ опять появляется автокефалія, которой полагають конецъ крестовые походы въ XIII вѣкѣ. Латиняне завладѣвають островомъ и оставляють для грековъ лишь 4-хъ епископовъ, а архіепископію закрываютъ. Греческіе епископы здѣсь чуть ли не олатинились. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ латинскихъ притѣсненій было то, что греческое духовенство и монашество бѣжало съ острова на материкъ. Вообще бѣдственное положеніе греческой церкви на о. продолжалось 300 лѣтъ. Въ концѣ XVI вѣка Кипръ былъ завоеванъ турками. Они оказались большими благодѣтелями Кипрской церкви. Султанъ, по просьбѣ Кипрскаго клира, возстановилъ автокефальное устройство мѣстной церкви. Всякіе были автокефалии у кипріотовъ; недостовало только магометанской: увидѣли они и таковую ¹⁾). Но не на благо послужила эта турецкая автокефалія. Кипрская церковь раздѣлилась на партіи, враждебныя другъ другу; стремленіе константинопольской патріархіи послужить дѣлу умиротворенія ни къ чему не служило: ея власть на островѣ и въ грошъ не ставили. Вотъ самое послѣднее извѣстіе о положеніи церковныхъ дѣлъ на Кипрѣ. Кипрская церковь и въ 1905 г. оставалась безъ своего предстоятеля и представителя синода — архіепископа, такъ какъ попрежнему существуетъ раздоръ между двумя партіями, каждая изъ которыхъ желаетъ избрать на архіепископскую (т. е. главную) кафедру своего кандидата. Не замѣщена и вакантная уже шесть лѣтъ митрополичья кафедра въ Пафѣ. Неустройствомъ церковныхъ дѣлъ въ Кипрѣ пользуются въ интересахъ пропаганды католики

¹⁾ Еписк. Арсенія. Лѣтопись, стр. 259—60; 444; 448—9; 458; 465; 502.

и протестанты ¹⁾). Вотъ идеаль автокефаліи для грузинскихъ церковныхъ ревнителей! ²⁾)

Итакъ, если предстоящій нашъ соборъ поставитъ вопросъ объ автокефаліяхъ у насъ, то онъ не долженъ оставлять безъ вниманія какъ того, что ефесское опредѣленіе по этому предмету имѣетъ ограничительный смыслъ, такъ и того, что знаменитая Кипрская автокефалія имѣетъ скорѣе отрицательное, чѣмъ положительное значеніе, при рѣшеніи общаго вопроса.

Отъ вопроса объ автокефаліи обратимся къ обычной формѣ церковнаго управленія—епископской. Въ предсоборныхъ матеріалахъ очень много говорится объ этой формѣ. Но намъ не приходится долго останавливаться на ней, потому что ко времени вселенскихъ соборовъ она настолько опредѣлилась, что этимъ соборамъ болѣе нечего было дѣлать съ нею. Остановимся лишь на вопросѣ объ избраніи епископовъ и низложеніи или увольненіи ихъ въ отставку. По этимъ сторонамъ епископата въ дѣяніяхъ вселенскихъ соборовъ можно находить немногія, правда, но цѣнныя указанія. Теперь для насъ вопросъ рѣшенный, что на предстоящемъ соборѣ будетъ внесено предложеніе о новомъ способѣ избранія архіереевъ посредствомъ голосованія кандидатовъ клиромъ и мірянами. Но клиръ и міряне извѣстной вдовствующей церкви, по проекту, не всецѣло участвуютъ въ выборахъ, а лишь въ извѣстной пропорціи. Меньше всего будетъ, кажется, допускаемо къ участию въ этомъ дѣлѣ—мірянъ. Если исключимъ, допускаемыхъ проектомъ къ выборамъ архіерея, преподавателей духовно-учебныхъ заведеній, чиновниковъ консисторій (это все лица [духовнаго вѣдомства]), то участие

¹⁾ „Церковн. Вѣстн.“ 1906, № 6, ст. 184.

²⁾ О самой грузинской автокефаліи (католикосатѣ) прежняго времени умалчиваемъ, отсылая любопытствующихъ къ недавнимъ статьямъ объ этомъ предметѣ проф. Жузе (въ „Прав. собесѣдн.“) и прот. Жмакина (въ „Христ. Чт.“).

мірянъ въ этомъ дѣлѣ ограничивается «представителями приходовъ въ лицѣ церковныхъ старостъ или приходскихъ старшинъ—въ епархіальномъ городѣ всѣхъ лично, а въ уѣздныхъ городахъ и селахъ по одному отъ благочинія». «Избраніе, говоритъ проектъ, производится подъ предсѣдательствомъ собора епископовъ. Епископы не подаютъ голоса наряду съ другими». ¹⁾ Какъ показываютъ акты IV вселенскаго собора, довольно сходно съ этимъ проектомъ происходило въ V вѣкѣ, т.-е. въ цвѣтущее время церкви, избраніе митрополитовъ. Но есть и разница. Кромѣ того, что тамъ участвовали въ голосованіи епископы (эта разница не велика и не существенна), представителями отъ мірянъ въ указанномъ случаѣ были всѣ «владѣльцы» (повидимому, землевладѣльцы и домовладѣльцы) и знатнѣйшіе мужи» (т.-е. высшіе изъ чиновниковъ). ²⁾ По всѣмъ видимостямъ, мірской элементъ, при избраніи митрополитовъ (а ихъ тогда было много), несомнѣнно въ тѣ времена преобладалъ надъ церковнымъ. (Не говоримъ ужъ объ избраніи въ ту же эпоху рядовыхъ епископовъ, имѣвшихъ обыкновенно немногочисленную паству, ибо при избраніи таковыхъ подавали голоса всѣ пасомые за исключеніемъ подонковъ общества). Конечно, проектъ объ избраніи архіереевъ подвергнется особенно внимательному разсмотрѣнію предстоящаго собора, и было бы желательно, чтобы, сообразно съ практикой избранія митрополитовъ въ V вѣкѣ, число мірянъ было, по возможности, уравнено съ числомъ лицъ духовнаго вѣдомства, на выборахъ архипастыря.—Неизвѣстно, будетъ ли на предстоящемъ соборѣ поставленъ вопросъ о томъ, при какихъ обстоятельствахъ паства можетъ требовать отставки своего архіерея. Несмѣняемыхъ архіереевъ, по нашему мнѣнію, быть не должно: это было бы вредно для дѣла. Вѣдь, не существуетъ же несмѣня-

¹⁾ Журналы предсоборн. Присут. „Церк. Вѣд.“, № 25, ст. 1966.

²⁾ Дѣян. всел. собор., т. IV, 169.

емыхъ профессоровъ и чиновниковъ. Дѣянія вселенскихъ соборовъ указываютъ, что такіе случаи, когда паства настаивала на отреченіи архіерея отъ кафедры, бывали, и соборъ вселенскій не выражаетъ никакого негодованія противъ требовательной и настойчивой паствы. Третій вселенскій соборъ, по одному случаю, имѣлъ разсужденіе объ отставномъ митрополитѣ Евстаѳіи, принадлежавшемъ къ памфилійской области. Этотъ Евстаѳій сумѣлъ нанести себѣ враговъ среди своей паствы, долженъ былъ, противъ своей воли, удалиться съ кафедры. Его мѣсто отдано было другому. По поводу этого случая, соборъ предается слѣдующимъ пессимистическимъ размышленіямъ: «иногда бываетъ, что тяжелая и несносная скорбь, налегшая на умъ, сильно помрачаетъ его, уклоняетъ отъ стремленія къ должному и побуждаетъ смотрѣть, какъ на нѣчто полезное, на такое, что по существу своему не таково. Нѣчто подобное, пишетъ соборъ, случилось съ митрополитомъ Евстаѳіемъ». Но что собственно привело этого архіерея къ отставкѣ? Объ этомъ соборъ говоритъ обиняками. Объ Евстаѳіи замѣчается, что онъ «былъ смущенъ, вошедши въ неожиданныя обстоятельства»—разумѣются, очевидно, какія-то новыя условія жизни, къ которымъ онъ не привыкъ; эти обстоятельства, такъ сказать, совсѣмъ захлестнули его. Соборъ, по этому случаю, морализируетъ: «должно было ему (Евстаѳію), однажды принявшему на себя священнослужительское попеченіе, имѣть его съ духовною бодростію и какъ бы вооружаться на труды и охотно переносить потъ, за который обѣщаются награды». Ясное дѣло, что Евстаѳій не взвѣсилъ своихъ силъ и попалъ въ ложное положеніе. Въ чемъ же дѣло? Это опредѣленіе выражается въ указаніи собора, что Евстаѳій сдѣлался «небрежнымъ»—это правда, но не «по лѣности и не по нерадѣнію», а по любви къ «уединенію» (или отчужденности: употребленное здѣсь греческое слово: ἀπραγμοσύνη значитъ—уединеніе, удаленіе). Теперь, понятно, что Евстаѳій, любя уединенную, подвиж-

ническую жизнь, взятый, можетъ быть, на архіерейство прямо изъ монастыря, могъ своими противообщественными наклонностями создать себѣ враговъ, сталъ тяготиться непривычными заботами о своемъ долгѣ, упалъ духомъ, сталъ «небреженъ». И вотъ паства потребовала, чтобы онъ опросталъ кафедру, и онъ долженъ былъ повиноваться. ¹⁾ Св. Златоустъ свидѣтельствуеть, что въ его время часто случалось, что человѣкъ аскетическаго образа возрѣній, изъ числа монаховъ, призванный къ епископскому служенію, оказывался совсѣмъ не на мѣстѣ: вредилъ и себѣ, причинялъ вредъ и другимъ ²⁾).

Было бы очень благодѣтельно для русской церкви, если бы нашъ соборъ разрѣшилъ паствѣ требовать удаленія своего архіерея, когда между нимъ и паствою порвались добрыя отношенія. Въ этомъ случаѣ судьей должна быть только паства. Наприм., паства должна имѣть безусловное право требовать смѣщенія такого архіерея, который преимущественно думаетъ о себѣ, своемъ спокойствіи, своемъ comfortѣ. Даже въ житейскомъ быту такія лица возбуждаютъ тяжелыя чувства.

Предстоящему собору Верховною властію разрѣшено не только заняться вопросами объ усовершенствованіи церковнаго управленія, но и «обсужденіемъ предметовъ вѣры». Какими именно разсужденіями о предметахъ вѣры займется соборъ, пока неизвѣстно. Теперь предварительно намѣченъ пока одинъ вопросъ такого характера, вопросъ о соединеніи старокатоликовъ съ православною церковію: предсоборное Присутствіе «не находитъ возможнымъ отлагать его разсмотрѣніе, въ виду особливаго къ нему интереса со стороны общества и литературы», ³⁾ но, однакожъ разсмотрѣніе это еще мало подвинулось впередъ по причинѣ отсутствія въ составѣ предвыборныхъ комиссій

¹⁾ Дѣян. вседен. соборовъ, т. II, 20—21.

²⁾ А. Лебедевъ. Духовенство древней церкви, стр. 348—349.

³⁾ Журналы предсоборн. Присутствія. *Цер. Вѣдом.* № 17, стр. 997.

«достаточныхъ научныхъ силъ»¹⁾). Спрашивается, какими образцами изъ прежнихъ временъ могъ бы руководствоваться нашъ соборъ при разсмотрѣннн вопроса о соединеннн старокатоликовъ съ нашею церковію? Но напередъ нужно уяснить себѣ: кто такіе старокатолики? На нашъ взглядъ, старокатолики не представляютъ собою ничего привлекательнаго. Это отщепенцы отъ римско-католической церкви, которые отъ одного берега отчалили, а къ другому не причалили; а по увѣренію лучшаго спеціалиста по вопросу, казанскаго профессора Влад. А. Керенскаго, приходится даже «констатировать тотъ фактъ, что старокатолицизмъ идетъ все далѣе и далѣе по ложному пути». Старокатолики—это суть римскіе католики, отложившіеся отъ папы, (послѣ собора ватиканскаго, 1870 г.), отвергшіе ученіе о его непогрѣшимости и церковномъ главенствѣ, отказавшіеся и отъ нѣкоторыхъ новшествъ римскаго католичества и пожелавшіе держаться нормъ, утвержденныхъ на вселенскихъ соборахъ. Главы старокатолицизма отличаются большею притязательностію: минимумъ ихъ желаній состоитъ въ томъ, чтобы православно-восточная церковь соединилась съ ними, какъ культурными представителями вселенской церковности, а максимумъ ихъ желаній неизвѣстенъ: они и сами еще не уяснили его себѣ. Но нужно сказать, что ихъ воображаемая вселенскія церковность съ большими прорѣхами. Извѣстно, что, отвергнувъ ученіе объ исхожденн Духа Св. и отъ Сына, однакожь они не могутъ совершенно отрѣшиться отъ филиоквистическаго представленія объ исхожденн Третьяго лица

¹⁾ Въ преисборныхъ засѣданіяхъ присутствуютъ такіе лишь знатоки старокатоличества, какъ Кирѣевъ и Свѣтловъ. Но „генераль“ Кирѣевъ не есть генераль отъ богословія; а прот. П. Свѣтловъ, по отзыву проф. В. А. Керенскаго, „своими писаніями по старокатолическому вопросу возбуждаетъ лишь чувство отвращенія, потому что въ нихъ всякое положеніе возбуждаетъ недоумѣніе, всякая ссылка—сомнѣніе“. Притомъ, „онъ сдѣлалъ печатное слово орудіемъ лжи, а не правды“ (*Странникъ*, 1906, № 3, 476. № 4, 656).

Св. Троицы. Извѣстно также, что они не хотятъ принять термина *transsubstantiatio* (пресуществленіе), когда говорить объ евхаристіи, и чрезъ это подрываютъ ученіе о пресуществленіи св. Даровъ. Извѣстно, что многіе изъ наиболѣе видныхъ представителей старокатоличества сомнѣваются въ божественномъ установленіи седмичнаго числа таинствъ. Извѣстно, наконецъ, что у нихъ не выяснено ученіе о почитаніи иконъ, мощей и проч. ¹⁾. По тому послѣднему пункту о нихъ можно утверждать и еще больше: они не хотятъ знать этого ученія. Это очень ясно видно выразилось въ слѣдующемъ фактѣ. Въ 1893 году старокатолики вздумали перевести на нѣмецкій языкъ, символическую православную книгу—«Посланіе патріарховъ восточной католической церкви о православной вѣрѣ»; но въ своемъ переводѣ умышленно пропустили четвертый такъ называемый «вопросо-отвѣтъ». А почему они его пропустили? Да потому, что здѣсь излагается православное ученіе о св. иконахъ и о поклоненіи святымъ ²⁾. Здѣсь очень ясно говорится: «мы чествуемъ поклоненіемъ древо креста, на коемъ Спаситель нашъ пострадалъ, изображеніе креста, живоносный гробъ и прочія св. мѣста, священные сосуды, въ коихъ совершается безкровная жертва». «Еще поклоняемся иконамъ Господа І. Христа, Пресвятой Богородицы и всѣхъ святыхъ, а также изображеніямъ св. ангеловъ». Наконецъ разъясняется ученіе о поклоненіи «святымъ мощамъ». Если мы станемъ припоминать прежнихъ еретиковъ, съ которыми наиболѣе сходятся старокатолики въ извѣстныхъ пунктахъ своего ученія, то безъ труда найдемъ, что они больше всего походятъ на иконоборцевъ. Иконоборцы отвергали почитаніе св. иконъ. «Будучи твердо наставлены, говорили они, изъ богодухновенныхъ писаній и отцевъ, а также утвердивъ

¹⁾ Проф. Керенскаго. Четвертый старокат. конгрессъ и его значеніе. *Прав. Собесѣдн.* 1897, т. II, 764.

²⁾ А. Лебедевъ. *Исторія греко-восточной церкви.* стр. 57.

свои ноги на камнѣ божественнаго служенія духомъ, мы пришли къ одному убѣжденію, что всякая икона, сдѣланная изъ какого угодно вещества, а равно писанная красками, должна быть извергаема изъ христіанскихъ церквей: она чужда имъ и заслуживаетъ презрѣнія». Ничего другого, кромѣ презрѣнія къ иконамъ не обнаруживаютъ и старокатолики, выбрасывая православное опредѣленіе о почитаніи иконъ изъ нашихъ символическихъ книгъ. Если старокатолики игнорируютъ почитаніе мощей, то и иконоборцы поступали точно также. (Дѣян. всел. Соборовъ, т. VII, 84).. Не далеко старокатолики ушли отъ иконоборцевъ и въ ученіи объ евхаристіи. Иконоборцы считали евхаристію лишь символомъ, «иконою» воплотившагося Сына Божія и говорили: «икона эта должна быть приготовляема съ молитвою и благоговѣніемъ». ¹⁾ Подобнымъ образомъ и старокатолики, отвергая выраженіе: «пресуществленіе», «подрываютъ самое ученіе о пресуществленіи св. Даровъ». — Теперь представимъ себѣ, что старокатолики пожелаютъ явиться на соборъ и воссоединиться съ нашею церковію; чѣмъ соборъ сталъ бы руководиться въ этомъ случаѣ, кромѣ примѣра воссоединенія иконоборцевъ съ церковію, при посредствѣ VII всел. собора? Конечно, могутъ сказать, что заблужденія старокатоликовъ менѣе тяжки, чѣмъ прежнихъ иконоборцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, они прямо не полемизируютъ противъ иконъ, не называютъ евхаристію «иконою воплотившагося Сына Божія». Но это возраженіе какъ бы предвидѣлъ VII всел. соборъ и рѣшилъ его такъ: «Зло такъ зло и есть, особенно въ дѣлахъ церковныхъ; что касается догматовъ, то погрѣшить ли въ маломъ или въ великомъ это все равно, потому что въ томъ и другомъ случаѣ нарушается Законъ Божій» (Дѣян. всел. собор. т. VII, 104). Процессъ, какому подвергались главы иконоборства, при воссоединеніи ихъ съ церковію, на этомъ

¹⁾ Его же. Исторія вселен. соборовъ. Т. II, 158—159; 164. М. 1897.

соборѣ состоялъ въ слѣдующемъ: они должны были письменно изложить свое отреченіе отъ ереси и прочитатъ его предъ соборомъ, на этотъ счетъ были тогда свои правила. «Есть церковное постановленіе—говорилось на соборѣ, — чтобы обращающіеся отъ какой бы то ни было ереси къ православному исповѣданію письменно отказывались отъ своей ереси и письменно же исповѣдовали православную вѣру» (VII, 79). Поэтому, когда представители иконоборства являлись на соборъ, прежде всего освѣдомлялись: «есть ли у нихъ въ рукахъ грамоты отреченія» (VII, 110). Потомъ читались въ ихъ присутствіи тѣ церковныя правила, которыя они нарушили и которыми нарушителямъ выражалась угроза наказаніями (VII, 91 и дал.). Обсуждался вопросъ о возможномъ снисхожденіи къ виновнымъ (VII, 111). Не исключалось и требованіе, чтобы воссоединяющіеся съ церковью возглашали анаѳему какъ противъ тѣхъ, кто остается въ этомъ заблужденіи, такъ и на самое заблужденіе или ереси (VII, 81 и др.).—Разумѣеся, старокатолики, при своей надменности, и не подумаютъ придти на нашъ соборъ и смиренно просить себѣ прощенія: они считаютъ себя не мѣнѣ непогрѣшимыми въ своихъ воззрѣніяхъ, чѣмъ самъ папа, котораго они отвергли за то, что онъ объявилъ себя непогрѣшимымъ.

Въ предсоборныхъ засѣданіяхъ и въ отзывахъ архіереевъ очень много отведено мѣста разсужденіямъ о духовныхъ школахъ. Но для этихъ разсужденій, которые конечно привлекутъ вниманіе и предстоящаго собора, нѣтъ аналогій въ дѣяніяхъ вселенскихъ соборовъ. Послѣдніе были слишкомъ строги при оцѣнкѣ недостатковъ церковныхъ школъ въ тогдашнемъ смыслѣ слова. Такъ V вселенскій соборъ подвергаетъ анаѳемѣ главныхъ представителей этихъ школъ, хотя они давно уже умерли, но не умерли ихъ мнѣнія. Разумѣемъ главу Александрійской школы Оригена и главу-же Антиохійской школы Θεодора, епископа Мопсуестійскаго. Съ другой же стороны, собо-

ры вселенскіе очень мало требовали богословской само-
дѣятельности даже отъ епископовъ. Трульскій соборъ раз-
суждалъ, что чужія мысли, если онѣ авторитетны, много
лучше своихъ собственныхъ, если нѣтъ увѣренности въ
ихъ достоинствѣ. Правило 19 этого собора гласитъ: «пред-
стоятели церквей не должны преступать положенныхъ уже
предѣловъ богоносныхъ отцевъ; пусть изъясняютъ они
слово Писанія не иначе, какъ изложили учителя церкви
въ своихъ писаніяхъ, и пусть лучше въ этомъ ищутъ доб-
раго имени, чѣмъ въ составленіи собственныхъ словъ». Разумѣется, отъ такого рода преданій мы очень далеко
ушли—и прислушиваться къ нимъ можемъ развѣ въ рѣд-
кихъ случаяхъ. Что касается до нашего собора, то онъ
долженъ сдѣлаться провозвѣстникомъ и носителемъ свѣта,
гуманности и прогресса.

А. Лебедевъ.

ДЕНЬ У ОТЦА ГЕОРГІЯ КОССОВА.

(Изъ воспоминаній о поѣздѣ въ с. Спасъ-Чокракъ).

I.

«Бѣлевъ, черезъ Горбачево», заказалъ я артельщику на Курскомъ вокзалѣ въ Москвѣ, съ вечернимъ поѣздомъ намѣреваясь отправиться въ путь.

Городъ Бѣлевъ не особенно интересовалъ меня, и никого изъ знакомыхъ у меня тамъ не было, такъ что, прибывъ въ этотъ городокъ раннимъ утромъ, я вынужденъ былъ остановиться въ одной изъ гостиницъ.

По дорогѣ съ вокзала обратилъ вниманіе на вывѣску, извѣщавшую о существованіи духовнаго училища, да промелькнуло грамотное сообщеніе, наклеенное на дверяхъ книжнаго магазина, относительно приѣма подписки на періодическія изданія.

Но пріятіе всего поразило меня то обстоятельство, что церковей въ городкѣ этомъ, сравнительно небольшомъ, было восемнадцать, такъ что въ одномъ мѣстѣ я насчиталъ пять или шесть храмовъ, почти одинъ возлѣ другого. Какъ ни разсуждать, а такая забота о построеніи большого числа церковей служить хорошей рекомендаціей о нравственныхъ качествахъ мѣстныхъ жителей.

И, дѣйствительно, у меня составилось очень хорошее мнѣніе объ обитателяхъ этого провинціальнаго города, въ которомъ мнѣ пришлось прожить всего около тридцати часовъ.

Напившись чаю, сталъ собираться въ дальнѣйшій путь,

въ с. Спасъ-Чокракъ, Орловской губерніи, отстоящій отъ своего уѣзднаго города Болхова всего въ семнадцати верстахъ, а отъ Бѣлева на разстояніи 26—30 верстъ.

Отсутствіе удобнаго рельсового пути отъ Орла до Болхова вынудило меня избрать такой маршрутъ, чтобы путешествіе не обошлось очень дорого.

Мнѣ попался болтливый извозчикъ, не скупившійся на слова, хотя эта словоохотливость нѣсколько разъ казалась мнѣ подозрительной, особенно на крутыхъ поворотахъ да спускахъ или переѣздахъ черезъ мостики и канавки, промытыя дождями. Отъ взятыхъ впередъ денегъ, подъ предлогомъ «на овесъ», очевидно, нѣкоторая часть была израсходована на предварительные могоарычи, по случаю явившагося заработка.

— «Ужь я васъ въ самое, значить, время представляю,—не безпокойтесь», утѣшалъ меня возница, когда я довольно громко заявлялъ объ угрожавшей, не разъ опасности вывалиться изъ убогаго «экипажа»: успѣете и чайку попить, и съ о. Егоромъ повидаться, а завтра, воть въ такое-же время или малость попозже, и въ обратный путь!.. Ну, и лишняго я съ васъ не запросилъ, — будьте покойны,—шесть рублей, туда и обратно, совсѣмъ не дорого, истинно вамъ говорю—недорого, совсѣмъ даже, можно сказать, дешево: пролетка бьется, себя тоже содержать надо, да и лошадамъ овса воть купилъ, такъ въ концѣ-то концовъ совсѣмъ ничего и не останется».

— Такъ ты полагаешь, что сегодня же можно мнѣ и повидаться съ батюшкой?

— Да и Господь знаетъ, какъ вамъ сказать: попрежде, знаю, никогда съ пріѣзду не ходили къ о. Егору, а все на другой день, послѣ молебна. Ну, а теперь, слышно, и въ первый день бывають. Мы воть пріѣдемъ, батюшка ужъ изъ церкви вернется къ себѣ въ домъ,—туть и пойдуть къ нему, кто вздумаетъ! А прежде одинъ порядокъ былъ, ходили на домъ только тѣ, кто ужъ помолился въ церкви...

— «Такъ вотъ просто», продолжалъ извозчикъ: «какъ мы съ вами, и поговорить, и посовѣтуеть,—все больше «можетъ быть» да «думаю», а не то, чтобы такъ и отрѣзалъ навѣрняка. А только, скажу вамъ, и мы всѣ къ о. Егору за совѣтами обращаемся,—какъ присовѣтуеть, такъ и дѣлаемъ, потому что большую имѣемъ къ нему вѣру!»

И вспомнилъ я, какъ одинъ курьеръ какого-то министра еще въ Петербургѣ рассказывалъ въ книжной лавкѣ, куда я зашелъ за понадобившейся мнѣ книгой, про совѣты, даваемые о. Георгіемъ.

— «Братъ мой, говорилъ этотъ служитель сановника, находится въ Москвѣ, въ полиціи, городовымъ. Въ прошломъ году собрались мы всѣ въ деревнѣ и пошли къ о. Георгію со своими дѣлами. Братъ жаловался, что очень трудна его должность, и, въ настоящее время, каждый день ожидать можно смерть изъ-за угла, а потому и просилъ благословенія оставить полицію и перейти вотъ къ намъ въ Департаментъ. Но батюшка не благословилъ такъ дѣлать, а настаивалъ, чтобы каждый изъ насъ служилъ на своемъ мѣстѣ. Мы послушали, и теперь оба довольны и спокойны: у брата пропалъ всякій страхъ за свою жизнь, и онъ исполняетъ свято свой долгъ, а я, слава Богу, лучшаго и до смерти не желалъ-бы, если бы думалъ навсегда въ міру остаться»...

— «А то вотъ еще былъ у насъ такой случай», продолжалъ тотъ же рассказчикъ: «Мой двоюродный братъ работаетъ на шахтахъ.—наши поселяне все туда уходятъ на заработки.—и дѣла его идутъ успѣшно, такъ что даже нѣсколько тысячъ уже нажилъ. Пріѣзжалъ онъ къ намъ погостить. Одинъ бѣдный крестьянинъ нашего же села и сталъ просить брата моего взять его мальчика на свою работу, только мать послѣдняго требовала, чтобы прежде сходили къ о. Егору,—такой у насъ у всѣхъ обычай: ничего не дѣлать, не благословясь у батюшки, хотя и не близко живемъ мы отъ него. А жена богатаго

брата все совѣтовала мужу, чтобы онъ, при этомъ случаѣ, пожертвовалъ отъ избытка на добрыхъ дѣла нашему молитвеннику. Онъ же какъ-то дерзко отвѣтилъ, что-то вродѣ того, что, молъ, моими деньгами о. Егоръ подавится, — извѣстно мужикъ богатый на словахъ куда какой дерзкій бываетъ!..

— «Вотъ и пришли они къ о. Егору и мальчика съ собой взяли... Разказали все по порядку. Батюшка выслушалъ, да и сказалъ, что мальчика «не надо бы» отправлять въ шахты, что онъ, «быть можетъ», самъ его провожать будетъ... «А на счетъ денегъ твоихъ не хлопчи» добавилъ о. Георгій, взглянувъ на моего брата: «я ими хотя и *не подавлюсь*, но и принять не могу, потому что жертва тогда хороша, когда дается доброхотно и отъ чистаго сердца...

«Этотъ отвѣтъ очень поразилъ моего брата. А мальчугана, дѣйствительно, великимъ постомъ батюшка проводилъ на кладбище»...

Почти съ половины пути стали мы нагонять ѣдущихъ по тому же направленію и съ тою-же цѣлюю.

Вотъ цѣлая семья, на своихъ лошадакахъ, изъ сосѣдней Тульской губерніи... Спрашиваютъ у извозчика, какой дороги имъ держаться, — они насъ поджидали, чтобы посовѣтоваться.

Наконецъ, попалась надпись, прямо указывавшая: «Къ о. Егору», и вскорѣ, взобравшись на послѣднюю горку, стали мы приближаться къ цѣли нашего путешествія.

Большой средній куполь новаго храма, вдругъ показавшійся, возвѣщалъ, что село Спасъ-Човракъ уже близко. И, дѣйствительно, черезъ четверть часа увидѣлъ я и другія строенія, окружающія храмъ съ двухъ сторонъ, и, наконецъ, обогнувъ церковь, подъѣхали мы къ гостиницѣ, гдѣ одна изъ распорядительницъ, принявъ меня, освѣдомилась, откуда я и кто буду.

II.

Немного отдохнувъ, направился я къ завѣтному маленькому домику, позади котораго уже отстроены и большой, подъ желѣзной крышей, домъ, еще, кажется, необитаемый.

Возлѣ домика сидѣлъ кое-кто изъ народа, а у самыхъ входныхъ дверей стоялъ простенько одѣтый человѣкъ, очевидно, задумавшій войти въ домъ, но, словно, не рѣшавшійся.

Освѣдомившись, что черезъ стеклянную галлерейку лежитъ путь къ батюшкѣ, я поспѣшилъ войти.

Въ маленькой, безъ четвертой внутренней стѣнки, гостиной, раздѣленной ситцевыми драпри на три части: собственно гостиную, украшенную многими иконами, даже стоявшими на столѣ; потомъ спальню о. Георгія, представляющую собою «уголъ», въ которомъ надъ кроватью, на длинныхъ деревянныхъ полкахъ, хранится много книгъ, составляющихъ библіотеку хозяина; — затѣмъ третья, направо отъ входа, маленькое отдѣленіе, съ диваномъ и столомъ передъ нимъ;—въ этой гостиной, ко времени моего прихода, было уже человѣкъ пять, ожидавшихъ давно задуманной возможности посовѣтоваться съ батюшкой.

Присѣвъ у входа, я сталъ невольнымъ слушателемъ, какъ высказывали простые люди свои «печали» житейскія доброму пастырю, а также и разныя недоумѣнія, по поводу текущихъ обстоятельствъ. И все это говорилось громко, обыкновеннымъ разговорнымъ тономъ, безъ всякаго намека на какую-либо «тайну».

— «Вотъ, батюшка, и торговлю мы открыли отдѣльно отъ братьевъ, разнымъ бакалейнымъ товаромъ... Теперь свои предлагаютъ открыть лавку на общій капиталъ, да мы что то охоты не имѣемъ,—какъ посовѣтуете?»

— А какой-же капиталъ будетъ?

— Тысячи по четыре рублей.

— Тогда не стоить... Хлопотъ будетъ много, а неприятностей еще больше. Каждый пустякъ надо записывать, а прибыль то небольшая будетъ,—самое большое обернется капиталъ раза четыре. Нѣтъ, торгуйте отдѣльно, — тутъ вѣдь сами себѣ отчетъ дадите, и неприятностей меньше! Другое дѣло, если бы открыть на большой капиталъ торговый домъ...

— Да вотъ, батюшка, запоемъ страдаетъ мужъ мой! Ужь сколько я совѣтовала ему не пить совсѣмъ, а все никакъ онъ не остановится.

— «Нѣтъ, ужъ совсѣмъ не пить будетъ трудно для васъ», обращается о. Георгій къ мужу: «вы бы постарались не пить совсѣмъ «бѣлаго», а довольствоваться од- «красненькимъ», а то совершенно не пить, пожалуй, и надумаете, да труднымъ для васъ это окажется, и какъ бы еще хуже не было! Такъ вы ужъ такъ и попридержитесь,—«бѣлаго» совсѣмъ не употребляйте!

— Мы, батюшка, и землю купили,—у насъ 150 десятинъ, продолжала жена, очевидно, первенствующая въ семьѣ: «такъ вотъ времена-то какія пришли, какъ бы еще ж не отняли!?»

— А какъ у васъ мужики себя ведутъ? Довольны они или считаютъ себя обиженными?

— Какъ будто ничего худого не слышно,—у насъ пока, слава Богу, все спокойно...

— Тогда и вы будьте покойны, не надо и землю продавать, а хозяйничайте сами, если признаете для себя выгоднымъ?!

Много еще разныхъ вопросовъ предлагала словоохотливая супруга маленькаго купчика, сельскаго торговца, и на всѣ почти вопросы слышались точные отвѣты.

Потомъ купеческая жена, закончивъ серію вопросовъ по своимъ личнымъ дѣламъ и вуждамъ, стала предлагать отъ имени «своихъ», родныхъ и знакомыхъ, тоже по длинному реестру, много вопросовъ, завершивъ свое довольно долгое пребываніе у батюшки передачею поминаній съ приложеніями.

Лично я не былъ въ претензіи, что купеческое семейство такъ долго утруждаетъ любимаго народомъ священника...

На меня вся эта обстановка произвела даже весьма пріятное впечатлѣніе,—она такъ убѣдительно свидѣтельствовала, что есть же у нашего простого народа излюбленный имъ типъ отца духовнаго, къ которому и лапотная, и въ шелкъ одѣтая простосердечно вѣрующая и довѣрчивая Русь идетъ со всѣхъ сторонъ необъятной страны, куда только проникъ печатно или устно слухъ о пастырѣ истинномъ, которому только и хотятъ повѣдать горе своей наболѣвшей души и старъ и младъ...

И этотъ народъ нашъ съ дѣтскою искренностью и невыразимою довѣрчивостію несетъ пастырямъ свои жертвы, нерѣдко чуть не послѣднія копейки отдавая. Всевѣдущій Господь видитъ эти лучшія движенія простыхъ душъ человѣческихъ, Самъ вдохновляя на такіе подвиги безкорыстія, чтобы потомъ сторицею воздать за каждую данную ими лепту.

Меня чрезвычайно радовала эта святая простота, съ которою каждый почти посѣтитель о. Георгія старался чѣмъ-нибудь проявить свою живую готовность хоть немногими копейками поддержать творимыя имъ дѣла милосердія, такъ просто, такъ естественно совершаемыя имъ.

Сидѣлъ я, невольно прислушиваясь къ разговору, происходившему въ домѣ этомъ, такимъ дорогимъ сдѣлавшимся для меня, и то дрожь, то холодъ, такіе моментальные и внезапные, пронизывали меня, такъ что «вся внутренняя моя» всколыхнулась, устремаясь къ этому пастырю. какъ къ отцу родному...

Вотъ вбѣжалъ въ комнатку, гдѣ бесѣдовалъ о. Георгій, сынокъ его шестилѣтній и, обратившись къ отцу, сталъ просить у него три копейки. Вслѣдъ за просьбой мальчика, на вопросъ отца, зачѣмъ ему понадобились деньги, послышался отвѣтъ, вѣроятно со стороны матушки, пояснившій, что къ малюткѣ пришелъ гость... «Тогда вотъ

тебѣ пять копѣекъ», сказалъ батюшка, отправляя сына къ навѣстившему его маленькому другу.

Этотъ эпизодъ внесъ въ царившую торжественность, которой для постороннихъ сопровождалась вся бесѣда посѣтителей съ о. Георгіемъ, какую-то особенную прелесть, нисколько не нарушившую совершавшагося наставленія «*мужемъ совѣта*» своихъ «*смирненныхъ*» просителѣй.

На иные вопросы слышался и такой отвѣтъ: «*вы вѣдь останетесь до завтра?*» и послѣ утвердительнаго увѣренія: «*такъ вотъ завтра помолимся вмѣстѣ Богу, и я скажу вамъ свой совѣтъ, а сегодня дать таковой затрудняюсь; вы напомните мнѣ завтра, — впрочемъ, я и самъ вспомню о васъ.*»

Понятно, что лишь нѣкоторые вопросы и отвѣты, притомъ, съ крайнимъ несовершенствомъ, воспроизвелъ я, къ тому-же и не точно, съ цѣлію лишь хоть скольконибудь представить, зачѣмъ собственно пріѣзжаютъ и приходятъ люди Русскіе къ пользующемуся такою извѣстностію «*о Егору*».

По поводу этой извѣстности, я вспомнилъ года четыре тому назадъ бывшій со мной случай въ вагонѣ Владикавказской желѣзной дороги, уже за гор. Ростовомъ на Дону, въ Кубанской области:

Сидѣли противъ меня два казака-кубанца, уже почтенныхъ лѣтъ. Вели они разговоръ, какъ водится, по душамъ, о разныхъ дѣлахъ своихъ домашнихъ. Я читалъ газету, и кое-что изъ разговора моихъ спутниковъ, нѣтъ-нѣтъ, да и пробѣется между строкъ и почти насильственно затормозить мое, правда, легкое чтеніе, постоянно дѣлая меня молчаливымъ участникомъ разговора моихъ сосѣдей.

Мнѣ уже надоѣдать стала эта безпрерывная «*погоня*» за двумя зайцами, какъ вдругъ вниманіе сосредоточилось исключительно на разговорѣ простодушныхъ казаковъ, такъ что газета и всякія извѣстія сразу потеряли для меня весь свой интересъ, и я уже не пропускалъ мимо ни одного слова...

Говорили объ одномъ сельскомъ священникѣ, къ которому ходить народъ со всѣхъ сторонъ. Сами собесѣдники дѣлились еще не высказанными впечатлѣніями, какія на каждаго изъ нихъ произвелъ этотъ, очевидно, уже широко извѣстный батюшка...

Дальше слѣдовали отрывочные возгласы, какими каждый изъ нихъ благодарилъ Бога, давшего имъ возможность утѣшиться лицезрѣніемъ и бесѣдой съ народнымъ любимцемъ, котораго притомъ глубоко чтить этотъ простой народъ.

Я еще впервые слышалъ объ этомъ священникѣ, о чемъ и заявилъ своимъ сосѣдямъ. Они же, простосердечно высказавъ свое удивленіе и даже сожалѣніе, что есть такіе люди, которые не знаютъ объ о. Егорѣ, сообщили мнѣ и мѣсто жительства этого батюшки.

Отдавшись этимъ воспоминаніямъ, я не разъ пропустилъ свою очередь и, просидѣвъ около часу въ гостиной, оказался почти одинокимъ, такъ какъ, кромѣ меня, находился еще лишь тотъ человѣкъ, котораго замѣтилъ я у входа къ батюшкѣ...

Въ это время вошла дѣвушка, вѣроятно, дочь о. Георгія, и объявила, что батюшка вышелъ въ садъ отдохнуть и болѣе принимать никого не будетъ.

Немного больно стало, но что-же дѣлать! «Значить, такъ лучше будетъ», подумалъ я и пошелъ въ гостиницу, гдѣ меня стали спрашивать, бесѣдовалъ-ли со мною батюшка, и мнѣ неловко было признаться, что я оказался «недостойнымъ» поговорить съ тѣмъ, къ кому ѣхалъ изъ далека, хотя и попутно.

Меня утѣшила управляющая гостиницей особа, что я не первый, и не послѣдній въ такомъ положеніи, и что завтра я успѣю исполнить свое желаніе даже въ церкви, по окончаніи общаго молебна.

Вечеръ близился къ концу... Напившись чайку, прилегъ я отдохнуть, предварительно испросивъ разрѣшеніе занять одинъ изъ двухъ номерочковъ. Мнѣ сказали, чтобы

я не запиралъ дверей изнутри, такъ какъ очень возможно, что ночью пріѣдетъ кто-нибудь изъ Болхова, и тогда придется меня будить, чтобы помѣстить пріѣзжаго.

Но предположеніе это не сбылось, — такъ всю ночь и пробылъ я въ одиночествѣ.

Въ сосѣдней съ двумя номерами комнатѣ расположился на полу народъ, уплативъ по пяти копѣекъ за мѣсто.

За кухней-же въ общей комнатѣ, на другомъ концѣ гостиницы находящейся, ночлежники платили по одной копѣйкѣ за ночь.

Собирала деньги съ расположившихся ночевать все та же особа, кажется, духовнаго званія, которая и всѣмъ вообще распоряжалась.

III.

На слѣдующее утро часовъ въ девять сталъ народъ собираться около большой новой церкви, устроенной по настоятельному совѣту блаженнаго и святаго старца Амвросія Оптинскаго. Пошелъ и я за народомъ, и вскорѣ пронесся слухъ, что «о. Егоръ идетъ».

И батюшка, въ самомъ дѣлѣ, скоро пришелъ въ церковь, посмотрѣлъ, что и какъ работаютъ мастера, а потомъ прешелъ въ двухъэтажный, съ подвальнымъ помѣщеніемъ, кирпичный домъ, устроенный для бѣдныхъ дѣвочекъ, которыхъ, по слухамъ, всего живетъ у него 180 душъ.

Я не посѣтилъ пріюта, да и вообще, долженъ сказать, не интересовался внѣшней стороною и тѣмъ благоустройствомъ, которымъ Спасъ - Чокракскій приходъ обязанъ исключительно своему настоятелю, потому что у меня была на умѣ цѣль, главнымъ образомъ, духовная.

Лишь мелькомъ взглянувъ на о. Георгія вчера вечеромъ въ его домѣ, когда онъ выходилъ изъ кабинета, чтобы взять въ своей спальнѣ икону, для благословенія купеческой семьи, я теперь, навѣрно, съ чрезвычайнымъ даже неприличіемъ, не сводилъ глазъ съ этого іерея Бо-

жія, когда онъ былъ въ каменномъ храмѣ и когда проходилъ поспѣшно къ пріюту.

Помню, что въ торопяхъ снялъ я шляпу какъ-то неловко, полувиновато, съ сознаниемъ неприличія такого напряженного всматриванія въ глубоко-чтимаго человѣка, и на мой поклонъ батюшка тоже отвѣтилъ поклономъ, всѣмъ окружавшимъ указывая по направленію къ ветхой деревянной церкви, въ которой около двадцати лѣтъ тому назадъ началъ онъ служить ежедневно молебенъ Заступницѣ рода Христіанскаго—Матери Божіей, не постыдившей Своего искренняго почитателя и вѣрнаго раба ¹⁾).

Вся толпа простого деревенскаго люда направилась въ указанную батюшкой сторону и расположилась вокругъ убогой снаружи церкви, около которой, на усаженномъ, или вѣрнѣе, поросшемъ деревьями бугрѣ, очевидно еще издревле было сельское кладбище, и понынѣ не отказывающееся принимать въ свои нѣдры мѣстныхъ покойниковъ, о чемъ свидѣтельствовали свѣже насыпанные холмики могильные.

Женщины въ лаптяхъ, старыя и молодыя, а также и нѣсколько мужчинъ присѣли на землю; я съ однимъ господиномъ, только что прибывшимъ на велосипедъ изъ Орла, стоялъ поодаль, всматриваясь въ эту древнюю убогость, невольно сравнивая съ маленькою церковкою, свидѣтельницаю подвиговъ вѣры глубокой и молитвы теплой, большой каменный храмъ, для сооруженія котораго, а также и другихъ зданій, пришлось о. Георгію устроить свой кирпичный заводъ.

Лишь только подошелъ батюшка торопливой походкой, какъ тотчасъ-же кинулся народъ, по нашей русской привычкѣ, цѣлой толпой, толкая одинъ другого.

Никакъ не могу я привыкнуть къ этой стадной торо-

¹⁾ Подробности объ этомъ желающіе найдутъ въ прекрасной книгѣ Сергія Нилуса „Великое въ маломъ“, которую я считаю приятною обязанностію рекомендовать читателямъ журнала.

пливости, съ которою сѣрая Русь, и видя, и сознавая всю невозможность всѣмъ занять первыя мѣста, а также имѣя на памяти массу печальныхъ послѣдствій, которыми сопровождаются большія скопленія народа, несмотря на всѣ эти кричащія предупрежденія, всякій разъ повторяетъ свою тысячелѣтнюю и, надо сказать, нерѣдко для самой же толпы роковую ошибку, устремляясь, подобно лавинѣ, къ предмету своего почитанія. И больно, и жалко всякій разъ становится, когда бываешь свидѣтелемъ такихъ массовыхъ нападеній недисциплинированной толпы!

Прежде, пока я опытно не познакомился съ психологіею толпы, меня страшно возмущали такія картины, и я не щадилъ нашего простолюдина, приписывая все это безобразіе исключительно грубости и невоспитанности народа; но присмотрѣвшись поближе, а также не разъ переживъ вмѣстѣ съ тысячной толпой всѣ быстро смѣняющіяся, безъ всякой послѣдовательности, а просто по случайному иной разъ капризу, душевныя состоянія, я подмѣтилъ и за самимъ собой, а также и за другими лицами, стоящими, въ смыслѣ воспитанности, довольно высоко, такія же стадныя увлеченія, моментально и чуть не насильственно овладѣвавшія всѣмъ существомъ почти каждого, такъ что впослѣдствіи трудно было даже дать себѣ отчетъ въ непростительномъ, повидимому, иной разъ увлеченіи.

А Евангельская исторія и окончательно разъяснила мнѣ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на такія явленія, еще, при жизни Иисуса Христа, неоднократно имѣвшія мѣсто. Ни разу Господь, никогда не оставлявшій безъ замѣчанія внутренней нечистоты и грубости жестокой, не сдѣлалъ внушенія народу за то, что онъ «належаеше», такъ что приходилось Божественному Учителю входить даже въ лодку, которую ученики Его отпихивали отъ берега на нѣкоторое разстояніе, чтобы Наставникъ имѣлъ возможность вести, при обыкновенныхъ условіяхъ физически почти невозможную, проповѣдь ко всей массѣ народа...

Скрипнулъ заржавленный замокъ, раскрылись наруж-

ныя церковныя двери, и вся толпа такъ и хлынула, наполнивъ моментально маленькую церковку.

Когда и для меня явилась возможность войти въ церковь, то мнѣ представилась такая картина: часть народа продолжала еще поклоняться иконамъ, другая окружила все ту же матушку, которая и въ гостиницѣ хозяйничала, подавая ей копѣйки на свѣчи, а самъ батюшка, стоя около мѣстныхъ иконъ, управлялъ лампадки передъ ними.

Уже съ просѣдью въ волосахъ на большой головѣ, поражающей какою-то темновато-желтаго цвѣта кожей лица, онъ произвелъ на меня своею строгой по виду наружностію пріятное и сильное впечатлѣніе, вполне располагавшее къ всецѣлой откровенности, — такъ и хотѣлось припасть къ колѣнамъ его съ чистосердечною просьбою — быть посредникомъ и ходатаемъ предъ престоломъ Царя небеснаго

Простая одежда, чрезвычайно скромная, безъ всякихъ претензій на драгоцѣнность или изящность, и наружно сближала о. Георгія съ окружающимъ его народомъ, дѣлая его совѣмъ своимъ всему сѣрому русскому люду, который, чувствуя, что батюшка все пойметъ, все разгадаетъ, по данной ему благодати, нисколько не стѣсняясь, никакими искусственными способами, не прикрывая своихъ проступковъ или недостатковъ, такъ таки прямо и говорить, о чемъ стонетъ душа его, о чемъ мучится совѣсть, голосъ которой ясно и понятно говорить душѣ неиспорченной и неразвращенной.

И Самъ Господь милосердый, одна Любовь неизмѣняемая по существу Своему, видитъ эту дѣтскую вѣру народа и посылаетъ земныхъ ангеловъ, для утѣшенія «многими скорбями» имѣющихъ войти въ Царство Небесное, дабы врагъ человѣка исконный не восторжествовалъ свою побѣду надъ оставленными своими мѣстными пастырями темными людьми, не утратившими священной способности вѣровать въ Бога и вѣрить Ему, какъ Богу.

IV.

Оправивши лампадки и засвѣтивъ ихъ, о. Георгій облачился и вышелъ съ книгой къ иконѣ Божіей Матери, находящейся по лѣвую сторону, за клиросомъ, по сосѣдству съ придѣломъ, такимъ маленькимъ, что трудно себѣ со стороны и представить, какъ можетъ священникъ совершать тамъ службы.

Начался молебенъ, передъ которымъ батюшка громко предупредилъ молящихся, чтобы они положили по земному поклону предъ образомъ Царицы Небесной.

«Пресвятая Богородице, спаси насъ!» началъ іерей, внятно и какъ-то скорбно читая тропари канона,—«жалостно», по выраженію привезшаго меня извозчика,—часто осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, которое сопровождалось всякій разъ низкимъ и неторопливымъ поклономъ.

Вся масса народа также благоговѣнно повторяла за батюшкой припѣвъ и также «истово» и низко кланялась, вздыхая.

Послѣ третьей пѣсни, о. Георгій приостановилъ чтеніе канона, медленно подошелъ къ иконостасу, помолился предъ иконой Принявшаго на Себя грѣхи и немощи наши и, взявъ съ собою лампадку съ горѣвшимъ въ ней огнемъ, пошелъ по церкви, помазывая пальцемъ каждому и каждой лобъ, щеки и «ручки», какъ иногда самъ выражался, прося подать для помазанія неловко держимыя кѣмъ либо руки, сопровождая эти дѣйствія надъ каждымъ молящимся словами: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа»,

Первый разъ въ жизни былъ я свидѣтелемъ такого богослуженія и не знаю даже, какъ и передать все то, что пережилъ я и почувствовалъ... А подѣлиться съ читателями той ясно ощущавшейся «святостью», которая такъ и была ключемъ изъ cadaго движенія, изъ cadaго словечка среди царившаго безмолвія, непременно хочется.

Ходитъ батюшка по церкви, помазываетъ вѣрующихъ

«во имя», т.-е. въ славу «Отца и Сына и Св. Духа», и Троица Святая являетъ Свой силу и власть...

Бѣсы, существованіе которыхъ такъ старательно отрицается и замалчивается, не терпя видимаго явленія силы Божіей, чрезъ сосудъ избранный исходящей, подняли страшный крикъ, визгъ и другія неистовства, испуская вопли и хулы изъ устъ одержимыхъ ими.

Жутко становилось, но и утѣшала надежда, что Побѣдившій «врага древняго» и Избавившій родъ человѣчскій отъ «работы вражіей» запретить и въ это собраніе вѣрующихъ подкравшемуся діаволу и освободить тѣла человѣческія, сдѣлавшіяся видимымъ обиталищемъ «лукавыхъ», отъ насилія демонскаго.

Все ближе и ближе подходитъ о. Георгій къ неистовствующимъ, все тише и тише становятся крики: «не выйду, не выйду, не выйду!», съ такимъ ужаснымъ визгомъ и страшно ускореннымъ темпомъ вырывающіеся наружу, ... и, наконецъ, воцаряется вдругъ глубочайшая тишина!.. О, какъ легко стало на душѣ, какъ горячо зашевелились уста молящихся, вознося теплыя, благодарственныя молитвы къ Отцу Небесному!

Взглянулъ я на возвращавшагося съ брани іерея Божія, и такая сосредоточенность, такое глубокое внутреннее «вопіаніе» къ Богу озаряло вдохновенный ликъ его, что я долго не могъ забыть этихъ замѣчательныхъ по своей глубинѣ взоровъ, которыми на одво мгновенье окинулъ молящихся батюшка, какъ бы прося ихъ соединиться съ нимъ въ молитвѣ внутренно-глубокой...

Видѣлъ я по милости Божіей мужей отдававшихся служенію Божію со всею искренностью глубоко-вѣрующихъ душъ своихъ, съ любовью сидѣлъ у ногъ этихъ ревнителей о славѣ Божіей, но такихъ чувствъ не переживалъ еще, какими исполнилась душа моя въ убогомъ Спасѣ-Чокракскомъ храмѣ!

Впечатлѣніе осталось неизгладимымъ, когда, по шестой

пѣсни канона, а потомъ и по денятой ¹⁾), пришлось быть свидѣтелемъ такого же проявленія «власти», данной Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ чрезъ святыхъ Его Апостоловъ всѣмъ призваннымъ къ «служенію алтарю», если они «сознательно» принимаютъ на себя это, «иго благое» и если искренно вѣрують въ Сына Божія, пришедшаго въ міръ грѣшныя спасти.

О, достойные всякой чести пастыри русскаго православнаго народа! Почему такъ немногіе изъ васъ проявляютъ въ служеніи своемъ эту «власть», которой вы всѣ законно обладаете и которой одной слишкомъ достаточно, чтобы низлагать всѣ коварства вражіи? Развѣ теперь уже не такъ силенъ Давшій вамъ «благодать Свою», или теперь люди уже совершенно переродились, такъ что ни одна изъ вѣранныхъ попеченію вашему овецъ уже не жаждетъ всей душой, чтобы чрезъ васъ «потекли рѣки воды живой»?

Зачѣмъ же вы замкнулись въ себѣ самихъ, зачѣмъ ходите по стихіямъ вѣка сего, а не по заповѣдямъ Христа, Который, вручивъ попеченію вашему живыя души человѣческія, тѣмъ самымъ повелѣваетъ вамъ день и ночь стоять на стражѣ вашего служенія, чтобы «искій кого поглотити» не исхитилъ изъ стада вашего ни единой души?!

Вѣдь, придя на судъ міра со славою великою, Господь со всею строгостію потребуетъ отъ васъ отчета за допускаемое многими изъ васъ дерзкое расхищеніе стада словеснаго... О, печальное употребленіе великаго дара—свободы!

V.

Послѣ молебна, когда уже и въ третій разъ обошелъ батюшка церковь, всѣхъ молящихся, тоже въ третій разъ,

¹⁾ О. Георгія помазываетъ масломъ и по 6-ой (изъ лампадки предъ ликомъ Богоматери), и по 9-ой (изъ лампадки предъ иконой Св. Николая) пѣсняхъ канона.

помазала елемь уже изъ лампады, горѣвшей предъ мѣстною иконою святителя Николая, вынесъ онъ мѣдный луженый сосудъ, вродѣ кострюльки съ ручкой, и, держа въ другой рукѣ копіе, началъ выливать изъ подаваемыхъ ему бутылей, бутылокъ и бутылочекъ, еще утормъ почерпнутую въ «батюшкиномъ», противъ домика о. Георгія находящемся, колодцѣ воду, которую и освящаль, по нѣсколько разъ начертывая копіемъ крестъ Христовъ, съ произнесеніемъ тѣхъ же глаголовъ: «во имя Отца, и Сына, и Св. Духа».

Затѣмъ, освященную такимъ краткимъ чиномъ воду черезъ леечку о. Георгій выливалъ, или, какъ выражается тамъ народъ, «спускалъ» обратно въ поданный сосудъ и возвращалъ подателю, часто спрашивая, для чего нужна вода.

На эти вопросы слышались различные отвѣты, къ которымъ нерѣдко присоединялась и просьба разрѣшить затрудненіе, научить, какъ быть въ томъ или другомъ положеніи...

Я хорошо помню, что одна женщина, рассказавъ, какъ она по болѣзни вынуждена была оставить должность въ одномъ семействѣ, спрашивала благословенія, итти-ли ей обратно въ этотъ домъ, куда ее усердно призывали, или пріискивать другое мѣсто, такъ какъ первое требуетъ чрезвычайнаго напряженія всѣхъ силъ.

Батюшка, узнавъ, что семейство, въ которомъ служила вопрошавшая, очень религіозное и хорошее, совѣтовалъ возвратиться на прежнее мѣсто, причемъ добавилъ: «Богъ благословитъ, и я благословляю,—только хозяевамъ скажи, что ты не такъ здорова, и что тебѣ не подъ силу такая работа, а потому пусть они *поменьше* съ тебя спрашиваютъ, чтобы тебѣ было *полегче*».

Эти слова «поменьше» да «полегче» отецъ Георгій часто употреблялъ въ своихъ совѣтахъ.

Или вотъ еще вспомнилось мнѣ отъ одной «молодайки» заявленіе въ такомъ родѣ:

— Коровушка у насъ захворала, такъ не благословишь-ли, батюшка, продать?

— Ну, вотъ, сейчасъ и продавать! Чтожъ что захворала,—поправится; продавать не могу благословить!

И много другихъ отъ наивно-простыхъ до серьезно-сложныхъ вопрошеній разрѣшилъ о. Георгій за этимъ водоосвященіемъ.

На дощечку, на которой стояла «кострюлька», народъ полагалъ свои лепты, изъ которыхъ по временамъ бралъ о. Георгій однѣ копѣчки, болѣе крупныя монеты оставляя нетронутыми.

Не будучи въ состояніи пройти впередъ и чувствуя, что буду сильно смущаться въ присутствіи постороннихъ и, пожалуй не выскажу всего, о чемъ такъ жаждала душа моя спросить «совѣтника», я, подмѣтивъ, что батюшка по временамъ удаляется въ алтарь за крошечками ладона, который онъ мельчить тамъ копьцомъ, я осмѣлился войти, по прежде видѣннымъ примѣрамъ, въ алтарь и тамъ, при посѣщеніи послѣдняго о. Георгіемъ, рассказалъ ему свои недоумѣнія и нужды душевныя. и тѣлесныя и просилъ совѣта, который и получилъ отъ присно поминаемаго мною батюшки; а потомъ, уже выйдя изъ алтаря, подалъ и бутылочку съ водою, которую онъ освятилъ для меня.

Теперь эта вода да такая же изъ источника преп. Серафима—мои лучшія лѣкарства отъ многихъ болѣзней, избавиться отъ которыхъ, по ихъ неизлѣчимости, не предвидится возможности, а приходится мириться съ ихъ постояннымъ присутствіемъ, стараясь лишь о томъ, чтобы какъ-нибудь облегчить причиняемыя ими неудобства, да устранивъ серьезную опасность.

— «Совсѣмъ здоровы вы не будете», сказалъ мнѣ на прощанье о. Георгій: «а такъ жить все-таки можно будетъ?»

А я какъ разъ именно все дерзалъ получить окончательное исцѣленіе, быть можетъ, противясь волѣ Божіей,

которая, одна благая, всемѣрно хочетъ вести меня незримо по пути, для меня спасительному, всѣми средствами истребляя во мнѣ гордость міра сего и множество другихъ язвъ неисцѣльныхъ.

Поклонившись дорогому батюшкѣ, направился я къ выходу, зная, что нанятый мною извозчикъ, навѣрно, поджидаетъ уже меня, чтобы доставить заблаговременно обратно въ Бѣлевъ.

Придя въ гостиницу, встрѣтилъ я въ номерочкѣ, кромѣ орловскаго гостя, еще одного господина, полагать надо, изъ интеллигентовъ, о чемъ свидѣтельствовали и одежда его, и тотъ разговоръ, который пришлось мнѣ, въ теченіе непродолжительнаго времени, вести съ нимъ.

Господинъ этотъ отрекомендовался почитателемъ о. Георгія, къ которому вскорѣ же и отправился въ церковь, такъ какъ батюшка еще оставался тамъ, продолжая освящать воду да давать совѣты.

Я же, вполне удовлетворившись бесѣдой съ о. Георгіемъ, какъ закончившій интересовавшее меня дѣло, поспѣшилъ приготовиться въ обратный путь.

Быстро бѣжали отдохнувшія лошадки... Вотъ проѣхали мы мимо прекраснаго зданія второклассной школы, устроенной батюшкой, говорятъ, съ образцовыми садомъ и пчельникомъ.

Оглянулся я въ послѣдній разъ на виднѣвшійся еще новый храмъ села Спасъ-Чокрока, и такъ тепло-тепло стало на душѣ.

Прости, дорогой отецъ, помяни въ молитвахъ твоихъ святыхъ и меня многогрѣшнаго, которому уже на выходѣ изъ церкви ты еще сказалъ: «Поѣзжайте въ свое мѣсто, учите дѣтей получше да побольше,—не скупитесь сообщать знанія, особенно по предмету духовному—Закону Божию: при искреннемъ желаніи можно гораздо большому обучить, чѣмъ по программамъ положено. А тамъ и с. Царствѣ Небесномъ нужно уже думать!»

Уже солнышко спускалось за горы, когда мой извозчикъ подвезъ меня къ «Центральной» гостиницѣ, гдѣ оставались мои вещи. Поблагодаривъ его за благополучное обратное путешествіе, я поднялся наверхъ въ порядочный номеръ, чтобы отдохнуть съ дороги.

Поѣздъ на Курскъ чрезъ ту же станцію Горбачево будетъ только завтра,—еще много времени оставалось въ моемъ распоряженіи!

Н. И. Д—ский.

12 октября
1906 г.

Послѣднія минуты св. Митрополита Филиппа.
(Къ 9-му января, дню памяти св. Митрополита Филиппа).
Съ картины Новоскольцева.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.)*

(Изъ дневника инока).

Владычице моя Богородице! Едина Чистая и Благословенная! Познаю Твою чистоту особенно по своей нечистотѣ, Твою высоту по моему убожеству, Твое достоинство по моему ничтожеству! И всѣ Твои другія красоты и совершенства особливо познаю по моему душевному безобразію и противоположностямъ Тебѣ во всѣхъ отношеніяхъ.

* * *

Люди грѣшныя и грѣшныя, страдающіе за грѣхи и грѣхами, требуютъ ласки, участія, поддержки, привѣтливости, а мы добиваемъ ихъ еще болѣе — своимъ презрѣніемъ, непріязненнымъ отношеніемъ, удаленіемъ отъ себя, безучастіемъ, равнодушіемъ къ ихъ положенію, подобно Каину, отвѣчавшему на вопросъ Господа объ Авелѣ («гдѣ Авель братъ твой?») — «развѣ я сторожъ брату моему?» или подобно достойнымъ преемникамъ его — Христуубійцамъ Іудеямъ, отвѣчавшимъ на покаянную исповѣдь Іуды предателя — «что намъ и тебѣ? ты узриши»...

* * *

Лукавый cadaго мутитъ особыми путями и искушеніями: иначе благочестиваго и иначе равнодушнаго, иначе

*) Продолженіе. См. декабрьскую кн. Душесп. Чт. 1906 г.

строгаго, иначе свободнаго, иначе воздержнаго, иначе неосторожнаго и т. д. Поистинѣ, можетъ огаянный похвалиться: «всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія погублю!»

* * *

«Приблизитесь Богу, и приблизится вамъ»... Господь никогда не удаляется отъ насъ. Солнце со всѣхъ концовъ земли имѣетъ одинаковый видъ, величину и ослѣпительность. Такъ и Господь. Но мы можемъ и еще приближаться къ Нему, все болѣе и болѣе сокращая и безъ того недалекое разстояніе Его отъ насъ. Каждый нашъ шагъ къ Нему есть *Его* шагъ къ намъ, и Онъ еще скорѣе, чѣмъ мы, доходитъ до насъ и заключаетъ насъ въ Свой Отеческія объятія.

* * *

Нить моей жизни вотъ сократилась сегодня еще на одинъ день... И немного это, и — много... Когда путникъ еще далеко отъ цѣли своего путешествія, то и много верстъ разстоянія идутъ для него незамѣтно. Но когда эта цѣль уже на виду, тогда и одинъ шагъ приближенія замѣтенъ. Такъ и въ жизни. Если конецъ ея близокъ, тогда и одинъ день приближенія къ нему долженъ быть ужасенъ и побуждать тебя на ббльшую и ббльшую ревность по Богъ и спасеніи души твоей.

* * *

«Господь—скорый въ помощь и косный во гнѣвъ» (5 мол. Елеосв.). Когда надо помочь, Господь спѣшитъ и не скупится на помощь. А когда надо употребить гнѣвъ, Господь долготерпитъ и щадитъ, развѣ ужъ только мы сами исполнимъ мѣру Его долготерпѣнія и покажемъ для себя всю необходимость и ббльшую полезность строгости къ намъ.

* * *

«*Мечъ есть надъ демоны, Спасе, Твоя печать, огонь же пополаяй страсти душевныя — священниковъ мольбы*» (7 пѣснь кан. Елеосв.). Вотъ какую славную и страшную силу даруетъ Господь пастырямъ Своимъ! Мольба ихъ, какъ огонь, пополаяетъ страсти душевныя, являющіяся въ большинствѣ случаевъ главнымъ источникомъ и пищею тѣлесныхъ немощей, болѣзней и недомоганій, которыя и исчезаютъ вмѣстѣ со страстями душевными, пополаемыми мольбами священниковъ Христовыхъ.

* * *

«*Да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли!..*» На небѣ Господь всецѣло царить Своею волею, а на землѣ мы воцарили свою злую Богоборную и Богоненавистную волю. И вотъ почему намъ и надо умолять Господа, чтобы Онъ сталъ Царемъ тамъ, гдѣ Ему и надлежитъ таковымъ быть, не попуская волю нашей переходить въ области воли Божественной и нарушать ихъ въ ущербъ собственному благополучію и задачамъ нашей собственной воли, въ ея чистотѣ и неповрежденности.

* * *

«*Люты скорби, но сладокъ рай, болѣзненны труды, но присносущно воспріятіе... мало стерпимъ, да вѣнцы неплотными уяземся*»... Вотъ достаточное утѣшеніе иноку на его до крайности трудномъ, опасномъ и скорбномъ пути, который иногда не даетъ другихъ утѣшеній въ самомъ себѣ подобно тому, какъ другіе пути и труды имѣють свойство въ самихъ себѣ доставлять человѣку соотвѣтствующее удовлетвореніе и наслажденіе.

* * *

Все должно получить свое возмездіе. Одно неосторожно брошенное слово, маленькое небреженіе къ своимъ обя-

занностямъ, маленькая несправедливость въ отношеніи къ ближнему, ничтожная ложь, особенно полагаемая въ основѣ какого-либо предпріятія,—все это болѣе или менѣе скоро даетъ соотвѣтствующій плодъ, соотвѣтствующее отраженіе въ будущемъ, съ фотографическою и фонографическою точностію и неустранимостію.

* * *

Какъ вода, какъ воздухъ—тотчасъ устремляются всюду, гдѣ только природа оставляетъ пустое пространство, такъ благодать Божія устремляется всюду, гдѣ человекъ оставляетъ ей хоть какое-либо маленькое мѣсто для пріюта и заполнения. Но таково же свойство и злой силы, противоположной благодатной силѣ Божіей. А посему-то благодать Божія проникаетъ въ наше сердце и заполняетъ его лишь въ той мѣрѣ, въ какой мы очищаемъ это сердце отъ душевной атмосферы грѣха, страстей и тѣньныхъ привязанностей, неизбѣжно заполняющихъ каждое незаполненное благодатію Божіею мѣсто въ нашемъ сердцѣ, непремѣнно отдающемся для заполнения тѣмъ или другимъ.

* * *

Чѣмъ глубже желаніе, чѣмъ сильнѣе жажда человека къ воспріятію благодати Божіей, тѣмъ онъ глубже и лучше подготавливаетъ себя къ болѣе полному и глубокому проникновению благодатною силою Божіею. Въ этомъ смыслѣ нашихъ скорбей, испытаній и борьбы со грѣхомъ, такъ какъ все это углубляетъ наши желанія и усиливаетъ нашу жажду къ воспріятію благодати Божіей, и значитъ — углубляетъ и улучшаетъ насъ, дѣлая болѣе способными полнѣе и глубже проникнуться благодатію Божіею и наиболѣе благодѣтельно использовать ея таинственно могучую силу.

* * *

«Пустыни былъ еси житель и вселенную утвердилъ еси молитвами твоими!..» Вотъ краснорѣчиво-вѣрное подтвержденіе значенія св. пустынниковъ и насельниковъ св. обителей христіанскихъ, которыхъ такъ несправедливо винять многіе въ бесполезности и эгоистической замкнутости. Дивное воистину дѣло! Люди, никому невѣдомые, никѣмъ невидимые и сами иногда никого не видѣвшіе—*утверждаютъ* своими подвигами вселенную, утверждаютъ болѣе, чѣмъ грозное оружіе завоевателей, мудрое правленіе царей, неутомимая энергія всѣхъ другихъ общественныхъ дѣятелей. Изъ своего недосягаемаго «далека», какъ свѣтила небесныя, они достаютъ землю своими благодатными лучами, какъ облачка надземныя—достаютъ своимъ благодатнымъ дождичкомъ сердца, черствѣющія отъ мірской суетной жизни, и сколько люди ни выдумывай искусственныхъ дождей и солнышекъ для возбужденія и питанія жизни растеній въ непогоду безведрія или бездождія, никогда имъ не устранить и не замѣнить неподражаемо-благодѣтельное значеніе настоящаго дождя и солнышка.

* *

Силу врага и власть его надъ нами много усугубляетъ то, что онъ повелѣваетъ намъ то самое, что и наша злая испорченная воля и природа. Такимъ образомъ, онъ борется съ нами—такъ сказать—нашимъ оружіемъ. И неудивительно, что такъ легко побѣждаетъ, когда мы и не защищаемся, ибо намъ такъ *сладки* раны этого оружія.

* * *

Господь—великое Сокровище, Утѣшеніе и неизреченное веселіе наше, но все это—лишь для *любящихъ* Его, а всѣ другіе не поймутъ и не вмѣстятъ этого Его значенія, хотя Господь никого не отменяетъ Самъ и не лишаетъ радостей Своего общенія—кромѣ тѣхъ лишь, которые прежде сами отменяются отъ Него.

* * *

Врагъ грозитъ намъ, пугаетъ насъ, страшитъ всякими опасностями, но все это — отъ безсилія надъ силою Божіею, насъ хранящею и не дающею насъ въ его полное беспощадное распоряженіе, отъ котораго мы погибли бы въ одно мгновеніе.

* * *

«Благословящій его (праведника) насмѣдятъ землю, клеветушіи же его потребятся» (Псал. 36, 22). Самое благожеланіе праведнику есть уже источникъ милости Божіей, какъ злословіе на него—есть навликаніе на себя великаго гнѣва и проклятія Божія! Вотъ какъ стоитъ за праведника Господь! Какъ дѣлаетъ его не только любимцемъ Своимъ, но и источникомъ милостей Своихъ для другихъ его любящихъ, и гнѣва Своего для его оскорбляющихъ.

А. І.

Архіереи Петровской эпохи въ ихъ перепискѣ съ Петромъ Великимъ.

С. Г. Рункевичъ. Выпускъ I. Спб. 1906 г. (напечатано 100 экзempl.).

Этотъ превосходный трудъ С. Рункевича знакомитъ насъ съ духовными современниками великаго преобразователя. Выпукло выдвигаются, говоритъ авторъ, двѣ линіи епархіальныхъ архіереевъ. Культурные и нервные, разнаго нравственнаго достоинства, образованные малороссы, и тяжелые на подъемъ, но твердые и крѣпкіе, и тоже разнаго нравственнаго достоинства, великороссы.

Во главѣ своего труда авторъ ставитъ Холмогорскаго архіерея Аѳанасія Любимова, какъ одного изъ болѣе уважаемыхъ Петромъ I. У этого Аѳанасія, по словамъ Двинскаго лѣтописца, Петръ, во время пріѣзда своего въ Холмогоры, за два мѣсяца своего пребыванія часто бывалъ за трапезою «и многоразумно бесѣдовалъ съ нимъ о царственныхъ дѣяніяхъ, о боярахъ и простыхъ рабочихъ людяхъ, о домовомъ строеніи, объ учрежденіи заводовъ, также о плаваніи по морьямъ и рѣкамъ кораблями и другими судами со многимъ искусствомъ». Уѣзжая, Петръ подарилъ Аѳанасію свою карету и корбасъ съ флагами и штандартомъ. Въ 1700 г. Петръ освободилъ крестьянъ Холмогорскаго архіерейскаго дома отъ сборовъ на военныя надобности. Въ книгѣ г. Рункевича приводится и благодарственное письмо Аѳанасія, какъ образецъ «того стариннаго русскаго широковъщательнаго стиля».

Въ Двинскомъ лѣтописцѣ конца XVII в. *), составленномъ дьякономъ, служившимъ при архіереѣ Аѳанасіи, есть не мало свѣдѣній изъ Холмогорской жизни, которыя касались церкви, преосвященнаго Аѳанасія, въ свѣтъ котораго дьяконъ находился въ Москвѣ.

1682 г. Марта 9 въ недѣлю крестоносную великаго поста повелѣніемъ царя Ѳеодора Ивановича и благословеніемъ Іоакима патріарха возведенъ вновь на архіерейскій престолъ богоспасаемаго града Холмогоръ первый преосвященный Аѳанасій архіепископъ Холмогорскій и Вяжскій, бывшій дому пр. Богородицы и святѣйшаго патріарха іеромонахъ крестовый. А въ епархію Холмогорскую даны города Вага съ уѣздами, Архангельскій городъ и всѣ поморскіе, Соловецкій монастырь съ вотчинами, Кольскій острогъ, Кеврола, Мезень и Пустозерскій островъ съ уѣздами.

Только 1683 г. 18 октября Аѳанасій пріѣхалъ ко Двину на стругѣ, гдѣ его встрѣтили кромѣ духовенства «воєвода и дьякъ съ приказными людьми и со всѣмъ служивымъ строемъ и всенародное множество». Описывая всю дѣятельность преосвящ. Аѳанасія за время его пребыванія въ Холмогорахъ, лѣтописецъ подъ 1702 г. отмѣчаетъ: 29 іюня преосв. Аѳанасій, въ присутствіи царя, освѣщаетъ церковь на новой крѣпости на Двинѣ, за что царь пожаловалъ его саккосомъ и велѣлъ имѣть въ томъ облаченіе, а 19 августа архіепископъ пріѣхалъ въ Холмогоры. Сентября къ 6 числу въ ночи преосв. Аѳанасій преставился въ вѣчный покой въ задней своей кельѣ, и преставленія его скорби никто не вѣдалъ; а былъ онъ въ этой кельѣ одинъ и смертію умре скоропостижною. И поутру къ недѣльному дню, пришедъ къ нему въ келію для благословенія ко всеночному пѣнію благовѣститъ казначей Авксентій, и увидѣлъ его тогда мертва, житія его было 62; на престолѣ святительскомъ былъ 19 лѣтъ и 6

*) А. А. Титовъ. Лѣтопись Двинская м. 1889 г.

мѣсяцевъ. Бысть убо пастырь изящный, писанія довольный, сказатель громогласенъ, рѣчистъ, по премногу остро-разсудителенъ, чина церковнаго опасный хранитель, ревнитель къ вѣрѣ, на расколъ разрушитель, трудолюбивъ: много зданій каменныхъ созда: церковь соборную Преображенія, въ ней иконостасъ новый столярнымъ добрымъ мастерствомъ, священные сосуды и евангеліе, книги и облаченіемъ исполни благолѣпнѣ, при семъ же колокольницу каменную и домъ свой архіерейскій съ довольными потребы и приказы и церковь сѣнную все каменное зданіе изящно содѣла.

Аѳанасія погребаль по грамотѣ Стефана митр. Рязанскаго архимандритъ Сійскаго монастыря Никодимъ 12 ноября.

Другой Холмогорскій архіерей Варнава изъ польскихъ шляхтичей былъ человекъ довольно просвѣщенный. Онъ основалъ въ 1723 г. въ Холмогорахъ «словесную школу» и прославился своими «увѣщаніями къ паствѣ». Издавъ распоряженіе, чтобы нетрезвыхъ и неисправныхъ поповъ высылать къ нему въ Холмогоры, гдѣ ихъ ожидало до-стоющее взыскаііе.

Но однако при всѣхъ своихъ достоинствахъ Варнава не чуждъ былъ издоимства. Такъ для повѣздки своей въ Петербургъ онъ растратилъ свыше 900 р. казенныхъ денегъ; о прощеніи этого прогрѣшенья онъ ходатайствовалъ передъ Петромъ и Екатериной. Кромѣ того въ 1720 г. на него былъ доносъ игумена Козьмеручьевскаго монастыря Мардарія и казначея Виталія, что родные братья преосвященнаго участвуютъ въ утратѣ и похищеніи интересовъ царскаго величества, въ разореніи архіерейскаго дома и въ излишнихъ сборахъ. Дѣло это перешло въ Преображенскую канцелярію куда и былъ взятъ для распроса игумень Мардарій. Преображенская канцелярія въ 1721 г. препроводила Мардарія въ Синодъ, по распоряженію котораго его посадили въ колодничью избу, за корпусъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1722 г. На братьевъ прео-

священнаго были и еще жалобы, что очевидно въ то время случалось и не въ одной епархіи (случается и до днесь). Въ 1728 г. Синодъ счелъ нужнымъ указать по всѣмъ епархіямъ, «чтобы архіереи и настоятели монастырей не держали при себѣ свойственниковъ, а гдѣ таковые окажутся, то высылать вонъ безъ всякихъ оговорокъ и продолженія времени».

Оправдываясь въ держаніи родственниковъ, преосвященный Варнава писалъ, что ему, архіерею, за старостію, безъ своего вѣрнаго челоуѣка въ той странѣ пробыть и всего усмотрѣть и уберечь невозможно. Смерть преосв. Варнавы, говоритъ г. Рункевичъ, скоро разъяснила, что онъ безпокоился «уберечь». По описи, кромѣ образовъ, книгъ и разной рухляди, осталось только 1,798 р. 31 к. Братъевъ при его смерти не было, и когда одинъ изъ нихъ Андрей пріѣхалъ, то, разузнавъ въ чемъ дѣло, обратился въ Синодъ съ жалобой на разграбленіе имущества покойнаго архіерея. Послѣ него должно было остаться денегъ 40,000 руб. и цѣнныхъ вещей на немалую сумму. Колоссальная по тому времени сумма наслѣдства, заключаетъ г. Рункевичъ, представляющая по нынѣшнему соотношенію цѣнности денегъ и распредѣленія капиталовъ чуть не милліонное состояніе, вызвала изумленіе, тѣмъ болѣе, что осталось послѣ архіерея, такъ искренне жаловавшагося на бѣдность.

Жалобникъ архіерейскій братъ далъ и объясненіе, откуда пріобрѣлъ Варнава эти капиталы, но въ цѣпкихъ рукахъ тогдашняго судопроизводства дѣло повернулось такъ, что Андрей отказался давать какіе бы то ни было отвѣты по своему дѣлу, потомъ былъ взятъ въ Синодъ подъ караулъ, бѣжалъ, былъ пойманъ, наконецъ въ 1733 г. Синодъ опредѣлилъ во всемъ ему отказать, изъ-подъ ареста его освободить, но учинить ему нещадное плетыми наказаніе, а обвиняемыхъ имъ расхитителей признать оправданными. Не собирайте себѣ сокровища на землѣ, гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ, заканчиваетъ г. Рункевичъ біографію сребролюбиваго архіепископа.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ архіереевъ Петровской эпохи безспорно былъ Лаврентій Горка, письмо котораго отъ 1723 г. въ кабинетъ министру Макарову Рункевичъ приводитъ въ своей книгѣ. Авторъ Вятской и Астраханской іерархіи, преосвященный Платонъ Любирскій, говоритъ: Лаврентій Горка изъ Малороссіянъ (но за достовѣрное объявляютъ, что онъ родомъ былъ изъ польской націи, изъ города Лаврова), весьма ученъ; учился и училъ и былъ префектомъ академіи кіевской, потомъ игуменомъ Кіево-Выдубецкаго монастыря, оттуда переведенъ архимандритомъ въ Новоерусалимскій, что на Истрѣ рѣкѣ. Путешествовалъ въ Персію съ Петромъ и Екатериною Алексѣевною, коей и духовникомъ былъ. Въ 1723 г. 8 сентября посвященъ Астраханскимъ и Ставропольскимъ епископомъ. Отсюда потребованъ указомъ въ С.-Петербургъ, въ 1726 г. переведенъ въ Устюгъ, въ 1731 г. въ Рязань, а въ 1733 г. въ Вятку, гдѣ и скончался 9 апрѣля 1737 года.

Болѣе подробную біографію Лаврентія Горки даетъ А. Буевскій въ своемъ превосходномъ трудѣ «эпизоды изъ жизни основателя Вятской семинаріи» ¹⁾.

Основатель Вятской семинаріи преосвященный Лаврентій Горка, пишетъ А. Буевскій, принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ дѣятелямъ, о которыхъ существуютъ самыя разнообразныя, даже до противоположности, мнѣнія. Какъ горячій сторонникъ реформы Петра и самый энергическій дѣятель въ церковной сферѣ,—въ духѣ Θεофана Прокоповича, онъ возбуждалъ противъ себя жалобы со стороны приверженцевъ допетровскихъ порядковъ во всѣхъ четырехъ епархіяхъ, гдѣ приходилось ему служить архіереемъ; причемъ противники его не стѣснялись въ своихъ выраженіяхъ, обзывали его «полякомъ», «иконоборцемъ», а иные, какъ Авраамовъ, Родышевскій, прямо называли «еретикомъ», такъ же, какъ Θεофана, Гавріила Бужин-

¹⁾ Календарь Вятской семинаріи на 1898 г.

скаго, Теофила Кролика и другихъ ихъ «товарищей» ¹⁾. Переходя отъ современниковъ къ потомкамъ, такіе злые отзывы о дѣятелѣ противнаго лагеря не только не ослабѣвали въ своей силѣ, но доходили иногда, конечно—у противниковъ петровской реформы, до такой густоты красокъ, что сами собой показывали свое несоотвѣтствіе съ дѣйствительностью. Въ Астрахани, напр., со слуховъ, которые шли отъ современниковъ Лаврентія, внесенъ былъ въ «Лѣтопись объ астраханскихъ архіереяхъ» такой отзывъ о двѣнадцатомъ астраханскомъ епископѣ: «Въ продолженіе трехлѣтняго управленія епархіею (1723—1726 г.) Лаврентій не оставилъ по себѣ доброй памяти, кромѣ—безчеловѣчнаго тирана, ибо не взирая ни на какое лицо, изъ духовныхъ ли оно было или изъ свѣтскихъ, вмѣсто пастырскихъ увѣщаній и исправленій духомъ кротости,—плети и нагайки изъ собственныхъ его рукъ рѣшали участь каждаго—и виновнаго и праваго, не изслѣдывая вины; а кто на кого прежде донесъ, то тутъ же былъ судъ и расправа. Сіи мучительныя орудія занимали у него первое мѣсто на стѣнѣ, при входѣ въ гостиную, послѣ мантии и посоха. Возрастъ, дородство, осанка, видъ лица согласовались съ жестокостію его характера, и самая суровая пища, имъ употребляемая, какъ-то: борщъ, въ разведенной водѣ тѣсто, именуемое галушкой, свиное сало, хрѣнъ и сурепица, нынѣ называемая горчица, лукъ и чеснокъ—образовали свирѣпость его сердца» ²⁾.

Съ другой стороны—отъ сторонниковъ преосв. Лаврентія мы слышимъ совершенно иное. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ малороссъ, какъ и Лаврентій, П. И. Любарскій, бывшій учителемъ и начальникомъ школы, получившей свое начало при Горкѣ. Пріѣхавъ въ Хлыновъ въ 1762 году, онъ прожилъ тутъ 10 лѣтъ при своемъ

¹⁾ „Теофанъ Прокоповичъ“, Чистовича, 304 и др.

²⁾ Ключаревская лѣтопись въ *Астраханскихъ Епархіальныхъ Видомостяхъ* 1887 года, № 7, 250—251.

дядь-архіереѣ (Вареоломеѣ), возстановителѣ «Горкиной» школы, и собиралъ здѣсь, спустя четверть вѣка по смерти Лаврентія, свѣдѣнія о жизни и характерѣ послѣдняго, отъ лицъ, помнившихъ еще этого архіерея, преимущественно—отъ тѣхъ, которые въ юности учились въ «Горкиной» школѣ и потому, какъ «ученые», занимали привилегированное положеніе въ средѣ мѣстнаго духовенства. Отсюда отзывъ у Любарскаго о Горкѣ вышелъ такой: «Лаврентій имѣлъ превосходныя дарованія душевныя и тѣлесныя, ученостію славный мужъ, нравомъ простъ, совѣстенъ, благочестивъ, *нелицепріятенъ*, не памятозлюбивъ, только чрезмѣрно горячъ и вспыльчивъ, но не долго... Къ строгости подавали ему случай подчиненныхъ его грубые обычаи, въ наукахъ непросвѣщенность, кои онъ противъ желанія ихъ заводить старался, замоторѣлая распустность невоздержанія, безчиніе и другіе пороки, которые онъ напереломъ прекратить старался... Священное писаніе, древнюю исторію, хронологію и хорошее чиноположеніе публично самъ изъяснялъ, ревностно желая вліять на просвѣщеніе. Во время всенароднаго здѣсь глада, да и въ прочія времена, собственнаго и церковнаго имѣнія не щадя, требующимъ раздавалъ щедро».

Впрочемъ о чрезмѣрной горячности и вспыльчивости преосв. Лаврентія упоминаетъ и г. Рункевичъ въ своей книгѣ. Современники, пишетъ онъ, говорили о немъ, что съ подданными преосвященный Лаврентій обходится не безъ труда, человекъ нравный и много бьетъ безвинно. Въ синодальномъ архивѣ, кромѣ неистовствъ и грабежей церковныхъ, сохранились дѣла по жалобамъ на него клириковъ и пѣвчихъ. Вскорѣ по пріѣздѣ владыки Лаврентія на Вятскую епархію, пишетъ біографъ Г. Буевскій, стали говорить о необыкновенной его горячности, о томъ, что за всѣмъ хочетъ смотрѣть самъ и вступаетъ въ такія дѣла, въ которыя прежніе архіереи не входили, предоставляя ихъ подчиненнымъ. Лаврентій дѣйствительно началъ *вникать* въ дѣла и открывать при этомъ разные

недочеты и неисправности. Обратилъ онъ прежде всего вниманіе на экономію архіерейскаго дома; нашелъ, что тотъ въ долгу предъ Коллегіей Экономіи, что денежной казны отъ прежняго владыки «ничего не осталось», что съѣстные и всякіе припасы «истощены», что «на пріѣздъ» новаго архіерея, для пріема поздравителей, для обычной «здравной чаши» за государыню, пришлось «занимать вина ренскаго (рейнскаго) и краснаго у людей посадскихъ». Въ дѣлахъ Духовнаго Приказа онъ замѣтилъ самоволіе приказныхъ, излишніе сборы и поборы, раздачу такъ называемыхъ новоявленныхъ грамотъ или указовъ причетникамъ безъ подписи архіерейской, съ одной подписью подьячихъ, раздававшихъ указы причетникамъ, не умѣвшимъ пѣть и хорошо читать. Съ монастырей, въ томъ числѣ и съ богатаго Пыскорскаго и Трифонова, имѣвшаго безъ малаго 25.000 душъ крестьянъ, не собиралось вовсе, установленной еще Духовнымъ Регламентомъ, двадцатой доли приплоднаго хлѣба на архіерейскую школу; а между тѣмъ монастырскія власти позволяли себѣ излишніе и незаконные сборы съ крестьянъ, безконтрольно распоряжаясь монастырскими доходами. Замѣчалъ новый архіерей неисправное чтеніе и пѣніе, а также и другіе непорядки при богослуженіяхъ; съ удивленіемъ узналъ объ уклоненіяхъ многихъ прихожанъ отъ причащенія Св. Тайнъ и обычаѣ многихъ іереевъ причащать своихъ прихожанъ, особенно младенцевъ, вмѣсто Тѣла и Крови Христовой, агіасмою, т.-е. освященною богоявленскою водою..

Горячій владыка волновался при каждой неисправности и проступкахъ подчиненныхъ, принималъ противъ неисправныхъ и виновныхъ свои обычныя мѣры исправленія и взысканія. Но принятая имъ система моментальной репрессіи, какъ говорится, подливала масла въ огонь. Противъ нея провинившіеся принимали тоже свои мѣры; бѣгали и укрывались въ укромныхъ мѣстахъ, въ чуланахъ, за полѣницами, и тамъ ожидали, когда «отойдетъ» гнѣвъ

владыки. Но некоторые изъ подчиненныхъ, люди неуступчивые и тоже горячіе, поступали и болѣе рѣшительно.

18 января 1734 года, во время «государственной панихиды», въ соборѣ произошла сцена, взволновавшая всѣхъ присутствовавшихъ: ключарь Никита Клобуковъ, пьяный, по словамъ Лаврентія, бросилъ царскій указъ съ табелью на столъ, на которомъ стояла кутья, сбросилъ съ себя ризы и съ шумомъ вышелъ изъ храма. Посланные за нимъ, по окончаніи богослуженія, нигдѣ не могли его отыскать; нигдѣ не показывался онъ и въ слѣдующіе дни. Такъ продолжалось цѣлыхъ двѣ недѣли: архіерей не зналъ, куда дѣвался соборный ключарь, онъ «какъ въ воду канулъ». Встревоженный Лаврентій 2 февраля послалъ въ Синодъ доношеніе объ исчезновеніи ключаря и его противностяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ о противностяхъ и другихъ непослушниковъ. Но 23 февраля, чрезъ пять недѣль по своемъ исчезновеніи, о. Никита прямо и смѣло, «какъ будто ничего не бывало», явился въ Троицкомъ соборѣ и принялся за свое обычное дѣло. На допросъ о томъ, гдѣ онъ былъ пять недѣль, ключарь съ усмѣшкой отвѣчалъ: «пьянствовалъ, ходилъ по кабакамъ»; на всѣ вопросы «отвѣтствовалъ велми гордо и продерзостно и почти неукротимо, а на иное и не хотѣлъ отвѣтствовать, и руки къ отвѣту своему не приложилъ». Лаврентій недоумѣвалъ и удивлялся отвагѣ ключаря; но его недоумѣніе разрѣшилъ наконецъ одинъ изъ соборянъ—діаконъ Стефанъ Ивановъ, который объяснилъ архіерею, что ключарь «не скрывался по кабакамъ, а ѣздилъ въ Рязань къ преосв. Алексію, къ которому и до побѣгу своего ѣхать похвалялся и наряжался».

При этомъ Г. Буевскій и оправдываетъ преосв. Лаврентія. Что если, говоритъ онъ, при пылкомъ нравѣ Лаврентія иногда бывали у него случаи горячей расправы надъ ослушниками и непосредственнаго воздѣйствія на провинившихся подчиненныхъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться; жалобы на такого именно рода «вызысканія»

Лаврентія шли отъ его подчиненныхъ и изъ Устюжской и Вятской епархіи. Да такія взысканія вовсе и не были чѣмъ либо необыкновеннымъ и экстраординарнымъ въ то время; напротивъ, именно горячая расправа на мѣстѣ и моментальное непосредственное воздѣйствіе на виновныхъ, какъ наилучшая и цѣлесообразная мѣра ихъ исправленія, указывались духомъ того времени. Примѣромъ былъ непререкаемый и достойный для Лаврентія авторитетъ—самъ «державный» съ своею знаменитою дубинкою, угощеніе которой было даже какъ бы въ некоторой привилегіи для людей близкихъ и высокопоставленныхъ; для разночинцевъ, іереевъ, купцовъ, посадскихъ и т. д. существовали батоги, шелепа, плети; а когда приходилось взыскивать напр. съ медленныхъ въ произвожденіи своихъ дѣлъ губернаторовъ, то державный напоминалъ имъ чрезъ Меншикова: «губернаторы зѣло раку послѣдуютъ; послѣдній имъ срокъ четвергъ на первой недѣлѣ, а потомъ буду не словами, но *руками* съ оными поступать». И царица Прасковья Феодоровна, какъ извѣстно, отличалась совершенно мужескою энергіей при непосредственныхъ взысканіяхъ со своихъ дворянъ и стряпчихъ; а лица самыя высокопоставленныя находили наиболѣе удобнымъ и дѣйствительнымъ способомъ вразумленія другихъ именно моментальное и прямое на нихъ воздѣйствіе: такъ напр. въ 1722 г. на пиру у начальника Преображенскаго приказа кн. И. Ѳ. Ромодановскаго, гдѣ былъ самъ государь и знатнѣйшіе вельможи,—знаменитый дипломатъ, десятки лѣтъ прожившій за границей, кн. Г. Ѳ. Долгорукій, по отъѣздѣ государя, схватился съ хозяиномъ, и оба князя полчаса вразумляли одинъ другого кулаками, рвали другъ у друга волосы, при отмѣнномъ вниманіи къ ихъ боксамъ и пернатымъ рѣчамъ со стороны сіятельныхъ и превосходительныхъ гостей. Губернаторъ Волынской прежестoko высѣкъ въ Астрахани даже неподчиненнаго ему флотскаго офицера кн. Мещерскаго и писалъ объ этомъ государю, какъ о

сущей бездѣлицѣ; онъ же, уже будучи кабинетъ-министромъ, билъ смертнымъ боемъ секретаря академіи Третьяковскаго и не признавалъ за собой никакой вины: билъ-де за дѣло; да и судили его не за то, что билъ, а за то, что билъ «во дворцѣ его свѣтлости герцога Курляндскаго». Это—русскіе; а какъ вразумляли наши учителя изъ иностранцевъ? Знаменитый Минихъ, глава тогдашнихъ учителей—нѣмцевъ, хваталъ подчиненныхъ ему майоровъ за воротъ, сильною рукою вытрясалъ изъ нихъ непослушаніе или нерасторопность и приправлялъ свою науку громкими окриками... по русски. Подобная же вразумительная и исправительная практика была тогда и въ вѣдомствѣ Свят. Синода: въ случаѣ важныхъ проступковъ духовныхъ лицъ, Свят. Синодъ и самъ опредѣлялъ и архіереямъ указывалъ многократно «бить плетью», «бить плетью нещадно», иногда и не снимая съ виновныхъ сана; а 25 іюля 1726 года предоставилъ даже протопопамъ «наказывать за пьянство и непослушаніе поповъ и дьяконовъ посаженіемъ въ чѣпи (цѣпи); а церковниковъ и на тѣлѣ». Насколько указанный выше способъ властелинскаго, непосредственнаго и безволонитнаго вразумленія и нацравленія былъ распространенъ въ разныхъ епархіяхъ, объ этомъ распространяться здѣсь находимъ неудобнымъ и неумѣстнымъ; а желающимъ подробностей о такихъ исправительныхъ мѣрахъ предлагаемъ обратиться къ изданнымъ уже томамъ «Описанія документовъ и дѣлъ архива Свят. Синода», также «Полнаго собранія постановленій Свят. Синода», и (по указателямъ) пробѣжать дѣла, относящіяся къ тогдашнимъ архіереямъ—Воронежскому Пахомію (Шпаковскому), Суздальскому Іоакиму, Коломенскому Варлааму (Леницкому), Смоленскому Филоею и др. Даже самый кроткій изъ товарищей Лаврентія по академіи святитель Иркутскій ¹⁾ и оставившіе

¹⁾ Житія святыхъ, архіеп. Черниговскаго Филарета, ноябрь, подъ 26 числомъ.

очень добрую память о себѣ въ своихъ [епархіяхъ архіереи далеко позднѣйшаго времени—Бѣлгородскій Іоасафъ Горленко и Тобольскій Павелъ Конюсевичъ не обходились безъ наказанія провинившихся іереевъ «на тѣлѣ». А какъ смотрѣли въ то время на такія мѣры исправленія даже лучшіе люди изъ народа, видно изъ завѣщанія Посошкова сыну: «если ты будешь архіереемъ, да какой нибудь дворянинъ побьетъ приходскаго попа, такого (дворянина) безъ удаленія волокиты прикажи хорошенько шелепами высѣчь, чтобъ ему впредь памятно было».

А. Титовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

УЧЕНИЕ СВ. ЮАННА ЗЛАТОУСТА О СОБСТВЕННОСТИ ¹⁾.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Самообладаніе, обязательное для христіанина при пользованіи своею собственностію.

Не слѣдуетъ поработать себя богатству.—Должно употреблять его на нужное и избѣгать порочныхъ излишествъ.—Корыстолюбіе.—Его особенный вредъ. — Сребролюбіе. — Лихоимство. — Обманъ и грабежъ.—

Воровство.

И, прежде всего, такой свободы добровольно лишаетъ себя корыстолюбець, считающій деньги не средствомъ, а цѣлью всей своей жизни. «Ничья душа», гов. Злат., «не наполнена столь многими и столь безразсудными пожеланіями, какъ душа хотящихъ богатиться»²⁾. Это замѣчаніе св. Златоуста основано на глубокомъ пониманіи имъ человѣческаго сердца. Подробнѣе ту же мысль онъ выражаетъ въ такихъ словахъ: «Доколѣ человѣкъ желаетъ большаго, безпокойство не покидаетъ его ни на минуту. Всякое вождельніе тогда доставляетъ удовольствіе, когда удовлетворено»³⁾... «Доколѣ желаешь приращенія богатства, дотолѣ мученіе твое не прекратится. А сіе желаніе безконечно; чѣмъ далѣе идешь впередъ, тѣмъ болѣе отдаляешься отъ цѣли. Не странность ли это, не затмѣніе ли

¹⁾ Продолженіе. См. декабрьскую кн. *Душеполезнаго Чтенія* 1906 г.

²⁾ Б. на Колос. 7, стр. 112.

³⁾ Б. на Рим. 12, стр. 282.

ума, не крайнее ли безуміе?»¹⁾ Корыстолюбіе тѣмъ въ особенности губительно для христіанина, что, причиняя ему самому муки, оно—сверхъ того—ставитъ своего раба въ неправильныя отношенія къ ближнимъ. «Не такъ губительно упиваться виномъ, какъ пристрастіемъ къ деньгамъ. Тамъ вредъ ограничивается болѣзнію, и прекращается безчувствіемъ и гибелью самого упившагося; а здѣсь простирается на тысячи людей и всюду возжигаетъ разныя вражды»²⁾. Эти «разныя вражды» являются результатомъ крайняго духовнаго помраченія, при которомъ эгоизмъ является какъ бы своего рода психической болѣзнію корыстолюбца. «Онъ ни о чемъ не хочетъ ни слышать, ни говорить, какъ о ростѣ, о ростѣ на ростѣ, о гнусной прибыли...; какъ собака, на всѣхъ лаеетъ, всѣхъ ненавидитъ... безъ всякой тому причины, вооружается на бѣдныхъ, завидуетъ богатымъ и ни съ кѣмъ не живетъ въ ладу»³⁾. Корыстолюбецъ не можетъ быть полезнымъ членомъ общества. «Если возлагаютъ на него общественную службу, онъ избѣгаетъ ее, опасаясь большихъ издержекъ»⁴⁾. Этого мало: богатые корыстолюбцы гораздо хуже, чѣмъ бесполезны: «Это какіе-то разбойники, засѣвшіе при дорогахъ, отнимающіе собственность у проходящихъ и чужое имѣніе зарывающіе въ своихъ кладовыхъ, какъ въ пещерахъ и тайныхъ мѣстахъ»⁵⁾.

Преклоняющійся предъ богатствомъ бываетъ имъ такъ ослѣпленъ, что даже сама смерть не вразумляетъ его: «Когда умирающій заботится, чтобы ему поставленъ былъ великолѣпный памятникъ, на который надобно истратить все его имущество, старается и во гробъ показать не-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid. Conf. Б. Мѡ. 20, стр. 428; Conf. ibid. hom. 28: „Корыстолюбецъ хуже бѣснующагося; онъ желаетъ смерти всѣмъ; онъ обременяется старостью отца“...

³⁾ Б. на Рим. 13, стр. 325—326.

⁴⁾ Ibid. Conf. О свѣц., стр. 60.

⁵⁾ Б. къ Антиох. народу т. I, стр. 52. Conf. Б. на Дѣян. 53, 402 стр.

обыкновенную пышность; когда человекъ въ жизни за одну полушку или кусокъ хлѣба оскорбляетъ подошедшаго нищаго, а умирая, готовить червю щедрую пищу; что найдешь еще мучительнѣе этой болѣзни?»¹⁾). И главнѣйшей причиной этой болѣзни Златоустъ признаетъ, именно, поправіе личной свободы и порабощеніе своей воли бездушному истукану-мамонѣ. «Сребролюбець есть стражъ своего имѣнія, а не господинъ; онъ *рабъ, а не владѣлецъ*. Для него легче отдать кому-нибудь часть своего тѣла, нежели удѣлить сколько-нибудь изъ накопленнаго золота. Онъ съ такою заботливостью хранитъ свое сокровище, какъ будто ему строго запретилъ кто дотрогиваться до этого клада, и бережетъ свое, какъ чужое²⁾). Таковъ обликъ корыстолюбиваго богача, по изображенію св. Златоуста.

Преслѣдуя страсть сребролюбія, св. Іоаннъ Зл. указываетъ своимъ слушателямъ, насколько болѣзненно эта страсть уязвляетъ душу, и съ какими опасностями соединено для человека накопленіе и сбереженіе богатства. «Сребролюбца огорчаетъ плодородіе года, печалень онъ при видѣ общаго благосостоянія, гнушается всякимъ дѣломъ, отъ котораго нельзя приобрѣсти денегъ, все терпитъ, какъ скоро можно получить хотя двѣ малыя монеты»... «Ему думается, что всѣ владѣютъ его собственностью, и какъ всѣми обиженный, на всѣхъ негодуетъ, не знаетъ сытости, несчастнѣе всѣхъ людей». Однимъ словомъ: «сребролюбіе губитъ благородство души и дѣлаетъ часто человека рабомъ, дерзкимъ, обманщикомъ, клеветникомъ, хищникомъ, лихоимцемъ и вдающимся въ крайнее зло»³⁾).

¹⁾ Б. на Рим. 17, стр. 439.

²⁾ Б. къ Ант. нар. I т., стр. 228.

³⁾ Б. на Мѣ. 80. Conf. Б. на 1 Кор. 11, стр. 193; Б. на Іоан. 65 стр. На стр. 412—414 весьма подробная характеристика сребролюбца.

Этимъ мы и закончимъ характеристику корыстолюбиваго богача; сказаннаго о немъ, кажется, будетъ достаточно, чтобы ясно видѣть основную руководящую мысль, проникающую все ученіе св. Іоанна Златоуста о собственности. Увлечшись пріобрѣтеніемъ, человѣкъ незамѣтно теряетъ *свободу*; его душевный миръ нарушенъ, и онъ объявляетъ неравную борьбу своимъ ближнимъ, Богу и прежде всего своему «внутреннему человѣку». Поистинѣ: «Сребролюбіе—мать всѣхъ золъ»¹⁾.—Въ ближайшемъ родствѣ съ этой ужасной страстью, и даже въ прямой зависимости отъ нея, стоитъ другая, не менѣе нетерпимая, страсть: лихоимство, или ростовщичество, а равно и различнаго рода обманы и сдѣлки съ совѣстію, допускаемые съ цѣлью наживы.

Ростовщичество искони считалось нехристіанскимъ дѣломъ. Въ новѣйшихъ государствахъ, напротивъ, гдѣ конкуренція пользуется неограниченною свободою, законы о ростѣ не имѣютъ никакой силы, и упорядоченіе процентовъ почти совершенно оставлено... Вотъ что говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ о ростовщикахъ: «Ничего, ничего нѣтъ постыднѣе и жестокосердѣе, какъ брать ростъ здѣсь на землѣ. Ибо ростовщикъ торгуетъ на счетъ чужихъ бѣдствій, несчастіе другого обращаетъ себѣ въ прибыль, требуетъ платы за свое човѣколюбіе»²⁾. Златоустъ не находитъ возможнымъ оправдать лихоимца никакими соображеніями. «Бываетъ ли», спрашиваетъ онъ, «лихоимство: вслѣдствіе необходимости? Нѣтъ! Какая нужда, какая сила, скажи, понуждаетъ грабить? «Бѣдность заставляетъ», скажешь ты,—«и страхъ не имѣть самаго необходимаго». Но поэтому-то самому тебѣ и не должно быть лихоимцемъ; богатство, пріобрѣтенное неправдой, не прочно... «Богатъ тотъ, кто пользуется собственнымъ»³⁾.

¹⁾ Б. на Рим. 17, стр. 440 и мн. др.

²⁾ Б. на Мѡ. 13, стр. 241. Conf. Б. на Іоан. 8, стр. 110.

³⁾ Б. на Ефес. 2, 32 стр.

Съ не меньшей настойчивостью и убѣдительностью св. Іоаннь Златоустъ охраняетъ своихъ слушателей и отъ другихъ преступленій противъ чужой собственности, какъ-то: обманъ и грабежъ. «Я одинаково», говоритъ онъ, «называю воромъ какъ того, кто, отрѣзавъ кошелекъ, возьметъ чужія деньги, такъ и того, кто, торгуя чѣмъ-нибудь на рынкѣ, удержитъ часть настоящей цѣны. И грабитель не тотъ только, кто разламываетъ стѣну и похититъ что-либо изъ дома, но и тотъ, кто нарушитъ справедливость и отниметъ что-либо у ближняго»¹⁾.—Вотъ какъ усердно и умѣло св. Златоустъ защищаетъ право собственности отъ своевольныхъ посягательствъ на него людей неблагонамѣренныхъ. Онъ беспощадно бичуетъ всѣ страсти и порочныя склонности, питающіяся на почвѣ сребролюбія; легкая нажива—не достойна христіанина.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Способы приобрѣтенія собственности.

Законный способъ—трудъ.—Его обязательность.—Ошибки въ рѣшеніи вопроса о значеніи труда въ жизни и одностороннее пониманіе этого значенія въ наукѣ.—Христіанскій взглядъ на трудъ.—Побужденія къ труду.—Заповѣдь о трудѣ.—Психологическіе и другіе доводы въ пользу труда.—Непростительность праздности и ея дурныя послѣдствія.—Значеніе истиннаго пониманія и христіанскаго взгляда на трудъ.—Оцѣнка другихъ способовъ приобрѣтенія собственности.—Наслѣдство.—Достоинство и недостатки этого способа обогащенія.—Бракъ по расчету, какъ средство къ обогащенію.—Его дурныя стороны и вредныя послѣдствія.

Жизнь предъявляетъ человѣку свои законныя требованія, и не удовлетворяетъ имъ — значитъ отказаться отъ жизни. Какой же путь къ благоприобрѣтенію указываетъ св. Іоаннь Златоустъ своимъ слушателямъ? Путь старый,

¹⁾ Б. на Іоан. 60, стр. 336; Conf. Б. на Мѡ. 63, стр. 80; Ibid, стр. 199, бесѣда 69; Б. къ Ант. нар. т. I, стр. 237.

назначенный человеку Богомъ еще въ раю и освященный примѣромъ Иисуса Христа и Его св. апостоловъ,— это путь *труда*.

Осуждая незаконное приобрѣтеніе богатствъ, св. Златоустъ весьма часто настаивалъ на необходимости труда и разъясняетъ его существенное значеніе въ жизни человека.

«Что, воровство не есть ли (также) дѣло необходимости?» спрашиваетъ онъ.—«Да, скажутъ къ нему побуждаетъ бѣдность. Нѣтъ, бѣдность заставляетъ трудиться, а не красть; такимъ образомъ она производитъ противное. Воровство происходитъ отъ лѣности»....

«Замѣть это. Притомъ скажи мнѣ, что труднѣе, что неприятнѣе, проводить ли ночи безъ сна, проламывать стѣны, бродить во тьмѣ, постоянно тревожиться и готовиться къ убійству, дрожать и умирать со страху, или ежедневно посвящать себя труду, и вмѣстѣ съ довольствомъ наслаждаться безопасностью? Конечно, послѣднее легче»¹⁾.

При рѣшеніи вопроса о собственности, значеніе труда (какъ источника права на собственность) намъ представляется настолько важнымъ, что о немъ слѣдуетъ сказать поподробнѣе. Ошибки въ рѣшеніи вопроса о значеніи труда не рѣдко приводятъ къ печальнымъ недоразумѣніямъ и порождаютъ неосуществимыя теоріи, въ родѣ толстовскаго «недѣланія».²⁾—Собственно говоря, обычное житейское рѣшеніе этого вопроса и теоретическое-научное отношеніе къ нему—въ общемъ сходятся: и наука, и непосредственный здравый смыслъ одинаково признають трудъ главнѣйшимъ факторомъ земного благополучія людей. Но какъ часто наука и, въ особенности, жизнь уклоняются отъ такого взгляда на трудъ!..

«Говоря о приобрѣтеніи правъ на имущество», пишетъ

¹⁾ Б. на Ефес. 2 стр. 29—30. Conf. Б. на Мѣ. ч. I стр. 450.

²⁾ См. *Богосл. Вѣстникъ* 1894 г. Апрель, стр. 161—168. Ст. Проф. А. И. Введенскаго: „Въ характеристикѣ современныхъ настроеній“.

проф. Пахманъ ¹⁾, нельзя не остановиться на вопросѣ о значеніи личнаго труда. Нѣтъ, конечно, нужды доказывать экономическое значеніе труда въ дѣлѣ пріобрѣтенія и накопленія имущества. Справедливо также, что при низкомъ уровнѣ экономической жизни народа трудъ является не только главнымъ, но почти единственнымъ источникомъ или орудіемъ добыванія средствъ жизни».—Христианство и здѣсь, какъ и въ вопросѣ о собственности, такъ сказать, не разрушаетъ, а дополняетъ и просвѣтляетъ общечеловѣческой взглядъ на значеніе труда: оно привноситъ въ ученіе о трудѣ очень существенную новую черту и этимъ дѣлаетъ трудъ болѣе возвышеннымъ и пріятнымъ для человѣка. Въ наукѣ эта черта сглаживается. Здѣсь нельзя не вспомнить Адама Смита и его теоріи. Односторонній индивидуализмъ выступилъ въ политической экономіи и защищался съ особенной настойчивостью въ знаменитомъ сочиненіи Адама Смита «о богатствѣ народовъ, его характерѣ и причинахъ» (1776 года),—сочиненіи, которое съ того времени сдѣлалось едва ли не главной основой политической экономіи новѣйшаго либерализма. Что изъ міросозерцанія Адама Смита, какъ оно, по крайней мѣрѣ, проявляется въ этомъ его знаменитомъ сочиненіи, исключается нравственный элементъ, это видно уже изъ того, что для него единственно достойною стремленія цѣлью представляется возможно большее количество экономическихъ вещественныхъ благъ; причемъ не принимается во вниманіе, сообразное съ истиной, распредѣленіе этихъ благъ и какая либо высшая задача человѣческой жизни. Въ качествѣ средствъ, которыми должна быть достигаема эта цѣль, у него выступаетъ раздѣленіе труда, свободная конкуренція. Но подъ трудомъ разумѣется только физическій трудъ, который въ его глазахъ есть единственно производительный...

Самый трудъ разсматривается только, какъ естественно

¹⁾ Op. cit., p. 43—44

необходимое средство къ достиженію богатства и чувственныхъ наслажденій, а не какъ въ тоже время вытекающій изъ назначенія человѣка долгъ, въ исполненіи котораго человѣкъ можетъ находить свою радость и удовлетвореніе. Чрезъ это трудъ теряетъ свое достоинство: иго его тяжело, а не легко.

Не такъ смотритъ на трудъ св. Іоаннъ Златоустъ. Основной мотивъ къ труду онъ видитъ не въ стремленіи къ обогащенію, а въ райской заповѣди. Онъ часто напоминаетъ своимъ слушателямъ, что Господь Богъ, простерши право собственности человѣка надъ тварью до права употреблять низшую органическую живую тварь даже въ пищу, вмѣстѣ съ тѣмъ и ограничиваетъ это право, вручая человѣку свою тварь не только въ пользованіе, но и въ воздѣлываніе и въ береженіе. Такъ, поселивъ невиннаго человѣка въ раю сладости, Богъ отдалъ ему рай въ жилище не для того только, чтобы пользоваться имъ, но и воздѣлывать его своимъ трудомъ. И въ этой заповѣди о трудѣ св. Златоустъ усматриваетъ даже особенную любовь Божию къ человѣку: «И это—дѣло человѣколюбія Божія, что удовольствія покупаются не золотомъ и серебромъ, а трудомъ, работою, нуждою и всякимъ любомудріемъ», ¹⁾ говоритъ онъ. Тогда только можно знать и истинную цѣну благъ жизни, тогда только матеріальное довольство и приносить душевный миръ, когда все, что человѣкъ имѣетъ, добыто его трудомъ, безъ котораго человѣку нечего надѣяться на помощь свыше и ожидать отъ Бога необходимыхъ средствъ къ жизни. «Богъ даруетъ намъ помощь, говоритъ св. Златоустъ, не тогда, когда мы спимъ, но въ то время, когда и сами мы трудимся» ²⁾.

Кромѣ библейскихъ примѣровъ и, такъ сказать, религиозныхъ соображеній, у Златоуста мы встрѣчаемъ не

¹⁾ Б. къ Антиох. нар. I т. стр. 240; Conf. Б. р. сл. I т., 324 стр.

²⁾ Б. на Ефес. 21, стр. 358, Conf. Б. и Сл. на р. сл. т. I стр. 161.; Б. на Мѣ. 21, стр. 449.

мало психологическихъ и логическихъ доводовъ въ пользу труда.

«Тѣло, остающееся въ праздности и бездѣйствіи, бываетъ болѣзненно и безобразно; а движущееся, трудящееся и переносящее тяжести бываетъ благообразнѣе и здоровѣе; тоже бываетъ и съ душой» ¹⁾.

Кто избѣгаетъ труда, предается лѣности, тотъ нерѣдко изъ-за этого утрачиваетъ свое человѣческое достоинство и становится паразитомъ общества,—вотъ почему трудъ имѣетъ нравственное значеніе: «Богатѣйшіе», говоритъ св. Златоустъ, «собирая у себя людей, которые мучатся *отъ праздности*, содержатъ ихъ въ видѣ паразитовъ, подобно собакамъ, питающимся отъ стола, наполняютъ безстыдное чрево ихъ остатками отъ незаконныхъ пирушекъ и пользуются ими такъ, какъ хотятъ» ²⁾. Да, праздность—не достойна человѣка, а тѣмъ болѣе христіанина,—она унижаетъ его предъ Богомъ и людьми, она вредитъ даже его здоровью. «Ибо», говоритъ св. Златоустъ, «праздность и роскошь не годны ни къ чему, а только служатъ для тщеславія и удовольствія. Какъ всѣ презираютъ такого человѣка, и домашніе, и друзья, и родные! По справедливости можно сказать, что онъ бремя земли и напрасно родился въ міръ, или лучше не напрасно, но на свою же голову, на погибель свою и во вреду другихъ»... «Не хуже ли тысячи узъ—постоянно зѣвать, сидя на площади и взирая на проходящихъ?... Нѣтъ ничего постыднѣе праздности; потому Богъ и поставилъ насъ въ необходимость—трудиться. Бездѣйствіе повреждаетъ все и даже члены тѣлесные» ³⁾.

Если бы подобное ученіе о трудѣ (всеобщемъ, обязательномъ и постоянномъ) было не только усвоено общечело-

¹⁾ Б. на Дѣян. 54, стр. 416.

²⁾ Б. и сл. на р. сл. т. I. стр. 160 и слѣд. Сѣмф. Б. на Ефес. 16, 259 стр.

³⁾ Б. на Дѣян. 35, стр. 122

въ вѣснмъ сознаніемъ, но по возможности осуществлялось бы въ практической жизнедѣятельности, то среди людей болѣе чѣмъ на половину уменьшились бы даже поводы ко грѣху; тогда наступила бы та желанная пора, когда каждый могъ бы искренно присоединиться къ просьбѣ премудраго: *«богатства же и нищеты не даждь ми: устрой же ми потребная и самодовольная»* (Притч. Солом. XXX. 8)...¹⁾

Мы изложили (въ общихъ чертахъ) взглядъ св. Іоанна Златоуста на лихоимство, грабежъ, обманъ и воровство, какъ на недостойные челоуѣка (тѣмъ болѣе христіанина) способы пріобрѣтенія богатствъ; мы познакомились, затѣмъ, съ его взглядомъ на трудъ, какъ на законный и богоустановленный способъ пріобрѣтенія богатствъ; но, спрашивается, неужели это — единственный возможный для честнаго христіанина путь къ обогащенію? А наслѣдство, напримѣръ, чѣмъ оно унижаетъ челоуѣка и не можетъ ли оно для многихъ замѣнить ихъ личный трудъ, какъ средство къ жизни? Вопросъ этотъ, намъ кажется, не лишенъ интереса, и потому мы обратимся за его разрѣшеніемъ къ своему надежному руководителю, св. І. Златоусту. Но прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о самомъ законѣ наслѣдства. Въ своей основѣ и сущности онъ, конечно, полонъ внутренняго смысла и не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что противорѣчило бы духу христіанскаго ученія; но бѣда въ томъ, что примѣненіе его въ жизни нерѣдко сопровождается немаловажными злоупотребленіями. Безъ закона о наслѣдствѣ для большинства недоставало бы надлежащаго побужденія къ труду, какъ средству достигнуть устойчивости и будущаго благосостоянія семейства, и самый трудъ принимался бы только для обезпеченія личной жизни въ

¹⁾ Недавно появилась въ печати работа д-ра А. Виреніуса: „Трудъ съ точки зрѣнія санитарной и этической“, доказывающая необходимость труда, какъ потребности, лежащей въ самой природѣ челоуѣка.

данный моментъ. Священное писаніе не рѣдко даетъ понять, что дѣти суть законные наслѣдники своихъ родителей (Быт. XV, 3; Лук. XV, 12; Гал. IV. 1).

Наука и законодатели всегда признавали право наслѣдства однимъ изъ главнѣйшихъ способовъ усвоенія собственности. Въ этомъ есть, конечно, хорошая сторона. Безъ права передачи своего владѣнія по наслѣдству, личность теряетъ свой интересъ къ будущему, равно какъ и интересъ къ сбереженію, такъ какъ она уже не можетъ надѣяться на то, что плоды ея труда могутъ послужить въ пользу ея потомковъ.

Св. Златоустъ признаетъ, конечно, законность правъ наслѣдства, но онъ осуждаетъ неправильное примѣненіе этого закона въ жизни. «Крайне безразсудно», говоритъ онъ, при жизни своей не дѣлать дѣтей господами того, что имѣемъ, а по смерти легкомысленному юношѣ давать полную свободу. Пока мы живы, можемъ требовать у нихъ отчета, и если употребляютъ худо, вразумлять и обуздывать. А когда, по смерти своей, оставляя ихъ безъ нашего руководства и въ молодости, отдадимъ въ ихъ волю богатство, тогда сихъ несчастныхъ и жалкихъ ввергнемъ въ бездонную пропасть, подложимъ огонь къ огню, подольемъ масла въ раскаленную печь»¹⁾. Какое глубокое пониманіе жизни людской, какая отеческая заботливость о слабыхъ и неопытныхъ обладателяхъ «чужого добра!» Совсѣмъ не то замѣчается въ большинствѣ гражданскихъ законовъ о наслѣдствѣ, взирающихъ на человека съ формальной точки зрѣнія, оставляя безъ вниманія самую существенную нравственную сторону предмета.

Есть еще одинъ способъ пріобрѣтенія имущества, который большинствомъ признается вполне естественнымъ и законнымъ, часто практикуется въ жизни и есть какъ бы самый благовидный путь къ обогащенію на чужой счетъ. Мы говоримъ объ исканіи богатыхъ невѣстъ и

¹⁾ Б. на Рим. 7, стр. 152; conf. ibid, бесѣда 56, стр. 274.

женитьбѣ по соображеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ идеей христіанскаго брака. Св. Іоаннъ Златоустъ не оставляетъ безъ вниманія этого (къ сожалѣнію, для многихъ желательнаго) способа обогащенія и вотъ что онъ о немъ говоритъ: «Пусть никто не думаетъ разбогатѣть чрезъ жену: ибо постыдно и позорно такое богатство»... «Не ищи отъ жены большихъ денегъ, и ты легко найдешь все другое» ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ довольно подробно раскрываетъ тѣ ненормальности и затрудненія, какія сами создаютъ себѣ и своему семейному счастью эти легкомысленные искатели легкой наживы: «Не будемъ», говоритъ онъ, «искать брачнаго союза съ богатыми, дабы множество богатства не породило въ женѣ высокомѣрія, дабы высокомѣріе не было причиною развращенія»... «Не для того Богъ даровалъ человѣку жену, чтобы она принесла деньги, но чтобы была ему помощницею. Жена, приносящая деньги, бываетъ коварна, становится госпожею вмѣсто жены,.... предаваясь высокомѣрію изъ-за своего богатства. Нѣтъ ничего презрѣннѣе мужа, желающаго обогатиться такимъ образомъ; ибо если вообще обогащеніе исполнено искушеній, то что будетъ обогащеніе такимъ способомъ?»... «И не самъ одинъ ты чрезъ это подвергаешься безславію, но навлечешь стыдъ и на дѣтей, которыхъ оставишь въ бѣдности, если случится тебѣ умереть прежде, и женѣ подашь множество поводовъ вступить во второй бракъ. Ибо не видишь ли, какъ для многихъ женъ предлогомъ ко второму браку служило то, что онѣ обращали на себя вниманіе, искали распорядителя своимъ имуществомъ? Не будемъ же допускать столько зла изъ-за денегъ, но, оставивъ все, будемъ искать (въ женѣ) доброй души, чтобы найти въ ней и любовь. Въ этомъ великое богатство, въ этомъ высокое сокровище» ²⁾.

¹⁾ Б. на Ефес. 20, стр. 319; conf. ibid, стр. 340; Б. на Мѣ. 73, стр. 319; Б. на Колос. 12 стр. 213.

²⁾ Б. на Дѣян. 49, стр. 332.

Вотъ какъ смотритъ св. Іоаннь Златоустъ на пріобрѣтеніе денегъ путемъ выгодныхъ браковъ!

Семейная жизнь нерѣдко даетъ примѣры, подтверждающіе (только что приведенные нами) слова св. Златоуста. Поработить свою личность, торговать чувствами и посягать на благопріобрѣтенное *чужимъ* трудомъ нельзя безнаказанно....

Этимъ мы и закончимъ изложеніе ученія св. Іоанна Златоуста о пріобрѣтеніи собственности ¹⁾.

Священникъ Іоаннь Говядовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ См. стр. 65—88.

П И С Ь М А

АРХІЕПИСКОПА КАЛУЖСКАГО ГРИГОРІЯ

ВЪ ИГУМЕНЬНЪ НИКИТСКАГО МОНАСТЫРЯ ПАИСІИ ¹⁾.

За поздравленіе съ праздникомъ воскресенія Христова благодарю пречестность вашу, раба божія Паисія Иванова, тоже и за благія желанія ваши, выраженныя въ письмѣ отъ 27 сего марта. А по увѣдомленію вашему о переходѣ въ другую обитель поздравляю васъ на новосельи, на которомъ желаю вамъ новыхъ милостей Божіихъ и помощи ко спасенію души. Не безъ грусти бываетъ разставанье съ обществомъ добрымъ и не безъ недоумѣнія обходится встрѣча съ новыми лицами, еще неизвѣстными, но большого затрудненія для васъ конечно не будетъ при вашей перемѣнѣ мѣстопробыванія, ибо ваше отношеніе съ сестрами обители не непосредственное, ваше все дѣло ограничиваться исполненіемъ воли матушкиной, которая для васъ не нова. Нельзя сказать, что-бы жизнь у начальницы не представляла какихъ либо затрудненій для душевнаго спасенія, когда требуется занятія и суетами человѣческими. Но вѣдь и оставлять начальницу безъ попеченія и безъ пособій въ ея обязанностяхъ не слѣдуетъ, нужно располагать себя такъ, чтобы услуги начальницѣ не дѣлали помѣхи служенію Господу Іисусу, которое должно быть всегда на умѣ и въ сердцѣ, какъ

¹⁾ Продолженіе. См. декабрьскую вн. Душепол. Читенія 1906 г.

долгъ первый и главнѣйшій и необходимый. Ап. Павелъ хвалилъ и блажилъ тѣхъ, кои являли ему услуги во время его апостольской проповѣди. Многое кажется намъ неудобнымъ и даже невозможнымъ, именно потому только, что мы не стараемся взяться за дѣло, какъ слѣдуетъ. А въ ликѣ святыхъ угодниковъ Божіихъ есть лица изъ всѣхъ состояній, и игумены, и послушницы, и рядовыя сестры. Не нужно вдаваться въ мудрованія и въ самоличныя планы, а дѣлать съ полнымъ усердіемъ и въ простотѣ сердца то, что велятъ старшія, и Богъ призритъ на простоту и послушаніе и устроить все ко благу.

Призывая на васъ благословеніе Божіе, съ искреннимъ желаніемъ вамъ всякаго блага, паче же душевнаго спасенія остаюсь вашъ усердный богомолецъ.

Григорій Е. К.

31 марта 1871 г.

Письмы ваши отъ 13 и 26 января были получены въ свое время а за безотвѣтность прошу не взыскать, и вѣрить моей благодарности за всякое выраженіе вашего усердія.

Пречестная матушка Паисія Ивановна!

Постоянство вашего расположенія ко мнѣ и усердіе, выражаемое чрезъ письма, побуждаетъ меня сказать вамъ благодарность мою, съ увѣдомленіемъ, что по доброму желанію вашему, паче же по великой милости Господней, я праздникъ Рождества Христова провелъ благополучно, и въ новый годъ вступилъ благодушно; но хвалиться здоровьемъ прошло уже мое время. Не два же вѣка жить мнѣ на землѣ, гдѣ и такъ довольно уже продолжается пришельствіе мое, которому долженъ быть конецъ. Судя по спокойному тому письмо вашего отъ 23 декабря, которое несходно съ письмомъ отъ 9 апрѣля, полагаю, что вы избавились уже отъ той тревоги, какая произошла было отъ перехода въ новую обитель. Богъ да поможетъ

вамъ благоустроиться на новомъ мѣстѣ, и не забывать о предстоящей еще перемѣнѣ на мѣсто новѣйшее. Для сего нужно укрѣплять въ сердцѣ своемъ дѣтскую преданность промыслу небесному.

Призывая на васъ благословеніе Божіе и милости Его остаюсь съ почитеніемъ милости вашей усердный богомолецъ.

Григорій А. Еп. Калужскій.

9 января 1872 г.
въ г. Калугѣ.

Милостивая Государыня Паисія Ивановна!

Благодарю милость вашу за усердіе, выраженное чрезъ письмо отъ 21 сего декабря, и за благожеланіе ваше, несмотря на то, что я доселѣ не далъ вамъ никакого отвѣта на письма ваши отъ 22 января и 14 Апрѣля, кои были получены мною своевременно. Желая и вамъ взаимно всякихъ милостей Божіихъ и добраго здоровья, и довольства сердечнаго, и радости душевной, паче же помощи благодатной къ подвигамъ душеспасительнымъ.

Въ письмѣ вашемъ написано между прочимъ, что вы послали ко мнѣ книги. Но когда именно было это, и какія книги, и въ какомъ количествѣ посланы вами, не знаю; прошу написать о семъ пояснѣ.

Очень согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ касательно Кіева. Тамъ я не только былъ, но и жилъ шесть лѣтъ. Посему бывалъ, по милости Божіей, и въ пещерахъ, и въ лаврѣ, и въ другихъ свв. мѣстахъ нѣсколько разъ. Призывая на васъ благословеніе Божіе остаюсь искренно благожелательнымъ.

Григорій А. Еп. К.

26 декабря 1872 г.
въ г. Калугѣ.

Матушка пречестная Паисія Ивановна!

Книги, упомянутыя въ письмѣ вашемъ отъ 13 прошлаго января, получилъ я; и въ числѣ ихъ одинъ экземпляръ въ прекрасномъ переплетѣ и съ прелестною закладкою; благодарю покорно за усердіе, вовсе не заслуженное. Нашлась и прежде посланная отъ вашей милости такая же книга—житія святыхъ Грузинскихъ: она странствовала немало времени съ комиссіонеркою вашею, потомъ находилась у Катерины Петровны Кольцовой и доставлена мнѣ 7 января, что было въ день прихода письма вашего отъ 4 января, въ которомъ нашелъ я и поздравленіе ваше съ наступившимъ новымъ годомъ, за которое также душевно благодарю и молю Господа всеблагого, да явитъ Онъ и вашему смиренію въ новомъ семь лѣтъ новыя милости и пошлетъ новый даръ благодати на новые подвиги къ устроенію душевнаго спасенія, и да почиетъ на васъ Его благословеніе, съ каковымъ искреннимъ благожелательствомъ и остаюсь милости вашей усердный богомолецъ.

Григорій А. Еп. Калуж.

4 февраля 1873 г.

въ г. Калугѣ.

Пречестная матушка Паисія Ивановна!

Письмо ваше отъ 15 февраля получилъ я съ посылкою 21 числа. За присланныя четки, годныя для поста, благодарю; но исполнить вашего желанія, чтобы употреблять ихъ всегда, не берусь: ибо имѣю другія четки подобныя, и не мало, подаренныя съ такимъ же желаніемъ отъ усердствующихъ. Что же касается до янтарныхъ четокъ, то я не прочь бы почестъ ихъ излишними, по непривычкѣ употреблять дорогія, блестящія и гремучія, какыя носить и вашей милости не рекомендую. Ибо они похожи больше на игрушку, нежели на напоминаніе о мо-

литвѣ. Не излишнимъ нахожу сдѣлать вамъ извѣстнымъ, что вкладывая въ посылку письмо, вы поступаете противъ почтоваго правила, за нарушеніе коего положенъ штрафъ, если бы почтовая контора вздумала вскрыть и посмотрѣть посылку.

За доброе расположеніе и пожеланіе благодарю, и съ своей стороны желаю вамъ душеспасительно совершить наступившій великій постъ Господу содѣйствующу, и въ душевной радости праздновать потомъ пресвѣтлое торжество Воскресеніе Христова, и призывая на васъ благословеніе Божіе, остаюсь милости вашей усердный богомолецъ.

Григорій А. Еп. К.

23 февраля 1873 г.

въ г. Калугѣ.

Пречестная матушка Паисія Ивановна!

Письма ваши отъ 5 апрѣля и 22 декабря 1873 года, наполненные привѣтомъ и благожеланіями мнѣ, по случаю бывшихъ великихъ праздниковъ, получены мною своевременно и прочитаны съ благодарностію, каковую и на бумагахъ теперь выражаю милости вашей за продолженіе вашего усердія ко мнѣ.

Желаю и молю Господа благоволившаго ввести насъ и васъ въ новое лѣто благодати, да пробавить милость свою къ вамъ и пошлетъ благодатную помощь на совершеніе новыхъ подвиговъ къ душевному спасенію, съ каковыми чувствами благожеланія и остаюсь милости вашей усердный богомолецъ.

Григорій А. Еп. Калуж.

5 января 1874 г.

въ г. Калугѣ.

ПАМЯТИ СКРОМНАГО ДѢТЕЛЯ.

(Изъ исторіи Московскаго Синодальнаго училища церковнаго пѣнія).

Въ настоящее время Московское Синодальное училище церковнаго пѣнія принадлежитъ къ учрежденіямъ очень хорошо поставленнымъ, какъ по отношенію къ учебному плану, такъ и по матеріальнымъ средствамъ, которыми оно располагаетъ. Теперь оно имѣетъ полную возможность стоять во главѣ русскаго церковно - музыкальнаго просвѣщенія, и это составляетъ его прямую обязанность, успѣшное выполненіе которой составляетъ главную задачу его существованія. Но въ относительно недавнее время, приблизительно полстолѣтія назадъ, Синодальный хоръ находился совсѣмъ въ иномъ положеніи, и не только не существовало какого-нибудь прочно организованнаго училища при немъ, но большею частью мальчики хора почти лишены были возможности приобрѣтать какое-либо общее образованіе, такъ что, покаядая хоръ, послѣ спада голоса, они въ сущности выбрасывались прямо на улицу съ небольшою суммой денегъ, которая отлагалась на счетъ каждаго изъ нихъ изъ частныхъ доходовъ хора, всякія связи съ которымъ прекращались. Первымъ и очень талантливымъ дѣтелемъ, положившимъ начало полному измѣненію въ судьбѣ малолѣтнихъ участниковъ хора, былъ инспекторъ Иванъ Димитріевичъ Бердниковъ, скончавшійся 7 января 1880 года. 7 января 1905 года Синодальное училище помянуло двадцатипятилѣтіе его кончины ланихидой, передъ началомъ которой прокуроръ Сино-

дальной конторы А. А. Завьяловъ произнесъ рѣчь, въ которой вкратцѣ были перечислены заслуги покойнаго и обрисована его нравственная личность, какъ человѣка и педагога. Мнѣ, пишущему эти строки, довелось не только знать лично покойнаго И. Д. Бердникова, но даже быть, хотя и въ очень небольшой мѣрѣ, однимъ изъ его сотрудниковъ по преподаванію малолѣтнимъ пѣвчимъ. Я предполагалъ тогда же, вслѣдъ за двадцатипятилѣтіемъ его кончины, напомнить о немъ въ печати, но вслѣдъ затѣмъ наступило такое тяжелое время, которое мѣшало сосредоточиться покойно на чемъ бы то ни было; и хотя это тяжелое время длится до сихъ поръ, но по свойственной человѣку способности осваиваться съ чѣмъ угодно и отношеніе къ самымъ острымъ вопросамъ стало болѣе спокойнымъ, по крайней мѣрѣ позволяющимъ сосредоточиться и на другихъ предметахъ. Предлагаемая статья составлена, главнымъ образомъ, на основаніи фактовъ, сообщенныхъ въ прекрасной рѣчи А. А. Завьялова, которыми онъ разрѣшилъ воспользоваться,—а отчасти и на основаніи личныхъ воспоминаній о покойномъ. Но, такъ какъ вся его дѣятельность важна не столько сама по себѣ, сколько по отношенію къ Синодальному училищу, то нужно будетъ сказать нѣсколько словъ относительно исторіи возникновенія какъ самаго училища, такъ и Синодальнаго хора, при которомъ оно состоитъ.

Синодальный хоръ былъ первоначально Патриаршимъ хоромъ и получилъ новое названіе вмѣстѣ съ учрежденіемъ св. Синода. Съ переводомъ Синода въ Петербургъ, Синодальный хоръ, оставаясь въ Москвѣ, такимъ образомъ какъ бы утратилъ свое первоначальное значеніе и превратился въ хоровое учрежденіе для нуждъ кремлевскихъ соборовъ. Во время перестройки церковныхъ учреждений, въ XVIII вѣкѣ, совсѣмъ было не до Синодальныхъ пѣвчихъ, хотя они имѣли и свою исторію, и свое преданіе; но XVIII вѣкъ былъ занятъ перестройкой заново всего стараго, и къ XIX вѣку Синодальный хоръ

хотя и не былъ уничтоженъ, но его не поддерживали. Въ 1812 году разрушены были пѣвческіе дома, гдѣ жили пѣвчіе и которые составляли главную основу ихъ матеріальнаго обезпеченія. Въ 1819 году было приступлено къ реорганизаціи пришедшаго въ упадокъ хора, причѣмъ взрослые получили нѣкоторое матеріальное обезпеченіе, а въ отношеніи малолѣтнихъ поставлено было требованіе, чтобы они обучались въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ и чтобы синодальный ризничій и протопресвиторъ Успенскаго собора назначили имъ инспектора. Матеріальныя средства хора были настолько невелики, что для поддержки своего существованія онъ, наравнѣ съ частными хорами, долженъ былъ пѣть на всякихъ службахъ по приглашенію за извѣстное вознагражденіе. Это обстоятельство совсѣмъ почти уничтожало для малолѣтнихъ возможность посѣщать какія-либо училища, ибо службы по приглашенію совершались, главнымъ образомъ, въ учебныя часы. Что касается до инспектора, то цѣлые десять лѣтъ спустя послѣ указа Св. Синода онъ еще не былъ назначенъ, и такимъ образомъ ни посѣщенія школъ, ни домашняго обученія не существовало, и только въ 1830 году ризничій Порфирій и протопресвитеръ Іаковъ Дмитріевъ представилъ на утвержденіе проектъ обученія малолѣтнихъ дома съ учителемъ-инспекторомъ.

Проектъ былъ утвержденъ Св. Синодомъ, и въ іюлѣ 1830 года назначили перваго инспектора—студента семинаріи Аничкова, сына дьякона Московскаго Верхоспасскаго собора, а затѣмъ слѣдовали: въ 1832 второразрядный семинаристъ Пушкинъ, а потомъ сынъ пономаря церкви св. Николая на Пескахъ Николаевъ и т. д.

Въ 1835 году малолѣтнихъ учениковъ Синодальнаго хора приписали къ Высоко-Петровскому училищу, на правахъ обучающихся дома. Но это дѣло, повидимому, не дало хорошихъ результатовъ, и въ сороковыхъ годахъ учениковъ стали считать состоящими въ тѣхъ училищахъ, откуда они были взяты и куда возвращались послѣ спа-

денія голоса; такимъ образомъ положеніе малолѣтнихъ пѣвчихъ оказалось нисколько не улучшившимся въ сравненіи съ прежнимъ. Въ половинѣ XIX вѣка Синодальный хоръ, побуждаемый матеріальной нуждой, поетъ даже за обѣдами въ частныхъ домахъ.

Наконецъ, грозное слово императора Николая I напомнило о необходимомъ благоустроеніи хора «отличнаго отъ другихъ и древностью учрежденія и назначеніемъ пѣтъ въ придворныхъ и соборныхъ церквахъ и даже въ Высочайшемъ присутствіи». Вслѣдствіе этого Св. Синодъ въ 1851 году сосредоточилъ управленіе въ рукахъ одного лица — прокурора Синодальной конторы, которому были подчинены завѣдующіе отдѣльно частями: искусственною, инспекторскою и хозяйственною. Въ 1853 году митрополитомъ Филаретомъ была одобрена новая программа преподаванія, взятая отъ двухъ классовъ (высшаго и низшаго отдѣленій) духовныхъ училищъ и двухъ классовъ приходскаго училища, а Св. Синодъ разрѣшилъ въ помощь инспектору нанимать двухъ, трехъ преподавателей.

При этихъ обстоятельствахъ 7 сентября 1853 года инспекторомъ малолѣтнихъ пѣвчихъ Синодальнаго хора былъ назначенъ Иванъ Димитріевичъ Бердниковъ, съ жалованьемъ 171 р. 42 (600 р. на ассигнаціи). Иванъ Димитріевичъ родился въ 1827 г., былъ сыномъ Вятскаго каѳедрального протоіерея и въ 1852 г. окончилъ курсъ Московской Духовной академіи по второму разряду, съ правомъ на степень кандидата черезъ два года учебной службы. По новымъ штатамъ въ 1857 году ему было уже назначено 400 р. жалованья. Для увеличенія столь скудныхъ средствъ содержанія въ 1863 г., когда по училищу у инспектора были уже помощники, онъ принялъ должность помощника хранителя отдѣленія рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, съ жалованьемъ въ 985 р. 10 к. Въ томъ же году ему поручена была редакція и составленіе бібліографическихъ примѣчаній къ твореніямъ св. Тихона

Задонскаго, издававшимися Синодальной типографіей. Почетныхъ отличій онъ почти не имѣлъ: за 24 года службы ему былъ пожалованъ орденъ св. Станислава 3-ей степени, а за 25 л. дано было благословеніе Св. Синода. Своей семьи Иванъ Димитріевичъ не имѣлъ, а въ послѣдніе 20 лѣтъ при немъ жила сестра-вдова, имѣвшая 14 р. въ мѣсяць пенсіи.

Такимъ образомъ, личной жизни покойный Иванъ Димитріевичъ почти не имѣлъ, ибо она вся была сосредоточена на устройствѣ жизни и будущей судьбы малолѣтнихъ пѣвчихъ, ввѣренныхъ его попеченію. Главнѣйшимъ результатомъ этого несложнаго существованія былъ тотъ фактъ, что И. Д. поступилъ инспекторомъ малолѣтнихъ пѣвчихъ, когда для нихъ никакого училища не было, а умеръ прослуживши 12 лѣтъ во главѣ можно сказать созданнаго имъ училища для пѣвчихъ, ибо безъ его беззавѣтной преданности дѣлу и его педагогическаго таланта такого результата, быть можетъ, пришлось бы ждать еще очень долго. Взявши въ свои руки воспитаніе и образованіе мальчиковъ хора, И. Д. въ немногіе годы достигъ уже весьма значительныхъ результатовъ. При содѣйствіи прокурора Синодальной конторы, А. А. Лопухина, были заведены экзамены для малолѣтнихъ учащихся, и Московская Духовная Семинарія командировала своего депутата, который производилъ испытанія, доносилъ о послѣдствіяхъ Правленію семинаріи, которое, въ свою очередь, утверждало переводные списки учениковъ и сообщало къ исполненію въ тѣ училища, по которымъ ученики были записаны. Въ отчетахъ экзаменаторовъ за 1858 — 1866 года вездѣ встрѣчаются только одобрительные отзывы. По распоряженію Правленія семинаріи, экзамены производили: свящ. Петръ Преображенскій (основатель и редакторъ журнала «Православное Обзорѣніе»), инспекторъ семинаріи арх. Никодимъ и проф. свящ. Симеонъ Владимірскій; всѣ они единогласно свидѣтельствуютъ о выдающихся учительскихъ и воспитательныхъ способностяхъ и умѣньи

инспектора Бердникова. Ревизоры отменно довольны и отвѣтами учениковъ, и общимъ ихъ развитіемъ, и вѣдѣній благовоспитанностью. Зубренья нѣтъ и въ поминѣ; рѣчь учениковъ и письменныя работы ихъ осмыслены. Заведенная инспекторомъ Бердниковымъ ученическая библіотека читается на расхватъ. Оказывается время и къ совмѣстному чтенія съ учителемъ лучшихъ авторовъ. Св. исторія проходитъ по тексту св. книгъ; по географіи ученики умѣютъ чертить карты; кромѣ того, сверхъ положеннаго курса, они ознакомлены съ общей церковной и русской исторіей. Самъ инспекторъ преподаетъ катехизисъ, священную исторію и латинскій языкъ. Ученики правда, еще расписаны по различнымъ училищамъ, но хорошая самостоятельная школа уже имѣлась налицо и была признана таковою 18 марта 1868 года. Создалъ эту школу своей любовью, способностями и неусыпнымъ трудомъ И. Д. Бердниковъ.

Самъ устроитель, обаяніемъ своей въ высшей степени симпатичной личности и твердой вѣрой въ будущее школы, умѣлъ привлекать и учителей по своему выбору, несмотря на незначительность вознагражденія за учительскіе труды. Меня лично это обаяніе также коснулось, и когда И. Д. познакомился со мной, то, несмотря на многочисленность моихъ занятій, въ качествѣ профессора консерваторіи, и на частные уроки, очень хорошо оплачиваемые, я охотно принялъ его предложеніе и также началъ преподавать теорію музыки, какъ для малолѣтнихъ учениковъ, такъ и для желающихъ изъ взрослыхъ пѣвчихъ, не помню за какое вознагражденіе, во всякомъ случаѣ, очень небольшое. Во время этихъ занятій и при нерѣдкихъ посѣщеніяхъ самого инспектора въ его квартирѣ, я могъ убѣдиться въ его истинно отеческой любви къ малолѣтнимъ пѣвчимъ и попеченіи объ устройствѣ ихъ существованія насколько позволяли тогда это очень скромныя средства учрежденія. Тамъ же, у И. Д. Бердникова я встрѣчался нерѣдко съ выдающимися лицами, интересовавшимися ходомъ занятій

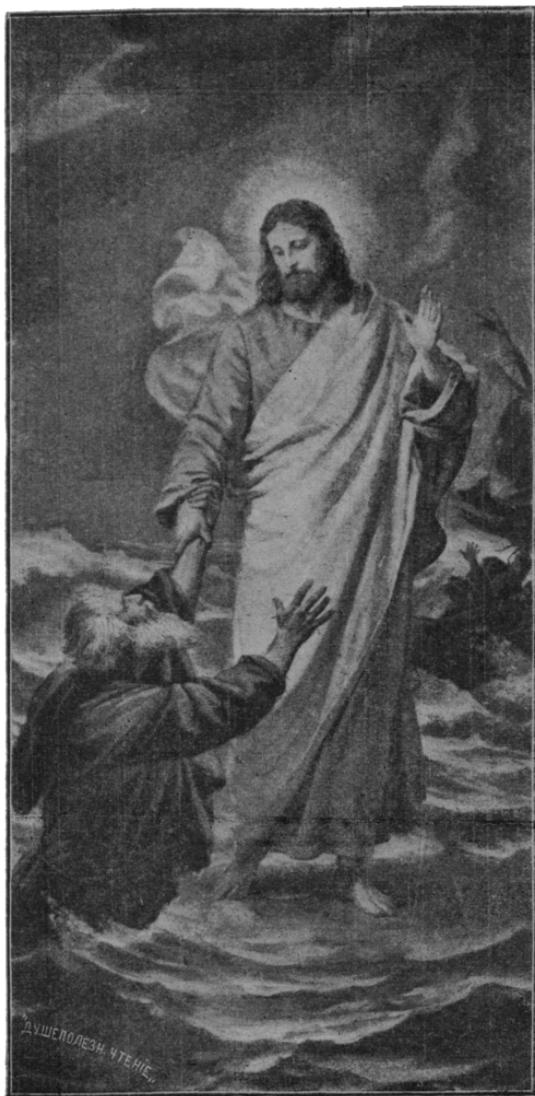
въ школѣ малолѣтнихъ пѣвчихъ, въ томъ числѣ и съ покойнымъ Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ, который былъ связанъ съ Бердниковымъ личными дружескими отношеніями, едва ли еще не съ самыхъ временемъ пребыванія въ Духовной Академіи. Вопросы о будущемъ возможномъ процвѣтаніи училища составляли почти постоянный предметъ разговоровъ на этихъ маленькихъ собраніяхъ въ очень скромной тогдашней квартирѣ инспектора.

Съ 1866 г. прокуроромъ Синодальной конторы былъ А. Н. Потемкинъ, при которомъ И. Д. Бердниковъ прослужилъ 14 лѣтъ. Прокуроръ, не имѣвшій никакого повода къ лукавству, въ своемъ предписаніи конторѣ отъ 23 мая 1880 года, не находитъ словъ для выраженія похвалъ умершаго 7 января того же года И. Д. Онъ замѣчаетъ, что И. Д., при всѣхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, успѣвалъ воспитать въ своихъ ученикахъ не временную къ себѣ и къ пребыванію въ школѣ любовь, которая угасаетъ позднѣе, когда бывшимъ питомцамъ открываются другіе горизонты, встрѣчаются иные люди, когда ихъ юными сердцами овладѣваютъ новыя впечатлѣнія. Всѣ, прошедшіе съ пятидесятихъ годовъ школу И. Д., до самой его смерти оставались близкими ему друзьями. И сколько между нихъ почтенныхъ людей. Пѣвчій, начинавшій жизненное поприще съ необходимости кормиться дѣтскимъ трудомъ своимъ, подъ руководствомъ И. Д. пріобрѣталъ расположеніе къ научнымъ занятіямъ, а съ нимъ и вѣрный путь къ честному благополучію. Бывшіе пѣвчіе оканчиваютъ курсы въ Духовныхъ Академіяхъ, въ университетѣ, въ консерваторіи. И. Д. давалъ имъ не одно учебное руководство, а и помогалъ изъ личныхъ денежныхъ средствъ то на дорогу, то на книги, то на лекарства. Зато, прослышавъ о тяжелой болѣзни любимаго инспектора, къ одру его собрались бывшіе ученики: учитель гимназіи, земскій врачъ, кандидатъ правъ, двое студентовъ-медиковъ и др., и всѣ неотлучно дежурили при немъ до самой его кончины.

Такое расположеніе лучше всякихъ словъ и рѣчей свидѣтельствуеъ о томъ, чѣмъ былъ для своихъ воспитанниковъ И. Д. Бердниковъ. Теперь, когда прошло уже болѣе 25 лѣтъ со дня его смерти, еще приходится встрѣчать людей, до сихъ поръ относящихся къ его памяти съ горячею любовью и благодарностью. Между прочимъ, директоромъ Синодальнаго училища состоитъ В. С. Орловъ, бывшій также однимъ изъ его воспитанниковъ и сохранившій о немъ самую благодарную память.

И. Д. Бердниковъ былъ истинно скромнымъ дѣятелемъ, никогда не заботившимся объ оцѣнкѣ своихъ заслугъ и о своемъ личномъ благѣ, но его скромная дѣятельность, о которой говорилось такъ мало, принесла очень богатые плоды, за которые его слѣдовало бы поставить на-ряду съ наиболѣе извѣстными воспитателями и педагогами. 1 октября состоялся въ зданіи Синодальнаго училища концертъ Синодальнаго хора, и значительная часть его сбора предназначается на обновленіе памятника, находящагося на могилѣ перваго устроителя училища, И. Д. Бердникова, которому да будетъ вѣчная память.

Н. Кашкинъ.

И, вышедши из лодки, Петръ пошелъ по водѣ, чтобы подойти къ Иисусу. Но, видя сильный вѣтеръ, испугался и, начавъ погружаться, закричалъ: Господи, спаси меня! Иисусъ тотчасъ простеръ руку, поддержалъ его и говорить ему: маловѣрный! зачѣмъ ты усомнился?

Матѳ. 14, 29—30.

(Къ 16-му января, дню памяти Апостола Петра).

(Съ картины Поккгорста).

ПРАВСТВЕННОСТЬ И НАУКА О ПРАВСТВЕННОСТИ¹⁾.

Въ одномъ изъ своихъ сочиненій («Что такое искусство»?) Л. Н. Толстой, котораго не безъ основанія называютъ писателемъ-моралистомъ, выразилъ свой взглядъ на современную науку. «Людямъ, — пишетъ онъ, — надо жить. А для того, чтобы жить, имъ надо *знать*, какъ жить. И всѣ люди всегда — плохо ли, хорошо ли — узнавали это и, сообразно съ этимъ знаніемъ, жили, двигались впередъ, и это знаніе того, какъ должно жить людямъ, со временъ Моисея, Соломона, Конфуція считалось всегда наукой, самой наукой наукъ. И только въ наше время стало считаться, что наука о томъ, какъ жить, есть вовсе не наука, а что настоящая наука есть только наука опытная, начинающаяся математикой и кончающаяся социологіей. И выходитъ странное недоразумѣніе. Простой и разумный рабочій человекъ по старому, да кромѣ того и по здравому смыслу, предполагаетъ, что если есть люди, которые всю жизнь учатся, и за то, что онъ ихъ кормить и содержать, думаютъ за него, то вѣроятно, эти люди заняты тѣмъ, что изучаютъ то, что нужно людямъ, и онъ ждетъ отъ науки, что она разрѣшитъ для него тѣ вопросы, отъ

¹⁾ Изъ уроковъ по Нравств. Богословію въ Виенской семинаріи. Литература вопроса: Паульсенъ: „основы этики“. — Кирхнеръ: „этика“. — Гёфдингъ: „этика или наука о нравственности“. — Мюрхедъ: „Основныя пачала морали“. — Макензи: „этика“. — Циглеръ: „что такое нравственность“? — Balch: An introduction to the study of christian ethics. — Smyth: Christian Ethics.

которыхъ зависитъ благо его и всѣхъ людей. Ожидаетъ онъ, что наука научить его, какъ надо жить, какъ обходиться съ семейными, какъ съ ближними, какъ съ ино-племенниками, какъ бороться со своими страстями, во что надо, во что не надо вѣрить и мн. другое». «Наша наука для того, чтобы сдѣлаться наукой, — дѣлаетъ выводъ Толстой,—дѣйствительно быть полезной, а не вредной человѣчеству, должна прежде всего отречься отъ своего опытнаго метода, по которому она считаетъ своимъ дѣломъ только изученіе того, что есть, и вернуться къ тому единственно разумному и плодотворному пониманію науки, по которому предметъ ея есть изученіе того, какъ должны жить люди. Въ этомъ цѣль и смыслъ науки; изученіе же того, что есть, можетъ быть предметомъ науки только въ той мѣрѣ, въ какой это изученіе содѣйствуетъ познанію того, какъ должны жить люди».

Въ словахъ Толстого, конечно, есть значительное преувеличеніе. Заслуги опытной науки не малоцѣнны и уже далеко не вредоносны. Послѣднее зависитъ отъ употребленія, какое даютъ люди результатамъ опытной науки. Но основная мысль Толстого совершенно вѣрна. Науки, посвященныя предметамъ религіознымъ и нравственнымъ, т.-е. науки, которыя имѣютъ цѣлью сдѣлать жизнь человѣческую болѣе доброю и нравственно-прекрасною, многими не считаются настоящими науками; на нихъ въ лучшемъ случаѣ смотрятъ снисходительно, а въ худшемъ презрительно ¹⁾. Между тѣмъ знаніе того, какъ жить людямъ, должно дѣйствительно считаться наиболѣе цѣннымъ. И вотъ представленіе о томъ, какъ должно жить людямъ

¹⁾ Этому не противорѣчитъ наблюдаемое иногда въ обществѣ оживленіе интереса къ этическимъ вопросамъ. Во-первыхъ, этотъ интересъ бываетъ временнымъ, случайнымъ. Во-вторыхъ, по большей части въ данномъ случаѣ наблюдается стремленіе разрѣшать этическіе вопросы на основѣ данныхъ другихъ областей знанія, сводить напр. этику къ социологіи или даже прямо къ экономикѣ.

сообразно съ истинной идеей о жизни, входитъ въ понятіе о нравственности, научное уясненіе и философское обоснованіе которой составляетъ самостоятельную науку о нравственности, такъ называемую этику.

Нравственность есть явленіе общечеловѣческое; слово выражающее это понятіе, принадлежитъ къ числу общеупотребительныхъ, ходячихъ. И тѣмъ не менѣе, если мы прислушаемся къ разговорамъ, взглянемъ въ книги и журнальныя статьи, заведемъ рѣчь о ней, мы тотчасъ же убѣдимся, что каждый понимаетъ нравственность, нравственную личность по своему, что съ этими названіями соединяются совсѣмъ различныя представленія. На повѣрку выходитъ, что нравственность есть нѣчто крайне неопредѣленное и туманное¹⁾. Этимъ уже въ значительной степени объясняется необходимость научнаго анализа нравственности, обусловливается нужда въ особой отдѣльной наукѣ.

Конечно, нравственность, какъ фактъ существуетъ ранѣе всякой науки о ней, такъ же какъ здоровье существуетъ ранѣе гигиены и богатство ранѣе политической экономіи. Возникновеніе науки о нравственности предполагаетъ существованіе извѣстныхъ нравственныхъ фактовъ и законовъ. Наука о нравственности при своемъ появленіи находитъ естественную, непродуманную традиціонную нравственность, извѣстную подъ именемъ положительной. Подобно тому, какъ тѣлесная жизнь упорядочивается первоначально безъ науки одними инстинктами и слѣпыми привычками, такъ и нравственную жизнь всего человѣчества управляетъ нѣкотораго рода нравственный инстинктъ. Совершенно такъ же, какъ искусство говорить или разсуждать можетъ быть приобрѣтено такими людьми, которые никогда не видѣли книгъ по грамматикѣ или логикѣ и даже ничего не слышали о такихъ наукахъ,—и искусство нравственнаго поведенія и нравственнаго суж-

¹⁾ Кавелицъ. Задачи этики. Собр. сочин. т. III, стр. 904.

денія могло быть пріобрѣтено безсознательнымъ процесомъ, прежде чѣмъ кто-нибудь мечталъ построить науку о нравственности. Яснымъ показателемъ этого служатъ существующіе у каждаго народа нравы и обычаи. Каждый человѣкъ вырастаетъ въ футлярѣ обычаевъ, обвивающихъ его, какъ пеленки обвиваютъ младенца. Но въ жизни отдѣльнаго человѣка и цѣлаго человѣчества наступаетъ моментъ, когда безсознательная жизнь должна бываетъ уступить мѣсто сознательному отношенію къ окружающимъ явленіямъ и переживаемымъ настроеніямъ. Человѣчество перестаетъ руководиться естественными влеченіями и традиціонными правилами нравственности. Оно стремится критически пересмотрѣть эти правила и предписанія, отыскать основы или принципы, на которыхъ *опирается* нравственная дѣятельность, опредѣлить удѣльный вѣсъ и значеніе послѣднихъ въ моральномъ отношеніи. Съ тѣхъ поръ, какъ рефлексія и критика заявляютъ свои права въ области положительной морали, полагается начало науки о нравственности. Она критикуетъ, исправляетъ, дополняетъ и *опыниваетъ* опредѣленія обыденнаго непосредственнаго нравственнаго смысла и такта.

Несомнѣнно, нравственность есть прежде всего дѣятельность, искусство, которое пріобрѣтается опытомъ, упражненіемъ, навыкомъ. Но *каждое* искусство нуждается въ руководствѣ, въ указаніи руководящихъ началъ или принциповъ, въ опредѣленіи и установленіи нормъ для дѣятельности, а также въ знакомствѣ со способами осуществленія. Такія теоретическія предпосылки нужны и для нравственности, чтобы она была достойною человѣка дѣятельностію. Задачу эту выполняетъ наука о нравственности. Въ этомъ ея право на существованіе и жизненное значеніе.

Иногда возражаютъ противъ науки о нравственности, что размышленіе и критика вообще имѣютъ нѣкоторое разлагающее вліяніе на нравственный инстинктъ. Онъ теряетъ свою непосредственную силу и увѣренность, когда

прикасаются къ нему научнымъ анализомъ и вообще размышленіемъ и обсужденіемъ. — Но противъ этого нужно замѣтить, что увѣренность и сила вовсе не представляютъ собою абсолютныхъ благъ. Лунатикъ идетъ увѣреннѣе, чѣмъ могъ бы идти сознательный бодрствующій человекъ; однако мы наблюдаемъ за нимъ, или удерживаемъ его, или стараемся, чтобы онъ спустился поближе къ землѣ. Величайшая сила можетъ проявляться въ направленіяхъ разрушительныхъ. И развѣ нравственный инстинктъ не проявлялся у человѣчества въ дѣйствіяхъ, явно не заслуживающихъ одобренія? У нѣкоторыхъ индійскихъ племенъ убійство разсматривалось, какъ высшая обязанность. И несомнѣнно, въ основѣ ея лежало нравственное побужденіе, но, само собой разумѣется, что никакой научный кодексъ нравственности никогда не предпишетъ подобной обязанности, какъ никакая медицинская система не предпишетъ чрезмѣрнаго употребленія алкоголя. И въ нравственной области большое значеніе имѣетъ самый теоретическій принципъ оцѣнки, лежащій въ основѣ человѣческихъ дѣйствій. По этому признаку оцѣнки наука о нравственности относится къ разряду наукъ, нормирующихъ т.-е. излагающихъ правила и законы для достиженія извѣстной цѣли. Къ этому же роду наукъ принадлежатъ логика, или наука сужденія объ истинѣ или заблужденіи, и эстетика — наука сужденія о красотѣ или безобразіи. Наука о нравственности имѣетъ дѣло съ нормой или образцомъ нравственнаго, какъ логика имѣетъ дѣло съ образцомъ истины, а эстетика — съ образцомъ красоты.

Впрочемъ, этотъ послѣдній — нормирующій — характеръ усвоется наукѣ о нравственности далеко не всѣми. Очень часто хотятъ видѣть въ ней лишь описательную, эмпирическую или историческую науку. Такая наука имѣетъ дѣло съ данными положительной морали, какъ она выступала въ извѣстное время у того или другого народа, изслѣдуетъ различныя формы, какія принимала положительная мораль въ своемъ историческомъ развитіи, старается оты-

скать причины различія этихъ формъ въ опредѣленныхъ физическихъ и психологическихъ условіяхъ и отсюда дѣлаетъ гипотетическія заключенія о будущемъ направленіи морали. Но этимъ не исчерпывается наука о нравственности. Не все то, что развилось исторически, можетъ быть оправдано съ нравственной точки зрѣнія. Историческая этика сообщаетъ намъ только о томъ, что фактически существуетъ, и какъ это существующее образовалось, но если только мы не считаемъ, что все существующее непременно разумно, то намъ приходится неизбежно установить еще оцѣнку этого существующаго. Поэтому, кромѣ исторической точки зрѣнія на нравственность, существуетъ еще философская, обязанная своимъ проявленіемъ идеѣ объ абсолютной цѣли или идеалѣ человѣческой дѣятельности. Здѣсь— пунктъ соприкосновенія науки о нравственности съ философіей или метафизикой, какъ опредѣленнымъ, цѣльнымъ міровоззрѣніемъ. Мыслители прежнихъ временъ были въ данномъ случаѣ правѣ современныхъ ученыхъ, которые стремятся поставить науку о нравственности внѣ зависимости отъ философіи. Наука о нравственности занимала почетное мѣсто въ древнихъ системахъ метафизики подъ именемъ нравственной философіи. Разумѣется, историческая и философская точки зрѣнія не могутъ быть рѣзко разграничены и отдѣлены одна отъ другой въ наукѣ о нравственности. *Философскій изслѣдователь нравственности* по необходимости долженъ отпираться отъ извѣстныхъ нравственныхъ фактовъ, долженъ считаться и съ рыцарскимъ кодексомъ чести, и съ десятословіемъ, и нагорной проповѣдью, хотя и не можетъ одинаково оцѣнивать ихъ. Но во всякомъ случаѣ нормирующая сторона въ наукѣ о нравственности представляетъ наиболѣе важную часть. Подобно тому, какъ исторія религій не рѣшаетъ религіозной задачи, такъ и историческое изученіе положительной нравственности далеко еще не рѣшаетъ нравственной проблемы. Когда этика начинаетъ критиковать фактически существующія

нравственныя сужденія, она перестаетъ быть чисто исторической, позитивной наукой. При подобной критикѣ или оцѣнкѣ возникаетъ вопросъ, какой предполагается при этомъ масштабъ, по которому мы измѣряемъ нравственныя явленія, а вмѣстѣ съ этимъ сейчасъ же возникаетъ нравственная проблема: почему же мы беремъ именно данный опредѣленный масштабъ? Такъ, этика историческая силою своего внутренняго развитія переходитъ въ нормативную, философскую.

Кромѣ этики философской есть еще теологическая этика или Нравственное Богословіе, которое указываетъ принципъ нравственной оцѣнки въ откровеніи, а нравственный идеаль—въ Богѣ. Весьма распространенъ взглядъ, что теологическая этика противорѣчитъ методамъ научнаго изслѣдованія, такъ какъ она устанавливаетъ нравственную оцѣнку не на основаніи тѣхъ началъ, источникъ которыхъ можетъ быть указанъ въ человѣческой природѣ, а заимствуетъ свои исходные пункты изъ того, что выше человѣческой природы, изъ откровенія ¹⁾.

Но здѣсь упускается изъ виду, что откровенный нравственный идеаль является въ тоже время внутреннею нравственною потребностію человѣка. По ученію отцевъ Церкви десятословіе, а потомъ и Евангеліе—эти два главныхъ источника богословской этики—служатъ истолкованіемъ лучшей стороны человѣческой природы и на нее опираются. Отсюда задача богословской этики состоитъ не въ томъ только, чтобы изложить систему нравоученія по руководству Слова Божія: она должна изслѣдовать психологическую основу нравственности самого человѣка, какъ нравственнаго дѣятеля, раскрыть ученіе о его природѣ, силахъ и о соотвѣтствіи ихъ съ требованіями откровеннаго нравственнаго закона. Значитъ, Нравственное Богословіе должно дать систематическое изображеніе процесса нравственнаго перерожденія человѣка въ благодат-

¹⁾ Гефдингъ. Этика. Стр. 9.

номъ царствѣ Христовомъ, постепеннаго восхожденія чело-
вѣка къ нравственному совершенству въ полномъ со-
отвѣтствіи съ идеаломъ, начертаннымъ въ откровенномъ
законѣ Божиѣмъ. Такимъ образомъ, богословская этика
имѣетъ ближайшую связь съ психологіей. Она, какъ и
психологія, проникаетъ въ тайны психической жизни и
дѣятельности чело-вѣка и весьма близко подходитъ къ
источникамъ, гдѣ послѣдняя непосредственно зарождается.
Психологическое изученіе нравственности, ея природы,
законовъ и условій, ея возникновенія и существованія
возвышаетъ богословскую этику на степень науки и со-
общаетъ ей философскій характеръ.

Теологическая этика имѣетъ своимъ предметомъ изуче-
ніе *христіанскаго* нравственнаго сознанія. Было бы въ
высшей степени ненаучно, если бы при изслѣдованіи нрав-
ственности опускался изъ вниманія этотъ наивысшій типъ
ея. Нравственное сознаніе чело-вѣка, просвѣщенное Ду-
хомъ Христовымъ, есть психологическій фактъ, который
можетъ быть подвергнутъ научному изслѣдованію и со-
отношенію съ другими фактами нравственной жизни лю-
дей. При научномъ раскрытіи нравственной жизни «по-
Христу» богословская этика должна имѣть въ виду факты
естественной моральной жизни чело-вѣка и выводы фило-
софскаго правоученія. «Безъ него, замѣчаетъ преосв. Тео-
фанъ, обойтись нельзя. Христіанство возстановляетъ наше
естество и поставляетъ его въ должный чинъ. Естество
ваше такимъ образомъ служить точкою отправленія для
воздѣйствія на него христіанства. Тоже и въ правоуче-
ніи, показаніе, каковымъ долженъ бы быть чело-вѣкъ по
естеству, служить истолкованіемъ, почему отъ него тре-
буется то и то, если онъ хочетъ стать въ настоящій
свой чинъ: что есть въ цѣляхъ христіанскаго правоуче-
ченія» ¹⁾). Подобнымъ образомъ разсуждаетъ и другой не-
безызвѣстный у насъ моралистъ Мартенсенъ. «Такъ

¹⁾ Начертаніе христіанскаго правоученія. Стр. 7.

какъ христіанская этика должна выяснить и развить истинный идеаль челоуѣчности, то потому то именно ничто челоуѣческое не можетъ оставаться чуждымъ ей, и ея задача должна состоять въ томъ, чтобы выяснить единство христіанскаго и челоуѣческаго, слѣдовательно показать, что то челоуѣческое, изъ котораго исключается и отвергается христіанское, не есть именно истинное челоуѣческое, какъ и наоборотъ, что то христіанское, которымъ отвергается чисто челоуѣческое, въ дѣйствительности не есть истинно христіанское²⁾. Здѣсь точка соприкосновенія этики философской съ богословскою.

Въ этихъ же словахъ намѣчается путь къ примиренію этики философской съ богословскою, которая, какъ свидѣтельствуется исторія мысли челоуѣческой, часто находится во враждѣ между собою. Эта враждебность и противоположность будутъ исчезать по мѣрѣ того, какъ философія будетъ становиться христіанскою, а христіанство будетъ получать рacionales оправданіе и научное освѣщеніе.

Ив. Николнз.

²⁾ Христіанское ученіе о правствнности. Т. I, стр. 46.

ТИПЫ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА

ВЪ РУССКОЙ СВѢТСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ (1905—1906 гг.).

Типы недавняго прошлаго.

Православное духовенство, попрежнему, нерѣдко выводится въ современной русской литературѣ. Только въ изображеніи его можно замѣтить бѣольшую пестроту и неровность, что всецѣло слѣдуетъ приписать современному освободительному движенію. Вмѣстѣ съ прежними типами духовенства и въ особенности священниковъ—городскихъ и сельскихъ, молодыхъ и старыхъ, благодушныхъ и черствыхъ, хорошихъ и дурныхъ—начинаютъ появляться типы, созданные уже освободительнымъ движеніемъ, причемъ въ большинствѣ изображаются священники, относящіеся къ этому движенію враждебно и старающіеся ему противодѣйствовать ¹⁾ или, по крайней мѣрѣ, старающіеся уклониться отъ предьявляемыхъ имъ, особенно въ селахъ, требованій и остаться какъ-нибудь въ сторонѣ ²⁾. Такимъ конечно жестоко достается. Но встрѣчаются и положительные типы—преимущественно изъ недавняго сравнительно прошлаго.

¹⁾ Напр. священникъ (сельскій) о. Анемподистъ Мздоимцевъ въ донельзя безобразномъ и нехудожественномъ разсказѣ Е. Глуховцовой „Пастырѣ“ (*Образованіе*, июль 1906 г.).

²⁾ Напр. сельскій священникъ о. Григорій въ разсказѣ Евг. Чирикова „Мятежники“ (*Народная Вѣсть (Журналъ для всѣхъ)* полбрь 1906 г., № 1-й).

Такой типъ находимъ мы прежде всего въ очеркахъ К. Н. Соловьева «Родное село» (*Русскій Вѣстникъ* 1906 г. январь—май). Здѣсь выводится почтенный и пожилой сельскій протоіерей и благочинный «благообразный, съдовласый, высокаго роста» человекъ, благочестивый, разумный и добрый. Отношенія къ прихожанамъ у него самыя лучшія. Ежегодно, на первый день Пасхи онъ (какъ и весь причтъ) устраиваетъ своимъ прихожанамъ (мужчинамъ) угощеніе.

Въ ожиданіи выхода о. протоіерея изъ церкви, прихожане располагаются у его дома. Увидавъ его еще издали, «мужички сняли шапки и направились къ нему за благословеніемъ. Давая его, онъ внятно и громко произнесъ: «покорнѣйше прошу, православные, зайти поздравить меня со св. праздникомъ». Изъ толпы послышалось: благодаримъ покорнѣйше, родимый. Зайдемъ, кормилецъ. Премного благодарны за наставленія твои. Дай тебѣ Богъ добраго здоровья, отецъ нашъ». Слѣдомъ за о. протоіереемъ прихожане вошли въ его домъ, на менѣе чистую половину, гдѣ были кухня и еще комната, какъ бы столовая.

О. протоіерей благословилъ питія и яства и налилъ стаканчики водки. Одинъ взялъ себѣ и произнесъ: «Воскресшій Спаситель міра да сохранитъ ваше здоровье и пошлетъ вамъ силы на предстоящіе труды и вознаградитъ ихъ обиліемъ плодовъ земныхъ. Прошу покорно, пожалуйте».

Появилась и матушка, со всѣми похристосовалась и одѣлила всѣхъ крашеными яйцами.

— «Въ радости ли, православные, встрѣтили нынѣ свѣтлый праздникъ — сталъ спрашивать о. протоіерей. — Курочки неслись ли? Коровушки потелились ли? Молочко есть ми?»

— Слава Тебѣ Господи, родимый. Нынѣ пасха поздняя, и ячкомъ и молочкомъ разговѣлись, да и мясное было: у кого теленочка закололи, у кого барашка. Посолили въ

посту-то, а въ Пасху и разговѣлись. У кого нѣтъ, подѣлились. Благодареніе Господу!

— Ну, какъ вы, мархаровскіе? Поправились ли послѣ пожара? Помогъ ли вамъ заработокъ въ Разсудновскомъ лѣсу?

— Ужъ какъ помогъ, родимый, какъ помогъ...

— Ну, и слава Богу. Я просилъ, чтобы вамъ отказа въ работѣ не было.

— Слышали, отецъ нашъ... ужъ какъ благодарны, какъ благодарны. И скотину прокормили, и семью одѣли, обули, да и на подати позапасли. Слава Тебѣ, Господи.

— Ну, а ты, Клементій, скучаешь по сынѣ-то?

— Какъ не скучать, родимый, одинъ былъ...

— Конечно, по родительскому чувству жаль, а все же скажи не помощникъ онъ тебѣ былъ, слабость сгубила... А вотъ невѣстка у тебя—баба хорошая, тихая, заботливая. Береги ее. Выростить внуковъ—опять домъ на ноги встанетъ. Не скучай...

Это происходитъ въ богатомъ приволжскомъ селѣ, лѣтъ двадцать пять, тридцать тому назадъ. Теперь уже такія патриархальныя отношенія едва ли гдѣ существуютъ. Правда, здѣсь нехорошо то, что священникъ угощаетъ крестьянъ водкою, но это уже такая традиція, самый же обычай очень хорошъ и трогателенъ.

Тотъ же священникъ разумно и трогательно уговариваетъ старика крестьянина простить безпутнаго сына и подождать его раскаянія. «Вотъ вамъ мое благословеніе—заключаетъ о. протоіерей свое увѣщаніе—забудьте свои временныя огорченія и заботьтесь только о немъ, обращайтесь съ нимъ, какъ съ больнымъ, кротко и сердечно, и истинная любовь восторжествуетъ, и въ вашемъ домѣ скоро будетъ такая же радость, какая была у родителей, когда вернулся къ нимъ блудный сынъ, и эта радость останется съ вами до конца дней вашихъ». И сердце ожесточившагося отца смягчается.

Къ такимъ же типамъ прошлаго, хотя и не особенно далекаго, относится и священникъ, выведенный въ повѣсти Волковичъ-Вель «Тайна» (*Русскій Вѣстникъ* іюнь 1906 г.). Молодая дѣвушка въ безвыходномъ положеніи впадаетъ въ тяжкій и страшный грѣхъ: убиваетъ собственнаго ребенка. Судебной отвѣтственности ей удается избѣжать, но совѣсть мучаетъ ее невыносимо. Не зная, что дѣлать со собою, она обращается за совѣтомъ къ священнику. Тотъ, въ качествѣ эпитиміи, назначаетъ ей поклоны. Но отъ поклоновъ ей не легче. Она обращается къ другому священнику. Тотъ сразу угадываетъ, что нужно ей, и даетъ ей слѣдующій совѣтъ:

— «Охъ, дѣвушка, не то тебѣ надо. Потрудись лучше на дѣло Божіе, во имя Его... Не монахиней, нѣтъ, подвижницей будь, подвижницей. Найди себѣ дѣло большое, трудъ великій... Твое дитя погибло, о другихъ радѣй.

— Какъ же менѣ радѣть-то? Ни я богатая, ни что...

— Молчи, молчи, не болтай пустое, молчи! Сиротъ много. Гдѣ дѣломъ, а гдѣ словомъ,—добро можно сдѣлать большое, чудо сотворить. Только вѣрь да желай!» Эпитимію священникъ владетъ на двадцать лѣтъ. «Черезъ двадцать лѣтъ освобожу».

Дѣвушка догадывается, что это и есть именно то дѣло, въ которомъ нуждается ея истерзанная и изболѣвшая душа, и съ необыкновеннымъ усердіемъ и ревностью начинаетъ нести положенную на нее эпитимію, не давая себѣ ни малѣйшей поблажки, ни малѣйшаго отдыха. «Эпитимія, что присяга—говорить она.—Все оглядываешься, да боишься противъ нея оплошать. Страшно». Всю себя посвящаетъ она на служеніе бѣднотѣ. По цѣлымъ ночамъ ухаживаетъ она за роженицами; вырываетъ молодыхъ дѣвушекъ изъ когтей разврата; собираетъ дѣтей и водить ихъ гулять за городъ, отдавая имъ на конку послѣднія деньги и сама оставаясь безъ обѣда. Подъ конецъ силы начинаютъ ей измѣнять, но она не допускаетъ и мысли не только о прекращеніи, но даже и какомъ-либо

уменьшеніи своей дѣятельности. Ровно черезъ двадцать лѣтъ отъ того времени, когда наложена на нее эпитимія, на лѣтнюю Казанскую, она приходитъ къ обѣднѣ въ церковь и, когда ставитъ передъ иконою свѣчи, внезапно чувствуетъ себя дурно, падаетъ и вскорѣ умираетъ.

Столь же симпатичный типъ священника и тоже изъ прошлаго (лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ) времени—представленъ въ романѣ В. Крыжановской (Рочестеръ)—(*Русскій Вѣстникъ* январь—сентябрь 1906 г.) Романъ представляетъ собою тяжелую и печальную картину постепеннаго завоеванія мирнаго завоеванія Россіи Нѣмцами—го завоеванія экономическаго и религіознаго. Послѣднее заключается въ успѣшномъ насажденіи и быстромъ распространеніи въ Россіи, въ особенности въ южныхъ губерніяхъ, штунды. Яркими красками изображены въ романѣ нахальство и беззащѣтность Нѣмцевъ, ихъ эксплуатація Россіи и Русскаго народа и до цинизма откровенное и нескрываемое презрѣніе и къ Русскому народу, который они называютъ прямо скотомъ, и къ православію, которое они называютъ не иначе, какъ язычествомъ, и которое по ихъ замысламъ и планамъ подлежитъ безусловному уничтоженію; ихъ злобная нетерпимость и крайняя неразборчивость въ средствахъ. На этой-то неблагодарной почвѣ, среди нѣмецкихъ колоній и захватившихъ въ свои цѣпкія руки уже и русскія села и помѣщичьи имѣнія и самихъ помѣщиковъ Нѣмцевъ, въ одномъ изъ селъ Екатеринославской губерніи священствуетъ отецъ Никандръ, умный, честный и дѣятельный священникъ. Изъ всѣхъ силъ, ни на минуту не складывая рукъ, трудится и борется со штундою и зловреднымъ нѣмецкимъ вліяніемъ о. Никандръ; устраиваетъ школы, библіотеки, читальни, защищаетъ всѣми законными средствами и способами православіе и русское дѣло, пока не погибаетъ въ неравной и непосильной борьбѣ. Онъ становится од-

ною изъ первыхъ жертвъ начавшагося аграрнаго движенія: его убиваютъ.

Какъ бы то ни было, все-таки поучительна и достойна подражанія энергія протестантскихъ пасторовъ и ихъ упорство и настойчивость въ достиженіи намѣченной цѣли, а также и ихъ непоколебимая увѣренность какъ въ своей правотѣ, такъ и въ своемъ прѣвосходствѣ и побѣдѣ. Правда, какъ цѣль ихъ, такъ и средства ими употребляемыя—недостойныя, но энергія и настойчивость ихъ замѣчательны и достойны подражанія. Если бы у насъ была хоть малая доля этихъ качествъ, не были бы намъ такъ страшны наши враги!

Къ прошлому же сравнительно времени относится, наконецъ, и о. Петръ, сельскій священникъ, выведенный въ «Воспоминаніяхъ помѣщика-охотника» Н. Василича (*Русская Мысль* апрѣль 1906 г.). Это—«совсѣмъ молодой человекъ, высокаго роста, очень крѣпкаго сложенія, которое, повидимому, его самого смущало, какъ явно лишнее для представителя духовныхъ интересовъ человѣчества; онъ стѣснялся даже голоса своего, звучавшаго слишкомъ сильно густымъ басомъ. На красивомъ лицѣ его, обрамленномъ густой темной бородой, было еще чисто юношеское выраженіе; большіе каріе глаза свѣтились рѣшительностью и искренностью... Служить онъ прекрасно, слова молитвы произносить вѣрнымъ, пѣвучимъ голосомъ, раздѣльно, внятно и со смысломъ и, воздвѣвая руки горѣ, дѣйствительно и съ вѣрою молится. Прихожане чувствуютъ это, и благоговѣніе невидимо распространяется въ церкви».

Несмотря на свою молодость, а, пожалуй, именно потому, что онъ молодъ, и хорошая, честная натура его, искренняя вѣра въ свое учительство и нравственныя обязанности передъ паствою не затерялись еще въ массѣ житейскихъ компромиссовъ,—о. Петръ рѣшается вступить

въ борьбу съ тѣмъ зломъ, которое онъ замѣчаетъ въ своемъ приходѣ. Первымъ объектомъ своей борьбы отецъ Петръ избираетъ помѣщика, ведущаго явно зазорную и безнравственную жизнь и тѣмъ не менѣе пользовавшагося особымъ почетомъ въ церкви со стороны его предмѣстника. — «Не годится отличать прихожанъ лишь за положеніе и деньги», — рѣшаетъ о. Петръ и прежде всего немедленно лишаетъ помѣщика того привилегированнаго положенія и почета въ церкви, какими онъ пользовался доселѣ, а затѣмъ выступаетъ противъ него и съ болѣе рѣшительными мѣрами. Обозлившийся помѣщикъ готовится на о. Петра доносъ, и ему, пожалуй, пришлось бы плохо, если бы помѣщикъ неожиданно не былъ убитъ своимъ дворникомъ.

Разсказъ, взятый изъ дѣйствительной жизни, лишній разъ подтверждаетъ ту истину, что священнику, желающему нести свою службу по совѣсти, нужно приготовиться къ мученичеству, поручивъ свою семью единственно лишь Промыслу Божію.

Нѣсколько особнякомъ стоитъ типъ дьякона-учителя — въ разсказѣ А. Круглова «Министръ народнаго просвѣщенія» (*Нива* 1906 г. №№ 35—37). Это — труженикъ въ сельской школѣ. Онъ преподаетъ за священника, по собственному желанію, законъ Божій и, кромѣ того, учитъ дѣтей пѣнію и музыкѣ, которыя знаетъ и страстно любитъ. Дѣлу учительства онъ отдается всецѣло; это учитель по призванію. Онъ — «худощавый, высокій человѣкъ... Нервное и блѣдное лицо его освѣщается выразительными карими глазами. Отъ всей его подвижной фигуры вѣетъ стремительностью и энергіей и вмѣстѣ необыкновенной простотой». — «Люблю я школьное дѣло — говоритъ онъ. — Нужда, можетъ быть, заставить и въ городъ проситься, но только нужда. Люблю деревню! Да и много здѣсь работы. Тьма египетская. И дѣти, и звѣри — все, что хотите. Какъ дѣтей ихъ можно обойти и какъ звѣрей раздраз-

нить. Въдъ сколько времени Русь крестилась, а развѣ она просвѣщена Христовымъ свѣтомъ? Языческая тьма! Вѣрьте мнѣ, какъ духовное лицо говорю»...

Подобный же этому типъ сельскаго дьякона-труженика — на почвѣ не только учительства, но и благотворительности — выведенъ въ повѣсти того же г. Круглова «Внѣ цеха» (*Вѣстникъ Европы* 1906 г.).

Духовенство въ декадентскихъ разсказахъ.

Въ декадентскомъ журналѣ *Вопросы жизни* за 1905 годъ въ двухъ разсказахъ находимъ мы типы и духовенства: въ апрѣльской-майской книжкѣ — «Молчальники» — разсказъ Сергѣева-Ценскаго и въ августовской — «Священникъ Кронидъ» — разсказъ Бор. Зайцева. Оба разсказа, въ особенности второй (оба они очень небольшіе) трудно назвать разсказами въ собственномъ смыслѣ: это, скорѣе, фотографіи, живыя картины. Дѣйствующія лица изображены здѣсь не въ дѣйствиі, а, такъ сказать, въ стояніи.

Молчальники — это три монаха изъ братіи большого монастыря, находящагося среди большого города: о. Пареевій, о. Власій и о. Глѣбъ, принявшіе на себя обѣтъ добровольнаго молчанія. О. Пареевій молчалъ двѣнадцать лѣтъ, остальные по девяти. Въ разное время и изъ разныхъ мѣстъ пришли они въ монастырь, но въ несеніи подвига молчанія они не отличаются другъ отъ друга.

Первымъ пришелъ въ монастырь о. Пареевій, «степенный сутулый лапотникъ съ широкимъ лицомъ и усталыми глазами; онъ сказалъ старику настоятелю:

— Говорить — только бѣса тѣшить, отецъ игумень: кромѣ молитвъ, что ни скажи — все ему въ угоду... Дозволь мнѣ тихомолкой пожить, угодникамъ потрудиться.

И игумень дозволилъ.

О. Пареевій чистилъ монастырскій дворъ, возилъ воду, тесалъ камень для построекъ, свято несъ добровольное иго всѣхъ тяжелыхъ и грязныхъ работъ и молчалъ.

Черезъ три года былъ принять о. Власій, испитой, зеленолицый, низенькій сапожникъ изъ города. Онъ долго присматривался ко всѣмъ, долго искалъ себѣ подвига по душѣ и, наконецъ, рѣшился послѣдовать примѣру о. Пареевѣя.

Къ чему многоглаголаніе?—говорилъ онъ.—Сказано въ Писавіи, что нѣсть въ немъ спасенія... Суесловіе — это одно праздное провозженіе времени... Такое мое мнѣніе преимущественное.

И рѣшившись волею вырвать у себя языкъ, онъ дѣйствительно замолчалъ и цѣлыми днями шилъ и чинилъ тяжелые сапоги въ братской мастерской.

О. Глѣбъ пришелъ вскорѣ послѣ о. Власія. Былъ онъ длинноволосый, задумчивый, одѣтый по-городски.

Когда спросили его, что онъ можетъ дѣлать въ братствѣ, онъ кротко отвѣтилъ:

«Владѣю кистью. Хочу молчать»...

Жизнь монастырская шла между тѣмъ обычнымъ своимъ порядкомъ.

Съ четырехъ часовъ утра начиналъ ходить по кельямъ братъ Питиримъ и звонить въ колокольчикъ. Колокольчикъ этотъ былъ, какъ людская совѣсть, надоѣдливый и тихій, и въ тонъ ему тихимъ, какъ осенній дождь, голосомъ шелестѣлъ, кашляя, старый братъ Питиримъ:

Подымайся къ заутренѣ!..»

«Въ первые годы своей монастырской жизни получали молчальники письма: въ сѣрыхъ, подклеенныхъ хлѣбомъ конвертахъ—о. Пареевѣя изъ глухой деревушки; въ бѣлыхъ и узенькихъ, экстренно купленныхъ въ лавочкѣ—о. Власій изъ уѣзднаго городка; и въ строгихъ синихъ, съ замысловатыми штемпелями—о. Глѣбъ изъ другого, такого же, какъ этотъ, большого города. Жизнь сходилась къ нимъ въ этихъ письмахъ, точно стороны угла къ вершинѣ, и короткія слова на листкахъ бумаги росли все шире и шире въ ихъ душѣ, обнимая ихъ со всѣхъ сторонъ. Тогда пропадали монастырскія стѣны—становились прозрачными и разлетались какъ туманъ, — и во

всемъ ужасъ вставало предъ ними то, что они бросили. Въ эти дни они горячѣе молились, потому что холодъ сжималъ ихъ сердца».

Умеръ игумень — онъ старости — и умеръ не сразу: смерти предшествовалъ летаргическій сонъ. Много была шума и разговоровъ; — молчальники молчали.

Загорѣлся ночью монастырь, и въ огнѣ погибъ старый братъ Питиримъ. Всѣ ужасались и плакали. Молчальники молчали.

Обокрали ночью монастырскую церковь и зарѣзали послушника. Волновались монахи и народъ — молчальники тихо молились надъ тѣломъ убитаго и молчали.

Но вотъ въ городѣ наступила революція, и молчальники, «тѣсно сплетясь руками», вышли на улицу, съ пѣніемъ канона на исходъ души.

«На низкомъ, тяжеломъ, какъ земля, голосѣ о. Пареевнѣя, точно весеннія травы, мягко бархатились ноты о. Власія, а легкой и тонкой голосъ о. Глѣба плылъ прямо къ солнцу и синему небу, какъ плывутъ невидимкой ароматы полевыхъ цвѣтовъ... Они шли на подвигъ, сломившіе печать молчанія, шли на борьбу съ огромной и темной силой, и въ душахъ ихъ влокотала злоба, напрягавшая каждую клѣтку тѣла. И злоба эта была святая... Молчальники шли и пѣли, и навстрѣчу имъ широко открывались закрытыя окна домовъ»...

Разсказъ такимъ образомъ имѣетъ прямую связь съ современнымъ освободительнымъ движеніемъ и написанъ, очевидно, въ восхваленіе его. Смыслъ разсказа тотъ, что современное освободительное движеніе способно заставить и мертвыхъ заговорить и примкнуть къ себѣ. Но русскую монастырскую жизнь нашъ авторъ наблюдалъ, очевидно, изъ прекраснаго далека и изобразилъ ее на католически-декадентскій манеръ. И монахи носятъ у него католическое названіе «братъ» вмѣсто православнаго «отецъ». «Святая же злоба» относится уже прямо къ области декадентствующаго неохристіанства.

«Священникъ Кронидъ» — типъ стариннаго, крѣпкаго, стойкаго деревенскаго священника. «Онъ старъ, ему подѣ шестьдесятъ; онъ плотный, сильный человѣкъ, мужики его уважаютъ и зовутъ Крономъ. Много лѣтъ онъ живетъ ужъ тутъ, ходитъ въ церковь, возвращается домой, вѣнчается, хоронитъ, звонитъ въ колокола съ приближенными дьячками и стариками и куда-то ведетъ за собою приходъ».

О. Кронидъ похожъ на старый, прочный дубъ: онъ одно съ приходомъ и окружающей его природой. Какъ старый дубъ, онъ крѣпко вросъ корнями въ почву и, хотя беретъ отъ нея соки, но ей даетъ тѣнь и прохладу и, какъ старый дубъ, пускаетъ отростки: пять молодыхъ сыновей, «попятъ».

«Старый Кронъ не жалуется: онъ человѣкъ рабочій, честный; тридцать лѣтъ попомъ, имѣетъ камилавку, служить быстро и просто, какъ научила деревня. Не одинъ онъ дѣйствуетъ тутъ; за его плечами вдаль идутъ поколѣнія отцовъ, пращуровъ; всѣ они трудились здѣсь. Кронъ помнитъ дѣда Петра; тотъ видѣлъ еще Французовъ, а Петровъ отецъ отъ своего дѣда слышалъ, какъ строили каменную церковь, въ которой служить теперь Кронъ; какъ помѣщикъ землю дарилъ и насаждалъ «поповку», гдѣ теперь причтъ... Много старыхъ морщинистыхъ стариковъ перемерло на Кроновомъ вѣку, — съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ ребенкомъ игралъ въ лапту, — и всѣхъ онъ просто и хорошо хоронилъ на кладбищѣ за селомъ. Иногда вспоминаетъ онъ ихъ дѣдовъ, тѣхъ, съ кѣмъ жили его отецъ и дѣдъ, и еще много другихъ, кого не знаетъ, но которые были тогда и неизвѣстными ушли отсюда — всѣ въ одно мѣсто, туда же на кладбище, гдѣ и о. Петръ, Никодимъ и другіе.

У самого Крона пять сыновей — семинаристы, всѣ здоровые, хорошіе дубы. Кронъ, думая о нихъ, мечтаетъ, гдѣ они будутъ жить, плодиться, служить: какъ бы имъ преподавать свою мудрость, — жизнь трудна, какой приходъ, какой причтъ? Выйдутъ ли въ своихъ, будутъ ли твердыми попами?

На Пасху доставляетъ ихъ о. Кронидъ домой съ большимъ трудомъ. Приходится ѣхать верхомъ и самому о. Крониду, но онъ и тутъ не теряетъ своей степенности и важности! Онъ живетъ одною жизнью съ приходомъ—тѣмъ самымъ, въ которомъ служили и его отецъ, дѣдъ, прадѣдъ и прапрадѣдъ и въ которомъ послѣ него будетъ священствовать вѣроятно и его сынъ и, можетъ быть, даже и внукъ,—и глубоко понимаетъ окружающій народъ, его духъ и нужды. Такъ же трудится онъ надъ землею и уже имѣетъ немало собственной земли, такъ же беспокоится о погодѣ и урожаѣ, служить весною молебны на поляхъ. Мѣстные и окрестные помѣщики уважаютъ его за умъ и основательность; въ бесѣдѣ онъ мудръ. Матушка его такая же основательная и трудолюбивая.

Таковъ о. Кронидъ—типъ стариннаго, умнаго и твердаго священника. Жаль только, что авторъ разсказа ни разу не выводитъ Крона изъ его спокойнаго, созерцательнаго состоянія, не заставляетъ его дѣйствовать, въ особенности при нынѣшнемъ настроеніи деревни. А это именно и было бы въ особенности интересно и даже поучительно: какъ такой священникъ, какъ о. Кронидъ, отнесся бы къ современному освободительному движенію, чью сторону принялъ бы онъ и какъ справился бы съ теперешнимъ настроеніемъ своихъ прихожанъ и съ тѣми запросами и требованіями, которыя они зачастую предъявляютъ своимъ священникамъ.

Свящ. Н. Колосовъ.

УРОКИ ХРИСТИАНСКАГО ДѢЛАНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО.

(Къ 28-му и 29-му Января—днямъ памяти преподобныхъ Печерскихъ, Ефрема, бывшаго впоследствии епископомъ Переяславскимъ, и Лаврентія затворника).

«Непрестанная брань ¹⁾».

28-го Января св. Церковь воспоминаетъ преподобнаго отца нашего Ефрема, впоследствии бывшаго епископомъ Переяславскимъ, 29-го Января—преподобнаго отца нашего Лаврентія, затворника Печерскаго... Не излагая на сей разъ подробно житія этихъ угодниковъ Божиихъ, обратимъ вниманіе на одну общую ихъ черту—*усиленную брань* противъ врага нашего спасенія. Преподобный отецъ нашъ Ефремъ «зѣло вооружится на врага Богоугоднымъ житіемъ въ пещерѣ молитвами и постомъ и бдѣніемъ всеночнымъ». За то и Богъ превознесъ избраннаго Своего, еще здѣсь на землѣ даровавъ ему санъ епископскій а по преставленіи причисливъ къ избранному Своему стаду, у престола Владычня пребывающему... Преподобный Лаврентій «иночествоваше въ затворѣ, умерщвляя вся страсти похотныя голодомъ воздержанія и посѣкая тѣхъ мечемъ духовнымъ, си есть, глаголомъ молитвы, лукаваго же разжженныя вся стрѣлы водою слезъ пога-

¹⁾ Нынѣ многіе забываютъ о существованіи духовъ злобы и даже совсѣмъ отвергаютъ бытіе діавола... Напомнить о сей „непрестанной брани“ къ „духовомъ злобы поднебеснымъ“ считаемъ благовременнымъ, беря въ руководство Святителя Тихона.

шая. И такъ благодатію Божіею не точію самъ узвѣленія бѣсовскаго страненъ бѣ, но и прія отъ вседаровитаго Господа даръ исцѣляти чудотворно *различныя язвы и недуги* въ людяхъ и изгоняти бѣсы». По скончаніи же своемъ богоугодномъ, преподобный Лаврентій положенъ честно въ пещерѣ, въ ней же доселѣ чудотворныя его мощи пребываютъ нетлѣнны въ честь выдащаго въ тайнѣ и воздающаго затворникамъ явѣ хвалимаго въ Троицѣ Бога.

Итакъ, вѣнцемъ побѣднымъ увѣнчаны отъ Господа, вспоминаемые нами добрые воины Христовы, всегда памятовавшіе, «что христіанамъ чрезъ все житіе до самой смерти брань и подвигъ духовный предлежитъ, яко до конца бореть ихъ сатана ²⁾». «Съ другой стороны», которые христіане брани сея не чувствуютъ, въ бѣдственномъ состояніи находятся, яко врагъ того не беспокоитъ, кто волѣ его злой покаряется, якоже сіе видѣть можемъ и на брани, на которой челоуѣкъ съ челоуѣкомъ сходится, гдѣ непріятель покаряющагося себѣ не бореть. Противящагося же ему и о цѣлости спасенія своего пещущагося врагъ душевный никогда не оставляетъ ³⁾. «Противу сего врага *непрестанная брань* и подвигъ предлежитъ. Когда Израиль рукою крѣпкою мышцею высокою избавился отъ работы египетскія,—Фараонъ, египетскій царь, съ воинствомъ своимъ гналъ въ слѣдъ его, хотя его паки себѣ поработитъ: тако христіанъ, новаго Израиля, иже суть *чадо Авраамля духовная*, гонитъ сатана съ своимъ мрачнымъ воинствомъ, гонитъ, яко отъ темныя власти и работы силою Христовою избавившихся, дабы ихъ паки себѣ покорить. Израилю ветхозакононому, идущему въ землю обѣтованную, многіе враги препятствіе чинили и не пуцали до земли оной: тако новаго Израиля, христіанъ, тщятся не допустить тойжде врагъ

¹⁾ Св. Тихонъ, изд. 5-е, т. 3-й, стр. 415.

²⁾ Тамъ же.

діаволь до небеснаго отечества, которое обѣщаль Богъ вѣрующимъ во имя Его. Съ симъ супостатомъ имѣють христіане бранный подвигъ всегдашній ¹⁾.> Но подвигомъ симъ подвизаются лишь внимательные, бодренные, трезвенные, ревнующіе о духовномъ совершенствѣ, всегда взирающіе на скончаніе жительства и всегда памятующіе, что *побѣда, побѣдившая міръ, въра наша* (1 Іоан. V, 4). Да, только правою вѣрою и жизнью по вѣрѣ побѣждаются всѣ козни вражія: *безъ вѣры невозможно угодить Богу* (Евр. XI, 6). Невѣрующіе, «не очищая себя таинствомъ покаянія, доходятъ до порабощенія ума и сердца похотямъ и страстямъ и чрезъ то привлекають къ себѣ діавола. Души такихъ людей застилаются какъ бы мглою, сквозь которую не можетъ проникать лучъ Божественнаго Свѣта ²⁾.> О, да не будетъ сего съ нами! Не будемъ ослабѣвать въ борьбѣ съ врагомъ, памятуя, что за побѣду надъ діаволомъ ждетъ насъ вѣчная награда въ царствѣ небесномъ. Мы видѣли, что преподобные Ефремъ и Лаврентій вели непрестанную брань противъ всѣхъ козней врага, жестокія нападенія котораго въ особенности направлены противъ тѣхъ, которые облакаются во всеоружіе христіанское, еже есть «Слово Божіе и молитва. Симъ оружіемъ христіане противу демоновъ ополчаются и защищаютъ себе, и недѣйствительнымъ творять враговъ своихъ стрѣлы ³⁾.> Въ особенности сіи разжженные стрѣлы лукаваго направлены противъ иноковъ и вообще всѣхъ тѣснымъ путемъ во слѣдъ Христа идущихъ; но и всѣмъ намъ, всякаго званія и состоянія людямъ, надлежитъ не дремать, но бодрствовать и осторожно поступать, всегда памятуя, что христіанское жительство въ мірѣ семъ не иное что есть, какъ непрестанная брань не-

¹⁾ Тамъ же, стр. 408.

²⁾ Игумень Маркъ. Злые духи и ихъ вліяніе на люди, изд. 2-е, М. 1902, стр. 143—144.

³⁾ Св. Тихонъ, т. 4-й, стр. 40.

противу крове и плоти, но къ началамъ, и ко властямъ, и къ міродержителямъ тьмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ (Еф. VI, 12). Не будемъ унывать, не будемъ отчаяваться, видя лютую на насъ брань. Христось насъ ободряеть: *держайте яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. XVI, 33). Держаемъ же, христіане! *О Бозъ сотворимъ силу, и Той уничтожитъ враги наша* (Пс. 107, 14). Призовемъ на помощь преподобныхъ отцевъ нашихъ Ефрема и Лаврентія, иже за подвиги свои вѣнцы пріяли нетлѣнные и сокрушили демоновъ немощныя дерзости: тѣхъ молитвами спаси, Господь, души наши!

А. Зеландъ (онъ же А. Кодратовъ).

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Правда жизни.

Такъ надлежитъ намъ *исполнить* всякую правду (Мѡ. III, 15).

Всѣ дѣйствія Иисуса Христа и всѣ слова Его имѣютъ тѣсную связь съ Его Богочеловѣческой Личностью и Его служеніемъ людямъ. И крещеніе Иисуса Христа нельзя разсматривать внѣ отношенія къ Его Богочеловѣчеству и Его мессіанскому дѣлу. Между тѣмъ иногда эта связь не совсѣмъ отчетливо сознается и даже прямо ослабляется. Существуетъ мнѣніе, будто «крещеніе было со стороны Совершеннаго актомъ простаго подчиненія и повинovenія»; будто Господь пошелъ креститься только потому, что крещеніе *было отъ Бога*, — пошелъ добровольно, потому что крещеніе было именно таково и потому что, добровольно принимая крещеніе, надлежало Ему «исполнить всякую правду» ¹⁾.

Въ этомъ разсужденіи упускается изъ виду, что крещеніе не было, подобно напр. обрѣзанію, которому подчинялся Христосъ, требованіемъ ветхо-завѣтнаго закона. Подчиняясь обрѣзанію, Христосъ дѣйствительно, выполнялъ требованіе правды законной. Этого нельзя сказать о крещеніи Его. То несомнѣнно, что Іоаннъ употреблялъ крещеніе по особому указанію свыше, исполнялъ непосредственную волю Божію (Іоан. 1, 33), но его крещеніе

¹⁾ Эдершеймъ. Жизнь и время Иисуса Мессіи. Пер. свящ. М. П. Оквейскаго. Вып. 4, стр. 354—355.

имѣло ближайшее отношеніе къ грѣшнымъ людямъ, было крещеніемъ покаянія (Мѡ. III, 11). Оно, слѣдовательно, по прямому своему назначенію не могло имѣть приложенія къ Іисусу Христу въ силу Его безгрѣшности. Очевидно, смыслъ крещенія Іисуса Христа не исчерпывается простымъ подчиненіемъ и повиновеніемъ волѣ Божіей. Въ немъ нужно усматривать особыя высшія цѣли, высшій провиденціальныи смыслъ.

И мы поймемъ, зачѣмъ Христу нужно было принять крещеніе отъ Іоанна, если установимъ, въ какомъ смыслѣ нужно понимать «явленіе» Іисуса Христа Израилю при крещеніи. Этотъ смыслъ указывается въ словахъ Іоанна Крестителя, когда онъ увидалъ идущаго къ нему креститься Іисуса: «вотъ Агнецъ Божій, который беретъ на Себя грѣхъ міра» (Іоан. I, 29). То же самое повторилъ Іоаннъ на другой день послѣ крещенія Христа своимъ ученикамъ: «вотъ Агнецъ Божій» (Іоан. I, 36). Значитъ, Христосъ явился при крещеніи израилю въ качествѣ Мессіи. Миссіанское сознаніе Іисуса Христа, въ силу Его челоуѣчества, развивалось постепенно, подчиняясь законамъ обыкновеннаго роста и развитія, ибо «Младенецъ возрасталъ и укрѣплялся духомъ, исполняясь премудрости; и благодать Божія была на немъ» (Лк. II, 40). Но еще съ отроческихъ лѣтъ Христосъ сознавалъ въ глубинѣ души Свое особенныя отношенія къ Богу, отношенія преимущественныя, исключительныя. Это ясно выразилось въ Его отвѣтѣ родителямъ при посѣщеніи Іерусалимскаго храма на праздникъ, «когда Онъ былъ двѣнадцати лѣтъ»: «не вѣсте ли, яко въ тѣхъ, яже Отца Моего, достоинъ быти Ми»? (Лк. II, 49). Въ этихъ словахъ Христосъ указалъ на Свое чрезвычайное призваніе и на свое особенное отношеніе къ Богу. Его Отецъ есть Богъ, значитъ Онъ—Сынъ Божій, Мессія. Это сознаніе въ Іисусѣ Христѣ къ тридцатилѣтнему возрасту, въ которомъ Онъ крестился отъ Іоанна (Лк. III, 23), возрасту зрѣлаго мужа, достигло своего завершения. Въ это время въ Іудеѣ раздалась проповѣдь Крестителя о близкомъ пришествіи царства Божія. Эта проповѣдь вполнѣ совпала съ сознаніемъ Христа о Его чрезвычайномъ призваніи, о томъ дѣлѣ, которое Онъ долженъ совершить, какъ Сынъ Божій. И, несомнѣнно, въ этомъ сознаніи Своей миссіи Іисусъ пришелъ на берега Іордана креститься отъ

Іоанна. Оно ясно проглядываетъ въ Его словахъ Іоанну: «надлежитъ исполнить всякую правду» т.-е. то, что должно исполнить Ему, какъ Богочеловѣку, осуществить Свою миссію, какъ Мессіи, исполнить волю пославшаго Его Отца. Оно ясно изъ начальныхъ словъ проповѣди Христовой: «покайтесь, ибо приблизилось царство небесное (Мѣ. IV, 17).

Итакъ, царство небесное должно было предваряться со стороны людей покаяніемъ, т.-е. измѣненіемъ помысленій духовнымъ обновленіемъ или, какъ послѣ полнѣе объяснили Христось, нравственнымъ возрожденіемъ (Іоан. III, 5). Съ этими мыслями и Іоаннъ совершалъ крещеніе надъ приходившими къ нему: «Я крещу васъ въ водѣ въ покаяніе», заявлялъ онъ (Мѣ. III, 11). Тотъ же смыслъ соединяли съ крещеніемъ Іоанновымъ приступавшіе къ нему: «и крестились отъ него во Іорданѣ, исповѣдуя грѣхи свои» (Мѣ. III, 6). Крещеніе, будучи приготовленіемъ къ вступленію въ царство небесное, выражало ту мысль, что человѣчество сознаетъ свое нравственное состояніе, сознаетъ нужду въ нравственномъ очищеніи, чтобы не быть недостойнымъ царства Мессіи. И Иисусъ Христось, какъ Искупитель рода человѣческаго, долженъ былъ отразить въ Себѣ это нравственное сознаніе человѣчества. Принимая крещеніе, Онъ показалъ, что Онъ входитъ въ сознаніе человѣчества т.-е. въ сознаніе тѣхъ нравственныхъ нуждъ, которыя чувствовало все человѣчество, въ сознаніе тѣхъ нравственныхъ недостатковъ, которые оно находило необходимымъ исправить, чтобы начать новую жизнь ¹⁾). Крещеніе Іоанново было символическимъ дѣйствіемъ покаянія, омовенія грѣховъ. Какъ нѣкогда, при заключеніи завѣта съ Богомъ чрезъ Моисея, Евреи должны были омыться и очиститься (Исх. XIX, 10, 14), такъ и теперь въ водѣ покаянія они должны были омыть свои грѣхи для вступленія въ Новый Завѣтъ. Символически, значить, вода Іордана была загрязнена омытыми въ ней грѣхами. И если Безгрѣшный Христось погружается въ эту, полную людскихъ грѣховъ, воду, то этимъ самымъ Онъ символически принимаетъ на Себя тяжесть грѣха человѣческаго ²⁾). Пришедши на землю съ тѣмъ, чтобы понести на Себѣ

¹⁾ Іоаннъ, еп. Смоленскій. Богословскія академическія чтенія. Стр. 84.

²⁾ Проф. Тарѣвъ. Жизнь и ученіе Христа. Стр. 60.

грѣхи наши (1 Петр. II, 24), Онъ крещеніемъ полагаетъ начало этому своему общественному служенію (Лк. III, 23), открыто, предъ глазами всего Израиля, изъясляетъ Свою готовность принять на Себя это служеніе, исполнить предопредѣленную о Немъ правду въ предвѣчномъ совѣтѣ Божіемъ (ср. Псал. XXXIX, 8—9).

Своимъ крещеніемъ отъ Іоанна Христось не только положилъ начало исполненію «правды» Божіей о Немъ, но и указалъ путь или способъ, какъ Онъ долженъ осуществитъ эту правду. Крещеніе Христа отъ челоувѣка, который, по собственному сознанію «недостойнъ развязать ремень у обуви Его» (Іоан. I, 27), было униженіемъ для Него. Господь сталъ среди грѣшниковъ, какъ бы нуждающійся въ покаянномъ крещеніи; Онъ, принося на землю правду и святость, открываетъ ее въ томъ, что какъ бы отрекается отъ этихъ своихъ преимуществъ и въ этомъ самоотреченіи, въ этомъ духовномъ смиреніи открываетъ намъ законъ новой благодатной жизни. Такъ именно, показываетъ Христось Своимъ крещеніемъ, надлежитъ исполнять всякую правду.

Итакъ, «правда» жизни, какъ открывается она въ событіи крещенія Господня, состоитъ въ проникновеніи и отождествленіи своей личной жизни съ нравственною жизнью нашихъ ближнихъ и самоотреченіи для служенія Богу, для исполненія Его воли. Законъ истинно нравственной жизни требуетъ не только любви къ ближнему, но и полного самоотреченія, преданія своей жизни и дѣятельности Богу, разсматриванія ихъ, какъ служенія Богу, какъ миссіи Божіей, возложенной на насъ. Человѣческая жизнь должна быть всецѣлой жертвой Богу. Только на почвѣ такой, чуждой себялюбія, отвергнувшей себя и предавшей Богу, души можетъ возникнуть истинная любовь къ ближнимъ. Въ этомъ и состояла та «переоцѣнка цѣнностей», которую произвело христіанство въ области моральныхъ отношеній. Мораль была поставлена предъ судомъ вѣчной и абсолютной религіозной истины. Въ религіи т.-е. полномъ самоотреченіи и слияніи своей воли съ волей Бога мораль должна имѣть свой корень и получать, такъ сказать, свое питаніе. Религія—не «идеологическая надстройка» чувственной жизни, какъ принято выражаться теперь. Ея притязанія идутъ гораздо дальше: она первая и только она одна раскрываетъ смыслъ жизни,

нравственныхъ отношеній между людьми. Религія совершенно измѣняетъ картину міровой жизни: на первый планъ выступаетъ начало вѣчности, съ которымъ человекъ долженъ сообразовать всѣ свои отношенія къ своимъ ближнимъ ¹⁾). Только при свѣтѣ вѣчности получаютъ подлинную, а не мишурную оцѣнку всѣ наши стремленія и цѣли. И нравственные заповѣди объ отношеніи къ ближнимъ возвышаются тогда до степени безусловныхъ нормъ, опредѣляемыхъ не съ точки зрѣнія благополучія ихъ, а съ точки зрѣнія религіознаго міропорядка.

Здѣсь находится ключъ къ отличенію гуманистической морали отъ христіанской. Гуманистическая мораль, выставивъ на своемъ знамени великіе христіанскіе нравственные завѣты, отрываетъ ихъ отъ ихъ религіозно-мистической почвы и раскрываетъ ихъ во имя отвлеченно взятой идеи о любви къ ближнимъ. И что же въ результатъ? По совершенно вѣрному наблюденію одного мыслителя, «моралисты гуманизма, оставляя одну проповѣдь любви къ ближнему, вмѣсто свѣжихъ цвѣтовъ подносятъ людямъ мертвое сѣно. Они не понимаютъ и не видятъ, что вотъ уже нѣсколько столѣтій, какъ человечество пребываетъ внѣ религіозной морали, живетъ одною лишь утилитарною этикою, одною заботою о болѣе быстромъ приготовленіи и болѣе правильномъ распредѣленіи благъ, не оцѣненныхъ судомъ высшей истины и не освященныхъ. Всѣ великія побѣды гуманизма за послѣднія два столѣтія—отмѣна рабства, освобожденіе женщинъ, новое отношеніе къ наказанію, какъ къ мѣрѣ воспитанія, свобода совѣсти, равенство всѣхъ предъ закономъ, народовластіе,—все это порожденіе не религіозной морали, а утилитарной этики» ²⁾).—Несомнѣнно, всѣ эти результаты утилитарной этики симпатичны и цѣнны. Ихъ можно только привѣтствовать и благословлять, но они мало увеличиваютъ сумму счастья среди людей, мало способствуютъ внутреннему объединенію ихъ: желанный миръ и благоволеніе между людьми не наступаютъ. И это потому, что современная утилитарная мораль, завѣдующая распредѣленіемъ благъ, утратила религіозный критерій, не оцѣни-

¹⁾ Ср. Гарнакъ. Сущность христіанства. Пер. с. нѣм. Москва 1906 г., стр. 48—49

²⁾ Минскій. Религія будущаго, стр. 59.

ваесть ихъ съ точки зрѣнія вѣчности. А при свѣтѣ вѣчности отношеніе къ этимъ благамъ должно быть таково, что «имѣющіе жеяъ должны быть, какъ не имѣющіе; и плачущіе, какъ не плачущіе; и покупающіе, какъ не приобретающіе; и пользующіеся міромъ симъ, какъ не пользующіеся» (1 Кор. VII, 29—31). Это не означаетъ стоическаго безстрастія и равнодушія къ благамъ культуры, ни ложно-аскетическаго презрѣнія къ нимъ; это есть признакъ царственнаго отношенія къ нимъ, возвышенія надъ ними до полнаго внутренняго самоотреченія отъ нихъ во имя вѣчной религіозной истины. Цѣнны блага культуры, но искать прежде всего все таки слѣдуетъ Царствія Божія, а остальное приложится (Мѡ. VI, 33). Царство Божіе охватываетъ собою и культуру, и общественность, но оно не имѣетъ ничего общаго съ утилитарною привязанностію къ міру, съ политико-экономическимъ распредѣленіемъ благъ; преодолѣніе міра—отличительная черта царства Божія, такъ какъ оно само не отъ міра сего (Іоан. XVIII, 36).

Жизнь нельзя брать безотносительно къ религіознымъ идеаламъ, а напротивъ съ точки зрѣнія послѣднихъ нужно освѣщать всѣ области и отправления жизни... «Все, что не по вѣрѣ, грѣхъ» (Римл. XIV, 23). Къ жизни нужно относиться, какъ къ религіозному подвигу, какъ къ дѣлу Божьему, а это предполагаетъ со стороны человѣка самоотреченіе и смиреніе. Такъ должно исполнять всякую правду.

И. П. Н.

Христосъ, Евреи и Мессія.

(Нѣсколько мыслей по поводу книги Г. С. Чамберлѣна: „Явленіе Христа“).

Въ то время, когда въ католическомъ Римѣ настойчиво, хотя и осторожно, сталъ затушевываться образъ Моисея, какъ писателя Пятикнижія, — англійскій мыслитель, Гаустонъ Стюартъ Чамберлѣнъ, рѣшалъ вопросъ о еврейскомъ или не-еврейскомъ происхожденіи Хри-

ста и въ концѣ-концовъ рѣшили, что Христосъ—не Еврей!

Въ самый разгаръ политическихъ страстей въ Россіи переводъ книги «Явленіе Христа» появился у насъ на рынкѣ, среди массы всевозможныхъ брошюръ, и въ короткое время выдерживаетъ третье изданіе. Поистинѣ изумителенъ успѣхъ богословскаго сочиненія *въ такіе дни!* Изумителенъ и многозначущъ въ томъ отношеніи, что религія, очевидно, никогда не утрачиваетъ ни своего значенія и смысла, ни своего притяженія, несмотря на всѣ выкрики маленькихъ Нероновъ: «я самъ богъ!» И въ самомъ дѣлѣ, что бы тамъ ни говорили, но вѣра въ Творца лежала въ основѣ вольтеровскаго міросозерцанія, да и анархизмъ не помѣшалъ Прудону бросить по адресу Франціи слѣдующія слова: «трусливая, тщеславная, чувственная нація, безъ нравственности, *безъ вѣры*, достойная быть растоптанной казацкими лошадьми!» Будь вѣра чѣмъ-то или совсѣмъ ничтожнымъ, или малоозначущимъ въ глазахъ названнаго политическаго борца, онъ разумѣется не сталъ-бы вплетать ее въ вѣнокъ упрековъ...

Что же способствуетъ, если можно такъ выразиться, вѣчной прочности, «непреходящему значенію» религіи? То, что, чѣмъ шире раздвигаются передъ нами границы видимаго и познаваемаго, тѣмъ ничтожнѣе кажется намъ этотъ міръ по сравненію съ другимъ, тѣмъ короче и незамѣтнѣе представляется намъ наше собственное бытіе, и тѣмъ глубже чувствуемъ мы наше паденіе въ вѣчность; такимъ образомъ, намъ не дано возможности когда-либо освободиться изъ плѣна ощущеній, которыя созданы религіей. Мы не умаляемъ области религіи расширеніемъ области познаваемаго; мы можемъ только лишь рѣзче намѣтить границу между знаніемъ и вѣрою... Я нарочно выписалъ именно это толкованіе религіи, принадлежащее не богослову какому-нибудь, а выдающемуся нѣмецкому географу Фридриху Ратцелю; вѣдь, авторъ «Anthropogeographie» — не «попъ и не «пасторъ», а служитель «чистой науки».

Возвратимся, однако, къ книгѣ Чамберлена. Едва появившись въ Россіи, она встрѣчаетъ своего пламеннаго защитника, въ лицѣ популярнаго писателя В. В. Розанова, который согласенъ съ Чамберленомъ, что Христосъ не еврейскаго происхожденія. Г. Розановъ ставитъ, въ свою

очередь, еще вѣсколько «вопросовъ» и точку тамъ, гдѣ. можетъ-быть, еще преждевременно стоять именно этому знаку препинанія. Любопытно, что о книгѣ: «Явленіе Христа» первый высказался «мірянинъ», а духовенство не обратило на нее должнаго вниманія, да и по сіе время, т.-е., почти черезъ годъ, оно обходитъ трудъ англійскаго богослова-историка молчаніемъ.

Чѣмъ же оправдывается это молчаніе?

Такой вопросъ, какъ еврейство или не-еврейство Христа, несомнѣнно слишкомъ серьезенъ и чревать послѣдствіями, ибо онъ бросаетъ новый свѣтъ на Ветхій Завѣтъ, возбуждаетъ христіанскія чувства вѣрующихъ и способенъ вызвать расколъ въ душахъ; со словъ г. Розанова уже можно заключить, что чамберленовская «истина» всколыхнула много умовъ и, — какъ знать! — не породила-ли новыхъ, хотя-бы и маленькихъ, Шпенеровъ, желающихъ понимать и уяснять себѣ Писаніе только по вдохновенію? Если духовные писатели считаютъ обязательнымъ для себя высказываться по вопросамъ политическаго свойства, тѣмъ болѣе необходимо строго обоснованное и строго-научное освѣщеніе со стороны ихъ вопроса, который неотдѣлимъ отъ церковныхъ алтарей.

У г. Розанова завязалась переписка съ его читателями, во многихъ отношеніяхъ любопытная; въ самомъ дѣлѣ, развѣ не любопытно прочесть въ письмѣ одного корреспондента-священника, что для него мысли Чамберлена и г. Розанова являются чѣмъ — то вродѣ откровенія; или: не любопытно ли письмо другого христіанина, горячо отталкивающего чамберленовско-розановскую «ересь»? Этотъ пишетъ: «вы развиваете лютеранство, говоря, что Христосъ былъ не Еврей. Развѣ мало неправды на Руси, что вы желаете быть авторомъ еще одной ереси, такъ какъ ересью правильно называть всякую неправду о Христѣ...» и т. д. Любопытно, наконецъ, что умы плѣнены богословскимъ сочиненіемъ! Но съ другой стороны, отсутствіе научныхъ возраженій, невмѣшательство въ пренія богослововъ, лишаетъ вопросъ соотвѣтствующаго ему величія... Когда же они откликнутся въ газетныхъ статьяхъ, брошюрахъ и книгахъ?

Я понимаю, что можно предупреждать шумъ, но развѣ онъ произведенъ, какъ же тогда молчать, въ особенности, если еще пахнетъ «ересью»?

Въ возраженіяхъ г. Розанова корреспондентамъ не все для меня ясно; такъ, напр., онъ говоритъ, что Евреи, вопреки пророчеству Моисея объ І. Х. («Богъ воздвигнетъ вамъ изъ рода вашего, отъ васъ, изъ среды вашей пророка: Того послушаете...») именно не послушали Іисуса Христа. Такъ-ли? А свидѣтельство еванг. Маттея? (Гл. 4). И дальше. Думается: если пророчество Моисея относится къ еврейскому народу въ широкомъ смыслѣ слова, то не можетъ быть рѣчи объ окончательномъ отверженіи Христа этимъ *народомъ*. «Къ нему стекались отовсюду». Синедріонъ (да и онъ не въ полномъ составѣ!)—развѣ это все еврейство, а не нѣсколько колосьевъ на большой нивѣ?... Странное дѣло: синедріонъ рѣшилъ «взять Іисуса хитростью и убить»... Отчего же было не взять Его прямо, если Онъ дѣйствительно и возмутитель и лже-пророкъ, въ которыхъ вообще не было недостатка и которые всякій разъ платились жизнью? Вѣдь, за таковыхъ никто не мстилъ судьямъ: саддукеямъ, хассидимамъ и фарисеямъ! Нѣтъ, видно, Евреи признавали что-то во Христвъ...

Мірянина - простеца, меня не совсѣмъ удовлетворяетъ В. В. Розановъ, когда говоритъ и о томъ, что «Израиль погибъ исторически, религиозно и всячески. Неужели это не очевидно?!»

По мнѣ, такъ не совсѣмъ очевидно. Погибло Іудейское царство, Евреями утрачена политическая самостоятельность, но отсюда еще далеко до «всяческой гибели». Умирая нація рождаетъ національность... Разрушено царство, но племя не обречено на съѣденіе времени. Живучесть Евреевъ подчинена желѣзному закону христіанско-исторической необходимости. Вся многовѣковая борьба Евреевъ за существованіе говоритъ только объ ихъ мощи. Преданіемъ, пышными воспоминаніями—и только стали Греція и Римъ, процвѣтавшіе по ту сторону Евангелія. Подъ напоромъ эпохъ они угасали и плоховали во всѣхъ отношеніяхъ; въ эпоху вселенскихъ соборовъ звучала лебединая пѣсня эллинской философіи и угасала поэзія Грековъ, раздѣляя судьбу изобразительнаго искусства. Все, что сохранила до нашихъ дней греческая антологія изъ тѣхъ вѣковъ, доказываетъ упадокъ эллинскаго генія. А какъ то же, по правдѣ, сказать про Израиля?

Отвергая еврейское происхожденіе Христа, Чамберленъ съ его единомышленниками, тѣмъ самымъ, умаляютъ Его

значеніе, колеблють Божество и превращают Его, какъ Мессію, просто въ легенду. Вольно или невольно они протягиваютъ свои руки талмудистамъ. Но между нашими христіанами и свѣтилами Талмуда та разница, что первыхъ не-еврейство Христа, какъ бы, ни мало не смущаетъ; нѣтъ и думъ изъ-за того, что Іисусъ Христосъ перестаетъ быть Мессіей, тогда какъ уже только одно слово І. Х. жжетъ Израиля, даже и съ вѣками не утратившаго птичьей способности предчувствія будущаго. Для правовѣрныхъ Евреевъ мессіанизмъ вовсе не простой звукъ: онъ слишкомъ ярко, упорно и *опредѣленно* выраженъ въ іудействѣ, вросшемъ въ народную зрѣлость; древне-еврейская философія не выходитъ изъ границъ религіознаго, и понятіе о Мессіи, Который явится и создастъ Свое царство,— развѣ оно не пробѣгаетъ живою и живительной струей черезъ Ветхій Завѣтъ и не составляетъ его души?

Трепетное ожиданіе Бога, *Помазанника*, Спасителя чувствуется во всю исторію Еврейскаго народа и достигаетъ крайнихъ предѣловъ ко времени Христова служенія. Это общеизвѣстно, и потому важно не это, а другое, именно: порвана ли связь Израиля съ Голгофою, какъ прошлымъ, или не порвана? Если она окончательно порвана, то какой иной, кромѣ Христа, Мессія волнуетъ еврейство, чей образъ смутно вырисовывается изъ глубины временъ? Талмудъ не даетъ отвѣта... Постепенныя наслоенія на Пятокнижіе, всѣ эти толкованія и преданія, превратили ясное въ неясное, а самый Талмудъ въ лабиринтъ, въ противорѣчійхъ котораго истина давнымъ-давно заблудилась...

Вотъ что замѣчательно: отрекшись отъ Христа-Мессіи, Еврей не находитъ въ себѣ рѣшимости отречься отъ мессіанскихъ пророчествъ, нужды нѣтъ, что отдѣльные голоса и призывали къ этому! Развѣ существуетъ серьезное, убѣдительное раввинистское ученіе, которое-бы исключало пророка Исаію и признавало его «ишмавееомъ», т.-е. достойнымъ казни, ну, хотя-бы въ смыслѣ полнаго къ нему презрѣнія?

Еще замѣчательнѣе то, что изъ всѣхъ «месситовъ» только Іисусъ Назарей захватилъ на вѣки-вѣчные все существо израиля. Спрашивается: почему? Мало ли ихъ бывало «месситовъ»!... Напримѣръ, Бар - Кохба... казалось-бы, очень значительная фигура, и тѣмъ не менѣе

какъ просто, а главное—безповоротно отходить въ вѣчность: сперва Бар-Кохба: Сынъ Звѣзды, немного же погодя Бар-Косба: Сынъ лжи. Звѣзда закатилась, ложь погибла, и какъ! *Народъ* умертвилъ неудачнаго *Мессію*. И все-туть... Или самое большее — страница для учебника по всеобщей исторіи. А Христось—вѣчное, тяжелое напоминаніи для Евреевъ.

Уже въ семнадцатомъ столѣтіи все тотъ-же роковой вопросъ о Христѣ Богѣ овладѣваетъ Барухомъ Спинозой; онъ пишетъ въ одномъ письмѣ между прочимъ, что «по его мнѣнію, для спасенія вообще не является необходимымъ признавать Христа воплотившимся...» ¹⁾ Слышите: Христось, опять только Онъ, а не кто другой!... И на ряду съ этимъ какимъ дѣтскимъ лепетомъ звучитъ проповѣдь вѣры, отрицающая важность пророчествъ о Мессіи! ²⁾ Подобно тому какъ жители Самаріи съ гордостью и надменнымъ сердцемъ говорятъ: «кирпичи пали — построимъ изъ тесанаго камня; сикоморы вырублены—замѣнимъ ихъ кедрами», — такъ «рѣби» пытаюся повергнуть во прахъ догматъ о Мессіи, не считая это вѣроотступничествомъ. Но въ такомъ случаѣ позволительно спросить: съ чѣмъ, съ какою нравственностью остается іудейство, вырывая душу?

Что же у него въ прошломъ?

Какой смыслъ бороться и даже *просто* существовать іудейству для будущаго?

Не уподоблиются ли, слѣдовательно, Евреи тѣмъ птицамъ, которыя во множествѣ гибнуть во время перелетовъ, но не отъ встрѣчнаго, а отъ попутнаго вѣтра?

Вотъ нѣсколько мыслей, навѣянныхъ книгою Гаустона Стюарта Чамберлена и его единомышленникомъ В. В. Розановымъ... Конечно, онѣ, если вообще что-либо разъясняютъ, то очень немногое. Но, можетъ-быть, мои мысли вызовутъ новыя мысли у читателей *Душеполезнаго Чтенія*? Если же онѣ заставятъ взяться за перо серьезныхъ ученыхъ, богослововъ и мыслителей, тогда я буду почитать себя совершенно удовлетвореннымъ.

Крайне важно высказаться: правъ или неправъ Чамберленъ, выяснить, доказать все...

¹⁾ Opera Postuma.

²⁾ I, Альбо, „Основаніе вѣры“.

«Явленіе Христа» идетъ въ массы подъ возгласы удовольствія однихъ, подъ ропоть другихъ:

— «Открываются новые горизонты на христіанство, новая безконечная и безграничная религіозная ширь!»

— «Ересь! Ересь!..»

А ты и думаешь: какіе-же это *новые* горизонты?... гм!.. Ересь—да зачѣмъ она?

Павелъ Россіевъ.

Отрадное явленіе.

Скоро три года, какъ въ храмѣ при Московской духовной академіи существуетъ поучительный обычай—служеніе всенощного бдѣнія съ акаѳистомъ Божіей Матери, при общенародномъ пѣніи и чтеніи. Это совершается каждую пятницу. Во второй половинѣ шестого часа уже начинаютъ собираться со всѣхъ концовъ Посада богомольцы. Идутъ старые и малые, богатые и въ особенности бѣдные, нѣкоторые оставляютъ свои домашнія занятія, или стараются окончить ихъ къ этому времени и идутъ въ академическій храмъ искать утѣшенія въ своихъ скорбяхъ, облегченія своей душевной тяготы. Ни вѣтеръ, ни дождь, ни вьюга и никакая плохая погода не останавливаетъ богомольцевъ академическаго храма. Недавно сдѣлались извѣстны очень любопытные случаи: нѣкоторые изъ посѣтителей богослуженій съ общенароднымъ пѣніемъ, не имѣя возможности итти въ храмъ вслѣдствіе своихъ работъ или вслѣдствіе того, что некого оставить съ дѣтьми, нанимаютъ сидѣлокъ для дѣтей и берутъ постороннихъ людей для исполненія своихъ работъ, а сами спѣвать въ храмъ на богослуженіе съ общенароднымъ пѣніемъ. Какъ только на лаврской колокольнѣ пробьетъ шесть часовъ, отъ академическаго храма одинъ за другимъ несутся звуки небольшого колокола, созывающаго на молитву. Несмотря на небольшіе размѣры, колоколь слышенъ во всѣхъ концахъ Посада. Его не заглушаетъ даже и самый большой лаврскій колоколь «царь». И идетъ православный русскій народъ молиться и славить Бога въ академическій храмъ.

Въ храмѣ предъ иконами теплятся разноцвѣтными огнями лампы. Тихо и уютно въ этомъ сравнительно небольшомъ храмѣ. Среди церкви позади архіерейской кафедры стоитъ аналой съ тремя зажженными свѣчами, на аналоѣ лежатъ раскрытыя богослужебныя книги, а рядомъ на столикѣ еще нѣсколько закрытыхъ книгъ и ноты. Около этого аналая особенно тѣсно стоятъ молящіеся, здѣсь становятся всѣ желающіе участвовать въ общенародномъ пѣніи или чтеніи во время богослуженія.

Вотъ пришелъ преосвященный ректоръ академіи, звонъ прекратился, и началось всенощное бдѣніе. Священникъ и диаконъ служатъ съ великимъ благоговѣніемъ и вниманіемъ. Они не только ясно и отчетливо произносятъ каждое слово возгласа, прошенія на ектеніи и молитвы, но въ ихъ служеніи видно и усердіе, видно одушевление, видна молитвенно настроенная душа. Это молитвенное настроеніе чувствуется молящимися и передается имъ, заражаетъ ихъ, и они молятся съ великимъ усердіемъ. Пропѣли «Господи воззвахъ»; одна изъ молящихся—дѣвочка лѣтъ 14—15—мягкимъ и нѣжнымъ дѣтскимъ голосомъ ясно и отчетливо начинаетъ канонаршить стихиры, народъ дружно, стройно и умирительно поетъ похвалу Богоматери. Пропѣли стихиры, «Свѣте тихій», поютъ прокимень,—сквозь ряды молящихся проходитъ къ аналою дѣвочка лѣтъ девяти и проситъ, чтобы ей позволили прочитать «Сподоби Господи». Снова раздается дѣтскій голосъ, славящій Господа, снова устами малютки возносится молитва къ небесному Отцу, и припоминается живописаломское изрѣченіе повторенное Спасителемъ при входѣ Его въ Іерусалимъ: «изъ устъ младенцевъ и грудныхъ дѣтей Ты устроилъ хвалу» (Пс. 8, 3; Мѣ. 21, 16). Пропѣты съ канонархомъ стихиры на стиховнѣ,—на средипу храма выходитъ пятилѣтній мальчикъ. Онъ еще не умѣетъ читать, потому что не учился ни дома, ни тѣмъ болѣе въ школѣ, и изъ устъ этого малютки слышится молитва Симеона Богопріимца и «Святой Боже» по «Отчечнашъ»; онъ звучно, ясно и отчетливо читаетъ эти молитвы наизусть. Кто же его выучилъ? Его выучила въ высшей степени религіозная его мать. Онъ знаетъ и читаетъ въ церкви не только эти молитвы, онъ знаетъ и прочитанное уже «Сподоби Господи», онъ знаетъ на память нѣсколько псалмовъ и иногда читаетъ каѳизмы.

онъ знаетъ наизусть «Символь вѣры» и читаетъ его среди храма во время Божественной литургіи. Шестопсалміе читаетъ опять кто-либо изъ богомольцевъ или кто-либо изъ студентовъ академіи любителей богослуженій съ общенароднымъ пѣніемъ. Послѣ шестопсалмія, во время пѣнія тропаря, отверзаются царскія врата, и изъ алтаря выходитъ преосвященный, облаченный въ мантию, малый омофоръ, съ митрою на головѣ. Преосвященный идетъ на средину церкви и становится на каедрѣ. Въ это время изъ купола медленно спускается икона Богоматери. Икона эта, написанная въ лаврской живописной мастерской, очень хороша. На золотомъ чеканномъ фонѣ Богоматерь изображена во весь ростъ съ омофоромъ въ рукахъ ¹⁾. На иконѣ нѣтъ изображенія молящихся, какъ это обычно изображается на иконахъ Покрова Пресвятой Богородицы. Находясь въ церковномъ куполѣ Богоматерь какъ будто стоитъ въ самыхъ небесахъ, освѣняя своимъ омофоромъ молящихся, а отсутствующее на иконѣ изображеніе молящагося народа замѣняютъ всѣ присутствующіе въ этомъ храмѣ. Когда икона тихо и плавно спускается изъ купола, то кажется, что какъ будто Сама небесная Царица, оставляя свои небесныя высоты, спускается на землю въ среду людей несчастныхъ, страдающихъ и обремененныхъ, чтобы облегчить ихъ тяжелую жизнь, чтобы сдѣлать благое иго Христа бременемъ легкимъ. Запѣли особымъ распѣвомъ первый кондакъ акаѣиста, и преосвященный совершаетъ кажденіе по всей церкви. Окончилось пѣніе кондака, окончилось кажденіе храма, началось звучное, внятное и умиленное чтеніе акаѣиста. Какой это чудный акаѣистъ! Мнѣ кажется, что послѣ акаѣистовъ—Спатителю, Божіей Матери и Святителю Николаю Чудотворцу, акаѣистъ Покрову Пресвятой Богородицы самый лучший.

Кончился акаѣистъ. Снова пропѣтъ первый кондакъ. Преосвященный обращается лицомъ къ народу, и изъ его устъ слышится живое слово назиданія собравшимся, слышится задушевная, искренняя, простая и общедоступная бесѣда. Народъ внимательно слушаетъ владыку. Говорятъ, что русскій народъ не любитъ проповѣди, что онъ вы-

¹⁾ Размѣры иконы—два аршина въ вышину, одинъ въ ширину.

ходить изъ церкви, какъ только увидить на церковномъ амвонѣ проповѣдника. Это—неправда. Въ нашемъ храмѣ такъ привыкли къ проповѣди, что когда по какимъ-либо обстоятельствамъ не бываетъ проповѣди, то посѣтители остаются недовольны. Впрочемъ нужно сказать, что такіе случаи бывали очень и очень рѣдко.—Послѣ проповѣди, содержаніемъ которой въ большинствѣ случаевъ бываетъ или похвала Богородицѣ, или уроки назиданія изъ ея жизни, поется умиленная пѣснь въ честь Богоматери: «Подъ твою милость прибѣгаемъ Богородице Дѣво, моленій нашихъ не презри въ скорбѣхъ, но отъ бѣдъ избави насъ, едина чистая и благословенная».

Во время канона тропари читаются въ большинствѣ случаевъ кѣмъ-либо изъ богомольцевъ, а иногда и студентами. Народъ благоговѣнно прикладывается къ иконѣ и снова занимаетъ свои мѣста. Передъ первымъ часомъ икона Покрова Пресвятой Богородицы такъ же медленно и плавно, какъ она опускалась, поднимается въ куполь. Въ это время поютъ умиленный кондакъ Богородицѣ: «въ молитвахъ неусыпающую»...

Кончилась всенощная, прочитанъ кѣмъ-либо изъ богомольцевъ первый часъ, а молящіеся все еще не расходятся изъ храма. Одни изъ нихъ подходятъ подъ благословеніе къ преосвященному, другіе продолжаютъ оставаться на своихъ мѣстахъ и исполняютъ одно за другимъ церковныя пѣснопѣнія. Пѣніе продолжается въ теченіе 10—15 минутъ, пока всѣ присутствующіе не подойдутъ подъ благословеніе къ преосвященному.

Народное пѣніе въ академическомъ храмѣ такъ привилось и окрѣпло, что теперь сравнительно легко разучиваются новыя пѣснопѣнія, а нѣкоторыя пѣснопѣнія давно уже поются по нотамъ. Съ народнымъ хоромъ отправляются не только простыя службы, но даже и службы архіерейскія. Въ нынѣшнемъ году народный хоръ поетъ уже не только за всенощнымъ бдѣніемъ по пятницамъ и за молебномъ въ воскресные и праздничные дни предъ собесѣдованіями (въ 3½ часа дня), но и каждый день за ранними литургіями, которыя служатся въ 7 часовъ утра ¹⁾.

¹⁾ Въ настоящее время богослуженія въ академическомъ храмѣ совершаются ежедневно: въ 7 часовъ утра — литургія, въ 5 часовъ вечера — всенощная. Въ пятницу всенощная съ академистомъ Покрову

Многіе изъ постоянныхъ посѣтителей академическаго храма говорятъ, что они только здѣсь научились понимать церковное богослуженіе и молиться. Богослуженіе здѣсь совершается неспѣшно, разборчиво, благоговѣнно, стихиры поются съ канонархомъ, молящійся отчетливо слышитъ каждое слово и легко понимаетъ все, что читается и поется.

За богослуженіями въ академическомъ храмѣ бываетъ много и постороннихъ людей, пріѣзжающихъ въ Посадъ на богомолье. Прослышавши о богослуженіяхъ академическаго храма, они стараются попасть на эти богослуженія и приходятъ въ академію справляться о времени богослуженій.

Невысокій, сравнительно темный (свѣтъ падаетъ только съ одной стороны храма) академическій храмъ, участіе въ богослуженіи по мѣрѣ своихъ силъ и способностей всѣхъ вѣрующихъ, сердечная, воодушевленная молитва, заражающая и увлекающая своимъ потокомъ всякаго новаго человѣка, — все это производитъ, по свидѣтельству случайныхъ посѣтителей нашего храма, впечатлѣніе первыхъ вѣковъ христіанства, когда вѣрующіе собирались на общественную молитву въ подземелья, въ катакомбы и когда въ этихъ богослуженіяхъ участвовали всѣ вѣрующіе.

Д. Радонежскій.

Пресвятой Богородицы и собесѣдованіемъ послѣ акаѳиста — начинается въ 6 часовъ вечера. Подъ праздники всенощная начинается въ 6 часовъ вечера, въ праздники литургія начинается въ 9 часовъ утра. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ 3¹/₂ часа дня служится молебенъ, послѣ котораго бываетъ собесѣдованіе.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

С.-Петербургъ,
Садовая улица,

Н. Л. ТУЗОВА.

Гостинный дворъ,
магазинъ № 45.

ВНОВЬ ПОСТУПИВШИЯ КНИГИ:

БИБЛЕЙСКИЙ АЛЬБОМЪ.

Полное собраніе 230 картинъ къ Библии знаменитаго художника Густава Дорэ. Съ указаніемъ, въ какомъ мѣстѣ Библии описывается событіе, изображенное на рисункѣ. Спб., 1906 г., ц. 3 р.; въ роскошн. коленк. перепл. съ золототиснен. 4 р. 50 к.; на велен. бум. ц. 5 р., въ перепл. 6 р. 50 к. На почтовую пересылку прилагать 1 р., въ восточную Сибирь 2 р.

БИБЛІА,

пересказанная дѣтямъ старшаго возраста. Съ 240 иллюстраціями по оригиналамъ Шнорра. Сост. Софія Дестунисъ. Роскошное изданіе, отпечатанное на веленовой бумагѣ. Спб., 1906 г., ц. 4 р., въ роскошномъ коленк. перепл. съ золототисненіемъ 5 р., съ золотообрѣзомъ 5 р. 50 к. На почт. пересылку 1 р.

Исторія Вселенскихъ Соборовъ. Преосвящен. Іоанна, епископа Аксайскаго, викарія Донской епархіи. Изданіе второе. Спб., 1906 г., ц. 2 р., въ коленк. перепл. съ золот. тисн. 3 р.

Руководство къ изученію священныхъ книгъ Новаго Завѣта. Обзорніе апостольскихъ посланій и Апокалипсиса. Сост. А. Ивановъ. Съ картой путешествій ап. Павла. Изданіе пятое, исправленное. (Учебникъ для семинарій). Спб., 1907 г., ц. 2 р. 50 к. (печатается, выйдетъ въ январѣ мѣсяцѣ).

Литургика или наука о богослуженіи православной Церкви. Часть вторая (частная). Составилъ примѣнительно къ программѣ для духовныхъ семинарій преподаватель Курской духовной семинарии Епифаній Нестеровскій. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб., 1905 г., ц. 1 р. 50 к.

Великое въ маломъ и антихристъ, какъ близкая политическая возможность. Записки православнаго. Сергѣй Нилусъ. Изданіе второе, исправленное и дополн. Царское Село. 1905 г., ц. 1 р. 50 к.

Изъ системы христіанскаго нравоученія. Проф. М. Олесничаго. Исправленное изданіе. Кіевъ, 1896 г., ц. 3 р. 30 к.

Кратній курсъ педагогики. Руководство для женскихъ заведеній съ двухгодовымъ курсомъ педагогики. Проф. М. Олеснича

каго. Выпускъ первый. Теорія воспитанія. Третье изданіе. Кіевъ, 1905 г., ц. 60 к.

— То же. Выпускъ второй. Теорія обученія. Третье изданіе. Кіевъ, 1902 г., ц. 60 к.

Нравственное богословіе или христіанское ученіе о нравственности. Составлено примѣнительно къ программѣ для духовныхъ семинарій проф. М. О л е с н и ц к и м ъ. Четвертое изданіе.

Полный курсъ педагогики. Руководство для всѣхъ занимающихся воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей. Проф. М. О л е с н и ц к а г о. Вып. первый: Теорія воспитанія. 2-е изданіе, Кіевъ, 1895 г., ц. 1 р. 75 к.

— То же. Выпускъ второй. Теорія обученія. Кіевъ, 1887 г., ц. 1 р. 50 к.

Кто виноватъ въ распятіи Іисуса Христа? Отвѣтъ г. Ильѣ Гуревичу. Сост. Эрміона Полторацкая. Спб., 1907 г., ц. 15 к.

Пустыня. Очерки изъ жизни Оивандскихъ отшельниковъ. Въ двухъ частяхъ. Е. Поселянина. Спб., 1907 г., ц. 1 р.

На пересылку книгъ магазинъ покорнѣйше проситъ прилагать по 20 коп. на каждый рубль.

Магазинъ снабженъ большимъ выборомъ религіозно-нравственныхъ книгъ. Подробный каталогъ на 1907 годъ продается и высылается за 35 коп.

Требованія гг. иногороднихъ исполняются съ первою почтою

ЖУРНАЛЬ

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ“

въ 1907 году

(годъ изданія сорокъ восьмой)

имѣеть выходить по прежней программѣ.

Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по изложенію доступныя большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ: „Библиотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ“.

Къ Январю 1907 г. выходитъ въ свѣтъ 10-я часть Твореній бл. Августина въ русскомъ переводѣ (о согласіи евангелистовъ).

Указомъ Св. Синода отъ 3/29 февр. 1884 г. подписка какъ на „Труды“, такъ и на „Библиотеку твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ“ рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

„БОЖІЯ НИВА“

Троицкій собесѣдникъ для православной семьи и школы

въ 1907 году (шестой годъ изданія)

съ Божіей помощью будетъ продолжаться по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прежде.

„БОЖІЯ НИВА“ имѣетъ цѣлю оказывать нравственную поддержку всѣмъ, кто трудится въ великомъ дѣлѣ воспитанія дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія; дать этимъ труженикамъ возможность обмѣниваться мыслями по тѣмъ вопросамъ, которые особенно тревожатъ ихъ христіанскую совѣсть; показывать на фактахъ, какъ велико и свято то дѣло, коему они служатъ, какъ и чѣмъ проявляетъ себя это дѣло въ школьной и семейной жизни; въ чемъ состоитъ тотъ идеалъ, къ коему должна быть направлена *вся* ихъ воспитательная работа. „БОЖІЯ НИВА“ стремится указывать тѣ пути и средства, коими воздѣлывается добрая по природѣ своей нива дѣтскаго сердца. Теплое сочувствіе, съ какимъ повсюду встрѣчено было наше скромное изданіе, даетъ намъ увѣренность, что руководители подросткающаго поколѣнія находятъ въ немъ то, что такъ благопотребно для нихъ особенно въ наше время, время всякихъ тлетворныхъ вѣяній не только въ области воспитанія, но и вообще въ религіозной жизни современнаго общества.

Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ изданіе одобрено для выписки въ библіотеки народныхъ школъ.—Епархіальные Училищные Совѣты могутъ вносить „Божію Ниву“ въ списокъ изданій, требуемыхъ ими изъ Училищнаго при Св. Синодѣ Совѣта за счетъ суммъ, ассигнуемыхъ на школьныя библіотеки.

Въ составъ программы сего изданія входятъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Церковь и школа. II. Семья и школа. III. Школа и народная жизнь. IV. Школа какъ воспитательница эстетическаго чувства. V. Посвяты и входы: мѣтотпись церковныхъ школъ. VI. Переписка нашихъ читателей. VII. Наши дневникъ. Приложенія: «Зернышки Божіей нивы». Троицкое чтеніе для дѣтей. (12 №№ въ годъ).

Сроки выхода—12 разъ въ годъ.

Годовая подписка съ приложеніями ОДИНЪ РУБЛЬ съ пер.

Подписка на текущій годъ продолжается. Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе №№ съ приложеніями. Подписка *принимается только въ Редакціи*. Желающіе подписываться чрезъ

книжные магазины должны предупреждать о доставкѣ полной подписной стоимости журнала (1 руб.). *Комиссионная скидка не допускается.*

Подписка на полгода и на отдѣльные мѣсяцы не принимается.

Первые пять томовъ „**БОЖІЕЙ НИВЫ**“ можно получать въ переплетѣ по 1 р. 25 к. каждый томъ, а въ коленкоровомъ переплетѣ по 1 р. 75 к. съ пересылкой.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію „*Божіей Нивы*“.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

ИЗДАНИЕ КАЗАНСКОЙ АКАДЕМІИ

въ 1907 году

будетъ выходить попрежнему *ежемѣсячно*, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой, и будетъ издаваться по прежней программѣ, въ строго-православномъ духѣ и ученомъ направленіи.

Въ качествѣ приложенія къ журналу всѣ подписчики получаютъ бесплатно: *Толкованіе Бл. Θεοφιλαкта*, архіепископа Болгарскаго, на св. *Евангеліе Луки*.

Журналъ „Православный Собесѣдникъ“ рекомондованъ Свят. Синодомъ для выписыванія въ церковныя бібліотеки, „какъ изданіе полезное для пастырскаго служенія духовенства“ (Синод. опред. 8 сент. 1874 г. № 2792).

Цѣна за полное годовое изданіе со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ пересылкою во всѣ мѣста имперіи—

С Е М Ъ Р У Б Л Е Й.

При журналѣ: „Православный Собесѣдникъ“ издаются

Извѣстія по Казанской епархіи,

выходящія 4 раза въ мѣсяцъ, нумерами до 2 печатныхъ листовъ въ каждомъ, убористаго прифта. Размѣръ изданія съ 1898 г. значительно увеличенъ сравнительно съ прежнимъ, вслѣдствіе установленнаго по особому распоряженію Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Казанскаго и Свѣяжскаго пособия на изданіе Епархіальныхъ Извѣстій отъ монастырей Казанской епархіи.

Цѣна Извѣстій для духовенства Казанской епархіи, съ приложеніемъ журнала „Православный Собесѣдникъ“ и съ пересылкой по почтѣ

В О С Е М Ъ Р У Б Л Е Й

Подписка принимается въ Редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи, въ Казани.

Объ изданіи въ новомъ 1907 году

ежедневной церковнополитической, общественной и литературной газеты

„КОЛОКОЛЬ“ (С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ).

Первая и единственная ежедневная церковно-политическая независимая газета, будетъ выходить *каждодневно* (кромя послѣ-праздничныхъ дней), въ объемѣ большихъ газетъ.

ПРОГРАММА КОЛОКОЛА:

1. Дѣйствія и распоряженія свѣтской и церковной власти.

2. Телеграммы Россійскаго агентства и собственныхъ корреспондентовъ.

3. Руководящія статьи и замѣтки по текущимъ вопросамъ политической общественно-народной и церковной жизни въ Россіи, по внутренней и внѣшней политикѣ.

4. По Россіи: 1) внутреннія извѣстія и корреспонденціи о событіяхъ государственной и общественной жизни; 2) народное образованіе.

5. Церковная жизнь. 1) Лѣтопись религіозной, просвѣтительной и бытовой жизни православнаго общества и народа. (Церковное устройство и жизнь епархій, приходовъ, православныхъ братствъ, попечительствъ, кружковъ ревнителей церковно-христіанскаго просвѣщенія и т. п.). 2) Церковно-общественная и бытовая жизнь въ старообрядчествѣ и русскомъ сектанствѣ. 3) Инославныя христіанскія церкви и общества въ Россіи и за границей.

6. Периодическая свѣтская и духовная печать.

7. Петербургскій дневникъ. Хроника столичной жизни. Отчеты о засѣданіяхъ центральныхъ государственныхъ учреждений, ученыхъ обществъ и другихъ общественныхъ собраній.

8. Иностранная извѣстія. Вѣсти изъ славянскихъ земель.

9. Критика и библиографія. Новости свѣтской и духовной литературы и искусства.

10. Свободное слово (трибуна). Отдѣлъ для обмѣна мнѣній читателей „Колокола“ за и противъ.

11. Фельетоны. Художественно-беллетристическія произведенія свѣтскаго и духовнаго содержанія, бытовые очерки и рассказы.

Подписная цѣна: Колоколу съ приложеніемъ 52 выпусковъ „На каждый день“ — 6 руб. За границу 10 р., $\frac{1}{2}$ года 3 р., на 4 мѣс. 2 р. и на 2 мѣс. 1 р.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Невскій 153.

Редакторъ Н. Д. Облеуховъ.

Издательница Ю. А. Свворцова.

НА 1907 ГОДЪ ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ

II-й ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ“

52 №№ въ годъ, которые будутъ выходить въ 1907 г. въ увеличенномъ размѣрѣ еженедѣльно „по пятницамъ“, книжками по 64 страницы въ каждой, въ цвѣтной обложкѣ.

Вступая во *второй* годъ изданія, „Ц. О. Ж.“ попрежнему будетъ неуклонно служить интересамъ обновленія Русской церковной жизни.

Девизъ журнала — возстановленіе нравственно-религіозныхъ устоевъ Церкви во всей широтѣ и всеобъемлемости ея отношеній—нравственно-религіозныхъ, административно-правовыхъ, общественно-государственныхъ и социальныхъ.

Всѣ статьи „Ц. О. Ж.“ — оригинальныя и при общедоступности и живости изложенія, рассчитаны на самую широкую публику.

Въ общемъ каждый номеръ, отвѣчая насущнымъ запросамъ момента, будетъ представлять по возможности полное и безпристрастное освѣщеніе фактовъ наличной церковно-общественной дѣятельности.

Въ видѣ *особаго бесплатнаго приложения* при журналѣ всѣмъ годовымъ подписчикамъ „въ концѣ года“ будетъ разсланъ 1-й выпускъ предпринятаго редакціей „Ц. О. Ж.“ изданія, подъ заглавіемъ: „Въ помощь религіозно-нравственному самообразованію“. Это изданіе составитъ предметный, строго-систематизированный, критическій указатель наличной русской литературы по всѣмъ отраслямъ богословскаго, философскаго, церковно-историческаго и церковно-общественнаго знанія.

Подписная цѣна: въ *Россіи*—на годъ 5 рублей, на полгода—3 рубля, помѣсячно—50 коп., отдѣльный номеръ 12 копеекъ; за *границу*—на годъ 6 рублей, на полгода—3 р. 50 коп. Годовымъ подписчикамъ разсрочка по ихъ собственному усмотрѣнію.

Всѣ новые подписчики на 1907 г., внесшіе годовую (5 р.) и полугодовую (3 рубля) плату, будутъ получать журналъ за 1906 годъ *бесплатно*—со дня подписки. Пробный номеръ высылается за двухкопеечную марку.

Адресъ. Редакція и главная контора—Казань. Первая Академическая у. домъ № 11. Отдѣленіе конторы: „Центральная ти-

нографія“ (Воскресенская у., домъ Крученикова, рядомъ съ диркомъ).

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, ея отдѣленіи и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Книжные магазины и комиссіонные конторы удерживаютъ комиссіонныхъ 5% съ доставленной подписки.

Редакторы-издатели: профессора—*Д. И. Писаревъ*, протоіерей *А. В. Смирновъ*, *М. А. Мациановъ*, *К. І. Григорьевъ*.

НОВАЯ КНИГА.

ДУХОВНАЯ ШКОЛА.

Сборникъ статей: Отъ авторовъ.—Безъ призора. Воспомин. о дух. учил. *Н. Смирновъ*. — Дезорганизованная коллегія. Изъ замѣт. и наблюд. учит. дух. уч. *С. Клязьминъ*. — Воспитаніе въ духовной школѣ. *С. Любимовъ*. — Атеизмъ. Изъ пережитаго. *Н. Смирновъ*. — Принципы богословскаго образованія. *П. Любимовъ*. — Къ вопросу о преподаваніи литературы. *П. Любимовъ*. — Философія въ дух. семинаріи. *Проф. П. Тихомировъ*. — Какъ мы изучали библію. *Н. Горностаевъ*. — Духовно-учебное начальство. *І. А.* — Записки семинариста. *Н. Румянцевъ*. — Страничка изъ недавняго прошлаго. — Семинарская петиція. — Епархіальный женскій училища. *А. Смирновъ* — *Кутаческій*. — О духовныхъ академіяхъ. *Проф. П. Тихомировъ*. IV+348 стр. Ц. 1 р. 35 к. Выписывающіе отъ авторовъ (Москва, Садовники, д. ц. Георгія въ Яндовахъ *С. В. Любимову*) за пересылку не платятъ. За наложен. платежъ приплата 10 коп.

Въ Харьковѣ, Контор. ул., д. № 64. у протоіерей Іоанна Чижевскаго можно получить недавно имъ изданную книгу:

<Изложеніе ученія Св. Прав. Каѳолической Восточной Церкви, о вѣрѣ Христовой, а такъ же о поведеніи и обязанностяхъ Его чадъ>.

Харьковъ 1906 г. Ц. съ перес. и безъ пер. 1 р. 20 к. Выписывающимъ десять и болѣе экз. обыкновенная уступка, какъ и книгопродавцамъ.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

**ДУХОВНЫЯ ДАРОВАНІЯ
ВЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ.**

Священника Михаила Өивейскаго.

цѣна 2 рубля.

Можно приобрѣтать у автора: Мал. Толмачевскій пер., за Москвой рѣкой, д. церкви св. Николая въ Толмачахъ.

ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЬ

„Д Ъ Я Т Е Л Ъ“

ОДИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, гигиеническаго, педагогическаго и медицинскаго содержанія. 3) Повѣсти, рассказы, стихотворенія и другія статьи бытового, нравственнаго и историческаго содержанія. 4) Письма изъ провинціи. 5) Свѣдѣнія, полезныя въ жизни. 6) Изъ жизни и печати. 7) Свѣдѣнія о дѣятельности благотворительныхъ учрежденій. 8) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и другихъ странахъ. 9) Свѣдѣнія о дѣятельности Обществъ трезвости въ Россіи и за границею. 10) Протоколы Казанскаго Общества Трезвости. 11) Критика и библиографія. 12) Объявленія.

Подписная цѣна за годъ 2 рубля. Полугодовая подписка не принимается, а съ приложеніемъ №№ газеты Русь Православная и Самодержавная за годъ 5 руб.

Журналъ за 1904 годъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министер. Народ. Просвѣщ. въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

Выписывающіе за 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905 и 1906 годы платятъ 20 рублей и получаютъ всѣ изданія общества бесплатно.

Адресъ редакціи: Казань.

Редакторъ-издатель **А. Т. Соловьевъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 г.

на большую политическую, общественную и литературную газету

РУССКІЙ ГОЛОСЪ

(бывшій „Русскій Листокъ“, XIX девятнадцатый годъ изданія).

Изъ всѣхъ большихъ столичныхъ ежедневныхъ газетъ „Русскій Голосъ“ съ 1907 г. будетъ по своей подписной цѣнѣ самая дешевая, а по условіямъ подписки самая доступная газета.

„Русскій Голосъ“, будучи чуть-ли не единственнымъ столичнымъ

органомъ печати прогрессивнаго (умѣренно-передового) направленія, остается въ то же время органомъ внѣпартийнымъ. Уже въ теченіе 10 лѣтъ онъ ставитъ одной изъ главныхъ задачъ объективность и полнѣйшее безпристрастіе какъ въ изложеніи фактовъ, такъ и въ освѣщеніи текущихъ событій, не уклоняясь ни вправо, ни влѣво. Пользуясь достаточно широкой распространенностью, газета считаетъ всякую тенденціозность и односторонность сужденій безусловно вредной и недопустимой въ періодической печати. Широкая освѣдомленность, свѣжесть извѣстій, краткость и ясность изложенія, чуткость и отзывчивость на событія составляютъ отличительную черту нашей газеты. „Русскій Голосъ“ заявилъ себя передъ читателями и въ дни забастовокъ и вооруженнаго возстанія, когда наша газета изъ всѣхъ столичныхъ изданій выходила только одна. Въ истекающемъ году „Русскій Голосъ“ въ числѣ весьма немногихъ русскихъ ежедневныхъ газетъ выполнилъ свои обязанности передъ подписчиками, выходя по понедѣльникамъ и въ нѣкоторые послѣпраздничные дни. Но такъ какъ и въ наступающемъ году газеты не будутъ выходить въ послѣпраздничные дни, то и „Русскій Голосъ“ по этой же причинѣ въ означенные дни выходить не будетъ, поэтому мы считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ уменьшить съ 1907 г. подписную годовую плату на газету на 2 рубля и назначаемъ за годъ вмѣсто 8 руб. всего 6 руб.

Если въ теченіе наступающаго 1907 г. другія ежедневныя газеты будутъ выходить по понедѣльникамъ и въ послѣпраздничные дни, то и „Русскій Голосъ“ будетъ выходить въ эти дни.

При „Русскомъ Голосѣ“ попрежнему еженедѣльно будетъ выходить иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія **Дѣло и Отдыхъ** (годъ II изданія), 50 номеровъ въ годъ.

Подписная цѣна отдѣльно на журналъ „Дѣло и Отдыхъ“ за годъ 4 р. Подписчики „Русскаго Голоса“ получаютъ журналъ „Дѣло и Отдыхъ“ за 2 руб. въ годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА *съ доставкой и пересылкой:*

На одну газету „Русскій Голосъ“. На годъ — 6 р., на полгода — 3 р. 50 к., на 3 мѣсяца — 2 р., на 1 мѣсяць — 75 к. На газету съ журналомъ „Дѣло и Отдыхъ“. На годъ — 8 р., на полгода — 4 р. 50 к., на 3 мѣсяца — 2 р. 50 к., на 1 мѣсяць — 90 к.

Допускается разсрочка годовой подписной платы какъ при подпискѣ на одну газету, такъ и на газету съ журналомъ: 1) при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 3 р.; 2) при подпискѣ 3 р. — и къ 1-му іюня 3 р., а съ журналомъ къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му іюля 2 р.; 3) при подпискѣ 1 р. и первые пять мѣсяцевъ по 1 р., а съ журналомъ первые семь мѣсяцевъ по 1 р.

Адресъ главной конторы газеты „РУССКІЙ ГОЛОСЪ“, — Москва, Мясницкая, д. 20.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЛЕОНИДА,
АРХІЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО *).

Москва, 15 марта 1864 года. Передъ вечернею получаю записку отъ Владыки. «Вашему преосвященству миръ. Не могу ли я видѣть васъ у себя нынѣ часу въ шестомъ вечера?»

Ф. М. М.».

Марта 15 дня 1864 г.

Я отвѣчалъ:

Въ шестомъ часу, по благословенію вашего высокопреосвященства, буду имѣть утѣшеніе явиться.

Пріѣзжаю. У владыки княжна А. Вл. Голицына. Владыка оканчивалъ разговоръ передачею словъ, какъ по-нялъ, помѣщиковъ, призванныхъ въ Петербургъ по крестьянскому дѣлу. Они единодушно постановили такія правила, которыя были безобидны для крестьянъ и оставляли надъ крестьянами помѣщичій надзоръ. Но ихъ мнѣнія не приняли. Правду сказано въ стихахъ: деспотъ либерализма (sic!). Княжна привела нижегородскую пословицу: «у дворянъ остались рожки да ножки». Княжна откланялась. Владыка далъ мнѣ прочитатъ извѣстительное посланіе вселенскаго патріарха Софронія по случаю вступленія его на престоль. Престоль названъ апостольскимъ, русскій Сѹнодь «священствомъ».—Потомъ въ Сѹнодь состав-

*) Продолженіе. См. январскую кн. *Душепол. Читенія* 1907 г.

ленный проект отвѣта. Патриаршее письмо цвѣтисто и складно, Синодальное безцвѣтно и пусто. Синодъ называетъ себя святѣйшимъ, также братомъ и проч., говорить, что посланіе патриарха наполнено благожеланій, а все благожеланіе въ одной фразѣ, называетъ посланіе *все-премилостивѣйшимъ*. — Владыка написалъ свой проектъ—преизящный. Спрашивалъ меня о выраженіи: братъ и сослужитель. Я не посовѣтовалъ. Синодъ братъ, но младшій; слова «братская любовь»—достаточны; греки горды, искра несогласій подъ пепломъ, слѣдовательно лучше соблюсти мягкость ¹⁾. — Читалъ исправленный имъ отчетъ за 1863 годъ и сказалъ: я за мои долги. Если бы устроены были сѣзды архіереевъ по округамъ, то епархіальные архіереи и въ этомъ случаѣ (объ отчетахъ) пріѣхали бы къ старѣйшему посовѣтоваться.—Владыка, вамъ надобно положить начало. — Никакія училища не готовятъ людей къ мысли и слову какъ духовныя; духовенству не достаетъ только практики. Въ началѣ и изъ лучшаго источника течетъ въ колодезь вода мутная. Сдѣлайте. Послѣ васъ никто не сдѣлаетъ. — «Видите, одно дѣло за другимъ! Я устаю иногда такъ сильно, что въ 9 часовъ принужденъ лечь».—Владыко: вотъ придетъ лѣто.—«Послѣ моей зимы лѣта не будетъ».—Я взглянулъ на него. Владыка повторилъ: «послѣ моей личной зимы лѣта не будетъ». Съ этими словами онъ всталъ и, благословивъ меня, удалился въ свой кабинетъ. Я только успѣлъ сказать:—да продлится ваша зима долго, долго для насъ!

16. Въ полночь окончилъ проектъ заключенія къ епархіальному отчету и утромъ отослалъ его. Вотъ его мысль и послѣднія слова. Есть виды свѣтлые; но есть и опасность, что они омрачатся чрезъ распространеніе ложныхъ ученій и соблазновъ. «Посему—говорю я:—при усердной

¹⁾ Владыка сказалъ: печалить меня этотъ проектъ.

молитвѣ къ Богу помощнику и избавителю, надобно искать и желать, чтобы вниманіе просвѣщеннаго православно-христіанскаго правительства обратилось съ сочувствіемъ ко всему тому, что въ настоящее время, составляетъ заботу церкви. Не гоненія за вѣру, не униженіе свободы мысли здѣсь имѣются въ виду, но тотъ благосклонный къ церкви образъ дѣйствованія, при которомъ служитель вѣры могъ бы съ радостію, а не въздыхая, въздѣлывать духовную ниву, въ надеждѣ, что сѣмена вѣры и благочестія засѣваемые не будутъ насильственно заглушаемы плевелами ложныхъ ученій и соблазновъ, не только гибельныхъ для душъ, но и опасныхъ для жизни государственной, въ настоящее время, въ нашемъ отечествѣ столь сильно возбужденной и напряженной; — тотъ образъ дѣйствія, при которомъ весь православный народъ русскій понималъ бы и чувствовалъ, что онъ призывается, говоря словами св. равноапостольнаго царя Константина, на служеніе священнѣйшему закону, чтобы подъ руководствомъ Высочайшаго Существа возвращать блаженнѣйшую вѣру».

Отъ 1 по 15 марта былъ на мнѣ мѣдный парамандъ старца Серафима Саровскаго, и я ощущалъ духовную пользу.

17. Владыка служилъ въ Алексѣевокомъ монастырѣ, но такъ усталъ, что, вопреки обычаю, не зашелъ и къ игуменіи. Онъ недоволенъ здоровьемъ; боль то въ головѣ, то въ желудкѣ, къ тому же и погода дождливая, мгlistая. Въ особыхъ свѣдѣніяхъ (статья IX епарх. отчета) владыка говоритъ о движеніяхъ въ расколѣ и называетъ расколъ жондомъ, который если не губить тѣло, то губить души. Я читалъ ему нѣсколько страницъ изъ брошюры о состояніи церкви православной въ Молдавіи. Выслушавъ о незаконныхъ и дикихъ поступкахъ Кузы съ митрополитомъ Софроніемъ (его схватили, когда онъ въ храмовой праздникъ совершалъ литургію, и отвезли,

не шадя старости, болѣзни, изнуренія, въ заточеніе, гдѣ и умеръ), владыка сказалъ: «то и съ нами будетъ, когда усилится либерализмъ». — Я служилъ дома ради ставленниковъ и завтра служить желаю, что-то Богъ дастъ. — Исаковъ сказывалъ: В. К. К—въ Н—чь пишетъ брату Н. Н—чу, что одинъ разбогатѣвшій въ Африкѣ итальянецъ подарилъ ему 2 львовъ и орангутанга, которые доставлены въ Ливерпуль, и что онъ, К. Н—чь, дарить ихъ Москов. обществу акклиматизаціи; но перевезти въ Москву не берется. Н. Н—чь думалъ доставить ихъ на какомъ-нибудь Балтійскомъ военномъ суднѣ. Исаковъ посланъ былъ къ Краббе и к. Голицыну, нач. инсп. департамента; но они сказали, что судовъ въ Балтикѣ нѣтъ, что 2 дивизіи въ Сѣв. Америкѣ и пароходъ въ Средиз. морѣ; но зачѣмъ и надолго ли—никто кромѣ Государя не знаетъ; не знаютъ и великіе князья. Экземпляръ брошюры (о Молдавіи) я отправилъ къ Каткову; онъ пишетъ, что займется ею. Вопросъ, котораго она касается, получаетъ теперь особенный интересъ и о немъ будетъ не худо поговорить. Куза гонитъ православіе, но покровительствуетъ католицизму, и справедливо замѣчаетъ статья, что это дѣлается съ цѣлю лишить Россію вліянія въ княжествахъ, между тѣмъ какъ католицизмъ приготовитъ княжества въ добычу Австріи. — Сенаторъ Лебедевъ говорилъ владыкѣ, что открытое, съ присяжными судопроизводство, по мнѣнію Савиньи, такъ нелѣпо, что потомки удивляться будутъ, какъ могла образованная Европа подчиниться такому принципу суда.

По запискѣ отъ владыки: «Ваше преосвященство прошу посѣтить меня нынѣ въ шестомъ часу по полудни», — я былъ на Троицкомъ (пр. Савва не былъ: уѣхалъ въ Симоновъ). Владыка давалъ читать особыя свѣдѣнія о расколѣ и требовалъ строгаго сужденія, ибо надобно, чтобы статья не показалась слишкомъ слабою, но и не произ-

вела досады. Я нашелъ, что слишкомъ рѣзкаго нѣтъ ничего. — Я узналъ, что въ Пермской епархіи было допущено раскольникамъ вѣнчаться въ православномъ храмѣ безъ присоединенія и безъ обязательства воспитывать дѣтей въ православіи. Это сдѣлано по предложенію владыки, а владыка далъ мнѣніе, опираясь на практику м. Амвросія, который это разрѣшилъ въ той мысли, что можетъ быть благословеніе церкви подѣйствуетъ на брачующихся и ихъ дѣтей. Владыка сказывалъ, что когда начались слухи о австрійской лжеіерархіи, онъ предлагалъ, чтобы дали ему втораго викарія изъ единовѣрцевъ. Писеть: это поздно.

19. Душа моя была весь день въ особенномъ напряженіи, которое началось письмомъ къ М. по дѣламъ его совѣсти, и поддерживалось и возрастало отъ бесѣдъ о настоящемъ положеніи вещей въ отечествѣ. Съ опытнымъ благочиннымъ (Терновскимъ) законоучителемъ въ заведеніяхъ и домахъ говорено о воспитаніи. Онъ замѣтилъ, что общество на духовенство смотритъ враждебно, какъ на ненужный баластъ, и на законъ Божій, какъ на предметъ, которымъ надо занимать дѣтей или изъ приличія, или для экзамена. Полк. Шванебахъ умный, просвѣщенный, твердый человѣкъ, подробно представилъ мнѣ картину военнаго училища, находящагося подъ его начальствомъ. Я просилъ, чтобы онъ составилъ статью о своемъ управленіи. Къ нему поступили 300 юношей, безъ религіи, безъ правилъ, безъ образованія, но съ самомнѣніемъ, своевольствомъ, съ намѣреніемъ вступить въ борьбу съ начальствомъ. Онъ справедливо называетъ успѣхомъ то, что эти юноши доведены до сознанія, что они ничего не знаютъ и ничего не значать. Безъ наказаній (кромѣ исключенія), одною нравственною силою и умнымъ тактомъ онъ привелъ эту банду въ порядокъ и покорность. Сожалѣю, что нѣтъ времени описать его дѣйствій. Потомъ

много говорено съ Завалишинымъ о болѣзняхъ времени и о лекарствахъ — личномъ подвигѣ во имя вѣры. Чѣмъ больше такихъ подвижниковъ, тѣмъ больше надежды, что кто-нибудь изъ нихъ сдѣлалъ все или много.

20. Казалось, вселенскій патріархъ благонамѣренный человекъ; но что случилось? Новиковъ говоритъ ему о примиреніи съ Болгарами. Онъ отвѣчаетъ: «помогите, и я, посовѣтовавшись, дамъ вамъ записку». Въ запискѣ онъ предложилъ: пусть болгарскіе архіереи (фанариоты) представляютъ намъ кандидатовъ изъ болгаръ; мы будемъ вписывать ихъ въ особую книгу и по мѣрѣ нужды назначать на мѣста. Это не удовлетворитъ болгаръ. Болгары желаютъ смѣшаннаго народнаго собранія подобнаго греческому. Греки отвергнули съ презрѣніемъ. Болгары не доставляютъ въ патріархію церковную дань, патріарху нечѣмъ платить жалованье, онъ употребилъ строгія мѣры турецкой полиціи. Болгаре взволновались.—Я думаю, что геронство пустило корни, личный характеръ патріарха немного значить предъ системою еллинизма или лучше грецизма.

Объ улучшеніи быта владыка сказалъ: въ 1829 году я, кн. А. Н. Голицынъ и Кочубей стали разсуждать объ этомъ предметѣ. Они хотѣли положить жалованье, я возражилъ: жалованья достаточнаго вы дать не въ состояніи, а малое приведетъ духовенство въ худшее положеніе. Тогда и рѣшили дать вспомогательныя оклады бѣднѣйшимъ причтамъ и на это на первый разъ ассигновать полмилліона. Съ тѣхъ поръ это и продолжается. Еще сказано было: обязать помѣщиковъ для причта строить дома. Гос. Совѣтъ измѣнилъ выраженіе и вмѣсто *обязать* поставилъ: *предлагать* помѣщикамъ, чѣмъ все дѣло и испорчено. Теперь владыка предполагаетъ, что можно на первый разъ ограничиться улучшеніемъ положенія бѣдныхъ приходоу и назначеніемъ жалованья должностнымъ лицамъ.

Я говорилъ какъ-то, что для уравненія избытка людей въ однихъ епархiяхъ и скудости другихъ можно бы излишнихъ отправлять по желанiю въ чужiя епархiи съ тѣмъ, чтобы проѣздъ и водворенiе были обезпечены. Владыка сказалъ: «Въ давнее время я предлагалъ, чтобы всѣ казеннокошныя ученики обязаны были извѣстное число лѣтъ прослужить тамъ, гдѣ укажетъ начальство. Этимъ способомъ и число казеннокошныхъ уменьшилось бы и были бы люди къ услугамъ Св. Синода».

21. Экзаменъ въ К. межевомъ институтѣ очень не утѣшительнъ. Замѣтно, что кадеты изучаютъ предметъ настолько, чтобы на экзаменѣ не простоять столбами, благоговѣнiя къ предмету никакого.—Пишу къ М—ву: «ты все спрашиваешь: что тебѣ дѣлать? и ничего не дѣлаешь, только близишься къ безднѣ. Мнѣ было 15 и 16 лѣтъ, когда пошелъ противъ волнъ, съ молитвою и—благодарю Бога: и родители были утѣшены, и я донинѣ благополученъ, т.-е. несравненно благополучнѣе, нежели бы былъ на всякомъ другомъ пути, ибо не внѣшнее въ жизни важно, а внутреннее, душевное. Между тѣмъ я никого не спрашивался, молился, думалъ и—дѣйствовалъ осторожно, неспѣшно, но неуклонно, и Богъ былъ мнѣ помощникомъ. Дальнѣйшее предоставляю въ Его святую волю, устремляя мысленное око на слова апостола: единою умрети, потомъ же судъ. Они не подписаны на стѣнѣ, но когда ложусь въ постель, они огненными буквами горятъ передъ мною и во мнѣ».

Узналъ, что Н. Н—чь постомъ не ѣсть и рыбнаго. Онъ былъ очень благолѣпенъ сегодня въ простомъ своемъ нарядѣ: сюртукъ генеральнаго штаба. Ничего краснаго кромѣ лампасъ и выпушки, и много серебра: эполеты, аксельбактъ, ремни, на которыхъ шашка его, украшенная алмазами и огромный на шеѣ Георгiя 2 ст. крестъ. Старець видный и скромный. Какое соединенiе ума и про-

стодушія, тихости и настойчивости. Пишетъ записки свои и сохранилъ всю память...

Служилъ я въ Чудовѣ и тамъ пилъ чай и закусывалъ по распоряженію владыки. Пока былъ въ силахъ, всѣ воскресные дни и великій канонъ владыка на первой недѣли исправлялъ въ Чудовѣ. А теперь предоставилъ это своимъ викаріямъ. Владыка родился при пр. Коломенскомъ Ѣеодосіи, котораго память чтутъ въ Коломнѣ. Но до него былъ Савва изъ малороссовъ. Самъ наказывалъ причетниковъ на конюшнѣ, подъ чтеніе псалма 50, а кто читаетъ спѣшно, тотъ также подвергался наказаніямъ... Елисавета Петровна издала указъ, разрѣшающій ставить во епископа и изъ русскихъ.—Владыка говоритъ, что въ Чудовѣ не полонъ былъ храмъ, и народа изыцно одѣтаго не было. Конечно, никто не ожидалъ, что въ такую погоду (снѣгъ и слякоть) владыка рѣшился ѣхать; но виною, думаю, и запущеніе Чудова. Болѣе 10 лѣтъ тому, какъ мой Знаменскій казначей (нынѣ игумень Перер. Венедиктъ) сказалъ о какомъ-то безпорядкѣ: «это уже хуже и Чудова». Такъ тамъ и до нынѣ, если еще не хуже. Пороховщиковъ (А—дръ А—дрычъ) говорилъ у владыки, что парадъ 19 марта произвелъ убытка тысячь на 100 и множество больныхъ: причины — дурная погода и полная парадная форма.—Хвалить церковь домовую митрополита Петербургскаго; говоритъ: владыка самъ показывалъ мнѣ ее, поставилъ меня у западной стѣны и ушелъ въ алтарь, отворилъ царскія врата и, когда стала спускаться висящая надъ ними икона, сказалъ мнѣ: «что же вы не кричите. Народъ, въ первый разъ увидѣвъ это, закричалъ».—Владыка (когда ушелъ П—овъ) не похвалилъ митрополита за такое обращеніе.

Письмо отъ князя С. Н. Урусова. Князь рекомендуетъ мнѣ делегата Ньюіорской конвенціи пастора Юнга, который на дняхъ долженъ быть въ Москву, и пишетъ: «цѣль его: увидѣть Московскаго митрополита, котораго катихизисъ, переведенный на англійскій языкъ Блакме-

ромъ, сдѣлался, по увѣренію Юнга, популярною книгою въ Америкѣ». Старецъ, пр. Евгений, былъ у владыки. Онъ появляется, чтобы, кажется, научить, какое несчастіе слѣпота. Еще же болѣе въ немъ видимъ, что и лучшіе люди изъ архіереевъ не мало страдаютъ оттого, что вначалѣ не сдружились съ монастырскимъ подвигомъ. Когда приходятъ обстоятельства, сводящія съ престола, бываетъ имъ трудно рѣшиться на заключеніе себя въ монастырь. Преосвященный Евгений аккуратно посѣщаетъ синодальную контору и пріѣзжаетъ на торжественныя собранія въ соборы и между тѣмъ очень стѣсняется и смущается слѣпотою. Впрочемъ есть и примѣры другого рода: пр. Іеремія (бывшій Кавказскій, Полтавскій, Нижегородскій) какъ вошелъ въ монастырь, такъ въ теченіе годовъ и не выходилъ изъ стѣнъ его.

27. Литургію преждеосвященныхъ даровъ (и поставленіе во діакона) совершенную мною, смотрѣлъ делегатъ Ньюіорской конвенціи Юнгъ, а послѣ обѣдни Юнгъ былъ у меня. Онъ человекъ лѣтъ 35, не высокій, легкій станомъ, русый, съ бородкой, безъ усовъ, съ веселымъ взглядомъ, въ однорбтомъ короткомъ черномъ сюртукѣ съ стоячимъ воротникомъ. По небрежной позѣ—республиканецъ, въ словѣ остороженъ какъ англичанинъ, хотя и говорливъ какъ французъ. Его англійскій языкъ, при быстромъ разговорѣ и проглатываніи словъ, для отвыкшаго моего уха труденъ. Вотъ что узналъ я отъ него объ американскомъ церковномъ устройствѣ. Всѣ вѣроисповѣданія ровно покровительствуются, но епископальную церковь можно въ нѣкоторомъ смыслѣ назвать государственною или господствующею. Вашингтонъ и знаменитѣйшіе изъ президентовъ къ ней принадлежали. Во время революціи сѣверо-американской духовенство епископальное, вѣрное 39 членамъ, продолжало молиться за англійскаго короля, который въ силу церковной конституціи есть глава церкви. Народъ вознегодовалъ, убилъ

соборнаго священника, удалился отъ духовенства, отъ храма, превратился въ непасомое стадо. Когда же независимость штатовъ признана Англіею, то, по просьбѣ американскаго правительства, парламенскимъ актомъ разрѣшено архіепископу Кентерберійскому посвящать для сѣверныхъ штатовъ троихъ епископовъ, не обязывая ихъ къ принятію конституціи 39 членовъ. Отъ нихъ пошла американская англиканская іерархія. Долго число епархій не превышало 8 или 10, и теперь, при быстро возрастающемъ народонаселеніи, число ихъ умножилось до 41. Общія важнѣйшія дѣла разсматриваются на соборахъ, бывающихъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Соборъ изъ двухъ палатъ: верхняя, гдѣ членами епископы, нижняя, гдѣ депутаты духовенства и мірянъ. Въ настоящее время духовенству очень хочется ввести порядокъ древней іерархіи, раздѣлить епархіи по архіепископіямъ, созывать провинціальныя соборы, что съ недавняго времени введено и въ Англіи, гдѣ оба архіепископа Кентерберійскій и Йоркскій (три епархіи) созываютъ раза по три въ годъ соборы епископовъ, декановъ, богослововъ и пр., слѣдятъ за жизнью церкви и дѣлаютъ правительству представленія. Американская церковь епископальная, has no connexion with the state ¹⁾, и 39 членовъ только что печатаются въ ея молитвенникахъ; она признаетъ 6 таинствъ и 6 соборовъ; въ настоящее время въ ней обнаруживается движеніе, подобное тому, какое видно въ Англіи въ high church («Высокая церковь»), со склоненіемъ къ востоку. Она ищетъ сблизиться съ православіемъ, у нея въ учебномъ употребленіи пространнѣй катихизисъ м. Филарета, начатки христіанскаго ученія, книга объ обязанностяхъ священника, Исторія Русской церкви Муравьева... Но въ чемъ можетъ состоять сближеніе это — думаю и для нея самой не очень ясно. Владыка говоритъ, что мы и не съумѣемъ вести дѣле. Придется писать, и напишемъ: Мы Святѣйшій Синодъ...

¹⁾ То-есть: „не имѣетъ связи съ государствомъ“.

28. У А. Н. Бахметевой нашелъ я засѣданіе общества дешевой продажи полезныхъ книгъ. Вначалѣ графиня Панина составила было широкій проектъ братства со складами книгъ, училищами и проч., но проектъ залегъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Тогда она приписалась во 2-ю гильдію и открываетъ книжную торговлю. Ей содѣйствуютъ: дочь ея, кн. Мещерская, А. Н. Бахметева, Е. О. Тютчева и Безсоновъ (славянофилъ). У Муравьевыхъ съ Н. Гр. шелъ разговоръ духовный: «я примѣчаю всегда, сказала она, сильное негодованіе противъ соблюдающихъ постъ и изъ этого одного заключаю, что постъ необходимъ и есть важное церковное учрежденіе и, какъ такое, предписано Господомъ. Чистосердечные протестанты сожалѣютъ объ отмѣнѣ у нихъ постовъ. Вообще, міръ слишкомъ снисходительный къ роскоши, лютовству, къ порокамъ, не можетъ терпѣть благочестія. Чуть начинаетъ благочестіе человѣка возвышаться надъ общимъ уровнемъ благочестивыхъ дѣйствій общества, какъ насмѣшки, презрѣніе, ненависть начинаютъ преслѣдовать человѣка, общество мірское не можетъ дозволить никому изъ среды своей служить Богу болѣе, нежели сколько принято общимъ обычаемъ».

29. Вчера Юнгъ стоялъ у меня всенощную, потомъ вынулъ изъ бархатомъ обложенной трубки грамоты епископовъ къ нашимъ епископамъ. Писаны по латыни, на печатяхъ митры и на одной изъ митръ развивается омофоръ, какъ на нашихъ печатяхъ. Содержаніе—желаніе мира и союза съ уважаемою церковью восточною. Юнгъ въ коллегіи учитъ, что Духъ Святой исходитъ по существу отъ Отца, а отъ Сына лишь по посланничеству. Духовенство соглашается принять соединеніе съ восточною церковію, символъ Никейскій безъ прибавленія, отцовъ церкви—у нихъ переводятъ и руководствуются ими, таинство елеосвященія непременно примутъ, такъ какъ

слова апостола Іакова о немъ очень ясны, образами ихъ церкви наполнены (особенно на стеклахъ оконъ), но почитанія иконъ не пріемлется потому только, что не ознакомлены съ пониманіемъ этого догмата въ православной Церкви, крестное знаменіе употребляется въ таинствѣ крещенія, которое совершается чрезъ обливаніе троекратное во имя Отца и Сына и Св. Духа и чрезъ изображеніе водою знаменія креста на чель крещаемого, нѣкоторые священники употребляютъ его при освященіи евхаристіи, совершаемой на квасномъ хлѣбѣ и принимаемой всѣми подъ обоими видами, съ молитвами (чего въ Англіи нѣтъ), называемыми *oblation* и *invocation*. Мурономазаніе совершается непременно епископомъ чрезъ возложеніе рукъ, инотда тотчасъ послѣ крещенія, иногда по прошествіи времени, а муро употребляется только при посвященіи епископовъ. Они чувствуютъ, что изъ ненависти къ Риму отброшено было не только то, что составляетъ римскія нововведенія, но и то, что принадлежало къ устроенію первоначальныхъ временъ Церкви, и понемногу возвращаются къ древнему чину; но по уваженію къ англиканской церкви епископалы американскіе не рѣшаются на общее дѣйствіе церковное безъ ея согласія, между тѣмъ какъ англійская церковь не имѣетъ законной силы выражать свое мнѣніе синодално; соединеніе духовенства около архіепископовъ есть дѣло частное, а Синода не допускаетъ свѣтская власть. Но склонность епископаловъ Америки къ восточной церкви все возрастаетъ, и имъ очень желательно ознакомиться съ русскою церковію, для чего они желаютъ присылать юношей, способныхъ изучить русскій языкъ, и переводить на англійскій все, что лучшимъ образомъ могло бы ознакомить ихъ съ православіемъ, взаимно желаютъ, чрезъ наши духовные журналы, ознакомлять русскихъ съ понятіями своими. Православный катихизисъ имѣетъ въ народѣ чрезвычайное вліяніе и двинулъ народное религіозное чувство къ восточной церкви. Имя автора пользуется почтеніемъ

и любовію. На обѣдѣ въ Ньюіоркѣ, данномъ пасторомъ Юнгомъ и др. русскимъ съ флота іеромонахамъ, извѣстный своими достоинствами пасторъ Сионъ предложилъ тостъ за здравіе преосвященнѣйшаго м. Московскаго и сказалъ рѣчь, въ которой прославлялъ святость его жизни, просвѣщенный высокій умъ и значеніе для церкви Божіей. Русскіе пожелали здравія епископу президенту Америки, и общую радость произвела мысль, что подъ сѣнію двухъ іерарховъ, совершенно ровестниковъ въ лѣтахъ, церкви сближаются къ единенію.

29. (воскр.). Передъ вечернею я читалъ владыкѣ все, что мною записано объ американской церкви. Владыка сказалъ: «поэтому судя, ихъ тотчасъ же можно принять въ общеніе».—Вечерню стоялъ я въ подворской церкви. Отъ 6 часовъ до 8^{1/2} въ его гостиной происходилъ разговоръ очень интересный. Собесѣдниками были: высокій хозяинъ, оба его викарія, ректоръ семинаріи, пасторъ Юнгъ, гр. Бобринскій и М. М. Сухотинъ какъ переводчики. Сначала говорили много о 39 членахъ и Юнгъ доказывалъ, что эти члены не заключаютъ въ себѣ аналогіи вѣры, не дополненіе къ символу, а указаніе того средняго пути, который полезно было указать при томъ хаотическомъ состояніи религіознаго сознанія, въ какомъ находилось общество въ эпоху отложенія Англій отъ Рима, обязательны только для Англій и притомъ собственно для духовенства, теперь особенно въ Америкѣ это остается болѣе какъ историческій фактъ, и какъ 39 чл. непонятны для народа, то въ новомъ предпринимаемомъ изданіи латинскомъ для англичанъ внѣ Англій этимъ 39 чл. вовсе не дано будетъ мѣста. Въ самыхъ же 39 чл. есть одинъ, который говорить, что обряды могутъ по времени видоизмѣняться. Этотъ членъ можетъ дать основу для важныхъ измѣненій.—Лучшіе люди убѣждены, что символъ долженъ быть восстановленъ и *filioque* выпущено. О иконопочитаніи онъ

говорить, что въ принципъ это можетъ быть принято, но не думаетъ, чтобы иконопочитаніе достигло того развитія, какъ въ Россіи. Причина та, что американцы не имѣютъ того воображенія и той сердечности, какими отличаются наши, русскіе. Св. картины у нихъ употребляются. Обычай обращаетъ алтарь къ востоку. Святому святыхъ свойственно быть болѣе украшеннымъ, и тутъ среди украшеній видится распятіе, картины изъ Ветхаго и Новаго Завета, изображенія Божіей Матери, Апостоловъ, икона храма, Вознесеніе и т. д. Иногда церкви посвящаются святымъ, напр., св. Георгію, Стефану; храмовой праздникъ знаменуется особенною службой. Юнгъ сколько свободенъ въ манерахъ, столько же сдержанъ въ сужденіяхъ. Отвѣтствуя на вопросы, онъ часто прибавляетъ: «это у насъ канонически не опредѣлено», или: «я не смѣю говорить отъ имени церкви», или: «это мое личное мнѣніе», или: «съ этимъ согласны всѣ съ кѣмъ я говорилъ изъ епископовъ и лучшихъ людей въ духовенствѣ», или: «другаго мнѣнія я ни отъ кого не слыхалъ». Владыка, указывая на затрудненіе, какое къ сближенію церкви американской съ русскою можетъ поставить церковь англійская, сказалъ, что то же можетъ встрѣтиться и со стороны нашей матери церкви греческой, и даже отъ Англій можно ожидать болѣе снисхожденія, нежели отъ Греціи, гдѣ образованіе революціею 1821 года было убито и не можетъ подняться, гдѣ церковные люди и высшее духовенство дѣйствуютъ часто по одному упорству и едва-едва снисходятъ намъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наприм., относительно обливательнаго крещенія. Поэтому есть опасность, что мы, оказывая любовь сестрѣ своей церкви американской, огорчимъ свою мать церковь греческую. Юнгъ отвѣтилъ, что надо надѣяться, что наши матери будутъ милостивы къ дѣтямъ своимъ. Онъ говорилъ о комитетѣ, который образовался въ американскомъ духовенствѣ для этихъ сношеній съ востокомъ, которыя черезъ полтора года надѣются начать. — «Зачѣмъ откладывать,

сказалъ владыка: можно начать теперь же». — Какъ, съ чего?—Владыка говоритъ: «пусть лица духовныя частнымъ образомъ знакомятся между собою и узнають взаимно характеръ церквей. Отъ нихъ эти свѣдѣнія станутъ распространяться, и тогда уже легче будетъ оглашать эти дѣйствія къ сближенію церквей. Юнгъ хотѣлъ бы, чтобы ихъ литургія была переведена на русскій языкъ и издана Синодомъ. — Владыка нашелъ это неудобнымъ, а согласился, что она можетъ быть переведена и помѣщена въ духовномъ журналѣ. Потомъ владыка благословляетъ, чтобы оттуда были на мое имя присылаемы статьи, которыя я могу ему читать. «И намъ, говоритъ владыка, надо предоставить право опредѣлять, что можетъ быть издано и что не можетъ». Юнгъ желаетъ, чтобы составленъ былъ списокъ предметовъ, которыхъ церковь русская желала бы получить объясненія отъ церкви американской, чтобы богословы могли заготовлять статьи, и эти статьи, печатаясь по выбору въ видѣ прибавленія къ духовному журналу, составили бы книгу. Владыка согласился, равно какъ и на то, чтобы подобныя же статьи о нашей церкви были посылаемы въ Америку. Young признается, что при сближеніи встрѣтится много вопросовъ, и нельзя обойтись безъ препятствій, но онъ полагаетъ, что въ основаніи сближенія можетъ быть положено единственность рукоположенія, вселенскій Никейскій символъ, литургіарій. Онъ говоритъ и повторяетъ, что духовенство къ соединенію расположено, преградъ политическихъ быть не можетъ, а народъ по натурѣ религіозный и здравомыслящій, по принципу свободный, не поддается насилію, но всегда готовъ склониться къ мирному убѣжденію. Владыка назначилъ еще собраніе въ четвергъ въ 6 час. вечера. Свѣтскіе нашли, что владыка былъ къ пастору очень милостивъ и любезенъ. Онъ вышелъ къ нему въ домашнемъ шерстяномъ черномъ одѣяніи, но въ бѣломъ клобуцѣ и панагіи съ образомъ Пр. Троицы. Я едва не плакалъ отъ умиленія, когда Юнгъ говорилъ о ясности, полнотѣ

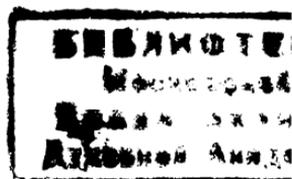
и православіи его катихизиса, лучше котораго они ничего не знаютъ, и о дѣйстви имъ произведенномъ въ народѣ. Когда, въ моей каретѣ, разговариваль я съ пр. Саввою о проведенномъ вечерѣ, то сказалъ между прочимъ. «Какъ великому нашему старцу должно быть это утѣшительно, и вѣроятно нынѣшняя вечерняя молитва будетъ не та, что была вчера и третьяго дня. Боже! Боже! За сорокъ лѣтъ, владыка написалъ этотъ катихизисъ въ вопросахъ и отвѣтахъ для причетниковъ, ищущихъ посвященія въ стихарь. И вотъ эта книга въ Россіи воспитала нѣсколько поколѣній, переплыла Океанъ и совершаетъ въ Америкѣ начало можетъ быть великаго религіознаго переворота. Начатое въ смиреніи увѣнчивается славою. Смирившися возносится. Господи, благослови!»

30. У Шереметевыхъ оставили обѣдать: Ек. В—на, Е. С—на и я. Столъ безъ рыбы. Е. В—нѣ совѣтоваль я рассказать все, что знаетъ о гр. Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-Чесменской, своей пріятельницѣ, чтобы это записали. Она сказала только: «Графиня была съ дѣтства необыкновенно послушна. Я изъ письма ея вырѣзала слова въ утѣшеніе мнѣ сказанныя: «*скорби—ходатаи рая*», и положила къ себѣ въ Евангеліе.—Амфилохій и Иннокентій Ростовскіе положили въ ней основанія религіозной, духовной жизни, нужна была гдѣ нибудь сильная рука, чтобы начала эти дали плодъ въ практической жизни. Явилась рука Фотія. Грубый, повелительный тонъ ее поразилъ и плѣнилъ въ послушаніе вѣры. По словамъ владыки: если она спаслась, то простотою послушанія о Христѣ. Поэтому, что въ Фотіи было полезно для души ея, то и принималось ея богоуправляемою душою, а стропкое, непонятное не дѣлало вреда».

Имп. Николай былъ вѣжливъ рыцарски. Какъ скоро лицо духовное почтено саномъ епископскимъ, высшимъ въ церкви; то это лицо, причислялось въ сознаніи импе-

ратора къ высшимъ государственнымъ сановникамъ и въ самомъ скоромъ времени оно было украшаемо знаками 1-й степени хотя бы низшихъ орденовъ и не имѣло. Это не имѣло смысла награды за заслуги, а болѣе царскаго пожалованія, царскаго благоволенія, подобно тому, какъ Государь жалуетъ иностранныхъ принцевъ, министровъ и проч., и проч.... Такъ и у нашего владыки: его викарїи черезъ два года, и даже ранѣе, получали первую степень, хотя бы и не имѣли нѣкоторыхъ низшихъ орденовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Исцѣленіе по молитвѣ къ преподобному Серафиму, Саровскому чудотворцу.

Фактъ исцѣленія изложенъ въ письмѣ г-жи С. на имя достоуважаемаго о. протоіерея Русской православной церкви въ Берлинѣ, А. П. Мальцева, который, препровождая его въ редакцію, между прочимъ, пишетъ:

«Посылаю вамъ нѣсколько страницъ, присланныхъ мнѣ предъ праздникомъ Рождества Христова и имѣющихъ отношеніе къ редактируемому вами духовному журналу, основанному приснопамятнымъ труженикомъ, нынѣ покойнымъ, епископомъ Виссаріономъ. Я думаю, что проникновенный духъ его благословить, а вы одобрите, повѣдать дѣла Господни, являемыя и въ настоящее всеотрицающее время. Да послужитъ сообщенное въ письмѣ г-жи С. новымъ удостовѣреніемъ непрестающихъ проявленій благодати Божіей, — для всѣхъ изстрадавшихся, мало или почти, всего чаще, случайно вѣрующихъ и всюду сомнѣвающихся, «хромлющихъ направо и налево»...

Съ искреннею признательностью къ о. протоіерею и автору письма, даемъ послѣднему мѣсто на страницахъ *Душеполезнаго Чтенія*. Имена мы обозначаемъ лишь инициалами. Но въ письмѣ, которое въ подлинникѣ будетъ сохранено при редакціи, они обозначены полностью. *Ред.*

Ваше Высокопреподобіе!

Съ того дня, какъ мы съ мужемъ обратились къ вамъ съ просьбой отслужить въ церкви Русскаго Посольства въ Берлинѣ благодарственный молебенъ Царицѣ Небес-

ной и Угоднику Божию Серафиму, за исцѣленіе дочери нашей отъ двухъ ужасныхъ болѣзней, прошло очень много времени,—цѣлый годъ почти. Молебень вы служили накануне текущаго 1906-го года.

Услыхавъ, въ короткихъ словахъ, рассказъ объ исцѣленіи, вы, между прочимъ, просили позволеніе напечатать его въ журналѣ *Душеполезное Чтеніе*. Я была очень довольна вашимъ намѣреніемъ, но просила до тѣхъ поръ не приводить его въ исполненіе, пока я не пришлю вамъ подробное описаніе совершившагося чуда, что предполагала сдѣлать въ самомъ скоромъ времени.

Время, однако, шло, а я обѣщаніе свое не держала. Настоящимъ письмомъ хочу исправить свою вину передъ вами и очень прошу васъ простить ее мнѣ. Расскажу вамъ не одинъ, а нѣсколько поразительныхъ случаевъ помощи и благодати Угодника Божія Серафима, дарованныхъ имъ какъ моей семьѣ, такъ и другимъ лицамъ, по вѣрѣ и по молитвамъ ихъ къ нему. Исцѣленіе моей дочери произошло 19-го мая 1905 г., въ Москвѣ, въ гостинницѣ «Боярскій Дворъ» (у Варварскихъ воротъ).

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ, дѣвочка моя росла чрезвычайно слабымъ и болѣзненнымъ ребенкомъ. До десятилѣтняго возраста, она перенесла такія болѣзни, которыя совершенно расшатали ея здоровье и сдѣлали организмъ воспримчивымъ ко всевозможнымъ заболѣваніямъ.

Въ возрастѣ, не болѣе года, она долго страдала отъ выпаденія прямой кишки; затѣмъ перенесла въ разное время: воспаленіе легкихъ, дифтеритъ, плевритъ, воспаленіе почекъ и т. п.

Въ 1904 г. стала жаловаться на боль въ ногахъ. Боль эта давала себя чувствовать и раньше, но рѣдко, недолгу, и мы объясняли ее простымъ нервнымъ явленіемъ, которое должно было пройти съ улучшеніемъ общаго состоянія здоровья. Время шло, боли повторялись, и, наконецъ, пришлось обратиться къ доктору, который, какъ и мы, приписалъ ихъ нервному разстройству и утѣшалъ

насъ тѣмъ, что все это современемъ пройдетъ. Боли не утихали, а даже усилились; стали болѣть руки, спина, плечи; дошло до того, что самое нѣжное прикосновеніе губкой, при мытьѣ, вызывало болѣзненное вскрикиванье.

Что меня касается, то съ самаго перваго появленія болей въ ногахъ, я опасалась ревматизма. Даже въ то время, когда, вмѣстѣ съ другими, я старалась объяснять ихъ разстройствомъ нервной системы, мысль, не ошибаемся ли мы всѣ, а съ нами и докторъ, нерѣдко приходила мнѣ въ голову.

Доктора приглашали неоднократно, и увѣренность, съ которой онъ отвергалъ появленіе ревматизма, каждый разъ дѣйствовала на меня успокоительно, до появленія новыхъ приступовъ болей.

Между тѣмъ, прошла зима, и за больной стали замѣчать новыя явленія: головныя боли, сильную раздражительность, судороги въ рукахъ и нервныя подергиванія въ лицѣ. Такъ какъ, въ теченіе зимы, дочь моя готовилась къ поступленію въ гимназію, то занятія не могли конечно, не отразиться на ея общемъ здоровьѣ. Готовили ее хотя только въ первый классъ, но, все же, ей приходилось работать не менѣе 3 часовъ въ день, и докторъ, по своему, какъ бы былъ правъ, приписывая всѣ болѣзненные явленія переутомленію. Къ сожалѣнію, онъ сильно ошибался, однако: не нервы были причиною разразившейся болѣзни, которая чуть не стоила жизни моей дѣвочкѣ. Нервное разстройство было только слѣдствіемъ того, что такъ настойчиво имъ отвергалось и что констатировано было другимъ докторомъ, но слишкомъ поздно, когда уже никакія человѣческія знанія и искусство помочь не могли, и оставалась только надежда на Бога.

Случилось такъ, что мнѣ пришлось на нѣкоторое время уѣхать, по дѣламъ, въ Ригу и въ Москву. Въ отсутствіи я пробываю болѣе двухъ недѣль; оставила дѣвочку въ такомъ состояніи, что была за нее спокойна, но когда вернулась, то застала ее въ ужасномъ положеніи.

Во время моего отсутствія, совершенно неожиданно, умерла отъ скарлатины подруга моей дочери,—ребенокъ цвѣтущій, здоровый, жизнерадостный. Этотъ ужасный случай произвелъ потрясающее дѣйствіе на больную и вызвалъ болѣзнь, которая давно уже готовилась въ ней.

Всѣ нервныя явленія разрѣшились болѣзнію, именуемой Виттовой пляской, въ самой сильной степени.

Неправильная походка, судороги въ конечностяхъ, неестественно возбужденный видъ, неестественно блестящія глаза, гримасы, искажавшія лицо, неправильность рѣчи—вотъ чѣмъ встрѣтила меня моя бѣдная дѣвочка. Ложки, вилки, другіе предметы, которые она старалась брать руками, вываливались на полъ; ѣсть сама не могла: пришлось кормить ее изъ рукъ, поддерживать при ходьбѣ и т. п.

Возвратилась я домой числа 15-го, мая мѣсяца, а 17-го выѣхала снова въ Москву, съ больной, къ профессору К., специалисту по нервнымъ и дѣтскимъ болѣзнямъ.

Считаю нужнымъ сказать, что и я, и мужъ мой, очень вѣрующіе люди, такъ же, какъ и двѣ старшія наши дочери, и какъ сама бывшая больная. Всѣ мы религіозныя, въ особенности мужъ, и поэтому, какое бы дѣло у насъ ни начиналось, мы всегда просимъ Господа благословить его и направить на добро и на пользу. Такъ и въ данномъ случаѣ. Отправляясь въ дорогу, я просила мужа, на другой же день, послѣ нашего отъѣзда, т.-е. 18 го числа, утромъ, побывать въ церкви и отслужить молебень Царицѣ Небесной, передъ ея иконой «Умиленіе» и Угоднику Божію Серафиму, икона котораго, освященная на св. мощахъ его въ Саровѣ, находится въ нашемъ приходскомъ храмѣ.

Мужъ обѣщаль просьбу мою исполнить.

День пріѣзда въ Москву прошелъ для больной очень безпокойно. Профессора К. въ Москвѣ не оказалось; онъ долженъ было пріѣхать только на другой день утромъ. Пришлось ждать, а такъ какъ помощь больной была необходима, то пришлось обратиться къ другому доктору.

На бѣду, большая часть докторовъ была въ отъѣздѣ: кто за границей, кто по дачамъ. Весь день прошелъ въ безуспѣшныхъ поискахъ. Въ гостиницу вернулись часовъ въ 6 вечера. Больная была совершенно разбита и измучена ѣздой по тряскимъ мостовымъ. Часовъ въ 7 она поуживала и въ 8 легла спать, но какъ только очутилась въ постели, съ ней начался такой припадокъ болѣзни, въ сравненіи съ которымъ всѣ прежніе казались пустякомъ.

Все лицо и ротъ передергивались, глаза какъ бы подались изъ орбитъ, зрачки закатились, и виднѣлись одни бѣлки, языкъ ежеминутно высовывался во всю длину и снова втягивался, голова то откидывалась назадъ, то вправо, то влѣво, руки и ноги то вытягивались, то ихъ сводило вмѣстѣ. Все бѣдное маленькое тѣлце корчилось въ судорогахъ и, временами, все оно отбрасывалось въ стороны, причемъ голова тоже не оставалась въ покоѣ. Всю ночь длился припадокъ, и все это время больная находилась безъ памяти и въ жару и по временамъ вскрикивала.

Только въ 2 часа ночи, по телефону, удалось пригласить доктора по внутреннимъ болѣзнямъ П. Н. Я., бывшаго ассистента проф. Захарьина, но онъ не могъ подать помощи больной, такъ какъ къ осмотру ея, въ виду ея состоянія, приступить было невозможно.

Между прочимъ, онъ подтвердилъ, что у дочери, дѣйствительно, Виттова пляска и прибавилъ, что если эта болѣзнь развилась на ревматической почвѣ, то, неминуемо, должна броситься на мозгъ.

Все описанное происходило 18-го мая, въ день пріѣзда въ Москву, когда, по моей просьбѣ, мужъ долженъ былъ служить молебень.

Не видя улучшенія, я, грѣшница, вмѣсто того, чтобы обратиться къ Богу и молить Его объ исцѣленіи, поддавалась соблазну и стала разсуждать, что молитва наша негодна Царицѣ Небесной и о. Серафиму. Улучшенія нѣтъ

слѣдовательно, молитва является, какъ бы напрасной и т. д. Роптать не роптала, но недовольна была, да простить мнѣ это Господь!

Всю ночь больная провела въ одинаковомъ положеніи, а утромъ (это было уже 19-го числа), въ 9 часовъ, мнѣ удалось, наконецъ, переговорить съ профессоромъ К. и получить его обѣщаніе пріѣхать, но не ранѣе 4 часовъ дня. Пока я вызывала его по телефону и вела съ нимъ переговоры, прошло съ полчаса.

Вернувшись къ больной, я замѣтила, что она стала спокойнѣе: судороги прекратились почти совсѣмъ, голову не дергало, языкъ болѣе не высовывался, и взглядъ былъ осмысленный. На вопросъ, какъ она себя чувствуетъ, она совершенно ясно дала отвѣтъ: «Мнѣ лучше!»

Обрадованная такими словами, я сѣла писать письмо мужу и остальнымъ дѣтямъ, а больная вскорѣ послѣ этого заснула, впервые, за цѣлый мѣсяць, крѣпкимъ, здоровымъ сномъ, котораго давно уже была лишена. Послѣдній же мѣсяць сна не имѣла ни ночью, ни днемъ. Весь же отдыхъ ея заключался въ томъ, что, отъ сильной слабости и усталости, она, по временамъ, впадала въ забытѣе, на нѣсколько минутъ.

Сонъ продолжался 1½ часа, но съ перерывомъ, причемъ она видѣла во снѣ оба раза Царицу Небесную, со Спасителемъ на рукахъ.

Въ первый разъ она видѣла себя стоящей на берегу рѣки; позади находился лугъ, покрытый зеленой травой, а передъ ней, надъ самой водой, въ облакахъ, стояла Матерь Божія, съ Младенцемъ Іисусомъ на рукахъ. Взглядъ Ея былъ кроткій; Она долго и пристально посмотрѣла на больную и затѣмъ, обратившись къ Своему Божественному Сыну, сказала, указывая на мою дочь: «*Испытай ея!*»

Съ этими словами все исчезло и больная проснулась.

Во второй разъ она увидала себя стоящей посреди дуга, причемъ мѣсто явленія Царицы Небесной въ первомъ снѣ, было впередъ, передъ нею. И вотъ, видитъ она,

что Матерь Божія, опять-таки, со Спасителемъ на рукахъ, приближается къ ней по травѣ, снова смотритъ на нее кроткимъ и долгимъ взглядомъ и говорить: *«Я тебя исцѣлю»*.

При этихъ словахъ, Младенецъ, сидѣвшій на рукѣ божьей, поворачивается ликомъ къ больной, кладетъ ей Свою ручку на ея *болитую голову*, тоже самое дѣлаетъ и Царица Небесная, какъ бы благословляя ее, и затѣмъ все исчезаетъ снова, и больная просыпается совершенно исцѣленной.

Приѣхавшій въ 4 ч. профессоръ Н. К., вышеописанныхъ припадковъ болѣзни уже не засталъ и судилъ о ней только по моимъ словамъ.

При осмотрѣ тѣла, оказалось, что дочь моя была больна *сильнѣйшимъ* ревматизмомъ, *запущеннымъ* до послѣдней степени и осложнившимся Виттовой пляской. Сердце было тоже затронуто и, кромѣ того, еще оказался *запущенный* плевритъ (2-й по счету).

О ревматизмѣ свидѣтельствовали красные распухшіе пальцы на ногахъ и боль въ ихъ суставахъ при дотрогиваніи. По словамъ проф. К., болѣзнь должна была перейти на мозгъ, т.-е. онъ сказалъ то же самое, что говорилъ и д-ръ Я.

Ревматизмъ и Виттова пляска, благодаря заступничеству Царицы Небесной и Угодника Божія Серафима, прошли вышеописаннымъ чудеснымъ образомъ безъ слѣда; даже опухоль и боль суставовъ пальцевъ исчезли сами собою, безъ всякаго лѣченія на другой же день, послѣ визита профессора. Плевритъ же пришлось полѣчить, но эта болѣзнь опасности для больной не представляла.

На мое радостное сообщеніе, мужъ прислалъ письмо, изъ котораго я узнала слѣдующее: 18-го числа молебень ему служить не удалось, благодаря сильнѣйшей грозѣ и проливному дождю, бывшимъ утромъ, т.-е. въ то время, когда онъ и собирался съ дѣтьми отправиться въ церковь.

Весь день безпокоился онъ за дочь и въ особенности

за то, какъ она должна была провести ночь, такъ какъ чувствовалъ, что, хотя невольно, все же обѣщаніе, данное мнѣ, не сдержалъ и въ церкви не былъ.

И, дѣйствительно, опасенія его оправдались: всю ночь провела дочь въ бреду, безъ памяти и въ сильнѣйшемъ припадкѣ.

Улучшеніе началось только утромъ, въ 10-мъ часу, 19-го числа, въ то время, когда мужъ съ дѣтьми, во время поздней обѣдни, молилъ Пречистую Дѣву и о. Серафима объ исцѣленіи нашего ребенка.

Замѣчательно еще слѣдующее: *сонъ дѣвочки совпалъ съ тѣмъ временемъ, когда шелъ молебень съ акаѳистомъ о. Серафиму.* Акаѳистъ длинный, священникъ нашъ (духовникъ всей нашей семьи), служить вообще прекрасно, прочувствованно, а въ этотъ разъ, по словамъ мужа, служилъ какъ-то особенно, чуть самъ не плакалъ. Молебень шелъ долго и окончился поздно, и въ продолженіи его дѣвочка моя видѣла 2 раза во свѣ Царицу Небесную и была Ею исцѣлена.

Все это я собиралась сообщить вамъ, отецъ протоіерей, какъ можно скорѣе, по пріѣздѣ въ Швейцарію; но время шло день за днемъ, и я, подъ разными предлогами, письмо все откладывала, и откладывала и, наконецъ, о данномъ обѣщаніи совсѣмъ было забыла. Между тѣмъ, дѣвочка моя въ Швейцаріи очень поправилась, пополнила, порозовѣла; отъ бывшей болѣзни не оставалось никакихъ слѣдовъ. Мы всѣ на нее радовались, и только, по временамъ, въ душѣ моей поднималась мысль о томъ, что надо же сдержать обѣщаніе, да еще данное, притомъ, въ храмѣ Божиємъ. Но врагъ силенъ и, въ особенности, съ людьми слабого характера, неумѣющими забрать себя въ руки. Увѣряю васъ, отецъ протоіерей, что какой-то внутренній голосъ удерживалъ меня каждый разъ, когда у меня появлялась мысль написать вамъ. Пишу объ этомъ совершенно откровенно и искренно и съ большимъ сожалѣніемъ о томъ, что я такъ легко поддавалась искушенію.

Кончилось тѣмъ, что я рѣшила написать вамъ по возвращеніи въ Россію, считая, что времени для этого впереди еще много.

Но и вернувшись домой, этого не дѣлала. Бывшая больная, своимъ видомъ, радовала меня, между тѣмъ, и, глядя на нее, я чаще и чаще стала вспоминать о томъ, что поступаю нехорошо. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и мы всѣ стали замѣчать, что дѣвочка начала быстро худѣть, снова появились головныя боли, цвѣтъ лица пропалъ, малокровіе развивалось очень быстро. Снова заболѣли ноги, и появился страшный упадокъ силъ, съ повышеніемъ температуры тѣла. Дѣвочка начала снова нервничать, особенно по вечерамъ; безъ всякой видимой причины, стала повышаться температура, и каждый разъ, каждый почти день, дочь должна была ложиться въ постель, чтобы успокоиться.

Тогда-то пришло мнѣ въ голову, что Господь, видимо, наказываетъ меня за мой грѣхъ, за то, что я свой обѣтъ не сдержала до сихъ поръ. Это еще не все: у больной, изрѣдка, начались подергиванія рукъ, и я сама очень сильно захворала, такъ сильно, что рѣшилась обратиться къ доктору, который нашелъ положеніе опаснымъ. Между тѣмъ, я откровенно поговорила съ моимъ духовникомъ и онъ вполне согласился со мною, что я прогнѣвала Бога, и посоветовалъ мнѣ, какъ можно скорѣе, поправить сдѣланное: помолиться и сдержать свое обѣщаніе, что я, наконецъ, и дѣлаю.

Не могу не сказать, что, какъ только я принялась за изложеніе всего описаннаго въ первый разъ, а это было недѣли три тому назадъ, дѣвочкѣ стало лучше, боли всѣ прекратились, и она больше не нервничаетъ, подергиваній нѣтъ. Я тоже на половину поправилась и чувствую себя много-много лучше.

Все сообщенное вамъ, прошу васъ напечатать, какъ вы и намѣревались, въ *Душеполезномъ Читеніи*; очень прошу объ этомъ. Считаю долгомъ своимъ прославлять Угодникъ:

Божія, что, впрочемъ, я всегда и раньше дѣлала, но только въ устныхъ разсказахъ. Желающихъ напечатать слышанное отъ меня много, но я дала слово вамъ и вамъ переishлю всѣ свои сообщенія, только прошу подождать немного, такъ какъ мнѣ ихъ нужно записать, а это не можетъ скоро сдѣлаться.

Разсказъ же объ исцѣленіи прошу васъ напечатать *какъ можно скорѣе* и не лучше ли въ томъ видѣ, какъ посылаю, т. е. въ формѣ письма, и если найдете нужнымъ, то ничего не выпуская, подробно. Мнѣ было бы даже это пріятно. Впрочемъ, какъ вамъ будетъ угодно.

Еще просьба: Не найдете ли нужнымъ сообщить мой разсказъ устно или прочесть его хотя бы нѣкоторымъ изъ вѣрующихъ въ о. Серафима?

Испросивъ затѣмъ вашихъ молитвъ и ваше благословеніе, остаюсь съ глубокимъ къ вамъ почтеніемъ.

А. П. С.

Москва декабря 16 дня 1906 г.

P. S. Считаю нужнымъ прибавить, что о чудесномъ исцѣленіи дочери, я, конечно, ни слова профессору не говорила, но поинтересовалась узнать его взглядъ на такое быстрое исчезновеніе болѣзни.

Отвѣтъ его былъ таковъ, что онъ очень удивленъ этимъ случаемъ и положительно затрудняется объяснить его, такъ какъ Виттова пляска, *при запущенномъ ревматизмѣ*, сама по себѣ, никогда пройти не можетъ, да и вообще, *на ревматической подкладкѣ*, требуетъ лѣченія.

На нервной почвѣ бываетъ—проходить.

Впослѣдствіи я даже пожалѣла, что не сказала ему, такъ какъ слышала, что, говорятъ, онъ и самъ вѣрующій человекъ и въ «чудеса» вѣрить.

УЧЕНИЕ СВ. ЮАННА ЗЛАТОУСТА О СОБСТВЕННОСТИ¹⁾.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Обладаніе собственностью и ея употребленіе.

Значеніе неравномѣрнаго распредѣленія собственности. — Грѣхъ — причина раздѣленія людей на богатыхъ и бѣдныхъ. — Дѣйствіе Промысла Божія, направляющее это слѣдствіе грѣха ко благу человѣчества. — Любовь Божія является въ этомъ. — Значеніе и назначеніе бѣдныхъ въ христіанскомъ обществѣ. — Свобода христіанина въ употребленіи имъ своихъ богатствъ.

Чтобы лучше уяснить себѣ ученіе св. Златоуста объ употребленіи богатствъ, намъ необходимо прежде всего имѣть въ виду общій взглядъ его на неравномѣрное распредѣленіе богатствъ между людьми, такъ какъ все его ученіе объ употребленіи богатствъ является прямымъ логическимъ выводомъ изъ его взгляда на значеніе неравномѣрнаго распредѣленія ихъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что св. Златоустъ (въ интересахъ улучшенія участи бѣдныхъ) отгвѣняетъ въ данномъ случаѣ одну изъ причинъ неравномѣрности въ обладаніи богатствомъ съ особенной настойчивостью. Для болѣе полной убѣдительности въ необходимости вспомошествованія бѣднымъ со стороны матеріально-состоятельныхъ классовъ, онъ обращается къ разсмотрѣнію самаго происхожденія различія въ жизненныхъ средствахъ людей, къ уясненію причинъ

¹⁾ Продолженіе. См. январскую кн. *Душеполезнаго Чтенія* 1907 г.

раздѣленія ихъ на богатыхъ и бѣдныхъ, и находить, что источникъ этого различія заключается въ грѣховности людей, безъ которой никогда не было бы такого раздѣленія, такъ какъ всѣ люди первоначально созданы для одинаковыхъ радостей и жизненныхъ удовольствій.

«Неравенство въ жизни—отъ любостыжанія и высоко-мѣрія богатыхъ»¹⁾, говоритъ св. Златоустъ. Но Богъ, по своему милосердію, даже и этотъ печальный результатъ грѣха направляетъ къ пользѣ людей и дѣлаетъ его какъ бы средствомъ, путемъ ко спасенію. Св. Златоустъ усматриваетъ въ неравномѣрномъ распредѣленіи богатствъ даже одно изъ главнѣйшихъ дѣйствій промысла Божія, побуждающее людей къ взаимной помощи. «Посмотрите», говоритъ онъ, «сколько естественныхъ узъ Богъ установилъ между нами, и какъ Онъ, одаривъ насъ различными способностями, устроилъ, чтобы всѣ мы имѣли нужду другъ въ другѣ. Какъ различнымъ странамъ Онъ далъ различныя произведенія для того, чтобы установить между ними постоянныя, полезныя для нихъ, сношенія, точно также и людей Онъ надѣлилъ въ различной мѣрѣ временными и духовными благами для того, чтобы они взаимно сообщали ихъ другъ другу»²⁾.

Св. Златоустъ въ неравномѣрномъ распредѣленіи бо-

¹⁾ Б. на Іоан. 15 стр. 186.

²⁾ Б. на 1 Кор. 34; conf. Nomil. de perf. car. „Хотя Христосъ“, говоритъ блаж. *Августинъ*, „не имѣетъ нужды въ нашихъ имуществaxъ, ибо Онъ Самъ Владыка всего, но Ему угодно было чувствовать голодъ съ бѣдными для того, чтобы мы имѣли возможность доказать Ему свою благодарность, сдѣлавъ чтонибудь для Него“... „Давай же просящему у тебя, ибо чрезъ него Христосъ проситъ у тебя того, что Онъ далъ тебѣ, сдѣлавшись бѣднымъ ради тебя. (August Serm. 60 de script., c. 11 Serm. 1, in. Ps. 48. De discipl. chr. c. 3). И въ другомъ мѣстѣ: „Даяніе твое принимаетъ не та рука, которую ты видишь, а та, которая предписала тебѣ милостыню“ (Serm. 86 de Script. c. 3). Та же мысль постоянно встрѣчается и у другихъ отцевъ Перкви. Иероним.: ep. 86 ad Eustach.; Левъ Велик. Serm. 1 u 4 de collect. etc.

гатствъ видить даже проявленіе особенной любви и милосердія Божія къ падшему человѣку, неоднократно замѣчая, что Богъ не сдѣлалъ богатствъ общими, желая сохранить чрезъ нихъ для человѣка средство искупать грѣхи. «Не видишь ли», говоритъ Златоустъ; «какъ Богъ сдѣлалъ все для насъ общимъ? Если же допустилъ инымъ быть въ бѣдности, то и это для облегченія богатыхъ, дабы они, подавая бѣднымъ милостыню, могли освободиться отъ грѣховъ»¹⁾.

Въ этомъ-то смыслѣ бѣдные называются врачами душевными, сокровищами, драгоценностями церкви, прирратниками Царства Небеснаго, ходатаями предъ престоломъ Божиимъ²⁾. «Рука бѣдняка», по словамъ св. Златоуста, «есть сокровищница, въ которой сберегаются драгоценныя сокровища для жизни безсмертной. Тотъ, который получаетъ милостыню, гораздо полезнѣе и необходимѣе въ жизни, нежели тотъ, кто даетъ; если бы не было бѣдныхъ, тогда не важна была бы и милостыня»³⁾.

¹⁾ Б. на Иоан. 77, стр. 559; conf. Б. къ Антиох. нар. т. 1. стр. 236.

²⁾ Locis. supra citatis.

³⁾ Б. на 1 Кор. 17 и бесѣда 31—Здѣсь намъ невольно (по закону контраста) вспоминается ученіе Мальтуса о бѣдныхъ. Знаменитый ученикъ Адама Смита, Томасъ Робертъ Мальтусъ (род. 1766—ум. 1834 г.), въ своемъ „Опытѣ о населеніи“ (1798 г.) объявляетъ пелѣвостью, чтобы каждое существо, потому именно, что оно является въ мірѣ, имѣло право на средства существованія. Бѣдный человѣкъ, говоритъ онъ, который не можетъ содержать себя и свое семейство, вѣредъ своимъ рожденіемъ не спрашиваетъ общества, хотѣло ли оно имѣть его. Если, поэтому, онъ является къ обѣденному столу природы и не находитъ за нимъ себѣ мѣста и прибора, то природа этимъ самымъ объявляетъ ему, что ему всего лучше бы не приходить. Мальтусъ (первоначально бывшій духовнымъ отцемъ) того мнѣнія, что совершенно глупо поддерживать посредствомъ благотворительныхъ и вспомогательныхъ учрежденій чрезмѣрное населеніе, и такимъ образомъ давать ему возможность умножаться и возрастать, и тѣмъ самымъ увеличивать разсматриваемое зло. Отсюда, каждому нужно предоставить заботиться о себѣ самомъ и въ строгомъ смыслѣ слѣдовать прин-

Впрочемъ, богатые нѣкъ не принуждаются пользо-
ваться посредничествомъ бѣдныхъ въ дѣлѣ своего оправ-
данія предъ Богомъ: вынужденная милостыня теряетъ свою
цѣну въ глазахъ Божиихъ. «Богъ не хочетъ принуждать
насъ къ милостынѣ; онъ лучше хочетъ сдѣлать ее зави-
симою отъ нашей *свободной* воли, чтобы имѣть основаніе
наградить насъ»... «Мы свободны давать и не давать:
Ананія и Сафира были наказаны за ложь предъ св.
Духомъ»¹⁾...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

«Pro» и «contra» благотворительности.

Достойное христіанина употребленіе богатствъ — милостыня. — Вели-
чіе милостыни. — Превосходство ея предъ дѣвствомъ и мучениче-
ствомъ. — Основанія такого ея величія. — Давая нищимъ, даемъ Богу. —
Оказывать милосердіе — нашъ долгъ, какъ людей и какъ христіанъ. —
Лучше благотворить, чѣмъ оставлять наслѣдникамъ. — Самый лучший
наслѣдникъ — Богъ, въ лицѣ „людей Божиихъ“. — Весь общественный
строй, вся природа учить насъ благотворительности. — Скупость не мо-
жетъ имѣть оправданій. — Подавать — милостыню полезно для нашего
спасенія. — Отказъ въ милостынѣ просящимъ — хищеніе. — Желательное
отношеніе къ собственности. — Достоинство милостыни, какъ служенія
Богу. — Милостыня увѣчивается наградой на небѣ и на землѣ. — От-
данное ради Христа будетъ возвращено съ лихвой. — Доводы въ пользу

ципу свободной конкуренціи. Онъ убѣждаетъ пролетаріевъ, если они
не хотятъ умереть нтъ голода, не имѣть такъ много дѣтей, которыхъ
имъ придется впоследствии содержать; и ученики Мальтуса уредлагали
даже подвергать лишнихъ малыхъ дѣтей безболѣзненной смерти по-
средствомъ угара!..

Мы привели это ученіе не для сравненія его съ ученіемъ св. Зла-
тоуста и, тѣмъ болѣе, не для критики его: намъ хотѣлось только, по-
казать примѣръ того, до какихъ опасныхъ крайностей можно дойти
въ рѣшеніи экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ, когда хотятъ
рѣшать ихъ, намѣренно закрывая глаза и не видя свѣта Христова
Евангелія.

¹⁾ В. на Мѳ. 30. Conf. ibid. homil. 90. fin.

благотворительности, заимствованные изъ явленій обыденной жизни и наукъ положительныхъ. — Милостыня содѣйствуетъ распространенію христіанства. — Доводы изъ фізіологіи, соціологіи и политической экономіи. — Милостыня приноситъ истинную славу, а скупость и излишества унижаютъ человѣка. — Искренность, убѣдительность и настойчивость св. Златоуста въ ученіи о благотворительности. — Подавать милостыню должно всеѣмъ просящимъ, не осуждая и не оскорбляя ихъ. — Въ притворствѣ нищихъ и ихъ порочности богатые болѣе виноваты, чѣмъ они. — Благотворитель даетъ нуждѣ, а не праву. — Недоумѣнія, возможныя при подаваніи просящимъ. — Кому давать? — Что давать? — Съ какимъ душевнымъ расположеніемъ должно оказывать милосердіе. — Милостыня съ корыстной цѣлью достойна наказанія, а не награды. — Предосудительность тщеславія, какъ мотива къ благотворительности. — Должно подавать не меньше, чѣмъ сколько можешь. — Благотворить изъ неблагопріобрѣтеннаго преступно. — Косвенное доказательство законности права собственности. — Преступность милостыни „отъ неправды“. — Внутреннее противорѣчіе въ понятіи „нечестный благотворитель“. — Общая идея въ ученіи св. Іоанна Златоуста о собственности. — Его краткая характеристика.

Исходя изъ такого взгляда на неравномѣрное распредѣленіе богатствъ, св. Златоустъ старается убѣдить своихъ слушателей, чтобы они возможно лучше и цѣлесообразнѣе воспользовались услугами бѣдныхъ, не злоупотребляли бы предоставленной имъ отъ Бога свободой въ дѣлѣ благотворительности и этимъ путемъ достигали бы вѣчныхъ благъ въ загробной жизни. — Истинное употребленіе богатствъ, достойное христіанина и наиболѣе сообразное съ его природой и назначеніемъ, состоитъ, по ученію св. Златоуста, въ милостыни. На подаваніе бѣднымъ св. І. Златоустъ смотрѣлъ, какъ на самое пріятное и угодное Богу дѣло, которымъ христіанинъ можетъ заслужить себѣ вѣнецъ на небѣ. «По выходѣ отсюда», говорилъ онъ во храмѣ своимъ слушателямъ, «и себѣ и мнѣ приготовьте вѣнецъ руками нищихъ, дабы и въ настоящей жизни питаться намъ доброю надеждою, и преселясь въ будущую жизнь, получить безчисленныя блага» ¹⁾.

¹⁾ В. на Рим. 15, стр. 388.; Conf. Б. къ Антиох. нар 7, стр. 138; Сл. на р. сл. т. 1, стр. 11; *ibid* стр. 526.

Какъ высоко ставилъ св. Златоустъ въ ряду другихъ добродѣтелей милосердіе къ бѣднымъ, можно видѣть изъ того, что онъ предпочитаетъ его даже дѣвству, мученичеству и другимъ христіанскимъ подвигамъ. «Дѣвство», говоритъ онъ, «само по себѣ ничего не значить; милосердіе для него тоже, что масло для пламени; его-то и не доставало юродивымъ дѣвамъ, у которыхъ угасли свѣтильники»¹⁾... «Даже самое мученичество ничтожно безъ милосердія; одно мученичество не увеличитъ числа христіанъ, между тѣмъ какъ милосердіе безъ мученичества привлекло послѣдователей, угодныхъ Господу»²⁾.

Златоустъ не затруднялся даже укорить въ заблужденіи тѣхъ, которые, думая, что жертвы храму самое благое и пріятное Богу дѣло, при ревностномъ исполненіи этого дѣла совершенно забывали бѣдныхъ и не радѣли объ удовлетвореніи ихъ нуждъ: «спасеніе еще», говоритъ онъ, «не пріобрѣтается тѣмъ, если Церкви подарятъ золотой сосудъ, украшенный драгоценными камнями; Церковь не мастерская золотыхъ и серебряныхъ вещей»... «Сперва напитай Христа алчущаго (въ лицѣ нищихъ), а потомъ остальное употреби на украшеніе его трапезы»³⁾

Но чѣмъ же важна для христіанина добродѣтель милосердія, и почему св. Іоаннъ Златоустъ такъ высоко ее ставитъ? Уже на основаніи многихъ (приведенныхъ нами) его наставленій легко отвѣтить на поставленный вопросъ; но, чтобы очевиднѣе было столь высокое значеніе милостыни, мы скажемъ объ этомъ подробнѣе.

Давая нищимъ, мы даемъ Богу. Вотъ почему христіанинъ долженъ смотрѣть на милостыню, какъ на самое святое и богоугодное дѣло. Не даромъ же нашъ православный народъ своимъ чуткимъ благочестивымъ чув-

¹⁾ De poenit. hom. 3 c. 2; homil. 50 и 78 in. Matt.; Epist 1 ad Olymp. etc.

²⁾ Homil de perf. car. c. 1. etc.

³⁾ Б. на Мѳ. 51, стр. 507. Conf. Б. въ 2 Кор. 15; Б. на Мѳ. 50, 3 ч.

ствомъ постигаетъ значеніе милостыни и благотворительности лучше многихъ ученыхъ теоретиковъ; не даромъ нищихъ онъ съ давнихъ поръ привыкъ считать и называть «людьми Божиими»... Св. Іоаннъ Златоустъ, чтобы укрѣпить христіанскій взглядъ на милостыню въ сознаніи своихъ слушателей, обращается къ нимъ (отъ лица Господа) съ такими словами: «Если не хочешь вспомнить о Моей нищетѣ, представь наготу, какую терплю въ лицѣ нищихъ. И тогда нуждался Я для тебя, и теперь для тебя же нуждаюсь, только бы ты, тронувшись тѣмъ или другимъ, захотѣлъ оказать какое-нибудь милосердіе. Для тебя Я постился, и опять для тебя же терплю голодь. Жаждалъ, вися на крестѣ, жажду и въ лицѣ нищихъ, только бы тѣмъ или другимъ привлечь тебя къ Себѣ, и для твоего же спасенія сдѣлать тебя челоуѣколюбивымъ. Посему хотя ты обязанъ Мнѣ воздаяніемъ за безчисленныя благодѣянія, но Я не прошу у тебя, какъ у должника, а вѣнчаю тебя, какъ за даръ, и за сіи малости дарю тебѣ царство»¹⁾.

Въ этомъ прекраснѣйшемъ призывѣ христіанъ къ благотворительности св. Златоустомъ намѣчены два существенныхъ мотива къ ней, которые въ многочисленнѣйшихъ бесѣдахъ его повторяются весьма часто и въ различнѣйшихъ варіаціяхъ. Первый мотивъ: давать это—*должно* христіанина; второй мотивъ: давать—*полезно* для него. Къ раскрытію перваго мотива мы и переходимъ.

Отказывать въ подаваніи нищему, по мнѣнію Златоуста, значитъ, проявить непростительную неблагодарность по отношенію къ Богу.

«Мы до такой степени неблагодарны, говоритъ св. Златоустъ, что рабовъ и муловъ и коней облакаемъ въ золотые уборы, а Господа, скитающагося въ наготѣ,

¹⁾ Б. на Рим. 15 стр. 387. Conf. Б. на Мѣ. 88 стр. 508; Б. на Іоан. 59 стр. 317; Б. на Дѣян. 45. стр. 271; Б. на Колос. I, стр. 12; *ibid.* 6, 12, стр. 215 etc.

переходящаго отъ дверей къ дверямъ, стоящаго на рас-
путіяхъ и простирающаго къ намъ руки, мы прези-
раемъ» ¹⁾. Если бы кто позволилъ себѣ не повѣрить тому,
что въ лицѣ нищихъ христіане даютъ Богу, тотъ дол-
женъ стать въ противорѣчіе съ неложнымъ обѣщаніемъ
Самого Господа, многократно повтореннымъ въ Словѣ
Божіемъ. Св. Златоустъ такъ своеобразно выражаетъ эту
мысль: «Самъ Богъ далъ тебѣ росписку, сказавъ: *милуйя
нищаго, азъ заимъ даюъ Богови* (Прит. XIX, 17). Далъ
тебѣ также и залогъ и поручительство, несмотря на то,
что Ояъ Богъ. Какой же залогъ и какое поручительство?
Всѣ блага настоящей жизни и чувственные и духовныя, какъ
начатки благъ будущихъ» ²⁾. Сомнѣнію не остается мѣста.

Въ эти то надежныя руки св. Златоустъ и убѣждаетъ
отдавать возможно большую часть богатствъ тѣхъ изъ
своихъ слушателей, которые боятся потерпѣть убытокъ.
Нищіе т. обр. являются самыми законными и желатель-
ными преемниками нашихъ правъ на имущество. Въ этомъ
случаѣ они предпочитаютъ даже дѣтямъ и прямымъ на-
слѣдникамъ, такъ какъ въ лицѣ нищихъ Самъ Богъ явля-
ется наслѣдникомъ дѣтей богача, отъ чего послѣднія только
выиграютъ: «Ежели Богъ будетъ сонаслѣдникомъ дѣтей
твоихъ», гов. Зл., «то облегчитъ ихъ сиротство, избавитъ
отъ обидъ, отразитъ злоумышленія, заградитъ уста кле-
ветниковъ» ³⁾. Дѣлать наслѣдникомъ своихъ богатствъ І.
Христа св. Златоустъ называетъ «дѣломъ прекрасно
направленной воли» ⁴⁾, потому что «положившись на бо-
гатство и надѣясь множествомъ денегъ прикрыть пороч-
ныя нравы, дѣти не будутъ заботиться ни о чемъ дру-
гомъ, не исключая и добродѣтели» ⁵⁾.

¹⁾ Б. на Іоан. 27, стр. 327. Conf. Б. Рим. на 15, стр. 385.

²⁾ Б. на Мѣ. 66, стр. 145; In. Psal. 48, с. 6; Б. на Іоан. 52, 225.

³⁾ Б. на Рим. 18, стр. 470; Conf. Б. на р. сл. т. I, стр. 92.

⁴⁾ Б. на Ефес. 18, стр. 289.

⁵⁾ Б. на Рим. 7, стр. 152. Conf. Сальвіанъ de аваг.: Васил. В. Ном.

Итакъ, даже эта обычная отговорка богачей, которую они часто стараются прикрыть свою скупость и корыстолюбіе,—даже это естественное желаніе—надѣлать своихъ дѣтей возможно большими средствами къ жизни, утрачиваютъ свой смыслъ и нисколько не оправдываютъ скупость богачей. Всякій *обязанъ* помогать бѣдняку: безъ этого немыслима жизнь благоустроеннаго общества. Человѣкъ всегда долженъ помнить то, что онъ, безусловно лишенный возможности отрѣзать себя отъ общества другихъ людей, въ каждомъ самадѣйшемъ случаѣ *обязанъ* дѣлиться съ другими людьми своимъ правомъ собственности. Онъ *обязанъ* дѣлиться съ другими, насколько тѣ родили, воспитали и образовали его, насколько охраняютъ его своимъ общественнымъ строемъ и даютъ ему способы обнаруживать его созидающее и охранительное воздѣйствіе на ту или другую вещь, которую онъ считаетъ своею собственностью.—Само собою понятно, что Богу, которому мы наиболѣе всѣмъ *обязаны*, мы не имѣемъ права отказать въ дѣлежѣ съ нами, когда Онъ (въ лицѣ нищихъ) у насъ этого просить: «Ты осыпана несчетными талантами золота, а рабъ Христовъ не имѣетъ даже и необходимой пищи. Общій всѣхъ Владыка... всѣмъ равно предложилъ духовную свою трапезу; а ты и изъ тлѣнныхъ вещей ничего не хочешь Ему дать, и хочешь остаться окованною тяжкими *узами*. Отсюда неисчетныя бѣды» ¹⁾.

Истинно-христіанское свободное отношеніе къ богатству исключаетъ всякую возможность и необходимость *оправданій скупости, выдуманыхъ нерѣдко богачами*: «Ты говоришь: у меня — отцовское наслѣдіе. Но скажи мнѣ: ужели нищій долженъ погибнуть, потому что онъ бѣденъ, отъ бѣдныхъ родился и не имѣетъ достаточныхъ предковъ» ²⁾.

in div., c. 7; Златоустъ: de verb. Ap.: habentes etc hom. 2, c. 9; in Ps. 48, c. 3; hom. in Matth. c. 4 etc.

¹⁾ Б. на Мѣ. 88, стр. 525.

²⁾ De elemos. Homil. T. III. p. 254,

Разсмотримъ еще одно мнимое самооправданіе, которымъ нерѣдко прикрывается скупость. Какъ нынѣ многіе, въ извиненіе своего равнодушія къ бѣднымъ, указываютъ на богоугодныя заведенія, устроенныя для призрѣнія нищихъ вдовъ и сиротъ; такъ и во времена Златоуста не мало было людей, которые, не удѣляя ничего бѣднымъ отъ избытковъ своихъ, говорили, что для удовлетворенія своихъ нуждъ нищіе могутъ обратиться къ церкви, которая имѣетъ средства помогать имъ.

Св. Златоустъ прекрасно уясняетъ и доказываетъ несостоятельность подобной отговорки. Вотъ его слова объ этомъ: «Говорятъ: на это есть церковное имущество. Но что изъ этого? Если я подаю, ты не спасешься чрезъ сіе; если—Церковь, ты не загладишь грѣховъ своихъ. Ежели не подаешь, потому что Церковь должна подавать нуждающимся, то неужели никогда не станешь молиться, потому что молятся іереи, будешь всегда упиваться, потому что постятся другіе? Или не знаешь, что Богъ далъ законъ о милостыни, не столько ради нищихъ, сколько ради подающихъ» ¹⁾? Да куда же, собственно говоря, и дѣвать богатства человѣку, воздерживающемуся отъ всевозможныхъ излишествъ и расточительности? Едвали, стоя на строго-христіанской точкѣ зрѣнія, можно придумать болѣе цѣлесообразное и достойное человѣка употребленіе богатства, чѣмъ милостыня. Ею достигается и въ значительной мѣрѣ обуславливается примиреніе человѣка съ Богомъ, людьми и съ самимъ собою, т.-е. достигается истинное счастье, доступное человѣку на землѣ. Ею же упрочивается за человѣкомъ право и на владѣніе земными благами: «Доколѣ», говоритъ Златоустъ, «удерживаешь у одного себя; дотолѣ самъ не владѣешь. А когда даешь другому, тогда получаешь самъ» ²⁾.

¹⁾ Б. на Мѣ. 85. Т. VII. р. 809.

²⁾ Б. на Рим. 7, стр. 145.; Conf. *ibid.* р. 681.; Б. на Іоан.: 59, стр. 316; *ibid.* 60, стр. 330 etc Homil. 4 in Sen. с. 7; 8. 11.

Кромѣ этихъ доводовъ въ пользу обязательности для состоятельныхъ христіанъ милостыни, мы находимъ у св. Іоанна Златоуста многочисленнѣйшіе примѣры милосердія изъ библейской исторіи, а также весьма частыя указанія на неизбѣжное наказаніе на страшномъ судѣ, которому подвергнутся «несотворшіе милости»¹⁾).

¹⁾ Б. на Мѣ. 66 стр. 144; Conf. *ibid* homil. 45, p. 478, 479; Conf. Б. на Ефес. 4, стр. 66 и м. др.

Мы не приводимъ здѣсь еще весьма многихъ доводовъ въ пользу обязательности милостыни, заимствованныхъ св. Златоустомъ изъ библейской исторіи; не излагаемъ также и его угрозъ адскими муками, ожидающими скуныхъ и сребролюбивыхъ богачей. Въмѣсто этого, мы позволимъ себѣ привести нѣсколько замѣчаній другихъ отцовъ церкви с милостынѣ.

Астерій, епископъ Амас. † 400 г. между прочимъ въ такихъ словахъ доказываетъ обязательность милостыни: „Готъ, въ комъ несчастіе ближняго не возбуждаетъ состраданія, превосходить жестокостью лютыхъ звѣрей. Говорятъ, что кабаны и быки издають жалобные крики, когда убиваютъ одного изъ нихъ. Стаи журавлей легаютъ съ печальными криками вокругъ сѣтей, въ которыя попался одинъ изъ нихъ. Какъ же человѣкъ, одаренный разсудкомъ и отъ Самого Бога научаемый благодати, можетъ быть не тронуть страданіями своихъ братьевъ?“ (Aster, in div. et Laz. hom.). „Древній законъ“, говоритъ бл. *Августинъ*, „предписывалъ жертвоприношенія; Царь (Иисусъ Христосъ) является и требуетъ даровъ,—какихъ? Милостыни“. (August. Enarr in Ps. 44 c. 27). „Нива Господня“, говоритъ *Левъ Великій*, „охраняется молитвою, воздѣлывается постомъ, засѣвается же милостынею. (Serm. 2 de jeun). Conf. Григорій Нисск. De am. paup.; Амвросій de Nab. c. 5, 19; Василій homil. in div. c. 3. etc. Св. *Амвросій* говоритъ: „примѣръ птицъ небесныхъ, приведенный у св. Луки, доказываетъ, что причины бѣдности ни въ чемъ иномъ, какъ въ жадности, потому, что если птицы небесныя, которыя ни сѣютъ, ни жнутъ, всегда имѣють довольство въ средствахъ къ жизни, то это происходитъ отъ того, что ни одна изъ нихъ не употребляетъ въ свою частную пользу плодовъ, данныхъ для употребленія всѣмъ. Обращая что либо въ свою собственность, мы нарушаемъ благо общее... Право общенія есть дѣло природы, а собственность есть плодъ злоупотребленія“. (Амврос. in Evang. Luc. V, II, 124 и друг.). Conf. Златоустъ бес. in Psal. 48,₁—*Блаженный Геронимъ* говоритъ: „Иисусъ Христосъ справедливо называетъ богатства неправедными, ибо источникъ богатствъ всегда былъ

Подаяніе милостыни просящимъ св. Іоаннь Златоустъ считаетъ настолькоъ необходимымъ и обязательнымъ, что называетъ даже похитителями тѣхъ, которые забываютъ этотъ свой священный долгъ предъ Богомъ и людьми.

«Не удѣлять отъ своего имущества есть хищеніе»... «Живота нищаго не мими (Сир. 4, 1); а лишающій (ἀποστέρων) отнимаетъ чужое, потому что отнятіемъ (ἀποστέρησις) называется то, когда мы беремъ и удерживаемъ у себя чужое. Итакъ, мы научаемся изъ сего, что, когда мы не подаемъ милостыни, то будемъ наказаны паравнѣ съ похитителями»¹⁾. И въ другомъ мѣстѣ: «Прошу, непрестанно помните о томъ, что не удѣлять бѣднымъ отъ своихъ стяжаній, значить похищать у бѣдныхъ и отнимать у нихъ жизнь»²⁾.

Чтобы покончить съ вопросомъ о томъ, на сколько обязательно для христіанина милосердіе, приведемъ еще одно (последнее) замѣчаніе св. Іоанна Златоуста, въ которомъ онъ, какъ нельзя лучше, устанавливаетъ свою общую точку зрѣнія на отношеніе человѣка къ собственности. «О сребролюбіе! Оба вы (зд. супруги) сдѣлались однимъ че-

ваетъ несправедливость: человѣкъ не можетъ приобрести ничего такъ чтобы при этомъ не потерялъ другой; отсюда и пословица: „всякій богачъ или самъ несправедливый человѣкъ, или наслѣдникъ несправедливаго“ (Иерон. Ер. ad Hebid. vid. Opp. t. IV, p. I, p. 170).—Блаженный Августинъ высказывается въ томъ же смыслѣ: „Избытокъ богатыхъ есть необходимое бѣдныхъ. Итакъ, владѣть излишнимъ то же, что владѣть чужою собственностью“. (August. Enarr. in Psal. 147, c. 12).—Св. Григорій Двоесловъ говоритъ: „Давая бѣднымъ необходимое, мы только возвращаемъ имъ ихъ собственностію, а не удѣляемъ имъ что-нибудь изъ своего; въ такомъ случаѣ мы скорѣе платимъ только долгъ справедливости, чѣмъ совершаемъ дѣло милосердія; вотъ почему священные писатели даютъ милостыню имя правды“. (Г. Двоесловъ. Pastor. cura part. 3. adm. 21. 22). Вотъ какъ доказываютъ обязательность благотворительности знаменитѣйшіе отцы и учителя западной Церкви.

¹⁾ Б. къ Антиох. нар. Т. I, стр. 68—69.

²⁾ Ibid. стр. 76.

ловѣкомъ, однимъ живымъ существомъ, а ты еще говоришь: *мое?* Отъ діавола произошло это проклятое и пагубное слово. Все, что гораздо необходимѣе этого, Богъ сотворилъ общимъ для насъ ¹⁾, а это (деньги) не общее? Нельзя сказать: мой свѣтъ, мое солнце, моя вода: все важнѣйшее у насъ — общее; а деньги — не общія?—Тысячекратно да погибнуть деньги, или лучше,—не деньги, а *душевные расположенія*, которыя не умѣютъ пользоваться деньгами, но предпочитаютъ ихъ всему ²⁾... Не поработай себя мамонъ!

Священникъ Іоаннъ Говядовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Сопф. у св. Климен. Александр. Педагогъ, II, стр. 235.

²⁾ Б. на Ефес. 20, стр. 341. Сопф. Б. на Мѣ. 72, стр. 245.

УРОКИ ХРИСТИАНСКАГО ДѢЛАНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО.

(Къ 10-му Февраля, дню памяти преподобнаго отца нашего Прохора чудотворца ¹⁾).

«Сила вѣры».

Во дни княженія князя Кіевскаго Святосполка Изяславича прибылъ изъ Смоленска въ Кіево-Печерскій монастырь воспоминаемый нынѣ св. Церковью преподобный Прохоръ и отъ игумена Іоанна воспріялъ ангельскій образъ. Съ этого времени началъ усиленно подвизаться въ добродѣтеляхъ и отличался великимъ воздержаніемъ, такъ что и обычнаго хлѣба себя лишилъ, но собиралъ траву лебеду и, своими руками ее растирая, дѣлалъ изъ нея хлѣбъ, которымъ и питался. Приготовлялъ онъ себѣ это въ лѣтнее время на весь годъ, и съ новымъ лѣтомъ опять дѣлалъ запасъ на цѣлый годъ впередъ, такъ что обычнаго хлѣба никогда не бралъ, почему и прозванъ былъ *Лебедникъ*: въ церкви вкушалъ просфору, а въ келліи пищей его была только лебеда, и питіемъ— вода. Видя же Богъ терпѣніе святаго въ подобномъ воздержаніи, претворилъ ему горечь хлѣба, приготовляемаго изъ лебеды, въ сладость, и печаль его такимъ образомъ обратилась въ радость,—и сіе за то, что никогда не поскорбѣлъ сей блаженный, но всегда съ радостью рабо-

¹⁾ † въ 1107 г. Такимъ образомъ 10 февраля 1906 исполняется 800 лѣтъ со дня преставленія преподобнаго.

талъ Господевѣ и не устрашилсѣ находящія рати вражіей. Когда такимъ образомъ подвизалсѣ святой, наступилъ въ Россійской землѣ великій голодъ. Богъ же, хотя прославить угодиѣка Своего и помиловать людей Своихъ, послалъ тогда особенно обильный урожай лебеды. И блаженный Прохоръ, усиленно трудясь, безпрестанно собиралъ эту траву и, приготовляя изъ нея хлѣбъ, раздавалъ его немощнымъ и изнемогающимъ отъ голода. Нѣкоторые, подражая ему, тоже собирали лебеду, но не могли отъ горечи ее ѣсть. Тогда нуждающіеся обратились къ святому: онъ же, никому не отказывая, раздавалъ всѣмъ хлѣбъ свой изъ лебеды, и хлѣбъ этотъ былъ сладкій, какъ бы съ медомъ смѣшанный. Но чудно и то, что хлѣбъ этотъ являлся чистымъ, свѣтлымъ и сладкимъ только тогда, когда былъ данъ съ благословенія преподобнаго; когда же бралсѣ тайно, то былъ черенъ, какъ пепель, и горекъ, какъ полынь. Во время же начавшейся междуусобной войны и наступившей затѣмъ неурядицы въ государствѣ, произошло великое оскудѣніе соли въ Россійской землѣ. Видя это, блаженный Прохоръ собралъ въ свою келлію изъ другихъ келлій много пещла и, помолясь Господу, началъ раздавать всѣмъ нуждающимся въ соли этотъ пепель, который, за молитвами преподобнаго, обращалсѣ въ прекрасную соль, и соли этой хватило не только для монастыря, но и для безмездной раздачи мірскимъ людямъ. Продавцы же соли, видя въ этомъ себѣ убытокъ, оклеветали блаженнаго мужа предъ княземъ Святополкомъ, говоря, что Прохоръ черноризецъ отнял отъ насъ многое богатство, такъ какъ всѣ за солью обращаются къ нему. Тогда, послѣ совѣщанія съ совѣтниками своими, возымѣлъ князь Святополкъ мысль отнять соль у Прохора и продать ее въ свою пользу. Пославъ отнять у преподобнаго соль, пожелалъ князь видѣть ее, но, къ удивленію всѣхъ, глазамъ его предсталъ пепель. Множество же народа, приходи къ блаженному, попережнему хотѣли получить соль, но возвращались со скорбію ни съ чѣмъ. Блажен-

ный же имъ сказалъ: «Когда соль будетъ высыпана княземъ, соберите ее». Пепель, высыпанный черезъ три дня по приказанію князя, обратился въ соль, и обрадованные граждане запаслись ею. Узнавъ объ этомъ князь, а также и о чудѣ съ хлѣбами изъ лебеды, и устыдясь дѣла своего, направился въ Печерскій монастырь и примирился съ игуменомъ Іоанномъ, противъ котораго прежде враждовалъ, и съ тѣхъ поръ имѣлъ великую любовь къ Пресвятой Богородицѣ и къ преподобнымъ Антонію и Ѳеодосію, а блаженнаго Прохора весьма почиталъ, яко истиннаго раба Божія, такъ что и при кончинѣ его присутствовалъ, и своими руками многотрудное тѣло святого во гробъ положилъ...

Такъ, просвѣтившееся вѣрою и чудесами богоугодное житіе преподобнаго обратило князя на путь истинный, имже шествовати и мы да сподобимся, молитвами угодника Божія: преподобне отче Прохоре, моли! Бога о насъ, да ниспослано намъ будетъ подвигомъ добрымъ, въ послушаніи св. Церкви, подвизаться, теченіе земное въ мирѣ и покаяніи скончати, а главное, вѣру святую, основаніе всѣхъ добрыхъ дѣлъ, до скончанія дней чисту и твердо соблюсти! И се—воистину главное, ибо *вся возможна въ рупощему* (Мр. 9, 23), и *безъ вѣры не возможно угодити Богу* (Евр. 11, 6). Имѣя сіе въ виду, примѣромъ блаженнаго Прохора назидаемые, поучимся *вѣрою ходить* (2. Кор. 5, 7)!

Это значить, что только тогда зданіе нашего спасенія будетъ стоять прочно, когда основано будетъ на камени св. вѣры, которая должна быть чиста и непорочна, какъ у младенцевъ, о коихъ сказано: *таковыхъ есть царство небесное* (Мѣ. 19, 14), и *аще не обратитесь, и будете яко дѣти, не увидите въ царство небесное* (Мѣ. 18, 3). Въ другомъ мѣстѣ св. Евангелія читаемъ слова Господа: *имайте вѣру Божию* (Мр. 11, 23), т.-е. ту двтскую, чистую, несомнѣнную вѣру, которая *горы двигаетъ* (Мр. 11, 23). Этою самою св. вѣрою одушевленный, преподобный Про-

хоръ, мы видѣли, творилъ *дѣла Божія* (Іоан. 6, 23). И такъ, *вѣра*, проводимая въ жизнь, имѣеть своимъ послѣдствіемъ *дѣла* во славу Божию, и съ другой стороны, только та *вѣра* истинна и праведна, которая соединена съ *дѣлами* по *вѣрѣ*: *вѣра безъ дѣлъ мертва есть* (Іаков. 2, 26). Какимъ же образомъ стяжать намъ сію *дѣйственную вѣру*? Надо, братіе, *отвергнуться себя* (Мр. 8, 34), умалить свое *я*, подражая въ семь Христу Богу нашему, Который *зракъ раба пріимъ смирилъ Себе, послушивъ былъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Фили. 2, 7—8), другими словами, надо стяжать смиреніе, ибо *смиренымъ Господь даетъ благодать* (1 Петр. 5, 5), т.-е. то Духа Святого осѣненіе, безъ котораго невозможно увѣровать въ Господа Іисуса. (1 Кор. 12, 3). Такимъ образомъ, чтобы достигнуть соединенія *вѣры* и причастія св. Духа,—смирись, гордый человекъ, познай свое ничтожество, предай себя волѣ Божіей и не преставай взывать: *вѣрую, Господи, помози моему неврѣю* (Мр. 9, 24)! И только при сознаніи твоей немощи и твоего духовнаго убожества, будетъ тебѣ послана помощь отъ Господа, *безъ Котораго не можемъ творити ничесоже* (Іоан. 15, 5). Тогда, только тогда можешь со всѣми *вѣрными* дерзновенно воспѣть: *видѣхомъ свѣтъ истинный, пріяхомъ Духа небснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную!* И сія *вѣра*, даръ Духа Святаго, наставитъ тебя на путь истинный, направитъ стопы твои къ *дѣланію* заповѣдей Божіихъ и научитъ творить *дѣла* благія—плоды св. *вѣры*. «Плоды происходятъ извнутри древа, отъ корене и соку его», говоритъ святитель Тихонъ Задонскій; «яко каковъ корень и сокъ въ древѣ, таковы и плоды его: когда корень и сокъ въ древѣ добрый, то и плоды его добрые суть. Тако и *вѣра* познавается отъ добрыхъ *дѣлъ*, извнутри, отъ сердца и безъ всякаго *лицемѣрія* происходящихъ. И какъ отъ чистаго кладезя чистые ручьи текутъ, такъ отъ сердца, *вѣрою* святою очищеннаго, добрыя *дѣла* происходятъ и

являются¹⁾). Такъ вѣровалъ св. Прохоръ, и мы видѣли, какихъ благодатныхъ плодовъ св. вѣры сподобилъ его Господь. И намъ всѣмъ, братіе, въ лицѣ святыхъ Своихъ учениковъ, Господь изрекъ: *вся елика аще молящися просите, вѣруйте, яко пріемлете: и будетъ вамъ* (Мр. 11, 24).

Помолимся же, да святыми молитвами преподобнаго отца нашего Прохора ниспослана и намъ будетъ божественная благодать и даръ св. Духа — вѣра истинная, и, подобно св. апостоламъ, отъ всея души и отъ всего помышленія возопіемъ ко Господу: *приложи намъ вѣру* (Лук. 17, 5)!

А. Зеландъ (онъ же А. Кодратовъ).

¹⁾ Творенія св. Тихона, изд. 5-е, 1889 г., т. 5, стр. 260—261.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ. *)

(Изъ дневника инока).

«Чистая Голубица, нескверная Аница—Аница и Пастыря приноситъ въ церковь»... Господь, не требуя крещенія, идетъ креститься отъ раба, показуя послушаніе правдъ Божіей. Такъ и Пречистая Матерь Его, не требуя очищенія въ дѣвственномъ рожденіи, приходитъ въ церковь законную принять установленное закономъ очищеніе, являя Свое величайшее смиреніе и послушаніе закону Божію.

* * *

Здѣшняя жизнь всего *одна*. Другой на землѣ *не будетъ*. Береги же ее, не губи не трать напрасно! Не ломай ложными шагами. Веди ее, какъ дѣло Божіе тебѣ порученное—съ усердіемъ, терпѣніемъ и всякою тщательностію.

* * *

«Обращься Господь, воззрь на Петра» (Луки 22, 61). Каковъ Господь-то!? Петръ Его отогналъ, отрекся, а Онъ—*обращься*—обращается любящимъ взоромъ и какъ бы съ мольбою, подобною той, съ которою Онъ обратился къ Савлу: «почто *Мя гонишь?*..» И такъ всегда Господь: мы Его гонимъ, ежеминутно Его отрекаемся, поруганію

*) Продолженіе. См. январскую кн. *Душетол. Чит.* 1907 г.

предаемъ, а Онъ — хотя издали, хотя «обращеніемъ» — взоромъ жаждетъ возбудить насъ къ покаянію и пойти за Нимъ.

* * *

«*Се бо Богъ помогаетъ ми*»... (Псал. 53, 6). Провѣряй каждое твое дѣйствіе сими словами: можешь ли ты о томъ или другомъ такомъ дѣйствіи сказать, что тебѣ въ немъ помогаетъ Богъ, и старайся, чтобы каждое твое дѣйствіе было ведено такъ, или было бы такимъ, чтобы о немъ можно было дѣйствительно сказать съ неложнымъ и основательнымъ упованіемъ, что Господь помогаетъ тебѣ.

* * *

«*Душа моя яко земля безводная Тебѣ*»... (Пс. 142, 6). Земля, долгое время не выдавшая влаги, вопіетъ къ ней каждой песчинкой, каждымъ листочкомъ увядающимъ, каждымъ цвѣточкомъ, безпомощно повисающимъ на ослабѣвшемъ отъ жажды стебелькѣ. Такъ душа наша должна вопіять къ Богу каждымъ своимъ движеніемъ, помысломъ и стремленіемъ, которыя безъ заполнения благодатною жизнію Божіею скудѣютъ, тощають и вянутъ, падая и зарываясь въ прахъ земной суеты и безсодержательности.

* * *

«*Ты кто еси, судяй чуждему рабу? своему Господеву стоитъ или падаетъ... станетъ же, силенъ бо есть Богъ поставить его*»... (Римл. 14, 4). Итакъ, и паденіе наше — Господеву! Всѣ мы — падшіе, взнемогшіе и изнемогающіе въ борьбѣ со грѣхомъ — лежимъ предъ Тобою, Господи, ожидая Твоего суда или милосердія! И некуда намъ уйти, да и не хочется, какъ не ушла отъ Тебя, хотя бы и могла, вслѣдъ за своими обличителями, избличенная евангельская грѣшница! Не хочется уйти, ибо сердце наше подсказываетъ намъ, что Ты — не грозный Судія, но милостивый, и не только Судія, но и Врачъ нашихъ немощей и паденій.

* * *

«Спаси ны, Господи Боже нашъ, и собери ны отъ языкъ» (Псал. 105, 47). Языки — это наши плѣнители страсти, грѣхи, похоти, слабости. Они порабощаютъ насъ и гнетутъ, поистинѣ, хуже, чѣмъ плѣнители и враги Іудеевъ, разсѣивая насъ и удаляя отъ Бога и истинной жизни въ Немъ.

* * *

Бойся и бѣгай не соблазна и искушенія, а *согласія* на нихъ. Отъ соблазновъ и искушеній никуда не уйдешь. Если нѣтъ *внутренней* опоры, вездѣ падешь и погибнешь. Старайся эту опору создать и воспитать *въ себѣ*, тогда не страшны будутъ никакіе соблазны и искушенія, и ты благополучно минуешь ихъ.

* * *

Не то грѣхъ, что соблазны *одолеваютъ*, а то, когда мы *поддаемся* соблазну. Жизнь среди соблазновъ опасна, но и *полезна*. Она можетъ глубже укрѣпить силы подобно тому, какъ—для того, чтобы крѣпче вбить колъ въ землю, его раскачиваютъ послѣ каждого удара.

* * *

Мы поистинѣ какъ дырявые, старые, изношенные корабли въ житейскомъ морѣ. Грѣхъ сквозь всѣ норы и щели обильными струями такъ и льется въ насъ и, срастаясь съ нашею нечистотою, опять выходитъ чрезъ тѣ же щели ядовитыми, отравленными и всеотравляющими струями. Такъ онъ вливается и выливается снова чрезъ наши глаза — нечистыми похотными взглядами, чрезъ уста — гнилыми и праздными словами, чрезъ всѣ наши члены—входитъ и выходитъ всякаго рода неразумными, грѣховными дѣйствіями, доводя до полнаго, наконецъ, потопленія.

* * *

Душа моя и весь я долженъ быть жилищемъ Божиимъ. Но — о, *«Господи! кто обитаетъ въ жилищи Твоёмъ!?»* Обитаетъ смрадный врагъ Твой и мой—обитають всякія страсти, похоти, всякая суета, тлѣнныя привязанности, нерадѣніе, злоба, зависть, вражда, ожесточеніе и т. под.

* * *

Знай твердо и помни, что когда ты согрѣшишь, когда упадешь низко-низко, когда заслужишь всеобщее презрѣніе, негодованіе, когда тебя охулять, оклеветать, озлословять, огрязнять всякою грязью, когда самъ себѣ ты сдѣлаешься ненавистнымъ, презрѣннымъ, невыносимымъ,—и тогда *есть* еще одно такое доброе, сердобольное, милосердное, ласковое Существо, Которому ты дорогъ, Которое тебя еще не презрѣло и не презираетъ, Которое не раздѣляетъ низкихъ взглядовъ на тебя и похуленій, Которое еще продолжаетъ дорожить твоимъ вниманіемъ, привязанностію и любовью... Это Существо—Господь *«не презирай согрѣшающаго»* (мол. Трисвятаго) и до послѣднихъ глубинъ ада не теряющій тебя отъ Своего любвеобильнаго, сострадательнаго, кроткаго, жалостливаго и милосердаго взгляда... О, Господи, Господи! Океанъ милосердія! Бездна состраданія! Неисчерпаемая пучина любви и всепрощенія!..

* * *

Я видѣлъ только что исцѣлившагося бѣсноватаго, по заступничеству новоявленнаго угодника Божія преп. Серафима (въ Дивѣевскомъ монастырѣ, предъ иконою Умиленія Божіей Матери). О, сколько радости, умиленія и благодатнаго восторга написано было на просвѣтленномъ лицѣ несчастнаго — теперь счастливѣйшаго! Съ какою любовью, признательностію и слезными прославленіями онъ цѣловаль не только св. иконы, но и камни, и дерево храма и часовни—все то, къ чему прежде не допускала его и близко нечистая сила. Эта страшная злая сила

была теперь далеко отъ него, и все-таки еще жутко было видѣть вблизи себя этотъ недавній сосудъ діавольскій, благодатію Божіею возстановленный и освященный въ прежнее человѣческое и христіанское достоинство и красоту.

* * *

Благодать Божія не есть какая либо безличная, отвлеченная сила, вродѣ, напримѣръ, силы растительной въ землѣ и растеніяхъ, силы магнитной, электрической и т. п. Благодать Божія—это *Самъ Господь со Отцемъ и Св. Духомъ*, проявляющій обитаніе Свое въ человѣкѣ знаменіями, силами и чудесами спасенія, утѣшенія и наученія нашего.

* * *

Хороши *дѣтскія* проявленія религіознаго чувства и религіозной жизни. Но желать жить этими проявленіями въ зрѣломъ возрастѣ не всегда похвально. Каждый возрастъ *по своему* долженъ выразить и исчерпать свою религіозную содержательность и жизнеспособность. Дѣтская поэзія, наивность, простота и непосредственность должны уступить мѣсто большей трезвости, серьезности, глубинѣ, силѣ и сознательности религіозныхъ отношеній нашихъ къ Богу-Отцу небесному.

* * *

У Господа была *кружка*, изъ которой Онъ, не имѣя Самъ гдѣ главы подклонить, помогаль, однако же, бѣднымъ *матеріальною* помощію. Какой дивный урокъ нашему немилосердію и недостаточной заботливости о бѣдныхъ братьяхъ нашихъ, попечителемъ которыхъ состоитъ Самъ Господь нашъ!

* * *

Во многихъ болѣзняхъ (наприм., *простудныхъ*) бываетъ такъ называемый *скрытый* періодъ, когда человѣкъ, нося

въ себѣ всё зачатки извѣстной болѣзни, продолжаетъ быть на видѣ и здоровымъ и веселымъ даже болѣе обыкновеннаго. И вдругъ болѣзнь прорывается точно внезапно и повергаетъ на ложе болѣзни совершенно. Также точно и въ болѣзняхъ духовныхъ—грѣхахъ—часто бываетъ, что мы не замѣчаемъ, куда заходимъ въ своихъ слабостяхъ и нерадѣніи, и вдругъ... видимъ, что лежимъ уже на глубинѣ паденія.

* * *

Подумай, какой стыдъ и позоръ объемлетъ тебя, если Господь обличитъ тебя предъ всѣми въ твоихъ тайныхъ грѣховныхъ чувствахъ, дѣлахъ и помышленіяхъ и нечистыхъ поползновеніяхъ. Хотя стыдъ предъ Самимъ Господомъ долженъ быть сильнѣе всякаго стыда предъ другими, но разъ мы болѣе стыдимся людей, а не Бога, позволительно опасеніемъ большаго стыда предохранять себя отъ паденій.

* * *

Часто случается, что мы не находимъ въ себѣ того *обычнаго*, чѣмъ должна бы отвѣчать душа, пріявъ въ себя во св. Тайнахъ Самого Господа. Это *обычное* иногда умѣетъ удивительно искусно и въ то же время плодотворно заявлять себя самымъ своимъ кажущимся *отсутствіемъ*. Такъ ап. Павелъ, утѣшая Коринтянъ, огорченныхъ его посланіемъ, открываетъ имъ дивныя сокровища духа въ этой ихъ скорби. «*Радуюся, не яко скорбни бысте, но яко оскорбистеся въ покаяніе*»... и т. д. (2 Кор. 7, 9). Такъ нѣчто подобное дѣлаетъ съ душою нашею Господь. Это Его обычная—если позволительно такъ выразиться—Божественно-благодѣтельная *уловка* въ отношеніи къ любящимъ Его и любимымъ Имъ душамъ человѣческимъ. Онъ оскорбѣваетъ насъ скорбію, но эта скорбь благодѣтельна уже тѣмъ, что вызываетъ въ любящихъ Его толико «*тщаніе... отвѣтъ... страхъ... воздержаніе... ревность... слезы*»

(Кор. 7, 11). Если только ты искалъ Господа, жаждалъ Его, стремился къ Нему, пріялъ Его, не бойся, что Онъ миновалъ тебя. Онъ посѣтилъ тебя, но посѣтилъ незамѣтно для тебя, утаивъ Себя (къ твоей бѣльшей пользѣ) въ тайникахъ твоего сердца, подобно какъ нѣкогда — не уходя отъ народа, таилъ Себя отъ него, пребывая въ немъ и съ нимъ, и разжигая или испытывая его желаніе видѣть Себя...

* * *

Господь создалъ всѣхъ насъ какъ единую семью, въ которой все должно быть кротко, тихо, спокойно, мирно; а мы сдѣлали и дѣлаемъ изъ этой семьи настоящій адъ кромѣшный всякими происками, ненавистію къ ближнему, враждою, завистію и т. под.

A. I.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Архіереи Петровской эпохи въ ихъ перепискѣ съ Петромъ Великимъ¹⁾:

Письма другого архіерея—преосв. Павла епископа Вологодскаго къ Петру I касаются преимущественно заступничества за подвѣдомое ему духовенство.

Павель, родомъ вологжанинъ, былъ священникомъ при церкви Архангела Гавріила въ Москвѣ, гдѣ онъ и крестилъ въ 1709 г. царскую дочь Елизавету Петровну, за что былъ пожалованъ золотою съ алмазами медалью, которую и носилъ потомъ вмѣстѣ съ панагіей на голубой лентѣ.

Письма Павла любопытны и вполне характеризуютъ Петровское время.

«Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій», писалъ царю преосвященный. «Въ нынѣшнемъ 719-мъ году, въ февраль мѣсяцъ, передъ сырною недѣлею, вологодской помѣщикъ Василій Богдановъ сынъ Засѣцкой, пришедъ въ софейской на Вологдѣ и въ мой домъ, въ крестовой палатѣ говорилъ мнѣ о дѣлѣ домовой моей крестьянки Гликеріи Андреевой дочери, которая нынѣ держится въ канцеляріи правленія ландратскаго въ первой вологодской доли, а при тѣхъ словахъ говорилъ похвальныя къ поношенію архіерейскаго чина рѣчи такія: у насъ-де и Симона архіепископа на чеши держали. А послѣ того тотъ же Засѣцкой марта въ 30-й день епархіи моей вологод-

¹⁾ Продолженіе. См. январскую вн. *Душетол.* Чтенія 1907 г.

скаго уѣзда церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, что въ Говоровѣ, попа Михаила Викулова билъ съ людьми своими озорнически. А какой съ людьми его злой и ругательный тотъ бой былъ, тому въ губернской вологодской канцеляріи значить при словесномъ того попа жены челобитьѣ и осмотрѣ канцелярской.

Всемиловѣйшій государь, прошу вашего царскаго пресвѣтлаго величества, чтобъ такому священнаго чина ругателю и озорнику вамъ царскаго величества, чему онъ и люди его повинны и противъ правилъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, указъ учинить.

Въ другомъ письмѣ преосвященный пишетъ: «Вологодской помѣщикъ Василій Богдановъ сынъ Засѣцкой, пришедъ ко мнѣ въ крестовую палату нахальствомъ, и говорилъ мнѣ озорничествомъ своимъ послѣ святыя литургіи противныя и поносительныя слова, которыя брату моему, блаженныя памяти преосвященному Симону, архіепископу вологодскому, учинилъ отецъ его Богданъ Засѣцкой, второе и означенный сынъ его похвалялся и мнѣ учинить тожь.

И послѣ тѣхъ похвальныхъ словъ епархіи моей вологодскаго уѣзда околороднаго стану храму Рождества Пресвятыя Богородицы, что въ селѣ Говоровѣ, съ приходу своего священника Михаила Викулова, зазавъ къ себѣ въ домъ по отслуженіи божественныя литургіи съ животворящимъ крестомъ на недѣлѣ святыя Пасхи сего 719-го году апрѣля 3 числа, то есть понедѣльникъ, билъ съ людьми и со крестьяни своими смертно мучительски, знатно мстительствуя мнѣ нижайшему, а ругаяся святой восточной Церкви.

И я, нижеименованный, о своемъ приобидѣннѣи и ругательствѣ въ похвальныхъ словахъ жалобу, также и поманутаго попа къ запискѣ послалъ въ володскую губернскую канцелярію, и противъ тѣхъ прошеній по онаго Засѣцкаго еднажды, а по людей его и крестьянъ трикратно посылаю, и онъ, Засѣцкой, съ тѣми людьми сво-

ими и крестьяны, вѣдая вину свою, укрылся и къ дѣлу тому уже три мѣсяца не явится.

Молю всепокорно вашего милосердія на такового озорника и ругателя милостиваго защищенія и обороны и милосердаго указа, дабы таковымъ впредь, такожде и другимъ чинить было не повадно. О сихъ слезоточно доношу и жалобу объявляю.

А какову жалобу я, нижайшій, подалъ, также и на священникъ сколько битыхъ ранъ по осмотру противъ словеснаго челобитья по запискѣ явилось, и съ того при семъ до вашего милосердія послалъ копію».

Затѣмъ въ третьемъ письмѣ преосвященный жалуется на Вологодскаго помѣщика Ивана Левашова, который «своего приходскаго попа Ивана, зазвавъ къ себѣ въ домъ по отслуженіи божественныя литургіи, билъ дубиною безвинно и другія многія къ нему, священнику, обиды и разоренія чинилъ, да и впредь хвалится всякимъ дурномъ. И о томъ онъ, священникъ, подалъ мнѣ прошеніе, и я, богомолецъ вашъ, о томъ его, Левашова, ко отцу духовному преобидѣннѣи и въ похвальныхъ словахъ въ вологодскую губернскую канцелярію съ тѣхъ прошеній послалъ копіи и просилъ, чтобъ господа судіи учинили милостивое разсмотрѣніе и указъ. И оной Левашовъ противъ тѣхъ прошеніевъ въ губернскую канцелярію не сыскалъ и отбываетъ, будто судомъ, и расправою не вѣдомъ, а вѣдомъ въ адмиралтейской канцеляріи.

Прошу вашего высокодержавнаго царскаго пресвѣтлаго величества, да повелить державство ваше такового озорника и священнаго чина ругателя, гдѣ онъ судимъ, сыскать и допросить, и по своему царскаго величества указу и по уложенію, до чего доведется, указъ учинить, дабы ему, также и другимъ, чинить было не повадно».

Однако не смотря на нѣкоторую близость къ императору, всѣ эти письма преосв. Павла, какъ говоритъ г. Рункевичъ, успѣха не имѣли. Преосвященный потомъ жаловался и въ Сѣнодь, но тоже безъ результата.

Письма преосвященнаго Алексѣя Титова епископа Сарскаго и Подонскаго, а потомъ Вятскаго хотя также не многочисленны, но довольно интересны.

Преосвященный Алексѣй былъ изъ дворянъ, родился въ 1667 г., а въ 1708 г. былъ архимандритомъ Московскаго Знаменскаго монастыря, въ 1713 г. епископомъ Тверскимъ, а въ 1714 г. Сарскимъ и Подонскимъ. Последнее мѣсто было теплое и видное, владыка проживалъ постоянно въ Москвѣ въ Крутицахъ. Однако Алексѣю пришлось быть на этой епархіи не особенно долго. Въ 1719 году онъ былъ переведенъ на Вятскую кафедру. Хотя современники переводъ Алексѣя и приписывали проискамъ архимандрита Θεодосія Яновскаго, но причина оказывается другая. Изъ письма преосв. Алексѣя къ кабинетъ-секретарю Макарову видно слѣдующее.

«Во извѣстіе жъ вамъ творю», писалъ преосвященный, «что по указу его царскаго пресвѣтлаго величества повелѣно мнѣ быть епископомъ на Вяткѣ. И о семъ я благодаренъ. Буди о всемъ воля Господня и воля пресвѣтлаго монарха нашего, великаго государя. Токмо едино, что въ скоромъ времени и безъ всякой причины отлученъ крутицкой епархіи.

А именно я свѣдомъ, что возмутилъ душою преосвященнаго Рязанскаго архіерея Θεофилакты, архимандритъ, Лопатинскій и писалъ до него, оклеветавъ меня ложно, будто я вступался патріаршіи области во многія дѣла и правленія, чего отъ меня не бывало. И вступаться было мнѣ въ такія дѣла не надлежало безъ указа государева, — о чемъ ко мнѣ присланъ былъ изъ сената указъ и повелѣно у меня взять вѣдѣніе за рукою, о чемъ я нынѣ прошедшаго генваря 12-е число написалъ доношеніе и послано въ правительствующій сенатъ. И въ ономъ моемъ доношеніи ясно показуется яко вины ничтоже за собою не признаваю, но токмо отъ ихъ милости, вышереченныхъ, несправедно и безвинно оклеветанъ есть».

На Вятскую кафедру Алексѣю пришлось поступить по-

слѣ Діонисія, хотя и скончавшагося потомъ въ Московскомъ Даниловскомъ монастырѣ въ схимѣ, но какъ видно большого сребролюбца и лихоимца.

Вѣроятно у Діонисія, пишетъ г. Рункевичъ, «до поступленія въ монашество служившаго, очевидно, священникомъ, было много внуковъ отъ двухъ его сыновей и дочери. Еще при жизни своей преосвященный снабдилъ своихъ дѣтей значительными капиталами, каждую семью—до 8.000 рублей. У нихъ былъ каменный домъ, имѣніе. Вѣроятно, слухи о переходѣ архіерейскаго богатства въ мірскія руки распространились по Москвѣ. У преосвященнаго Діонисія произведена была опись имущества и конфисковано 8.500 рублей. Получивъ деньги, дѣти не очень досматривали ослабѣвшаго старика. Послѣ его смерти наслѣдникамъ пришлось познакомиться на нѣкоторое время съ карауломъ по поводу наслѣдства, которое, очевидно, было безчестнымъ, хотя, быть можетъ, и законнымъ, но въ концѣ концовъ все окончилось благополучно».

Преосвященный Алексѣй отчасти прикосновенный къ дѣлу царевича Алексѣя, который по какому-то поводу ему посылалъ въ 1717 г. письмо, не пользовался расположеніемъ Петра и онъ, желая заслужить вниманіе преобразователя уже изъ Вятки, шлетъ ему посланіе, въ которомъ, между прочимъ, пишетъ. «При семъ же вашему царскому пресвѣтлomu величеству челомъ бую въ даръ азъ, нижеименованный, чернымъ лисомъ живымъ.

Да повелить державство ваше онаго маленькаго звѣрька милостиво пріяти и ко мнѣ, богомольцу своему, милосердіе свое царское показать».

Затѣмъ въ письмѣ къ царицѣ Екатеринѣ, творя сто кратное поклоненіе, присовокупляетъ: «уповая жъ на щедроты Божія и на вашу превысокую государскую милость, челомъ бую въ даръ вашему величеству отъ убогїя моего келліи часы серебряные, въ нихъ же изображень ликъ святыя великомученицы Евкатерины и прочихъ 4 лика святыхъ. Изволь, великая государыня наша царица,

оныя часы при своемъ величествѣ содержать, а къ намъ убогимъ свою государскую милость являть. Еще же вашему величеству челомъ бью двѣнадцать чашекъ вапovýchъ, которыя у насъ на Вяткѣ строятся. Подаждь, Христе Боже, изъ оныхъ сосудцевъ вашему величеству во здравіе кушать и здравствовать на многая лѣта и съ великимъ государемъ нашимъ царемъ съ Петромъ Алексіевичемъ всероссійскимъ и съ благородными царевнами со Анною Петровною, съ Елисаветою Петровною и съ Наталією Петровною.

При семъ же паки и паки предъ вашимъ величествомъ поклоняюся лицеземно».

Изъ Вятки Алексій былъ въ 1733 году переведенъ въ Рязань, гдѣ святительствовалъ 17 лѣтъ (+ 1750). «Въ Рязани на предписаніе Сѣнода объ увѣщаніи раскольниковъ онъ отвѣчалъ, что раскольники увѣщаній его не принимаютъ «затыкая уши свои, аки аспидъ глухій, да при томъ ему, при старости его, зѣло трудно имѣть много разглагольства съ ними, а потому не лучше ли смирять ихъ постомъ и стегать плетми». Сѣнодъ подтвердилъ—обращаться съ раскольниками не иначе, какъ «по пастьерски».

Письма Казанскаго митрополита Тихона Воинова тоже заслуживаютъ вниманія. Нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны въ *Русскомъ Архивѣ* за 1891 г. Тихонъ родился въ 1655 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. Его отецъ былъ купцомъ. Постриженный въ Нижегородскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ въ 1679 г., онъ былъ взятъ патріархомъ Адрианомъ въ Москву и назначенъ патріаршимъ ризничимъ. Въ 1692 г. былъ уже архимандритомъ Новоспасскаго монастыря, въ 1695 г. — митрополитомъ Сарскимъ и Подонскимъ, въ 1699 г. — Казанскимъ, гдѣ и скончался 23 марта 1724 г.

Первые годы своего архіерейства въ Казани преосв. Тихонъ особенно принялся за обращеніе въ христіанскую вѣру татаръ и черемисовъ. Для новокрещенныхъ, при-

нявшихъ христіанство въ количествѣ 3683 по увѣщанію митрополита Тихона, было построено 7 церквей на казенныя средства. Въ 1707 г. изъ этихъ крещенныхъ инородцевъ было взято въ ученіе 32 человекъ дѣтей въ Казанскую духовную школу. Учителями были архіерейскій пѣвчій и 8 солдатъ. Предполагалось обучать ихъ въ надеждѣ священства языку російскому и закону христіанскому. 5 мальчиковъ совсѣмъ обучились, 20 успѣли изучить часословъ, а 7 померли. Въ 1709 г., по распоряженію Казанскаго губернатора графа П. М. Апраксина, ученики были распущены по домамъ, «для того, что оныя новокрещенныя дѣти, будучи въ Казани безъ отцовъ и матерей своихъ, стали помирать, а другія заболѣли». Въ письмѣ своемъ къ вице-президенту Синода Θεодосію преосвященный Тихонъ жаловался на препятствія свѣтскаго начальства къ успѣшному обращенію въ христіанство инородцевъ, благодаря чему «новокрещенные совѣстью возмущаются и отъ истины развращаются».

Очевидно въ данномъ случаѣ было тоже самое, о чемъ писалъ потомъ другой митрополитъ, Арсеній. «Кто болѣе виновенъ, жаловался Арсеній, священники ли, или свѣтскіе правители, которые сами къ полученію мягкой рухляди имѣють большую склонность, а порицають священниковъ. И сіе представляется не для какого на воеводъ нарѣваніе, которые не бѣлками, но цѣлыми мѣхами отбирають, и не защищеніе поповъ, которые берутъ себѣ на пропитаніе бѣлочками, но токмо поистинѣ изъясняются, что, вмѣсто помощи, какъ нынѣ бѣдное священство гонять и турбують, и изневожаютъ, куютъ и бьютъ, яко злодѣевъ и инстигують безъ мѣры, не яко о правдѣ пекущися, но яко сами, любоименія страстью одержимы суще, ищутъ себѣ всякими неправедными вымысли пріобрѣтенія. Волостныя церкви пустѣють и новокрещенные наставленія лишаются отъ гоненія неразумныхъ свѣтскихъ командировъ, которые изъ своихъ происковъ не вѣру святую и православіе утверждаютъ, но и пріобрѣ-

тѣнное духовными пастырями великимъ трудомъ и коштомъ во всё тщатся уничтожить на едино поруганіе нашему святому православію».

Безцеремонное вмѣшательство свѣтской власти въ епархіальныя дѣла и неизбѣжныя при этомъ столкновенія побудили преосвященнаго въ апрѣлѣ 1721 г. просить вице-президента Синода доложить о немъ «въ благополучное время» Государю объ увольненіи отъ управленія епархіею и неоставленіи его въ старости безъ пропитанія, понеже онъ стяжанія у себя не имѣетъ, токмо на смерть». Писемъ преосв. Тихона г. Рункевичъ приводитъ нѣсколько. «Въ самомъ началѣ 1718 г., узнавъ о возвращеніи Петра изъ заграничной поѣздки въ Петербургъ, митрополитъ посылаетъ царю привѣтственное письмо и въ даръ образъ святыхъ Казанскихъ чудотворцевъ Гурія, Варсонофія и Германа, въ сребропозлащенномъ окладѣ съ мощами ихъ, и Волжской рыбы — «бѣлугу въ шесть рыбъ, три лосося и десять стерлядей животоколотыхъ», а на слѣдующій день пишетъ подобное же письмо и царицѣ, также и ей посылаетъ подарки. Оба эти письма изложены въ такихъ цвѣтистыхъ выраженіяхъ, что неволью переносятъ насъ къ пышнымъ стилямъ Востока».

Борьба Казанскаго владыки съ свѣтскими сатрапами не прерывалась. Такъ 24 марта 1719 г. онъ пишетъ къ Макарову. «Всесмиренно съ предѣльнымъ сокрушеніемъ сердца моего молително прошу ваше благородіе о милостивомъ защищеніи и отъ напасти избавленіи—о предложеніи высокопочинаго своего словесе къ честному господину Артемію Петровичу Волинскому, дабы за ваше милостивое споборательство явилъ свою милость къ нашему смиренію, пожаловалъ бы, уступилъ въ домъ Пречистыя Богородицы Казанскія митрополіи вмѣсто вклада пожилыми деньгами за крестьянина своего Бориса Васильева, которой въ бѣгахъ жилъ въ домовой Пречистыя Богородицы Казанскія митрополіи въ вотчинѣ лѣтъ съ семнадцать, а по уложенію оныхъ пожилыхъ денегъ имѣется по

исчисленію чотыреста шестьдесятъ рублевъ, а его милость Артемій Петровичъ, нѣкоего судіи по неправому дѣлу вершенію и по расположенію раздѣляя изъ одного крестьянскаго двора женатыхъ дѣтей разными дворами, требуетъ и истязуетъ съ насъ дву тысяць и вящшее, и домъ святой, порученный намъ, весьма оскудѣ и отъ такихъ же напастей въ некупные долги впаде. Умилосердися, государь мой, яви свою высокоправную милость отъ сея напасти къ моему избавленію, да негли отъ сея печали напрасно гонзну живота своего, подай свою высокомочную десницу, елико Духъ Святой вашу боголюбивую душу просвѣтитъ. Въ чемъ, на вашу всецедрую милость уповая, остаюся благонадеженъ¹⁾.

Вскорѣ послѣ этого письма на преосвященнаго прогнаннаго имъ подъячіе сдѣлали доносъ, обвиняя его въ злоумышленіи на Государя. Огорченный и крайне встревоженный Тихонъ писалъ самому царю о нашедшей на него напасти. «По дѣйству діаволу, врагъ челоувѣкъ, казеннаго моего привазу подъячій, крестникъ мой и бывшій келейникъ Петръ Степановъ, заворовавшись въ казенныхъ деньгахъ, отбывая, чтобъ ихъ не искали, коварствуя зломысленно, приносилъ презѣльные досады, въ чемъ добровольно принесъ мнѣ, смиренному, руки своей письменное покаяніе. Нынѣ же, соединясь и сообщась съ таковымъ же злодѣемъ, моего суднаго приказу съ бывшимъ подъячимъ Ѳедоромъ Золотаревымъ, который былъ доносителемъ въ прошлыхъ 716-мъ и 718-мъ годѣхъ, за что по неправдѣ его въ Санктпитебургѣ наказанъ, наводятъ на мене, смиреннаго богомольца вашего, сущаго въ немощѣхъ моихъ и въ пришедшей старости, напрасное слово,—о, ужасно и страшно рещи!—будто я, смиренный рабъ вашъ и богомолецъ, на ваше царское величество зломысленникъ. И отдалъ онъ, Петръ, ему, Золотареву, въ томъ своей руки письмо, которое письмо

¹⁾ Государственный Архивъ X, Кабинетъ II, № 41, л. 191.

онный Золотаревъ моему смиренію подалъ, которыя подлинныя его Петровой руки два письма къ вашему царскому величеству при семъ посылаю. А я, смиренный богомолецъ вашъ, на ваше царское величество за собою и за домовыми моими людьми и ни за кѣмъ никакого зломыслия не вѣдаю и ни съ кѣмъ зломысленнаго совѣта и совѣтныхъ писемъ ни отъ кого не имѣю. И мнѣ ли, смиренному, за толикую вашу государскую милость зломыслити. Отъ молодыхъ лѣтъ при вашей государской милости въ домѣ святѣйшаго патріарха воспитанъ, вашею государскою милостию прѣвыше моя мѣры пожалованъ и жизнь мою влекуся многая лѣта безпорочно и достигъ уже ко окончанію живота моего».

Объ этой же напасти Тихонъ писалъ и Екатеринѣ и Макарову и дѣло было оставлено безъ всякихъ для преосвященнаго послѣдствій.

Въ 1722 г. Тихонъ принималъ въ Казани Петра, посѣтившаго вмѣстѣ съ митрополитомъ развалины Болгарь, чрезвычайно заинтересовавшихъ преобразователя.

Описывая Макарову царское посѣщеніе, Тихонъ между прочимъ дополняетъ, что, «по отсутствіи жъ Его Величества отъ Болгарь нашли на Болгарахъ нѣкую вещьцу мѣдную, по подобію панагіи, да денегъ три копѣйки серебряныхъ да три мѣдныя, которую нашедшую вещьцу и шесть копѣекъ съ переводомъ при семъ посылаемъ. При присутствіи жъ Его Величества на Болгарахъ указалъ тому болгарскому селенію учинить чертежъ и оставшемуся древнему каменному зданію описать; а каменіе великіе, на которыхъ есть подписи, благоволилъ повелѣть ихъ ставить въ стѣны со внѣшней стороны, а въ церковное ли зданіе, или въ древніе столпы закладывать, о томъ именно не смѣли доложить. А извѣстна ваша милость, что на томъ Болгарскомъ мѣстѣ въ монастырѣ церковь святая каменная строить начата и фундаментомъ вышли, и, по мнѣнію нашему, видится, чтобъ оныя съ надписаніемъ каменіе тое церкви въ стѣны въ лицо

задѣлывать будетъ весьма прилично, точію безъ его императорскаго величества того дѣлать не смѣю.

Молитвенно прошу твое благоутробіе, благоволи о семъ Его Величеству современемъ доложить, и, что его императорское величество укажетъ, къ нашему смиренію писаніемъ своимъ возвѣститъ».

Подавая, какъ мы видѣли раньше, въ Синодъ просьбы объ увольненіи, Тихонъ обратился наконецъ прямо къ Государю, чтобы онъ уволилъ его хотя бы вообще отъ всякихъ приказныхъ и денежныхъ дѣлъ, а затѣмъ писалъ и къ Макарову, дабы благоволилъ онъ напечатать царю и царицѣ «чтобъ пожаловали, указали отъ вышерѣченнаго меня, старца дряхлаго, уволить, а вручить, кому ихъ всепресвѣтлѣйшее величество укажетъ. Полномѣ, старцу, и весьма скорбному, что церковь знать (и то нынѣ за скорбыми по нуждѣ) воистину боюся страшно, дабы въ старости моей и въ скорбѣхъ и въ безпамятствѣ въ чемъ бы не остаться».

Просьба Тихона была удовлетворена 20 января 1724 г., но черезъ два мѣсяца 24 марта онъ скончался и погребенъ только 5 августа Астраханскимъ епископомъ Лаврентіемъ Горкою.

Приводя нѣсколько писемъ епископа Корельскаго и Ладожскаго Аарона, г. Рункевичъ сообщаетъ и его біографію. Ааронъ, въ мѣрѣ Аѳанасій Владиміровичъ Еропкинъ, былъ сынъ Московскаго стольника и приходился въ родствѣ съ Головиными, кн. Хованскими и Мусиянъ-Пушкиными. Сначала служилъ стряпчимъ и, какъ дворянинъ, принималъ участіе въ военныхъ походахъ. Въ 1698 г. онъ поступилъ въ Нилову пустынь и въ 1691 г. постриженъ въ монашество. Былъ архимандритомъ Валдайскаго монастыря, а потомъ Новгородскаго Юрьевскаго. Въ 1714 г. онъ былъ хиротонисанъ во епископа Корельскаго съ управленіемъ Юрьевскимъ монастыремъ.

Въ своихъ письмахъ къ Петру I онъ ходатайствовалъ о монастырскихъ нуждахъ и просилъ принять Новгород-

скую рыбу. «Молительнѣ просимъ», писалъ Ааронъ Петру: «хриstopодражательное вашего царскаго пресвѣтлаго величества милосердіе, благоволи, государь, не въ даръ приношенія, но въ знавъ убогаго нашего усердія, якоже Царь славы Іисусъ Христосъ у вдовы прія двѣ лептѣ, сице посланныя нынѣ отъ дому премудрости Слова Божія новгородскихъ рыбокъ свѣже сольныхъ двѣ бочки, едину сеговъ, другую же лѣдогъ, милостиво пріяти и во здравіе кушати».

По смерти Новгородскаго митрополита Іова, Ааронъ управлялъ епархіей и за это время г. Рункевичъ приводитъ рядъ его писемъ къ Макарову, исполненныхъ просьбами, чтобы онъ вернулъ къ нему взятаго изъ Новгородскаго архіерейскаго дома въ коллегію юстиціи подъячаго Василя Тишина, что для него, присовокупляетъ Ааронъ, — «такъ есть не сносно, яко бы лучше своего управленія епархіи отрѣшиться, нежели въ такой обуреваемой печали пребыти».

Съ 1721 г. архіепископомъ Новгородскимъ былъ Θεодосій Яновскій, съ которымъ Ааронъ прослужилъ два года, по просьбѣ въ 1723 г. былъ уволенъ на «безмолвіе» въ Нилову пустынь «въ среду братіи, на одинаковое съ ней положеніе». Однако Θεофанъ Прокоповичъ въ 1728 г. вызвалъ его и сдѣлалъ снова Корельскимъ викаріемъ, черезъ два года Ааронъ опять сталъ проситься на безмолвіе въ Нилову пустынь, и 1 іюля 1734 г. былъ уволенъ по болѣзни. Въ 1734 г. Ааронъ просилъ императрицу разрѣшить ему принять схиму, что и было ему позволено 5 іюня 1735 года. Потомъ преосвященный рискнулъ обратиться къ императрицѣ съ новымъ письмомъ, въ которомъ ходатайствовалъ отмѣнить для Ниловой пустыни состоявшійся, какъ онъ слышалъ, синодальный указъ о томъ, чтобы постриженные въ монашество безъ надлежащаго разрѣшенія были разстрижены. Императрица на этотъ разъ, передавъ письмо преосвященнаго въ Синодъ, выразила желаніе, чтобы впредь преосвященные

чинить ей утружденій не дерзаль. Началось строгое и жестокое слѣдственное дѣло, преосвященному былъ объявленъ публичный при всей братіи выговоръ и отъ большаго взысканія онъ былъ освобожденъ только по вниманію къ преклоннымъ лѣтамъ. Ему только было запрещено всякое вмѣшательство въ дѣло пустыни. 3 апрѣля 1740 года онъ, наконецъ, принялъ схиму съ именемъ Аллія и чрезъ мѣсяць, 1 мая, скончался. У преосвященнаго былъ сбереженъ капиталъ въ 30 рублей, который онъ распредѣлялъ на похороны и поминованіе. Всего имущества была суконная ряса: она завѣщена на клобуки братіи.

Ааронъ былъ человѣкъ истинно вѣрующій и составившій исключеніе среди тѣхъ духовныхъ персонъ, которыя блистали среди придворнаго штата преобразователя. Несмотря на свое родство съ сильными міра, онъ не искалъ почестей и смиренно умоляя Бога о своихъ вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеніяхъ, взывалъ, какъ Моисей: «Аще же ни, да изгладитъ мя изъ книги Твоя въ нюже вписалъ еси».

По поводу писемъ Аарона къ Макарову съ ходатайствомъ, чтобы взятыя по указамъ Петра I у Юрьевскаго монастыря вотчины были возвращены, сохранились письма Θεофана ¹⁾. «Извѣстно есть, писалъ Θεофанъ, что вотчины оныя, которыхъ возвращеніе требуется, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Императора именнымъ указомъ были приписаны къ дому архіерейскому, и не просто, но для содержанія и воспитанія подкидышевъ и другихъ сиротъ и нищихъ. Въ прошломъ же году явѣи монастыри, а въ нынѣшнемъ и монастырь Юрьевскій, въ лицѣ преосвященства вашего востребовали оныхъ вотчинъ, всякъ въ свое по прежнему владѣніе. Благоволи же рассудить преосвященство ваше, какимъ бы праведнымъ способомъ оныя вотчины къ прежнимъ мѣстамъ

¹⁾ Труды Кіевск. Дух. Акад. 1865 г., т. II.
часть I.

возвратить мощно... А къ тому иного пути лучшаго не вижу, только дабы одна оны монастыри, отъ которыхъ отписаны были на гошпитали вотчины, а потомъ бы имъ возвращены, или и всѣ наша епархіи обители обложить погодною данію по препорціи или размѣру до столяныхъ, изъ чего мощно бы содержать гошпитали по прежнему. Однакожь сдѣлать бы то съ таковымъ оберегательствомъ, дабы съ крестьянства отнюдь никакихъ вновь не требовать сборовъ, ибо то было бы милостивому Государеву дубликату противное. Сіе, если статья можетъ, то и прошеніе монастырей о вотчинахъ произойдетъ правильное безъ утайки важныхъ обстоятельствъ въ лицѣ чистомъ и неподозренномъ, и блаженныя вѣчно достойныя памяти Государя Императора установленіе пребудетъ нерушимо, когда дома сиротскіе въ непремѣнномъ содержаніи останутся. И если сей мой способъ преосвященству вашему покажется пристойный и полезный (а иного усмотрѣть отнюдь не могу), то благоволите сообщить о семъ и отцамъ архимандритамъ писаніемъ, о согласіи вашемъ извѣстить мнѣ и какимъ дѣйствіемъ произвести въ дѣло и не подобно ли всѣхъ архимандритовъ и игуменовъ на совѣтъ созвать, и о томъ отъ насъ послать указъ—мнѣніе свое предложить неукосните».

Пропуская переписку и характеристики патріарха Адриана и мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стефана Яворскаго, уже достаточно освѣщенныя въ нашей духовной исторической литературѣ, мы закончимъ разборъ интереснаго труда С. Г. Рункевича Казанскимъ митрополитомъ Сильвестромъ. Посвященный въ 1708 г. изъ архимандритовъ Троице-Сергіева монастыря въ Нижегородскіе митрополиты, Сильвестръ былъ изъ дворянской фамиліи Холмскихъ, обучался въ Кіевской духовной академіи, гдѣ блистали въ то время имена Іоанна Максимовича и Дмитрія Тушталы, отношенія котораго къ Сильвестру сохранились и въ бытность святителя на Ростовской кафедрѣ. Уцѣлѣло письмо св. Дмитрія, писанное къ Силь-

вестру по поводу посѣщенія Троицкой лавры, въ которомъ онъ благодаритъ архимандрита за подарки: хлѣбъ и рыбу и вмѣстѣ съ тѣмъ посылаетъ послѣдній выпускъ своихъ Четы-Миней. Въ Нижнемъ-Новгородѣ Сильвестръ построилъ нѣсколько церквей, основалъ Ивановскій монастырь ¹⁾ и ревностно «искоренялъ расколъ». Послѣ 11-лѣтняго управленія Нижегородскою епархіею, Сильвестръ въ 1719 г. былъ переведенъ митрополитомъ въ Смоленскую епархію, а въ 1720 году въ Тверскую, въ 1723 г. епископомъ въ Рязань. Въ 1725 г. архіепископомъ въ Казань и въ 1727 г. сдѣланъ опять митрополитомъ.

Переписка Сильвестра съ Петромъ начинается поздравленіемъ и благожеланіемъ по поводу рожденія царевича Петра Петровича. Второе письмо благодарственное за отпускъ 1000 р. въ пособіе по случаю большого пожара въ Нижнемъ-Новгородѣ, причемъ отъ митрополита были посланы царю Нижегородскіе огурцы и волжская рыба.

«Все время въ письмахъ Сильвестра слышится рѣчь о пожарномъ бѣдствіи, о тысячѣ рублей, объ обидчикахъ, наконецъ, о матерой тещѣ и огурцахъ, но ни малѣйшаго упоминанія о такомъ крупномъ и видномъ въ епархіи явленіи, какъ расколъ. Между тѣмъ въ Нижнемъ было лицо, дѣятельно и шумно работавшее въ этой сферѣ, столь озабочивавшей Петра. Это былъ архимандритъ Питиримъ. Когда эта общественная сила созрѣла, она вытѣснила преосвященнаго Сильвестра и заняла его мѣсто. Въ 1719 г. преосвященный Сильвестръ былъ переведенъ въ Смоленскъ».

Преемникъ Сильвестра по Нижегородской кафедрѣ Питиримъ произвелъ на него 929 р. начету, Сильвестръ объяснялся, что деньги эти онъ израсходовалъ послѣ пожара. Затѣмъ Питиримъ донесъ, что Сильвестръ передъ отъѣздомъ въ Смоленскъ взялъ еще изъ доходовъ архіерейскаго дома 2851 р. Сильвестръ ссылался опять на

¹⁾ Уничтоженъ въ 1764 г.

пожаръ, что часть денегъ употреблена на постройку, а большая часть сгорѣла въ 1715 г. Объясненіе было провѣрено, и Синодъ постановилъ деньги «взять на немъ» и подвергнуть штрафу. Сильвестръ просилъ о разсрочкѣ уплаты на 6 лѣтъ. Впослѣдствіи и штрафъ и изъ взыскиваемой суммы 1200 р. были прощены Государемъ. На Тверской каедрѣ тоже не обошлось для Сильвестра безъ неприятностей. Управитель архіерейскаго дома Іона подалъ въ Синодъ доношеніе, что преосвященный приказывалъ отпускать хлѣбъ своимъ родственникамъ безъ росписокъ и продавать изъ отложенныхъ въ казну запасовъ; и когда Іона отказался это исполнять, то владыка отрѣшилъ его отъ должности, заключилъ на два мѣсяца въ Старицкій монастырь, а потомъ назначилъ казначеемъ въ Каншинъ, гдѣ было «не только казначею, но и игумену пропитаться печѣмъ». Синодъ по этому доношенію назначилъ слѣдствіе.

«Психологія взятки», говоритъ Рувкевичъ, «обнаружилась во всемъ своемъ расцвѣтѣ довольно скоро. Одна сторона, истративъ малую толику, ждала получить горы изобилія, другая, отрывъ новый, свѣжій источникъ, желала использовать его до конца. Благоволеніе и милость Θεодосія оказались не непоколебимыми и недолговѣчными, и преосвященный Сильвестръ при переводѣ изъ Твери въ Рязань въ февралѣ 1723 года, по именному указу, объявленному Синоду Θεодосіемъ, былъ призванъ въ Синодъ и обязанъ именоваться епископомъ. Преосвященный Сильвестръ былъ огорченъ этимъ необычайно. Отъ «старога митрополита», переведеннаго «на старую Рязанскую митрополію», «митрополитчю честь по зависти отняли безъ всякія причины», — писалъ впослѣдствіи, вспоминая это время, преосвященный Сильвестръ. — «Каково пріятно будетъ, какъ пожалуютъ кого изъ генераловъ въ полковники, а въ духовномъ чинѣ изъ поповъ въ діаконы, а изъ офицера въ солдаты? А кольми паче всякому напрасныя обиды терпѣтъ весьма горько!»

«Въ Рязани на Сильвестра обрушились новыя бѣды. Онъ не сошелся съ дьякомъ архіерейскаго дома Аѳанасіемъ Кульбицкимъ, имѣвшимъ большую силу при митрополитѣ Стефанѣ, и тотчасъ же попалъ подъ дѣло. Посыпались доносы, будто преосвященный покрываетъ раскольниковъ, собираетъ съ духовенства положенныя пошлины «со излишествомъ», беретъ казенныя деньги, больше тысячи рублей взявъ, задержалъ одинъ синодальный указъ, за взятки посвящаетъ не достигшихъ положеннаго возраста, кто на него жалуется — тѣхъ плетью бьетъ, гладомъ морить и въ пѣпяхъ держитъ. Дѣло вызвало болѣе двадцати доношеній преосвященнаго Сильвестра и свыше двухсотъ листовъ объясненій, дошедши до 1.300 листовъ, пока въ 1728 году не кончилось оправданіемъ преосвященнаго.

Въ какомъ душевномъ состояніи былъ въ это время преосвященный, показываетъ его скръпя по листамъ своихъ объясненій слѣдующей записью: «по сему усердному прошенію утѣсненый и уничтоженый старецъ, побѣдный Сильвестръ, епископъ Рязанскій, всемирно милостиваго рѣшенія и обороны прошу отъ оного строптиваго досадителя, зовомаго Кульбицкаго, и отъ единомысленниковъ его».

Въ дѣлахъ Синода ¹⁾ находится объявленіе Сильвестра о Θεодосіи, который содѣйствовалъ его униженію и переименованію изъ митрополитовъ въ епископы. Это объявленіе очень любопытно и нельзя не пожалѣть, что г. Рунжевичъ въ своей книгѣ ограничился только самой краткой выпиской. Мы позволяемъ себѣ привести это объявленіе полностью:

«Бывый развращенный, зависти и самолюбія исполненный, Невскій архимандритъ и Новгородскій архіерей, яко хищный волкъ прокрася въ овчей кожь; только себя лю-

¹⁾ 1731 г. № 292, л. 86—91, напечатанное въ приложеніи Чистозичемъ. Θεофанъ Прокоповичъ и его время.

билъ, а братію весьма ненавидѣлъ; еще онъ же, по острожелчію своему, дневною вымышлялъ, какъ бы брату своему пакость сотворити, а иногда искій—кого бы и поглотити. Уже о такомъ строптивомъ нововоставшемъ Францызкѣ прекращу говорити.

Онъ же, Францызка, будучи въ Москвѣ, оставя церковныя службы и монашеское преданное правило, установилъ у себя самлеи (ассамблеи) съ музыкою, и тѣшился въ карты, шахматы, и въ томъ ненасытно забавлялся, якобы вмѣсто всеночнаго пѣнія себя вмѣнялъ, и другихъ къ тому понуждалъ. И бывшимъ въ Москвѣ архіереямъ, также въ Московскихъ монастыряхъ архимандритамъ и послѣднимъ маломощнымъ игуменамъ и Воздвиженскому, сочиня вседневную роспись, велѣлъ самлеямъ быть съ различными потѣхами: и то-де-міру не будетъ въ тягость.

Да онъ же, Францызка, на Московскомъ подворьѣ велѣлъ послушнику своему Тарасу съ колокольной старинныя колокола продать, чтобъ не мѣшали ему во всю ночь въ шахматы играть, потомъ довольно спать. Онъ же въ палатахъ особливую себѣ нѣмецкую баню сдѣлалъ новымъ проводомъ, чтобъ ни у кого такой не было, все потаенно.

Онъ же собою, безъ указу благочестивыя и вѣчнодостоинныя памяти Его Императорскаго Величества, въ Дмитровѣ городѣ старинный Борисоглѣбскій монастырь приписалъ къ себѣ вовсе съ вотчинами и съ крестьяны и со всѣми угодья, а старцовъ того монастыря велѣлъ выбить вонъ безвременно, и оный монастырь разорилъ, безстрашникъ, занапрасно.

Да онъ же, яко сущій бѣсноватый, будучи въ Москвѣ въ 723 году, на память великаго святителя Алексѣя митрополита, въ Чудовѣ монастырѣ во время литургіи, въ алтарѣ кричалъ бѣшенымъ своимъ голосомъ: «ризничій Чудовскій, принеси ко мнѣ Алексѣя чудотворца образъ, который носятъ въ брестномъ хожденіи». И паки онъ же кричалъ вельнымъ гласомъ: «ризничій, подай ножъ» и,

взявъ ножъ, святителя помянутый образъ⁵ положи на лавку, съ гнѣвомъ говорилъ хульные слова: «нѣкто де безумный золотой сей окладъ приложилъ»; и рѣзалъ проволоку, едва смогъ, однако развращенный овъ желаемое получилъ, золотую пату оторвалъ чеканной работы и положилъ себѣ въ карманъ нагло при всѣхъ: и о томъ дераженіи съ плачемъ всѣ зрящіе удивились его похабству.

Онъ же, строптивый Францышка, какъ получилъ милость въ Синодѣ судіею засѣдать, и вымысля наглостію своею, распечатавъ патриаршу ризницу, разобравъ всякую святѣйшихъ патриарховъ рухлядь, похитилъ себѣ лучшія портищи, расы теплыя, мѣхи старинныя соболіи подъ бархатомъ и подъ атласомъ, и старинныя объяри, лейбарени, луданы большой руки, мѣхи старинныхъ чернобурыхъ лисицъ, часы золотые и инныя портищи, дарилъ своихъ совѣтниковъ и прочихъ нескудно, и Овсянникова дарилъ же: много вещей исхитилъ.

Также они вымыслили послѣ умершихъ архіереевъ келейную всякую рухлядь къ себѣ забирать; подобно съ лучшихъ и знатныхъ архимандритовъ къ себѣ обирать же: и лучшія вещи, и оставшія деньги дѣлать по себѣ и того ради обогатились. О таковыхъ писаніе глаголетъ: веселящуся сердцу цвѣтеть лице. Возникли у нихъ кареты дорогія и возки золотые.

А мы побѣдные утѣсенные дневно плачемъ: различно велятъ секретарямъ и канцеляристамъ намъ русскимъ досаждать и пакости чинить, а своихъ черкасовъ снабдѣвають и всяко охраняють. Еще же по ихъ велѣнію строптивые инквизиторы различныя намъ пакости содѣвають, а именно: они себѣ жалованье опредѣляютъ не малое и берутъ повольно, а на насъ алтыны и копѣйки взыскивають и безъ милости требуютъ и убытчатъ.

Онъ же, Федось, въ Москву прибылъ въ перевозимые и велѣлъ въ синодальномъ домѣ сварить добрыхъ пивъ въ семьдесятъ варъ и дарилъ приказнымъ людямъ, и своихъ секретарей наполняютъ и насыщаютъ всяко.

Онъ же, бывшій Новгородскій, разоритель, вымыслилъ съ келейнымъ своимъ секретаремъ Герасимомъ ¹⁾, похитилъ себѣ, послѣ смерти Стефана митрополита вскорѣ, на Преснѣ дворъ съ садами и съ прудами, въ которыхъ прудахъ въ разныхъ годѣхъ, при бытности Стефана митрополита, покупной рыбы разныхъ родовъ пущено многое число. Онъ же взялъ послѣ Стефана митрополита лучшую карету себѣ рублей въ двѣсти и вѣщше. При томъ же домъ взялъ цѣлую слободку бобылей, семей съ шестнадцать. И донынѣ по свою погибель напрасно владѣлъ, понеже Стефану митрополиту оный Пресненской дворъ сталъ со всякимъ заводомъ тысячъ въ шесть и вѣщше, а строилъ все на домовыя казенныя деньги; при томъ и хлѣбныхъ запасовъ издержано многое число, а платы намъ за этотъ дворъ и за прочее не далъ и уплаты не учинилъ.

Онъ же, лукавецъ, Феодось, вымышленно похитилъ въ Москвѣ, на Романовѣ дворѣ, бывшаго протопопа Якова Игнатѣева домъ—палаты новыя, зданіемъ господственно, и отдавалъ въ наемъ посацкимъ по вольною цѣною охотникамъ, а на годъ бралъ найму рублей по семидесять и по осмидесять.

Онъ же, сребролюбецъ, бывшій Невскій архимандритъ, владѣлъ въ Москвѣ Иверскимъ подворьемъ и по вся годы отдавалъ въ наемъ армянамъ и смольянамъ и русскимъ разныхъ чиновъ людямъ, а плату бралъ себѣ въ келью.

Ему же, гордому фараону, многіе архіереи и архимандриты присылали въ даръ лучшіе и не малые гостинцы повсягодно: Кіевскій, Сибирскій, Нижегородскій и Греческій дарили, чтобы всегда въ милости его были, а именно: Фивайдскому греченину за богатые дары отдалъ совсѣмъ Вологодское подворье въ Москвѣ.

Се и себя не пожалѣлъ: и о себѣ объявляю. Какъ я посланъ былъ изъ Нижняго въ Смоленскъ отъ его вы-

¹⁾ Герасимъ Семеновъ, секретарь Феодосія.

мышленнаго навожденія, и въ то время просился я, черезъ его ходатайство, изъ Смоленска въ С.-Петербургъ. И какъ я прибылъ, и онъ ко мнѣ лукавецъ на квартиру прїѣзжалъ, и я отъ келейныхъ своихъ вещей его дарилъ различными вещами. Еще въ Невскомъ монастырѣ, въ его жъ кельѣ, взялъ онъ архимандритъ у меня пятьдесятъ червонныхъ келейныхъ моухъ, и обѣщалъ меня впредь милловать и охранять, и вмѣсто охраненія возсталъ на меня свирѣпо и мстилъ жестоко мнѣ, а за что — не знаю, и пакости несносныя чинилъ, и такъ озлился, якоже левъ рыкая, и искалъ меня поглотити и другихъ возмutilъ на мя пакости чинить. И о всемъ дивно, откуда сему такая львиная свирѣпость и гордость и братоненавидѣніе; а видомъ онъ кажется якоже изуморъ: и такъ озлился и сокрушилъ, едва нынѣ живъ остаюсь; и убытковъ и изъясновъ, и разоренія, онъ ненавистникъ много мнѣ учинилъ, а именно доправилъ съ меня напрасно денегъ тысячу четырехста рублевъ, отчего я и донынѣ одоужалъ.

Еще во время свою бѣду и горькое страданіе хочу объявити. Какъ блаженныя памяти всемилостивѣйшій Государь Императоръ, по своей высокой милости, указалъ богомольца своего, меня стараго митрополита, изъ Твери перевести въ старую Рязанскую митрополію, на мѣсто Стефана митрополита, митрополитомъ же, а помянутый изуморъ Федось увидѣвъ, что не его избраніемъ пожалованъ, по зависти своей вымыслилъ, обще съ Палехинымъ ¹⁾ и съ Овсянниковымъ, призвавъ въ синодальную палату, велѣли сказать сказку: пожалованъ де ты въ Рязанскую епархію, и ты, будучи тамо митрополитомъ, во время церковныя службы Бога молить за себя не вели, а пишися епископомъ: и отъ оныхъ не вѣмы за что уничтоженъ, что и значило — данную мнѣ митрополичью честь

¹⁾ Тимофеей Палехинъ, съ 1 января 1722 года, былъ синодскимъ оберъ-секретаремъ, на мѣсто уволеннаго отъ этой должности іеромонаха Варлаама Овсянникова.

по зависти отняли безъ всякія причины. Каково пріятно будетъ, какъ пожалуютъ кого изъ генераловъ въ полковники, а въ духовномъ чинѣ изъ поповъ въ діаконъ, а изъ офицера въ солдаты? А кольми паче всякому напрасныя обиды терпѣть весьма горько? А оный новый Франциска, не положиа Бога помощника себѣ, упова на лукавство свое и на потаенное богатство, на серебрянные слитки и на сервизы и на червонцы: и серебро съ нимъ да будетъ ему въ погибель.

Онъ же, злой сосудъ и самый пакостникъ, вымысля съ подобными себѣ, св. отецъ и первѣйшихъ законодавцовъ, преосвященныхъ святѣйшихъ Московскихъ митрополитовъ и святѣйшихъ нашихъ патріарховъ, преданія и законы нарушилъ и разорилъ, а которые благословенные были намъ исконно всѣмъ архіереямъ положенные предѣломъ умѣренныя и уравнительныя за службу и за труды доходы, какъ за поставленіе во діаконъ и въ попу, и всякаго ставленника указное число брали... на столъ—и то все онъ строптивый ненавистникъ исказилъ; и отеческіе уставы повредилъ, и насъ помянутыми доходцы нынѣ и впредь напрасно изобидѣлъ, также при насъ и священнослужителей и іеродіаконовъ и подъяконовъ и пѣвчихъ всѣхъ онъ окаянный весьма ослезилъ, а себѣ заморскій богатый сервизъ соорудилъ.

Онъ же, изуморъ, забывъ страхъ Божій и смертную часъ, будто отъ великаго ума блядословилъ и говорилъ поносительно и ругательно: какіе де были російскіе патріархи? Они-де были...

Онъ же отчаянный Яновскій честныхъ отцевъ преосвященныхъ митрополитовъ — Юва Новгородскаго ругаль и поносительно лаялъ, и по смерти его персону раздиралъ и на огнѣ сожигалъ... На митрополита Рязанскаго... различно безчествовалъ и лаялъ... пакости ему до смерти чинилъ. О таковыхъ Спаситель Іисусъ говоритъ: горе, горе соблазны творящимъ... Великій святитель... пишетъ: аще... единаго кого изъ малыхъ соблазнить, лучше бы де:

на выю его жерновый камень обѣсити и въ пучину морскую извергнути отрадѣе де было бы.

А онъ, злочестивецъ Яновскій, онъ же шаленый козель, кому подобевъ, что многіе соблазны предъ народомъ безстыдно творилъ и на пакость многимъ оскорбленіе чинилъ, и святыхъ угодниковъ и святѣйшихъ іерарховъ различными хулы ругалъ? И по всему онъ подобевъ древнимъ еретикамъ: Арію безумному и Несторію гнусному».

А. Титовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТИПЫ ПРАВОСЛАВНАГО РУССКАГО ДУХОВЕНСТВА

ВЪ СВѢТСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ 1905 — 1906 годовъ *).

Дѣтели освободительнаго движенія.

Въ современной освободительной смутѣ чуть ли не горше всѣхъ приходится православному русскому духовенству. Каждая изъ партій, на которыя разбились теперь не только русское общество, но даже уже и народъ, требуетъ, чтобы духовенство примкнуло къ ней. Правыя партіи, напоминающая духовенству его историческую вѣрность престолу и православной вѣрѣ, требуютъ отъ него, чтобы оно пребыло оъ ней. Лѣвыя партіи указываютъ духовенству на то, что чаша страданій и терпѣнія народнаго, по ихъ мнѣнію, переполнилась, что и народъ и общество терпѣть и такъ жить долѣе не могутъ, что они требуютъ только законнаго и не только необходимаго, безъ чего нельзя жить и дышать, но даже наименьшаго изъ этого необходимаго. Поэтому, говорятъ они, духовенство, если оно еще не совсѣмъ забыло свой долгъ и свое призваніе, должно быть на сторонѣ всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ и всегда стоять за правду, хотя бы за это пришлось пріять даже мученической вѣнецъ. Ко всему этому лѣвыя партіи присоединяютъ, что духовенство должно присоединиться къ нимъ и притомъ даже поспѣшить сдѣлать это и въ своихъ собственныхъ видахъ, въ интересахъ самосохраненія, дабы

*) Окончаніе. См. январскую кн. *Духиспол. Чтенія* 1907 г.

сохранить хотя послѣдніе остатки своего прежняго вліянія на народъ. Иначе—говорятъ они духовенству—не только общество, которое давно уже отъ васъ отвернулось, но и народъ, видя ваше несочувствіе освободительному движенію и сочувствіе старому, отживающему режиму, окончательно отвернется отъ васъ, и вамъ уже не вернуть его болѣе къ себѣ. Вы не только сдѣлаетесь ему совершенно ненужными, и онъ устроитъ свою жизнь безъ васъ и помимо васъ,—но волна освободительнаго движенія сметъ васъ съ лица земли и похоронитъ подъ собою. Неудивительно, что подъ натискомъ такихъ противоположныхъ бурныхъ рѣчей, подъ натискомъ упрековъ и обвиненій, духовенство нѣсколько растерялось. Въ противоположность инославному духовенству, издревле страстно кивавшемуся въ политику, увлекавшемуся и даже иногда руководившему ею, словомъ, привыкшему кивать въ самомъ котлѣ политическихъ страстей,—православное русское духовенство, за немногими, сравнительно, исключеніями, стояло доселѣ внѣ политики. И вотъ, въ то время, когда бѣльшая часть духовенства относится къ освободительному движенію съ понятною осторожностью и даже подозрительностью, не отрицая въ немъ того хорошаго, что въ немъ дѣйствительно есть и чего отъ него отнять нельзя, но и не увлекаясь имъ, и старается держаться внѣ партій и собразовать свое отношеніе къ современной смутѣ съ единымъ критеріемъ—завѣтами Пастыреначальника Христа, — въ которая часть духовенства стала поддаваться партійнымъ увлеченіямъ и слишкомъ явно склоняться въ сторону партій. Одни всецѣло и безусловно осуждаютъ освободительное движеніе и относятся къ нему только отрицательно, другіе, напротивъ, увлекаются имъ и нѣкоторые даже всецѣло, — увлекаются до того, что принимаютъ не только дѣятельное участіе (не говоря даже о сочувствіи), но иногда даже и руководство къ современнымъ крестьянскимъ движеніямъ и волненіямъ. И тѣ и другіе уже отнѣжены въ современной литературѣ. Прежде всего разсмотрѣ-

римъ типы послѣднихъ, т.-е. принявшихъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ современномъ освободительномъ движеніи.

Изъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе прежде всего типъ сельскаго священника о. Василя Адамова—въ разсказѣ Андрея Оршина «Они пошли» (*Журналъ для всѣхъ* сентябрь 1906 г.). Разсказъ, какъ и всѣ разсказы въ теперешнихъ боевыхъ журналахъ, рассчитанъ на сильные нервы и изображаетъ то, какъ крестьяне села Несытова, доведенные голодомъ до послѣдней степени отчаянія, взявши самовольно изъ церкви иконы, всѣмъ селомъ, съ женами и дѣтьми, крестнымъ ходомъ отправляются въ сосѣднюю помѣщичью усадьбу просить хлѣба. О. Василій—недавно овдовѣвшій, тщедушный, склонный къ чахоткѣ человекъ. Онъ уже весь свой хлѣбъ роздалъ голодающимъ крестьянамъ и страдаетъ и мучается нравственно за нихъ не меньше ихъ самихъ. Онъ уже вступаетъ въ пререканія со становымъ и слышитъ отъ того угрозы сумашедшимъ домою. Старуха-мать о. Василя возмущается поступкомъ крестьянъ. О. Василій идетъ остано- вить крестьянъ и воротить взятые въ его отсутствіе и безъ его вѣдома изъ церкви иконы.

...«По широкой, безтолково развѣзженной, изрѣзанной во всѣхъ направленіяхъ колеями дорогъ, ведущей отъ Несытовки къ «Граховской» экономіи, тянется странный кортежъ. Около ста подводъ вереницей ползутъ, нагруженныя бабами и дѣтьми. Немилосердно скрипятъ немазанная колеса, сквозь надоедливое нытье ихъ слышится дѣтскій плачь и бабьи причитанія. Мужики угрюмо, съ рѣшительными физиономіями, идутъ около своихъ телѣгъ. Но самое странное было впереди, во главѣ обоза: тамъ десятка три мужиковъ, брюхатыхъ, испитыхъ и простоволосыхъ, въ бѣлыхъ, чистыхъ, домотканыхъ рубахахъ, босыхъ, несли хоругви, крестъ и много иконъ. Шли молча, сосредоточенно, изрѣдка пожимая припеченныя мутнымъ солнцемъ спины, по временамъ оборачиваясь и пристально

вглядываясь въ громадную волнующуюся вереницу телѣгъ, выдвѣтшихъ головъ. Прислушивались, точно что соображая, и, когда встрѣчались глазами другъ съ другомъ, долго и упорно всматривались другъ въ друга. Что-то сказочное было во всемъ этомъ страшно молчаливомъ гамѣ; во всемъ этомъ грохотѣ, визгѣ телѣгъ, плачѣ дѣтей и причитаньи бабъ чувствовалась какая-то неестественная, жуткая тишина; всѣ, казалось, чувствовали только одно свое личное горе, наболѣвшее и нестерпимое, и оно, все вмѣстѣ взятое, казалось огромнымъ живымъ чудовищемъ; было оно стихійно-самобытное, дикое, рѣшительное и мстящее»...

О. Василию удается обходомъ забѣжать на встрѣчу процессіи. Процессія останавливается.

— «Сумашедшіе! — истерически кричитъ о. Василій. — Что вы надумали?! Кто позволилъ вамъ взять святыню изъ церкви? А?.. Назадъ! — говорю вамъ, назадъ! — Онъ махалъ тщедушными сухими руками, его грудь подъ бѣлымъ, запылившимся подрясникомъ, ходила ходуномъ».

Мужики доказываютъ батюшкѣ, что иного выхода имъ нѣтъ, такъ какъ всѣмъ имъ грозитъ голодная смерть. Пусть ужъ ихъ лучше перестрѣляютъ. Отецъ Василій настаиваетъ, грозитъ проклятіемъ, лишеніемъ причастія...

— «Не смѣешь! Не смѣешь! Не смѣешь проклинать, батя! — вдругъ наступилъ на него рыжебородый мужикъ. — Ты пастыръ! Что жъ намъ больше дѣлать? Укажь, что намъ больше дѣлать?»

Увѣщанія о. Василия не помогаютъ, и процессія движется дальше, а о. Василій, въ отчаяніи, близкій къ сумашествію, стоитъ на мѣстѣ, и страшныя, дикія мысли лѣзутъ ему въ голову... Онъ отходитъ къ ручейку, и мочитъ себѣ голову. Мысли его нѣсколько проясняются.

— «Я не далъ бы иконъ изъ церкви — вслухъ проговорилъ онъ и сейчасъ же сознался, что не могъ бы не дать. Голова опять заняла. Онъ сжалъ ее ладонями и закачалъ. Опять какой-то туманъ сталъ нависать на созна-

віе. Въмѣсто мыслей, съ быстротою молвіи, пронесились-какіе-то обрывки думъ. Порой онъ ясно сознавалъ, что нужно что-то сдѣлать; онъ напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы уяснить свое настоящее положеніе по отношенію къ голоднымъ мужикамъ, къ тому, что они надумали... но ничего не выходило; обрывки думъ, предположеній, смутныхъ, тупыхъ и угловатыхъ, кружились въ мозгу и, казалось, задѣвали тамъ за что-то больное, и отъ этого начинала страшно болѣть голова. Онъ раза три порывался догонять ихъ, воротить, поднимался и опять садился. Ему казалось, что онъ имъ еще не выяснилъ всего ужаса того, на что они пошли; казалось, что все, что онъ имъ говорилъ, было не то, что нужно, а совсѣмъ другое и къ дѣлу не относящееся; потомъ, осуждая себя, сознавалъ, что говорить имъ теперь что бы то ни было — бесполезно. Они пошли... Единственный выходъ — напряженно соображаетъ онъ... — Но я долженъ быть; я все-таки долженъ ихъ спасти»...

И о. Василій кидается снова догонять процессію, и догоняетъ, и даже перегоняетъ ее какъ разъ въ то время, когда она подходитъ къ усадьбѣ. Дальнѣйшее представляется ему какъ во снѣ. Какъ во снѣ слышитъ онъ приказаніе отобрать иконы, видитъ мечущихся между мужиками всадниковъ; слышитъ выстрѣлы, видитъ убитаго учителя и маленькую, шестилѣтнюю, бѣлоголовую худенькую дѣвочку и рядомъ съ нею ея раненую мать, — и безуміе окончательно овладѣваетъ имъ... Ему становится весело, даже очень весело, и онъ начинаетъ хохотать...

— «Я икона, доска!..—кричитъ онъ—а вы и не знали, думали, что попъ я... Ха-ха-ха! Стрѣляйте въ меня! расколите меня, но мнѣ нѣтъ прови!.. Бейте, стрѣляйте, стрѣляйте въ Божій образъ!—съ хохотомъ хрипѣлъ онъ, вырываясь отъ двухъ стражниковъ—вотъ сюда—рвалъ онъ на груди подрясникъ—въ сердце, въ сердце!—тутъ нѣтъ крови! Я икона»...

Трудно судить о правдивости разказа—взять ли онъ

изъ живой дѣйствительности, изъ жизни, заимствованъ ли болѣе или менѣе съ натуры, или представляетъ собою освободительную выдумку, трудно сказать. Въ газетахъ намъ не приходилось читать о крестныхъ ходахъ крестьянъ къ помѣщикамъ; наоборотъ, обычнымъ явленіемъ стали грабежи и поджоги помѣщичьихъ усадебъ. Въ рассказѣ есть преувеличенія, несообразности и завѣдомая тенденція. Типъ о. Василя, раздавшаго крестьянамъ все, страдающаго и мучающагося душою вмѣстѣ съ ними и за нихъ еще болѣе, чѣмъ они сами, и за нихъ готоваго положить свою жизнь — былъ бы вполне типомъ истиннаго пастыря, «пастыря добраго», если бы не нѣкоторые его странные слова и поступки. Но послѣдніе вызваны его безграницнымъ отчаяніемъ, безграницнымъ страданіемъ за своихъ пасомыхъ: о. Василій въ это время уже на границѣ помѣшательства.

Менѣе трагиченъ типъ о. Станислава Войтковскаго, тоже сельскаго священника, въ рассказѣ г. Потапенко «Непреклонный іерей» (*Русское Богатство* ноябрь 1906 г.). Г. Потапенко драмъ не любитъ, и его рассказы очень рѣдко кончаются драмой. Но положеніе получается все-таки драматическое.

Въ одной изъ южныхъ епархій, повелѣно священникамъ произнести проповѣдь противъ аграрныхъ волненій — въ томъ смыслѣ, что крестьяне не должны ничего требовать, а тѣмъ болѣе брать силою, а ждать. Между тѣмъ настроеніе крестьянъ въ этой мѣстности крайне возбужденное, и такія проповѣди говорить священникамъ не безопасно. Порученіе передается словесно, благочинными, которые для этой цѣли ѣздятъ по селамъ. Проповѣдь приказано произнести въ ближайшій же праздничный день, а у Бышихинскаго священника о. Платона на ближайшій праздничный день какъ разъ приходится храмовой праздникъ, когда въ церковь собираются не только свои прихожане,

но и народъ изъ окрестныхъ сель, и благочинный, знавъ это, обязалъ его произнести проповѣдь именно въ этотъ день, дабы большее количество народу могло услышать ее. О. Платонъ въ большомъ затрудненіи. Въ семинаріи онъ былъ весьма прогрессивнаго образа мыслей и велъ съ своимъ товарищемъ Станиславомъ такія бесѣды, отъ которыхъ въ семинарскомъ саду «трава желтѣла»; собирався въ университетъ, да отговорилъ тотъ же Станиславъ, убѣдивъ его, что больше смысла и пользы служить народу въ санѣ священника; и теперь онъ хорошо знаетъ, что земли у крестьянъ донельзя мало; кромѣ того, онъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ своими прихожанами и даже иногда помогаетъ имъ; человѣкъ онъ мягкій; но... у Платона жена и пятеро дѣтей, либерализмъ его уже исчезъ, и ослушаться начальства для него немислимо. Съ другой стороны, зная настроеніе крестьянъ, сказать такую проповѣдь, да еще въ храмовой праздникъ, онъ прямо боится. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ онъ совѣтуется съ своими товарищами по семинаріи, сосѣдними священниками, пріѣхавшими къ нему на праздникъ, о. Кузьмою и о. Станиславомъ Войтковскимъ. Это два разные типа.

О. Кузьма—человѣкъ въ высшей степени дипломатичный и осторожный. Онъ какъ-то ловко умѣетъ обходить, въ разговорахъ съ крестьянами, острые и щекотливые вопросы о землѣ, и отношенія къ прихожанамъ у него сдержанныя и неопредѣленныя, но не дурныя. Они не знали, «чей онъ», а онъ старался поддерживать это положеніе. Въ сущности, онъ былъ «ничей», а только свой «собственный». Онъ охранялъ только свои собственные интересы.

Прямую противоположность ему представляетъ о. Станиславъ. Это типъ цѣльный, человѣкъ вѣрный себѣ. Съ юности и доселѣ онъ человѣкъ самаго либеральнаго образа мыслей. Съ своими прихожанами-крестьянами онъ живетъ въ большомъ ладу и не только не скрываетъ ни-

сколько отъ нихъ своего полнаго сочувствія ихъ мечтамъ о землѣ, но одинаково съ ними убѣждать, что землю имъ надо не просить, а требовать. Свою собственную землю онъ отдаетъ крестьянамъ—раньше изъ-за третьей копны, а въ послѣднее время—на добрую волю крестьянъ, т.-е. довольствуется тѣмъ, что они сами дадутъ ему. Онъ находитъ, что для священника совершенно достаточно вознагражденія, получаемого имъ за требы, и пользоваться еще при томъ землею, отрѣзанною отъ скудныхъ надѣловъ дошедшихъ до полнаго обнищанія крестьянъ, предосудительно. Поэтому крестьяне его очень любятъ, вполне довѣряютъ и слушаются; къ нему идутъ за совѣтомъ, такъ что онъ не безъ основанія называетъ свой приходъ своимъ «царствомъ». Проповѣдей о. Станиславъ никогда не говоритъ, находя, что они не приносятъ пользы, но очень любитъ поговорить съ прихожанами частнымъ образомъ, и сказанное имъ въ частномъ разговорѣ скоро становится извѣстнымъ всему селу. Въ особенности же оживились сношенія о. Станислава съ своими прихожанами въ послѣднее время, когда собралась дума, и острота земельного вопроса достигла самой крайней степени. О. Станиславъ получалъ газеты; «онъ все зналъ, все понималъ. Къ нему шли, какъ къ оракулу, и вотъ тутъ-то бесѣдамъ не было конца».

Естественно, что о. Станиславъ не совѣтуетъ о. Платону говорить проповѣди въ указанномъ духѣ и заявлять, что и самъ такой проповѣди говорить не станетъ. У него выходитъ даже столкновеніе съ о. Кузьмой. Но о. Платонъ не дерзаетъ ослушаться начальства, и въ храмовой праздникъ произноситъ проповѣдь на текстъ: «всяка душа властемъ предержавшимъ да повинуется». Какъ и слѣдовало ожидать, проповѣдь производитъ въ умахъ крестьянъ крайнее смущеніе и настраиваетъ прихожанъ о. Платона, въ особенности молодежь, крайне враждебно къ нему. О. Платонъ однако до поры до времени ничего не замѣчаетъ. Но вотъ начинаются погромы

сосѣднихъ помѣщичьихъ усадебъ; въ погромахъ принимаютъ участіе и прихожане о. Платона, и во время одного свирѣпаго погрома—у сосѣдняго помѣщика—внезапно загорѣлось гумно и у самого о. Платона.

«Высоко поднималось зарево надъ кровнымъ добромъ о. Платона. Огонь грозилъ сараямъ, гдѣ у него стояли лошади и коровы, и всему дому. Съ минуту поколебались мужики: не приняться ли тушить? Но, точно во всѣхъ грудяхъ разомъ окаменѣли сердца — никто не двинулся. О. Платонъ и матушка кричали, молили, воздвигали руки къ людямъ и къ небу, но все было напрасно»... Къ счастью, самый домъ остался цѣль.

Какъ же поступилъ относительно проповѣди о. Кузьма? О, онъ и здѣсь оказался истымъ дипломатомъ. Онъ нашелъ поводъ отслужить обѣдню въ такой день, когда его прихожанамъ было въ особенности не до церкви, отслужилъ почти безъ благовѣста и сказалъ проповѣдь въ такихъ туманныхъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что въ головахъ присутствовавшего въ церкви десятка старухъ осталось только то впечатлѣніе, что «батюшка сказалъ что-то поучительное». Вслѣдъ за тѣмъ онъ написалъ благочинному рапортъ, что имъ такого-то числа, по такому-то поводу, была отслужена обѣдня, и во время ея, во исполненіе предписанія, была произнесена проповѣдь въ надлежащемъ духѣ, — подписался и велѣлъ подписаться дьячку. Дьячекъ, вообще совсѣмъ сбитый съ толку послѣдними дѣйствіями о. Кузьмы, долго не могъ уразумѣть въ чемъ дѣло, но, подумавъ, сообразилъ и съ восторгомъ воскликнулъ:

— «Вотъ оно чтò называется: волки сыты и овцы цѣлы!.. Нѣтъ, другой такой головы, какъ у о. Кузьмы, не найдется во всей губерніи».

О. Станиславъ, разумѣется, проповѣди говорить не сталъ, хотя у него жена и двое дѣтей. Узнавъ объ этомъ, о. Кузьма дѣлаетъ доносъ благочинному. Назначается слѣдствіе. На слѣдствіи о. Станиславъ спокойно подтвер-

ждаеть, что проповѣди онъ не говорилъ потому, что убѣжденъ и видитъ, что «домогательства крестьянъ основательны и законны, ибо земли у нихъ очень недостаточно, и имъ, безъ нарѣзки добавочной земли, существовать невозможно», что если бы онъ произнесъ проповѣдь въ указанномъ духѣ, то сказалъ бы неправду, чего, какъ священникъ, онъ отнюдь не долженъ дѣлать, и что священникъ долженъ руководствоваться своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, которое ставить выше приказаній начальства. О. Станиславу грозить лишеніе мѣста, но онъ нисколько не смущается этимъ.

Какъ ни симпатичнымъ старается представить о. Станислава нашъ авторъ, все же въ рассказѣ чувствуется какая-то фальшь. Истина искусно перемѣшана здѣсь съ ложью. Прежде всего, о. Станиславъ глубоко сочувствуетъ крестьянскому малоземелью. Это такъ и это, конечно, очень хорошо, но дѣло въ томъ, что сочувствовать нуждѣ и сочувствовать *требованіямъ* крестьянъ совсѣмъ не одно и то же. Мы видѣли, къ чему привели и приводятъ эти требованія: къ аграрнымъ беспорядкамъ, къ грабежамъ, насиліямъ, поджогамъ и убійствамъ. Вотъ во что переходятъ на практикѣ эти требованія. Поэтому сочувствовать имъ нужно очень осторожно, чтобы не превратить тлѣющую искру въ пожаръ, который трудно уже будетъ погасить. Неужели о. Станиславъ этого не понималъ, а если понималъ, то тѣмъ болѣе: какъ онъ могъ своимъ сочувствіемъ еще болѣе возбуждать крестьянъ?

Затѣмъ, опять разумѣется, ничего, кромѣ хорошаго нѣтъ и въ томъ, что о. Станиславъ отдаетъ свою землю крестьянамъ. Но и это все-таки не мѣшало бы дѣлать нѣсколько подумавши. Если бы, напр., онъ отдавалъ землю бѣднѣйшимъ изъ прихожанъ, и это имѣло бы видъ личной благотворительности, — что можно было бы сказать противъ этого? Но отдавать землю крестьянамъ вообще, — изъ принципа, что священнику стыдно и не слѣдуетъ владѣть землею, ибо она взята отъ тѣхъ же крестьянъ, —

рискованно. Во-первыхъ, далеко не вездѣ священникъ съ семейю можетъ существовать на одну плату за требы. Можетъ быть, на югѣ Россіи, гдѣ происходитъ дѣйствіе разказа, оно и такъ, но вообще существовать на одну плату за требы сельскому духовенству въ Россіи прямо невозможно; не говоря уже о томъ, что есть масса приходо́въ настолькоъ бѣдныхъ, что земля составляетъ тамъ для духовенства почти единственный источникъ существованія. Во-вторыхъ, масса сельскаго духовенства обрабатываетъ свою землю личнымъ трудомъ, т.-е. самъ пашетъ, сѣетъ и убираетъ хлѣбъ и зачастую справляется съ этимъ дѣломъ даже безъ наемныхъ рукъ. Почему же крестьяне могутъ трудиться надъ землею, а духовенство нѣтъ? Въ третьихъ, у о. Станислава семья небольшая, и онъ можетъ просуществовать и безъ земли; ну, а если преемникомъ его будетъ человѣкъ многосемейный—ему-то что же будетъ дѣлать? Вѣдь безъ земли ему не прожить, а въ какія придется ему встать отношенія къ крестьянамъ, если онъ не отдастъ имъ земли, какъ это дѣлалъ его предмѣстникъ, — объ этомъ излишне и говорить. Да потомъ, даже и въ разказѣ не отрицается, что отдача земли о. Станиславомъ возбуждающе дѣйствовала на прихожанъ окрестныхъ приходо́въ, и возбужденіе противъ о. Платона его прихожанъ, окончившееся катастрофой — поджогомъ его имущества, было обязано главнымъ образомъ разсказамъ прихожанъ о. Станислава о своемъ батюшкѣ и объ отдачѣ имъ своей земли. До этого случая о. Платонъ былъ съ народомъ хорошъ. Чуть совѣтъ нуженъ или бѣда какая—помощь, сейчасъ къ нему идутъ. Выходить, что убѣжденія могутъ быть и не совсѣмъ вѣрными, и о. Станиславу прежде, чѣмъ говорить о святости своего внутренняго убѣжденія, не мѣшало бы основательно проверить его правильность. Наконецъ, и наказаніе, ожидающее о. Станислава—лишеніе прихода—чрезмѣрно велико: въ дѣйствительности взысканіе за такіе поступки гораздо слабѣе. Здѣсь явная передержка — съ цѣлью восхваленія геройства о. Станислава и осужденія его начальства.

Весьма немало помогаетъ о. Станиславу и то обстоятельство, что у него прекрасная жена — любящая и безжовечно довѣряющая и преданная мужу. О. Станиславъ самъ сознается, что другая на ея мѣстѣ, можетъ быть (не «можетъ быть», а непременно), ныла бы, упрекала, препятствовала... И, чего добраго, не разъ смутила бы душу... Ахъ, какая это важная, даже въ высшей степени важная вещь въ жизни священника!..

Благородная готовность о. Станислава пострадать за правду: не взирая на семью («нельзя — говорить онъ о. Платону — чтобы жена и дѣти служили намъ препятствіемъ быть честными людьми. Жена и дѣти — дѣло личное, интимное, а долгъ — общественное... Если бы мнѣ жена и дѣти препятствовали, они не были бы мнѣ милы»...), разумѣется, весьма симпатична и трогательна. Но только нужно, чтобы страданіе было дѣйствительно за правду. Иначе это будетъ какой-то вредный самообманъ.

Есть въ разсказѣ и другія несообразности. Напр., объ ихъ магушекъ — и жену о. Станислава и жену о. Платона — авторъ величаетъ однимъ именемъ; первую, притомъ, величаетъ двумя разными именами. Очевидно, разсказъ былъ писанъ очень поспѣшно, и авторъ не успѣлъ даже просмотрѣть его.— Православнаго имени Станиславъ не существуетъ, даже и на югѣ Россіи, тѣмъ болѣе для священника. О. Кузьма въ стараніи сгзать проповѣдь какъ можно непонятнѣе доходить даже до мысли сказать ее *по-латыни* и не приводить эту мысль въ исполненіе главнымъ образомъ потому, что совсѣмъ забылъ латынь.— Дѣйствіе, какъ во всѣхъ, безъ исключенія, разсказахъ изъ духовнаго быта г. Потапенко, происходитъ недалеко отъ губернскаго города.

За то достается уже безъ всякаго милосердія въ освободительной печати священникамъ, не сочувствующимъ освободительному движенію. Усердіе въ ослепленіи этихъ

батюшекъ переходить всякія границы и доводить до очевидныхъ нелѣпостей. Такъ въ разсказѣ Е. Глуховцевой «Пастырь» (чего стоитъ одно заглавіе разсказа!) сельскій священникъ о. Анемподистъ Мздоищенскій (и фамилія тоже!) съ церковнаго амвона убѣждаетъ крестьянъ рѣзать всю интеллигенцію—студентовъ, врачей, учителей и т. д., ибо всѣ они предатели Россіи и Японскіе шпіоны. Въ особенности же и немедленно просить онъ ихъ итти и убить мѣстнаго учителя (пославшаго на о. Анемподиста доносъ). Мужички, наслушавшись такихъ рѣчей и подкрѣпившись «монополькой», почти прямо изъ церкви отправляются на убійство учителя, но того, на его счастье, не оказывается дома: онъ уѣхалъ къ сосѣднему учителю. Мужички отправляются туда, съ намѣреніемъ убить и того, но по дорогѣ натыкаются на сына о. Анемподиста—студента, принимаютъ его за Японскаго шпіона и звѣрски убиваютъ. Авторъ не подумалъ только того: какъ же это крестьяне не узнали человѣка, среди нихъ выросшаго, и какъ онъ, въ свою очередь, не узналъ никого изъ нихъ. Предводительствуетъ крестьянами бывшій рабочій. Вотъ до чего доводитъ усердіе не по разуму! Да не подумаютъ читатели, что мы здѣсь что-нибудь преувеличиваемъ: такой разсказъ дѣйствительно напечатанъ въ іюльской книжкѣ журнала *Образованіе* за 1906 годъ.

Въ другомъ разсказѣ — «Мятежники» Евг. Чирикова (*Народная вѣсть* № 1-й—ноябрь 1906 г.)—выведенъ хитрый и лукавый сельскій священникъ о. Григорій, доносчикъ на своихъ прихожанъ и предатель, говорящій церковно-славянскимъ языкомъ, какового въ настоящее время никто изъ духовенства въ обыденномъ разговорѣ не употребляетъ (отсюда уже видно, насколько «съ натуры» написанъ разсказъ).

Мусій изъ Каплицы.

Въ заключеніе остановимся на одномъ оригинальномъ и любопытномъ типѣ изъ не особенно отдаленнаго прошлаго.

Это не духовное лицо, это даже не христіанинъ, это—*еврей*, но еврей до такой степени сросшійся съ духовною средою и ей необходимый, что отдѣльно отъ нея о немъ нельзя и говорить.

Дѣло происходитъ въ Кіевской епархіи, въ пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ, еще до открытія кіевобрестской желѣзной дороги. Мусій (Моисей) держитъ постоянный дворъ въ мѣстечкѣ Каплицѣ, недалеко отъ Кіева. Мусій—вполнѣ правовѣрный еврей, но во всемъ остальномъ совершенно русскій человекъ. Это—высокаго роста, не старый человекъ, широкоплечій и худощавый, съ огромной копной огненнорыжихъ волосъ и необыкновенно подвижнымъ лицомъ. Веселый, привѣтливый, остроумный и въ высшей степени любознательный, съ громадной памятью, изъ которой, попавъ туда, ничто уже не ускользало, Мусій въ особенности интересуется жизнью духовенства, которое въ свою очередь, любитъ и очень цѣнитъ Мусія. Почти все духовенство епархіи, ѣдучи въ Кіевъ и возвращаясь оттуда, даже и тѣ, кому это не по дорогѣ, непременно заѣзжаютъ къ Мусію, и это неудивительно, потому что во всей епархіи нѣтъ другого человека, который въ такомъ совершенствѣ зналъ бы епархіальную жизнь и духовенство, какъ Мусій. Къ тому же у него, въ противоположность другимъ еврейскимъ постояннымъ дворамъ, просторно, чисто, свѣтло и прилично, можно сытно и вкусно поѣсть и исправно покормить лошадей. Со всѣми Мусій держится одинаково привѣтливо и радушно—и съ важнымъ протопопомъ и съ самымъ захудалымъ сельскимъ «дякомъ» и «паламаремъ». «Разъ мальчика завезли въ Каплицу по дорогѣ въ бурсу или семинарію, онъ уже навсегда крѣпко западалъ въ громадной памяти Мусія и не могъ исчезнуть изъ круга его зоркой наблюдательности. Поѣздки дѣтей домой на ваникулы чрезъ Каплицу подогрѣвали воспоминанія Мусія о каждомъ изъ нихъ. Такъ онъ слѣдилъ за ходомъ ученія всѣхъ дѣтей изъ знакомыхъ семей, какъ дальше продол-

жалъ неусыпно наблюдать за ихъ дѣятельности въ роли священниковъ и т. д. Если дѣти, бывая въ Каплицѣ, только присматривались и привыкали къ Мусію, наблюдая близкія отношенія къ нему своихъ отцовъ, то юноши-семинаристы уже сами входили въ подобныя сношенія съ Мусіемъ, а молодые священники современемъ превращались даже въ друзей его. Съ нимъ всегда было такъ легко и пріятно откровенничать относительно всѣхъ своихъ дѣлъ — и служебныхъ, и хозяйственныхъ, и семейныхъ. Всѣ знали, что Мусія не только интересуетъ все, до мельчайшихъ подробностей, въ жизни его знакомыхъ, но что отъ него всегда можно ждать и сердечнаго участія къ чужому горю, и искренней радости при счастливыхъ обстоятельствахъ, и разумнаго совѣта при случаѣ. Ему довѣрялись охотно, и никогда онъ не обманывалъ оказаннаго довѣрія. Все ѣдущее въ Кіевъ духовенство подробно рассказываетъ ему обо всѣхъ своихъ дѣлахъ и нуждахъ — да Мусій и самъ обо всемъ и обо всѣхъ обстоятельно разспроситъ — и зачѣмъ ѣдетъ въ Кіевъ; а мпновать его на обратномъ пути и не подѣлиться съ нимъ новымъ запасомъ кіевскихъ вѣстей, еще неизвѣстныхъ ему, было бы прямо грѣшно. «Все собранное со всѣхъ сторонъ Мусій обязательно используетъ какъ нельзя лучше, все пуститъ въ полезный оборотъ, и кому-нибудь поможетъ своими добрыми совѣтами, отличнымъ знаніемъ дѣла и пониманіемъ текущаго настроенія, умѣнемъ толково приносить къ требованіямъ мѣняющейся злобы дня. Приходилось на каждомъ шагу удивляться, какъ этотъ правовѣрный еврей могъ такъ легко ориентироваться въ чуждой ему церковной области и входить въ суть самыхъ сложныхъ вопросовъ епархіальной жизни. Онъ отлично понималъ всѣхъ главныхъ заправиль послѣдней, хотя лично съ ними не сталкивался и судилъ о нихъ по ихъ дѣятельности, да по отзывамъ знающихъ людей. Самъ большой знатокъ епархіальныхъ дѣлъ, человекъ умный и наблюдательный, Мусій рѣдко когда ошибался въ заглаз-

ныхъ сужденіяхъ о разныхъ духовныхъ дѣятеляхъ». Ва- кантные приходы въ Кіевѣ и епархіи, ихъ качества, хо- рошія и плохія, кандидаты на нихъ и ихъ возможные за- мѣстители; всѣ невѣсты въ епархіи, ихъ качества, коли- чество приданаго и т. п. — все это въ совершенствѣ из- вѣстно Мусію. Поэтому духовенство—молодое и пожилое— и молодые богословы — проводятъ въ бесѣдѣ съ Мусіемъ цѣлыя ночи, въ свою очередь увеличивая тѣмъ запасъ его наблюденій и практическихъ свѣдѣній, получаютъ отъ него добрые и полезные совѣты и удивляются его уму и богатству и разносторонности практическихъ знаній.

Открытіе кіево-брестской желѣзной дороги отняло у Мусія почти всѣхъ проѣзжающихъ и скоро заставило его закрыть свой знаменитый 'заѣзжій дворъ въ Каплицѣ. Это его совсѣмъ убиваетъ; онъ поступаетъ въ приказчики, но прежняя его жизнерадостность исчезаетъ безвозвратно.

Мусій—дѣйствительное лицо, и самый разсказъ о немъ («Мусій изъ Каплицы» Н. Н. Оглоблина *Русская Мысль* сентябрь 1906 г.) представляетъ воспоминанія о немъ сына кіевского протоіерея. При множествѣ евреевъ въ Югозападномъ краѣ и сосредоточеніи въ ихъ рукахъ по- чти всей тамошней промышленности и торговли, неуди- вительно, что евреямъ приходилось и приходится стано- виться въ близкія отношенія и къ православному духо- венству, и наиболѣе честные и добросовѣстные изъ евре- евъ бывали и бывають для него полезны.

Свящ. Н. Колосовъ.

ЧТО ТАКОЕ ПРАВСТВЕННОСТЬ? ¹⁾

Въ основѣ нравственности лежитъ различіе добраго—хорошаго и дурнаго. Взгляды на то, что именно хорошо и что дурно, могутъ быть очень разнообразны у различныхъ людей, въ различныя времена и въ различныхъ мѣстахъ. Въ романѣ Ожешко «Аргонавты» одинъ изъ героевъ говоритъ: «нравственные принципы зависятъ отъ мѣста, времени, географическаго градуса широты и отъ эволюціи, которой подлежитъ цивилизація. Если бы небо создало меня древнимъ грекомъ, моимъ принципомъ было бы воевать съ азіатами за свободу и влюбляться въ красивыхъ мальчиковъ; въ средніе вѣка я воевалъ бы въ честь своей дамы сердца и жарилъ бы людей на огненныхъ кострахъ. На востокѣ я открыто обладалъ бы количествомъ женъ, соответственнымъ моему желанію; на западѣ нравственный принципъ повелѣваетъ мнѣ показывать видъ, будто я обладаю только одной. Въ Европѣ я обязанъ почитать отца и мать, а на Фиджійскихъ островахъ я считался бы преступникомъ, если бы въ извѣстное время не предалъ ихъ смерти». Но несмотря на такое разнообразіе нравственныхъ воззрѣній и правилъ,

¹⁾ Изъ уроковъ по Нравств. Богословію въ Виенской семинаріи. Литература вопроса. Городенскій: „Нравственное сознание человѣчества“.—Поповъ Ив.: „Естественный нравственный законъ“.—Соловьевъ Влад.: „Оправданіе добра“.—Шестовъ: „Добро въ ученіи гр. Толстого и Ф. Ницше“.—Вупдтъ: „Этика“.—Макевзи: „Этика“.—Сикорскій: „Всеобщая психологія“.

несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что люди всегда и вездѣ проводятъ грань между явленіями добрыми и дурными; первыя сопровождаются нравственнымъ одобреніемъ, вторыя—неодобреніемъ. Насколько правильна и всеобща оцѣнка всего существующаго съ точки зрѣнія истинности или ложности, настолько же закономѣрна оцѣнка съ точки зрѣнія добра и зла.

Итакъ, общимъ признакомъ нравственныхъ явленій нужно признать оцѣнку ихъ съ точки зрѣнія добра и зла.

Какія же явленія въ міровомъ бытіи мы подвергаемъ нравственной оцѣнкѣ? Опытъ показываетъ, что далеко не всѣ. Лавина, скатывающаяся съ горы, можетъ опустошить цѣлую деревню, ливень можетъ спасти націю отъ голода, но мы не называемъ ни того, ни другого нравственно хорошимъ или нравственно дурнымъ. Равнымъ образомъ мы не произносимъ нравственнаго сужденія о животныхъ за причиненный ими вредъ или за оказанныя ими услуги, потому что смотримъ на ихъ дѣйствія, какъ на результатъ инстинкта, а не воли. Нравственной оцѣнкѣ подвергаются лишь дѣйствія человѣка и притомъ въ такой мѣрѣ, въ какой они сопровождаются выраженіемъ его воли. Бѣненіе сердца, кровообращеніе, пищевареніе и пр. не подлежатъ нравственной оцѣнкѣ, потому что совершаются помимо воли человѣка. Отсюда мы можемъ установить такое положеніе: все, что не направляется волей человѣка, не имѣетъ нравственной цѣнности. Честь выдѣленія воли, какъ органа нравственной дѣятельности, принадлежитъ Аристотелю. Въ противоположность Сократу онъ училъ, что нравственная добродѣтель заключается не въ правильномъ знаніи, а въ доброй волѣ. Это положеніе нужно признать однимъ изъ величайшихъ философскихъ открытій всѣхъ временъ. Благодаря ему, въ первый разъ точно была разграничена область этики, какъ и самый этотъ терминъ (*τὰ ἠθικά*) былъ впервые выработанъ Аристотелемъ же.

Воля является весьма важной составной силой души.

Извѣстное философское направленіе—волютаризмъ—усо-
вояетъ ей даже господствующее, направляющее значеніе
въ жизни души. Во всякомъ случаѣ она лежитъ въ основѣ
характера человѣка; по ней опредѣляется величіе чело-
вѣка. Великіе и святые люди обладаютъ твердой и силь-
ной волею. При посредствѣ воли осуществляется все, что
добыто чувствомъ и познаніемъ. Волю нужно опредѣлять,
какъ двигательную сторону души. Она выражается или
прямо въ движеніи, или въ заготовленіи движенія, или,
наконецъ, въ готовомъ двигательномъ напряженіи, кото-
рое ожидаетъ лишь сигнальнаго толчка для своего обна-
руженія. Согласно этому, воля то проявляется въ движе-
ніи, то остается напряженіемъ, желаніемъ, стремленіемъ,
хотѣніемъ. Но самое намѣреніе или желаніе есть скрытая
энергія, подобная, напр., энергіи вѣтра, неспособнаго сло-
мать дерево, но затѣмъ ломающаго при ничтожной новой
надбавкѣ напора. Ясно послѣ этого, почему нравствен-
ная оцѣнка должна направляться не только на внѣшніе
дѣйствія, но и желанія и намѣренія, на внутренній строй
дѣйствующей личности. Въ исторіи нравственнаго созна-
нія человѣчества это перенесеніе центра тяжести изъ об-
ласти внѣшняго дѣянія въ область внутренняго настро-
енія составляетъ очень важный моментъ. Онъ совпадаетъ
съ появленіемъ христіанства, а своимъ литературнымъ
раскрытіемъ и обоснованіемъ обязанъ христіанскимъ ми-
стикамъ-аскетамъ IV вѣка, какъ, напр., Макарію Египет-
скому. Они углубили понятіе о нравственности, о нрав-
ственной оцѣнкѣ, распространивъ ее на внутренній строй
волящей и дѣйствующей личности.

Въ своей волевой дѣятельности человѣкъ можетъ руко-
водиться различнаго рода побужденіями. Онъ можетъ стре-
миться къ пріятному, полезному для себя и т. п. Часто
приманка, напр., удовольствія бываетъ настолько сильна
и соблазнительна, что только съ усиліемъ можно удер-
жаться отъ извѣстнаго поступка. Однако, дѣйствуя ради
удовольствія, человѣкъ никогда не думаетъ, что онъ обя-

зань такъ поступать. Сознаніе обязательности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственной цѣнности дѣйствія, появляется у человѣка лишь тогда, когда онъ сознаетъ, что онъ поступаетъ во имя долга, живетъ по чувству долга. Долгъ есть нравственная формула и программа человѣческой воли. Животныя могутъ понять и осуществлять только повинность, но не долгъ. Всѣ доказательства существованія и у животныхъ чувства долга сводятся къ тому, какъ собака, укравшая котлету, потомъ раскаялась въ своемъ проступкѣ и съ провинившимся видомъ положила украденную котлету къ ногамъ хозяина. Легко видѣть, что когда въ этомъ фактѣ видятъ проявленіе чувства долга, то вносятъ въ психологію животныхъ слишкомъ много антропоморфизма, тогда какъ здѣсь дѣло въ простой дрессировкѣ. Впрочемъ, если прежде старались отыскать чувство обязанности у животныхъ, то теперь хотятъ отказать въ немъ даже человѣку. Теперь проповѣдуютъ «мораль безъ обязанности». Эта формула принадлежитъ извѣстному французскому мыслителю Гюйо. Все въ нравственности сводится къ тому, чтобы направлять жизнь сообразно съ требованіями самой жизни. Жизнь сама себѣ создаетъ законъ, посредствомъ своего стремленія развиваться непрестанно; она создаетъ себѣ обязанность дѣйствовать въ силу своей способности дѣйствовать. Долгъ есть лишь выраженіе силы, которая стремится перейти въ дѣйствіе ¹⁾. Но слѣдовать жизненнымъ побужденіямъ нашей природы, хотя бы даже и хорошимъ, не значить еще быть добродѣтельнымъ. Это не есть нравственность, но есть лишь слѣпая потребность, инстинктъ. Безъ обязанности даже самопожертвованіе было бы ничто, такъ какъ оно являлось бы только природнымъ расположеніемъ, а не вытекало бы изъ нравственнаго долженствованія. Между тѣмъ чувство долга присуще людямъ на всѣхъ, извѣстныхъ намъ, ступеняхъ культуры. Оно можетъ быть очень

¹⁾ Гюйо. Очеркъ морали. Собр. сочин., т. III.

своеобразнымъ, страннымъ, даже нелѣпнымъ. Дикарь чувствуетъ себя обязаннымъ мстить за убитаго родственника, хотя бы онъ не любилъ этого родственника, и смерть его принесла ему только выгоды, напр., наслѣдство, между тѣмъ какъ попытки мстить, понятно, должны влечь за собой непріятности или опасности. Но онъ *долженъ* мстить, и онъ повинуется этому сознанию долга. Чувство долга сопровождаетъ неизмѣнно всѣ акты нравственнаго сужденія. Когда мы мыслимъ о нравственномъ образѣ жизни вообще, мы сознаемъ, что должны слѣдовать ему, какъ *высшему* роду поведенія, хотя бы это иногда шло вразрѣзъ съ нашими склонностями и непосредственными влеченіями. Та же самая мысль о долгѣ не покидаетъ насъ и тогда, когда мы высказываемъ свои сужденія о поведеніи другихъ людей. И тамъ, и здѣсь ставится вопросъ именно о достоинствѣ и совершенствѣ дѣйствующей личности, значить вопросъ чисто нравственный. Слѣдовательно, чувство долга есть одинъ изъ первичныхъ фактовъ нравственнаго самосознанія. Оно придаетъ нравственности объективный характеръ и значеніе.

Чувство долга предполагаетъ существованіе въ человѣкѣ свободы. Долгъ всегда создается человѣкомъ не какъ нѣчто ему чуждое и постороннее, а какъ проистекающее изъ самаго центра дѣйствующей разумной воли. Это особенно ясно по сравненію съ такъ называемымъ внушеннымъ долгомъ. Рассказываютъ такой случай. Одинъ господинъ внушилъ своей служанкѣ поцѣловать своего гостя, молодаго человѣка. Въ первый день служанка нашла въ себѣ силу противостоять внушенію, но на второй день, когда внушеніе было повторено, она выполнила его и потомъ рассказывала: «когда я открыла дверь, у меня явилась идея поцѣловать этого молодаго человѣка; мнѣ казалось, что это было нѣчто такое, что я *должна* была непременно сдѣлать, и я это сдѣлала». Мы видимъ, что тотъ долгъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, есть нѣчто постороннее для воли и личности, побуждающее ее насиль-

ственно и неодолимо. «Я съ ума сошла», говорить одна особа, которой было внушено поцѣловать черепъ: «мнѣ хочется поцѣловать этотъ черепъ. Это нелѣпо, я хотѣла бы не идти къ нему, но я чувствую, что я не устою». Между тѣмъ нравственный долгъ въ его, разумѣется, чистомъ видѣ является для личности свободнымъ влеченіемъ ея собственнаго существа. Долгъ, воспринятый въ мою волю, теряетъ принудительный характеръ. Правда, послѣ ригористическаго ученія Канта о долгѣ, какъ единственномъ источникѣ и содержаніи нравственности, много говорили о тяжести долга, его суровости и принудительности. Но въ подобныхъ представленіяхъ есть несомнѣнное преувеличеніе. Чувство долга возникаетъ изъ сознанія соотвѣтствія даннаго явленія съ его нормою или типическимъ образцомъ. Въ своемъ чистомъ видѣ это чувство приближается къ эстетическому. Какъ стремленіе къ болѣе правильному, совершенному, нормальному, оно сопровождается пріятнымъ ощущеніемъ, внутреннимъ удовлетвореніемъ. Только тогда и начинается настоящая чистая нравственность, когда требованія долга становятся внутренними склонностями. Вотъ почему у нравственно развитыхъ натуръ исполненіе долга сопровождается пріятнымъ чувствомъ удовольствія. «По внутреннему чело-вѣку нахожѹ удовольствіе въ законѣ Божіемъ», говоритъ о себѣ ап. Павелъ (Римл. VII, 22).

Чувство долга, сопровождаясь сознаніемъ свободы, всегда соединяется съ представленіемъ цѣли, которая должна быть осуществлена. Всякое «должно» предполагаетъ собою цѣль. Цѣли человѣческой дѣятельности столь же много-различны, сколь разнообразны потребности чело-вѣка. Однако каждая изъ нихъ является для чело-вѣка въ извѣстномъ смыслѣ благомъ. Чело-вѣкъ потому и стремится къ извѣстной цѣли, что видитъ въ ней для себя благо. Но между всѣми этими цѣлями и благами существуетъ высшая, конечная цѣль. Эту цѣль обыкновенно называютъ

summi bonum или высшимъ благомъ. Она покрывается понятіемъ или идеей добра. Всѣ другія блага условны и относительно, добро же носить на себѣ безусловный характеръ. Всѣ другія блага временны и субъективны. Добро же имѣеть объективную цѣнность и значеніе. Историческія формы добра опять-таки, разумѣется, могутъ крайне разнообразиться, но самая идея добра, какъ безусловной нормы и высшей, конечной цѣли нравственности является путеводной звѣздой для нравственной дѣятельности чело-вѣчества.

Обобщая теперь все сказанное, мы должны опредѣлить нравственность такъ: нравственность есть опредѣленный, устойчивый образъ внѣшняго поведенія и внутренняго настроенія чело-вѣка, вырабатываемый имъ самимъ при помощи собственнаго свободнаго самоопредѣленія во имя чувства долга и направленный къ осуществленію высшаго блага—добра.

Но это опредѣленіе нравственности—общефилософское, подъ которымъ можетъ подписаться представитель почти каждаго философскаго направленія. Съ богословской точки зрѣнія оно неудовлетворительно именно въ силу неопредѣленности и отвлеченности самаго понятія «добра». Мы знаемъ двоихъ современныхъ глубокихъ мыслителей, которые въ добрѣ видѣли высшую цѣль нравственности, смыслъ жизни. Это — Л. Толстой и Ницше. Толстой въ своемъ произведеніи «что такое искусство» говоритъ: «добро есть вѣчная, высшая цѣль нашей жизни. Какъ бы мы ни понимали добро, жизнь наша есть не что иное, какъ стремленіе къ добру, т. е. къ Богу». Мы видимъ здѣсь буквальный апофеозъ добра. Добро возводится на степень Божества, понятіе о Богѣ подмѣняется понятіемъ добра. Послѣдовательнымъ и фанатичнымъ исповѣдникомъ толстовской формулы «добро есть Богъ» былъ Ницше. Онъ думалъ, что добро всемогуще, что оно можетъ замѣнить все, что оно—Богъ. Какъ искренній чело-вѣкъ, онъ не только въ поступкахъ своихъ, но даже и

въ мысляхъ не измѣнялъ своей святынѣ, не разрѣшалъ себѣ никакихъ сомнѣній въ ея божественномъ происхожденіи. Онъ во всей полнотѣ провѣрилъ на себѣ формулу Толстого, что «добро есть Богъ», т.-е. ничего, кромѣ добра, не нужно искать въ жизни. Проблема нравственности была такимъ образомъ для Ницше личнымъ вопросомъ. И что же? Мы знаемъ крикъ отчаянія, вырвавшійся изъ груди Ницше: «Бога нѣтъ, Богъ умеръ». «Слышали ли вы, спрашиваетъ Ницше, о томъ безумномъ челоуѣкѣ, который въ свѣтлый полдень зажегъ фонарь, выбѣжалъ на рынокъ и непрестанно кричалъ: «я ищу Бога, я ищу Бога».—Всѣ вокругъ него смѣялись и острили. Но безумный челоуѣкъ вбѣжалъ въ толпу и, пронизывая всѣхъ своимъ взглядомъ, воскликнулъ: «гдѣ Богъ? Я вамъ скажу. Мы его убили—я и вы. Мы всѣ убійцы... Развѣ мы не слышимъ шума могильщиковъ, погребающихъ Бога? Развѣ не доносится до насъ запахъ тлѣнія? И боги истлѣваютъ! Богъ умеръ! Богъ не воскреснетъ! И мы его убили! Какъ утѣшимся мы, убійцы изъ убійцъ? Самое могущественное и святое Существо, какое только было въ мірѣ, истекло кровью подъ нашими ножами».—Изъ этой страстной, но въ самой своей страстности искренней исповѣди Ницше мы видимъ, къ какому душевному опустошенію ведетъ признаніе толстовской формулы, что добро есть Богъ. Ницше сталъ «по ту сторону добра и зла». И въ данномъ случаѣ это его положеніе является важнымъ шагомъ впередъ. Ницше былъ первымъ изъ философовъ, который осмѣлился прямо и открыто протестовать противъ исключительной требовательности добра, желавшаго, чтобы люди признавали его «началомъ и концемъ всего», какъ говорилъ Толстой, усвоили ему божественность. Изъ опыта Ницше мы знаемъ теперь, что добро не есть Богъ. Нужно искать того, что выше отвлеченнаго добра. Нужно искать живого личнаго Бога. Христіанство идетъ, поэтому, на встрѣчу потребностямъ природы челоуѣческой, когда оно

учить о религіозной нравственности, когда идеаль ея указываетъ въ Богъ-Отцѣ небесномъ. Жить нравственно это значитъ жить по-Божьи, для славы Божіей, въ полномъ подчиненіи своей воли волѣ Божіей, согласно съ словами молитвы Господней: «да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли».

Ив. Никоминъ.

Блаженный Софроній, 3-й Епископъ Иркутскій.

БРАТВОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ О ЕГО ЖИЗНИ, ДѢЯНИЯХЪ И БЛАЖЕННАЯ ПАМЯТЬ О НЕМЪ *).

XXV. Блаженная память о Преосв. Софроніи Епископѣ Иркутскомъ.

Скончался Преосв. Софроній и погребеньъ.. Но не умерла, не сокрылась память о немъ среди его пасомыхъ. И послѣ погребенія всѣми почитаемаго архипастыря память о его мудрости и благопопечительномъ управленіи епархіею, сохранилась у благодарной ему паствы, и отъ современниковъ Софронія перешла къ далекому ихъ потомству. Вѣроятно, и жизнь почившаго, и мудрое управление паствою, и дни кончины Преосвященнаго Софронія въ свѣтлые дни Пасхи, когда и пѣснопѣнія и обстановка— свѣтлыя облаченія, раскрытыя царскія врата алтаря ¹⁾),— и долгое пребываніе тѣла почившаго безъ всякихъ признаковъ тлѣнія болѣе 6 мѣсяцевъ до погребенія: все это заставило благоговѣйно чтить память почившаго. Первымъ проявленіемъ такого почтительнаго отношенія къ почившему Преосв. Софронію его современниковъ и соборнаго клира служить, между прочимъ, указаніе описи Иркутск. каедральнаго собора, составленной въ 1803—

*) Продолженіе. См. октябрьскую кн. *Духи. Чт.* 1906 г.

¹⁾ По исконному вѣрованію русскаго народа, умершіе въ дни Пасхи избавляются отъ воздушныхъ мытарствъ, прямо идутъ къ престолу Божію или даже вселяются въ рай, переходятъ на вѣчное блаженство.

1805 г., гдѣ сказано, что въ Казанскомъ придѣлѣ, въ коемъ поκειται Преосв. Софроній, на лѣвой стѣнѣ, на столпѣ (пилонѣ) у мѣста погребенія Софронія, Епископа Иркутскаго, была помѣщена «св. икона въ два лика: Блаженнѣйшаго Софронія, патриарха Иерусалимскаго, и архидіакона Стефана» (это святые, имена коихъ носилъ Преосв. Иркутскій Софроній, — Стефана, данное отъ купели крещенія и Софронія, полученное при постриженіи въ монашество). Подъ сею тезоименитною иконою ниже былъ поставленъ портретъ самаго почившаго Преосв. Софронія, изготовленный, по преданію, еще при жизни Софронія ¹⁾, писанъ масляными красками на холстѣ, наклеенномъ на доску. Преосв. Софроній въ архіерейской мантии, въ клобукѣ, панагія съ распятіемъ, въ лѣвой рукѣ жезлъ, правая приподнята—благословляющая; Преосвященный полный, волосы весьма бѣлые (сѣдые), глаза голубые, взоръ строгій, проникающій; многіе и теперь не могутъ смотрѣть на него, не выносятъ его взора (какъ говорили многіе «нападаетъ страхъ и сознаніе своей грѣховности»), ибо Святитель «строго смотреть и вотъ, вотъ заговорить и начветъ обличать твой пороки и недостойнство получить просимое чрезъ него отъ Бога или у Богоматери». При капитальной внутренней передѣлкѣ собора въ 1870 и 80-хъ годахъ, — св. образъ святыхъ Софронія Иерусалимскаго и архидіакона Стефана былъ принятъ и теперь его въ соборѣ и въ ризницѣ собора нѣтъ; вѣроятно, кто-либо взялъ себѣ на память и увезъ изъ Иркутска. Подобная участь и панагіи Свят. Софронія, которая изображена на его портретѣ. При хиротоніи въ 1883 году Преосв. Макарія (Дарскаго) во 2-го викарія Иркут. епархіи, — ключаремъ собора была выдана эта панагія для посвященія; во время не была

¹⁾ Теперь онъ въ современномъ видѣ, когда-то поповленъ и довольно неудачно. Замѣчаніе знатока старины и преданій Иркутскихъ Преосвящ. Мелетія, бывшаго Е. Селенгинскаго, † Рязанскаго.

взята назадъ (она прочная сребровызолоченная подь чернью, чеканеной работы снизу, по ободку и по рамѣ, а лицевая сторона—наложенная эмаль на серебро). Преосв. Макарій ѣздилъ съ нею по миссіи, потомъ перешелъ Забайкаль, а далѣе переѣхалъ въ Благовѣщенскъ и тамъ скончался. Тамъ она и осталась, если еще, по простотѣ и невѣдѣнію, не положили ее съ Преосв. Макаріемъ въ гробъ. Такъ блаженный Софроній въ лицѣ своей панагии посѣтилъ Камчатку и Курильскіе острова, сподвизающуся ему Преосв. Макарію и въ образѣ панагии своей благословилъ и Благовѣщенскую епархію, куда нести проповѣдь Евангелія Христова Преосв. Софроній заповѣдалъ Удскому священнику. Портретъ же Преосв. Софронія былъ поставленъ на окнѣ правой (южной) стѣны Казанскаго придѣла, у входа въ пещеру ко гробу Софронія. Въ 1901 году для сего портрета былъ сдѣланъ поставъ (на средства жертвователей), и портретъ этотъ теперь стоитъ на восточной сторонѣ входа въ пещеру. Предъ нимъ горитъ лампада, подсвѣчникъ и особый столикъ (на подобіе панихидника) съ горящими свѣчами.

Въ бытность нашу на службѣ при Иркутскомъ Каѳедральномъ соборѣ, о Преосв. Софроніи намъ рассказывали два старичка почтенныхъ и богобоязненныхъ Борисъ Ив. Стрекаловскій и Василій Андреевичъ Литвинцевъ; послѣдній около 12 лѣтъ былъ старостою Ирк. Каѳедр. Богоявленскаго собора, принималъ дѣятельное участіе въ постройкѣ Казанскаго Каѳедральнаго собора, создалъ и свою (въ память 900 лѣтія крещенія Руси) Князе-Владимірскую церковь, скончался 75-лѣтнимъ старикомъ въ 1895 году. Этотъ-то Василій Андреевичъ передавалъ намъ: «когда я еще былъ очень маленькимъ (слѣдовательно, приблизительно въ 1820-хъ годахъ), однажды мой батюшка (отецъ родной Андрей Литвинцевъ), а мой батюшка также долго жилъ, какъ вотъ и я, и женился поздно—не молодой уже, придя со мною въ соборъ, привелъ меня въ Казанскій придѣлъ вотъ къ этому мѣсту (разговоръ былъ въ со-

боръ у надъпещернаго памятника Софронію) и говорить: «смотри, Вася, вотъ здѣсь подъ поломъ погребенъ Преосв. Софроній; онъ былъ владыка мудрый, добрый и, по моему, святой... Молись за упокой его души, и онъ (Святитель) тебѣ будетъ помогать и сдѣлаетъ изъ тебя человѣка!.. А вотъ его святые, которыхъ онъ имя носилъ, Стефанъ и Софроній; а это, ниже, самъ Софроній Иркутскій, который здѣсь и почиваетъ, и пѣвчіе и дьячки по немъ топчутся», и заставилъ меня положить на этомъ мѣстѣ нѣсколько поклоновъ за упокой души Святителя Софронія. Такъ я и началъ почитать батюшку Софронія и молиться за него и просить отъ него помощи: и вотъ теперь человѣкъ, и вонъ съ какою бородою старикъ (В. А. Литвинцевъ былъ весьма высокаго роста, сухощавый и съ большою длинною сѣдою бородой, чисто Васильевскою (т.-е. какъ у св. Василія Великаго), какъ иные шутятъ надо мною, да и сподобилъ меня блаженный Софроній и послужить ему здѣсь въ соборѣ, и соборъ внутри выкрасить масляною краскою; и вотъ теперь ему, батюшкѣ, крашу Казанскій придѣлъ и его и Всѣхъ-Святскій, а онъ мнѣ вотъ и награду далъ¹⁾). О передачѣ родителями и дѣдами своимъ дѣтямъ и внукамъ почтительной памяти къ Свят. Софронію почти тѣми же словами передавалъ мнѣ и Борисъ Ив. Стрекаловскій,— и о помощи отъ Свят. Софронія Б. И. Стрекаловскому въ дѣлахъ, и о неоднократномъ исцѣвленіи отъ болѣзней, по молитвѣ Софронію.

Въ 1833 году Преосв. Мелетій²⁾ Е. Иркутскій предпри-

¹⁾ Это было зимою 1894—95 гг.; самый же Богоявленскій соборъ и Петропавл. придѣлъ были также выкрашены ранѣе, съ поступленія В. А. Литвинцева въ соборные старосты, за что и медаль имѣлъ на шеѣ.

²⁾ Преосв. Мелетій (Леонтовичъ) бывшій епископомъ Иркутскимъ съ 1831 по 1835 г.;—магистръ I курса С.-Петербургской академіи 1814 г.; по окончаніи курса съ 1817 г. былъ инспекторъ Кіев. дух. семинаріи, съ 1819 г. инспекторъ Кіев. академіи; съ 1820 г. ректоромъ Могилевской семинаріи; съ 1824 г. ректоромъ Кіев. дух. академіи; 21 ноября

няли передѣлку половъ и внутренній ремонтъ Каедральнаго собора. Тогда-то при вскрытіи пола въ Казанскомъ придѣлѣ увидѣли цѣлыми гробъ Преосв. Софонія и мантию на немъ архіерейскую (съ источниками) черную; открывъ гробъ, нашли нетлѣннымъ тѣло Святителя Софонія и всѣ одежды, въ которыхъ онъ былъ погребенъ; кипарисный крестъ, съ писанными красками изображеніями на немъ и разрѣшительную грамоту въ рукахъ Преосвященнаго. Закрыли все, отслужили панихиду, — и наслали новый полъ; большихъ свѣдѣній объ этомъ первомъ обрѣтеніи нетлѣнныхъ мощей Преосв. Софонія отъ сего времени не сохранилось до насъ.

Убѣжденіе же въ нетлѣннн тѣла Преосв. Софонія и въ силѣ его молитвъ и предстательства у Бога всегда коренилось глубоко и крѣпко въ сознаниі Иркутянъ и переходило отъ благодарныхъ предковъ къ ихъ потомству; и вотъ теперь эта вѣра нашла оправданіе себѣ въ обрѣтеніи нетлѣнно почивающаго любимаго и многотимаго своего бывшаго архипастыря Софонія.

Протоіерей Милій Чефрановъ, настоятель Святотроицкой церкви при Императорскомъ Россійскомъ Генеральномъ Консульствѣ въ г. Ургѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

1826 г. хиротонисанъ въ епископа Чигиринскаго, викарія Кіевской епархіи; 1828 г. апр. 21 переведенъ въ Пермь, откуда 18 іюля 1831 г. назначенъ архіеписк. Иркутскимъ. Въ 1835 году іюня 22 перемѣщенъ въ Харьковъ, гдѣ скончался 29 февраля 1840 года. Тѣло его почитается нетлѣннымъ въ Харьковскомъ каедральномъ соборѣ и читится Харьковской и Иркутской епархіями. Восточно-Сибирскій календарь. 1875 г. стр. 55—снес. Іерарх. Всерос. церкви. № 257, стр. 27.

СЧАСТЬЕ И ХРИСТИАНСТВО ¹⁾.

Счастливымъ могъ бы быть каждый и даже другихъ могъ бы сдѣлать счастливыми. Но бѣда въ томъ, что рѣдко кто ищетъ счастья съ полнымъ сознаниемъ того, къ чему онъ стремится и, хотя всѣ люди солидарны въ исканіи счастья, но они несогласны другъ съ другомъ въ отвѣтъ на вопросъ:

Что такое счастье?

Культура свдой древности цѣвила внѣшнія блага несравненно ниже, чѣмъ наше время: для нея значеніе жизненнаго счастья имѣло дѣятельное раскрытіе природы, для чего внѣшнія средства нужны были только въ незначительной мѣрѣ. Современная культура ищетъ счастья въ «безграничномъ, идущемъ въ безконечность, развитіи всѣхъ силъ». Для этого и каждый отдѣльный человѣкъ, и цѣлыя человѣческія общества, государства и народы нуждаются въ громаднхъ внѣшнихъ средствахъ. Нужно не только поднять образованіе и культуру общества, но также выработать и создать лучшія условія жизни; такимъ путемъ надѣются улучшить вмѣстѣ съ тѣмъ и матеріальное благосостояніе, равно какъ и самого человѣка сдѣлать нравственно хорошимъ и добродѣтельнымъ. И этотъ взглядъ, который социализмъ старается защитить и доказать научно,

¹⁾ Съ нѣмецкаго. *Glück und Christentum*, von Heinrich Ebeling. Zwickau. 1904.

начинаетъ выступатьъ въ различныхъ кругахъ жизни, какъ стремленіе къ богатству и наслажденіямъ, какъ исканіе силы и вліянія на окружающихъ.

Философы спорятъ, заключается ли счастье въ томъ, чтобы приносить пользу человѣчеству или же этого счастья надо искать на пути стремленія къ возможно большому личному благополучію; найдемъ ли мы счастье скорѣе въ развитіи всѣхъ своихъ собственныхъ силъ, или въ преданности себя, даже пожертвованіи собою для общаго блага; быть можетъ, счастье скорѣе окажется въ освобожденіи отъ зла и страданій, точнѣе — въ совершенномъ отреченіи отъ вѣшняго міра или полномъ равнодушіи къ нему, или же—въ наслажденіяхъ. Если, такимъ образомъ, всѣ люди страстно желаютъ быть счастливыми, то весьма и весьма немногіе представляютъ себѣ ясно, что же такое счастье, котораго бы они хотѣли достигнуть и которое хотѣли бы сдѣлать своимъ достояніемъ.

Бѣдный думаетъ: онъ былъ бы счастливъ, если бы ему удалось получить богатство; голодный—если бы онъ могъ наѣсться досыта; богатый, если бы онъ хоть разъ почувствовалъ настоящій голодь... Одинъ видитъ счастье въ знатномъ положеніи и почестяхъ, другой — въ здоровьѣ, наслажденіяхъ и удовлетвореніи всѣхъ желаній...; но лишь только онъ достигаетъ того, чего желалъ и къ чему стремился, какъ возникаютъ новыя желанія, и истинное счастье какъ будто отодвигается отъ него еще дальше, чѣмъ прежде; достиженіе чего-либо часто создаетъ почву для возникновенія новой неудовлетворенности, которая иногда даетъ о себѣ знать прямо даже, какъ несчастье.

Большинство смотритъ на богатство, какъ на счастье. Но что обладаніе деньгами само по себѣ не составляетъ еще настоящаго счастья, и даже не служитъ средствомъ къ достиженію его, — въ этомъ убѣждаетъ насъ опытъ повседневной жизни. Въ глубинѣ души у богатей обыкновенно копошится страхъ передъ возможностью убытковъ и потери богатства: не все, чего бы

хотѣлось сдѣлать, удастся, и многая грозить опасность — сдѣлаться рабомъ мамы: «желающіе обогащаться, впадаютъ въ искушеніе и въ сѣть и во многія безразсудныя и вредныя похоти, которыя погружаютъ людей въ бѣдствіе и пагубу; ибо корень всѣхъ золъ есть сребролюбіе»... (1 Тим. 6, 6 — 10); «спѣшить къ богатству завистливый человѣкъ и не думаетъ, что нищета постигнетъ его; не заботься о томъ, чтобы нажить богатство... устремивъ глаза твои на него и — его ужъ нѣтъ» (Притч. 28, 22; 23, 4); «чтобы нажить богатства, требуются цѣлыя горы заботъ и труда, сохраненіе его порождаетъ постоянные страхи за его цѣлость; пользованіе имъ сопровождается тяжелыми испытаніями; злоупотребленіе имъ увеличиваетъ и безъ того немалую вину нашу предъ Богомъ; потеря его причиняетъ великую боль и страданіе; обладаніе имъ возлагаетъ громадную отвѣтственность передъ тѣмъ, отъ Кого мы поставлены домоправителями»¹⁾.

И все-таки страсть къ деньгамъ, къ могуществу власти и наслажденіямъ никогда не была развита сильнѣе, чѣмъ теперь, и притомъ она все еще непрерывно возрастаетъ. «Все привязано къ деньгамъ, все рвется къ нимъ!» Повсюду такая алчность, которой, кажется, никогда нельзя насытить и достаточно удовлетворить, развѣ ужъ только тогда, когда ей все опротивѣетъ до пресыщенія и тошноты. Поэтому: «не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ и гдѣ воры подкапываютъ и вкрадутъ»... Ученику, который исполнилъ всѣ заповѣди отъ своей юности, Христосъ сказалъ: «если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ и будешь имѣть сокровище на небесахъ; и приходи и слѣдуй за Мною». Для него богатства были препятствіемъ къ достиженію блаженства; его сердце было привязано къ нимъ; онъ не хотѣлъ отъ нихъ отказаться, и

¹⁾ Matthew Henry.

увыйль пошель прочь. А Христось сказалъ своимъ ученикамъ: «истинно говорю вамъ, что трудно богатому войти въ царство небесное». Тѣмъ не менѣе, нигдѣ въ Евангеліи не сказано, что всѣ бѣдные войдутъ туда; и земные богачи вовсе не исключаются изъ небснаго царства. «У Бога все возможно». Слѣдовательно, Богъ можетъ и богатыхъ поставить на путь истинный, тѣмъ болѣе, что вѣдь Самъ же Богъ даетъ людямъ всѣ земныя блага. И многіе вѣрующіе, какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ, были богатыми: таковы Авраамъ, Іаковъ, Давидъ, Соломонъ и пр. Но никто самъ не даетъ себѣ чего-либо, а все дается ему съ неба. Сознаніе этого заставляетъ человѣка довольствоваться тѣмъ, что у него есть; а кто думнетъ, что онъ долженъ самъ приобрести себѣ что-нибудь, тотъ никогда и ничѣмъ не будетъ доволенъ и ничто его не удовлетворить. Кто любитъ деньги, тотъ никогда не будетъ доволенъ имѣющимъ у него. Поэтому, христіанинъ на земное богатство смотреть не какъ на что-то такое, чѣмъ онъ долженъ пользоваться только для самого себя и съ чѣмъ онъ можетъ поступать, какъ ему угодно, но какъ на вспомогательное средство при шествіи по трудному до изнурительности пути, который предложилъ ему Богъ здѣсь, на землѣ, для восхожденія на небо: онъ долженъ употреблять богатство больше на пользу другихъ, чѣмъ для себя и своего собственнаго удовольствія, и владѣть имъ такъ, что какъ будто бы не онъ былъ его обладателемъ (1 Кор. 7, 29—31). Правда, богатство, въ известной степени, можетъ давать счастье; но—«иной бѣденъ и при большомъ богатствѣ, а иной богатъ и въ великой нуждѣ».

Творческое вдохновеніе и культъ прекраснаго, могли бы, конечно, быть свѣтлыми минутами и духовной радостью въ жизни, доставляя высшія наслажденія. Но счастье

и не въ нихъ,—по крайней мѣрѣ, такъ же мало въ нихъ, какъ и въ занятіяхъ наукой. Только немногіе представители искусства и ученые находятъ исключительно въ своихъ работахъ полное удовлетвореніе и въ своемъ только дѣлѣ видятъ высшее и совершенное счастье. Большая же часть ихъ ищетъ успѣховъ у толпы, громкаго имени, славы и почестей, богатства и наслажденій. — Особенно теперь натурализмъ и пессимизмъ дали возможность обладать культу порока и страсти къ наживѣ даже и въ области научныхъ и чисто-художественныхъ стремленій. Борьба за существованіе идетъ также и здѣсь. Но самая продуктивная работа и дѣятельность, слава и могущество, удовольствія и наслажденія, даже высшія и благороднѣйшія, не обезпечиваютъ прочнаго душевнаго мира и не даютъ полнаго удовлетворенія. Весьма немногіе работники на различныхъ поприщахъ чувствуютъ себя счастливыми, большая же часть ихъ носить въ душѣ постоянную неудовлетворенность и отказываются даже довести до конца свою работу. Люди же, которые живутъ только наслажденіями, еще менѣе счастливы и по временамъ также сильно ощущаютъ свою неудовлетворенность.

Также и здоровье, молодость и свобода, по Шопенгауэру — эти три высшія блага жизни, не даютъ прочнаго счастья. Конечно, здоровье — счастье. Но не то счастье, которое бы всѣхъ и всегда удовлетворяло. Въ книгѣ для иностранцевъ въ Маріенбадѣ кто-то написалъ: «я уѣзжаю изъ М. ріенбада удовлетвореннымъ, здѣсь я нашелъ здоровье, это высшее счастье въ жизни». А другой писалъ подъ этимъ: «это—не высшее счастье въ жизни, а только половина его; иначе, счастливымъ былъ бы и здоровый теленокъ». Не мало причиняетъ несчастья людямъ постоянное опасеніе за свое здоровье, причемъ, въ своихъ заботахъ о немъ, какъ о высшемъ благѣ, доходятъ чуть ли не до божескаго поклоненія ему. И вполне здоровый человѣкъ рѣдко умѣетъ цѣнить по настоящему это счастье. Онъ опять хватается за другія венцы, которыя кажутся

ему безусловно необходимыми для получения полного счастья.

Полного спокойствія духа, чистой совѣсти, которую рѣшительно ни въ чемъ нельзя было бы упрекнуть, также не бываетъ. Каждому его совѣсть говоритъ, что есть законъ, который выставляетъ ему свои требованія, а онъ ихъ не исполняетъ, часто дѣлая то, что законъ запрещаетъ, — о чемъ «свидѣтельствуется совѣсть его и мысли то обвиняющія, то оправдывающія одна другую» (Римл. 2, 12—16).

Всякое земное счастье есть только большая или меньшая свобода отъ несчастья, какъ здоровье — только совсѣмъ почти незамѣтная болѣзненность, а всякое знаніе — только минимумъ незнанья. Земное счастье представляетъ изъ себя что-то частное, случайное, единичное, которому иногда бываютъ рады отдѣльные люди. Но даже и изъ такого счастья большинство ищущихъ его получаетъ весьма немного, и это немногое — скоропреходяще. «О, человеческое сердце! Гдѣ твое счастье? Загадочно появившееся и, едва успѣвшее получить привѣтствіе отъ ждущаго тебя, какъ уже опять исчезнувшее и неповторяющееся мгновеніе!»¹⁾

Даже Гете писалъ: «я считалъ себя всегда однимъ изъ особенныхъ баловней судьбы и сыновей счастья; и я во все не хочу раскаиваться въ прошломъ и осуждать свою протекшую жизнь. Но въ основѣ ея всегда лежали трудъ и работа, и я навѣрное могу сказать, что за все время моего 75-лѣтняго существованія у меня не было и четырехъ недѣль настоящаго отдыха и чистыхъ наслажденій. Это вѣчное вкатыванье камня, который каждый разъ, послѣ подъема, снова былъ сбрасываемъ».

«Счастливъ тотъ, кто вечеромъ, ложась спать, радуется

¹⁾ Ленау.

завтрашнему пробужденію». «Счастливы тотъ, кто изодня въ день охотно и безропотно подчиняется своей судьбѣ». Таково обычное пониманіе счастья, — особенно теперь. Но одинъ изъ представителей старшаго поколѣнія пишетъ: «Счастье—не ваша заслуга. Счастье слѣпо, капризно, непостоянно, измѣнчиво. Я не вѣрю, что несчастье создаетъ печаль и страданья. Человѣкъ можетъ быть несчастнымъ и не страдать отъ того; наоборотъ, счастливый—можетъ чѣмъ-нибудь терзаться и мучиться. Богъ не отказываетъ никому въ томъ, что дѣлаетъ его истинно счастливымъ. Здоровье, слава, довольство и почести не составляютъ счастья души. Кто имѣетъ у себя всегда передъ глазами Божественныя заповѣди и опредѣленія, у того будетъ чистая совѣсть, которая смягчитъ остроту его горя¹⁾»).

«Мы всё свои стремленія направляемъ къ счастью, этой конечной цѣли нашихъ желаній. Но что такое счастье? Это то, отъ чего бѣгутъ всё глупцы, состояніе истиннаго наслажденія и продолжительной радости²⁾». И по Канту, «блаженство счастья составляетъ разумное, сознательное существованіе въ мірѣ, когда на всемъ протяженіи его бытія все дѣлается для него по его желанію и волѣ; это счастье, такимъ образомъ, основывается на гармоническомъ соотвѣтствіи природы со всѣми ея цѣлями, согласными также и съ главнымъ назначеніемъ, цѣлью и смысломъ человѣческой жизни». Но и онъ называетъ эту жизнь «временемъ испытаній, которыя постигаютъ большую часть людей и благодаря которымъ даже свѣтлые моменты человѣческой жизни бываютъ омрачены какими-нибудь печальями». И дѣйствительно, какъ удовлетвореніе всѣхъ нашихъ потребностей и желаній, какъ совершенное исполненіе нашей воли, какъ чистая, безпримѣсная радость жизни, счастье не достается въ удѣлъ никому изъ смерт-

¹⁾ Геллертъ.

²⁾ Гагедорнъ.

ныхъ, и всѣ указываемыя намъ пути едва ли приводятъ къ дѣлу: они всѣ обрываются, оканчиваются передъ непроходимой пропастью, а иные ведутъ прямо въ бездну несчастій, такъ что тотъ, кто идетъ по нимъ, погибаетъ въ безысходной тоскѣ и отчаяннн. Но — «во дни благополучія пользуйся благомъ, а во дни несчастья—размышляй: то и другое содѣлалъ Богъ для того, чтобы человѣкъ ничего не могъ сказать противъ Него» (Екклез. 7, 14).

Еще мудрый Соломонъ говорилъ: «я предпринялъ большія дѣла: построилъ себѣ дома, посадилъ себѣ виноградники, устроилъ себѣ сады и рощи..., сдѣлалъ себѣ водоемы для орошенія изъ нихъ рощей, произрастающихъ деревья; приобрѣлъ себѣ слугъ и служанокъ, и домочадцы были у меня; также крупнаго и мелкаго скота было у меня больше, нежели у всѣхъ, бывшихъ прежде меня въ Иерусалимѣ; собралъ себѣ золота, серебра и драгоценностей отъ царей и областей; завелъ у себя пѣвцовъ и пѣвицъ и услажденія сыновъ человѣческихъ—разныя музыкальныя орудія. И сдѣлался я великимъ и богатымъ больше всѣхъ, бывшихъ прежде меня въ Иерусалимѣ; и мудрость моя пребыла со мною. Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывалъ имъ, не возбранялъ сердцу моему никакого веселья, потому что сердце мое радовалось во всѣхъ трудахъ моихъ, и это было моею долею отъ всѣхъ трудовъ моихъ. И оглянулся я на всѣ дѣла мои, которыя сдѣлали руки мои, и на трудъ, которымъ трудился я, дѣлая ихъ: и вотъ, все — суета и томленіе духа, и нѣтъ отъ нихъ пользы подъ солнцемъ... И возненавидѣлъ я жизнь, потому что противны стали мнѣ дѣла, которыя дѣлаются подъ солнцемъ, ибо все—суета и томленіе духа» (Екклес. 2, 4—17).

Но Соломонъ вовсе не думалъ, чтобы земныя дѣла сами по себѣ были суетны и скоропреходящи, такъ какъ «всякое твореніе Божіе хорошо, и ничто не предосудительно, если принимается съ благодареніемъ (1 Тим. 4, 4). Виновата суета человѣческаго сердца, вслѣдствіе чего оно ни-

когда не удовлетворяется дарами Божиими. Но, и обладая ими, человекъ все еще думаетъ, что этого мало, и всегда ищетъ еще чего-нибудь, не успокаиваясь до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не достигаетъ желаемого; и если человекъ, въ самомъ дѣлѣ, достигъ того, къ чему стремился, онъ скоро забываетъ его, пренебрегаетъ имъ и устремляетъ свои взоры на другое» (Лютеръ). Поэтому, бл. Августинъ весьма вѣрно замѣчаетъ: «Ты повелѣлъ, Господи, чтобы человекъ, который не удовлетворяется тѣмъ, что у него есть, имѣлъ такое безпокойное сердце».

Многіе изъ тѣхъ, которые пришли къ сознанию того, что счастье вовсе не заключается въ обладаніи земными благами, что страсти и растущія потребности суетнаго человѣческаго сердца никогда не успокоятся и не удовлетворяются ничѣмъ, а на что мы смотримъ, какъ на счастье, если и достигается, то скоро обращается въ несчастье,—многіе хотѣли возвыситься надъ всѣмъ земнымъ. Отсюда, идеаль высшаго счастья стонковъ, — постоянное спокойствіе духа,—во всѣ времена находилъ себѣ многихъ приверженцевъ. Путь къ стоическому спокойствію былъ простой: «*sustine et abstine!* Переноси и отрекайся!» «Представь себѣ, что все, что не въ твоей силѣ, невозможно для тебя; не стремись къ высшему, потому что оно не дѣлаетъ человека счастливымъ, но заставляетъ его страдать; не будь гордъ, потому что то, что дѣлаетъ тебя гордымъ, зависитъ отъ случая и можетъ скоро исчезнуть; и если ты потеряешь что-либо, думай, что найдешь потерянное. Къ чему ты стремишься и чѣмъ обладаешь, считай за ничто, и не только это, но равнымъ образомъ и то, чего у тебя нѣтъ, чего ты въ поискахъ за нимъ не находишь, отсутствіе чего причиняетъ тебѣ страданія, неимѣніе чего кажется тебѣ несчастьемъ. Вѣдь ни одна вещь не имѣетъ объективной цѣнности; для каждаго онъ являются только тѣмъ, за что онъ ихъ считаетъ»... И для достиженія необходимаго для счастья равнодушія и презрѣнія къ міру дается множество жизненныхъ правилъ,

изъ которыхъ нѣкоторыя бываютъ, правда, очень хороши, — но все-таки ни одинъ человекъ не исполнилъ ихъ всѣхъ и никто не исполнить. И уже одна попытка жить по нимъ приводитъ къ какой-то тупости, создаетъ безучастное отношеніе къ своей собственной судьбѣ и къ судьбѣ другихъ, воспитываетъ жестокость и равнодушіе къ себѣ и къ окружающимъ. Горделивое стоическое спокойствіе среди своего собственного и чужого несчастья оказывается ничѣмъ инымъ, какъ полной беспомощностью. И тому, кто созналъ, что и стоицизмъ не ведетъ къ счастью, остается только, — по ученію самихъ стоиковъ, — свободный выходъ изъ этой жизни. «Всякое стремленіе — пагубно, страстно желаемое наслажденіе оказывается недостижимымъ. Отсюда — единственный благоразумный выводъ: необходимо уничтожить волю къ жизни»; такъ и учитъ Шопенгауеръ. И его послѣдователи смотрятъ на это ученіе, какъ на высшую мудрость. Но поступаютъ такъ къ счастью, лишь немногіе, потому что самоубійство есть величайшій грѣхъ, которому нѣтъ оправданія. Однако, — если земныя блага не заключаютъ въ себѣ ничего цѣннаго для человека, то зачѣмъ же переносить страданіе тому, кто отказался отъ нихъ?.. Такимъ образомъ, и пессимизмъ оказывается совершенно нѣ обоснованнымъ.

«Познаніе и исполненіе долга»

должно бы вести къ счастью. Но что такое мой долгъ? Я говорю здѣсь не о какихъ-нибудь особенныхъ обязанностяхъ и не объ обязанностяхъ, вродѣ правилъ приличія и благоповеденія, которыя налагаетъ гражданскій законъ на всѣхъ членовъ общества, но именно о нравственномъ долгѣ. Однако если кто-нибудь скажетъ: «вотъ твой долгъ, — дѣлать то или это; помогать здѣсь или тамъ», а я самъ сочту за свой долгъ что-нибудь совершенно другое, то — въ чемъ же мой долгъ? — И что сами люди въ большинствѣ случаевъ на-

зываютъ своимъ долгомъ? То, что они дѣлаютъ или *хотятъ* и могли бы дѣлать, а не то, что они *должны* дѣлать. вмѣсто того, чтобы сказать: «я хочу это сдѣлать», они охотно говорятъ: «мнѣ нужно это сдѣлать». Однако, они, большею частью, только обманываютъ себя при этомъ. Миръ, который они также хотѣли бы ввести въ заблужденіе, не позволяетъ себя такъ легко обмануть, и когда настанетъ время здравыхъ размышленій или когда выступаютъ на видъ послѣдствія превратно понятаго и ложно истолкованнаго дѣла, они вынуждаются говорить самимъ себѣ: «я не понялъ своего долга, а потому и не исполнилъ его». Нѣтъ объективнаго чувства долга, по которому каждый человѣкъ, въ каждомъ данномъ случаѣ признавалъ бы и познавалъ обязанности каждаго другого человѣка и свои собственныя: долгъ, на который бы всѣ безъ исключенія смотрѣли, какъ именно на таковой, такъ же трудно встрѣтить, какъ и общепризнанный «нравственный идеалъ». Точно также нельзя и научиться нравственности и воспитать въ комъ-либо чувство долга: противъ этого сильно говорятъ плачевные результаты «хорошаго» воспитанія. Эти чувства, правда, прирождены намъ; но съ другой стороны, каждому человѣку врождено нѣчто грѣховное, чувственныя похоти и стремленіе къ запретному. И совѣсть нельзя считать безупречнымъ судьей въ вопросѣ о добрѣ и злѣ: омраченная грѣхомъ, она часто видитъ большую несправедливость тамъ, гдѣ другой думаетъ, что поступаетъ правильно. Рѣдкіе люди сходятся въ томъ, что они называютъ добрымъ и злымъ. Каждый помнитъ заповѣдь: «всегда и безъ исключенія поступай справедливо! дѣлай добро!» Но что именно каждый долженъ дѣлать въ томъ или другомъ данномъ случаѣ,—этого заповѣдью еще вовсе не опредѣляется.

Также точно никто не можетъ поступать хорошо, исходя изъ принципа хорошо понятаго интереса. Онъ не всегда понимаетъ свой настоящій интересъ. Онъ можетъ, конечно, сказать себѣ: «Если ты приносишь пользу об-

«цеству, ты приносишь пользу и себѣ самому; если ты приносишь ему вредъ, ты этимъ вредишь и себѣ. Въ обществѣ нѣтъ культуры, нѣтъ образованія, нѣтъ нравственности. Такимъ образомъ, самопожертвованіе въ обществѣ составляетъ высшій долгъ и высшую нравственность». Уже французская философія 18-го столѣтія учила: «Сдѣлаться счастливымъ—въ этомъ заключается право и долгъ. Быть счастливымъ — значить, содѣйствовать другимъ въ достиженіи счастья. Вы хотите, чтобы вамъ были полезны люди,—тогда и вы непременно приносите пользу имъ: ваша же собственная польза побуждаетъ васъ служить имъ. Вѣдь каждый человекъ нуждается въ другомъ. Живите, поэтому, для нихъ, чтобы и они жили для васъ; будьте добры, потому что доброта плѣняетъ всякое сердце и очаровываетъ его; будьте мягки и нѣжны душой, потому что кротость снискиваетъ расположеніе и симпатіи... Будьте гражданами, потому что государство необходимо для вашего благосостоянія и безопасности: оно дѣлаетъ васъ счастливыми и охраняетъ ваше имущество». Все это такъ. Но этимъ все сводится къ эгоизму, къ себялюбію: вѣдь, въ концѣ концовъ, всякій будетъ дѣлать только то, что ему въ каждый моментъ кажется наиболѣе выгоднымъ для него самаго; онъ будетъ, поэтому, безразлично относиться къ тому, приноситъ ли онъ вредъ своимъ образомъ дѣйствій другимъ людямъ, государству и обществу, причемъ попутно будетъ дѣлать и то, чѣмъ въ результатѣ нанесетъ явный вредъ и себѣ самому...

Не заслуживаютъ вниманія и не имѣютъ никакой цѣны также и тѣ рѣчи, по смыслу которыхъ добро должно дѣлать ради самого добра; такъ какъ, будто бы, добро имѣетъ цѣнность исключительно только какъ самоцѣль и такъ какъ, будто бы, лишь тогда нашъ образъ дѣйствій будетъ нравственнымъ. Здѣсь вопросъ: «что же такое добро? что такое право? что такое мой долгъ?» — остается безъ от-

вѣта. Какъ часто человѣческій разумъ приходитъ въ сомнѣніе относительно того, правильно ли и хорошо ли онъ поступаетъ въ извѣстномъ случаѣ. Уже древніе язычники знали, что они поступаютъ неправильно, когда сомнѣвались предъ совершеніемъ поступка. Вѣрующій здѣсь находится въ лучшемъ положеніи; ему сказано, что—добро и чего требуетъ отъ него Господь, а именно соблюдать слово Божіе, «любить дѣла милосердія и смиренномудренно ходить предъ Богомъ» (Мих. 6, 8). Мы могли бы дѣлать добро и не ради добра, но только ради нашего Творца, Который имѣетъ право на послушаніе и заповѣдалъ намъ, что мы должны дѣлать.

Удовлетворенность и неудовлетворенность, чувство счастья и несчастья, въ значительной степени зависятъ, конечно, отъ внѣшнихъ отношеній и такихъ событій, противопоставить влиянію которыхъ что-нибудь со своей стороны человѣкъ часто бываетъ совершенно не въ силахъ. Но въ еще большей степени зависятъ они отъ его пониманія жизни, отъ всего его *міросозерцанія*, отъ отвѣта на вопросъ: для чего живетъ человѣкъ? въ чемъ смыслъ и цѣль всего бытія, и какимъ путемъ скорѣе всего можно достигнуть этой цѣли? Эти и подобные вопросы возникаютъ одинаково какъ у развитыхъ, такъ и неразвитыхъ лицъ. Не было и нѣтъ ни одного народа и ни одной эпохи, которые не занимались бы ими. Каждый изъ своей собственной жизни и стремленій, изъ своего собственнаго существа беретъ опредѣленіе своего высшаго блага и цѣли своего существованія, вноситъ его въ міръ, доказывая себѣ и другимъ, что прошлое работало въ томъ же направленіи, что и настоящее время, по крайней мѣрѣ онъ самъ стремится къ тому же, и что будущее принесетъ съ собой исполненіе желаемого и достиженіе цѣли. «Міровой процессъ совершаетъ свой путь, всегда проходя сквозь голову философа». Но ни одинъ человѣкъ не проходилъ путь жизни въ этомъ мірѣ только при помѣщи своихъ силъ и руководясь лишь соб-

ственными взглядами, и также никогда онъ не могъ познать свои стремленія и цѣли только изъ самого себя и не могъ одинъ найти настоящую дорогу. Всѣ отвѣты ученыхъ и философовъ на эти, двигающіе міръ, вопросы оказались ложными, и ни одно міросозерцаніе, въ дѣйствительности, не рѣшило проблемы міра и жизни и не показало человѣку, какъ онъ долженъ жить, думать и дѣйствовать соотвѣтственно своему назначенію. Но безъ опредѣленнаго отвѣта на эти вопросы достиженіе истинной цѣли и уясненіе смысла человѣческой жизни невысказано, и настоящее счастье, полное довольство и удовлетворенность невозможны. Въ самомъ дѣлѣ, всякій, кто не знаетъ своего назначенія и пути, ведущаго къ его цѣли, не достигнетъ послѣдней; его душа будетъ вѣчно полна безпокойныхъ думъ и тревогъ, онъ будетъ блуждать по лабиринту сомнѣній и въ концѣ концовъ совершенно собьется съ дороги. Отсюда, чтобы найти путь къ истинному счастью, необходимо, прежде всего, отказаться отъ ошибокъ обычнаго міросозерцанія и стать на сторону вѣчно правильнаго объясненія мірозданія и его цѣли, которое далъ Самъ Творецъ.

* * *

(Продолженіе слѣдуетъ).

П И С Ь М А

АРХІЕПИСКОПА КАЛУЖСКАГО ГРИГОРІЯ

КЪ ИГУМЕНЬ НИКИТСКАГО МОНАСТЫРЯ ПАИСІИ ¹⁾.

Пречестная матушка Паисія Ивановна!

Поздравленіе ваше по случаю праздника Воскресенія Христова дошло до меня 3 сего апрѣля, и тогда же вызвало мою милости вашей благодарность мысленную, каковую теперь и письменно выражаю вамъ, присовокупивъ и съ своей стороны душевное желаніе, чтобы Господь Жизнодавецъ даровалъ вамъ благодатную помощь на душеспасительное несеніе благого ига Его, принятаго съ образомъ ангельскимъ, и сподобилъ наконецъ невечерняго царствія своего.

Письмо ваше отъ 6 марта я получилъ 9 марта, значить въ самый день постриженія вашего, и тогда же умственно привѣтствовалъ милость вашу со вступленіемъ на новое поприще душеспасительныхъ подвиговъ и молилъ Господа, да изліетъ милость свою на васъ ко спасенію вашему.

И паки призывая на васъ благословеніе Божіе, при искреннемъ желаніи вамъ совершеннаго благополучія, съ почтеніемъ остаюсь милости вашей усерднымъ слугою.

Григорій А. Еп. Калужск.

10 апрѣля 1874 г.
въ г. Калугѣ.

¹⁾ Продолженіе. См. январскую кн. *Душепол. Чтенія* 1907 г.

Пречестная матушка Паисія Ивановна!

За поздравленіе ваше по случаю высокаторжественнаго праздника Воскресенія Христова и за молитвы ваши ко Господу о моемъ недостоинствѣ благодарю вашу пречестность и съ своей стороны желаю, чтобы Господь не оставилъ васъ своими милостями и помогаль бы вамъ въ душеспасительныхъ подвигахъ.

Благодарю и за другія письменныя выраженія вашей преданности ко мнѣ, призывая на васъ благословеніе Господне, и остаюсь благожелательнымъ вамъ.

Григорій А. Калужск.

20 апрѣля 1875 г.
въ г. Калугѣ.

Пречестная матушка Паисія Ивановна!

Письмо ваше отъ 3 февраля получено мною 4 числа, а книги упомянутыя въ ономъ получены 8 числа. Благодарю покорно за такое выраженіе вашего усердія ко мнѣ, а также и за благожеланіе на новый наступившій годъ, каковое и къ вамъ обращаю, присовокупивъ поздравленіе съ наступившею Четырдесятницею, которую совершить благополучно и душеспасительно да поможетъ вамъ Господь, желающій всѣмъ спастись.

Душевно благодарю, матушка, и за поздравленіе, сдѣланное по случаю бывшаго праздника Рождества Христова, паче же за ваши постоянныя молитвы ко Господу о мнѣ грѣшномъ.

Призывая на васъ благословеніе Божіе, съ почтеніемъ и искреннимъ желаніемъ вамъ благополучія и преспѣванія въ душеспасительныхъ подвигахъ, остаюсь милости вашей усерднымъ богомольцемъ.

Григорій А. Еписк. Калуж.

17 февраля 1876 г.
въ г. Калугѣ.

Р. С. Жизнь святителя Григорія не новость для меня, а книга Маргаритъ въ такомъ видѣ, какъ присланная, не была извѣстна прежде.

Пречестная матушка Паисія Ивановна!

Письма ваши отъ 1 апрѣля и 22 декабря 1876 года получилъ я своевременно. Благодарю за продолженіе вашего добраго расположенія ко мнѣ, и съ своей стороны всеусердно желаю, да будетъ милостивъ къ вамъ Господь и ущедрить васъ своими дарами, паче же да помогаетъ вамъ своею благодатію къ устроенію душевнаго вѣчнаго спасенія чрезъ дѣланіе святыхъ Его заповѣдей, какъ выражаются святые отцы-наставники. За поздравленія ваши поздравляю васъ съ наступившимъ великимъ постомъ, который желаю провести вамъ въ благодушія и душевспасительно, а затѣмъ войти въ благодатные дни Пасхи и въ теченіе оныхъ насладиться свѣтлостію торжества, порадоваться о воскресеніи и славѣ Спасителя нашего и Господа Иисуса Христа.

Въ обстоятельствахъ жизни моей, по милости Божіей, не было особенныхъ перемѣнъ, кромѣ бывшихъ въ декабрѣ и январѣ праздниковъ.

Призывая на васъ благословеніе Господне, съ почтеніемъ остаюсь милости вашей усердный богомолецъ.

Григорій А. Еп. Калужск.

15 февраля 1877 г.

Эккурсія студентовъ Московской Духовной Академіи на Влижній Востокъ.

(Кіевъ, Одесса, Константинополь, Аеонъ, Солунь, Смирна, Мексика, Бейрутъ, Тарсъ, Палестина, Портъ-Саидъ, Каиръ, Мемфисъ, Александрія, Аены).

Изъ дневника студента.

«Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшей мечтой моего воображенія» — говоритъ Карамзинъ. То же самое и я могу сказать. Когда я былъ воспитанникомъ учительскаго института, то вмѣстѣ съ товарищами и преподавателями мечтали о путешествіи. Я думалъ, что если буду удѣлять третью часть получаемаго вознагражденія за учительскій трудъ, то завѣтную мечту путешествовать можно осуществить. Но по окончаніи института мнѣ не суждено было поступить въ учителя городского училища, — я поступилъ въ число студентовъ духовной академіи. Сначала мнѣ казалось, что съ поступленіемъ въ академію мнѣ не придется исполнить задуманной мною мысли, но къ счастью моему, по окончаніи экзаменовъ на первомъ курсѣ, мои товарищи студенты устроили экскурсію въ Петербургъ. Въ этой экскурсіи и я принялъ участіе. Знакомство съ достопримѣчательностями города, его окрестностями, знакомство съ людьми навело меня на размышленія въ пользу путешествій. Вѣдь путешествія, разсуждалъ я, приносятъ громадную пользу не только отдѣльнымъ лицамъ, но и цѣлому человѣчеству. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ во время путешествія книжныя знанія по-

полняетъ наблюденіями и живыми впечатлѣніями видѣннаго и слышаннаго, сравниваетъ свое родное съ иноземнымъ, наблюдаетъ въ области жизни, науки, искусства... Во время путешествія развивается характеръ человѣка, потому что онъ знакомится съ другими людьми, ихъ обычаями, сравниваетъ ихъ со своими и познаетъ свои недостатки. Перемѣна климата, движеніе, новыя мѣста, новыя лица, интересы — все это благотворно вліяетъ на здоровье человѣка. Когда я все это взвѣсилъ, то мнѣ очевидна была польза путешествія. Говорятъ, что путешествіе развиваетъ въ человѣкѣ неудовлетворенность, потому что, будто бы, человѣкъ послѣ не можетъ жить безъ новыхъ впечатлѣній. Пожалуй, это справедливо по отношенію къ поверхностнымъ людямъ. Исторія человѣческаго рода свидѣтельствуетъ намъ, что путешествія оказали громадныя заслуги развитію человѣческой культуры.

Мысль поѣхать на Востокъ съ религіозно-научной цѣлью принадлежитъ нашему преосвященному ректору академіи, Епископу Евдокиму. Эта мысль съ радостью была принята всѣми студентами. Нашей радости конца не было, когда намъ ректоръ объявилъ, что онъ послалъ ходатайство въ Св. Синодъ о разрѣшеніи путешествовать на Ближній Востокъ. Маршрутъ былъ намѣченъ такой — Константинополь, Аѳонъ, Солунь, Смирна, Мексика, Тарсъ, Бейрутъ, Палестина, Египетъ (Портъ-Сандъ, Каиръ, Мемфисъ, Александрія), Аѳины, Славянскія земли, Австро-Венгрія. Св. Синодъ не сразу намъ разрѣшилъ поѣздку. Ходили даже слухи, что по случаю войны Св. Синодъ совсѣмъ не дастъ разрѣшенія. Многіе изъ насъ оставили надежду поѣхать на Востокъ. Но вотъ 7-го мая 1905 г. во время экзаменовъ мы получили давно желаемое разрѣшеніе. Всѣ, конечно, обрадовались, начались ускоренные сборы. Каждый изъ насъ студентовъ желалъ принять участіе, но не каждый на это имѣлъ средства. Насъ счастливцевъ, имѣющихъ возможность путешествовать, набралось 33 сту-

дента, изъ нихъ одинъ монахъ и 4 священника. 28 мая кончились экзамены.

Повидимому, все было хорошо: поѣдемъ путешествовать, экзамены сошли хорошо, но на душѣ чувствовался осадокъ неудовлетворенности. Я въ то время равнодушно относился къ тому, что мы поѣдемъ на Востокъ, испытывалъ страшное безсиліе, однимъ словомъ, какъ говорятъ, былъ развалиной. Конечно, экзамены были виной всему этому. Разсудокъ подсказывалъ мнѣ, что послѣ экзаменовъ необходимъ отдыхъ, а я боялся поѣхать «на страну далече», и въ то же время мнѣ не хотѣлось отступить отъ задуманнаго плана: вѣдь такіе случаи, какъ поѣздка за границу съ ограниченными матеріальными средствами, рѣдки. Я рѣшилъ ѣхать. Всѣ экскурсанты на общей сходкѣ рѣшили выбрать казначея, который распорядился бы тѣми средствами, которыя имѣлось ввиду собрать съ каждаго изъ насъ. Рѣшили въ общую кассу внести по 100 руб.

Теперь я начну свой дневникъ.

31 мая.

Участники экскурсіи: преосвященный ректоръ академіи, 4 профессора, 33 студента и сопутствующіе, всего около 50 человѣкъ.

Въ 11 час. 30 мин. мы были всѣ на вокзалѣ (въ Сергіевскомъ посадѣ). Порядочно собралось публики провожать насъ. Сердце замираетъ при послѣднемъ свистѣ паровоза. Поѣздъ тронулся и мы всѣ отдали честь Сергіево-посадской публикѣ. Намъ прицѣпили отдѣльный вагонъ 3 класса. Въ этомъ вагонѣ находились всѣ экскурсанты, даже и преосвященный ректоръ. Всѣ чувствуемъ себя торжественно настроенными. Всѣ о чемъ-то говорятъ, суетятся. Приѣхали въ Москву. Отъ Ярославскаго вокзала до Брянскаго всѣ студенты шли пѣшкомъ, а для багажа наняли ломовика. На первыхъ же порахъ мы рѣшили, какъ возможно, беречь наши скудные средства. На Брянскій вокзалъ собралось много знакомыхъ провожаю-

щихъ. Почти каждаго студента кто-нибудь да провожалъ, а я былъ сиротой, меня никто не пришелъ проводить. Поѣздъ тронулся. Всѣ сейчасъ находимся подъ впечатлѣніемъ проводовъ. Вечеромъ въ вагонѣ мы очень хорошо проводили время. Собрались пѣвцы. Сначала пѣли мало-россійскія пѣсни, потомъ «Наша жизнь коротка»... «Gaudemus igitur»... и др. Вечеръ былъ чудный, воздухъ былъ наполненъ ароматами, на станціяхъ мы выходили изъ вагона, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Чувствуется на душѣ пріятная тоска. Думаешь о домашнихъ и о томъ далекомъ пути, который предстоитъ намъ совершить. Въ воображеніи одна картина смѣняется другой. Сердце замирало отъ радости—вотъ мы увидимъ море, о которомъ я училъ на школьной скамьѣ. Вспомнивъ картины Айвазовскаго, я представлялъ себѣ море во всей его красотѣ. Далѣе мнѣ рисовались картины Константинополя. А страна священныхъ воспоминаній? Мнѣ невѣроятнымъ казалось, что мы будемъ тамъ, гдѣ Христосъ молился, училъ народъ, бесѣдовалъ съ грѣшниками, тамъ, гдѣ Онъ былъ распятъ, воскресъ и вознесся на небо. Затѣмъ я задавалъ себѣ вопросъ: неужели въ самомъ дѣлѣ мы будемъ въ Африкѣ? Все мнѣ казалось сказочнымъ, небыточнымъ.

1 і ю н я.

Проѣжаемъ хохлацкими полями. Наблюдаемъ изъ оконъ вагона мазанки. Вѣтъ теплый нѣжный вѣтерокъ. День не жаркій. Какъ хорошо было бы, если бы сейчасъ выйти изъ вагона погулять по зеленѣющимъ полямъ и предаться сладкимъ мечтамъ. Но вотъ станція. Слышимъ звуки музыкальнаго инструмента. Это играетъ кобзарь. Его обступила толпа слушателей. Хотѣлось побольше послушать кобзаря, но неугамонный работникъ-паровозъ пошелъ дальше. Намъ представилась новая картина. Мы видимъ черноземъ, сплошной черноземъ. Ко мнѣ подходитъ священникъ студентъ товарищъ и спрашиваетъ—о чемъ ты

задумался? — Такъ ни о чемъ. — Кончимъ мы съ тобой курсъ академіи, нужно что-нибудь дѣлать, нужно какую-нибудь пользу принести обществу. Тебѣ же говорятъ и пишутъ о приходской жизни. Эта мысль мнѣ очень нравится. Мнѣ думается, что съ устройствомъ прихода отношенія священника къ прихожанамъ и обратно гораздо будутъ лучше, чѣмъ теперь. Любовь умножится, а вѣдь безъ нея нельзя намъ жить. Если бы мы любили другъ друга, тогда и жили бы мы хорошо. — Спасибо отецъ, ты меня навелъ на размышленія. Я еще ничего не думалъ о будущей судьбѣ своей. — Надо подумать, вѣдь мы съ тобой находимся на закатѣ, такъ сказать ученическихъ дней жизни. Остался одинъ годъ нашего пребыванія въ академіи...

Студенты разбились на кучки: одни играютъ въ карты, другіе разсуждаютъ вообще о путешествіи, третьи читаютъ путеводители, четвертые говорятъ о пользѣ путешествія. Одинъ изъ нихъ не преминулъ привести текстъ изъ Священнаго Писанія: Обтекаая страны, умножаетъ разумъ, говорить Премудрый сынъ Сираховъ.

Станція «Кокотонь». Скажите, пожалуйста, какъ называются эти деревья, спрашиваемъ мы у кондуктора. — Это Малороссійскіе тополи. Мы заинтересовались этими деревьями. Они имѣютъ довольно своеобразный видъ, у нихъ вѣтви направляются кверху.

Подъѣзжаемъ къ Кіеву. Что за предельсть этотъ городъ — неволью вырвалось у всѣхъ это выраженіе. Видимъ мать русскихъ городовъ. Счастье. Я не могу нарадоваться. День сѣрый, это хорошо для обозрѣнія Кіева. А вотъ и Днѣпръ, переѣзжаемъ его въ вагонѣ. Вспоминается поэтическое описаніе Гоголя, сравниваешь его съ своимъ впечатлѣніемъ и спрашиваешь: Да что Николай Васильевичъ нашелъ въ Днѣпрѣ хорошаго? Вопросъ разрѣшился въ пользу Гоголя вечеромъ. Когда мы были на Днѣпрѣ вечеромъ, то увидѣли помистинѣ чудную картину. Выраженія — Днѣпръ широкій и глубокій, зеркальная дорога рѣветъ и вьетса... сами собой напрашиваются. Огоньки на

маленькихъ парходикахъ, освѣщенные гулянья, сады— просто, одинъ восторгъ. Мы дожидаемся, когда будетъ освѣщенъ крестъ на памятникѣ св. Владиміра, но не хватило терпѣнья, пошли. Прошла одна минута, и крестъ былъ освѣщенъ. Чтобы полюбоваться побольше освѣщеннымъ крестомъ, мы пошли къ самому памятнику... Хорошо гулять по Кіеву вечеромъ. Сколько здѣсь садовъ! А кислороду-то сколько! Дышишь легко, свободно. Мы долго гуляли по Кіеву, и все-таки не устали. Если бы мы прошли такое разстояніе въ Москвѣ, то это сразу дало бы знать. Почти всѣ дома въ Кіевѣ окрашены въ желтую краску такъ, что весь городъ желтый. Городъ чистый. Многимъ изъ насъ онъ до того понравился, что казался лучше Москвы и Петербурга. Я согласенъ съ этимъ мнѣніемъ. Мужчины, дамы, барышни въ Кіевѣ— народъ крупный, жизнерадостный. На улицахъ нѣтъ той сутолоки, суеты, какъ это бываетъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Здѣсь все въ мѣру, нѣтъ напыщенности, торопливости, нѣтъ большаго скопленія народа на улицахъ.

Днемъ мы ходили на самое высокое мѣсто на берегу Днѣпра. Здѣсь намъ представилась чудная очаровательная картина Кіева и Днѣпра. Ориентироваться намъ помогъ профессоръ Пѣвницкій, который ко мнѣ первому обратился съ вопросомъ: изъ какой мы академіи. Онъ сообщилъ, что когда былъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ мы сейчасъ находимся, Гумбольдтъ, то онъ сказалъ, что красивѣй этого мѣста онъ не нашелъ во всей Европѣ.

У всѣхъ на лицахъ у насъ написана радость, не замечаемъ усталости. Вѣдь мы находимся подъ южнымъ небомъ, дышимъ свѣжимъ, пріятнымъ, ароматичнымъ воздухомъ. Ахъ, если бы здѣсь пожить недѣльки три, хорошо было бы—говоримъ мы. Но въ маршрутѣ значится у насъ, что на осмотръ Кіева полагается одинъ день.

2 і ю н я.

Осматривали достопримѣчательности Кіева. Начали осмотръ съ пещеръ. Видѣли много мощей. Были въ Успен-

скомъ соборѣ, слушали протяжное пѣніе лаврскихъ монаховъ. Служба здѣсь гораздо продолжительнѣе, чѣмъ въ нашей Троице-Сергіевской Лаврѣ. У насъ въ Лаврѣ утренняя начинается въ 3 часа, а въ Кіевѣ — въ 2, всенощная у насъ кончается въ 10½ час., а въ Кіевѣ — въ 11 час. Въ соборѣ находятся неканонизованныя мощи Павла Тобольскаго. Были на лаврской колокольнѣ, откуда открываются прекрасныя виды Кіева; колокольня имѣетъ въ вышину 43 саж., а наша Троице-Сергіевская 47 саж. Владимірскій соборъ въ архитектурномъ отношеніи на насъ произвелъ очень пріятное впечатлѣніе. Въ соборѣ мы видѣли прекрасныя работы нашего великаго художника Васнецова. Много силъ и труда потратилъ онъ на картины. Надо ему отдать должную честь за то, что онъ за свою работу взялъ сравнительно небольшое вознагражденіе. Замѣчательно, что царскія двери очень низенькія, въ стилѣ XI в. Храмъ св. Софіи имѣетъ историческое значеніе, и намъ какъ богословамъ очень важно было его осмотрѣть. Здѣсь разсматривали живопись въ алтарѣ XI вѣка. Были въ Десятинной церкви, въ соборѣ св. Андрея Первозваннаго. Бросили нѣсколько взглядовъ на университетъ, памятники Богдану Хмѣльницкому и Николаю I. Мы очень сэкономили время — намъ во что бы то ни стало хотѣлось побывать у своихъ коллегъ-студентовъ Кіевской духовной академіи. Академія находится на Подолѣ, снаружи имѣетъ очень приглядный видъ. Не безъ интереса мы вошли въ храмъ высшей духовной науки. Коллеги насъ встрѣтили торжественно. Мы сразу почувствовали себя какъ дома, пили чай и осматривали помѣщенія академіи. Какъ ни хорошо у коллегъ, но у насъ еще лучше.

При академіи находится богатый археологическій музей, который стоитъ болѣе милліона рублей. Здѣсь видѣли рѣдкости — иконы V и даже IV в. по Р. Х.; видѣли вѣтку, предъ которой поэтъ писалъ: скажи мнѣ, вѣтка Палестины...

Попрощавшись съ коллегами, мы пошли прямо на вокзалъ. Только что тронулся поѣздъ въ Одессу, поднялась страшная гроза; отъѣхали мы версты три, и поѣздъ чуть было не соскочилъ съ рельсовъ. Пассажиры всё перепугались. Слава Богу, что машинистъ во время остановилъ поѣздъ, и все прошло благополучно. Мы вернулись въ Кіевъ. Я уже не слыхалъ, какъ мы поѣхали обратно, потому что вѣрно уснулъ.

3 і ю н я.

Пріѣхали въ Одессу въ 4 часа. Остановились бесплатно на Пантелеймоновскомъ Аѳонскомъ подворьѣ. Лишь только оправились, мы пошли посмотреть море и, если можно, купаться. Я и товарищъ по дорогѣ зашли въ греческій храмъ, въ которомъ священникъ и діаконъ служили панихиду на греческомъ языкѣ. Мы обратили вниманіе на то, что діаконъ служилъ въ одномъ орарѣ: у насъ русскихъ діаконы служатъ всегда въ стихарѣ и орарѣ. Пошли далѣе къ морю. Улица замѣтно спускается внизъ, но моря не видно. Спрашиваемъ: скоро выйдемъ къ морю?—Скоро, оно предъ вами. Да, оно, дѣйствительно, было предъ нами, мы его приняли за небо. Итакъ, мы видимъ съ товарищемъ въ первый разъ море, настоящее море, не ту лужу, какую я видѣлъ въ прошломъ году—Финскій заливъ. Мы были въ восхищеніи отъ моря. Сами собою сходили съ языка слова ирмосовъ: моря Чермную пучину... Коня и всадника вверже въ море Чермное... Маниемъ Божественнымъ воедино сонмище совокупивый и раздѣливый море... Крестъ начертавъ Моисей, впрямо Чермное пресѣче... Припоминались художественныя картины Айвазовскаго и «Море» стихотвореніе Жуковскаго. Припоминалась народная мудрость, выраженная въ пословицахъ о морѣ: кто на морѣ не бывалъ, тотъ и страху не видалъ,—кто на морѣ не бывалъ, тотъ и Богу не маливался. Припоминались чудныя слова: житейское море, воздвигаемое зря напастей бурю, къ тихому приста-

нищу твоему притекъ вопію Ти... Разсуждая и размышляя, мы незамѣтно для самихъ себя подошли къ морскимъ купальнямъ «Ланжеронъ». Мы взяли билеты и пошли въ нарочно отведенныя комнаты для раздѣванья. Наше купанье продолжалось недолго, потому что и послѣ короткаго пребыванія въ морской водѣ мы озябли, но вообще чувствовали себя замѣчательно хорошо. За купанье заплатили только по 5 коп. въ 2-мъ классѣ. Идя обратно на Пявтелеймоновское подворье, мы обращали вниманіе на виды Одессы. Вообще послѣ Кіева Одесса не произвела на насъ сильнаго впечатлѣнія. Улицы прямыя. Дома окрашены въ темновато-сѣрую краску. Повидимому, въ городѣ развита уличная жизнь. Чувствуется свѣжій морской вѣтерокъ. Идешь по улицамъ Одессы и мало замѣчаешь церквей. Это рѣзко бросается въ глаза послѣ Москвы и Кіева. На Пявтелеймоновскомъ подворьѣ намъ былъ поданъ прекрасный обѣдъ, съ хорошимъ винограднымъ виномъ. Хорошо путешествовать тогда, когда матеріально обезпеченъ, или можно надѣяться на хорошей пріемъ. Намъ везло во все время путешествія. Еще предъ отъѣздомъ мы получили телеграмму отъ начальника аѳонскими подворьями, который увѣдомлялъ нашего о. ректора о томъ, что во ввѣренныхъ подворьяхъ мы встрѣтимъ радужный пріемъ. Начальникъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, архимандритъ Леонидъ, 3 года тому назадъ кончившій нашу академію, увѣдомлялъ студентовъ экскурсантовъ, что онъ насъ будетъ считать своими гостями во все время пребыванія въ Палестинѣ. Такія благопріятныя извѣстія насъ ободрили. Нѣкоторые изъ насъ готовы были пойти на лишенія, лишь бы только участвовать въ экскурсіи. Но далѣе я постараюсь показать, что ничего подобнаго не было. Большаго труда стоило многимъ студентамъ экскурсантамъ собрать 100 руб. въ общую кассу. Одинъ товарищъ студентъ (изъ окончившихъ) говорилъ мнѣ, что онъ совсѣмъ не думалъ поѣхать на Востокъ, потому что не откуда было взять денегъ. Интересно, какъ

онъ собралъ деньги на дорогу: Братство Преп. Сергія дало ему заимообразно 75 руб., «фрачныхъ» получилъ изъ академіи 27 руб., продалъ постель за 10 руб., изъ дому получилъ 10 руб., займы у разныхъ знакомыхъ взялъ 20 руб. Итакъ, у него составилаь требуемая сумма съ избыткомъ.

А і ю н я.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ моря. Какъ то оно насъ приметъ: со злостью или тихо. Душа полна тревоги за таинственное будущее.

На море съ подворья пошли пѣшкомъ. Все честь-честью, какъ настоящіе паломники. Незамѣтно ни пышности, ни торжественности, все просто. Намъ показываютъ — вотъ вашъ пароходъ «Королева Ольга» (Товарищество пароходства и торговли), одинъ изъ лучшихъ пароходовъ, которые ходятъ по Черному морю. На пароходѣ приготовили для насъ особое помѣщеніе въ 3 классѣ, темновато, лавокъ нѣтъ, спать на полу. По закону контраста сразу вспоминаемъ волжскіе пароходы съ ихъ удобными помѣщеніями для пассажировъ. Да, господа, на пароходѣ не важно, говорили мы. Но особенно нечего было горевать. Любезный капитанъ позволилъ намъ находиться на палубѣ, которая была только въ распоряженіи пассажировъ 1 и 2 классовъ. Потомъ мы успокаивались тѣмъ, что съ насъ за проѣздъ отъ Одессы до Александріи и обратно съ остановками на пристаняхъ взяли микроскопическую плату, именно по 12 руб. съ каждаго экскурсанта.

На пароходѣ насъ встрѣтилъ милый Михаилъ Ивановичъ Осиповъ, завѣдующій отправкой паломниковъ въ св. землю. Г. Осиповъ роздалъ намъ заграничные паспорта и сказалъ на дорогу нѣсколько напутственныхъ словъ. «Господа, началъ г. Осиповъ, я 23 года провожаю паломниковъ-богомольцевъ въ святую землю, второй разъ провожаю питомцевъ Московской Духовной Академіи. Сейчасъ мнѣ хочется вамъ сказать въ напутствіе нѣсколько

словъ. Я не обладаю краснорѣчіемъ, какъ вы. Дай вамъ Богъ спутешествовать въ Палестину благополучно, поклониться святынямъ, походить по землѣ, гдѣ ходилъ Господь нашъ и вернуться въ Россію бодрыми духовно и способными проповѣдывать слово Евангелія, будете ли вы духовными особами или свѣтскими на учебно-воспитательной службѣ. На память прошу принять эти Евангелія». Владыка и мы поблагодарили Михаила Ивановича, при чемъ Владыка сказалъ, показывая на Евангеліи: вашими словами говорить эта книга. Поѣдемте съ нами въ Палестину.

Насъ пришли провожать кромѣ г. Осипова 2 монаха съ Пантелеймоновскаго подворья, батюшка съ своими дѣтьми и знакомые студентовъ.

Находясь на пароходѣ, мы созерцаемъ великолѣпную картину. Чуть-чуть, незамѣтно пароходъ отходитъ отъ берега. Нашимъ взорамъ открывается чудное, дивное море. Яркій солнечный день. Настроеніе у всѣхъ приподнятое. Имѣющіе фотографическіе аппараты, снимаютъ. Мои товарищи о чемъ то разговаривали, но я молчалъ и думалъ о морѣ и повторялъ про себя слова Жуковскаго: лазурное море, открой мнѣ глубокую тайну твою, чѣмъ дышетъ твоя напряженная грудь, или тянетъ тебя изъ земныя неволи далекое свѣтлое небо къ себѣ...

Отъ берега уже отѣхали порядочно. Публика садится на мѣста. Начинаешь прислушиваться къ окружающимъ тебя пассажирамъ. Ничего не понимаешь, только различаешь, что вотъ эта компанія говоритъ на греческомъ языкѣ, та пара объясняется по французски и т. п. Хотѣлось бы познакомиться съ нѣкоторыми пассажирами, но незнаніе языковъ мѣшаетъ этому. Это нашъ общестуденческий недостатокъ. Вообще въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ на новые языки почти совсѣмъ не обращаютъ вниманія, а безъ знанія языка путешествовать плохо. Во все время путешествія мы посылали обвиненія той школѣ, которая не позаботилась обучить насъ французскому раз-

говорному языку. Чтобы поѣхать на Востокъ, необходимо знать французскій языкъ. Многие изъ насъ дорогой давали обѣщанія по возвращеніи изъ за границы серьезно заняться изученіемъ французскаго языка, но «суждены намъ благіе порывы, по силѣ свершить ихъ не дано»...

Съ палубы мы сошли въ «преисподнюю», такъ мы называли наше помѣщеніе 3 класса. Здѣсь намъ былъ приготовленъ матросскій обѣдъ, состоящій изъ двухъ блюдецъ — щей и каши. За обѣдъ и за ужинъ съ насъ взяли по 60 коп. съ каждаго человѣка. Сначала было непріятно кушать, вооружившись большими деревянными ложками изъ огромныхъ оловянныхъ мисокъ. Но дружный смѣхъ, строты, общее оживленіе разсѣяли непріятное чувство. Преосвященный ректоръ пожаловалъ къ намъ во время обѣда, мы ему пропѣли «исполла эти деспота».

Обѣдъ насъ оживилъ. Мы стали смѣлѣе присматриваться къ окружающей публикѣ, да и на насъ стали обращать вниманіе. Начались знакомства. Ко мнѣ подсѣлъ одинъ молодой человѣкъ, родня нашему Константинопольскому послу: онъ очень интересовался нашей академической жизнью и предпринятой нами экскурсіей. За разговорами мы не замѣтили, какъ прошло время. Наше духовенство готовится служить всенощную на Троицынъ день. Всѣ пассажиры ждуть начала службы. Минута радостная торжественная. Началась служба на морѣ. «Слава святымъ»... провозгласилъ батюшка. Студенты прочувствованно пѣли стихиры. Каждое слово пѣснопѣвій будило уснувшія души. «Днесъ благодать Святаго Духа насъ собра»... пѣли мы... Преосвященный въ полномъ облаченіи служилъ литію и поліелей. Молитва, прочитанная Преосвященнымъ на литіи: «Услыши ны, Боже Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концевъ земли и сущихъ въ мори далече»... какъ нельзя лучше соотвѣтствовала обстановкѣ и настроенію молящихся. Продолжительная архіерейская служба многимъ пассажирамъ не нравилась, тѣмъ болѣе, что имъ не давали чаю.

Вечеромъ часовъ около 10 мы наблюдали волшебницу луну, которая освѣщала дорогу моря. Кучевые большіе облака часто закрывали луну, и отъ этого картина ночи принимала болѣе очаровательный видъ.

Море спокойно, вообще оно относится къ намъ гостепріимно. Очень жаль, что не пришлось полюбоваться закатомъ солнца.

Дм. Марковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОДВИГЪ И УСИЛІЯ ВЪ ДОБРОДѢТЕЛИ.

О благахъ временной жизни.

Христіанская вѣра внушаетъ намъ, что настоящая жизнь наша есть только временная, и блага ея скоропреходящи.

Св. Василій Великій пишетъ: «Ты путникъ въ этой жизни; все проходишь мимо; все остается позади тебя: видишь на пути растеніе, или траву, или воду, или другое что достойное твоего зрѣнія; полюбався недолго, и пошелъ дальше. Опять встрѣчаешь камни, пропасти, утесы, скалы, пни, а иногда звѣрей, пресмыкающихся гадовъ, терніе или иное что непріятное; поскорбѣлъ недолго, и потомъ оставилъ. Такова жизнь; она не имѣетъ ни удовольствій постоянныхъ, ни скорбей продолжительныхъ. Не твоя собственность этотъ путь, но и настоящее также не твое. У путниковъ такой обычай; какъ скоро первый сдѣлалъ шагъ, тотчасъ за нимъ заноситъ ногу другой, а за этимъ и слѣдующій. Смотри же, не подобна ли сему и жизнь? Нынѣ ты воздѣлываешь землю, а завтра будетъ воздѣлывать ее другой, послѣ него еще другой. Видишь ли эти поля и великолѣпныя зданія? Сколько разъ каждое изъ нихъ, со времени своего существованія, перемѣняло имя! Называлось собственностію такого-то, потомъ переименовано по имени другаго; перешло къ новому владѣльцу, а теперъ стало именоваться собственностію еще

новаго. Итакъ, жизнь наша не путь ли, на который вступаютъ то тѣ, то другіе, и по которому всѣ одинъ за другимъ слѣдуютъ? Посему блаженъ иже на пути грѣшныхъ не ста».

«Одно постоянное благо вождѣнно и похвально: это — честь у Бога. Человѣческое же — неосязаемыя тѣни, обманчивѣе сонныхъ грезъ. Ибо юность проходить скорѣе весеннихъ цвѣтовъ; красота тѣлесная увядаетъ или отъ болѣзни, или отъ времени; богатство не вѣрно, слава непостоянна; самыя занятія искусствами имѣютъ успѣхъ только на время настоящей жизни. И что для всѣхъ болѣе вождѣнно, искусство въ словѣ, имѣетъ пріятность только для слуха».

Св. Іоаннъ Златоустъ пишетъ: «Ничто такъ не доводитъ насъ до опаснаго паденія и не влечетъ по стремнинамъ, ничто такъ не лишаетъ насъ будущихъ благъ, какъ пристрастіе къ вещамъ скоропреходящимъ».

«Тому, кто привязанъ къ настоящему, невозможно и питать въ себѣ любовь къ онымъ неизреченнымъ благамъ: у него пристрастіе къ настоящему омрачаетъ разумъ, точно такъ, какъ какая-нибудь нечистота заплываетъ тѣлесные глаза, и не позволяетъ ему видѣть, что нужно... И не потому только вредно для васъ богатство, что оно совершенно помрачаетъ умъ вашъ; но преимущественно потому, что она содѣлываетъ васъ плѣнниками бездушныхъ вещей, удаляетъ васъ отъ служенія Богу и такимъ образомъ вредитъ вамъ и тѣмъ, что дѣлаетъ васъ рабами вещей, надъ коими вы господствовать должны, и тѣмъ, что не позволяетъ служить Богу, Коему паче всего вы должны служить. *Не можете, говорить Господь, Богу работати и мамонѣ*».

О богатствѣ.

Св. отцы Церкви не осуждаютъ богатства, а осуждаютъ пристрастіе къ нему и злоупотребленіе имъ. Св. отцы

«собора Гангрскаго пишутъ: «Мы и богатства съ правдою и благотвореніемъ не уничтожаемъ».

Св. Василій Великій пишетъ: «Душѣ благочестивой богатство служить средствомъ дѣлать добро чрезъ любознательность... Всмотрись, человѣкъ, въ природу богатства. Что тебя удивляетъ такъ въ золотѣ? Золото — камень, серебро — камень, жемчугъ — камень, камень и всякій изъ камня... Щадила ли кого смерть ради богатства? Минувала ли кого болѣзнь ради денегъ? Долго ли золоту быть силками для душъ, удою смерти, приманкою грѣха? Долго ли богатству служить предлогомъ къ войнамъ, ковать оружія, изощрять мечи? Ради его родные не знаютъ естественныхъ узъ, братья смотрятъ другъ на друга убійствомъ. Ради богатства пустыни питаютъ въ себѣ убійць, море разбойниковъ, города ябедниковъ. Кто отецъ лжи? Кто виновникъ ложныхъ подписей? Кто породилъ клятвопреступленіе? Не богатство ли, не стараніе ли о богатствѣ? Что съ вами дѣлается, люди? Кто вашу собственность обратилъ въ средство уловлять васъ? Имѣніе дано вамъ въ пособіе жизни, а не въ напутіе ко злу; на искупленіе души, а не въ поводъ къ гибели».

Св. Іоаннъ Златоустъ, бесѣдуя, говоритъ: «Не о богатыхъ упоминай мнѣ, но о тѣхъ, кои работавшествовали богатству. Іовъ богатъ былъ, но не служилъ мамонѣ; имѣлъ богатство и обладалъ имъ, былъ господиномъ его, а не рабомъ. (Господь) не запрещаетъ обогащаться, но не велитъ быть рабомъ денегъ и предаваться любостыжанію. (Богатство), содѣлывая васъ плѣнниками бездушныхъ вещей, удаляетъ васъ отъ служенія Богу; и такимъ образомъ вредитъ вамъ и тѣмъ, что дѣлаетъ васъ рабами вещей, надъ коими вы господствовать должны, и тѣмъ, что не позволяетъ служить Богу, Коему паче всего вы должны служить... *Не можете*, говоритъ, *Богу работати и мамонѣ*... Любовь къ богатству, овладѣвъ сердцемъ, какъ бы нѣкоторою крѣпостію, отсюда непрестанно даетъ свои повелѣнія, дышущія беззаконіемъ... Отсюда вредъ несказан-

ный, отсюда ссоры, обиды, распри, труды, слѣпота душевная; и, что всего несноснѣе, служеніе мамонѣ совершенно лишаетъ небесныхъ благъ».

Св. Исидоръ Пелусіотъ пишетъ: «Нѣтъ такого зла въ жизни, которое происходило бы не отъ пристрастія къ богатству. Отъ него вражды, раздоры и войны. Отъ него убійства, разбой, клеветы. Отъ него не только города, но и пустыни, не только обитаемыя поля, но и необитаемыя дебри дымятся кровію и убійствомъ. Даже самое море не изъято отъ сего зла: и тамъ оно свирѣпствуетъ съ величайшею жестокостію; хищники держатъ въ осадѣ самое море и вымыслили вакой-то новый родъ разбойничества. Ради богатства люди превращали законы родства, ниспровергали, уничтожали права самой природы. Злая и гнустная страсть сія не только на живыхъ, но и на мертвыхъ, на ограбленіе гробовъ вооружала хищническія руки, не оставляя въ покоѣ отъ ихъ козней даже того, кто отшелъ отъ настоящей жизни. Какое бы кто ни представилъ себѣ злодѣйство, въ судахъ ли или въ домахъ, или въ городахъ, онъ увидитъ, что все проистекаетъ изъ сего источника. Но что я тружусь? Изобразить всю злокачественность болѣзни сей не сильны будутъ люди, хотя бы всѣ совокупились вмѣстѣ».

О страсти любостяжанія.

Страсть сію Апостоль призналъ не только идолослуженіемъ, но и корнемъ всѣхъ золъ. И св. отцы Церкви также ясно даютъ видѣть безразсудность этой страсти изъ ея ненасытности.

Такъ св. Григорій Богословъ пишетъ: «Мы не знаемъ предѣла въ стяжаніи, поклоняемся золоту и серебру, какъ древніе Ваалу, Астартѣ и Хамосу, ставимъ въ великое драгоцѣнныя и блестящія каменія, мягкія и пышныя одежды—эту пищу моли и добычу разбойниковъ, мучителей и татей, гордимся множествомъ рабовъ и скотовъ, раз-

ширяемъ по равнинамъ и горамъ, однимъ уже владѣемъ, другое приобщаемъ, а иное намѣреваемся приобщить къ своему владѣнію; желаемъ другой вселенной для удовлетворенія своей любостыжательности и не довольствуемся предѣлами какіе положены Богомъ, потому что они тѣсны для нашихъ пожеланій и алчности».

Св. Іоаннъ Златоустъ подобное же пишетъ: «Я никогда не перестану повторять, что приращеніе богатства болѣе и болѣе возжигаетъ пламя страсти и дѣлаетъ богачей бѣднѣе прежняго; поелику, возбуждая въ нихъ безпрестанно новыя пожеланія, заставляетъ чрезъ то ихъ сознать всю свою нищету... Итакъ, истреби въ себѣ злую страсть къ богатству. Ибо страсть къ богатству подвергаетъ тебя жестокому наказанію не только въ гееннѣ, но еще и прежде оной — въ настоящей жизни. Страсть сія разоряла многіе дома, воздвигала жестокія войны и заставляла прекращать жизнь насильственною смертію. Даже и прежде сихъ бѣдствій она помрачаетъ добрыя качества души и часто содѣлываетъ человѣка рабомъ, слабымъ, дерзкимъ, обманщикомъ, клеветникомъ, хищникомъ, лихоимцемъ и вообще имѣющимъ въ себѣ всѣ низкія качества».

Св. Исидоръ Пелусіотъ пишетъ: «Почти каждая другая страсть дѣйствуетъ, и приходитъ въ ослабленіе, насыщается, и исчезаетъ. Но бѣдственная любовь къ корысти, не будучи врождена, но извнѣ откуда-то вкравшись, свирѣпствуетъ безъ ослабленія, смѣется надъ сытостію, не знаетъ удовольствія, не любитъ конца. Всегда удерживая, или лучше усугубляя силу свою, старается быть моложе самой себя и свирѣпѣе. Она не только воюетъ съ другими страстями, но и съ собою,—силится побѣдить себя. Скорѣе кто-нибудь сдѣлалъ бы невозможное, нежели она насытится. Ибо приращеніе, не знаю, какимъ это образомъ, ей представляется уменьшеніемъ и убыткомъ, возжигаетъ только большій огонь».

Преступная роскошь и расточительность.

Св. отцы Церкви въ самыхъ разительныхъ чертахъ представляютъ всю несообразность этой страсти съ окружающею насъ бѣдностію нашихъ ближнихъ.

Св. Василій Великій пишетъ: «Люди, живущіе роскошно, первыми вонями мажущіися и пьющии процѣженное вино, осуждаются въ Писаніи (Амос. 6, 6); о вдовицѣ питающейся пространно, говорится, что она заживо умерла (1 Тим. 5, 6); богачъ за здѣшнее наслажденіе лишился рая (Лук. 16, 29). Итакъ, къ чему же намъ большія издержки?»

Св. Іоаннъ Златоустъ пишетъ: «Не зараженные этою страстію знаютъ, что роскошь уязвляетъ болѣе, нежели терніе, изнуряетъ душу сильнѣе, нежели забота, и причиняетъ самыя мучительныя болѣзни какъ тѣлу, такъ и душѣ... Роскошь въ пицѣ вноситъ язву во всѣ члены: она безжизненна, и бесплодна, какъ терніе, и гораздо больше его вредна. Ибо она преждевременно приближаетъ къ старости, притупляетъ чувства, омрачаетъ мысль, ослѣпляетъ провицательный умъ, причиняетъ множество болѣзней и возлагаетъ большую тяжесть и несносное бремя... Роскошь въ одеждѣ показываетъ человѣка извѣженнаго, жестокаго и суетнаго. Достанетъ ли досуга заняться чѣмъ-либо нужнымъ тому, кто тратитъ время на такія излишества? Достанетъ ли досуга позаботиться о душѣ, или подумать, что есть у него душа?.. Найдеть ли онъ время возрѣть на небо? Досугъ ли ему подивиться красотѣ небесъ».

Св. Григорій Богословъ объ этой страсти пишетъ: «Ужели они (т.-е. бѣдные) будутъ томиться подъ открытымъ небомъ, а мы станемъ жить въ великолѣпныхъ домахъ, разцвѣченныхъ всякаго рода камнями, блестящихъ золотомъ и серебромъ, гдѣ узорчатая мозаика, и разнообразная живопись прельщаютъ и приманиваютъ взоры? Да еще въ однихъ будемъ жить, а другіе строить? И для

кого? Быть можетъ, не для наслѣдниковъ нашихъ, а для людей постороннихъ и чужихъ, и притомъ, можетъ быть, для такихъ людей, которые не только не любятъ насъ, но еще, что всего хуже, исполнены вражды къ намъ и зависти. — Они (бѣдные) будутъ трястись отъ стужи въ ветхихъ и раздранныхъ рубищахъ, а можетъ быть еще и тѣхъ имѣть не будутъ, а мы будемъ нѣжить себя, покрываясь мягкой и пышною одеждою, воздушными тканями изъ тонкаго льна и шелку, и между тѣмъ какъ одними уборами будемъ не столько украшать себя, сколько обезображивать (ибо все излишнее и щегольское я почитаю безобразіемъ), другіе наряды — будутъ лежать у насъ въ кладовыхъ? — Они будутъ нуждаться — и въ необходимой пищѣ; будутъ въ изнеможеніи валяться у воротъ нашихъ, а мы, роскошно одѣтые, будемъ съ важностію возлежать на высокихъ и пышныхъ ложахъ, покрытыхъ дорогими коврами, до которыхъ другой не смѣй и дотронуться, оскорбляясь и тѣмъ, если только услышимъ умоляющій голосъ ихъ? Намъ нужно, чтобы полъ у насъ усыпаемъ былъ часто, и даже безвременно, благоухающими цвѣтами, а столъ орошенъ былъ самымъ дорогимъ и благовоннымъ мѣромъ; — нужно, чтобы юные слуги предстояли предъ нами... Нужно кромѣ того, чтобы всѣ стихіи, — и воздухъ и земля, и вода, — въ обиліи доставляли намъ дары свои, и столъ нашъ весь былъ уставленъ и обремененъ мясными и прочими хитрыми выдумками поваровъ и пекарей; чтобы всѣ они наперерывъ старались о томъ, какъ бы больше угодить жадному и неблагодарному нашему чреву. Для бѣдныхъ много значить утолить жажду и водою; а у насъ пѣнится въ чашахъ вино: пей до упоенія, даже до безчувствія, если кто не воздерженъ! Да еще одно изъ винъ отошлемъ назадъ, другое похвалимъ за его запахъ и цвѣтъ, о третьемъ начнемъ съ важностію разсуждать, и бѣда, если кромѣ своего отечественнаго не будетъ у насъ какого-нибудь иностраннаго вина, какъ иноземнаго завоевателя! Ибо намъ непременно должно вести жизнь роскошную и превышаю-

щую нужды, или, по крайней мѣрѣ, славиться такою жизнію; какъ будто стыдно намъ, если не будутъ почитать насъ порочными людьми и рабами чрева. Нѣтъ, други и братія, не будемъ неправедными распорядителями ввѣреннаго намъ, чтобъ не услышать намъ грозныхъ словъ Петра: «Постыдитесь вы, удерживающіе у себя чужое, подражайте равной для всѣхъ благодати Божіей, и тогда не будетъ ни одного бѣднаго»...

Ипполитъ.

(Продолженіе будетъ).

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Станемъ всё предъ судомъ Вѣчной Правды!

(о современныхъ общественныхъ настроеніяхъ съ христіанской точки зрѣнія).

„Воздидите убо истина дозвѣстная“
(Римл. 13, 7).

Нѣкоторые говорятъ, что пастырямъ не слѣдуетъ касаться въ своихъ проповѣдяхъ общественныхъ вопросовъ. Едва ли можно согласиться съ этимъ. Можетъ ли пастырь церкви стоять въ сторонѣ отъ жизни своихъ пасомыхъ? Можетъ ли онъ не болѣть душою, не волноваться, не говорить, когда видитъ тревогу, смущеніе, раздоры и волненіе среди своихъ пасомыхъ, въ обществахъ? Не нужно забывать, что пастырь церкви не только молитвенникъ и требоисправитель, но и руководитель совѣсти своихъ пасомыхъ, руководитель ихъ жизни.

Когда души пасомыхъ смущены, когда совѣсти тревожатся и колеблются, не зная, какого пути держаться, чтобы не отпасть отъ правды Божіей, можетъ ли въ такіе моменты безмолвствовать пастырь? Очевидно, нѣтъ! Пастырь долженъ быть отзывчивъ къ жизни своихъ пасомыхъ, онъ долженъ не только ясно видѣть ихъ настроеніе, но и дѣятельно направлять ихъ въ сторону добра и правды Божіей. вмѣстѣ со своими пасомыми онъ долженъ разбираться въ мучительныхъ для нихъ вопросахъ жизни и помогать имъ разрѣшать ихъ въ духъ Христова ученія. Вотъ это послѣднее и есть то самое важное, чего никогда не долженъ упускать изъ виду пастырь, произнося свои сужденія объ общественныхъ вопросахъ, если только онъ хочетъ быть дѣйствительно провозвѣстникомъ евангельской

истины, а не ораторомъ той или иной политической, общественной группы.

На насъ нынѣ лежитъ великая обязанность высказать слово съ христіанской точки зрѣнія о событіяхъ современной жизни. Постараемся же пребыть вѣрными духу св. Евангелія. На нашихъ глазахъ совершается громадное такъ называемое революціонное движеніе, втянувшее въ свой круговоротъ великое множество людей изъ всѣхъ слоевъ русскаго общества и народа, движеніе, направленное противъ существующаго государственнаго и общественнаго порядка и стремящееся замѣнить этотъ порядокъ новымъ. Это движеніе является нынѣ для всѣхъ предметомъ мучительнаго вниманія и глубокой тревоги. Много жертвъ оно уже унесло съ собой и неизвѣстно, какъ много и еще унесетъ. Одни сочувствуютъ этому движенію, ожидая отъ него различныхъ благъ для русскаго народа, другіе осуждаютъ его, какъ источникъ государственной смуты, третьи колеблются, не зная, что сказать о немъ. Что же скажемъ мы о немъ, стоя на евангельской точкѣ зрѣнія? Мы прежде всего должны признать, что какими бы благовидными побужденіями революціонное движеніе ни оправдывало себя, какія бы заманчивыя блага оно ни обѣщало впереди, *христіанская совѣсть не можетъ его одобрить, не можетъ его благословить*, ¹⁾. Слово Божіе говоритъ ясно: «будьте покорны всякому человѣческому начальству, для Господа: Царю ли, какъ верховной власти, правителямъ ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро... Всѣхъ почитайте, братство любите, Бога бойтесь, Царя чтите» (1 Петра 2, 13—17). Не приводимъ многихъ другихъ подобныхъ же мѣстъ Св. Писанія по причинѣ ихъ общеизвѣстности.

Знаемъ мы, что чехотно и нетерпѣливо прислушиваются современные люди къ этимъ повелѣніямъ апостоловъ, не по духу нашему времени эта проповѣдь покорности, терпѣнія, даже молитвы о властяхъ... Но неужели же намъ по этому утаивать отъ себя ясное слово Евангелія? Какъ

¹⁾ Мы говоримъ именно о революціонномъ, но не о преобразовательномъ движеніи, которое, какъ стремленіе улучшить жизнь *мирнымъ путемъ*, заслуживаетъ всякаго сочувствія.

бы то ни было, но мы должны съ нимъ считаться, если хотимъ быть христіанами.

Говорятъ, что апостолы проповѣдывали *не безусловную* покорность и послушаніе... Да, они сами не послушались, когда имъ запретили *проповѣдывать о Христѣ*, и св. мученики не слушались, когда ихъ принуждали *приносить жертвы богамъ*, но мы не знаемъ ни одного случая, чтобы апостолы или мученики требовали, напр., освобожденія рабовъ, или шли бы противъ тѣхъ или другихъ гражданскихъ распоряженій правительства, или поднимали возстаніе противъ него. А вѣдь они жили въ то время, когда власть для нихъ была чужою, языческою, когда она поддерживала самыя жестокіе нравы и обычаи, когда она гнала, мучила и убивала самихъ проповѣдниковъ Евангельскаго ученія. И, несмотря на это, они внушали всѣмъ христіанамъ: «Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ; ибо нѣтъ власти не отъ Бога»... (Римл. 13, 1). Рабы, во всемъ повинуйтесь господамъ, не только добрымъ и кроткимъ, но и суровымъ... Ибо, что за похвала, если вы терпите, когда васъ бьютъ за проступки? Но если дѣлая добро и страдая, терпите, это угодно Богу, ибо вы къ тому призваны; потому что и Христосъ пострадалъ за насъ, оставилъ намъ примѣръ, дабы мы шли по слѣдамъ Его! Онъ не сдѣлалъ никакого грѣха, и не было лести въ устахъ Его. Будучи злословимъ, Онъ не злословилъ взаимно: страдая не угрожалъ, «но предавалъ то Судіи праведному» (1 Петр. 2, 18—23).

Если бы мы жили въ тѣ времена съ нашими теперешними понятіями и чувствами, то какъ многіе изъ насъ воспылали бы ненавистью къ тогдашнему правительству и говорили бы: можно ли уважать такое правительство, можно ли ему повиноваться? Не значить ли это участвовать вмѣстѣ съ нимъ въ его преступленіяхъ? А посмотрите, какія понятія у апостоловъ! Какъ они были вѣрны своему Учителю, сказавшему: «любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящихъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ» (Мѣ. 5, 44).

Отчего же такая великая, такая глубокая разница между поступками древнихъ христіанъ и современными намъ понятіями и чувствами? Что же, у тѣхъ было менѣе сознанія собственнаго достоинства, неужели у насъ? Едва

ли. Вся суть въ томъ, что тѣ, древніе, были безпрекословно послушны Христу, кромѣ этого послушанія не имѣли иной цѣли жизни, безусловно отреклись отъ всякаго самолюбиваго дѣйствія, а у насъ, современныхъ людей, такого отношенія ко Христу нѣтъ. Мы кромѣ себя, понимаемаго хотя бы даже въ смыслѣ всего челоуѣчества, ничего въ мірѣ не видимъ, выше *своихъ правъ* цѣли не знаемъ, ничему иному служить не хотимъ. Скажутъ, что мы привели въ примѣръ апостоловъ и мучениковъ, но не самого Христа. Но вотъ примѣръ и Христа. Когда воины брали Его въ саду Геосиманскомъ, и апостоль Петръ обнажилъ мечъ въ защиту Его, то не услышалъ ли онъ слова: «возврати мечъ твой въ его мѣсто; ибо всѣ, взявшіе мечъ, мечемъ погибнуть; или думаешь, что Я не могу умолить Отца Моего и Онъ представитъ Мнѣ болѣе, нежели двѣнадцать легіоновъ ангеловъ?» (Мѣ. 26, 52. 53). И съ какою кротостію, съ какимъ терпѣніемъ переносилъ Христосъ всѣ грубыя издѣвательства надъ Нимъ синедріона, слугъ архіерейскихъ, воиновъ, Ирода, съ какимъ благоговѣніемъ отзывался Онъ объ источникѣ власти Пилата: «ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебѣ свыше» (Іоан. 19, 11).

Такимъ образомъ, съ христіанской точки зрѣнія революціонное движеніе не находитъ для себя въ христіанствѣ опоры и основанія.

Спросимъ себя, однако, чѣмъ же вызвано это противное христіанству общественное явленіе? Не подала ли повода къ нему сама наша общественная жизнь? Если неправы революціонеры, то правы ли мы, православные люди, все общество, духовенство, правительство?

Вѣдь мы всѣ христіане, а по христіански ли мы жили и живемъ? Надо намъ не ограничиваться отыскиваніемъ сучка въ чужомъ глазу, а обратиться къ себѣ, испытать свою совѣсть, отдать себѣ отчетъ, не ложится ли на насъ вина за революціонное движеніе? И не будетъ ли съ нашей стороны фарисейскимъ лицемѣріемъ и безсердечіемъ, если мы, создавая своею жизнію благоприятныя для революціоннаго движенія условія, будемъ умывать свои руки?—Итакъ посмотримъ, чиста ли наша совѣсть предъ Богомъ?

Христіанство требуетъ отъ насъ вѣры и взаимной любви, какъ плода этой вѣры. «Посему узнаютъ всѣ, что

вы мои ученики, если будете имѣть любовь между собою» говорить Господь (Іоан. 13, 34). Ученикъ Господа Іоаннъ пишетъ: «такое благовѣствованіе, которое вы слышали отъ начала, чтобы мы любили другъ друга... Кто имѣетъ достатокъ въ мірѣ, но, видя брата своего въ нуждѣ, за-творяетъ отъ него сердце свое, какъ пребываетъ въ томъ любовь Божія? Дѣти мои! Станемъ любить не словомъ, или языкомъ, но дѣломъ и истиною!» (Іоан. 3, 11—18).

Тоже пишутъ и всѣ прочіе апостолы въ своихъ посланіяхъ. И жизнь первыхъ христіанъ, дѣйствительно, была проникнута взаимною любовью и единоклѣвнымъ, какъ объ этомъ ясно свидѣлствуютъ Дѣянія св. апостоловъ: «Они постоянно пребывали въ ученіи св. апостоловъ, въ общеніи и преломленіи хлѣба и въ молитвахъ. Былъ же страхъ на всякой душѣ... Всѣ же вѣрующіе пребывали вмѣстѣ... и каждый день единоклѣвно пребывали въ храмѣ и преломляя по домамъ хлѣбъ, принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца, хваля Бога и находясь въ любви у всего народа» (Дѣян. 2, 42—47). «У множества же увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа» (4, 32).¹

Такъ жили первые христіане. Съ теченіемъ времени, однако, этотъ огонь первоначальнаго одушевленія, чистой вѣры и искренней любви, безкорыстнаго служенія Богу и другъ другу, все болѣе и болѣе ослабѣвалъ, а выступали впередъ интересы другого рода, интересы эгоистическіе. Христіанское общество обмірщилось, осуетилось. Такъ продолжается и до сего времени. Христіанское вѣроисповѣданіе стало внѣшней формой нашей жизни, а не внутреннимъ ея содержаніемъ. И вотъ постепенно возникло и распространилось въ христіанскомъ обществѣ то многообразное зло неправды взаимныхъ отношеній и личной жизни, отъ котораго жестоко страдаетъ современное общество. Появилось взаимное равнодушіе, полная разобщенность между вѣрующими, взаимное недовѣріе и непониманіе, и рядомъ съ роскошными палатами богачей умираютъ голодною смертью дѣти бѣдняковъ. На фабрикахъ, заводахъ и въ шахтахъ несутъ каторжный трудъ рабочіе и ихъ семьи, и никому до этого дѣла нѣтъ. Глубокая пропасть возникла между нашими вѣрованіями и нашею жизнью. Эта пропасть темнымъ пятномъ ложится на нашу совѣсть. Мы по имени только христіане, но не по жизни. И, можетъ быть, всѣ наши народныя несчастія послѣд-

этого времени, начиная съ несчастной Японской войны и оканчивая домашними, внутренними смутами и кровопролитіями, можетъ быть все это—есть результатъ забвенія нами правды Христовой, есть тяжкій, но заслуженный нами, нами самими изготовленный крестъ, есть огненное испытаніе, посланное намъ для нашего очищенія и обновленія.

Не сбываются ли на насъ слова пророка Исаи: «Во что васъ бить еще, продолжающихъ свое упорство? Вся голова въ язвахъ и все сердце исчахло. Отъ подошвы ноги до темени головы нѣтъ у васъ здороваго мѣста: язвы, пятна, гноящіяся раны, неочищенные и необвязанные и несмягченные елеемъ. Земля ваша опустошена; города ваши сожжены огнемъ; поля ваши въ вашихъ глазахъ снѣдають чужіе; все опустѣло, какъ послѣ разоренія чужими... Къ чему мнѣ множество жертвъ вашихъ?.. Беззаконіе и празднованіе! Новомѣсячія ваши и праздники ваши ненавидитъ душа Моя: они бремя для Меня; Мнѣ тяжело нести ихъ. И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю отъ васъ очи Мои; и когда вы умножаете моленія ваши, я не слышу: ваши руки полны крови. Омойтесь, очиститесь; удалите злыя дѣла ваши отъ очей Моихъ; перестаньте дѣлать зло; научитесь дѣлать добро, ищите правды, спасайте угнетеннаго, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите, рассудимъ, говоритъ Господь» (Ис. 1, 1—18). Грemitъ, грemitъ и по отношенію къ намъ этотъ гнѣвный голосъ Божій! И намъ всѣмъ настало время рассудиться съ Богомъ и сознать вину свою передъ Нимъ! Мы всѣ виноваты передъ Нимъ. Никто не имѣетъ права слагать вину на другихъ, а себя оправдывать. Мы всѣ, всѣ довели Россію до настоящаго ея печальнаго положенія. Виновато высшее правительство, которое съ Петра Великаго отдалилось отъ народа и отъ Церкви, перестало совѣтоваться съ ними и составлять съ ними одну живую, тѣсную семью, которое ограничило плодотворную дѣятельность Церкви, преградивъ ея высшимъ представителямъ непосредственный доступъ къ Царю и лишивъ ихъ права «печаловаться» за народъ и за всѣхъ несправедливо обиженныхъ, которое допустило образованію юношества направиться по ложной, не—христіанской, ме—народной дорогѣ и тѣмъ создало разобщеніе между образованными классами и простымъ народомъ и довело

школу до тѣхъ печальныхъ результатовъ, которые мы теперь такъ ясно видимъ.—Виновато духовенство, которое не стояло на высотѣ своего пастырскаго долга, тяготилось своимъ служеніемъ, погрязало въ матеріальныхъ расчетахъ, забывало слова, начертанныя на крестахъ его: «образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою», которое не возвышало мужественнаго и правдиваго голоса противъ неправды (1 Тим. 5, 20). Виновата интеллигенція, которая разорвала духовную связь съ народомъ, легкомысленно не дорожила христіанскими основами жизни, искала внѣ христіанства, внѣ Церкви новыхъ разумныхъ устоевъ и путей жизни, виновать и весь русскій народъ, не хранившій страха Божія, недостаточно свято и чисто проводившій жизнь свою.

А если мы всѣ виноваты, то всѣ и положимъ начало новой жизни, всѣ покаемся. Сознаемъ, что если бы мы не растеряли и не растратили въ своей общественной жизни духа христіанской общительности и взаимопомощительности, завѣщаннаго намъ Христомъ и Апостолами, то не было бы мѣста, повода и основанія для революціоннаго движенія! Говоримъ это не въ оправданіе послѣдняго, а въ осужденіе насъ самихъ!

Итакъ, что же дѣлать теперь намъ? Во первыхъ, не участвовать въ революціонномъ движеніи, очевидно осуждаемомъ Евангеліемъ, а во вторыхъ, приступить къ созиданію христіанской общительности и взаимопомощительности, *строить положительную христіанскую общественность*, объединяться во имя Христово.

Въ подъемъ христіанскаго одушевленія, въ возвращеніе его къ первоначальной силѣ, заключается средство къ нашему общему спасенію. Въ единенія сила. Это теперь сознають всѣ партіи. Но если сила во всякомъ единеніи, то тѣмъ болѣе въ единеніи во имя Христово. У христіанскаго общества не можетъ быть задачи выше и святѣе, какъ объединиться для созиданія доброй христіанской общественной жизни. Какъ же осуществить это христіанское объединеніе? По приходамъ. У насъ въ Россіи 40,000 церковныхъ приходовъ. Пусть каждый изъ нихъ проникнется духомъ Христовой любви, и тогда обновится вся Россія и крѣпко станетъ на своихъ ногахъ, ибо церковные приходы—это фундаментъ всего русскаго общественнаго строя! Слишкомъ далеки наши приходы отъ созна-

нія своего единства во Христь! Чтобы совершилось объединеніе приходоѡ, необходима, чтобы въ каждомъ приходѡ образовалась сперва около храма Божія и священника группа людей, горячо преданныхъ этому дѡлу объединенія: какъ закваска, она постепенно преобразуетъ и сгруппируетъ вокругъ себя весь приходъ.

Пусть она приметъ на себя трудъ внимательнаго изученія нуждъ своего прихода, пусть тщательнымъ образомъ организуетъ дѡло приходской взаимопомощи, словомъ, пусть всѡми возможными для нея способами воспитываетъ и развиваетъ въ приходахъ христіанское самосознаніе. А затѡмъ, пусть войдутъ между собою въ общеніе и союзъ всѡ приходы отдѡльныхъ епархій, а наконецъ и всей Россіи съ тою же великою цѡлью христіанскаго возрожденія! И тогда дѡйствительно возсіяетъ надъ нашею землею Солнце правды—Христось Богъ нашъ и разсѡются мрачныя тучи всеобщей вражды, мести и недовѡрія.

Пока же все это будетъ совершаться, не будемъ чуждаться участія и въ государственной, и во всякой иной общественной жизни, но пусть это наше участіе будетъ всегда проникнуто духомъ Христовымъ, а борьба наша со зломъ пусть будетъ свободна отъ всякихъ нехристіанскихъ приѡмовъ и средствъ!

Священникъ Сергій Четвериковъ.

Въ память Русскихъ воиновъ умершихъ въ далекой Японіи.

Отъѡзжая въ Японію и разставаясь съ отечествомъ, считаю своимъ долгомъ напомнить всѡмъ Русскимъ людямъ о дорогихъ и родныхъ намъ могилахъ нашихъ воиновъ, скончавшихся въ плѡну въ Японіи во время войны.

Мало радости и утѡшенія, напротивъ, много бѡдъ и невзгодъ видѡли они на полѡ брани, перенося голодь и холодъ, страдая часто отъ ранъ и болѡзней, пребывая въ постоянномъ ожиданіи возможности близкой смерти. Но и при смерти они не имѡли утѡшенія умереть среди своихъ родныхъ, друзей и знакомыхъ, такъ чтобы родныя

руки закрыли имъ смежающіеся смертнымъ сномъ глаза. Умерли они среди чужихъ, и кости свои сложили далеко отъ родины, въ чужой землѣ.

Да и теперь ихъ могилы не освѣняетъ радостный и пририсяющий свѣтъ Креста Христова съ храма Божія, ибо вблизи ихъ и храма нѣтъ. И никто изъ своихъ не придетъ на ихъ сиротливыя могилы помолиться объ упокоеніи душъ усопшихъ воиновъ въ обычные у насъ поминальные дни, ибо нѣтъ тамъ своихъ родныхъ и друзей, а все чужіе. Никто ихъ тамъ не вспомнить, какъ заброшенныхъ на чужой сторонѣ.

Добрые Русскіе люди! Нашъ общій долгъ— по возможности успокоить духъ нашихъ усопшихъ воиновъ доброю памятью о нихъ.

Какъ это сдѣлать? Въ Японіи теперь насчитывается до 30.000 православныхъ Японцевъ, обратившихся въ христіанство за время 46-лѣтняго пребыванія тамъ и нынѣ здравствующаго 70-лѣтняго старца, знаменитаго Японскаго архіепископа Николая. Есть православные Японцы и тамъ, гдѣ жили наши плѣнники. Японскіе священники доставляли имъ по своимъ силамъ всякое духовное утѣшеніе и совершали у нихъ богослуженіе.

Черезъ газеты, письмами и лично я и приглашаю Русскихъ людей помочь мнѣ въ память усопшихъ нашихъ воиновъ устроить въ Японіи деревянные храмы въ гор. Осака и гор. Мацуяма, гдѣ жили наши плѣнники. Въ этихъ храмахъ будутъ молиться объ усопшихъ единовѣрные православные Японцы. Такъ мы сотворимъ память объ умершихъ, а вмѣстѣ посодѣйствуемъ и умноженію вѣры Христовой въ Японіи: видя нашу любовь къ храмамъ и къ умершимъ, и Японцы - язычники придутъ къ церкви.

Всего на оба храма нужно тысячь двадцать рублей.

Пожертвованія уже поступають, дѣло начато; чѣмъ скорѣе отзовутся добрые люди, тѣмъ скорѣе все будетъ сдѣлано до конца. Пусть никто не стѣсняется малыми жертвами, пусть въ такомъ случаѣ собирають жертвы вмѣстѣ съ другими и пересылають по нижеуказанному адресу.

Не на себя прошу я и унижаюсь въ своихъ просьбахъ. Прошу на общее христіанское и родное русское дѣло. Поэтому, не откажите Самому Богу, мною грѣшнымъ

вамъ предлагающему доброе дѣло (Матѣ. 10,40—42), чтобы и Господь отъ васъ не отказался, а напротивъ принялъ вашу посильную жертву и милость, какъ бы Ему Самому, по Его же собственному слову въ Евангеліи (Матѣ. 25, 34—46).

Пожертванія можно направлять: Петербургъ, Михайловскій Инженерный Замокъ, по Садовой улицѣ, протоіерею Θεодору-Николаевичу Быстрову, или же: Петербургъ, Фонтанка, Крестовоздвиженской Общины Сестеръ Милосердія протоіерею Александру Петровичу Васильеву.

Сердечно благодарю всѣхъ добрыхъ людей, которые, уже отозвались на мой призывъ и принесли мнѣ свои лепты на построеніе храмовъ въ Японіи. Именемъ Божиимъ прошу и ихъ, и всѣхъ Русскихъ людей не оставить и впредь безъ вниманія начатаго добраго дѣла, да и мы въ чужой странѣ, по слову Св. Апостола, *съ радостію творимъ дѣло проповѣди о Христѣ невѣрующимъ, а не воздыхающе, нѣсть бо полезно сіе.*

Епископъ Кіотосскій (въ Японіи), Андроникъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Содержаніе декабрьской книги

„Богословскаго Вѣстника“

за 1906 годъ.

СВЯТАГО ОЦА НАШЕГО НИКИФОРА РАЗБОРЪ И ОПРОВЕРЖЕНІЕ НЕВѢЖЕСТВЕННАГО И БЕЗБОЖНАГО СУЕСЛОВІЯ НЕЧЕСТИВАГО МАМОНЫ ПРОТИВЪ СПАСИТЕЛЬНОГО ВОПЛОЩЕНІЯ БОГА СЛОВА.

НАЧАЛЬНАЯ СТАДІЯ АРИАНСКИХЪ ДВИЖЕНІЙ И ПЕРВЫЙ ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ ВЪ НИКЕѢ. А. А. Спасскаго.

ЦАРЬ И ЦЕРКОВНЫЕ МОСКОВСКІЕ СОБОРЫ XVI и XVII СТОЛѢТІЙ Н. О. Каптерева.

СОВРЕМЕННЫЙ ИНДИВИДУАЛИЗМЪ ВЪ ЭТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ. С. П. Знаменскаго.

СМЫСЛЪ СЕКТЫ СТРАННИКОВЪ. И. К. Пятницкаго.

ОЧЕРКИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ВЪ ГЕРМАНИИ. Діакона Н. Н. Сахарова.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ XIX ВѢКѢ. И. Д. Андреева.
КНИГИ, поступившія въ редакцію.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО САВВЫ, АРХІЕПИСКОПА ТВЕРСКАГО.

ЖУРНАЛЫ СОВѢТА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ ЗА 1906 ГОДЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Подписная цѣна на Богословскій Вѣстникъ на годъ:

Съ приложеніемъ двухъ первыхъ томовъ твореній св. Аѳанасія Александрійскаго: семь рублей безъ пересылки, восемь рублей съ пересылкою внутри Россіи, девять рублей за границу.

АДРЕСЪ: Сергіевъ-Посадъ, Моск. губерніи, Редакція Богословскаго Вѣстника.

Редакторъ в.-орд. проф. И. Андреевъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ МИССИОНЕРСКАГО ЖУРНАЛА

„Православный Благовѣстникъ“ въ 1907 г.

(ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

Издание миссіонерскаго журнала „Православный Благовѣстникъ“ будетъ продолжаться и въ 1907 году.

„Православный Благовѣстникъ“, какъ органъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, имѣетъ свою цѣлю — съ одной стороны выясненіе великой важности миссіонерскаго служенія для Русской православной церкви и Русскаго государства, а съ другой — возможно-полное и вѣрное изображеніе дѣятельности нашихъ отечественныхъ вѣропроповѣдниковъ (миссіонеровъ) и тѣхъ условій, среди которыхъ она совершается въ настоящее время.

Въ составъ русскаго государства входитъ много различныхъ племенъ еще невѣдущихъ истиннаго Бога и донинѣ коснѣющихъ во тьмѣ язычества и магометанства; и съ дальнѣйшимъ движеніемъ русскаго владычества въ глубь Азіи число ихъ все болѣе увеличивается. Прямой и священный долгъ каждаго сына православной церкви приложить всѣ свои усилія къ тому, чтобы и эти наши сограждане, эти наши младшіе братья, услышали слово спасенія и были приведены въ ограду церкви Христовой.

Этого требуетъ и интересъ государственный. Многовѣковой историческій опытъ свидѣтельствуетъ, что приобщеніе инородцевъ къ русскому народу и единеніе съ нимъ вѣрнѣе и успѣшнѣе всего совершаются чрезъ обращеніе ихъ въ христіанство.

Недавно общепризнанный законъ о вѣротерпимости не снимаетъ съ насъ обязанности помогать и содѣйствовать приобращенію новыхъ чадъ Христовой церкви, по заповѣди Спасителя, посланшаго Своихъ апостоловъ учить и крестить **всѣя языки...** Православная миссія, проповѣдая ученіе Христово, не употребляетъ никакихъ внѣшнихъ, а тѣмъ болѣе насильственныхъ мѣръ и средствъ для обращенія въ вѣру Христову, предоставляя это дѣло доброму произволенію и совѣсти каждаго и всеильному дѣйствию Божіей благодати.

Мы думаемъ, что свѣдѣнія о состояніи нашихъ миссій и апостольской дѣятельности нашихъ отечественныхъ миссіонеровъ (вѣропроповѣдниковъ) не могутъ не представлять живого интереса для всѣхъ, кому дороги успѣхи православной церкви и русской гражданственности. Сообщеніе же этихъ свѣдѣній и будетъ составлять главное и существенное содержаніе миссіонерскаго журнала „Православный Благовѣстникъ“.

Программа журнала слѣдующая:

I. Отдѣлъ **официальный**. Постановленія и распоряженія Правительства, касающіяся Миссіонерскаго Общества и его дѣя-

тельности. Распоряженія Совѣта Миссіонерскаго Общества. Его отчеты. Свѣдѣнія о дѣятельности Епархіальныхъ Комитетовъ Общества.

II. Руководящія статьи по вопросамъ, касающимся миссіонерскаго дѣла въ Россіи.

III. Современное положеніе отечественныхъ миссій. Географическіе очерки мѣстностей, населенныхъ инородцами и служащихъ поприщемъ дѣятельности для нашихъ вѣропроповѣдниковъ. Очерки этнографическіе, изображающіе религіозно-нравственныя воззрѣнія инородцевъ, ихъ бытъ, а также семейныя и общественныя отношенія въ связи съ религіозными вѣрованіями. Русскіе вѣропроповѣдники — въ мѣстахъ ихъ постоянной дѣятельности, внѣшняя сторона ихъ жизни. Проповѣдь, условія, благопріятствующія проповѣди или же останавливающія ея успѣхи. Мѣры, принимаемыя къ утверженію православія между новообращенными инородцами и сближенію ихъ съ русскими. Просвѣтительно-благотворительныя учрежденія въ православно-русскихъ миссіяхъ.

IV. Очерки и рассказы изъ исторіи первоначальнаго распространенія христіанства въ разныхъ странахъ свѣта и преимущественно въ Россіи. Судьбы отечественныхъ миссій въ ближайшемъ прошломъ.

V. Миссіонерская дѣятельность на западѣ. Свѣдѣнія о католическихъ и протестантскихъ миссіяхъ и ихъ дѣятельности преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ и странахъ, гдѣ эти миссії вступаютъ въ соприкосновеніе и борьбу съ православіемъ.

VI. Извѣстія и замѣтки: краткія отрывочныя свѣдѣнія, относящіяся къ миссіонерскому дѣлу и заимствуемыя изъ газетъ, писемъ и пр.

VII Библиографія. Отзывы о разныхъ книгахъ и статьяхъ, относящихся къ миссіонерству.

VIII. Извѣстія о пожертвованіяхъ, поступающихъ въ пользу православно-русскихъ миссій.

IX. Объявленія.

Журналъ выходитъ *два раза* въ мѣсяць (15 и 30) книжками, въ объемѣ около *четырехъ* печатныхъ листовъ. Цѣна изданія *четыре рубля 50 коп.* безъ пересылки и *пять рублей* съ пересылкою.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Православный Благовѣстникъ“, а также въ канцеляріи Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Адресъ редакціи и канцеляріи: Москва, Лиховъ пер. (близъ Каретнаго ряда), Епархіальный домъ.

Остающіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры журнала за прежніе (съ 1893) годы могутъ бытъ высланы по *три рубля*.

Редакторъ Н. Комаровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1907 годъ
на журналъ

церковно-общественной жизни, науки и литературы

ХРИСТИАНИНЪ.

Журналъ не ставитъ своей задачей тенденціозное служеніе какой-либо одной опредѣленной партіи или какому-либо одному направленію нашей церковно-общественной жизни. Нашъ журналъ ставитъ своею задачей совершенно безпристрастное, всестороннее, спокойное освѣщеніе всѣхъ явленій современной церковно-общественной жизни, науки и литературы. Мы считаемъ своею обязанностію предъ читателями отмѣчать и поддерживать все святое, справедливое, честное, искреннее, что предпринимается во благо Церкви и на спасеніе изстрадавшейся нашей дорогой Родины, хотя бы оно исходило изъ круговъ людей сравнительно съ нами иныхъ убѣжденій. Мы будемъ всюду собирать и эти блески истины, падающіи отъ хитона Спасителя, какъ собирали ихъ св. Отцы въ первохристіанское время на поляхъ даже языческой литературы, густо поросшей всякими сорными травами и бурьяномъ. Слово правды — вотъ нашъ девизъ. Поэтому мы будемъ всемірно избѣгать лжи, которой такъ часто питаютъ себя не только уличныя изданія, но и изданія, выходящія изъ-подъ пера людей съ высшимъ образованіемъ и почетнымъ положеніемъ въ обществѣ. Намъ хотѣлось бы о всемъ говорить такъ, какъ говорилъ бы Самъ Христосъ Спаситель, если бы Онъ жилъ въ наше время, или какъ сказали бы св. Отцы и христіанскіе писатели золотой поры христіанства, державшіе говорить правду и земнымъ царямъ и имѣвшие въ себѣ мужество безбоязненно умирать за эту правду.

Бурнымъ потокомъ течетъ русская жизнь въ послѣднее время. Этотъ могучій потокъ влокочетъ и клубится теперь и около стѣнъ церковныхъ. Но скоро утихнетъ буря... Скоро минуетъ темная ночь... Ужъ близится лучезарный восходъ, и скоро настанетъ день свѣта и заальтъ онъ своими животворными лучами всю землю, освѣтитъ каждый самый забытый уголокъ нашей жизни... Пойдемъ же смѣло на встрѣчу этому современному потоку. Пойдемъ на встрѣчу современнымъ теченіямъ жизни государственной и общественной, но... пойдемъ не съ огнемъ и мечемъ, а съ крестомъ Христовымъ въ рукахъ и съ горячею вѣрой въ недалекое свѣтлое будущее въ сердца. Пусть отовсюду оскорбляютъ наши святыни. Мы все же пойдемъ служить, по мѣрѣ возможности, укреплению нашей св. Церкви и дорогой Родины на началахъ обновленія и свободы, но... служить будемъ не силою пролитой крови, а силою пламенной вѣры во Христа, непреложности, и вѣчность Его ученія.

Мы идемъ на крестное служеніе нашимъ братьямъ, идемъ вмѣстѣ съ ними страдать и быть въ мукахъ духовнаго рожденія, пока во всей нашей жизни не отобразится Христосъ, пока не создается у насъ христіанственная общественность, не возстанетъ церковный бытъ и не создается вполне христіанское государство. Возстановленіе нравственно-религіозныхъ устоевъ нашей Церкви во всей почти необозримой широтѣ и всеобъемлемости ея сложныхъ отношеній къ міру—составитъ нашу главную обязанность. Мы не будемъ замыкаться въ тѣсномъ кругу учено-кабинетныхъ произведеній. Наши статьи рассчитаны на *широкую* публику. Мы будемъ о всемъ писать такъ, что едва ли найдется такой человѣкъ, который бы не поинтересовался. Намъ хотѣлось бы въ своемъ изданіи дать читателю возможность, не теряя много времени и средствъ, какъ въ зер-

жалъ видѣть отраженіе всей современной церковно-общественной жизни со всеми ея свѣтлыми и темными, положительными и отрицательными сторонами. Среди бурь и волненій житейскаго моря, въ мірянахъ мы будемъ пробуждать сознаніе высоты и ответственности ихъ христіанскаго званія, въ пастыряхъ—сознаніе высоты, ответственности и новыхъ условий современнаго пастырскаго служенія. Пастырь въ нашемъ журналѣ найдетъ совершенно *новое* указаніе, какъ ему устоять въ современномъ водоворотѣ и какъ ему построить свою пастырскую жизнь и дѣятельность среди феерически сибняющейся дѣйствительности, полной всевозможныхъ плановъ, гаданій, желаній, требованій, противорѣчій... Христіанинъ найдетъ въ нашемъ журналѣ отвѣтъ на многіе свои жгучіе, мучительные вопросы и научится въ хаосѣ различныхъ современныхъ ученій не терять изъ своего сердца и вида живоноснаго лика Христова.

Мы желаемъ привести всѣхъ къ подножію креста Христова и покорить сердца всѣхъ Христу. Мы желаемъ собрать всѣхъ въ спасительный корабль Христовъ, которому не страшны никакія житейскія бури и волны, потому что на немъ Коричій — Самъ Христосъ Спаситель. Мы хотимъ всѣхъ возвести на гору Господню... Сіе буди, буди...

Служить этимъ великимъ жизненно-христіанскимъ задачамъ и станеть нашъ журналъ всеми своими отдѣлами, изъ которыхъ каждый будетъ горячо и живо раскрывать ту или другую сторону нашей программы. Вотъ эти отдѣлы:

I. Церковно-общественный. Статьи и изслѣдованія по всѣмъ вопросамъ волнующимъ современное духовное и свѣтское общество.

II. Научный. Изслѣдованія и статьи по богословскимъ наукамъ, философіи, психологіи, общественнымъ и естественнымъ наукамъ.

III. Критическій отдѣлъ. Оцѣнка съ христіанской точки зрѣнія художественныхъ произведеній современной свѣтской литературы.

IV. Церковно-бытовая жизнь. Рассказы изъ церковно-бытовой и религиозно-нравственной жизни.

V. Реформа приходской жизни. Статьи и изслѣдованія по вопросамъ устройства нашей приходской жизни среди новыхъ условий ея существованія въ государствѣ.

VI. Блестни. Назидательныя размышленія, мудрыя изреченія древнихъ подвижниковъ, христіанскихъ писателей, философовъ.

VII. Лѣтопись церковно-общественной жизни въ Россіи, на православномъ Востокѣ, въ Славянскихъ земляхъ и на Западѣ.

VIII. Старообрядчество и сектанство. Обзоръ ихъ жизни и дѣятельности въ настоящее время, среди новыхъ условий жизни.

IX. Почтовый ящикъ. Идеинный обмѣнъ мыслями, думами и чувствами съ своими читателями.

X. Хроника академической жизни. Обзоръ всѣхъ выдающихся событій духовной школы.

XI. Среди газетъ и журналовъ. Обзоръ современной печати по всѣмъ вопросамъ.

XII. Новости богословской литературы. Критическіе очерки и отзывы о выдающихся книгахъ и статьяхъ духовнаго содержанія какъ русской, такъ и иностранной литературы.

XIII. Переводы и изданія. Журналъ „Христіанинъ“, не преслѣдуя никакихъ коммерческихъ цѣлей, за самую дешевую плату, въ непродолжительномъ будущемъ, предложить своимъ читателямъ серію выдающихся произведеній западныхъ богослововъ по различнымъ отраслямъ знанія. Едва ли много нужно говорить о томъ, какъ необходимо твердо знать опытъ людей, прошедшихъ тотъ длинный путь развитія и борьбы за свободу

Церкви, намъ, еще только вступающимъ на этотъ путь и уже падающимъ иногда подъ тяжестью выпавшаго на нашу долю жизненнаго креста...

XIV. Указатель вновь вышедшихъ книгъ и брошюръ духовнаго содержания.

XV. Объявленія.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книгами не менѣе 12 печатныхъ листовъ каждая, на хорошей бумагѣ, по временамъ съ иллюстраціями, при двѣтельномъ участіи извѣстныхъ литературныхъ и научныхъ силъ, выдающихся церковно-общественныхъ дѣятелей.

Редакція имѣетъ во многихъ городахъ Востока и Запада своихъ собственныхъ корреспондентовъ, которые будутъ сообщать ей по возможности о всѣхъ выдающихся новостяхъ иностранной церковной, общественной и книжной жизни.

Условія подписки: На годъ 4 рубля, на полгода — 2 руб. съ доставкой и пересылкой въ Россію; за границу: на годъ 7 руб., на полгода — 4 руб. Отдѣльныя книжки журнала по 75 коп. съ перес.; наложеннымъ платежомъ на 10 коп. дороже. При выпискѣ не менѣе десяти экземпляровъ—II-й высылается безплатно.

Книгопродавцы удерживаютъ изъ подписной цѣны 5%.

Объявленія принимаются по 25 коп. за строку петита. За послѣдующіе разы: за три раза 20 коп., за 6 разъ 15 коп., до 12 разъ 10 коп.

Разсрочка допускается для духовенства и учащаго персонала, прочимъ— по соглашенію.

Адресъ редакціи: Сергіевъ-Посадъ, Московск. губ. Редакція журнала „Христіанинъ“.

Редакторъ-Издатель, Ректоръ Моск. Дух. Академіи, Епископъ Евдокимъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1907 годъ
на журналъ

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“,

издаваемый при С.-Петербургской Духовной Академіи.

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“—ежемѣсячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи. Помѣщаетъ а) статьи богословскія, философскія, историческія; б) обзоръ журналовъ и отзывы о книгахъ, в) годичный отчетъ о состояніи Академіи и журналы собраній ея Совѣта, г) въ 1907 г. будутъ печататься Лекціи † проф. В. В. Болотова по древней церковной исторіи.

Въ качествѣ *приложенія* редакція въ 1907 г. издаетъ

Полное Собраніе Твореній преп. Θεодора Студита
въ русскомъ переводѣ.

Въ 1907 году будетъ изданъ первый **ТОМЪ** въ который войдутъ свѣдѣнія о жизни и твореніяхъ пр. Θεодора, древнее житіе его въ двухъ редакціяхъ, догматико-полемическія противъ иконоборцевъ, Малое оглашеніе и Большое оглашеніе.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

а) *Отдѣльно* „Христіанское Чтеніе“ пять руб., съ приложеніемъ 1-го тома „Θ. Студита“—6 р. 50 к., въ переплетѣ 7 р.

б) *Вѣстѣ* съ ежемѣсячнымъ церковно-общественнымъ журналомъ „Церковный Вѣстникъ“ 8 рублей.

в) *Вѣстѣ* съ „Церковнымъ Вѣстникомъ“ и 1-мъ томомъ Феодора Студита 9 руб.

За границей: за оба журнала 10 руб., съ приложеніемъ 1-го тома „Ф. Студита“—11 р. 50 к., въ переплетъ 12 р.; за каждый журналъ *отдѣльно* 7 руб., съ приложеніемъ 1-го тома „Ф. Студита“—9 руб., въ переплетъ 9 р. 50 к.

Иногородніе подписчики надписываютъ свои требованія такъ: Въ Редакцію „Христіанскаго Чтенія“ и „Церковнаго Вѣстника“ въ С. Петербургъ.

Редакторъ профессоръ П. Смирновъ.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

„БОЖІЯ НИВА“

Троицкій собесѣдникъ для православной семьи и школы

въ 1907 году (шестой годъ изданія)

съ Божіей помощью будетъ продолжаться по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прежде.

„БОЖІЯ НИВА“ имѣетъ цѣлю оказывать нравственную поддержку всѣмъ, кто трудится въ великомъ дѣлѣ воспитанія дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія; дать этимъ труженикамъ возможность обмѣниваться мыслями по тѣмъ вопросамъ, которые особенно тревожатъ ихъ христіанскую совѣсть; показывать на фактахъ, какъ велико и свято то дѣло, коему они служатъ, какъ и чѣмъ проявляетъ себя это дѣло въ школьной и семейной жизни; въ чемъ состоитъ тотъ идеалъ, къ коему должна быть направлена *вся* ихъ воспитательная работа. „БОЖІЯ НИВА“ стремится указывать тѣ пути и средства, коими воздѣлывается добрая по природѣ своей нива дѣтскаго сердца. Теплое сочувствіе, съ какимъ повсюду встрѣчено было наше скромное изданіе, даетъ намъ увѣренность, что руководители подросткающаго поколѣнія находятъ въ немъ то, что такъ благопотребно для нихъ особенно въ наше время, время всякихъ тлетворныхъ вѣяній не только въ области воспитанія, но и вообще въ религіозной жизни современнаго общества.

Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ изданіе одобрено для выписки въ бібліотеки народныхъ школъ.—Епархіальные Училищные Совѣты могутъ вносить „Божію Ниву“ въ списокъ изданій, требуемыхъ ими изъ Училищнаго при Св. Синодѣ Совѣта за счетъ суммъ, ассигнуемыхъ на школьныя бібліотеки.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЛЕОНИДА, АРХІЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО *).

Апрѣль (безъ числа). Мы съ пр. Саввою утро провели надъ извлеченіемъ вопросовъ изъ сущности 39 членовъ. Вышло 12 вопросовъ, которыя и представилъ я передъ всенощной владыгѣ. Онъ сказалъ: «не надо вдругъ озадачивать ихъ, я извлеку нѣсколько и можетъ быть иначе ихъ выражу».

2. Утромъ владыка уже прислалъ составленныя имъ вопросы.

1. Какъ можно достигнуть того, чтобы извѣстные 39 членовъ не были препятствіемъ къ соединенію церквей?

2. Какъ можетъ быть соглашено ученіе американской епископальной церкви объ исхожденіи Св. Духа съ ученіемъ Восточной Церкви?

3. Вполнѣ ли доказана непрерывность апостольскаго іерархическаго рукоположенія въ американской церкви?

4. Достоверное церковное преданіе признаетъ ли американская церковь вспомогательнымъ руководительнымъ началомъ для изъясненія Св. Писанія и для церковныхъ чиновъ положеній и дисциплины?

5. Какое воззрѣніе американской церкви на ученіе церкви Восточной о седмиричномъ числѣ таинствъ?

*) Продолженіе. См. февральскую кн. *Душепол. Читанія* 1907 г.
часть 1.

Я тотчасъ переслалъ ихъ гр. А. В. Бобринскому для перевода.

Въ 6 часовъ мы опять собрались ко владыкѣ и просидѣли до 10-го. Юнгъ давалъ предварительные отвѣты на вопросы. Сильно настаиваетъ онъ на то, что не должно изъ 39 чл. дѣлать гору, это скорѣе политическій, нежели духовный законъ. Владыка положилъ, что это само собою разрушится, когда будутъ въ смыслѣ церкви православной рѣшать другіе вопросы. Объ исхожденіи Св. Духа онъ отозвался, что въ этой борьбѣ you shall cost us the bouns.—Владыка согласился, что если римляне, при всемъ стараніи унизить англійскую церковь, не могли до сихъ поръ опровергнуть апостольскаго происхожденія іерархіи; то это сильное доказательство законности преемственныхъ рукоположеній. О преданіяхъ Joung говорить въ строго православномъ духѣ. Седмъ таинствъ будутъ приняты уже и потому, что въ писаніи говорится о 7 дарахъ Св. Духа, церковь знаетъ 7 смертныхъ грѣховъ и т. д. Joung говорить: мы вѣруемъ по простр. катихизису. «Кажется, какъ съ вашей стороны препятствіе къ единенію въ 39 членовъ, такъ съ нашей принятіе VII собора совершенно не понятно у насъ». Владыка въ заключеніи пожелалъ мира церкви американской и изъяснилъ увѣренность, что церкви, стремящіяся къ соединенію умомъ, уже соединены сердцами. Владыка благословилъ Joung'a, который тотчасъ сталъ на колѣни и поцѣловалъ его руку. «Цѣлованіе церкви американской» — было послѣднее къ пастору слово владыки, но провожалъ его владыка почти до дверей изъ зала въ переднюю. Joung'a оберъ-прокуроръ отрекомендовалъ прежде всего владыкѣ, чтобы знать, какъ должно вести съ нимъ рѣчь въ Петербургѣ. Поэтому владыка еще вчера отправилъ къ оберъ-прокурору описаніе первой своей бесѣды съ Joung'омъ.

Владыка говорилъ намъ, что рескриптъ пр. м. Литовскому, по случаю 25-лѣтія воссоединенія униі, писалъ онъ, владыка нашъ. «Мнѣ и съ молодю такая судьба.—Я пи-

салъ рѣчь, которую м. Амвросій говорилъ въ Казанскомъ соборѣ въ 12 году, которая и напечатана въ избранныхъ сочиненіяхъ.» Онъ же и рескриптъ м. Амвросію писалъ.

3. Передъ преждеосвященной литургіей посѣтилъ меня Loung для прощанія. Онъ изъявилъ желаніе, чтобы на грамоты американскихъ епископовъ были отвѣты нѣкоторыхъ старѣйшихъ архіереевъ русскихъ, а къ викарію, чтобы написали викаріи. Желалъ портрета владыки съ собственноручной его надписью для епископа-президента. Мнѣ подарилъ портреты американскихъ епископовъ, на что я отвѣчалъ подаркомъ своей карточки и своей книги «Жизнь св. Филиппа». Онъ настаиваетъ на томъ, что въ настоящее время необходимо устроить русскую церковь православную въ Нью-Йоркѣ. Но при этомъ требуетъ, чтобы обстановка была благолѣпная, ибо американцы необыкновенно впечатлительны. Священникомъ при этой церкви долженъ быть человѣкъ пожилой, характера твердаго, серьезный, ученый, такъ какъ его закидаютъ вопросами о различіяхъ между церквами, и очень ловкій въ обществѣ, обходительный, приличный, ибо американское духовенство принято во всѣ самыя высшія сферы общественной, само состоитъ значительною частію изъ людей высшаго разбора, богатыхъ, образованныхъ высоко, съ хорошо развитымъ даромъ слова. Такимъ человѣкомъ, по его мнѣнію, могъ бы быть пр. Васильевъ, ученый, дѣловитый и живого нрава, такъ какъ американцы составляютъ нѣчто среднее между англичанами и французами, и для нихъ нуженъ человѣкъ съ живымъ характеромъ и обращеніемъ Васильева. То впечатлѣніе, которое произведено будетъ на первый разъ, рѣшить многое въ ходѣ дѣла соединенія. По крайней ненависти къ папистамъ народъ отвергъ почти все, что сохранилось отъ древней церкви, и поэтому намъ, говоритъ Loung, ввести эту старину трудно: ее примутъ за латинство; но чрезъ восточную

церковь все съ удовольствіемъ будетъ принято. Такимъ образомъ дѣло соединенія подвигалось бы тремя путями: литературой и сношеніями съ Россіей, богослужебной практикой Нью-Йорской православной церкви и обращеніемъ съ русскими священниками. Съ своей стороны Young'омъ изъявилось большое расположеніе къ принятію православныхъ обрядовъ, наприм., цѣлованія взаимнаго между священнодѣйствующими и т. п. «Каждене, свѣчи, поклоны земные—все это должно къ намъ перейти, но не вдругъ, а постепенно.» Приэтомъ замѣтилъ, что лобзаніе не въ употребленіи въ Сѣверной Америкѣ; что у нихъ въ церкви принято слушать евангеліе и пѣть хвалебныя пѣсни стоя, молиться на колѣнахъ и слушать поученія сидя. Онъ просилъ молитвъ моихъ дѣлу соединенія и сталъ на колѣна просить благословенія. Я по примѣру владыки благословилъ его. Завтра онъ въ С.-Петербургъ. Подъ Каткова былъ подкопъ. Подъ видомъ шутки 1 апрѣля къ нему прислали фальшивую депешу о внезапной смерти Наполеона III и движеніи народномъ въ Парижѣ. Только сталъ на прежнюю дорогу чести и пользы, какъ немедленно окружаютъ интриги враговъ явныхъ и тайныхъ.

5. Служилъ со владыкою въ Чудовѣ. Онъ обновилъ фіолетовое (обычный посту цвѣтъ) съ желтымъ агримантомъ облаченіе и большую просфору послалъ жертвователницамъ. Какой во всемъ тактъ и приличіе: на немъ и вся одежда и мантия чернаго цвѣта, цвѣтное только шитье кушака и темнокоричневыя четки. И такъ всегда въ постъ; но въ другое время, на выѣздъ, одежда цвѣтная.—Дома одѣяніе изъ черной шерсти, а на выѣздъ шелкъ разныхъ скромныхъ цвѣтовъ и блистаніе драгоценныхъ камней, ибо дома онъ монахъ, а въ служеніи и среди общества и народа онъ женихъ церковный. Въ келліяхъ занималъ насъ легкимъ и пріятнымъ разговоромъ, чувствуя на себѣ обязанность хозяина. Я посѣтилъ Е. В. Шереметеву, въ

комнатѣ все еще больной Е. Сергѣевны. Мы говорили съ кн. Е. С. Долгоруковой объ американскомъ пасторѣ. О томъ дома шла бесѣда съ Н. В. Сушковымъ. Я былъ въ 6 ч. у владыки передать ему желанія, высказанныя Young'омъ на прощаніе.

6. Въ видахъ выгоды театровъ Государь дозволилъ въ Петербургѣ открыть театры съ четверга Пасхи. В. Г. Г—ръ спрашиваетъ владыку, можно ли и въ Москвѣ? Вчера владыка говорить: «не нахожу правила въ канонахъ. Разсужденій они не послушаютъ; но остерегутся, когда представлено правило». Я не обрѣлъ и отписалъ о семъ владыкѣ и притомъ представилъ свои соображенія. Овъ изволилъ отвѣтить. «За разсужденіе В. П—ва объ охраненіи праздниковъ (благодарю).

Простите, что далъ вамъ трудъ. Отвѣтъ мой уже подписалъ. Я нашелъ правило, на которое твердо могъ опереться, и присовокупилъ разсужденія, подобныя вашимъ.

«Миръ вамъ

«Ф. М. Московскій».

Апр. 6 дня 1864 г.

«Не назовете ли мнѣ старшаго изъ американскихъ епископовъ и его епархію?»

Тотчасъ послалъ я записку къ графу Бобринскому, у котораго сберегался для меня списокъ епископовъ написавшихъ посланія, изъ коего видно, что епископъ-президентъ не написалъ, ибо его слово было бы голосомъ церкви, а пока сношенія имѣютъ характеръ частный, и потому есть грамота только отъ его викарія. Вотъ имена: Thomas Shurch Brounelle bishop of Connecticut., presiding bishop of the church of America. Написавшіе грамоты: Cossky еп. Мичиганскій, Lancey Фестивирскій, Potter Пенсильванскій, Potter Ньюіоркскій, Williams викарій Коннектикутскій, Стевенсъ, викарій Пенсильванскій.

7. Утромъ получилъ я посланіе отъ владыки, въ которомъ онъ излагаетъ причины, почему не пишетъ къ американскимъ епископамъ и изъявляетъ желаніе, чтобы объ этомъ сообщилъ я Юнгу. Я пригласилъ гр. Бобринскаго; онъ обѣщаль быть въ 2, а не въ 11, какъ я желалъ. Нечего дѣлать: я взялся писать письмо. Во 2 часу я написалъ другое почти подъ диктовку М. М. Сухотина. Но гр. Бобринскій, пріѣхавъ, подалъ мысль при письмѣ отправить оригиналъ владыкина письма ко мнѣ. Владыка согласился, и письмо направлено въ Петербургъ. Дай Боже, чтобы оно пришло во время: это подарокъ не только Юнгу, но всей церкви американской. Владыка получилъ извѣстіе, которое называетъ печальнымъ и которому вѣрить не хочется: будто оберъ-прокуроръ, безъ синодальнаго совѣщанія, по докладу Государю Императору устроилъ назначеніе Казанскаго ректора Іоанна викаріемъ въ Петербургъ. При этомъ владыка припомнилъ о назначеніи указомъ въ архіерея покойнаго Уфимскаго Августина.

Говорятъ, что въ училищѣ правовѣденія цѣлый классъ на исповѣди открылся, что не признаетъ никакой религіи. Съ гостями, собравшимися у меня, мы искали причинъ такого явленія и нашли ихъ въ лицемѣрїи начальства и правительства. На вѣру смотреть у насъ они какъ дѣло приличія, или какъ предразсудокъ массы, или какъ на политическую пружину, слѣдовательно отношенія къ ней чисто формальныя. Рано или поздно маска должна была упасть. Вотъ и дождались, чего надо было ожидать.

11. Съ красной площади идутъ и ѣдутъ дѣти съ вербами, коньками и т. п. Какъ они счастливы, какъ весело смотрѣть на нихъ; но заглянешь въ будущность этихъ чистыхъ существъ и—что представится? Кто устоитъ въ добрѣ? Не большая ли часть будетъ испорчена міромъ и похотью его? Когда произносилъ я на отпускѣ на литургіи имя четверодневнаго Лазаря (иже во святыхъ отца нашего Лазаря, епископа Ларнакскаго), человекъ въ церкви дѣйствовавшего въ санѣ святителя уже по возвращеніи изъ

другого міра,—это произвело на меня потрясающее дѣйствіе, и съ этой минуты день сталъ мнѣ чѣмъ-то новымъ, духовнымъ, прекраснымъ. Особенно за всенощной раздача ваій, усердіе съ которымъ ихъ берутъ и умиленный напѣвъ очень глубоко трогали душу. Всѣ казались одною родною, любимою семьею. Но когда вникалъ въ душу, видѣлъ тамъ себя какъ мертвеца, о которомъ одно можно было сказать: *уже смердитъ!*.. Когда я проходилъ мимо Е. И. Тучковой я сказалъ ей: если такъ хороши праздники Божіи на землѣ, каковы же они на небесехъ? Будемъ молиться объ усопшихъ нашихъ, чтобы не лишилъ и ихъ Господь участія въ ликѣ празднующихъ непрестанно.—Еще черта о П. А—чѣ. Когда Государь, выслушавъ его резоны, по которымъ онъ отказывался отъ принятія мѣста намѣстника въ Варшавѣ, продолжалъ настаивать и сказалъ, что дастъ ему титулъ и обезпечить въ содержаніи, П. А—чѣ замѣтилъ, что онъ подкупнымъ никогда не бывалъ.—Дѣло все кончилось тѣмъ, что Государь въ слезахъ бросился къ нему на шею.

12. Послѣ вечерни хотѣлось мнѣ навѣстить владыку и, какъ скоро высказалъ эту мысль, пришло приглашеніе отъ владыки. Кто-то предупреждаетъ владыку, чрезъ безименное письмо, что на дняхъ, въ *Моск. Вѣд.* будетъ напечатана статья о корыстолюбіи духовенства. Владыка поручаетъ мнѣ переговорить объ этомъ съ М. Н. Катковымъ. Изъ Синода *печатнымъ* указомъ, *секретно*, требуется отъ епархіальныхъ архіереевъ мнѣніе: 1) что можно сдѣлать для развитія единовѣрія и какъ можно бы сектаторовъ, имѣющихъ свою іерархію, соединить съ церковію. 2) не было ли бы полезно возобновить правило, существовавшее въ 20 годахъ о допущеніи раскольниковъ сочетаться бракомъ въ храмѣ, не требуя отъ нихъ присоединенія къ церкви. Владыка о первомъ говоритъ: это похоже на то, какъ если бы подали на столъ пирогъ,

разрѣзали его на части и сказали гостямъ: кушайте, а гости потребовали развитія пирога. Для единовѣрія сдѣлано все и надо имъ лишь пользоваться съ разумомъ. О второмъ онъ замѣчаетъ, что было сдѣлано это лишь для Пермской епархіи и едва ли полезно распространеніе въ правило того, что было какъ бы исключеніемъ. «Не знаю что предложить, а если не предложу, то оскорбятся», заключилъ владыка.

13. М. Новгородскій пишетъ, что съ Юнгомъ бесѣдовалъ въ присутствіи пр. Могилевскаго, а переводчиками были проф. Осянинъ и какой-то г. Рюминъ. Свѣдѣнія, какія сообщаетъ, всѣ намъ извѣстны, кромѣ одного, что въ собраніи американцевъ по вопросу о соединеніи изъ 250 членовъ только двое подали голосъ не въ пользу соединенія. Но престранно: нашъ владыка ставитъ себя въ подчиненныя отношенія къ М. П—скому по смиренію, а тотъ, и самъ того не замѣчая, дѣйствуетъ властительно, безъ совѣщанія рѣшаетъ: предлагаетъ, чтобы владыка писалъ къ двоимъ къ Е. президенту и Ньюіорскому, а онъ напишетъ къ прочимъ шести. Это еще въ порядкѣ: хоть честь отдана; но далѣе, владыка предполагалъ, чтобы духовныя лица между собою переписывались свободно, чтобы писали въ Москву, чтобы характеръ сношеній былъ частный. Но П. Б. М—тъ оставилъ все дѣло за собою. Писать будутъ американцы къ нему одному, и онъ будетъ руководствовать какъ перепискою, такъ и печатаніемъ статей изъ оной, о совѣщаніи нѣтъ слова, и все это приметъ характеръ оффиціальныи, ибо будетъ пересылаемо черезъ консула нашего: во-первыхъ, владыка, совершившій начало дѣла, указавшій путь къ сношеніямъ, оставленъ въ сторонѣ совершенно; во-вторыхъ, дѣло будетъ вести одинъ первенствующій членъ Синода, чрезъ консула, между тѣмъ какъ американцы дѣйствуютъ совѣщательно и разумѣется частнымъ образомъ, ибо ихъ церковь, о чемъ они говорятъ съ особеннымъ достоин-

ствомъ, has no connection with the state. За тѣмъ м. Новгородскій предложилъ, чтобы сначала написать статью о томъ, что церковь православная имѣеть характеръ апостольскій и человѣческія мудрованія не должны ея касаться, а потомъ уже писать на 5 вопросовъ, предложенныхъ владыкою. Но странно: мы говорили, что изъ постепеннаго разъясненія спорныхъ предметовъ постепенно можетъ укрѣпиться въ американцахъ уваженіе къ авторитету церкви, а пр. Исидоръ хочетъ разомъ грянуть на протестантовъ авторитетомъ и тѣмъ съ перваго раза запереть имъ двери въ церковь. Впрочемъ кажется все это сказано и сдѣлано лишь для того, чтобы хоть что-нибудь отъ себя сказать и сдѣлать: «хоть худшій, да *иншій*», какъ говорятъ хохлы. Не пріятно и его восхищеніе, что народы, симпатизирующіе взаимно въ политическомъ отношеніи, хотятъ и религіознаго сближенія. Какое намъ дѣло до политики! Друзья или враги онѣ намъ въ политическомъ смыслѣ, для настоящаго дѣла это не должно имѣть ни какого значенія. Я высказалъ владыкѣ свои замѣчанія. Онъ опечаленъ этимъ оборотомъ дѣла, но сказалъ только: «одинъ шьетъ, а другой поретъ». При этомъ я вспомнилъ его слова: «во всю мою жизнь только и дѣлали, что мнѣ препятствовали».—Я совѣтовалъ: съ первыхъ шаговъ поправить дѣло. Ему и то не нравится, что когда Юнгъ желалъ быть представленнымъ членамъ Синода, то митрополитъ привезъ его въ Синодъ, читалъ въ Синодѣ отписки м. Московскаго и такимъ образомъ далъ дѣлу характеръ официальный...

Главное, зачѣмъ призвалъ меня владыка, было безимянное письмо извѣщающее, что на дняхъ въ *Моск. Вид.* будетъ статья о корыстолюбіи Московскаго духовенства. Владыка пожелалъ, чтобы Катковъ былъ объ этомъ предупрежденъ, и я вызвался съ нимъ увидѣться. Владыка велѣлъ сказать: «если надобно, чтобы удары падали на нашу голову, мы съ готовностію преклонимъ голову; но вопросъ: къ пользѣ ли будутъ удары? По обвиненіямъ

общимъ безъ имени виновныхъ, даже безъ указанія случаевъ, распоряженій дѣлать нельзя, ибо циркуляры въ этихъ случаяхъ только оскорбляютъ общество; что униженіе духовенства въ глазахъ народа—цѣль революціонеровъ».—Владыка пошелъ ко всеобщей, а я поѣхалъ домой, написалъ записку къ Каткову и въ половинѣ 10 былъ уже у владыки въ кабинетѣ: «можно бы было и не такъ заботиться»—сказалъ онъ принимая меня. Я доложилъ ему, что Катковъ, отъ котораго я прямо къ владыкѣ, обѣщаль, если получить статью, тотчасъ ее переслать, и говорилъ въ благорасположенномъ духѣ. Тутъ я узналъ отъ владыки, что есть проектъ поповцевъ. Они желаютъ присоединиться къ единовѣрью на слѣдующихъ условіяхъ. 1) Чтобы имѣть особыхъ епископовъ такимъ образомъ: православные епископы рукоположатъ епископа единовѣрцамъ, потомъ съ этимъ епископомъ рукоположатъ втораго, а съ сими двумя третьяго; эти три будутъ уже поставлять сами и отъ нихъ пойдетъ іерархія единовѣрческая. 2) По снисхожденію надобно вывѣсныхъ лжеархіереевъ австрійскаго происхожденія признать. 3) Единовѣрческая іерархія не будетъ подчинена Сѣноду, а своему собору, во главѣ котораго будетъ іерархъ, котораго именовать какъ будетъ угодно Государю. 4) Въ дѣлахъ, требующихъ высочайшаго утвержденія, соборъ или первый іерархъ будетъ непосредственно обращаться къ Государю. Я сказалъ владыкѣ, что и Катковъ настаиваетъ на необходимости соборовъ въ нашей церкви, но съ допущеніемъ мірскаго элемента, а въ заключеніе перевелъ только что полученное письмо отъ Юнга. Но владыка думаетъ, что если это дѣло и примется, то лѣтъ 50 протянется: греческая церковь помѣшаетъ!..

Я возвратился уже въ 11 часу.

13. Великій понедѣльникъ былъ какъ и всегда трудень, отъ 5 до 7 утра, отъ 8 до 1½ часы и литургія, въ 4 повечеріе, а отъ 6 утра оканчивающаяся въ девятомъ.

14. Сегодня полегче немного — ибо было только три службы и часы часомъ короче.

Десятый часъ, ночь темная, торжественная тишина и въ окрестности и въ келліи—ни ѣзды, ни голосовъ, только стуканіе колеса столовыхъ моихъ часовъ; я читаю изъ иннокентіевыхъ «послѣднихъ дней» о вечернемъ бесѣдованіи Господа предъ оставленіемъ храма. Гляжу на распятіе и, по благости Божіей, занять мыслью о смерти. Всегда при этомъ въ эти дни вечернемъ чтеніи священный ужасъ объемлетъ душу.—Послѣдняя ночь почиванія на престолѣ въ моемъ крестовомъ храмѣ Спасителя Бога въ пречистыхъ тайнахъ: я входилъ въ алтарь и при свѣтѣ предъ ними горящей лампы поклонился имъ и предъ ними читалъ вечернія молитвы и многія возносилъ молитвы о прокаженной и грѣшной душѣ моей! Нельзя довольно выразить ту трепетную радость, когда человѣкъ живетъ подъ одною кровлею съ такою святынею.

18. Служилъ дома: часа 3½ продолжалась литургія и была глубоко умилительна. И при облаченіи и вмѣстопричастна пѣли любимые мои прмосы: *Волною морскою* и пѣли стройно. Чтеніе паремій въ эти три дня года: въ навечерія Рождества, Богоявленія и Пасхи, начинаясь книгою Бытія и переходя отъ эпохи къ эпохѣ ветхаго завѣта, съ удивительною силою влекутъ воображеніе, рядомъ картинъ ветхаго завѣта, отъ вѣкъ въ вѣкъ и новозавѣтное связуютъ съ ветхозавѣтнымъ, озаряютъ мысль о праздникѣ. Это богослуженіе великой субботы наполняетъ душу не изъяснимо сладостнымъ покоемъ. П. М. Хрущевъ и братъ обѣдали со мною безъ едеи, но съ виномъ по уставу. Въ 8 часовъ мы прочитали малое повечеріе и начали чтеніе Дѣяній. Я прочиталъ 3 главы, сѣлъ послушалъ чтеніе іеромонаха и ушелъ къ себѣ, тамъ я читалъ, какъ издавна дѣлаю, посланіе къ волосаямъ, также правило и въ 11¼, уѣхалъ въ Кремль съ П. М.

Хрущевымъ. На галлерей Чудова монастыря мы услышали начало всемосковскаго благовѣста. 12 часовъ добиваются на Спасской башнѣ, слышится ясакъ, затѣмъ въ то мгновеніе ударяетъ царь, и пошелъ уже говоръ и споръ колоколовъ надъ всею Москвою. Владыка стоялъ уже на горнемъ мѣстѣ въ мантии, готовясь облачатся, когда я вошелъ въ храмъ и вслѣдъ за сослужащимъ духовенствомъ подошелъ къ нему. Онъ улыбнулся; я былъ безмѣрно радъ, что наконецъ черезъ 5 лѣтъ далъ мнѣ Богъ опять встрѣчать въ Успенскомъ соборѣ праздникъ и еще болѣе тому, что Богъ далъ силы владыкѣ прійхать на праздникъ этотъ въ Кремль. Если бы этого не случилось, онъ былъ бы очень печаленъ. Вотъ опять, какъ въ былыя времена пошелъ онъ съ кадиломъ около престола при пѣвнн «Воскресеніе Твое Христе Спасе»... И все стало повторяться какъ бы въ зеркалѣ въ душѣ моей былое. Когда шли около собора, ни одна свѣча не потухла; но темно было въ небѣ. Владыка самъ читалъ поученіе и громко, самъ держалъ для народа крестъ. Но при началѣ сугубой ектеніи велѣлъ мнѣ оканчивать, а самъ скоро разоблачился и уѣхалъ. Черезъ минуту разошелся слухъ, будто владыка уѣхалъ безъ шубы, не дождавшись слуги. Это всѣмъ обезпокоило.

Въ 6¼ я былъ въ соборѣ (владыка въ Чудовѣ). Надобно ли говорить о торжественности этой литургіи и о силѣ ея дѣйствія на душу? У насъ кончилась раньше, нежели въ Чудовѣ. Тамъ я засталъ явленіе Даровъ съ словами: *приступите*. Все шло обычно. Владыка христовался и съ братіей, и съ пѣвчими (каждому давая по яйцу), и со всѣми нами, угощалъ чаемъ и закускою, гдѣ мы и разговѣлись. Я всегда любилъ разговляться если не у владыки, то у старшаго мѣстнаго духовнаго лица, да бывало у матушки. Обычный пріемъ у меня послѣ литургіи.

Въ 3¼ былъ я въ Успенскомъ соборѣ. Эта вечерня такъ хороша, что когда, разоблачась, я благословлялъ

народъ, подходящій къ амвону, душа была такъ полна, что я подъ какимъ-то предлогомъ вызвалъ сакеларія и сказалъ: «тотъ былъ на небѣ, кто былъ сегодня у вечерни въ Успенскомъ соборѣ».

Второй день Пасхи, пр. Евгеній выходилъ съ нами на молебень и читалъ наизусть евангеліе. Оттуда мы проѣхали прямо ко владыкѣ. Граф. Анна Георг. Толстая убрала его комнаты какъ садъ дорогими благовоными растеніями; но онъ сидитъ въ кабинетѣ. Вчера дѣйствительно онъ уѣхалъ безъ шубы, потому что лакей съ шубою стоялъ у западныхъ дверей собора невѣдомо съ чего, между тѣмъ какъ владыка и пріѣхавъ вошелъ въ сѣверную дверь и никогда въ другія двери не ходитъ, исключая зимы, когда кромѣ западныхъ прочія заперты наглухо. Кромѣ того владыка говоритъ, что когда подъѣхалъ въ Чудовъ для служенія литургіи, то замѣтилъ, что на ногахъ нѣтъ калошъ, безъ которыхъ онъ и дѣтомъ не выходилъ изъ дому. Простуда, давно кончившаяся, обнаружилась съ силою, и онъ призвалъ врача. Оленья шуба, которой теплотою онъ не нахвалится, грѣла его до полуночи и согрѣла. Его взоръ хотя болѣзненъ, но довольно ясенъ. Вообще онъ лучше нежели ожидали.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Предстоящій Всероссійскій соборъ съ точки зрѣнія древнихъ соборовъ.¹⁾

Несмотря на великое значеніе предстоящаго собора свѣтское общество, какъ объ этомъ можно судить по крайней мѣрѣ по извѣстіямъ печати, мало интересуется имъ: для этой печати представляется интереснымъ лишь одинъ вопросъ—насколько соборъ будетъ чуждъ бюрократизма, насколько онъ будетъ служить выраженіемъ народнаго голоса. Очевидно свѣтское общество и его печать смотритъ на соборъ, какъ на своего рода парламентъ. Иное отношеніе къ этому собору встрѣчаемъ въ духовной средѣ и среди лицъ, высоко ставящихъ религиозные и церковные вопросы. Здѣсь находимъ живое вниманіе къ предстоящему собору; здѣсь находимъ искреннее желаніе ясно представлять себѣ: какъ онъ будетъ происходить, какъ будутъ вестись на немъ дѣла, будетъ ли онъ походить на болѣе извѣстные прежніе церковные соборы или же будетъ носить характеръ, болѣе сообразный съ современными порядками, имѣть форму, не совсѣмъ похожую на то что было въ старину? Нужно сказать, что большая часть вопросовъ, относящихся къ предстоящему собору, въ настоящее время выяснилась, благодаря, теперь уже закончившимся, трудамъ такъ называемаго предсоборнаго присутствія, происходившаго въ Петер-

¹⁾ См. нашу статью: „Уроки и примѣры изъ исторіи древнихъ соборовъ—примѣнительно къ предстоящему собору“. *Дух. Учен.*, 1907, январь.

бургъ, при ближайшемъ наблюденіи св. Синода ¹⁾). Разсматривая результаты дѣятельности этого присутствія, насколько они касаются формальной, внѣшней, такъ сказать обрядовой стороны собора, мы видимъ, что въ нихъ выразилось ясное желаніе сообразовать внѣшніе порядки предстоящаго собора съ тѣми порядками, о какихъ извѣстно изъ исторіи прежнихъ соборовъ, разумѣется сообразовать по мѣрѣ возможности и ожидаемой отъ нихъ пользы.

Теперь возникаетъ вопросъ: какъ далеко предсоборное присутствіе пошло въ этомъ отношеніи и какихъ плодовъ можно ожидать отъ тѣхъ порядковъ, которые въ настоящее время намѣчены, какъ наилучшіе, какъ такіе, которые должны обезпечить правильный и цѣлесообразный ходъ дѣятельности предполагаемаго собора?

Начнемъ съ вопроса о предсѣдателѣ этого собора. Вопросъ этотъ рѣшенъ такъ: «предсѣдательствуетъ на соборѣ первенствующій членъ св. Синода (т.-е., пояснимъ мы, митрополитъ Петербургскій), два же другихъ митрополита (т.-е., конечно, Московскій и Киевскій) являются его замѣстителями» ²⁾. Такимъ образомъ выходитъ, что напередъ назначаются три предсѣдателя: одинъ дѣйствительный, а двое возможныхъ. Ничего такого, нужно сказать, неизвѣстно изъ исторіи древнихъ соборовъ. Правда трое предсѣдателей было на II вселенскомъ соборѣ, но это случилось по особеннымъ обстоятельствамъ: первый предсѣдатель, Мелетій Антиохійскій умеръ въ началѣ соборныхъ дѣяній, второй, Григорій Богословъ, лишень

¹⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ присутствіи можно находить и въ сейчасъ указанной нашей статьѣ.

²⁾ Протоколы предсоборнаго присутствія, *Церк. Вѣдом.*, 1906, № 29 стр. 2316. У насъ подъ руками находится отдѣльное изданіе „протоколовъ предсоборнаго присутствія“ (два тома). Но мы предпочитаемъ цитировать ихъ по *Ц. Вѣд.*, въ виду того, что отдѣльное изданіе мало распространено, а синодальный журналъ расходуется въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ.

былъ на этомъ соборѣ каедръ Константинопольской, какъ чловѣкъ будто бы антиканонично ее занимавшій, почему явился третій предсѣдатель—Нектарій, только-что избранный въ архіепископы Константинополя. Но всѣ эти предсѣдатели избраны были самимъ соборомъ. Впрочемъ это избраніе не было какимъ-нибудь произвольнымъ дѣломъ, а опредѣлялось церковно-государственнымъ рангомъ того или другого изъ вышеуказанныхъ главныхъ архіереевъ. Во всякомъ случаѣ предварительное намѣченіе трехъ предсѣдателей совершенно необычно. Достаточно было бы указать одного, да и это единственно въ виду того, что поднимался не естественный вопросъ о выборѣ предсѣдателя собора на самомъ соборѣ, очевиднобезразлично: кого именно...

Касательно членовъ предстоящаго собора въ постановленіяхъ предсоборнаго присутствія, читаемъ: «соборъ состоитъ изъ епископовъ, клириковъ и мірянъ». Очевидно, что если раньше, говоря о соборахъ, историкъ могъ употреблять выраженія: «члены собора», «отцы собора», какъ выраженія однозначачія, то теперь послѣднее изъ нихъ отпадаетъ. О епископахъ въ рассматриваемыхъ постановленіяхъ далѣе говорится: «Епархіальные епископы обязательно присутствуютъ на соборѣ. Епархіальные епископы, не могущіе явиться на соборъ по благословной причинѣ, посылаютъ на соборъ своихъ замѣстителей, съ правомъ голоса, хотя бы то были и не епископы». «Соборныя опредѣленія и постановленія составляются и подписываются одними епископами». Все это опредѣлено, нужно сказать, вполне сообразно съ исторіею древнихъ соборовъ и представляется точнымъ отображеніемъ древнихъ каноновъ. О прочихъ членахъ предстоящаго собора говорится слѣдующее: «отъ каждой епархіи вмѣстѣ съ епископомъ являются на соборъ по два члена: одинъ отъ клира, одинъ отъ мірянъ». Затѣмъ еще прибавлено—трудно сказать въ видѣ ли постановленія или въ видѣ предположенія: «желательно участіе на соборѣ, на правахъ членовъ, представителей монастырей, духовно-учебныхъ заведеній и иныхъ церков-

ныхъ учрежденій, а равно и частныхъ лицъ, извѣстныхъ своею богословскою ученостію или любовію къ церковному просвѣщенію и вообще своимъ усердіемъ къ церкви—по усмотрѣнію св. Синода»¹⁾. Послѣднія слова для насъ непонятны, потому что и всѣ постановленія разсматриваемаго присутствія нуждаются въ утвержденіи Синода. «Клирики и міряне — говорится еще въ разбираемомъ документѣ,—приглашенные на соборъ, участвуютъ въ обсужденіи всѣхъ соборныхъ дѣлъ и вопросовъ»²⁾.

Разсмотримъ въ отдѣльности вопросъ о клирикахъ и мірянахъ. Прежде всего самое названіе: клирикъ намъ не нравится. Почему говорится: клирикъ, а не сказано: лицо изъ благаго духовенства? Вѣдь, подъ клирикомъ можно разумѣть и псаломщика; но безъ сомнѣнія псаломщики не будутъ избираемы въ члены собора. На чемъ основывается постановленіе о назначеніи членами собора и лицъ священническаго званія наряду съ епископами? Въ сущности, если мы возьмемъ во вниманіе дѣятельность вселенскихъ соборовъ³⁾, то роль «клириковъ» на нихъ имѣла очень второстепенное значеніе, и являются они здѣсь въ очень незначительномъ числѣ. Обыкновенно для доказательства вліятельнаго положенія образованныхъ клириковъ на соборахъ—ссылаются на примѣръ дѣятельности св. Аѳанасія, который еще въ санѣ діакона былъ на 1 вселенскомъ соборѣ и спорилъ побѣдоносно съ ариа-

¹⁾ Къ сожалѣнію, въ этомъ списокѣ кандидатовъ въ члены собора пропущены лица очень достойныя, именно профессора университетовъ, читающіе богословскія доктрины (Церк. исторію и Церк. право). Судя по вышеприведенному списку, въ глазахъ Петербургскаго присутствія эти лица оказались ниже учителей дух. училища, преподающихъ ариметику, столоначальниковъ консисторіи, и усердныхъ къ церкви соборныхъ старость. Что это забывчивость или игнорированіе?

²⁾ *Церк. Вѣд.* Тамъ же.

³⁾ Предстоящій соборъ, какъ думаютъ, будетъ скорѣе аналогиченъ со вселенскими, чѣмъ помѣстными соборами. См. нашу статью: „Уроки и примѣры“, стр. 23.

нами. Примѣръ этотъ въ послѣднее время приводился цѣлую сотню разъ. Но никто не позаботился уяснить: да въ чемъ собственно заключалась это такъ называемая соборная дѣятельность Аѳанасія? Аѳанасій прибылъ въ Никею въ свитѣ Александрійскаго епископа и являлся съ нимъ на соборъ, но, какъ мы увѣрены, не болѣе какъ въ качествѣ его нотарія, т.-е. официального секретаря. Сочиненій св. Аѳанасія дошло до насъ очень не мало; но ни въ одномъ изъ нихъ онъ не говоритъ, что онъ боролся съ аріанами на самомъ соборѣ, въ собраніи его членовъ изъ епископовъ. Отрицать дѣятельное участіе Аѳанасія въ борьбѣ съ аріанствомъ въ Никеѣ невозможно. Но можно и должно утверждать, что споры его съ аріанами происходили не на соборѣ, а за стѣнами собора, въ частныхъ хотя и открытыхъ бесѣдахъ. По крайней мѣрѣ церковный историкъ Созоменъ ясно даетъ разумѣть, что пренія Аѳанасія съ аріанами происходили внѣ собора, до времени открытія собора. Онъ рассказываетъ слѣдующее: «еще прежде срока (т.-е., конечно прежде открытія засѣданій соборныхъ), епископы сходясь между собою призывали Арія, вступали съ нимъ въ разсужденіе. Изъ собравшихся тогда епископовъ и находившихся при нихъ клирикахъ многіе славились, какъ люди въ діалектикѣ сильные. Съ этого времени и Аѳанасій Александрійскій, бывшій тогда діакономъ и обращавшійся съ епископомъ Александромъ, началъ принимать особенное участіе въ помянутыхъ разсужденіяхъ» (кн. 1, гл. 17). Затѣмъ историкъ (въ особой главѣ) говоритъ о спорахъ епископовъ съ языческими философами, и только послѣ этого рассказываетъ (гл. 19) исторію Никейскаго собора, отчетливо указывая участіе въ немъ лишь епископовъ.

Что касается прочихъ вселенскихъ соборовъ, то нѣкоторое участіе клириковъ мы видимъ на III всел. соборѣ; значительно же большее, хотя и не очень большое, на IV всел. соборѣ. Нѣкоторые клирики являются здѣсь въ качествѣ нотаріевъ; иные изъ нихъ даже осмѣливаются об-

ращаться съ нѣкоторыми укороженными восклицаніями по адресу членовъ собора; а одинъ изъ, вѣроятно, видныхъ константинопольскихъ пресвитеровъ беретъ на себя защиту своихъ духовныхъ владыкъ, архіепископовъ столицы, объявляя ихъ неповинными во мздоимствѣ, въ чемъ обвиняли ихъ нѣкоторые члены собора ¹⁾. Какъ видимъ на этихъ соборахъ клирики не оставались безъ дѣла, они принимали извѣстнаго рода участіе въ ихъ дѣятельности. Очень значительное участіе принимаютъ клирики въ дѣваніяхъ VI вселенскаго собора, хотя, нужно сознаться, что эти клирики были такъ сказать особаго рода: они съ священнымъ саномъ соединяли иночество. Въ спискѣ лицъ присутствовавшихъ на этомъ соборѣ значатся: Теофанъ пресвитеръ и игумень, Георгій пресвитеръ и инокъ, Кононъ и Стефанъ пресвитеры и иноки, Анастасій и другой Стефанъ пресвитеры и иноки ²⁾. Первый и послѣдній изъ нихъ принимали живое участіе въ дѣятельности собора: первый изъ нихъ показалъ себя ловкимъ діалектикомъ, искусно опровергавшимъ еретика — моноелита, патріарха Макарія, а послѣдній (т.-е. Стефанъ) выступилъ ярымъ защитникомъ ереси и рѣшительнымъ приверженцомъ Макарія, такъ и оставшимся нераскаяннымъ еретикомъ. Подобнаго же рода членовъ собора видимъ въ составѣ VII всел. собора. Въ спискѣ членовъ этого послѣдняго безыменно обозначены: архимандриты, игумены, и сонмъ иноковъ. Можно догадываться, что эти архимандриты и игумены были въ тоже время и пресвитерами. Участіе ихъ въ судѣ надъ приверженцами иконоборства было очень рѣшительно и проходить, какъ говорится, красною нитью чрезъ всѣ акты VII всел. собора. Они не числились только членами собора, но были многорѣчивыми и внимательными дѣятелями на немъ.—Мы не говоримъ

¹⁾ Дѣян. всел. соборовъ. Том. III, 243—244; 247; 252. Каз. 1879. Томъ IV, стр. 169. Каз. 1878.

²⁾ Дѣян. всел. собор. Т. VI, 23. Каз. 1882.

уже о помѣстныхъ и митрополичьихъ соборахъ. На нихъ дѣло не обходилось безъ участія лицъ іерархическихъ; низшихъ по сравненію съ епископствомъ, степеней. Такимъ образомъ исторія соборовъ, не исключая вселенскихъ, идетъ не противъ включенія «клериковъ» въ составъ предстоящаго собора. На нашемъ соборѣ только клириковъ будетъ больше, чѣмъ сколько ихъ появлялось, въ качествѣ участниковъ, на прежнихъ соборахъ.

Какими соображеніями могли руководствоваться составители постановленія о участіи мірянъ на ряду съ епископами и пресвитерами въ дѣятельности разсматриваемаго нами собора? Менѣе всего историческими примѣрами. Для нихъ важнѣе всего было такое соображеніе: если созвать соборъ только изъ епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ, то послышатся обвиненія на церковную власть въ клерикализмъ и сепаратизмъ; поэтому, чтобы избѣжать подобнаго рода укорианъ и рѣшено дать подобающее мѣсто мірскому элементу, представительству народа въ дѣлахъ предстоящаго собора. Что же касается историческихъ примѣровъ, то они не могли имѣть внушительнаго значенія. Правда, въ концѣ II вѣка и въ III-мъ участіе народнаго голоса въ дѣлахъ собора, въ то время, когда порядки соборные точно не установились, выступало очень сильно; но съ теченіемъ времени участіе это сводится на нѣтъ. И всѣ попытки доказать, что и съ IV вѣка народъ не переставалъ оказывать вліяніе на ходъ соборной дѣятельности — остаются безрезультатны, хотя можно находить очень рѣшительныхъ защитниковъ этого положенія. Исторію заставляютъ говорить то, что должна бы, по ихъ мнѣнію, она говорить, но на самомъ дѣлѣ не говорить. Къ числу такихъ писателей принадлежитъ авторъ статьи въ *Богословскомъ Вѣстникѣ*: «Участіе клира и мірянъ на соборахъ въ первые 9 вѣковъ». Авторъ не довольствуется тѣмъ, чтобы указать этого рода участіе и мірянъ во II—III вѣкахъ, онъ увѣренъ, что тоже самое можно сдѣлать и по отношенію ко всѣмъ вселенскимъ соборамъ. «Есть

твердыя несомнѣнныя историческія свидѣтельства — отъ важно говоритъ онъ — что (клиръ и) міряне присутствовали на всѣхъ семи вселенскихъ соборахъ». «Они являлись на соборъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Съ дозволенія епископовъ они иногда принимали дѣятельное участіе въ соборныхъ разсужденіяхъ, вступали на нихъ съ своими соображеніями и заявленіями»¹⁾. Вслѣдствіе такихъ представленій, авторъ старается въ особенности доказать, что народъ находилъ себѣ мѣсто и заявлялъ себя участіемъ въ указанной дѣятельности. Само собою понятно, авторъ начинаетъ съ разсужденій о I всел. соборѣ.

Подлинныхъ актовъ I и II всел. соборовъ до насъ не дошло; поэтому въ разсужденіяхъ объ этихъ соборахъ намъ приходится черпать свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ. Также поступаетъ и указанный авторъ. Для доказательства допускаемаго имъ участія мірянъ на I всел. соборѣ авторъ хочетъ опереться на историка Евсевія Кесарійскаго, сообщающаго въ своемъ сочиненіи: «Жизнь Константина» великаго нѣкоторыя извѣстія и о Никейскомъ соборѣ. Русскій авторъ пишетъ: «Евсевій, участникъ I всел. собора говоритъ, что на этомъ соборѣ находилось множество епископовъ, а сопровождавшихъ ихъ пресвитеровъ, чтецовъ и многихъ другихъ невозможно было изчислить» (III, 8)²⁾. Дѣйствительно такovy слова Евсевія. Но только нужно обратить вниманіе на то, что здѣсь не сказано, что сопровождавшія епископовъ лица были съ ними и на самомъ соборѣ. Сопровождать-то они сопровождали архіереевъ, а попали ли на самый соборъ — не сказано. Самый соборъ у Евсевія описанъ ниже, причемъ ясно говорится, что на соборъ были допущены только «приглашенные на это собраніе», а между таковыми ни чтецовъ, ни мірянъ (кромѣ лицъ императорской свиты) не оказалось (III, 10). Продолжая свою аргументацію рус-

¹⁾ *Бог. Вѣстн.*, 1906 г., февраль, стр. 273. 282.

²⁾ Тамъ же, стр. 274.

скій авторъ, ссылается и на другихъ древнихъ греческихъ историковъ. Онъ говоритъ: «здѣсь (т.-е. на соборѣ) было огромное множество мірянъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуя: Сократъ, Созомень и Геласій». Авторъ о свидѣтельствахъ Сократа и Созомена говоритъ глухо, не приводя самыхъ словъ ихъ, а мы не находимъ у нихъ никакого указанія на участіе мірянъ въ данномъ соборѣ. Оба они говорятъ о спорахъ отцовъ собора то съ діалектиками (Сокр. I, 8), то съ языческими философами (Созом. I, 17 — 18), но оба же они ясно показываютъ, что споры эти происходили въ Никее внѣ засѣданій собора — и до времени открытія собора ¹⁾. А исторію собора они рассказываютъ почти словами Евсевія, взятыми изъ его *Жизни Константина* и ни о какомъ «огромномъ множествѣ мірянъ» не упоминаютъ ни однимъ словомъ ²⁾. Косвенное доказательство своей мысли о большомъ числѣ мірянъ, участвовавшихъ на Никейскомъ соборѣ, разбираемый нами авторъ усматриваетъ также въ одномъ арабскомъ памятникѣ, не имѣющемъ впрочемъ большой научной цѣнности. Онъ замѣчаетъ: «на основаніи арабскихъ актовъ Никейскаго собора предполагаютъ, что число лицъ на немъ присутствовавшихъ доходило до 2000» ³⁾. Доходило ли — этого мы не знаемъ: арабская фантазія не любитъ ограничивать себя. Но главное дѣло въ томъ, что арабскій источникъ говоритъ о 2000 *епископовъ*, бывшихъ будто бы на соборѣ ⁴⁾. А поэтому извлечь отсюда выводъ о присутствіи на соборѣ хоть нѣсколькихъ мірянъ — нельзя. Можно конечно думать, что арабскій писатель, округляя

¹⁾ Особенно ясно говоритъ объ этомъ Сократъ (I, 8). Онъ пишетъ: „такимъ образомъ діалектической шумъ въ то время утихъ. Затѣмъ всѣ епископы сошлись въ одно мѣсто“ (т.-е. начался соборъ).

²⁾ О Геласіи и его свидѣтельствѣ у насъ уже была рѣчь въ брошюрѣ: „о участіи мірянъ на соборахъ“ (стр. 25. Брошюра эта есть оттискъ статьи, напечатанной въ *Дух. Чит.* 1906 г., мартъ).

³⁾ *Восп. Востн.*, стр. 274.

⁴⁾ Hefele. *Concilia*, B. I, S. 291. Freiburg, 1873.

цифру, внесъ въ число епископовъ и какихъ-нибудь клириковъ—но и это не будетъ имѣть основанія. Въ заключеніе разсматриваемый нами авторъ увѣряетъ, что «на I всел. соборѣ епископы составляли только шестую часть всѣхъ присутствовавшихъ»¹⁾. (Значитъ они тонуди въ массѣ клириковъ и мірянъ!). Къ сожалѣнію, авторъ не скажетъ, откуда онъ почерпнулъ это свѣдѣніе; мы же должны сознаться, что еще въ первый разъ встрѣчаемся съ такимъ извѣстіемъ въ исторической литературѣ о Никейскомъ соборѣ.

Окончивъ рѣчь о I всел. соборѣ, авторъ говоритъ: переходимъ ко II всел. собору — и переходить. «Цѣнное свидѣтельство—сообщаетъ онъ—мы находимъ у св. Златоуста. Въ своей похвальной бесѣдѣ о Мелетіи Антиохійскомъ, который присутствовалъ на II всел. соборѣ, но не дожилъ до конца его, св. Іоаннъ говоритъ, что въ Константинополь на соборъ епископы были созваны царскими грамотами, тогда же и многіе изъ многихъ мѣстъ стеклись туда». Авторъ увѣренъ, что «многіе» (т.-е. клирики и міряне) стеклись «туда», т.-е. на соборъ²⁾. Но точный текстъ даннаго мѣста изъ Златоуста прямо опровергаетъ автора. Златоустъ говоритъ: «тогда многіе изъ многихъ мѣстъ вселенной стеклись туда (т.-е. въ Константинополь), какъ ради величія города, такъ и по причинѣ пребыванія въ немъ царя; епископы же всѣ созваны были туда (опять же: въ Константинополь) царскими грамотами»³⁾. Ни о соборѣ, ни о клирикахъ, ни мірянахъ, какъ классъ лицъ, отличныхъ отъ этихъ послѣднихъ—нѣтъ ни слова.—Не болѣе счастливъ авторъ и въ своихъ изысканіяхъ относительно III и IV всел. соборовъ. «Больше свѣдѣній имѣемъ мы о III всел. соборѣ», говоритъ авторъ и находитъ, что исторія этого собора свидѣтельствуетъ: ка-

¹⁾ *Бог. Вѣстн.*, стр. 282.

²⁾ *Бог. Вѣстн.*, указ. мѣсто, стр. 276.

³⁾ Творенія І. Златоуста. Томъ II, стр. 561. Спб., 1899.

кое «безмѣрное множество мірянъ и монаховъ присутствовало иногда на соборахъ». Но дѣйствительные историческіе факты не подтверждаютъ его сужденія. Авторъ увѣряетъ, что «Кирилль Александрійскій явился на этотъ соборъ съ огромнымъ числомъ египетскихъ корабельщиковъ и азіатскихъ поселянъ»¹⁾. Но само по себѣ понятно, что Кирилль не могъ допустить эту чернь на соборъ для присутствія здѣсь. А Дѣянія III всел. собора ясно указываютъ, что чернь эта являлась не на соборъ, а произвела возмущеніе въ городѣ Ефесѣ и позволяла себѣ нападать на дома епископовъ, не сочувствовавшихъ дѣятельности Кирилла²⁾. При этомъ никакъ не слѣдуетъ забывать самаго главнаго: приведенное свидѣтельство нельзя принимать за чистую монету. Это свидѣтельство вышло изъ устъ враговъ св. Кирилла, лицъ далеко не безгрѣшныхъ. Нужно при этомъ еще помнить, что тогдашній императоръ распорядился изгнать изъ Ефеса многихъ изъ мірянъ, явившихся сюда безъ опредѣленной цѣли, «какъ людей ненужныхъ для предстоящаго изслѣдованія догматовъ». Значитъ міряне ясно исключались изъ состава собора³⁾, что и подтверждается актами III всел. собора.— Съ равнымъ же неуспѣхомъ рассматриваемый авторъ ссылается въ своихъ интересахъ на исторію IV всел. собора. Онъ вотъ что дѣлаетъ: приводитъ слова изъ грамоты императрицы Пульхеріи, въ которыхъ говорилось: «мы повелѣваемъ изгнать изъ города (Никеи, гдѣ сначала предполагалось устроить соборъ) и изъ самыхъ этихъ областей (Вифиніи) какъ влириковъ, проживающихъ тамъ безъ нашего приглашенія или безъ дозволенія своихъ епископовъ, такъ и монаховъ и мірскихъ, которыхъ никакая причина не призываетъ на соборъ». Дѣло, повидимому, ясное; міряне исключаются изъ числа участниковъ собора.

¹⁾ Бол. Вѣсти., стр. 276. 277.

²⁾ Дѣянія всел. соборовъ. Т. I, стр. 261. 263. 264. Каз., 1887.

³⁾ А. Лебедева. О участіи мірянъ на соборахъ, стр. 28. М. 1906.

Но авторъ дѣлаетъ слѣдующій неожиданный выводъ. «Въ этихъ словахъ указа не запрещается присутствіе на соборѣ всѣхъ безъ исключенія клириковъ и мірянъ, а говорится только, что не должно допускать тѣхъ изъ нихъ, которые не имѣютъ императорскаго приглашенія или епископскаго дозволенія» ¹⁾. Но какъ ни читать вышеприведенное мѣсто изъ указа, такого вывода о мірянахъ слѣдовать нельзя; ибо указъ хотя и говоритъ, что при соблюденіи извѣстныхъ условій клирики могутъ оставаться въ городѣ (но не для присутствованія на соборѣ), но этого права на мірянъ не распространяетъ, безжалостно изгоняя ихъ изъ города. Да и акты IV всел. собора, весьма подробныя, обстоятельныя и правдивыя, не даютъ мѣста для заключенія о присутствованіи народа на соборѣ, въ качествѣ какихъ-либо участниковъ его. Если бы было такъ, акты обязательно отмѣтили бы это явленіе, официально его засвидѣтельствовали.—Еще большую неудачу терпитъ разсматриваемый авторъ въ своихъ изысканіяхъ относительно V всел. собора. Онъ очень увѣренно говоритъ: «на немъ, кромѣ лицъ священнаго сана, присутствовали также свѣтскія». При этомъ ссылается на одинъ и единственный примѣръ ²⁾. При описаніи перваго дѣянія этого собора говорится: «нотарій сказалъ: Феодоръ, мужъ знатный находится предъ судебною палатою. Патріархъ сказалъ: пусть войдетъ». Но авторъ не дочиталъ до конца перваго дѣянія, а потому не узналъ, чѣмъ кончилось дѣло, а оно кончилось такъ: «Стефанъ и Георгій сказали: пусть выйдетъ вельможный мужъ Феодоръ» ³⁾. Оказывается, что «свѣтское лицо» явилось на соборѣ только для того, чтобы предъявить императорскій указъ, который и былъ прочитанъ въ его присутствіи.—Въ исторіи VI всел. собора разбираемый авторъ не нашелъ никакихъ нужныхъ

¹⁾ Бол. Вѣстн., стр. 278.

²⁾ Тамъ же, 279.

³⁾ Дѣянія всел. соборовъ. Т. V, стр. 26. 38. Каз., 1875.

ему мірянъ. На VII всел. соборѣ, на первомъ же засѣданіи его, онъ нашель, по его словамъ, «нѣсколько сенаторовъ и другихъ мірянъ»¹⁾. Мы же нашли только двухъ сенаторовъ: Петра и Іоанна, а авторскихъ «мірянъ» — ни одного²⁾.

Съ тою же тенденціозною цѣлію разсматриваемый нами авторъ изучаетъ и нѣкоторые помѣстные соборы послѣ IV вѣка; но спрашивается: съ какимъ успѣхомъ? Что касается соборовъ восточно-греческой церкви, то его поиски въ этомъ случаѣ не имѣли счастливыхъ результатовъ. Авторъ не безъ замѣтнаго торжества, наприм., пишетъ: «Дѣянія собора Мопсуестійскаго, бывшаго въ 549 году, замѣчательны: они говорятъ, что на соборъ, кромѣ епископовъ, были созваны пресвитеры... а сверхъ того, военачальники, царедворцы и просто обитатели города Мопсуестіи, наприм., архитекторы, нотаріусы и даже простые носильщики умершихъ (?). Всѣ эти лица имѣли голосъ на соборѣ», говоритъ авторъ³⁾. Дѣйствительно, выходилъ какой-то удивительный соборъ, въ которомъ приняли участіе даже какіе-то носильщики (въ источникѣ не прибавлено: «умершихъ»). Но ларчикъ просто открывался. Всѣ эти мірскія лица не были членами собора, а были лишь свидѣтелями, удостовѣрившими, что на ихъ памяти не возносилось молитвенно въ церквахъ Мопсуестіи имени епископа Θεодора (Мопсуестійскаго). Очень просто объясняется и то, почему на соборъ попалъ какой-то носильщикъ, вѣроятно, тяжестей. Свидѣтелями на соборъ вызваны были всё лица престарѣлыя (такъ какъ нужно было удостовѣрить, что имя Θεодора давно выброшено изъ церковныхъ диптиховъ). Вотъ почему появляется на соборѣ и носильщикъ Иванъ: ему вѣдь было, по его словамъ, ужъ 70 лѣтъ. Итакъ, оказывается, что архитекторы и

¹⁾ Бол. Вѣстн., 280.

²⁾ Дѣян. всел. соборовъ. Т. VII, стр. 63—71. Каз., 1873.

³⁾ Бол. Вѣстн., 279.

восильщики подавали «голосъ» на соборъ въ качествѣ... свидѣтелей ¹⁾). Вотъ поистинѣ можно сказать: игра не стоила свѣчъ. — Неудачна, наконецъ, и попытка автора извлечь выгоду для себя изъ исторіи Константинопольскаго собора, бывшаго при патріархѣ Фотіѣ, въ 867 году. По свидѣтельству Фотіева врага, Анастасія бібліотекаря, подъ автами этого собора значилось до 1000 именъ, «какъ полагають, заявляетъ авторъ, мнѣнія котораго мы провѣряемъ, не однихъ епископовъ, но и свѣтскихъ лицъ высшихъ и низшихъ званій» ²⁾). Но «полагающіе» такъ, несомнѣнно ошибаются: во-первыхъ, врагамъ Фотія довѣрять нѣтъ основаній; а во-вторыхъ, эффектъ отъ извѣстія получается въ томъ случаѣ, если акты собора 867 года подписали бы 1000 епископовъ, и не было бы ни малѣйшаго эффекта, если бы подписались 500—600 мірянъ да еще мірянъ изъ «низшихъ званій»: такихъ сотрудниковъ на площадяхъ Византіи можно было найти сколько угодно, по самой сходной цѣнѣ.

Восполненіемъ изысканій разобраннаго нами автора служить статья другого автора, напечатанная на страницахъ того же журнала, именно *Богословскаго Вѣстника*. Статья озаглавляется: «Къ вопросу о составѣ предстоящаго церковнаго собора» ³⁾). Она имѣетъ цѣлю доказать между прочимъ болѣе или менѣе значительное участіе мірскаго элемента на соборахъ за болѣе длинный періодъ времени, чѣмъ надъ какииъ оперировалъ первый авторъ. На ней мы остановимся ненадолго. Обратимъ внима-

¹⁾ Дѣянія всел. соборовъ. Т. V, стр. 207—210.

²⁾ *Бог. Вѣстн.*, стр. 281.

³⁾ *Бог. Вѣстн.* 1906, май. Въ началѣ своей статьи авторъ говоритъ: „изъ всѣхъ работъ по вопросу наиболѣе обстоятельными и компетентными представляются намъ изслѣдованія“... причѣмъ на первомъ мѣстѣ авторъ ставитъ изслѣдованіе прот. Н. П. Добронравова: „Участіе клира и мірянъ на соборахъ въ первые девять вѣковъ“ (стр. 82); далѣе онъ прямо говоритъ, что его статья является, какъ „дополненіе“ къ вышеуказаннымъ компетентнымъ изслѣдованіямъ (87).

ніе на два позднѣйшихъ собора, о которыхъ не могло быть рѣчи у перваго автора. Разумѣемъ собственно два собора XII вѣка, происходившихъ въ царствованіе Мануила Комнина. Авторъ начинаетъ рѣчь объ этихъ соборахъ такими словами: «Отъ активнаго участія на соборахъ клиръ и народъ не устранялись и въ позднѣйшее время». Насъ въ настоящую минуту интересуеетъ вопросъ объ активномъ участіи лишь народа въ указанномъ явленіи. Желали бы знать, чѣмъ доказываетъ такое участіе народа авторъ въ соборахъ Мануиловой эпохи. Говоря о соборѣ 1156 года, и перечисляя разныхъ лицъ, присутствовавшихъ на соборѣ, авторъ утверждаетъ, что кромѣ лицъ обыкновенно участвовавшихъ на соборахъ, здѣсь присутствовало «и много другихъ», разумѣя подъ этими послѣдними, конечно, лицъ мірскаго званія, не какихъ-нибудь чиновныхъ. (А для большей убѣдительности, приводитъ въ оригиналъ слова, долженствующія выражать эту истину: καὶ ἑτέρων οὐκ ὀλίγων) ¹⁾. Но къ нашему немалому удивленію словъ, выражающихъ мысль автора, въ актахъ собора не оказывается. Правда, они не совсѣмъ отсутствуютъ въ данномъ мѣстѣ, но встрѣчаются здѣсь въ такомъ сочетаніи, что отъ нихъ получается совсѣмъ другой смыслъ. Какъ это случилось у автора—мы не понимаемъ. Дѣло въ слѣдующемъ. Въ началѣ указанныхъ актовъ въ общей формѣ перечисляются лица, присутствовавшія на соборѣ. Послѣ указанія важнѣйшихъ лицъ, слѣдуетъ упоминаніе о лицахъ второстепенныхъ—второмъ остіаріѣ, второмъ архонтѣ церкви, патріаршихъ нотаріяхъ, и затѣмъ сказано: «и другіе» (καὶ ἑτέροι), причѣмъ ничѣмъ не дается знать, что здѣсь рѣчь идетъ о мірянахъ, народѣ, и нисколько о томъ, что такихъ лицъ было «много». Наконецъ въ видѣ новаго предложенія (послѣ точки: колона) въ актахъ замѣчается: (присутствовала) «и небольшая (οὐκ ὀλίγη) часть благоговѣйнѣйшихъ діаконовъ,

¹⁾ *Бог. Вѣстн.*, 92.

стоявшихъ около патріаршаго трона»¹⁾). Такимъ образомъ о мірскомъ элементѣ совсѣмъ нѣтъ рѣчи тамъ, гдѣ находится эту мысль нашъ авторъ. *Lapsus linguae* — назвать это едва ли возможно. Какимъ образомъ два слова, находящіяся въ различныхъ предложеніяхъ (и отдѣленные одно отъ другого точкой), соединялись у автора въ одну мысль и приняли новую форму (перемѣнили падежи)— этого мы не понимаемъ. О другомъ соборѣ при Мануилѣ авторъ говоритъ такъ, что для насъ остается не яснымъ— гдѣ и въ чемъ онъ видитъ указаніе на (активное) участіе мірянъ въ этомъ соборѣ. Передавая очень кратко свѣдѣнія о соборѣ 1166 года, авторъ пишетъ: «наряду съ митрополитами и епископами подавали свои голоса и великій экономъ, и скевофилаксъ, и референдарій, и остіарій и тому подобныя лица»²⁾). Повидимому, мірянъ слѣдуетъ разумѣть подъ словами: «и тому подобныя лица»; но нужно сказать, что остіарій, о которомъ упомянулъ сейчасъ авторъ, стоитъ на послѣднемъ мѣстѣ въ перечнѣ не духовныхъ лицъ, подававшихъ голосъ на соборѣ, а потому подъ «тому подобными лицами» разумѣть рѣшительно не кого³⁾. Проф. Э. А. Кургановъ, очень обстоятельно излагая свѣдѣнія о такъ называемыхъ патріаршихъ соборахъ (синодахъ), къ числу которыхъ относятся и вышеуказанные соборы, бывшіе въ царствованіе Мануила, говоритъ, что участниками ихъ, кромѣ лицъ духовнаго сана и гражданскихъ чиновниковъ, были еще низшіе церковные чиновники (въ родѣ вышеупомянутаго остіарія), обязанные не сидѣть, а стоять въ Синодѣ. Наконецъ, были допускаемы на совѣщанія Синода, добавляетъ онъ, въ качествѣ свидѣтелей и простыхъ зрителей еще монахи и *міряне*»⁴⁾).

¹⁾ Migne. *Patrologiae cursus*. Gr. ser., tom. 140, col. 152.

²⁾ *Встп. Вѣстн.*, 95.

³⁾ Migne. *ibidem*, col. 249.

⁴⁾ Отношенія между церковною и гражданскою властію въ визант. имперіи, стр. 137. Каз., 1880.

Такимъ образомъ міряне, по установившимся правиламъ византійскимъ, участниками соборовъ, и особенно «активными» быть не могли. Этимъ они отличались отъ различныхъ гражданскихъ и церковныхъ чиновниковъ.

Настаивая на мысли, что міряне, въ качествѣ представителей религіознаго народнаго сознанія, не появлялись на соборахъ разсмотрѣннаго нами времени, мы вовсе не думаемъ, что такъ должно быть и въ наше время. Мы очень далеки отъ такой мысли. Церковный соборъ обладаетъ такою неоспоримо большою компетентностью, что можетъ призвать къ соучаствію въ немъ кого угодно и съ какими угодно правами. Въ канонахъ нѣтъ разрѣшенія, но и нѣтъ запрета на этотъ счетъ. Церковная власть, а тѣмъ болѣе соборъ ничѣмъ не связаны въ этомъ отношеніи. Выраженную сейчасъ мысль мы готовы, какъ говорится, подчеркнуть ¹⁾.

Предсоборное присутствіе, рѣшивъ пригласить на соборъ, въ качествѣ активныхъ участниковъ, многихъ мірянъ, какъ представителей религіознаго народнаго сознанія, естественно встрѣтилось съ вопросомъ: всѣхъ ли этихъ мірянъ выслушивать на соборѣ, если они будутъ требовать себѣ слова на открытыхъ засѣданіяхъ послѣдняго. Возникло колебаніе. Нѣкоторые заявляли: «соборъ не будетъ имѣть возможности выслушивать всѣхъ. Если бы всѣ говорили, то на каждый вопросъ пришлось бы употребить слишкомъ много времени»²⁾. Но это опасеніе

¹⁾ Вдавшись въ разсужденія по поводу двухъ статей, въ которыхъ трактуется вопросъ объ участіи мірянъ на соборахъ, я имѣлъ въ виду между прочимъ восполнить мою статью по этому же вопросу, напечатанную въ *Душев. Читаніи*, 1906, мартъ. Статьи эти не были мнѣ извѣстны въ свое время, и для читателя моей статьи можетъ представляться мысль, что факты, отмѣченные въ нихъ или были мнѣ неизвѣстны или тенденціозно замолчаны мной. Теперь же я раскрылъ, въ чемъ дѣло и не могу быть обвиняемъ ни въ незнаніи этихъ фактовъ, ни въ умолчаніи о нихъ. Историкъ долженъ стоять на стражѣ исторической истины.

²⁾ Протоколы Присутствія. *Церк. Вѣд.* 1906, № 17, стр. 954.

не было раздѣляемо членами присутствія. Никакого ограниченія для будущихъ ораторовъ не положено. Больше всего возникали опасенія въ томъ отношеніи, что лица, проникнутыя извѣстными политическими воззрѣніями, внесутъ свои страсти и на соборъ. «Если до церковнаго собора, говорилъ одинъ изъ членовъ присутствія, дойдутъ отзвуки той борьбы, которая теперь происходитъ въ нашемъ гражданскомъ обществѣ, то этимъ самымъ въ соборныя совѣщанія будетъ внесенъ существенный элементъ страстности и разлада, и рѣшенія собора легко могутъ утратить тотъ высокій и священный характеръ, которымъ они должны отличаться»¹⁾). Одинъ изъ епархіальныхъ архіереевъ въ особенности выражаетъ опасенія по отношенію къ членамъ собора изъ числа интеллигентныхъ мірянъ, у которыхъ путаница и пестрота воззрѣній доходитъ до прямого отрицанія то церковныхъ каноновъ, то церкви, то самого христіанства. Такихъ лицъ цитируемый іерархъ совсѣмъ не хотѣлъ допускать на соборъ. «Ясно, что включеніе подобныхъ элементовъ въ составъ собора, пишетъ онъ, внося рознь (?) и пререканія въ его совѣщанія никакъ не можетъ обѣщать ни благоуспѣшной его дѣятельности, ни плодотворныхъ результатовъ этой дѣятельности для церквей и церковной жизни»²⁾). Однакожъ нужно сказать, что между нашими архіереями встрѣчаются и такіе смѣльчаки, которые рекомендуютъ открыть двери соборныхъ засѣданій и для лицъ мірскихъ съ превратными религіозными воззрѣніями. Одинъ изъ таковыхъ пишетъ въ своемъ отзывѣ: «на соборъ могутъ быть допущены и представители различныхъ, хотя бы и сумасбродныхъ мнѣній, касающихся какой-либо стороны жизни церкви, но допущены съ крайнею осторожностію и только по рѣшенію собора»³⁾). Что же? Какъ поступить лучше?

1) Тамъ же, стр. 963.

2) Отзывы епархіальныхъ архіереевъ о церковной реформѣ. Тамъ же, стр. 1009.

3) Отзывы епархіальныхъ архіереевъ. *Церк. Вѣд.* 1906, № 43, стр. 2841.

Закрѣть ли дѣри для людей съ превратными религіозными мнѣніями или отверсть? Если бы мнѣ пришлось выразить свой лишь голосъ, то я не рѣшился бы отступить отъ принятаго предсоборнымъ присутствіемъ постановленія, чтобы избранный кандидатъ въ члены собора предворительно утверждался епархіальнымъ архіереемъ. Но съ точки зрѣнія вселенскихъ соборовъ, я вынуждаюсь рекомендовать другой путь. Вселенскіе соборы были до послѣдней степени толерантны и смѣлы. Развѣ собору Халкидонскому не пришлось выслушивать дерзкаго прошенія группы какихъ-то архимандритовъ, требовавшихъ возстановленія осужденнаго этимъ соборомъ Діоскора Александрійскаго? Вотъ съ какими рѣчами эти грубые архимандриты обратились къ собору: «совершенно неосновательно осужденіе, состоявшееся противъ святѣйшаго архіепископа Діоскора. Итакъ, прикажите прибыть самому Діоскору и всѣмъ находящимся съ нимъ епископамъ, чтобы уничтожить соблазны. Если же ваша святость (т.-е. отцы собора) отвергаетъ требуемое, то мы — угрожаютъ оо. архимандриты—не будемъ имѣть общенія съ вами»¹⁾. Развѣ шестому вселенскому собору не приходилось назначать особаго засѣданія для разсмотрѣнія мнѣній какаго-то пресвитера Константина, предлагавшаго между прочимъ какой-то догматическій компромиссъ? Наприм., онъ заявлялъ на соборѣ, что онъ «проситъ заключить миръ, чтобы предложено было что-нибудь примиряющее, и не порицались ни тѣ, ни другіе — ни проповѣдующіе одну волю (во Христѣ), ни проповѣдующіе двѣ воли. Богъ любить болѣе всего миръ и любовь,—поучалъ онъ отцовъ собора²⁾. Развѣ тотъ же шестой вселенскій соборъ не счелъ себя вынужденныхъ въ полномъ составѣ покинуть залы дворца, гдѣ засѣдали отцы, выдти на площадь въ Константинополѣ, стоять здѣсь цѣлыми часами и ждать

¹⁾ Дѣян. всел. соборовъ. Т. IV, стр. 32.

²⁾ Дѣянія всел. соборовъ. Т. VI, стр. 220.

конца затѣи какого-то сумасброднаго монаха Полихронія, объявившаго, что въ доказательство правоты своего лжеученія онъ воскреситъ умершаго человѣка? Соброръ позволилъ продѣлать безумному монаху предъ всѣмъ честнымъ народомъ всѣ глупости, какія ему приходили въ голову, возлагать хартію съ исповѣданіемъ своей вѣры на мертвеца, многократно шептаться съ трупомъ и т. п. Разумѣется, мертвецъ отъ этого не ожилъ. Но все это соброръ терпѣливо перенесъ, «чтобы совершились всенародно его несбыточная затѣя и безумное и дерзкое предположеніе» — и потерпѣли пораженіе. Отцамъ собора было извѣстно, что этотъ Полихроній и его единомышленники оболъщали очень многихъ изъ народа ¹⁾. Упомянемъ кстати, что седьмой вселенскій соброръ первоначально имѣлось въ виду устроить въ Константинополь, и онъ даже открылся здѣсь — началось первое засѣданіе его, но иконоборствующіе нигилисты того времени «сорвали» засѣданіе собора и онъ... прервался на цѣлый годъ, пока не возобновился уже въ другомъ городѣ ²⁾. Да, соброръ, какъ таковой, не есть триумфъ, а есть великая страда. Этого отнюдь не слѣдуетъ забывать.

Возникалъ вопросъ: о доступности соборныхъ засѣданій для публики. По этому вопросу единогласно постановлено слѣдующее. «Соборныя засѣданія должны быть по древнимъ примѣрамъ доступными для всѣхъ православныхъ, но вмѣстимость зданія, гдѣ будутъ происходить засѣданія, требуетъ установить опредѣленное количество, въ какомъ вѣрующіе могли бы быть допускаемы къ присутствованію на соброрѣ. Для сего должна быть организована особая коммисія». Впрочемъ, предсоборнымъ присутствіемъ оговорено нѣкоторое ограниченіе: «нѣкоторыя засѣданія могутъ быть и закрытыя, если то соброръ признаетъ необ-

¹⁾ Тамъ же, стр. 216—217.

²⁾ Дѣянія всел. соборовъ. Т. VII, стр. 61—2.

ходимымъ¹⁾). Однимъ изъ членовъ вышеуказаннаго присутствія выражена была мысль о неограниченной доступности собора для публики. По его мнѣнію, могутъ быть допускаемы на соборъ всѣ, безъ особыхъ рекомендацій, даже и женщины²⁾). Конечно, въ настоящее время нѣтъ никакихъ основаній исключать женщинъ изъ числа посѣтителей соборовъ, хотя точно мы и не знаемъ: бывали ли женщины на древнихъ соборахъ въ качествѣ публики; восточныя понятія о женщинахъ, наприм., думаемъ, едва ли могли открывать доступъ женщинамъ на соборъ. Что касается вообще до присутствованія любопытствующаго народа на соборахъ, наприм., вселенскихъ, то съ точностію нельзя сказать: бывалъ ли онъ здѣсь во множествѣ. Разсматриваемое нами постановленіе гласитъ, что соборныя засѣданія должны быть доступны для всѣхъ, «по древнимъ примѣрамъ», но какіе примѣры здѣсь разумѣются сказать трудно. Если бы на вселенскихъ соборахъ, т.-е. на соборахъ наиболѣе организованныхъ, присутствовала публика, то акты обязательно отмѣчали бы присутствіе ея и указывали на тѣ восклицанія, которыми она заявляла себя въ теченіе собора. Но такихъ записей не замѣтно. Правда, на послѣднемъ торжественномъ засѣданіи VII вселенскаго собора городская публика присутствовала и притомъ во множествѣ, но она очевидно намѣренно созвана была сюда для большей торжественности послѣдняго соборнаго дѣянія³⁾). Впрочемъ очень возможно, что все дѣло стояло въ зависимости отъ вмѣстимости помѣщенія, гдѣ происходилъ соборъ. Наше предсоборное присутствіе степень доступности соборныхъ засѣданій для публики ставить въ зависимость отъ «вмѣстимости зданія», гдѣ будетъ засѣдать соборъ. А гдѣ будетъ засѣдать нашъ соборъ,

¹⁾ Протоколы предсоборнаго присутствія. *Цер. Вѣд.*, 1906. № 23, стр. 1628.

²⁾ Тамъ же. № 17, стр. 957.

³⁾ Дѣян. всел. соб., т. VII, 629.

остаётся неизвѣстнымъ. Определено, что соборъ состоится въ Москвѣ—но безъ точнаго указанія помѣщенія для него. Молва, правда, указываетъ на Московскій епархіальный залъ, но онъ вовсе не великъ и не богатъ отдѣльными комнатами, гдѣ бы могли многочисленные члены собора въ теченіе неизбѣжныхъ перерывовъ найти себя удобный отдыхъ. Намъ кажется, съ наибольшимъ комфортомъ и представительностію соборъ могъ бы устроиться въ залахъ т. н. большого кремлевскаго дворца, ничѣмъ не занятаго, но очень удобнаго для многочисленныхъ собраний и по мѣстоположенію и по своей вмѣстимости.

Руководители древнихъ соборовъ, главнымъ образомъ вселенскихъ, очень внимательно относились къ вопросу о записываніи всего того, что говорилось и читалось на соборѣ, какъ скоро обычай такого записыванія утвердился въ практикѣ ¹⁾. Повидимому, не опущено изъ вниманія это обстоятельство и въ наше время. Въ одномъ постановленіи разсматриваемаго нами присутствія читаемъ: «при соборѣ образуется секретаріатъ изъ наличныхъ служащихъ въ синодальныхъ учрежденіяхъ, подчиненный предсѣдателю собора. Въ составъ его могутъ быть также ученые богословы и канонисты. А кто будетъ стоять во главѣ секретаріата — духовное или свѣтское лицо, безразлично» ²⁾. Конечно, такая предупредительность похвальна и напоминаетъ рачительность въ этомъ отношеніи руководителей соборовъ вселенскихъ. Одно остается не выясненнымъ: въ какой формѣ будутъ изложены акты предстоящаго собора? Въдѣ акты древнихъ соборовъ очень не одинаковы. Они носятъ частію форму докладовъ на высочайшее имя: таковы акты III вселенскаго собора, и разумѣется не отличаются полнотою; частію форму протоколовъ, возможно обстоятельныхъ, таковы акты IV и VII

¹⁾ См. главу: „Происхожденіе актовъ вселен. соборовъ“ въ нашей книгѣ: „Духовенство древней церкви“ стр. 465—481. М. 1905.

²⁾ Протоколы предсоб. присутствія. *Церк. Вѣд.* 1906, № 29, стр. 2316.

вселенскихъ соборовъ; частію форму официальныхъ актовъ, прошедшихъ чрезъ привычныя руки искусныхъ въ технику и стилистику какихъ либо статсъ-секретарей, каковы сухіе, безцвѣтные акты V всел. собора и въ большей ихъ части акты VI всел. собора (последнія дѣянія этого собора изложены впрочемъ въ формѣ протоколовъ); наконецъ знаменитый софійскій соборъ, бывший при Фотіѣ, въ 879 году и долго считавшійся на Востокъ VIII всел. соборомъ, описанъ на основаніи протоколовъ его этимъ самымъ патріархомъ, и описаніе это носитъ всѣ черты литературнаго произведенія, отличающагося возвышеннымъ слогомъ и замѣчательною точностію языка. Какую форму изложенія актовъ нашего собора изберутъ лица, власть имѣющія—мы не освѣдомлены. Конечно, лучше всего избрать бы форму точныхъ и подробныхъ, неуукрашенныхъ и неизмѣненныхъ (ради складности и т. д.) стенографическихъ протоколовъ. Но если будетъ избрана эта форма; то акты вырастутъ въ очень большую книгу—въ монументальный памятникъ.

Впрочемъ, неизвѣстно — сколь долго продлится соборъ. Будутъ ли приложены старанія къ сокращенію его длительности, или же будутъ избѣгать всякой торопливости. Последніе вселенскіе соборы, о которыхъ мы имѣемъ болѣе точныя свѣдѣнія, имѣли такую продолжительность. IV вселенскій халкидонскій продолжался отъ 8 октября до 1 ноября, V вселенскій константинопольскій отъ 5 мая до 2 Іюня, VI вселенскій константинопольскій же отъ 7 ноября 680 года до 16 сентября слѣдующаго года (почти годъ), VII всел. Никейскій отъ 24 сентября до 23 октября. Въ теченіе каждаго срока закончить свою дѣятельность нашъ соборъ трудно сказать. Самый непродолжительный изъ вселенскихъ соборовъ тянулся около мѣсяца, но едва ли въ такой срокъ заключить циклъ своихъ занятій ближайшій нашъ соборъ. Одни проекты преобразованія духовно-учебныхъ заведеній потребуютъ не одно засѣданіе, и по нашему мнѣнію, они напрасно

и вносятся на соборъ: это дѣло пограничное между церковію и министерствомъ просвѣщенія. На соборъ необходимо употребить, какъ кажется, не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ.

Къ сожалѣнію, въ газетахъ появилось печальное извѣстіе, что вопросъ о созывѣ всероссійскаго собора отложенъ на неопредѣленное время. «Мотивировка — недостатокъ средствъ у св. Синода». Но такъ какъ наша церковь очень небогата, то этакъ пожалуй всероссійскій церковный соборъ никогда не состоится. Дай Богъ, чтобы это извѣстіе оказалось неосновательнымъ.

А. Лебедевъ.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.*

(Изъ дневника инока).

Почему бываетъ часто—дома такъ молитвенно, хорошо, умиленно настроенъ, а придешь въ церковь — въ душѣ пустота, холодъ, тягота, расслабленіе? Или еще: бываетъ—дома ощутишь какъ слѣдуетъ свое убожество, свое грѣховное, немощное, жалкое состояніе, оплакиваешь его, весь горшишь искупительнымъ умоленіемъ за него, и слышишь затѣмъ въ сердцѣ и отвѣтный голосъ всепрощающаго Существа, голосъ прощенія, любви, ласки, сладостнаго утѣшенія... А придешь на исповѣдь къ отцу духовному, и того всего уже не ощущаешь въ такія минуты таинства, когда этому-то всему и надлежало бы, кажется, особенно быть. Отчего это несовпаденіе моментовъ нашей духовной жизни съ церковными усиліями разбудить нашу душу и дать ей блага утѣшеній небесныхъ.— усиліями, какъ будто лишаящимися своего значенія?

Мнѣ думается, что это несовпаденіе не представляетъ чего-либо опаснаго и ненормальнаго въ нашей духовной жизни. Пожалуй, его слѣдуетъ даже назвать лишь кажущимся. Въ самомъ дѣлѣ: наше настроеніе часто не только обуславливается и слагается настоящимъ, но и коренится въ отдаленныхъ минутахъ прошлаго, а порой занимаетъ свою силу и тонъ въ размышленіяхъ будущаго. Такъ, во многихъ случаяхъ хорошее *домашнее* настроеніе есть въ

*) Продолженіе. См. февральскую кн. *Душеспол.* Чт. 1907 г.

сущности *переваренное* такъ сказать душою — *церковное*, зачавшееся когда-либо прежде, въ лучшія минуты церковной службы, и потомъ по времени возчувствованное, рожденное, отраженное душою. Извѣстно и психологически, что въ нашей душѣ ни одно самое ничтожное, повидимому, впечатлѣніе не пропадаетъ безслѣдно, но такъ или иначе воспитываетъ душу, настраиваетъ ее и сказывается въ ней впослѣдствіи тѣми или другими плодами. Съ другой стороны, не должно быть удивительнымъ, что дома мы иногда достигаемъ такого настроенія и подъема духа, какихъ — казалось бы—должно и можно достигать лишь въ церкви, подъ ея благодатными воздѣйствіями. Жизнь наша дома—должна быть прямымъ *продолженіемъ* жизни въ церкви, ею начинаться, ею сопровождаться и ею заключаться, причѣмъ все, чтò мы переживаемъ дома хорошаго, имѣетъ свою цѣну и зачитывается, такъ сказать, и въ церковное служеніе наше Богу. Домашніе труды и потраченныя силы не должны пропадать безъ всякаго значенія для церкви, съ любовію ею пріемлются, благословляются и вмѣняются въ свои—церковные. Церковь—эта любящая мать—знаетъ, что два раза подъяръдъ мы не можемъ напрягаться въ своемъ настроеніи и душевномъ возбужденіи: выплаканныя слезы осушаютъ слезные источники и должны вновь копиться въ нихъ для новаго изліянія. Переживъ дома порывы духовнаго возбужденія, умиленія, сокрушенія сердечнаго,—естественно, что въ церкви, куда мы затѣмъ приходимъ, мы уже являемся въ нѣкоторомъ родѣ съ душою опустошенною въ запасахъ и силѣ ея умиленныхъ чувствъ. Но это опустошеніе—сдѣлано вѣдь для Бога же, хотя и дома, а потому смущаться нечего. Алавастръ благоуханнаго драгоценнаго мѹра излить не даромъ: онъ излить на ноги милосердаго Сердцевѣдца, не дожидавшаго, когда мы придемъ въ храмъ, но Самого пришедшаго за нами въ самый нашъ домъ. И церковь не только не ревнуетъ нашихъ домовъ къ намъ за такое предвосхищеніе обрученія и со-

единенія взаимно любящихъ сердець Жениха и невѣсты— Господа и нашей души, но и сама поощряетъ это предвосхищеніе, говоря словами «друга Женихова»: *«сія убо радость моя исполмися!»*... (Іоан. III, 29).

* * *

Многіе основываютъ свое малодушное маловѣріе на почвѣ тяжелой, невыносимой, непримиримой скорби и страданій отъ житейскихъ ударовъ и невзгодъ. Но—припомнимъ благоразумнаго разбойника. Въ минуту самыхъ тяжелыхъ страданій своихъ, готовясь испустить отъ нихъ духъ, онъ позналъ въ своемъ собратѣ по несчастію— Царя небеснаго, могущаго отверзть и для него двери царства небеснаго. И, что еще удивительнѣе, этотъ Самъ, исповѣданный имъ Царь небесный, въ ту минуту менѣе всего могъ внушать въ Себя вѣру и упованіе, такъ какъ и Самъ былъ безпомощнѣе, несчастнѣе, повидимому, униженнѣе всѣхъ сыновъ человѣческихъ. И — однако, несмотря на все, вѣра и при столь неблагоприятныхъ условіяхъ обрѣла себѣ вѣруемаго, надежда нашла чаемаго, жажда получила удовлетвореніе и утѣшеніе. Что же мы послѣ этого со своими страданіями и разочарованіями?

Пусть и наша надежда, хотя воскресшая и уже не умирающая, доселѣ немоществуетъ, безмолвствуетъ и какъ бы страдаетъ на виду нашемъ, какъ у разбойника. Пусть и у насъ — нашъ Спаситель, наше утѣшеніе—«второе» виситъ съ нами, распинаемый нами же—нашею, все такъ же какъ всегда, отъ вѣка неблагодарною къ Нему и неизмѣнно-предательскою въ отношеніи къ Нему жизнію! Исповѣдуемъ Его, Страдальца, нашими страданіями, а не поношеніями распинателей и «другаго распятаго съ Нимъ». Этотъ «другой» тоже страдалъ съ Нимъ и нашелъ въ своихъ страданіяхъ то вѣріе и ожесточеніе, какое до сихъ поръ находятъ тысячи страдающихъ и разочаровывающихся жизнію отъ неуразумѣнной ими великой силы

своихъ страданій. Не будемъ винить ихъ, укорять ихъ. Вѣрю: Господь въ каждомъ найдетъ хоть что-нибудь малое, свѣтлое, къ чему можно будетъ «прицѣпиться» Его милосердію, помилованію и всепрощенію, ибо знаетъ—необъятная Любовь и Состраданіе—знаетъ нашу немощь, беспомощность и хрупкость при множествѣ враговъ, искушеній и слабостей нашихъ.

* * *

Какъ—часто бываетъ—холодна и ко всему не то равнодушна, не то зловѣще-спокойна душа... Все въ ней какъ будто переболѣло, перегорѣло, и кажется — ничто болѣе не удивить, не тронетъ и не подвигаетъ на откликъ. Это не значить, впрочемъ, что душа «убита». Нѣтъ, она только какъ будто остановилась... Но—вотъ дождется она чего-нибудь опредѣленнаго, что толкнетъ ее опять впередъ, выведетъ ее изъ ея спячки, и накопившееся все ранѣе — прольется въ цѣлый фонтанъ чувствъ — радостныхъ или печальныхъ, какъ угодно будетъ Господу.

Такъ бываетъ — малое дитя, затаивъ горе разлуки съ любимую матерью, умолкаетъ и поддается утѣшеніямъ обружающихъ, а разревется какъ слѣдуетъ уже тогда, когда... опять является мать, и нѣжнымъ голосомъ и объятіемъ своимъ напомнить, чего былъ лишень за время разлуки съ нею ея дорогой малютка. И только уже наревѣвшись вдоволь, этотъ малютка переживаетъ и то, что уже не помнится скорбь разлуки за радость свиданія.

* * *

«*Заколи (душе) яко жертву страсти плотскія Господеву твоему!*» (Четв. 5 нед. поста «блаженны»). Какъ Іефеаю было тяжело заклать свою единственную дочь въ общанное всесоженіе (и онъ все-таки заклалъ), такъ и еще болѣе тяжело бываетъ намъ разстаться со своими плотскими пристрастіями и грѣховными привычками. О, душа! И все-таки разстанься! Не уступи ветхозавѣтному пра-

веднику въ ревности! Заколи Господу это «исчадіе» твое, и прими честь лучшую Іефеаевой!

* * *

Чѣмъ сильнѣе искушеніе, буруевающее тебя, тѣмъ болѣе удобный случай имѣешь ты благоугодить Господу, заставъ свое пристрастіе и поплѣновеніе въ жертву Господу.

* * *

Смерть пресѣкаетъ нашу жизнь въ большинствѣ случаевъ на такомъ моментѣ, когда человѣкъ еще многого не докончилъ, многое не приготовилъ, иное лишь началъ только дѣлать. Будь же готовъ встрѣтить эту безвременную гостью на всякомъ мѣстѣ, во всякое время, въ состояніи даже полной незаконченности самыхъ твоихъ важныхъ дѣлъ, предпріятій и намѣреній.

* * *

«Приидите уготовимъ Господеву ко срѣтенію — вѣтви добродѣтелей носяще Ему: тако бо Его примемъ, якоже во градѣ Іерусалимъ, въ души наша, поклоняющеса и поюще Его» (Кан. Вторг. Ваій). Іерусалимъ—наша душа. Смотри же, принявъ въ себя своего Царя, кроткаго и спасающаго, не подражай Іерусалиму въ его вѣроломномъ христуубійствѣ, коего никакъ нельзя было, повидимому, ожидать отъ кричавшихъ такъ недавно Ему «осанна!»

* * *

Изъ десяти облагодѣтельствованныхъ Господомъ несчастныхъ прокаженныхъ лишь одинъ возвратился поблагодарить Его, а 9 полѣнились. Такъ и мы всегда на $\frac{9}{10}$ остаемся неблагодарными во всемъ, и едва только $\frac{1}{10}$ посильной благодарности воздаемъ своему благодѣтелю.

* * *

«Что мене боишися, всенепорочная, паче Тебе боящагося? Что благоговѣши мнѣ, Владычице, Тебѣ честно благоговѣющему?» (Кан. Благовѣщенія, 3-я пѣснь). Какая возвышенная, трогательная, глубокая и прелестная поэзія въ этихъ словахъ Ангела Пресвятой Дѣвѣ! Можно ли лучше выразить состояніе духа высшаго изъ Ангеловъ и чистѣйшей изъ людей въ моментъ сознанія ими того, какой великой тайнѣ они являются служителями и свидѣтелями,—въ моментъ вселенія Господа Ангеловъ во чрево непорочнѣйшей Царицы людей! Представители двухъ міровъ—авгельскаго и человѣческаго—поневолѣ должны были смутиться и, такъ сказать, растеряться, оказавшись оба лицомъ къ лицу со страшной и преславной тайной воплощенія своего Создателя въ зракъ раба.

* * *

«Малъ гласъ испусти разбойникъ, велию въру обрѣте» (Вел. Пят. утра, ант. 14). Вотъ какъ иногда пріобрѣтаются сокровища царства небеснаго! Вотъ что могъ сдѣлать и «малый» гласъ разбойника, испущенный изъ глубины покаяннаго сердца къ страдальцу за наши грѣхи и носителю нашихъ немощей!

* * *

«Обители многи» въ дому Отца небеснаго—это воистину есть «мѣра любви каждаго ко Господу»—по мудрому изреченію пр. Исаака Сирина. Вотъ почему при множествѣ этихъ обителей тамъ не можетъ быть зависти. Каждый въ глубинѣ своей души увидитъ полное соотвѣтствіе своего труда и плодовъ его, своей любви къ Богу и отвѣта на нее. Чѣмъ глубже въ тебѣ, пламениѣ, живѣе, всеобъемлюще любовь ко Господу, тѣмъ болѣе свѣтлую обитель ты и готовишь себѣ,—тѣмъ болѣе глубокое, живое, возвышенное наслажденіе будешь способенъ переживать въ своей будущей обители. Подобнымъ образомъ.

должно сказать въ противоположную сторону и объ обителяхъ тьмы и мученій, которыхъ также будетъ много для грѣшниковъ нераскаянныхъ въ будущей жизни. Эти обители то же суть не что иное, какъ *мѣра отпаденія* каждаго сердцемъ своимъ отъ источника истинной нашей жизни и блаженства. Чѣмъ болѣе заглушить кто въ своемъ сердцѣ любовь ко Господу и потребность въ Немъ, тѣмъ болѣе безпросвѣтную и безотрадную обитель создаетъ себѣ для будущаго. И никто въ этомъ неповиненъ, кромѣ самого созидающаго, какъ и въ первомъ случаѣ. Господь предоставляетъ каждому самому уготовить себѣ мѣру блаженства въ обителяхъ своего сердца, свободно устрояя это сердце въ болѣе или менѣе свѣтлую и полную обитель Отца небеснаго съ Сыномъ и Святымъ Духомъ.

А. I.

(Продолженіе слѣдуетъ).

УРОКИ ХРИСТИАНСКАГО ДѢЛАНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО.

(Къ 28-му Марта — дню памяти преподобномученика Евстратія Печерскаго)

«ТѢСНЫЙ ПУТЬ».

Воспоминаемый нынѣ св. Церковью преподобномученикъ Евстратій, уроженецъ Кіева, желаніемъ возжелавъ облечься въ иноческій образъ, роздалъ имѣніе свое нищимъ и роднымъ и вступилъ въ число братіи Кіево-Печерскаго монастыря. Памятуя же, что человекъ первоначально палъ неводержанія ради, особенно преуспѣвалъ въ подвигахъ воздержанія и строгаго поста, чего ради и наименованъ былъ *постникомъ*. Когда же попущеніемъ Божиимъ въ 1096 г. напали на Кіевъ половцы и, придя къ Печерскому монастырю, сожгли церковь, разорили келіи, убили нѣкоторыхъ жителей монастырскихъ, а иныхъ взяли въ плѣнъ, то въ числѣ этихъ послѣднихъ оказался и св. Евстратій. Всего было плѣнено въ Кіевѣ 50 христіанъ, и всѣ они были проданы нѣкому еврею, въ городъ Корсунь. Еврей этотъ мучилъ ихъ голодомъ и тяжкими страданіями желалъ вынудить ихъ къ отреченію отъ христіанской вѣры, но мужественный инокъ Евстратій укрѣплялъ ихъ вѣру и увѣщевалъ памятовать обѣты, данные при крещеніи. И плѣнники, укрѣпляемые благодатнымъ словомъ блаженнаго мужа, рѣшили скорѣе умереть, нежели отречься отъ Христа. Одинъ за другимъ скончались они, мучимые голодомъ и жаждою: кто чрезъ три дня, кто чрезъ семь, а

кто — чрезъ десять дней. Остался живъ одинъ Евстратій, уже четырнадцать дней голодомъ томимый, но безъ вреда для себя его переносившій, ибо отъ юности имѣлъ навѣкъ къ изрядному пощенію. Видѣвъ же еврей, что черноризецъ Евстратій былъ причиною потери золота, уплаченнаго за плѣнниковъ, помыслилъ отомстить ему. Когда насталъ у евреевъ праздникъ пасхи, враги Христа, въ день воскресный, распяли Евстратія на крестѣ, а сей добродѣтельный воинъ Христовъ благодарилъ Бога, сподобившаго его вѣнца мученическаго. Распявшіе же поносили его и убѣждали признать еврейскую паску, и тѣмъ избѣгнуть смерти. Святый же мужъ дерзновенно отвѣчалъ имъ, славя Христа и обличая невѣрствіе и жестокосердіе ихъ, и предсказалъ, что они восплачутся и возрыдають, когда придетъ на нихъ отмщеніе крови его и прочихъ христіанъ, — что и сбылось впоследствии. Услышавъ сіе, воспалился гнѣвомъ Корсунскій еврей, взялъ копье и пронзилъ имъ къ кресту пригвожденнаго... Итакъ, добрый воинъ Христовъ Евстратій воспріялъ воинамъ свойственную блаженную кончину. Тѣло же его святое было брошено въ море, но затѣмъ нѣкимъ смотрѣніемъ Божиимъ перенесено въ Печерскій монастырь, гдѣ и понынѣ нетлѣнно почиваетъ въ Антоніевыхъ пещерахъ въ утѣшеніе и назиданіе наше... Говорю, *въ утѣшеніе*, ибо утѣшительно роду христіанскому притекать къ почти тысячелѣтнимъ мощамъ святаго, за вѣру пострадавшаго и за сіе вѣнцемъ нетлѣнна украшеннаго, отрадно и въ молитвѣ призывать, и вѣрить въ молитвенное предстательство добродѣтельнаго воина Христова, иже много искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помощи. *Назиданіе* же отъ житія святаго обрящемъ, взирая на скончаніе жителства его и подражая вѣрѣ его... Припомнимъ, что вступивъ въ сонмъ иноковъ Печерскихъ, св. мужъ паче всего прилежалъ къ подвигамъ воздержанія и поста, и сіе упражненіе въ сихъ подвигахъ укрѣпило, закалило вѣру его, спасло отъ паденія грѣховнаго и научило без-

Боязненно встрѣтить смерть, которая для добрыхъ воиновъ Христовыхъ не страшна, ибо всегда имѣютъ они желаніе разрѣшиться и со Христомъ быти... Но какъ достигнуть сего, какъ воспитать въ себѣ сію твердость въ вѣрѣ, сію вѣрность даже до смерти? Отвѣтъ ясенъ. Надлежитъ подражать св. Евстратію въ подвигахъ воздержанія и поста, степени коихъ, однако, различны, въ зависимости отъ званія и состоянія христіанскаго: что возможно иноку, то непримѣнимо къ мірянину, да и у тѣхъ, и у другихъ степени разныя, въ зависимости отъ обязанностей, на нихъ лежащихъ, мѣста жительства и многихъ другихъ причинъ. Но всѣмъ, однако, надо непрестанно содержать въ умѣ одно: что только тѣснымъ путемъ, узкими вратами возможно внити въ царствіе небесное. «Тѣсный путь», говоритъ святитель Тихонъ, «преисполненъ терніями бѣдъ и скорбей; пространный устланъ цвѣтами сластей и роскоши міра сего. На тѣсномъ пути предводитель Самъ Христосъ, крестъ понесшій, и на крестъ распятый, по которому идутъ вѣрніи Его, міра сего и его прихотей отрекшіися, и крестъ свой взявши. На пространномъ пути—міродержецъ князь тьмы, — по которому идутъ въ пространство и сластяхъ всякихъ живущіи. —Тѣсный путь къ блаженству вѣчному ведетъ: пространный къ вѣчному неблагополучію приводитъ ¹⁾». Всесовершенная тѣснота—удѣлъ иноковъ и вообще рабовъ Божіихъ, воинствующихъ противъ плоти, міра и діавола во всеоружіи христіанскомъ; но стремленіе утѣснить путь свой, вмѣстить его въ рамки закона Христова, подчинить плоть духу—должно быть свойственно всѣмъ намъ, и является неотъемлемымъ признакомъ жизни христіанской, которая немыслима безъ самоограниченія и воздержанія. Все сіе непрестанно вспоминалъ и прилагалъ въ жизни св. Евстратій, чѣмъ и достигъ высоты духовной, сдѣлавшей изъ него добропобѣднаго воина Христова, для котораго еже жити—Хри-

¹⁾ Творенія св. Тихона Зад., изд. 5-е, т. I, стр. 167.

стость, еже умерети — приобрѣтеніе. И намъ всѣмъ такъ расположиться надлежитъ. Чтобы придти намъ въ этомъ отношеніи на помощь, св. Церковь, благопопечительная мать наша, вѣдая, сколь трудно христіанамъ, при обычныхъ дѣлахъ житейскихъ, избѣгать суеты и отвлеченія отъ «единого на потребу», нарочито установила особое время великопостное, когда все приноровлено къ тому, чтобы дать намъ время и возможность углубиться въ свое «я» и уврачевать тайнствами церковными наболѣвшую отъ грѣховъ душу... Но нынѣ, къ сожалѣнію, даже и въ великомъ посту, окружающая обстановка мало отличается отъ повседневной жизни: почти на всѣхъ недѣляхъ разрѣшаются зрѣлища и прочія суетныя радости міра сего, такъ что желающему проводить постъ по-постному это куда труднѣе, нежели въ прежнее благочестивое время... Но да не смущается сердце наше! Вспомнимъ слова преподобнаго Антонія Великаго, который говорилъ что «придетъ время, когда монахи оставляютъ пустыни и потекутъ вмѣсто нихъ въ богатые города; вмѣсто воздержанія умножится чревоугодіе, и очень многіе изъ нихъ будутъ заботиться о роскошныхъ яствахъ, не меньше самихъ мірянъ, отъ которыхъ монахи ничѣмъ другимъ отличаться не будутъ, какъ одѣяніемъ и наглавникомъ. Но будутъ въ то время и такіе, которые окажутся гораздо лучше и совершеннѣе насъ», продолжалъ св. Антоній; «ибо блаженнѣе тотъ, кто могъ преступить, и не преступилъ,—и зло сотворить, и не сотворилъ (Сир. 31, 11), нежели тотъ, кто влекомъ былъ къ добру множествомъ стремящихся къ тому ревнителей¹⁾». Что сказано относительно иноковъ, то примѣнимо и къ мірянамъ, ибо всѣмъ намъ надлежитъ памятовать, что усугубившаяся нынѣ трудность шествованія путемъ истиннаго христіанскаго жительствова не должна насъ устрашать, а наоборотъ, распалять нашу ревность...

¹⁾ Добротолубіе, т. I-й. Изреченія св. Антонія Великаго, стр. 129 и 130.

Много на пути семь преткновеній, смущеній, искушеній, но если терпѣніемъ будемъ теши на подлежащій намъ подвигъ, взирающе на Начальника вѣры и Совершителя Іисуса, то явимся побѣдителями надъ грѣхомъ, а побѣждающему дано будетъ *спѣсти съ Господомъ на престолъ Его* (Апок. 3, 21). Да не смущается же сердце наше и да навикнетъ итти *тѣснымъ путемъ*,—и тогда мзда наша будетъ многа на небесѣхъ! Поучимся сему у св. преподобномученика Евстратія, его же святыми молитвами укрѣпляемые и примѣромъ одушевляемые, не уклонимся отъ пути, начертаннаго Господомъ, Который изрекъ: *иже хочетъ по Мнѣ итти, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ ирдетъ* (Мар. 8, 34).

А. Зеландъ.

УЧЕНИЕ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА О СОБСТВЕННОСТИ ¹⁾.

Теперь мы переходимъ къ другому главнѣйшему мотиву лаготворительности, которымъ св. Іоаннъ Златоустъ воздѣйствовалъ на волю своихъ слушателей, призывая ихъ къ подвигу милосердія.

Св. Отецъ прекрасно зналъ своихъ слушателей, онъ проникалъ въ сокровенныя глубины ихъ сердца и какъ мы уже раньше замѣчали, онъ неподражаемо вѣрно ставилъ діагнозъ той ихъ болѣзни, съ которой такъ усердно и успѣшно боролся во все продолженіе своей многотрудной дѣятельности. Не легко ему было склонить къ лаготворительности, расположить въ пользу меньшей братіи, смягчить каменное сердце тѣхъ надменныхъ, сребролюбивыхъ и расточительныхъ богачей, къ которымъ (главнымъ образомъ) направлено было его слово. Онъ зналъ, что люди, привыкшіе все оцѣнивать съ точки зрѣнія выгоды и изъ всего извлекать возможно большую пользу, ничѣмъ инымъ не могутъ быть такъ успѣшно подвинуты и привлечены къ участію въ добромъ дѣлѣ, какъ обѣщаніемъ величайшихъ наградъ и безусловныхъ выгодъ, непременно проистекающихъ изъ этого дѣла. Преклоняющіеся предъ золотомъ и признающіе единственнымъ девизомъ жизни «эксплоатацію», не убѣдятся никакими доводами въ пользу милостыни,—даже страхъ наказанія на страшномъ судѣ мало измѣняетъ ихъ образъ

¹⁾ Продолженіе. См. февральскую кн. *Душеполезнаго Читенія* 1907 г.

мыслей и дѣйствій; но обѣщаніе воздаянія и надежда на вознагражденіе («сторицей») побѣждаетъ ихъ эгоистическія наклонности и нерѣдко располагаетъ къ благотворительности... Не этимъ ли свойствомъ слушателей св. Іоанна Златоуста объясняется то, что большинство его проповѣдей заканчивается обыкновенно обѣщаніемъ награды, которыхъ будутъ удостоены его слушатели на небѣ подѣ условіемъ исполненія его увѣщаній, наставленій и просьбъ здѣсь на землѣ?

Мысль о томъ, что милостыня въ высшей степени полезна для тѣхъ, кто ее подаетъ бѣдному, высказывалась Златоустомъ, какъ самый убѣдительнѣйшій его доводъ въ защиту благотворительности. Мы изъ безконечнаго множества его замѣчаній въ этомъ родѣ приведемъ наиболѣе характерныя.

Послушай Слово Божіе, которое говоритъ: Корнелій! твоя молитва и твоя милостыня вошли «предъ лицемъ Бога»; значить: если ты имѣешь многіе грѣхи, но при этомъ ходатаицей за себя—милостыню, то не бойся; ибо никакія высшія силы не могутъ противостоятъ милостынѣ» «какими бы грѣхами ты ни тяготилъ себя, твое милосердіе побѣдитъ ихъ всѣ», говор. Златоустъ ¹⁾. Сила милостыни настолько велика, что пользующійся ею бѣднякъ становится для подающаго «стѣною» и «оградою», «щитомъ» и «копьемъ». «Гдѣ милостыня, туда не смѣетъ войти діаволъ и никакое другое зло» ²⁾. Милостыня оказываетъ благотворное вліяніе не только на судьбу того, кто ее подаетъ, но и того, ради кого она творится: «Многимъ помогла милостыня, поданная за нихъ другими», говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, «если не совершенное, то хотя нѣкоторое получили они утѣшеніе» ³⁾. «Благотворительность», говоритъ Златоустъ, «дастъ тебѣ средство

¹⁾ Бесѣда о покаяніи III, 1. Conf. ibid VII, 6.

²⁾ Б. на Дѣян. 45, стр. 275.

³⁾ Ibid. homil 21. T. IX p. 175.

сбергать невредимыми не только имущество, но и душу и тѣло»¹⁾.

Достойно примѣчанія и то, какъ св. Іоаннь Златоустъ умѣло приспособлялся къ понятіямъ и языку тѣхъ (искусявшихся въ наживѣ) богачей, сердце которыхъ онъ хотѣлъ заставить откликнуться добрымъ дѣломъ на вопль страдавшей души бѣдняка: «Богатство», убѣждалъ онъ ихъ, «это сокровище, которое слѣдуетъ вынести изъ осажденнаго города и отослать въ безопасное мѣсто. Это запасъ пшеницы, которая гнѣтъ на сырой землѣ и которую надобно сложить въ высокія житницы. Милостыня есть попутный вѣтеръ, который гонитъ корабль къ гавани. Это обмѣвъ, въ которомъ всѣ выгоды на сторонѣ богатаго. Это заемъ, обеспеченный самымъ вѣрнымъ поручительствомъ; это лихва, которою пользуется займодавецъ отъ Самого Бога»²⁾... Для людей, привыкшихъ изъ всего извлекать пользу, думаемъ, это могло послужить прекраснымъ доказательствомъ пользы благотворительности и смягчить ихъ черствое сердце...

Или вотъ еще примѣръ, гдѣ образы заимствуются изъ обыденной жизни и наглядно показываютъ пользу благотворительности. «Что ты скуписься? Сѣяніе ужели есть трата? ужели убыль? Нѣтъ! это доходъ и прибыль. Ибо гдѣ сѣяніе, тамъ и жатва; гдѣ сѣяніе, тамъ и приращеніе»³⁾. «Ты даешь хлѣбъ, а получаешь жизнь вѣчную; даешь одежду, а получаешь одѣяніе безсмертія»⁴⁾.

1) Homil. in Matth. LII. T. VII. г. 535. Conf. Aster., Homil. de oecon. iniq.: „Мы всѣ, желающіе упрочить свое спокойствіе въ будущемъ, должны, какъ домоправитель въ притчѣ, приобрести себя друзей, раздавая то, что принадлежитъ не намъ, а Богу, то что Богъ поручитъ намъ на извѣстное время“.

2) Homil. de perf. car. с. 1 etc.

3) Б. на Мѣ. ч. I стр. 99.; Conf. 20, стр. 427; Conf. Б. на Іоан. 8, стр. 110; Б. на Рим. 21, стр. 531; *ibid.* стр. 674; Conf. Б. и сл. на р. сл. стр. 224; *ibid.* 284.

4) С. на р. сл. стр. 501.

Чтобы вызвать въ сердцахъ своихъ слушателей состраданіе къ нищимъ, св. Златоустъ нерѣдко указываетъ еще на высоту и величіе этого подвига самого въ себѣ: «Богъ», говоритъ онъ, «привелъ ницаго изъ небытія въ бытіе; ты же не допускаешь погибнуть отъ голода и другихъ несчастій того, кто призванъ уже къ бытію, и ухаживаешь за нимъ, поправляешь и всѣми мѣрами поддерживаешь храмъ Божій. Что съ симъ сравнится и пользою и знаменитостію» ¹⁾?

Кромѣ награды въ загробной жизни, св. Іоаннъ Златоустъ указывалъ своимъ слушателямъ еще ту существенную пользу отъ подаенія нищимъ, — что подаеніе избавляетъ дающаго отъ лишннихъ сокровищъ и тѣмъ самымъ уменьшаетъ страданіе и хлопоты его, отвращая отъ него козни діавола и искушенія страстей: «Напротивъ, держа (богатства) теперь при себѣ», говоритъ Злат., «ты подвергаешься тысячѣ бѣдъ. Ибо діаволь, подобно псу, кидается на богатыхъ, какъ бы желая вырвать кусокъ хлѣба или пирога изъ рукъ у ребенка» ²⁾. Да и не только за гробомъ Богъ награждаетъ милостивыхъ и щедрыхъ: «Онъ возвращаетъ и въ настоящей жизни; ибо не лживъ сказавшій: ищите Царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ (Мѡ. VI, 33). Примѣчаешь ли необыкновенную щедрость? То, говоритъ Онъ, соблюдено будетъ безъ всякаго ущерба, а настояція блага даю въ видѣ придачи и прибыли». «Сверхъ того, ежели не вскорѣ получишь капиталъ обратно; то сіе служитъ къ приращенію твоего богатства, потому что ростъ накопляется» ³⁾... Однимъ словомъ, при посредствѣ нищихъ—Самъ Богъ «беретъ у насъ взаймы не для того, чтобы присвоить, но чтобы приумножить, чтобы сберечь въ совершенной цѣлости, чтобы сберечь

¹⁾ Б. на Рим. 14, стр. 365; Conf. Б. на Іоан. 50, стр. 202; Ibid. б. 356, стр. 275 etc.

²⁾ Б. на Рим. 7, стр. 148, 149 etc.

³⁾ Б. на Рим. 7, 148, 141 стр.

это для человѣка къ тому времени, когда никто не дастъ въ займы, никто не сжадется¹⁾).

Такъ св. Іоаннъ Златоустъ не оставляетъ и тѣни сомнѣнія въ томъ, что милостыня приноситъ величайшую пользу тѣмъ, кто оказываетъ ее нищимъ.

Замѣтимъ встать еще одну подробность.

Въ словѣ св. Іоанна Златоуста въ честь св. муч. Іуветина и Максима мы встрѣчаемъ такое замѣчаніе: «Такъ какъ они (св. муч.) имѣли отойти на небо, то напередъ отправлено было туда и имущество ихъ, и сами враги содѣйствовали этой отправкѣ; ибо не только въ видѣ милостыни раздаваемое богатство переходитъ на небо, но и то, что расхищаютъ враги вѣры и гонители живущихъ въ благочестіи, собирается тамъ же». Это вполне отвѣчаетъ той основной идеѣ, которой проникнуто все ученіе св. Іоанна Златоуста о собственности, т. е. идеѣ свободного христіанскаго, безпристрастнаго отношенія къ земнымъ благамъ. Нуженъ величайшій подъемъ религіознаго духа, необходимо проникнуться «высшей христіанской свободой», чтобы пренебречь богатствомъ и даже земной жизнію со всѣми ея радостями и повести крестъ мученичества, подобно св. Іуветину и Максиму.

Какъ ни убѣдительно²⁾ доказательства, приводимыя св. Іоанномъ Златоустомъ въ пользу той мысли, что для христіанина нѣтъ ничего обязательнаго и плодотворнаго милостыни, онъ считаетъ ихъ (все же) не вполне достаточными для назиданія своихъ слушателей. Чтобы еще сильнѣе и успѣшнѣе дѣйствовать на умъ, волю и сердце не исправимыхъ скупцовъ, онъ иногда пользовался такими приемами и доказательствами, которые своей новизной, оригинальностью и неотразимостью невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе, и мы не можемъ не привести этихъ прекраснѣйшихъ доказательствъ — съ одной сто-

¹⁾ Ibid. Conf. Б. на М. 74, стр. 278.

²⁾ всѣ, вышеизложенныя нами въ общихъ чертахъ.

роны — величайшаго значенія христіанской милостыни, а съ другой — неподражаемаго краснорѣчія и пастырской настойчивости самого св. Іоанна Златоуста, этого безподобнаго защитника нищихъ и безпомощныхъ. Призывая своихъ слушателей къ благотворительности, св. Златоустъ указывалъ имъ, наприм., на то, что, подавая милостыню, христіане могутъ содѣйствовать успѣхамъ евангельской проповѣди между невѣрными. «Перестанемъ», говоритъ онъ, «обнаруживать свою привязанность къ міру, что служить соблазномъ для язычниковъ. Если они увидятъ, что мы подражаемъ челоуѣколюбію учителя нашего, то въ нихъ будетъ болѣе расположенія къ вѣрѣ»... «Какъ великъ былъ бы нашъ успѣхъ въ дѣлѣ ихъ обращенія, если бы мы подражали милосердію первоначальной церкви! Нынѣ уже не осталось бы ни одного язычника»¹⁾. Этотъ мотивъ благотворительности намъ представляется особенно убѣдительнымъ. Іисусъ Христосъ говорилъ увѣровавшимъ въ Него: *такъ да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего небеснаго* (Мѡ. 5, 16). Успѣхъ христіанской миссіи въ значительной степени зависитъ отъ благотворительности... Стоитъ вспомнить организацію латинской (папской) миссіи съ ея весьма нескуднымъ ежегоднымъ бюджетомъ...

Кромѣ этого соображенія въ пользу милостыни, св. Златоустъ иногда заимствуетъ примѣры и доказательства ея необходимости и изъ науки, напр., этнографіи, физиологіи, социологіи, политической экономіи и друг., излагая ихъ (доказ.) языкомъ, конечно, вполнѣ доступнымъ и весьма картиннымъ. Такъ, онъ говоритъ: «Есть, говорятъ, люди, которые даже не знаютъ, что такое серебро; потому что любовь къ богатству—страсть не естественная»²⁾.

Или вотъ еще наглядное доказательство того, что не

¹⁾ Hom. in Act. 11, с. 2; hom. in 1 cor., с. 6; in Phil. praef. с. 3.

²⁾ Б. на Іоан. 74, ст. 515.

удѣлять отъ своихъ трудовъ другимъ членамъ человѣческаго общества—вредно и небезопасно: «И тѣлесная пища», говоритъ св. Златоустъ, «сообщаемая всѣмъ вообще членамъ, если останавливается въ одномъ членѣ, и для него дѣлается чуждою. Ибо, когда не можетъ быть имъ переварена и напитать все тѣло, тогда и для него стала чужда. А если дѣлается общою; то и сему члену и всѣмъ другимъ обращается въ собственность. Не видишь ли, что руки подаютъ пищу, уста разжевываютъ, а чрево принимаетъ ее? Говорить-ли чрево: поелику мною принято, то мнѣ и должно удержать зъ себѣ принятое? Поэтому не говори такъ и объ имѣннн. Приемлющій обязанъ передавать другимъ приемлемое¹⁾. По ученіи св. Іоанна Златоуста, безъ взаимопомощи немислима соціальная жизнь; эгоистъ недостоинъ даже званія человѣческаго. «Если», говоритъ онъ, «и въ дѣлахъ житейскихъ никто для себя одного не живетъ, но всякій и художникъ, и воинъ, и земледѣлецъ, и купецъ посвящаютъ себя для пользы и выгоды общественной; то вольми паче должно быть сіе исполняемо въ дѣлахъ духовныхъ. Въ этомъ то, собственно, и состоитъ жизнь; напротивъ, кто живетъ только для самого себя, а о всѣхъ прочихъ не радить, тотъ лишній, тотъ не человѣкъ, а извергъ рода человѣческаго²⁾»).

А вѣдь стоитъ только захотѣть всѣмъ имущимъ протянуть свою руку помощи нищимъ, и самое незначительное лишеніе ничтожнѣйшей части имущества богатыхъ можетъ залечить ужасную рану, можетъ поднять физически и нравственно все множество жертвъ пауперизма, столь обычнаго при ненормальностяхъ настоящаго соціального строя... «О если бы каждый хотя по одному хлѣбу подавалъ нищей братіи!» воскл. св. І. Златоустъ. «И тогда бы всѣ были въ изобиліи; или если бы каждый удѣ-

¹⁾ In 1 Epist. ad Corinth. Homil. X. T. p. 85.

²⁾ В. на Мѣ. 77, стр. 341; Conf. 6. на Ефес. 9, стр. 162.

дядь хотя по одному оволу, тогда и бѣдныхъ не было бы, и мы не стали бы претерпѣвать сколько поношеній и осмѣяній за заботливость о стяжаніяхъ¹⁾.

Зная, это для нѣкоторыхъ золото тѣмъ особенно дорого, что оно удовлетворяетъ ихъ гордости, суетности и тщеславію²⁾, св. Златоустъ и для этихъ слабыхъ душъ находитъ убѣдительный мотивъ, только бы побудить ихъ къ благотворительности: «Если хочешь», говоритъ онъ тщеславному скупцу, «чтобъ тебѣ удивлялись, одѣвай другихъ, и ты получишь тысячи похвалъ. А вмѣстѣ съ людьми тогда восхвалятъ тебя и Богъ. Теперь же вся слава достается на долю золотыхъ дѣлъ мастеровъ и ткачей; ты же остаешься безъ вѣнца и нерѣдко видишь себя обременяемаго проклятіями³⁾».

Вообще, должно замѣтить, что св. Златоустъ былъ не примиримѣйшій врагъ излишества, въ какой бы сферѣ и формѣ оно ни поработало себѣ нравственную личность человѣка. Самъ, въ высшей степени умѣренный во всемъ, что касается потребностей тѣлесной жизни⁴⁾, св. Златоустъ съ особенной настойчивостью обличалъ злоупотребленія богатствомъ, напр. обжорство, пышность и проч., такъ какъ видѣлъ, что излишества богатыхъ крайне печально отражаются на судьбѣ бѣдныхъ и, сверхъ того, въ самомъ корнѣ подтачиваютъ истинную христіанскую свободу: «Богъ повелѣлъ, напр., одѣвать тѣло одною или двумя одеждами, и больше сего не нужно. Для чего же тысячи одеждъ и мѣховъ? Положена также и мѣра въ принятіи пищи... и здѣсь излишекъ крайне вреденъ⁵⁾»...

¹⁾ Ibid. б. 85, стр. 464; Conf. б. 66, стр. 140.

²⁾ Б. на Мѡ. ч. I, стр. 245; Conf. Б. на Колос. 7, стр. 122.

³⁾ Б. на Иоан. 27, стр. 327; Conf. 69, стр. 455 etc.

⁴⁾ Neander. Chrisostomus und seine Zeit. Th. 1, s. 75.—Ipse solus edebat, гов. Палладій. Златоусту ставили въ упрекъ, что онъ „cum nemine cibum gumeret, nec ad convivium vocatus accederet“...

⁵⁾ Б. на Ефес. стр. 35; Conf. Б. на Иоан. 22, стр. 271; Б. на Мѡ. 59, 522 стр.

Зачѣмъ же порабощать себя добровольно? Безусловно увѣренный и искренно убѣжденный въ правотѣ и плодотворности проповѣдуемыхъ имъ идей, св. Златоустъ весьма энергично и съ величайшей пастырской ревностью добивался единомыслія своихъ слушателей съ собой во имя справедливости. Закончимъ изложеніе доказательствъ въ пользу благотворительности слѣдующимъ могучимъ призывамъ къ ней, вырвавшимся изъ глубины негодующаго (но вмѣстѣ съ тѣмъ и любвеобильнѣйшаго) сердца св. Іоанна Златоуста: «Итакъ, я увѣщаваю и приказываю: украшенія для лицъ и золотые сосуды сокрушить и раздать бѣднымъ и не безумствовать такъ. Пусть кто хочетъ идти отъ меня, кто хочетъ осуждается, — я никому не буду полагать. Когда меня будутъ судить предъ престоломъ Христовымъ, вы будете стоять въ сторонѣ; ваша любовь не поможетъ мнѣ, когда я буду давать отчетъ»¹⁾).

Теперь намъ остается еще изложить ученіе св. Іоанна Златоуста о томъ, кому христіане должны благотворить и *какимъ образомъ* слѣдуетъ подавать милостыню. Рѣшеніемъ этихъ вопросовъ мы и закончимъ изложеніе ученія св. Златоуста объ употребленіи собственности. Какъ теперь, такъ, конечно, и во времена св. Златоуста, лицемѣріе и равнодушіе, облакавшееся благовидною личиною, сковывало общественную и частную благотворительность. Многіе богачи, въ извиненіе своего равнодушія къ бѣдственному положенію нищихъ, старались убѣдить себя и другихъ въ томъ, что большинство нищихъ — обманщики, собираютъ милостыню изъ корыстолюбія, притворно преувеличиваютъ свое несчастіе, своимъ жалкимъ видомъ и выдуманнми рассказами о переносимыхъ будто бы ими страданіяхъ обманываютъ довѣрчивую сострадательность людей простодушныхъ. Какъ же смотрѣлъ на это св. І. Златоустъ?

Онъ показываетъ и доказываетъ, что недовѣрчивость

¹⁾ Б. на Колос. 7, стр. 119.

къ несчастію ближняго весьма часто является безчеловѣчнымъ оскорбленіемъ бѣдныхъ страдальцевъ, что именно жестокосердіе богачей и заставляетъ многихъ бѣдняковъ прибѣгать къ лицемѣрію, притворству, даже къ другимъ непозволительнымъ средствамъ, когда скупцы не хотятъ откликнуться на вопль страдальца.

Въ 21 бесѣдѣ на 1 Кор. встрѣчаемъ поразительное изображеніе жалкаго положенія бѣдныхъ и непростительнаго равнодушія богатыхъ къ чужому горю... «Скажешь: притворно представляется онъ дрожащимъ и слабымъ? Ужели не боишься ты, что огъ слова сего возгорится небесная молнія и поразить тебя? Не могу удержаться отъ гнѣва, извините меня въ этомъ. Самъ пресыщаешься, утучняешь плоть, продолжаешь упиваться до глубокаго вечера, нѣжишься на мягкомъ ложѣ и не считаешь себя достойнымъ наказанія за такое незаконное употребленіе даровъ Божіихъ; а ницаго, который бѣдствуетъ, ничѣмъ не лучше мертвеца, подвергаешь строгому суду, не боишься страшнаго грознаго судилища Христова»... «Мы, а не онъ, заслуживаемъ тысячи наказаній за то, что довели его до необходимости лицемѣрить и притворяться»¹⁾.

Были и такіе среди богачей, которые, вмѣсто просямаго облегченія, доставляли бѣднымъ еще больше горя, присоединяя къ физическимъ сильнѣйшія нравственныя терзанія своими распрашиваніями, упреками и неумѣстными наставленіями. Къ такимъ не въ мѣру разсудительнымъ эгоистамъ обращается св. Златоустъ, говоря такъ: «Бѣдный, не имѣющій хлѣба, подходитъ къ твоей двери, и ты укоряешь его въ праздности, не думая о томъ, что ты лѣнивъ самъ, а между тѣмъ Богъ съ избыткомъ надѣлилъ тебя благами»²⁾... Да, наша жестокость, наша скупость дѣлають бѣднаго, низкимъ, наглымъ и живымъ»³⁾... «Есть несчастные, принужденные ослѣплять

¹⁾ Изд. Монф. т. X, стр. 186.

²⁾ Homil. 35 in Matth. с. 3.

³⁾ Homil. 21 in 1 cor. с. 5, 6.

своихъ дѣтей, ибо нищета и нагота не возбуждаютъ въ насъ состраданія. Есть такіе, которые, уставъ жаловаться тщетно, далеко превосходятъ нашихъ площадныхъ фиглярровъ въ искусствѣ ѣсть старую кожу, втыкать себѣ въ голову гвозди... И ты смѣешься... 1)

Тѣмъ, которые упрекали нищихъ и считали ихъ бѣдность результатомъ лѣни и наказаніемъ за праздную жизнь, св. Златоустъ ставитъ такой назидательный вопросъ: «А вы развѣ не проводите времени въ праздности и забавахъ? Или часто не предаетесь ли такой дятельности, которая хуже всякаго бездѣйствія, занимаясь грабительствомъ, насиліемъ и любостыжаніемъ» 2)?

Вступаясь за нищихъ, св. Іоаннъ обличалъ тѣхъ, которые, послѣ многихъ распросовъ, отгоняли отъ себя нищихъ и осмѣливались еще говорить: «дай намъ такихъ бѣдныхъ, каковы Ілія и Елисей, — и со всѣмъ усердіемъ примемъ ихъ» 3). Они забыли, что «мы подаемъ не праву но человѣку; и жалѣемъ его не за добродѣтель, но за несчастіе» 4), говоритъ св. Златоустъ.

Вообще по ученію св. Іоанна Златоуста, истинный благотворитель подаетъ нищему не ради достоинствъ послѣдняго, но ради того, что онъ человѣкъ, братъ ему по крови и духу, и притомъ братъ бѣдствующій; самъ же онъ не судья, а раздаватель милостыни, которая есть дѣло не правосудія, а милосердія; даже преступникамъ, заключеннымъ въ темницу, истинный христіанинъ не долженъ отказывать въ милостынѣ 5).

Изложивъ ученіе св. Іоанна Златоуста по вопросу о томъ, кому должно оказывать состраданіе, кто имѣеть

1) Ibid. Conf. Б. на Рим. 14, стр. 359, почти букв. тоже.

2) Locis supra citatis; conf. homil. in Matth. 35. T. VII. p. 402. Conf. In. inscript. Actor. Homil. II. T. III. p. 68.

3) De eleemos. Homil. T. III. p. 257; conf. In illid. vidua eligatur. Г. III. p. 326; conf. De Lazar. Homil. II. T. I. p. 734, 735. etc.

4) Б. къ Антиох. нар. стр. 74, томъ 1-й.

5) Conf. Б. на Дѣян. 53, стр. 402.

право на милостыню, мы должны теперь сказать и о томъ, *какъ* должно благотворить, или что богачъ можетъ и долженъ давать нищему и съ какимъ внутреннимъ расположеніемъ онъ долженъ удовлетворять просьбы всѣхъ обращающихся къ нему за помощью. Если имѣть въ виду: сказанное нами объ обязательности самой широкой благотворительности, то вопросы эти напрашиваются сами собою: оставить ихъ безъ вниманія — значитъ представить ученіе св. Іоаннъ Златоуста о собственности нѣсколько одностороннимъ и если угодно тенденціознымъ.

И прежде всего, проповѣдуя такимъ образомъ о милостынѣ, св. Іоаннъ Златоустъ могъ отчасти подать нѣкоторымъ христіанамъ поводъ къ нѣкоторымъ опаснымъ умозаключеніямъ: если въ милостынѣ заключается вѣрное средство умиловить Бога, то щедро подающіе милостыню безопасно могутъ предаваться грѣхамъ, въ надеждѣ безнаказанности ¹⁾. Такое печальное недоразумѣніе способно породить немалый соблазъ и вредно отразиться на чистотѣ христіанской жизни. Это одно. Другое, — еще болѣе гибельное — послѣдствіе могло явиться результатомъ слѣдующаго недоразумѣнія: милостыня всесильна предъ Богомъ, — значитъ надо стремиться приобрѣсть побольше средствъ, чтобы была возможность давать милостыню, а *какъ* эти средства приобрѣтаются, — это не важно: «цѣль оправдываетъ средства». Многимъ такіа соображенія могутъ казаться достаточнымъ оправданіемъ ихъ не христіанскихъ поступковъ.

Св. Іоаннъ Златоустъ прекрасно понималъ опасность такихъ заблужденій и старался предотвратить ихъ. Онъ

¹⁾ Вспомнимъ индульгенціи и таксу за грѣхи въ латин. церкви. „Милосердіе“, говоритъ блаженный Августинъ, служить во спасеніе тому, кто исправилъ свою жизнь. Если вы дасте только для того, чтобы приобрѣсти право грѣшить безнаказанно, то вы не питаете Христа въ лицѣ бѣднаго, а стараетесь подкупить Судію своего. (August; De script. c. 6; Enchirid. ad. Laur. 1, 20).

училъ своихъ слушателей и доказывалъ имъ, что «Господь цѣнитъ и взираетъ не столько на наши жертвы, сколько на внутреннее расположеніе, съ какимъ мы совершаемъ оныя, и, судя по нему, или пріемлетъ, или отвергаетъ ихъ» ¹⁾; онъ разъясняетъ своимъ слушат., что «не мѣра имуществъ, но мѣра душевнаго расположенія обыкновенно придаетъ цѣну милостынѣ» ²⁾, что, «если и малое дашь съ радостію, дашь много» ³⁾. Онъ доказываетъ, далѣе, что милостыня съ корыстной цѣлью заслуживаетъ не награды, а скорѣе наказанія: «Когда какой-нибудь богачъ», говоритъ св. Златоустъ, «держитъ у себя престарѣлыхъ бѣдныхъ, чтобы овладѣть ихъ имуществомъ, тогда какъ у нихъ еще есть дѣти, то достоинъ ли онъ прощенія («)?»

И не только расчетъ на матеріальную корысть обезцѣниваетъ милостыню въ глазахъ Божіихъ и человѣческихъ, но и—другой, такъ сказать, видъ расчета на душевную корысть, на похвалы и благодарности,—тщеславіе крайне нетерпимо при благотворительности: «Тщеславіе и вездѣ пагубно», говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, «но особенно въ дѣлахъ человѣколюбія; здѣсь оно есть крайняя жестокость, ибо извлекаетъ себѣ хвалу изъ чужихъ бѣдствій и почти ругается надъ живущими въ нищетѣ»... Чего не истребляетъ моль, чего не похищаетъ тать, то разграбляетъ тщеславіе» ⁴⁾. Кромѣ наибѣйшаго безкорыстія, христіанину благотворителю слѣдуетъ заботиться и о томъ чтобы,—не только не отказывать нищимъ въ подаваніи, по снабжать ихъ щедро, чѣмъ только можемъ. Обличая богатыхъ подающихъ скудно, св. Златоустъ говоритъ: «и

¹⁾ Б. на Быт. 11, 87. Conf. In Matth. homil 35. T. VII. p. 699—700.

²⁾ Б. на р. сл., стр. 501; Conf. in 1 Corinth. 25, стр. 226.

³⁾ Б. на Рим. 21, стр. 525; Conf. Б. на Іоан. 20 стр. 248; Conf. Homil 31 in Sencs., с. 1; Б. на 2 Кор.; Conf. Theodor., Comm. in Ep. ad Cor. с. В., § 4.; De eleemos t. III. p. 54.

⁴⁾ Б. на Кор. стр. 226 etc.

⁵⁾ Б. на Мѡ. 71, стр. 228.

что пользы, если, будучи богатымъ, подаешь какъ бы одну чашу изъ цѣлаго моря»¹⁾)?

«Вопросъ впрочемъ не въ томъ, чтобы дать много или мало, а въ томъ, чтобы дать не меньше, чѣмъ сколько можешь. Кто даетъ менѣе, тотъ забавляется»²⁾.

Таково ученіе св. Іоанна Златоуста о внутреннемъ расположеніи, необходимомъ при благотворительности; о ея существенныхъ свойствахъ; о ея качествахъ и количествахъ, или размѣрѣ, обязательномъ для тѣхъ кто, подавая нищимъ, желаетъ не «забавляться», а исполнить законъ Христовъ.

Переходимъ къ разрѣшенію другого возможнаго недоразумѣнія. Въ самомъ дѣлѣ: можно ли благотворить изъ неблагопріобрѣтеннаго? Какъ смотрѣть на милостыню подаваемую нищему, напр., изъ такихъ нечистыхъ источниковъ, какъ воровство, грабежъ, обманъ, вымогательство и прочія преступленія противъ чужой собственности? Св. Златоустъ не оставляетъ и этихъ вопросовъ безъ своего авторитетнаго и проникновеннаго освѣщенія и разрѣшенія. Вотъ основная его точка зрѣнія на этотъ предметъ. Для чистоты милостыни требуется, чтобы имущество, изъ котораго она удѣляется, было пріобрѣтено честно и праведно, безъ насилій и оскорбленій другихъ. «Пусть» говоритъ св. Златоустъ, «слышать всѣ, которые думаютъ дѣлать благотвореніе изъ добытаго убійствомъ, пріемля цѣну душъ человѣческихъ. Есть такіе которые, похитивъ у другихъ тысячи, думаютъ во всемъ оправдаться, если бросятъ нищимъ десять или сто золотыхъ монетъ. Христу не угодно питаться плодами любостыжанія... «Лучше ничего не давать, нежели давать чужое». ³⁾. Если вспомнить, какое величайшее значеніе имѣетъ для христіанина милостыня, то нельзя не замѣтить, что въ послѣднемъ замѣча-

¹⁾ In 1 Epist. ad Corinth. Homil. XXI. T. X. p. 182.

²⁾ Б. на Колос. 1, стр. 22.

³⁾ In Matth. Homil. 85. T VII. p. 808

ніи св. Іоанна Златоуста заключается, между прочимъ: краснорѣчивое подтвержденіе правъ собственности вообще: никакая самая благородная цѣль (даже милостыня) не оправдываетъ посягательства на чужое добро. Даже одно мысленное посягательство на чужую собственность съ цѣлью благотворительности, св. Златоустъ называетъ «злымъ помысломъ». Отвергнемъ его, обличимъ! *) убѣждаетъ онъ христіанъ. Христіанская милостыня, насколько высока и свята по самой своей идеѣ, какъ безкорыстное служеніе Богу и страждущему человѣчеству, настолько-же должна быть совершенна и по своимъ ближайшимъ цѣлямъ и средствамъ, въ противномъ случаѣ она бесполезна и не достойна своего имени. «Какая польза», спрашиваетъ св. Іоаннъ Златоустъ, «будетъ въ томъ, что ты дашь одному то, что отнял у другого? Ты долженъ вознаградить вчетверо того, кому ты повредилъ»... «Милостыня, даваемая изъ имущества, пріобрѣтеннаго неправедно, есть вороство и человѣкоубійство» 2). «Это нехристіанскія, или скорѣе сатанинскія милостыни» 3).

Итакъ, не остается никакого мѣста сомнѣнію въ томъ, что св. Іоаннъ Златоустъ съ негодованіемъ отвергалъ даже мысль о милостынѣ отъ трудовъ неправыхъ. Законность и право собственности онъ признаетъ во всей ихъ полнотѣ и неприкосновенности. «Жертвы эти (т.-е. милостыни) важнѣе и молитвъ и постовъ и многихъ другихъ дѣлъ, только-бы были (приносимы) отъ прибытка праведнаго и такихъ же трудовъ, и чисты отъ всякаго любостыжанія, хищенія и насилія... Ибо Онъ (Богъ) не хочетъ чтобы мы Его чтили жертвами чужихъ несчастій» 4)..

1) на Дѣян. ч. II. стр. 368. б. 45.

2) De verb. Ap.: habent., etc. hom. 3, с. 11. Hom. in. Phil. praef., с. 3, cf. August. serm. 178 de script., с. 4. „Если ты даешь“ говоритъ св. Григорій Назіанзинъ, „то давай изъ своего и не корми и не одѣвай бѣднаго тѣмъ, что не принадлежитъ тебѣ. (Григ. Наз. Сerm. 1, 28).

3) Б. на Мѡ. 85, гл. 3; conf. Іерон. comm. in Ezech. XVIII.

4) Б. на Іоан. 13, стр. 161.

«Въ самомъ дѣлѣ, что за польза — обнажить одного и одѣть другого» ¹⁾?.. Человѣкъ, не уважающій правъ собственности ближняго, пусть лучше совсѣмъ не благотворить. Строго говоря, такой человѣкъ *не можетъ благотворить*, такъ какъ его душѣ чужда христіанская свобода и высшее христіанское благо, христіанскій альтруизмъ, ему не доступны. Истинная христіанская благотворительность и хищническія наклонности! Развѣ могутъ быть совмѣстимы такія понятія? Въ душѣ человѣка одновременное ихъ сосуществованіе и проявленіе въ жизни совершенно невозможно. А потому, чтобы не обманывать себя и другихъ, «Перестанемъ», говорить св. Іоаннъ Златоустъ, «сначала хищничать, и тогда уже станемъ подавать милостыню» ²⁾, т.-е. сперва сами освободимся отъ рабства грѣху, и только тогда мы получимъ возможность проявить свою свободу въ высокомъ христіанскомъ подвигѣ милосердія и освобожденія несчастныхъ отъ узъ нищеты и безпомощности...

Объединяя все, сказанное нами о собственности по ученію св. Іоанна Златоуста, мы должны замѣтить, что все разнообразіе мыслей, входящихъ въ составъ этого ученія можно выразить въ одномъ словѣ «свобода». Въ этомъ словѣ, какъ бы въ фокусѣ, сконцентрированы всѣ блестящія лучи этого свѣтоноснаго ученія.

Подробный анализъ и оцѣнка этого ученія увлекли бы насъ далеко за предѣлы настоящей нашей скромной задачи.

Въ заключеніе да будетъ позволено намъ замѣтить еще разъ, что своимъ ученіемъ о собственности, святой Іоаннъ Златоустъ какъ нельзя лучше содѣйствуетъ достиженію конечной цѣли жизни человѣка и того высокаго идеала, который разъ на всегда указанъ человѣку его Господомъ и Спасителемъ (Мѡ. XIX, 17 и сл. ср. Мѡ. V 48). Сказан-

¹⁾ Ibid. 73 б., стр. 504; cf. *ibid.* 506.

²⁾ Б. на Іоан. стр. 726, бесѣда 88 etc.

ное отъ души съ отеческой любовію и съ наилучшей нравственно-воспитательной цѣлью, ученіе св. Іоанна Златоуста неотразимо дѣйствуетъ на христіанскую душу и въ значительной мѣрѣ облегчаетъ ей жизненный путь, приближая нашъ духъ къ познанію воли Божіей, обрѣтенію Царствія Божія и правды Его, словомъ, къ тому удѣлу избранниковъ Божіихъ, гдѣ о собственности не будетъ уже и рѣчи.

Священникъ Іоаннъ Говядовскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТЦОВСКІЙ РАЗДѢЛЪ.

(Р а с к а з ъ).

I.

Никонъ Ильичъ Бунинъ былъ старый отставной армеецъ, одинъ изъ участниковъ славной Севастопольской обороны. Но тогда въ дни бранныхъ подвиговъ онъ былъ совсѣмъ еще молоденькимъ офицеромъ, только что выпущеннымъ изъ юнкерскаго училища. Послѣ войны онъ вышелъ въ отставку и поселился въ родовомъ своемъ имѣніи, доставшемся ему послѣ смерти родителей. Въ шестидесятихъ годахъ онъ женился на дочери зажиточнаго помѣщика. Но съ женою прожилъ не долго. Простудившись, она умерла въ молодомъ еще возрастѣ, оставивъ мужу четырехъ сыновей: Илью, Никандра, Петра и Федора.

Никонъ Ильичъ всѣмъ своимъ сыновьямъ далъ подобающее образованіе, и когда оно уже заканчивалось, самъ собрался жениться вторично на дочери петербургскаго чиновника, нѣкой Поликсенѣ Михеевнѣ.

— Теперь вывелъ сынковъ въ люди—говорилъ онъ.— Можно и о себѣ подумать.

— Отчего и не такъ—соглашались сосѣди.—Сыновья на возрастъ. Всѣ скоро сами женихами сдѣлаются. А тамъ, глядишь и поразѣдутся по разнымъ должностямъ.

— Что жъ съ Богомъ. Безъ службы имъ не прожить.

— Къ тому-то мы и говоримъ—продолжали собесѣдники.—Вѣдь службы въ деревнѣ скоро не найдешь. Убдутъ они далеко отъ васъ. Вы же одни скучать станете...

— Положимъ, можетъ и обойдется какъ-нибудь.

— Вотъ, когда женитесь, — подруга вѣрная при васъ будетъ, и одиночества избѣгнете.

— Со мною будетъ жить Никандръ. Кстати онъ имѣетъ всѣ задатки сдѣлаться хорошимъ сельскимъ хозяиномъ. Будетъ подспорьемъ моей старости. А чтобы ему не скучно было зарыться въ глуши деревенской я ему со временемъ службу по земству ископochу.

Бывшій при этомъ помѣщикъ Утовъ добродушно замѣтилъ:

— Эхъ, Никонъ Ильичъ, Никандръ останется Никандромъ, а жена-хозяйшка куда какъ лучше.

— Шутникъ вы Василій Степановичъ — отвѣтилъ Никонъ Ильичъ. — Если такъ, то знайте, я дѣйствительно женюсь. Хотя разница лѣтъ между мною и Поликсеной значительна, но все-таки думаю, что мы проживемъ съ нею отлично. Я уже Ильѣ объ этомъ говорилъ, а Федоръ будетъ у нея шаферомъ.

— Что жъ Ильѣ?—спросилъ Утовъ.—На сколько мнѣ извѣстно вашъ первенецъ умный и разсудительный малый. Положимъ, онъ съ виду угрюмъ и мѣшковатъ, тѣмъ не менѣе душа въ немъ прямая...

— Полно. Захвалили вы моего Илью. У меня всѣ они молодцы и парни со смекалкою. Если же хотите знать, какъ отнесся къ моимъ словамъ Ильѣ, то скажу вамъ, что онъ вполнѣ одобрилъ мое намѣреніе. Говорить, что и самъ успѣлъ полюбить Поликсену, все равно какъ родную свою.

— Это хорошо. Значитъ попируемъ на свадьбѣ.

— Едва ли.

— Почему?

— Потому, что наша свадьба будетъ болѣе чѣмъ скромная. Мы сначала уѣдемъ въ монастырь. Тамъ будемъ говѣть и приобщаться Святыхъ Таинъ. А потомъ безъ всякой помпы повѣнчаемся гдѣ-либо въ попутной церкви.

— И сыновья будутъ.

— Да. Будетъ Федоръ, а можетъ быть и Петръ. Прочіе же едва ли прїѣдутъ, ибо теперь очень заняты...

— Ну дай вамъ Богъ всего счастливаго—проговорилъ Утовъ. Затѣмъ распростился и отправился домой, въ свое Утиново.

Подъѣзжая къ усадьбѣ онъ заѣхалъ къ священнику.

Утиновскій священникъ, отецъ Александръ, пользовался всеобщою любовью во всемъ околodѣѣ. Окрестные помѣщики его уважали и при всякомъ своемъ проѣздѣ старались заглянуть къ нему, хотя бы на короткое время.

Такъ сдѣлалъ на этотъ разъ и Утовъ.

— Слышали, батюшка, про нашего почтеннаго Севастопольскаго вояку—спросилъ его входя въ комнату Утовъ.

— Это про Никона Ильича.

— Да, про него. Вѣдь онъ женится.

— Что жъ. Да послужить это ему на радость и утѣшеніе — отвѣтилъ священникъ. — Человѣкъ онъ кажется хорошій. Живетъ по чести и справедливости. Бога не забываетъ. Никого не обижаетъ. Со всѣми ладить, почему и враговъ не имѣетъ. Бѣднымъ помогаетъ и храмъ Божій въ своемъ селѣ поддерживаетъ.

Въ это время въ комнату вошелъ становой приставъ, вѣроятно, также заѣхавшій по дорогѣ къ батюшкѣ.

— Почетъ честной компаніи — привѣтливо раскланиваясь сказалъ онъ.—Вы это про кого тутъ толкуете.

— Да вотъ про Бунина рѣчь ведемъ.

— Ахъ это про вельможнаго барина, который постоянно вичится прежними заслугами и пускаетъ другимъ пыль въ глаза—сѣронизировалъ становой.

— Почему вы такъ про него говорите? — спросилъ Утовъ.

— А потому, что не нравится мнѣ его дворянская спѣсь, всегда картинно форсить передъ другими и казаться тѣмъ, чего въ дѣйствительности совсѣмъ нѣту. Всмотритесь хорошенько въ него и вы увидите въ немъ истаго эгоиста и самаго тонкаго матеріалиста, заслоняющагося отъ другихъ маскою благотворительности.

— Позвольте—перебилъ его священникъ.—Вы не справедливы, ибо забываете, что это человѣкъ, который прежде всего никому зла не сдѣлалъ, добръ и честенъ, со всѣми привѣтливъ и ласковъ. Если же у него и есть нѣкоторый недостатокъ иногда упоминать о своемъ древнемъ происхожденіи и говорить о прежнихъ заслугахъ, то, полагаю, сіе въ особый укоръ поставлять ему не подобаетъ.

— Кстати—добавилъ Утовъ.—Не надо также забывать и того, что у cadaго изъ насъ есть свои недостатки, и совершенства среди людей нѣтъ.

— Совсѣмъ разбили меня — разсмѣялся становой.—Я вижу, господа, что вы за своего Бунина готовы горой стоять. Теперь спрошу васъ. Неужели же вамъ не дѣлается противно, когда вы, бесѣдуя съ этимъ отставнымъ воякою только и слышите отъ него «нашъ дворянскій родъ» да «мы старые офицеры»...

— Вѣдь это же не всегда—возразилъ Утовъ.

А священникъ замѣтилъ:

— Что касается меня, то я даже и не вижу здѣсь особенной «спѣси» или тамъ бравады какой-то. Отчего бы Никону Ильичу и не вспомнить иногда про славные дни Севастополя.

— Но не про предковъ, которые Римъ спасли — не унимался становой.

Вошедшая въ эту минуту матушка пригласила гостей къ пирогу, чѣмъ и прекратила начавшую было усложняться бесѣду о Буинѣ.

— И критикъ же вы, погляжу я на васъ—вставая съ мѣста проговорилъ Утовъ.

— Какой есть—отвѣтилъ становой. — А барина этого за его чванство дворянское и тонкое искусство замазывать глаза другимъ—воля ваша не люблю.

II.

Прошло болѣе пятнадцати лѣтъ. Предположеніе Никона Ильича оправдалось. Никандръ оказался прекраснымъ

сельскимъ хозяиномъ и въ этомъ отношеніи вполне замѣнилъ начавшаго уже слабѣть старика отца. Кроме того онъ успѣвалъ служить и въ мѣстномъ земствѣ. Всѣ трое жили вмѣстѣ дружно, мирно и согласно. Дѣтей у Поликсены Михеевны не было. Будучи женщиной слабовольной и мягко-характерной она всецѣло подчинилась волѣ Никона Ильича, поступая во всѣхъ случаяхъ именно такъ, какъ желалъ этого мужъ. Никандра считала лучшимъ своимъ другомъ, постоянно совѣтывалась съ нимъ и въ большинствѣ случаевъ также уступала ему во многомъ. Словомъ всѣ трое жили совмѣстно настолько хорошо, что кажется лучшаго и не требовалось.

Прочіе сыновья Никона Ильича давно уже поженились. У всѣхъ были дѣти. Илья жилъ далѣе всѣхъ отъ отцовской деревни, почти у самой Австрійской границы, Петръ въ Тамбовѣ и Ѳедоръ близъ Москвы. Изрѣдка насколько позволяла служба сыновья пріѣзжали навѣщать отца. Въ свою очередь и старикъ раза три выѣзжалъ посмотрѣть на житье-бытье своихъ женатыхъ сыновей.

Однажды сыновья получили отъ отца письмо извѣщающее, что онъ вознамѣрился при жизни имущественно ихъ раздѣлить. Къ тому же представилось возможнымъ очень выгодно свести лѣса и продать землю при усадьбѣ. Но при этомъ сыновьямъ ставится условіемъ, по смерти выплачивать отцу тѣ проценты, которые онъ самъ назначитъ каждому изъ нихъ на отчисляемый капиталъ. Женѣ своей и Никандру выдѣляетъ съ небольшимъ участкомъ непроданной земли ту самую усадьбу, въ которой самъ живетъ. Ѳедору, какъ всегда мечтавшему жить со временемъ въ деревнѣ, отдѣляетъ чрезполосный хуторъ, а прочимъ сыновьямъ въ соотвѣтственной долѣ стоимости раздѣла отчисляетъ на руки наличными деньгами.

— Куда мнѣ, человѣку вѣчно занятому, возиться съ этими деньгами — размышлялъ Илья. — Ну если бъ еще выгода какая была, тогда еще такъ сякъ, а то выходитъ такъ, что я долженъ, получивъ ихъ отъ отца, самъ за-

ботиться размѣщать по разнымъ рукамъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы выдавали за нихъ не менѣе 5%, ибо мнѣ и Петру отецъ назначилъ выплачивать именно это количество процентовъ. Живя далеко отъ большихъ городовъ естественно мнѣ придется помѣстить ихъ въ первый же ближайшій частный банкъ, а самому вѣчно дрожать за ихъ сохранность...

И написалъ Илья отцу, прося его, если ужъ такъ по рѣшилъ отдѣлить для него этотъ капиталъ, то пусть положить деньги по собственному усмотрѣнію куда пожелаетъ, самъ пользуясь съ нихъ процентами.

Какое же было удивленіе Ильи, когда въ отвѣтъ отецъ ему сообщилъ, что воля его непреклонна. Но возлагать на себя отвѣтственность за сохранность именно тѣхъ денегъ, отъ которыхъ онъ отказывается въ пользу сына для него совсѣмъ нежелательно, и деньги будутъ ему высланы немедленно, причемъ онъ, Илья, долженъ прислать отцу письменное обязательство въ аккуратной выплатѣ процентовъ.

Петръ, какъ человекъ болѣе свѣдущій въ денежныхъ операціяхъ, отвѣтилъ отцу, что съ радостью принимаетъ его даръ. Мало того постарается извлечь для себя нѣкоторую выгоду, ибо выплачивая отцу 5% надѣется устроить свое «дѣльце» такъ, что и ему быть можетъ перепадетъ излишекъ...

Федоръ поблагодарилъ отца, сообщивъ, что имѣтъ свой уголокъ «про черный день», да еще въ уютной глуши деревни, для него куда какъ хорошо.

— Что касается тамъ выплаты какихъ-то процентовъ— размышлялъ онъ. — Это вопросъ не существенный. Все уладится само собой...

Потомъ встрѣтивъ стараго Назаринова, бывшего товарища юности Никона Ильича, рассказалъ ему о рѣшеніи отца.

Задумался надъ сообщенною вѣстью старикъ Назариновъ, затѣмъ проговорилъ:

— И чего это только Никону вздумалось при жизни дѣлиться съ сыновьями, да еще назначать сыновьямъ уплату процентовъ.

— А что?—удивился Ѳедоръ.

— Эхъ юный мой другъ -- добродушно потрепалъ его по плечу старикъ. — Не знаешь ты еще, что вести съ родными денежныя счеты, хуже и быть не можетъ. До вражды они доводятъ. Вотъ что.

— Вѣдь это отецъ.

— Все равно съ кѣмъ бы то ни было. Даже и съ отцомъ роднымъ.

— Неужели!

— Говорю, дѣлиться при жизни вообще не слѣдуетъ. А тѣмъ болѣе входить въ какія-то денежныя сдѣлки съ родными дѣтьми. Мало ли что можетъ случиться.

— Напримѣръ?

— Ну банкъ тамъ лопнетъ, или еще что, а отцу платить по обязательству все-таки надо. Гдѣ же сынъ возьметъ тогда для уплаты деньги. Не налагать же арестъ на трудовое жалованье, добываемое теперь всѣми вами такъ не легко, а подчасъ достающееся цѣлымъ рядомъ житейскихъ лишений.

При послѣднихъ словахъ Ѳедоръ воскликнулъ:

— Ахъ какъ вѣрно вы это говорите.

— Вотъ то-то и есть. Вѣрь мнѣ старику. Ужъ я тоже посмотрѣлся на своемъ вѣку всякихъ видовъ и картинъ. Не даромъ служилъ все время чуть не до дряхлыхъ лѣтъ своихъ и постоянно находился въ обществѣ и на народѣ.

— Еще бы...

— Никонъ же Ильичъ видно заглохъ въ своей деревенской трущобѣ. И отъ общества отсталъ, и самъ измѣнился.

Затѣмъ добавилъ:

— Нѣтъ не узнаю я прежняго Никона. А какимъ соколомъ когда-то былъ. Мудръ былъ до рѣдкости. И если бѣ скинуть съ него ну хоть бы годковъ 20, увѣренъ, что ничего подобнаго и въ голову ему не пришло бы.

На другой день Ѳедоръ встрѣтилъ жену Назаринова, которая остановивъ Ѳедора сказала:

— Вчера мужъ разсказалъ мнѣ про Никона Ильича. Да неужели же все это правда?

— Истинная.

— Знаете ли—продолжала она— все это мнѣ напомнило одно нѣмецкое Нюренбергское преданіе, но лишь съ нѣкоторою разницею. Преданіе это знаютъ въ Германіи всё отъ мала до велика, да и у насъ въ Россіи оно многими извѣстно.

— Я что-то не слышалъ—проговорилъ Ѳедоръ.

— Какъ же, какъ же— снова продолжала Назаринова.— Оно очень интересно и весьма назидательно. Повѣствуетъ про отца, имѣвшаго шестерыхъ дѣтей и при жизни имущественно ихъ раздѣлившаго, разсчитывая, что дѣти будутъ кормить его на старости лѣтъ.

— Разскажите.

— Вотъ слушайте. Послѣ раздѣла старикъ сталъ жить у старшаго сына. Черезъ въкоторое время послѣднему онъ сталъ въ тягость. «Батюшка,—сказалъ ему сынъ,— у меня въ эту ночь родился мальчикъ и на мѣстѣ, гдѣ твой кресла, должна быть поставлена колыбель для него: не угодно ли тебѣ переселиться къ моему брату,—у него домъ просторнѣ моего?»—Старикъ послушался, пожил нѣсколько времени у второго сына, но и ему надоѣлъ. «Батюшка,—сказалъ онъ ему,— вы любите жить въ очень натопленной комнатѣ, отчего у меня болить голова: не лучше ли перебраться къ моему брату, содержателю булочнаго заведенія?» Старикъ оставилъ его. Но и третій сынъ сталъ тяготиться отцомъ и сказалъ: «батюшка, въ моемъ заведеніи непрерывно толчется народъ—одни приходятъ, другіе уходятъ, мѣшая тебѣ заснуть послѣ обѣда: не угодно ли тебѣ помѣститься у сестры, у которой домъ на краю города?» Старикъ выразилъ неудовольствіе и отправился къ дочери, думая про себя: «она будетъ снисходительнѣе ко мнѣ — женщины вообще мягкосердечнѣе».

мужчинъ». Но и дочери онъ наскучилъ. Она сказала ему: «у меня сердце не на мѣстѣ, когда ты соберешься въ церковь или еще куда и долженъ спускаться по крутой дорогѣ внизъ: у Елисаветы нѣтъ этого неудобства, ея домъ на ровномъ мѣстѣ». Старикъ нашель, что она права и съ миромъ отправился къ другой дочери, но недолго у нея пожилъ. Она приказала ему сказать, что домъ ея на сыромъ мѣстѣ и въ немъ вредно жить человѣку, страдающему ломотою, тогда какъ у сестры ея Магдалины, живущей на кладбищѣ, домъ на сухомъ мѣстѣ. Старикъ разсудилъ, что это разумно и явился къ младшей своей дочери. Черезъ недѣлю маленькій сынъ ея говоритъ ему: «дѣдушка, мать моя вчера говорила тетѣ Елисаветѣ, что для тебя нѣтъ лучше квартиры, какъ въ одной изъ тѣхъ каморокъ, которыя роетъ на кладбищѣ отецъ»... Эта рѣчь такъ поразила старика, что онъ тотчасъ же упалъ скончавшись. Могила оказалась въ нему милостивѣй, чѣмъ шестеро его дѣтей. Онъ почиваетъ въ ней спокойно, и ничто не тревожитъ его костей. Такимъ образомъ, справедлива нѣмецкая поговорка: «легче одному отцу пропитать шестерыхъ дѣтей, чѣмъ шестерымъ дѣтямъ—одного отца»...

— Да—задумчиво проговорилъ Федоръ послѣ того какъ Назаринова окончила разсказъ. — Преданіе это дѣйствительно очень интересно. А вотъ вы сначала упомянули про какую-то разницу.

— Конечно разница есть—сказала она.—Нюренбергскій старикъ отдалъ дѣтямъ все свое состояніе безъ всякихъ коммерческихъ сдѣлокъ и процентовъ. У нашего же Никона Ильича, увѣрена, по ликвидаціи раздѣла все таки еще остался нѣкоторый капиталецъ, на который онъ во всякомъ случаѣ могъ бы просуществовать и безъ процентовъ отъ сыновей.

— Что дѣлать!—вздохнулъ Федоръ.—Такова воля родительская.

III.

Прошло около трехъ лѣтъ. Илья подѣ впечатлѣніемъ краха одного провинціального банка, вынулъ отцовскій даръ изъ мѣстнаго торговаго банка и обратилъ его въ государственную фондовую ренту.

— Я хоть не финансистъ и вообще въ денежныхъ дѣлахъ не свѣдуецъ—размышлялъ онъ, — а все-таки чувствую, что капиталъ въ государственныхъ бумагахъ будто прочнѣе и во всякомъ случаѣ не пропадетъ такъ быстро, какъ это бываетъ съ тѣми вкладами, которые хранятся въ провинціальныхъ банкахъ.

Вдругъ пронесшаяся по Россіи политическая волна поколебала нашъ устойчивый доголѣ денежный курсъ, и рента быстро пошла на пониженіе. Илья смутился, и пользуясь своимъ служебнымъ переводомъ въ Москву, началъ посѣщать нѣкоторые финансовые кружки съ цѣлью ознакомиться съ мало извѣстною ему спекулятивною отраслью денежныхъ «дѣльцовъ». Тутъ былъ онъ вовлеченъ въ рискованную биржевую игру, и скоро случилось такъ, что при новомъ пониженіи курса вмѣсто ранѣе его смутившей упавшей въ цѣнѣ ренты на рукахъ у него уже оказались одни лишь залоговыя свидѣтельства разныхъ биржевыхъ бумагъ. Опомнился тутъ Илья. Видитъ, что маху далъ со своимъ спекулятивнымъ стремленіемъ, да ужъ поздно стало. А тутъ подошло время двойные проценты по ссудамъ платить, и отцу по обязательству проценты посылать...

— Нѣтъ—сказалъ себѣ Илья.—«Разъ взявшись за гушъ не говори, что не дюжъ». Какъ ни какъ, а платить и туда и сюда надо. Наконецъ я измучился бы нравственно, не пославъ отцу того долга, которымъ связалъ себя обязательствомъ.

И рѣшилъ Илья стѣснить свою жизнь такъ, чтобы наверстать на чемъ-нибудь убытокъ. Изъ просторной ввар-

тиры переселился въ одну маленькую комвату. Отказался отъ большинства знакомствъ. Пересталъ посѣщать вечера, клубы, театръ и тому подобныя общественныя увеселенія. Сократилъ свой бюджетъ до минимума. Даже въ ѣдѣ себѣ отказывалъ, зачастую питаюсь впроголодь. И только такимъ путемъ могъ съэкономить кое-что изъ своего посредственнаго жалованья, дабы послать затѣмъ отцу требуемую по условію уплату.

Петръ тоже ошибся въ своихъ расчетахъ: помѣстилъ деньги настолько неудачно, что вмѣсто предполагаемаго излишка пришлось, подобно Ильѣ, доплачивать отцу изъ своего же собственнаго жалованья. Въ довершеніе всего случился пожаръ. Сгорѣлъ не только домъ, но погибла почти вся движимость его. Словомъ убытокъ для Петра получился громадный...

— Никонъ Ильичъ — сказала какъ-то мужу Поликсена Михеевна—бѣдный нашъ Петя погорѣлъ. Сжался надъ нимъ. Не бери съ него процентовъ, хоть этотъ несчастный годъ.

— А тебѣ-то что?—строго спросилъ онъ ее.

— Какъ что. Вѣдь жаль его бѣднягу.

— Напрасно, матушка, вмѣшиваешься не въ свое дѣло. Терпѣть не могу, когда кто-нибудь касается моихъ денежныхъ дѣлъ. Въ нихъ, надѣюсь, я лишь самъ себѣ хозяинъ.

— Но...

— Ахъ пожалуста оставь—перебилъ Никонъ Ильичъ.— Мало ли что онъ тамъ сгорѣлъ. Заплатить же проценты всегда сможетъ. Притомъ не забывай про его жену.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Ничего больше, какъ то, что у его жены водятся деньги и въ случаѣ чего онъ можетъ ихъ достать для меня сколько нужно.

— Не забывай Никонъ Ильичъ, что у него куча дѣтишекъ—замѣтила Поликсена Михеевна.—Хоть бы для дѣтишекъ сдѣлалъ исключеніе.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ — упрямо проговорилъ Никонъ

Ильичъ и поспѣшилъ сдѣлать видъ, что не намѣренъ болѣе продолжать подобнаго разговора.

Что касается Ѳедора, то онъ, обладая пылкою мечтательною натурою, въ первый моментъ послѣ дара отцовскаго былъ въ большомъ восторгѣ отъ сознанія, что наконецъ-то есть у него свой собственный клочекъ земли, хозяиномъ котораго нынѣ сдѣлался. Затѣмъ онъ началъ фантазировать.

— Ремонтирую домикъ на хуторѣ. Вырублю лѣсокъ, а вырубленное мѣсто раскорчую и засажу фрактовымъ садомъ. То ли дѣло хорошій фруктовый садъ... Вѣдь въ той мѣстности сады растутъ отлично и приносятъ обильные доходы. Вотъ стало-быть годковъ черезъ пятнадцать образуется такой садикъ, что на диво станетъ всей округѣ тамошней. Значить и буду я въ барышѣ, собирая съ него доходы вѣрныя...

Затѣмъ при первой же возможности взялъ Ѳедоръ по службѣ отпускъ и отправился въ свои «новыя владѣнія» приводить къ исполненію задуманный имъ планъ. Продавъ на срубъ лѣсокъ при домѣ. Договорился съ подрядчикомъ выкорчевать и приготовить подъ садъ подлѣсный участокъ. Приступилъ къ передѣлкамъ на хуторѣ строевой; устроилъ огородъ; расчистилъ дороги.

Все это съ перваго же года сильно превысило смѣтный бюджетъ и въ итогѣ дало значительный расходъ. А когда на слѣдующій годъ Ѳедоръ приступилъ къ засадѣ фруктоваго сада, то безъ свободнаго запаса наличныхъ суммъ обнаружилась такая трата, что весь его кредитъ оказался совсѣмъ подорваннымъ. Въ довершеніе задался неурожайный годъ, и никакого дохода съ хутора почти не получилось. На третій же годъ Ѳедору по необходимости пришлось прибѣгнуть къ неизбѣжному займу, безъ чего всякія работы на хуторѣ были бы невозможны.

Въ результатъ Ѳедоръ могъ заплатить отцу условленный взносъ только первый годъ. На второй онъ уже принужденъ былъ просить отца отсрочить уплату процен-

товъ до болѣе благопріятнаго времени. А далѣе свалилось на голову Ѳедора именно то, что предрѣкалъ ему когда то дальновидный Назариновъ.

Случилось же слѣдующее. Никонъ Ильичъ на убѣдительныя просьбы сына согласился отсрочить на нѣкоторое время уплату процентовъ, потомъ, видя, что проходить назначенные сроки разсердился и послалъ ему крайне рѣзкое письмо. Въ свою очередь вспылилъ и Ѳедоръ. Не обдумавъ послѣдствій, онъ тотчасъ же отвѣтилъ отцу въ не менѣе рѣзкомъ тонѣ, между прочимъ упомянувъ, что поступокъ отца, размѣстившаго изъ процентовъ капиталы, подобенъ стремленіямъ ростовщика.

Страшно разгнѣвался Никонъ Ильичъ за это письмо на Ѳедора.

— Позорить нашъ столбовой дворянскій родъ и затрогивать честь Севастопольскаго героя, вѣрнаго слуги царя и отечества—неслыханная дерзость!.. Такъ нѣтъ же больше у меня сына—сказалъ онъ пришедшимъ на его зовъ Никандру и женѣ.

Затѣмъ чуть не съ пѣною у рта воскликнулъ:

— Знать его больше не хочу и изъ памяти навсегда вычеркиваю.

Никакія увѣщанія не подѣйствовали. Старикъ остался непреклоненъ. Потомъ написалъ Ѳедору короткое оповѣщеніе, въ которомъ упомянулъ, что, считая нанесенное оскорбленіе навѣки несмываемымъ, изглаживаетъ изъ памяти воспоминаніе о немъ и отнынѣ не считаетъ болѣе своимъ сыномъ. Тутъ же добавляетъ, что письмо это есть послѣднее въ его жизни, и впредь все Ѳедоромъ присылаемое возвратится не читаннымъ. Копіи съ этого письма препровождаются прочимъ сыновьямъ, дабы они знали, что отецъ навсегда отказался отъ сына. А они въ свою очередь должны заступиться за оскорбленнаго отца и не считать его своимъ братомъ.

Затѣмъ, отославъ письма сыновьямъ, Никонъ Ильичъ сказалъ окружающимъ.

— Чтобы никто изъ васъ ни единымъ словомъ не обмолвился о Ѳедорѣ. Предупреждаю, что и слышать о немъ болѣе не хочу, почему разъ навсегда прошу никогда, — слышите ли, — никогда не напоминать мнѣ о немъ. Для меня его болѣе нѣтъ на свѣтѣ.

IV.

— Что за дичь такая! — воскликнулъ Назариновъ — узнавъ со словъ Ѳедора обо всемъ происшедшемъ. — Невозможно, чтобы отецъ, болѣе тридцати лѣтъ любившій своего сына, вдругъ и за одной опрометчиво сказанной фразы отказался отъ сына, изгладивъ даже всякое о немъ воспоминаніе.

Ѳедоръ показалъ письмо отца.

— Ну что же, ты писалъ ему потомъ? — спросилъ Назариновъ. — Просилъ, наконецъ, прощеніе...

— Да. Писалъ много разъ. Просилъ, молилъ...

— И что же?

— Письма возвращались обратно не распечатанными.

— А какъ отнеслись къ случившемуся братья?

— Петръ равнодушно. Никандръ укоризненно. Илья сдержанно, хотя —

— Что хотя.

— Да вотъ думаю, что не уладить ли тутъ какъ-нибудь Илья. Онъ человекъ разумный и въ общемъ на всю нашу семью равнѣе имѣлъ нѣкоторое вліяніе.

— Попытайся.

— Пожалуй такъ и сдѣлаю. Скоро буду въ Москвѣ и потолкую съ нимъ объ этомъ серьезно. Къ тому же онъ писалъ, что собирается на праздники навѣстить отца. Вотъ оно будетъ кстати.

— Жаль что я живу далеко отъ стараго друга — проговорилъ Назариновъ. — А то бы непременно помирилъ васъ.

— Ахъ, какъ было бы это хорошо — съ чувствомъ отвѣтилъ Ѳедоръ. — Повѣрите ли, вѣдь я искренно сознаю

свою виновность передъ отцомъ. Что дѣлать. Вѣдь и я человекъ несовершенный. Ну погорячился тогда. Неужели жъ за это казнить меня надо, лишая всего святого...

— Вѣрю, молодой другъ мой, вѣрю. И вижу, что огрубѣла душа стараго отца твоего. Должно быть, родовыя традиціи восторжествовали надъ всѣми прочими душевными чувствами его.

— Что же вы теперь мнѣ посоветуете? — немного помолчавъ спросилъ Федоръ.

— Если хочешь знать мое мнѣніе, то слушай.

— Все сдѣлаю, какъ скажете.

— Во-первыхъ, добыть денегъ и расплатиться съ отцомъ, ибо матеріальная сторона въ данномъ случаѣ играетъ громадную роль.

— Это страшно трудно для меня—перебилъ Федоръ.— Вѣдь я и такъ въ долгахъ.

— Не перебивай. Дай кончить, если спрашиваешь совѣта.

— Виновать. Слушаю до конца.

— Деньги добыть хотя трудно, а надо. Ну заложил тамъ что, либо продай. Вѣдь ужъ Никона я знаю. Онъ и въ юности упрямъ былъ, а теперь должно и подавно зачерствѣлъ. Все равно отъ своихъ процентовъ не отступится.

— Да.

— Затѣмъ потолкуй съ Ильей. Не выйдетъ ли чего для тебя благопріятнаго. А уже потомъ я и самъ, если Богъ продлитъ вѣку, съѣзжу къ Никону и не только помирю васъ, но и на счетъ процентовъ удочку закину. Можетъ послушаетъ меня, стараго однокашника Севастопольскаго, и проценты эти по боку смахнетъ.

— Ахъ, какое великое благодѣяніе сдѣлали бы.

И съ этими словами Федоръ обнялъ и крѣпко поцѣловалъ старика.

— Ладно—отмахнулся тотъ.—Магарычъ съ тебя будетъ впереди.

Ив. Бабанинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П И С Ь М А
АРХІЕПИСКОПА КАЛУЖСКАГО ГРИГОРІЯ
КЪ ИГУМЕНЬВЪ НИКИТСКАГО МОНАСТЫРЯ ПАИСІИ ¹⁾.

Пречестная матушка Паисія Ивановна!

Благодарю за поздравленіе ваше со свѣтлымъ и свѣтоноснымъ праздникомъ Воскресенія Христова и за молитвенное благожеланіе ваше, кои выражены въ письмѣ вашемъ отъ 24 прошлаго марта; и еще благодарю за присланныя вещи въ февралѣ мѣсяцѣ — крестъ съ частию древа крестнаго, параманъ и четки, кои дошли ко мнѣ благополучно.

За продолжаемое усердіе ваше ко мнѣ да воздасть вамъ Господь своими великими милостями и да сподобитъ васъ, съ ликами святыхъ женъ мѣроносицъ, наслаждаться неизреченною радостію въ невечерніе дни царствія своего, по совершеніи благополучномъ и богоугодномъ настоящей жизни. Въ таковомъ желаніи и расположеніи съ почетомъ и остаюсь пречестности вашей усердный богомолецъ.

Григорій А. Еп. Калуж.

2 апрѣля 1877 г.
въ г. Калугѣ.

Р. S. Видно вы богаты частицами древа крестнаго, что не пожалѣли разстаться съ одною и для меня.

¹⁾ Окончаніе. См. февральскую ен. *Душ. Чит.* 1907 г.

Пречестная матушка Паисія Ивановна!

Пріятное письмо ваше отъ 14 текущаго апрѣля получено мною наканунѣ праздника, и такимъ образомъ благовременно доставило мнѣ поздравленіе ваше съ наступающимъ радостнымъ торжествомъ Христова Воскресенія и тогда же возбудило во мнѣ благодарность за ваше усердіе и за продолженіе добраго расположенія, а также и за благія пожеланія ваши, каковыя и я съ своей стороны питаю всегда въ душѣ къ пречестному лицу вашему. Получены мною въ свое время и другія письма ваши отъ 5 и 30 декабря 1877 года и книга—описаніе монастыря вашего. И за нихъ приношу благодарность.

Здоровье мое поддерживаетъ еще Господь, по милости своей, въ состояніи очень порядочномъ. Но съ приращеніемъ годовъ незамѣтно приумножаются немощи, по естественному чину. Слава Богу за все.

Призывая на васъ благословеніе Божіе и помощь Его на устроеніе душевнаго спасенія, съ почтеніемъ остаюсь пречестности вашей усердный богомолецъ.

Григорій А. Еп. Калуж.

22 апрѣля 1878 г.
въ г. Калугѣ.

Пречестная матушка Паисія Ивановна!

Благодарю милость вашу за поздравленіе по случаю высокоторжественнаго праздника Воскресенія Христова и за благое желаніе ваше, выраженныя въ письмѣ отъ 30 прошлаго марта, благодарю также за подобныя поздравленія ваши, переданныя чрезъ письмо отъ 21 декабря 1878 года и отъ 23 января. И вамъ взаимно желаю и прошу у Господа великихъ милостей въ сохраненіи жизни вашей и въ благодатной помощи ко спасенію душевному.

Призывая на васъ благословеніе Божіе, съ почтеніемъ остаюсь пречестности вашей усердный богомолецъ.

Григорій А. Еп. Калуж.

7 апрѣля 1879 г.
въ г. Калугѣ.

Пречестная матушка Паисія Ивановна!

Много благодаренъ милости вашей за поздравленія ваши и апрѣльское и декабрьское и за присоединенныя къ онымъ благожеланія, и съ своей стороны душевно желаю и молю Господа всеблагаго, да будетъ милостивъ къ вамъ и да помогаетъ благодатію своею подвизаться въ дѣлахъ благочестія во спасеніе душевное и въ назиданіе другимъ и да хранить жизнь вашу на многая лѣта.

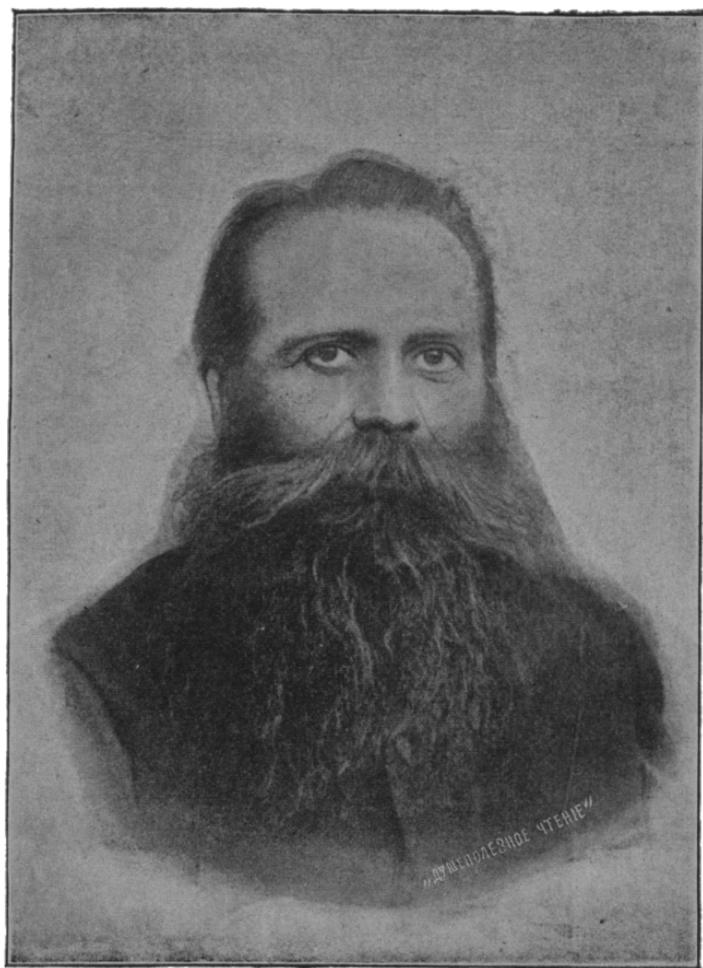
Благо, что сознаете недостатки свои духовные — пристрастіе къ земному и нерадѣніе о душевныхъ потребностяхъ небесныхъ; но къ сознанію сему нужно прилагать стараніе и объ исправленіи, при частой и усердной молитвѣ ко Господу и Пресвятой Матери Его о помощи, да не всуе проходить жизнь. Воспоминайте усерднѣе обѣты иночества и понуждайтесь къ исполненію оныхъ.

Ваши немощи неисключительныя, общи всѣмъ людямъ и монашествующимъ. Но онѣ не непреодолимы, что являютъ намъ житія святыхъ и мужей и женъ. Понуждайте себя уподобляться имъ.

Призываю на васъ благословеніе Божіе, и съ уваженіемъ остаюсь вашей пречестности усердный богомолецъ.

Григорій А. Еп. Калужскій.

27 апрѣля 1880 г.
въ г. Калугѣ.

Философъ Эдуардъ фонъ-Гартманъ.

(Род. 11/23 февр. 1842 г., умеръ 25 мая / 6 июня 1906 г.).

ПЕССИМИЗМЪ ТЕОРИИ И ОПТИМИЗМЪ ЖИЗНИ. ¹⁾

Опытъ характеристики міросозерцанія Гартмана въ дѣломъ.

Когда мнѣ предложено было занять настоящее собраніе соотвѣтствующею бесѣдою, посвященною памяти великаго нѣмецкаго философа, мнѣ отчасти была преднамѣчена и тема бесѣды: было выражено желаніе, чтобы я подѣлился съ моими слушателями личными впечатлѣніями отъ свиданія съ Гартманомъ, котораго мнѣ пришлось видѣть лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Охотно исполняю это желаніе, но съ маленькою предварительною оговоркою,— въ предупрежденіе, быть можетъ, нѣсколько повышенныхъ у кого-нибудь изъ моихъ слушателей ожиданій въ этомъ направленіи. Я видѣлъ философа всего лишь одинъ разъ въ жизни. Судьба мнѣ, правда, благопріятствовала, такъ какъ разразившаяся надъ Гроссъ-Лихтерфельде, близъ Берлина, гдѣ я былъ у Гартмана, въ его собственной виллѣ, гроза какъ бы вынуждала меня продлить свой визитъ нѣсколько дольше того времени, какое я могъ позволить себѣ пробыть у человѣка слишкомъ занятаго, слишкомъ одолаживаемаго посѣтителями и, въ концѣ концовъ, больного. Однако, всеже, повторяю, я видѣлъ его лишь одинъ единственный разъ въ жизни.

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ Студенческомъ Философскомъ Обществѣ, при Московской Духовной Академіи, 8-го февраля, въ засѣданіи, посвященномъ памяти Эдуарда фонъ-Гартмана (род. 11/23 февраля 1842 г., умеръ 25 мая/6 іюня 1906 г.).

Этого, конечно, слишкомъ мало, чтобы на все время моего реферата занять теперь ваше вниманіе личными воспоминаніями. И тѣмъ не менѣе я со спокойною совѣстію могу взять, по крайней мѣрѣ, точку отправленія именно здѣсь.

Бываютъ встрѣчи, надъ которыми, при всей ихъ краткости и даже иногда мгновенности, какъ бы не властно время,—воистину незабываемыя встрѣчи! Предъ вами разомъ, въ немногихъ словахъ и взглядахъ, развертывается такое богатое духовное содержаніе повстрѣчавшейся вамъ личности, выступаетъ такая духовная мощь и обаяніе, что этого впечатлѣнія усиливать больше уже не нужно. Напротивъ, здѣсь какъ въ фотографическомъ аппаратѣ,—передержишь свѣточувствительную пластинку, и впечатлѣніе уже не улучшается, а ухудшается. Довольно,—впечатлѣніе сдѣлано, снимокъ готовъ и сохранится «на вѣки». Или,—еще сравненіе,—это какъ съ иными, исключительно живописными, ландшафтами: увидишь ихъ разъ, при извѣстномъ, выгодномъ для нихъ освѣщеніи, пробудешь нѣкоторое время подъ ихъ эстетическимъ гипнозомъ, и — довольно! Въ другой разъ лучше не видать того же ландшафта: иначе впечатлѣніе потускнѣетъ и, обвѣянное ледянымъ дыханіемъ повторности, можетъ только ослабѣть...

Таково было и мое впечатлѣніе отъ встрѣчи съ Гартманомъ—повторяю, первой и единственной.

Когда съ карточкой одного изъ моихъ Берлинскихъ друзей, профессора Дѣринга, я вошелъ въ скромный, но уютный кабинетъ-салонъ Гартмана, мнѣ навстрѣчу поднялась съ «шпезъ-лонга» приземистая, коренастая фигура съ мощною, надо всѣмъ господствующею, головою,—быть можетъ, нѣсколько не пропорціонально большою. Длинные волосы, раскинувшіеся поэтически-небрежно, и еще болѣе волнистая длинная борода, почти безъ слѣдовъ просѣди, хотя Гартману тогда было уже около пятидесяти лѣтъ, довершали впечатлѣніе. Голосъ мягкій и увѣренный, просящійся въ душу, но—безъ тѣни той послѣдней любезности, которая всегда бываетъ достаточно подозрительна.

Все уже съ перваго впечатлѣнія неволью располагало въ пользу этого, издали столь страшнаго, «пессимиста и отрицателя». Но особенно приковывалъ къ себѣ блескъ большихъ чудныхъ глазъ, которые, казалось, хотя и съ необыкновеннымъ участіемъ и добротою, но вмѣстѣ какъ бы испытующе, хотятъ проникнуть въ душу незнакомца.... Только Бисмаркъ, по словамъ Нѣмцевъ, обладалъ еще такими глазами. Кто разъ видѣлъ эти глаза, на кого хоть нѣкоторое время струился изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей философа ихъ ровный и ясный свѣтъ, тому, понятнѣе становилось извѣстное выраженіе Шопенгауера о томъ всеобщемъ «овѣ міра», въ которомъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ идей, отражается сосредоточенная дума всѣхъ, «тронутыхъ» метафизическою болѣзнію,—всѣхъ, въ комъ жало «проклятыхъ вопросовъ» нашло уязвимое мѣсто, свой *punctum pruriens*...

Но вотъ онъ заговорилъ, и въ его рѣчи, вмѣсто отвлеченнаго доктринерства сухого «метафизика», какимъ вы ожидали его встрѣтить, васъ чаруетъ необыкновенная отзывчивость на всѣ и всякіе интересы, не исключая самыхъ обычныхъ житейскихъ. Ничто человѣческое, въ буквальномъ смыслѣ, ему не чуждо. Со скромностію генія, которая еще усиливалась предупредительностію гостеприимнаго хозяина, но вмѣстѣ и съ неистощимымъ запасомъ остроумія, близкаго къ юмору и даже сатиры, онъ переходитъ отъ предмета къ предмету, всегда умѣя,—улыбкою или извиняющимъ словомъ,—вывести васъ изъ затрудненія и сообщить обсужденію даже острыхъ вопросовъ характеръ непринужденнаго изящества. Но что особенно поражало въ Гартманѣ,—меня, какъ и всѣхъ другихъ собеседниковъ,—такъ это неистощимый запасъ его знаній, которыя, рукою хозяина, онъ черпалъ изъ разнообразнѣйшихъ областей. Вопросы научные, художественные, политико-экономическіе,—все это находило въ немъ такого знатока и цѣнителя, для котораго нѣтъ запретной области, который въ буквальномъ смыслѣ стоитъ на высотѣ современ-

наго знанія и даже, такъ сказать, вмѣщаетъ въ себѣ все знаніе своего времени: для меня лично Гартманъ былъ и остается единственною отрицательною инстанціею въ моемъ скептическомъ отношеніи къ универсалистическимъ притязаніямъ философовъ-научниковъ, представителей такъ называемой «научной философіи», которые хотятъ знать все, и вмѣняютъ это въ обязанность себѣ и другимъ философамъ,—Гартманъ, казалось, дѣйствительно знаетъ все... Но само собою понятно, что философъ особенно оживлялся въ тѣ моменты, когда рѣчь покидала горизонтъ злободневнаго и вообще эмпирическаго и обращалась къ вопросамъ собственно философскимъ. Тогда огонь его чудныхъ глазъ загорался особенно ярко, и живой интересъ къ предмету, которымъ онъ былъ проникнуть, невольно передавался и слушателю....

Конечно, не я первый изъ Русскихъ былъ у Гартмана. Незадолго предо мною былъ у него, наприм., покойный князь С. Н. Трубецкой, о которомъ вспоминалъ Гартманъ. Да и вообще посѣтители изъ Русскихъ, особенно посланныхъ въ ученую командировку, для него были не рѣдкость. Онъ дивился живости научнаго интереса и широтѣ захвата моихъ соотечественниковъ, которые легко берутся за всѣ вопросы и скоро ориентировуются въ ихъ рѣшеніяхъ. Въ этомъ онъ видѣлъ, впрочемъ, одно изъ обычныхъ проявленій молодой и жизнеспособной націи, такъ какъ молодость вообще характеризуется рецептивною. То-же,—говорилъ онъ,—замѣчается, наприм., и у Японцевъ... Тогда, помнится, это сближеніе меня невольно кольнуло и даже достаточно больно. Но я не знаю, что сказалъ бы Гартманъ, продолжая проводить ту же параллель между нами и Японцами, теперь,—теперь, когда мы все еще продолжаемъ оставаться въ состояніи жалкой рецептивности, разбрасыванія и копировки, а тѣ уже сдали экзаменъ на самостоятельно мыслящихъ, по своему живущихъ и дѣйствующихъ людей, и получили блестящій аттестатъ міровой зрѣлости?... Во всякомъ случаѣ, въ

ряду тѣхъ впечатлѣній, которыя съ особенною стойкостію живутъ въ моей душѣ и до сихъ поръ, однимъ изъ наиболѣе значительныхъ остается именно это указаніе на то, что мы находимся все еще въ періодѣ рецептивности, раздражительности, разсѣянія и дробности мысли и что, кажется, пора бы уже и намъ подумать объ ея собираніи, о сосредоточеніи своей духовной и, въ частности, философской энергіи, объ ея развитіи и оформленіи по своему собственному духовно-органическому типу,—если такой у насъ найдется, если то-есть и намъ суждено не быть до конца народомъ раздражительнымъ, стоящимъ на чужихъ ногахъ и смотрящимъ въ области мысли, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ, вѣчно изъ чужихъ рукъ.

Но это — деталь. Возвращусь къ передачѣ моихъ общихъ впечатлѣній.

Меня интересовало, какъ Гартманъ работаетъ и какъ, въ частности, онъ успѣваетъ писать *столько*. Оказалось, что, какъ и всѣ люди исключительной талантливости, онъ собственно работаетъ, то-есть пишетъ или диктуетъ, немного: часа два-три въ день,—не больше, но за то много думаетъ, освѣжая себя чтеніемъ или дружескою бесѣдою. Этимъ именно, главнымъ образомъ, обусловлена его чрезвычайная и воистину изумительная работоспособность. Есть пословица: «лѣсъ не боится рабочаго, а боится забочаго». За одинъ разъ всего лѣса не вырубишь, но силы свои надломилъ, а понемногу, но регулярно и методично, можно вырубить много. Такъ и въ наукѣ. И Гартманъ въ этомъ отношеніи типичный и поучительнѣйшій примѣръ такъ называемой діететики духа. Этимъ именно, по его собственнымъ словамъ, объясняется его, воистину изумительная, философско-литературная продуктивность. Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, что человекъ, почти отъ дней юности прикованный къ постели или, по крайней мѣрѣ, вынужденный оставаться въ своемъ кабинетѣ,—Гартману, какъ извѣстно, было всего девятнадцать лѣтъ отъ роду, когда онъ получилъ физичес-

кое поврежденіе, до конца дней лишившее его способности свободнаго передвиженія, — итакъ, говорю, замѣчательно, что человекъ, съ ранней юности удрученный тяжелымъ недугомъ, сохранилъ такую изумительную работоспособность и проявилъ такую продуктивность, примѣровъ которой даже и изъ среды, вообще чрезвычайно продуктивныхъ, Нѣмцевъ, можно указать развѣ лишь очень немного. Это можно объяснить только могучею властью духа надъ больнымъ тѣломъ, постоянствомъ и настойчивостію въ трудѣ,—своего рода духовною дисциплиною.

Я знаю еще лишь одно подобное-же проявленіе власти духа надъ немощнымъ тѣломъ, въ исторіи новѣйшей научной жизни Европы, вызывающее не меньшее и не менѣе всеобщее удивленіе. Это — въ исторіи извѣстной Елены Келлеръ, глухонѣмой и вмѣстѣ совершенно слѣпой дѣвушки, которую Маркъ Твенъ назвалъ «величайшимъ чудомъ» девятнадцатаго столѣтія,—послѣ Наполеона: несмотря на только что указанные свои недостатки, она сумѣла, однакоже, не только сдѣлаться студенткой и достигнуть высоты современной духовной жизни, но — что особенно замѣчательно — даже *оптимисткой*.... Я думаю, что однихъ этихъ фактовъ было бы совершенно достаточно, чтобы опрокинуть всю теорію поверхностнаго матеріализма, дѣлающаго человѣческій духъ узникомъ и рабомъ тѣла. Не рабъ, а воистину царь тотъ, кто наперекоръ всѣмъ внѣшнимъ невздамъ такъ властно заявляетъ присущую ему духовно-творческую силу.

Не могу говорить по собственному опыту, но отъ друзей и знакомыхъ Гартмана слышалъ, тогда же и послѣ, — что, сверхъ трудовъ для печати, Гартманъ отдавалъ много времени и философской перепискѣ. Особенно онъ чувствовалъ себя къ этому какъ бы даже обязаннымъ всякій разъ въ тѣхъ случаяхъ, когда устный споръ по тѣмъ или другимъ причинамъ оставался незаконченнымъ, а между тѣмъ предъ философомъ выяснялись примирительныя перспек-

тивы или его манила надежда найти новаго философскаго прозелита: тогда Гартманъ садился къ письменному столу и, не щадя ни силъ, ни времени, исписывалъ листокъ за листкомъ, которые и отсылалъ по адресу на слѣдующее утро. Поэтому, каждый, кто вносилъ въ кабинетъ уединеннаго философа, серіозные запросы, непременно выходилъ изъ него обогащеннымъ,—хотя, конечно, и философъ, съ своей стороны, получалъ отъ собесѣдника импульсы духовнаго возбужденія и оставался необдѣланнымъ, о чемъ и самъ постоянно говорилъ своимъ собесѣдникамъ. Здѣсь предъ нами характерный случай, такъ сказать, философскаго атавизма: уличныя философскія пренія времени Сократа и Платона, въ которыхъ былъ такой мастеръ, прежде всего, самъ Аѳинскій мудрецъ, сдѣлались теперь, конечно, уже невозможными, но въ малыхъ масштабахъ и при измѣненныяхъ условіяхъ,—не на площади, а въ кабинетахъ философовъ, — они все еще продолжаются и, между прочимъ, по свидѣтельству друзей и знакомыхъ Гартмана, въ скромномъ, но уютномъ «палаццо» въ Гроссъ-Лихтерфельде были въ обычаѣ и даже, такъ сказать, въ модѣ.

Смѣю думать, что, хотя въ передаваемыхъ мною личныхъ впечатлѣніяхъ отъ посѣщенія Гартмана, и нѣтъ чего-либо значительнаго, тѣмъ не менѣе и они уже не лишены интереса, а можетъ быть,—особенно здѣсь, среди труженниковъ, а часто и мучениковъ науки,—не лишены и поучительности. Однако, для меня лично самое поучительное остается еще впереди,—лежитъ не здѣсь, а совсѣмъ въ другой области. Гартманъ былъ, такъ сказать, моею первою философскою любовью, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всякая серіозная любовь,—и моею мукою ¹⁾. Меня очень рано, отчасти еще на школьной скамьѣ, заинтересовалъ Гартманъ,—своею столь тогда нашумѣвшею *Философією Без-*

¹⁾ Гартману были посвящены мои первыя философскія работы и— между прочимъ—одна изъ такъ называемыхъ „пробныхъ лекцій“: *О религіозной философіи Гартмана* (1887 г.).

сознательнаго, которую я прочиталъ въ изложеніи проф. Козлова. И, конечно, я не могъ не подпасть, съ его стороны, какъ бы своего рода гипнозу: меня увлекала прозрачная діалектика изложенія, оригинальность и содержательность его трактатовъ. Но, съ другой стороны, хорошо вышколенный и твердый въ познаніи догматовъ семинаристъ, конечно, всею душою протестовалъ особенно противъ религиозно-философскихъ эксцесовъ, такъ сказать, Гартмановой философіи. Протестъ этотъ выросъ въ положительную муку, когда—позднѣ—я ознакомился съ сенсационными Гартмановскими «Саморазложеніемъ Христіанства» и «Кризисомъ Христіанства въ современномъ богословіи». И вотъ именно это свое юношеское колебаніе между преклоненіемъ предъ *силою* мысли и протестомъ противъ ея *направленія* я и внесъ къ Гартману, когда пришелъ къ нему. Ну, и что же?... Боюсь, что не сумѣю быть вполнѣ точнымъ въ передачѣ моего тогдашняго впечатлѣнія, такъ какъ оно естественно уже преломилось теперь въ моемъ сознаніи черезъ призму позднѣйшей философіи Гартмана. Но твердо запомнилось мнѣ одно, что и тогда уже предъ мною выступили—изъ непосредственнаго размѣна мнѣній,—*какъ бы двѣ души его философіи*. Да, именно *двѣ души*!

Конечно, во всякомъ человѣкѣ живутъ какъ бы двѣ души, какъ, съ художественною точностью, выразилъ это, вслѣдъ за апостоломъ Павломъ, еще Гёте въ Фаустѣ:

Ахъ двѣ души живутъ въ груди моей,
Враждуя вѣчно межъ собою...

Но философы, ищущіе логически-цѣлостнаго міросозерцанія, обыкновенно составляютъ исключеніе изъ этого закона. Гартманъ же, какъ, впрочемъ, и нѣкоторые другіе философы, представлялъ *исключеніе изъ этого исключенія*, то-есть, не смотря на свою философію, онъ не былъ одностороннимъ *моноидеистомъ*, *однодумомъ*, *работомъ одной идеи*, но стоялъ также и подъ властью *живыхъ*

запросовъ и импульсовъ, почему и испытывалъ какъ бы двойное душевное притяженіе. Жизнь одной души въ немъ уходила своими корнями въ пантеистическое прошлое Германской мысли, соками которой питалась и бременемъ которой была подавлена. Но другая душа протестовала, искала иныхъ путей и выходовъ, нащупывала въ исторіи общечеловѣческой мысли пласты и залежи, въ которыя можно было бы положить сѣмена иной философіи, болѣе согласной съ общечеловѣческими идеалами и вѣрованіями. Подъ хаосомъ бессознательнаго и тогда уже въ душѣ философа замѣтно обозначался космосъ сознательнаго, который потомъ, въ его позднѣйшихъ твореніяхъ, все болѣе и болѣе смирялъ неукротимое буйство перваго, хотя—увы!—такъ - таки и не смирилъ окончательно...

Когда теперь, изъ отдаленія и въ перспективѣ, я сопоставляю свое тогдашнее непосредственное впечатлѣніе отъ личности Гартмана и бесѣдъ съ нимъ съ результатами ознакомленія съ его позднѣйшими сочиненіями, то не могу освободиться отъ впечатлѣнія глубокаго трагизма, лежащаго на всей мысли философа, а такъ какъ *мысль* философа, какъ и слова поэта, по извѣстному выраженію: «слова поэта — дѣла поэта», есть уже и его *дѣло*, то и во всемъ дѣлѣ его жизни мнѣ и тогда чувствовалась и теперь чувствуется въ немъ все таже глубокая трагика.

Мнѣ вѣжется, что эту трагикѣ Гартмана и другихъ сродныхъ ему натуръ,—ибо въ этомъ отношеніи Гартманъ, конечно, не единичное явленіе,—можно было бы выразить слѣдующими стихами одного изъ нашихъ, наиболѣе глубокомысленныхъ и такъ сказать философичныхъ, поэтовъ:

О, сердце полное тревоги,
О, какъ ты бьешься на порогъ
Какъ бы двойнаго бытія...

Твой день—болѣзненный и страстный,
Твой сонъ—пророчески-неясный,
Какъ откровеніе духовъ...

Не могу, конечно, съ несомнѣнною утверждать, что Гартманъ таковъ именно былъ. Но, кромѣ полновѣсной и полносмысленной категоріи *быть*, есть, какъ извѣстно, еще и другая категоріа *казаться*. И вотъ *такимъ именно онъ мнѣ и тогда казался, а потомъ—въ сочиненіяхъ—такимъ и оказался...*

И здѣсь именно, съ моей точки зрѣнія, ключъ къ пониманію и истолкованію *подлиннаго смысла* его философіи, а вмѣстѣ и—мѣра ея оцѣнки, о чемъ теперь у меня и будетъ рѣчь.

II.

Существуетъ два типа философскихъ системъ. Однѣ выходятъ изъ головы своихъ создателей въ готовой и законченной формѣ,—какъ Афина Паллада изъ головы Зевса. Другія непрерывно растутъ и развиваются, вмѣстѣ съ ростомъ философствующаго сознанія, по мѣрѣ духовнаго развитія ихъ творца. Система Гартмана есть система этого второго рода. Пусть медленно и какъ бы даже съ нѣкоторымъ сознательнымъ упорствомъ, но философъ все же мало по малу поступался и, въ концѣ концовъ, поступился многимъ изъ первоначально принятаго, сглаживая крикливыя уродливости своего перваго философскаго творенія,—*Философіи Безсознательнаго*.

Для пониманія философской системы, особенно системы развивающейся, «эволювирующей», какъ и для пониманія художественнаго произведенія, необходимо, прежде всего, вѣрно угадать ея *паеосъ*, то есть ту основную философскую страсть, которая всѣмъ движетъ въ мыслящемъ духѣ философа,—его высшій интересъ. Такимъ интересомъ для Гартмана, какъ извѣстно, служилъ вопросъ о цѣнности бытія и жизни, вопросъ, говоря техническимъ языкомъ самаго философа, *аксіологическій*. Поэтому аксіологія или, по болѣе принятой терминологіи, *тимологія*, — ученіе о цѣнности бытія и жизни—была для него именно тою фило-

софскою дисциплиною, къ которой онъ возвращался особенно часто. Ну и какъ же онъ разрѣшалъ этотъ мучительнѣйшій для него вопросъ? Куда толкала философа его основная философская страсть, его философскій паѳосъ?

Отвѣтъ извѣстенъ. Гартмана называютъ философомъ пессимизма и—*пессимистомъ*. И это вполне справедливо, — если мы будемъ имѣть въ виду его *Философію Безсознательнаго*, надъ которою, дѣйствительно, распростертъ мракъ самаго непрогляднаго и совершенно безвыходнаго пессимизма. Всѣмъ, хоть сколько нибудь прикосновеннымъ къ философіи, извѣстно его, — знаменитое, въ своемъ родѣ, — ученіе о трехъ стадіяхъ иллюзіи. Міръ античный и громадная часть современнаго человѣчества ищетъ счастья *здѣсь*, на землѣ и притомъ въ данное время и при данныхъ условіяхъ. Но въ тотъ самый моментъ, когда мы, повидимому, настагаемъ вѣчно убѣгающія отъ насъ блага жизни, — радость любви, дружбы, честь, богатство, достатокъ и т. д., — счастье, которымъ насъ манило обладаніе этими благами, исчезаетъ. И это есть первая иллюзія. Христіанство перенесло наши надежды *туда*, въ тотъ міръ, и многіе пошли за его проповѣдниками: не здѣсь, а *тамъ*, — таковъ призывно-повелительный голосъ этихъ проповѣдниковъ. Но тамъ, — о, кто знаетъ, что будетъ тамъ?.. Вексель на потустороннее блаженство, конечно, заманчивъ, но, по словамъ Гартмана, онъ имѣетъ одинъ существенный недостатокъ: даты на этомъ вексельѣ, то-есть указаніе мѣста и времени уплаты по нему, весьма сомнительны и, поэтому, разрѣ лишь очень немногіе склонны теперь ему довѣрять. И это — вторая иллюзія. Наконецъ, иные, сторонники культуры, проникнутые вѣрою во всемогущество «прогресса и цивилизаціи», думаютъ, что, если не теперь, то въ будущемъ люди ужъ навѣрно будутъ счастливы и притомъ всѣ безъ исключенія и именно *здѣсь же*, на землѣ. Но, съ точки зрѣнія нашего философа, и людей этой наивной вѣры въ прогрессъ и цивилизацію неминуемо постигнетъ полное разочарованіе. Болѣзнь и

старость, зависимость отъ воли и власти другихъ, бѣдность и недовольство не только никогда не исчезнуть изъ жизни, но чѣмъ дальше, тѣмъ будутъ становиться все мучительнѣе. И это потому, что зло будетъ расти все быстрѣе и быстрѣе, а благодѣтельные средства культуры, хотя тоже будутъ возрастать, но лишь медленно. Порогъ, правда, перестанетъ ходить въ рубищѣ, одѣнется во фракъ и нарядное платье, сдѣлается благовиднѣе, утонченнѣе и изощреннѣе. Но, въ концѣ концовъ, развѣ же это ужъ такъ важно?.. И вотъ третья и послѣдняя иллюзія, по мѣрѣ проясненія которой въ сознаниіи человѣчества число пессимистовъ, такъ предрекалъ Гартманъ въ своемъ первомъ сочиненіи, будетъ увеличиваться все больше и больше.

Какъ три желѣзныхъ кольца, сжимають эти три иллюзіи у читателя *Философіи Безсознательнаго* и умъ, и чувство, и волю: бороться за жизнь не изъ-за чего и, потому, не стоитъ! Такое впечатлѣніе при чтеніи книги испыталъ въ свое время—много лѣтъ тому назадъ—и я. И вотъ и эту муку я принесъ съ собою къ философу. Ну и что-же здѣсь? Здѣсь моимъ мыслямъ былъ данъ толчекъ въ совершенно другую сторону. Для меня ясно стало, что такой пессимизмъ есть лишь власть прошлаго надъ сознаниемъ «философа безсознательнаго», но что самъ онъ—и жизнью и мыслью—противъ этой власти уже протестуетъ. И это, прежде всего, потому, что въ философѣ пессимизма не было ничего жизнераждающаго, никакихъ слѣдовъ сумрачности и жалобъ на жизнь. Напротивъ, и отъ его собственной личности и отъ всѣхъ окружающихъ, отъ всей даже обстановки шло навстрѣчу самое бодрое и жизнерадостное настроеніе,—полное вѣры въ жизнь или, говоря языкомъ философскимъ, полное *энергичнѣйшаго утвержденія воли къ жизни*, въ противоположность Шопенгауеровскому отрицанію этой воли.

Когда въ виду этого факта я выразилъ пріятное удивленіе, философъ въ объясненіе указалъ мнѣ нѣкоторыя страницы изъ своей автобіографіи, на одной изъ которыхъ я между прочимъ прочиталъ потомъ вотъ что:

«Способность объективации спасла меня, въ моемъ положеніи,—*разумѣется болѣзнь*, — отъ духовной гибели. Въ ней нашелъ я средство освободиться отъ того, что невыразимо точило душу. Написавъ — въ своей *Философiи Безсознательнаго* — главы о пессимизмѣ, я тѣмъ самымъ снялъ съ своей души, разъ и навсегда, бремя мировой скорби, очистивъ ее и возвысивъ на ступень безстрастнаго, чуждаго аффективности *знанiя* о горечи бытія, а чрезъ это я снова возвратилъ себѣ ничѣмъ неомрачаемую ясность духа, парящаго въ эфирѣ чистой мысли и созерцающаго отсюда, изъ этой прозрачной и чистой сферы, міръ и свое собственное страданіе, какъ чуждый мнѣ объектъ изслѣдованiя».

Вотъ разгадка тайны! Горечь бытія, сознанныя и спокойно взвѣшенная на вѣсахъ разума, перестала уже быть для философа такою, потеряла наполовину, а можетъ быть и сполна, свою развѣдающую остроту. На это указалъ еще глубокомысленный Спиноза въ другомъ примѣненіи: сознать страсть значитъ освободиться отъ нея... Такъ и здѣсь, у Гартмана.

И дальше, въ заключеніи той-же, чрезвычайно интересной, автобіографіи мы находимъ уже поистинѣ удивительныя строки, отъ которыхъ вѣетъ счастьемъ, почти буржуазнымъ:

«Любящая супруга, вполнѣ проникнутая пониманіемъ моихъ идеальныхъ стремленій, спутница моей жизни, царить въ моемъ скромномъ, но уютномъ домикѣ, расположенномъ противъ ботаническаго сада, похожаго на паркъ и соединяющемъ въ себѣ удобства зимняго и лѣтняго пребыванiя... У нашихъ ногъ играетъ, съ вѣрными четвероногими товарищами, прелестный цвѣтущій ребенокъ, который уже дошелъ до склоненій и спряженій, освоился съ сочетаніемъ существительныхъ и глаголовъ, постигъ даже и Фихтевское «я», — хотя, какъ это обыкновенно бываетъ и какъ было и у самого Фихте, пока еще смѣшиваетъ это я съ третьимъ лицомъ: «оно». Мои родители, а также и

тестъ съ тещей, вмѣстѣ съ избраннымъ кругомъ моихъ друзей, заботятся о моемъ развлеченіи, о моихъ духовныхъ удовольствіяхъ и доставляютъ мнѣ много отрадныхъ возбужденій, такъ что одинъ изъ моихъ философскихъ друзей однажды выразился такъ: «Когда захочется еще разъ взглянуть на довольныя и веселыя лица, то придется идти опять къ пессимистамъ».

Вотъ идиллія и могу, на основаніи своего собственнаго впечатлѣнія, сказать, что это отнюдь не шаржъ!

Привожу эти справки изъ автобіографіи Гартмана не затѣмъ, конечно, чтобы въ чемъ-нибудь упрекать философа, или вскрывать несогласованность между его словомъ и дѣломъ,—о, нѣтъ! это, пожалуй, было бы и нетрудно, но ужь совершенно бесплодно!—а лишь затѣмъ, чтобы показать, что, когда говорятъ о «пессимизмѣ» Гартмана, то нужно понимать это выраженіе *cum grano salis*. Я хочу лишь отмѣтить и подчеркнуть, что *пессимизмъ теоріи* столкнулся въ душѣ философа съ *оптимизмомъ жизни* и, конечно, сдѣлалъ послѣднему много уступокъ. Мы отнюдь не можемъ слѣдовательно, измѣрять пессимизмъ Гартмана мѣркою идей, изложенныхъ въ *Философіи Безсознательнаго*, тоестъ въ первомъ, почти юношескомъ, его трудѣ. Отъ намѣченныхъ въ немъ оцѣнокъ жизни и міра онъ—повторяю—ушелъ, сознательно ушелъ. Да, въ сущности, онъ только и дѣлалъ, что уходилъ. Сначала онъ сталъ разъяснять, что пессимизмъ вовсе не дѣлаетъ человѣка несчастнымъ (!!), а потомъ уже сталъ прямо, замѣтно и все болѣе и болѣе рѣшительно, склоняться къ оптимизму.

Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, что, не рѣшаясь,—по мотивамъ совершенно стороннимъ чистой наукѣ, какъ онъ самъ говоритъ въ своей автобіографіи,—подвергать серіозной передѣлкѣ свой первый трудъ, доставившій философу популяриность и даже славу, онъ въ дальнѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ вноситъ къ нему и въ особенности къ ученію о цѣнности бытія и жизни или къ такъ называ-

емой аксіологіи рядъ существенныхъ поправокъ и ограниченій, цѣлый рядъ корректуръ именно въ этомъ направленіи. При этомъ выясняется, мало-по-малу, что съ точки зрѣнія Гартмана пессимизмъ, правильно понятый, вовсе не безнадеженъ и не безутѣшенъ (Гартманъ пишетъ даже специальное философское утѣшеніе душамъ страждущимъ!); что онъ отнюдь не обяываетъ слагать въ безсиліи и отчаяніи руки; что вообще только эгоистъ, все на свѣтъ намѣряющій удовольствіемъ, можетъ приходиться въ отчаяніе отъ мірового зла, но человѣкъ нравственно настроенный не поддастся искушеніямъ унынія и отчаянія и выйдетъ смѣло на трудъ и дѣланіе... Въ общемъ, какъ видимъ, достаточно «корректуръ» и притомъ принципиальнаго характера.

Въ *Философіи Безсознательнаго* Гартманъ оцѣнивалъ міръ и жизнь съ одной единственной точки зрѣнія: съ точки зрѣнія удовольствія или такъ называемой эвдемонологической. Но потомъ онъ сталъ все отчетливѣе и отчетливѣе различать пять возможныхъ точекъ зрѣнія на цѣнность бытія и жизни: эвдемонологическую, точку зрѣнія цѣлесообразности, красоты, нравственности и религиозности. Наконецъ, намѣтилъ уже цѣлыхъ восемь точекъ зрѣнія на міръ и жизнь, восемь критеріевъ или масштабовъ оцѣнки, а именно сталъ разсматривать теперь міръ: какъ предметъ познанія, какъ откровеніе красоты, какъ поприще для нравственной дѣятельности, какъ среду искупленія человѣка, міра и самаго Абсолютнаго отъ зла, какъ непрерывно развивающійся процессъ, какъ осуществленіе предположенныхъ цѣлей, какъ игру и вмѣстѣ муку слѣпой воли и, наконецъ, какъ мѣру удовольствія и неудовольствія... И вотъ въ послѣднемъ счетѣ оказывается, что въ шести первыхъ смыслахъ, то-есть измѣряемый критеріями логики, красоты, нравственности, искупительнаго подвига, эволюціи, телеологіи, міръ представляетъ *положительную цѣнность*, такъ какъ постепенно развивается и притомъ именно совершенствуется, при-

ближаясь къ опредѣленнымъ конечнымъ цѣлямъ. И только вотъ въ двухъ послѣднихъ смыслахъ, то-есть измѣряемый мѣрою слѣпой жажды жить и наслаждаться, міръ представляетъ отрицательную цѣнность. Такимъ образомъ, эвдемонологическій пессимизмъ переходитъ у Гартмана мало по малу въ свою противоположность, въ такъ называемый эволюціонный или телеологическій оптимизмъ, въ которомъ, по его собственнымъ словамъ, онъ своеобразно соединяетъ пессимизмъ Шопенгауера съ оптимизмомъ Лейбница ⁴⁾.

Здѣсь предъ нами очень важный моментъ въ общей связи идей Гартмана, моментъ, правильное пониманіе котораго даетъ ключъ ко всей его системѣ и именно въ ея движеніи, такъ какъ помогаетъ опредѣлить конечный полюсъ склоненія мысли философа.

Кто хоть сколько нибудь, хотя бы изъ вторыхъ или даже третьихъ рукъ, знакомъ съ общими началами философіи Гартмана, тотъ знаетъ, что въ основу его системы

⁴⁾ Послѣдовательная смѣна точекъ зрѣнія Гартмана въ вопросѣ о цѣнности жизни и бытія хорошо разъяснена въ капитальномъ трудѣ Arthur'a Drews'a, *Eduard von Hartmanus philosophisches System im Grundriss* (2-te Auflage, 1906), Ss 316—357, 920—923. Для ясности обозрѣнія мы намѣтимъ три, пройденныя Гартманомъ, ступени въ одной общей схемѣ:

Сначала (въ „Философіи Безсознательнаго“) одна точка зрѣнія—эвдемонологическая.

Потомъ (въ цѣломъ рядѣ трактатовъ) выступаютъ уже пять различныхъ точекъ зрѣнія: эвдемонологическая, эстетическая, этическая, религіозная, телеологическая.

Наконецъ (въ специальномъ трактѣ: *Wert der Welt*, помещенномъ въ 1903 г. въ журналѣ „Deutschland“), кромѣ пяти, только что перечисленныхъ, точекъ зрѣнія выступаютъ еще три, такъ что всего получается восемь, а именно: *гносеологическая* (познаваемость міра), эстетическая, этическая, религіозная, телеологическая, *эволюціонная* (міровой процессъ, какъ одно, непрерывно-связное развитіе), *волюнтаристическая* и, наконецъ, эвдемонологическая.

Только оцѣнки съ двухъ послѣднихъ точекъ зрѣнія—волюнтаристической и эвдемонологической—даютъ, въ итогѣ, какъ мы сказали, минусы, съ остальныхъ-же шести получаются плюсы... Ergo, жить еще можно и стѣбить!

положены два начала: слѣпая «безсознательная» воля (это наслѣдіе отъ Шопенгауера и отчасти Шеллинга) и—столь-же «безсознательная», хотя и разумная, «логичная» идея (это—наслѣдіе отъ Гегеля). Сначала—въ *Философiи Безсознательнаго*—у Гартмана перевѣшивалъ первый моментъ и, потому, надъ міромъ и жизнью въ этой книгѣ царятъ неразуміе, слѣпота и страданіе. Но потомъ, по мѣрѣ развитія и оформленія системы, подъ вліяніемъ перемѣнившейся оцѣнки жизни, у Гартмана сталъ брать перевѣсъ второй моментъ, то-есть идея, «логическое», разумъ. Смыслъ мірового процесса опредѣлился теперь въ системѣ нашего философа, какъ борьба началъ неразумнаго (а-логическаго) съ разумнымъ (логическимъ). Первое захотѣло проявить себя въ мiрѣ и, такъ какъ поступило неразумно, то нашло страданіе. Второе, какъ коллективный разумъ человечества, какъ собирательное сознаніе всѣхъ людей, появившихъ сущность и смыслъ мірового процесса, должно исправить эту ошибку и возвратитъ слѣпую волю къ состоянію первоначальнаго покоя и безстрастія. Въ итогѣ, слѣдовательно, у Гартмана получается нѣчто въ родѣ апокатастасиса,—ученіе о возвращеніи всего въ Бога и успокоеніи въ немъ. Отсюда возникаетъ требованіе, которое можетъ быть разсматриваемо, какъ *основная заповѣдь философiи эволюціонно-телеологическаго оптимизма*: отъ каждаго, кто имъ проникся или кто до него поднялся, требуется полная преданность дѣламъ мірового процесса, то-есть служеніе всеобщему искупленію или спасенію отъ зла. Нужно, учить Гартманъ, дѣли Безсознательнаго сдѣлать своими дѣлами, принять на себя и понести «крестъ свой» ради Бога... Какъ слышимъ, это звучитъ уже почти по-христіански. И мы знаемъ теперь, что, когда Гартманъ дополнилъ свой первоначальный «эвдемонологическій пессимизмъ» «эволюціоннымъ или телеологическимъ оптимизмомъ», то эти фразы, которыя въ качествѣ риторическихъ украшеній, пестрятъ уже и страницы *Философiи Безсознательнаго*, получаютъ прямой реальный смыслъ.

Такова существеннѣйшая поправка, внесенная Гартманомъ въ его систему. Мало-по-мало хаотическое и темное, слѣпое и «безсознательное» въ мировомъ процессѣ и Божественной Первоосновѣ—прояснилось предъ сознаниемъ философа въ гармонически-согласное и свѣтлое, разумное и сознательное. Это не значить, конечно, будто измѣнился міръ, его строй и жизнь, но—что мало-по-малу измѣнилась сама система, сдѣлавшись гармоничнѣе, стройнѣе, разумнѣе и сознательнѣе: «алогичное» и «антилогичное» уже въ значительной мѣрѣ было побѣждено именно въ ней, то-есть въ душѣ и сознаниі философа, «логичнымъ». На объективный процессъ здѣсь перенесено лишь то, что совершилось въ субъективномъ. Здѣсь-же, въ субъективномъ процессѣ философа, это измѣненіе и—скажемъ прямо—улучшеніе совершилось именно подъ влияніемъ перестановки точки зрѣнія на вопросъ о цѣнности и смыслѣ жизни. Разъ понято и отчетливо создано, что нельзя жить, изнывая въ печали и сѣтованіяхъ на горечь бытія и безуміе желаній, разъ сознана и прочувствована необходимость просвѣтлить и исправить жизневраждебное настроеніе «эвдемонологическаго пессимизма» бодрящими и освѣжающими струями «телеологическаго оптимизма» съ его вѣрою въ жизнь, науку, искусство, нравственность, религію,—тогда было уже просто дѣломъ логической послѣдовательности въ томъ-же смыслѣ исправить и ученіе о мірѣ, мировомъ процессѣ и его первоосновѣ, то-есть по аксіологій исправить метафизику, философію природы, философію исторіи. И это исправленіе дѣйствительно совершалось. Но, конечно, власть прошлаго тяготѣла надъ сознаниемъ философа, и потому его поправки можно констатировать лишь въ деталяхъ, хотя иногда и очевь характерныхъ... Вѣчная тавтологія исторіи человѣческаго мышленія! Борьба, неудовлетворенность и, какъ слѣдствіе этого, глубокая внутренняя трагика!

Алексій Введенскій.

(Окончаніе будетъ).

СЧАСТЬЕ И ХРИСТИАНСТВО ¹⁾.

Что такое человек? откуда онъ приходитъ и куда идетъ?

Дюбуа-Реймонъ насчитываетъ семь міровыхъ загадокъ, которыхъ ни одна наука не могла еще рѣшить: сущность матеріи и силы, источникъ движенія, происхожденіе жизни, цѣлесообразное устройство природы, происхожденіе простого чувственнаго ощущенія, разумное мышленіе, происхожденіе языка и свобода воли. «Человѣческому духу и теперь еще не удалось во всѣхъ этихъ вопросахъ выйти изъ крайнихъ противорѣчій; поэтому, вмѣсто того, чтобы вращаться въ кругу бесплодныхъ умозрѣній или въ самообольщеніи стараться разрубить Гордіевъ узелъ, мы попытаемся смотрѣть на вещи просто, какъ они есть». Въ сознаніи этого-то естествоиспытателя и сказались извѣстные слова: «ignoramus et ignorabimus!» Не знаемъ и знать не будемъ!

Такое признаніе въ банкротствѣ науки по отношенію къ важнѣйшимъ вопросамъ этой жизни, рѣшенія которыхъ ищетъ всякій мыслящій человекъ, повергаетъ человѣчскій духъ въ страшное смятеніе и даетъ человеку поводъ вступать на совершенно ложный путь жизни. Эти фундаментальныя истины жизни привлекаютъ вниманіе многихъ ученыхъ, но они имѣютъ глаза — и не видятъ, имѣютъ уши — и не слышатъ, и къ нимъ по справедлив-

¹⁾ Продолженіе. См. февральскую кн. *Душепол. Читенія* 1907 г.

вості могутъ быть приложимы слова Господа: «славлю Тебя, Отче, Господа неба и земли! что ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ и открылъ то младенцамъ» (Матѣ. 11, 25; 1 Кор. 1, 19. 27).

Какъ вѣрно пишетъ невѣрующій философъ Жоффуа: «нѣтъ никакой книги, по которой можно бы было учить дѣтей; но почитайте вы вотъ эту книжку, которую называютъ катехизисомъ. Въ ней вы найдете всѣ вопросы безъ исключенія рѣшенными. Спрашиваете ли вы христіанина, откуда произошелъ человѣческій родъ, онъ знаетъ это; куда идетъ въ достиженіи своей конечной цѣли человѣкъ—ему извѣстно и это; какъ онъ туда идетъ—и это онъ знаетъ. Спросите ребенка, который никогда еще не задумывался ни надъ чѣмъ глубоко,—зачѣмъ онъ живетъ на свѣтѣ и куда онъ пойдетъ послѣ ухода изъ міра, — онъ вамъ дастъ ясный и опредѣленный отвѣтъ. Происхожденіе міра, человѣка и его рода, его назначеніе здѣсь, на землѣ, и тамъ, вверху на небѣ, отношенія человѣка къ Богу и ближнимъ, право человѣка на неразумную, бессознательную природу: обо всемъ этомъ дитя знаетъ. И по мѣрѣ того, какъ ребенокъ подрастаетъ, онъ получаетъ совершенно ясныя и опредѣленные понятія о естественномъ правѣ, государственномъ и народномъ правѣ, потому что все это ясно и какъ бы само собой вытекаетъ изъ христіанства, которое, поѣтому, я называю возвышенной, совершенной религіей: я признаю ее такою по тому признаку, что она не оставляетъ нерѣшеннымъ ни одного изъ важнѣйшихъ для человѣчества вопросовъ».

Незнаніе нашего происхожденія и цѣли, такъ же какъ и вообще недостаточность нашего естественнаго знанія, есть одно изъ слѣдствій грѣха, омрачившаго нашъ разумъ. До паденія Адамъ обладалъ совершеннымъ знаніемъ природы (Быт. 2, 19); онъ познавалъ твореніе и его происхожденіе; увидѣвши Еву, онъ понималъ, что она кость отъ костей и плоть отъ плоти его и т. д. Но раз-

судокъ, испорченный наслѣдіями грѣха, все это считаетъ басней и выдумкой и въ своемъ отрицаніи всего заходить такъ далеко, что начинаетъ отрицать даже Творца, несмотря на то, что всегда видитъ передъ своими глазами Его твореніе.

Наука и полуобразованность охотно сводятъ все бытіе и существованіе къ естественнымъ законамъ. Но «ненарушимыхъ законовъ природы, дѣйствующихъ какъ строго опредѣленныя нормы во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія»; опытное изслѣдованіе уже болѣе не знаетъ. Повсюду дѣйствіе закона встрѣчаетъ и противодѣйствіе себѣ, которое можетъ внести въ него измѣненіе и тѣмъ разрушить «законъ», такъ что теперь правильнѣе было бы говорить только о «тенденціи» закона. «Что мы называемъ законами природы, это все измѣнчиво, такъ какъ открытіе этихъ законовъ — дѣло человѣческаго разума, и они находятъ себѣ приложеніе только послѣ совершеннаго изученія ихъ. Но вполне возможно, что какое-нибудь новое открытіе уничтожитъ совершенно существующіе законы и внесетъ тѣ великія измѣненія въ естественно-научныя знанія, которыми такъ богато новое время» (Вирховъ). Естественные законы сами по себѣ не заключаютъ въ себѣ чего-нибудь другого, какъ только указаніе на тотъ порядокъ, который мы наблюдаемъ въ природѣ. Путемъ отвлекающей силы мышленія мы вырываемъ ихъ изъ дѣйствительности, какъ если бы они предшествовали совершившемуся факту и существовали сами по себѣ, какъ если бы все существующее и случающееся подчинялось имъ.

Въ государствѣ и обществѣ всѣ знаютъ, что тамъ, гдѣ есть законы, долженъ быть и законодатель, что твореніе предполагаетъ своего творца, что всякій порядокъ устраивается тѣмъ, кто устанавливаетъ его. Но въ природѣ по большей части ничего такого теперь уже не хотятъ знать и за ея законами забываютъ Законодателя и Управителя, Творца ея. Конечно, никто не можетъ видѣть Его,

но послѣднюю и именно разумную причину всего бытія и существованія должна признать и самая строгая наука,—иначе она пришла бы къ отрицанію самой себя и не могла бы уже болѣе быть наукой. Вѣдь изъ случая не можетъ произойти никакого упорядоченнаго цѣлаго и изъ неразумной матеріи — ничего разумнаго. Гдѣ дѣйствуютъ одни стихійныя силы, тамъ не можетъ образоваться никакой формы.

Теперь естествоиспытатели, философы и большая часть опирающихся на нихъ богослововъ, утверждаютъ, что міръ произошелъ самъ собой — изъ хаоса, первобытной матеріи, первоначальной клѣтки и пр. А откуда произошла эта первоначальная матерія, они не говорятъ, да и не знаютъ; а тамъ, гдѣ они эволюцію не могутъ доказать и подтвердить фактами, мы видимъ лишь ряды различныхъ гипотезъ. На этомъ пути причина вещей вовсе не отыскивается; главные и важные вопросы остаются все время совершенно безъ отвѣта — откуда берется перво-матерія, клѣтка? Что такое атомъ, котораго никогда и никто чувственно не осязалъ? Какъ могутъ атомы воздѣйствовать другъ на друга, когда они все-таки должны быть раздѣлены одинъ отъ другого пустымъ пространствомъ? Какъ входитъ въ нихъ жизнь и начинается развитіе? и т. д. Объяснить первоначальную жизнь, начало жизни, происхожденіе живыхъ существъ изъ не живой матеріи, происхожденіе сознанія механическимъ и естественнымъ путемъ невозможно. Ни одинъ химикъ, фізіологъ, геологъ или другой какой естествоиспытатель не могли еще доказать происхожденіе жизни изъ неорганической матеріи и наблюдать ея происхожденіе. Это допускаютъ сами проповѣдники и защитники эволюціи. И все-таки они говорятъ: происхожденіе жизни должно быть объяснено механически, потому что нѣтъ Бога и никакого чуда. Но и это утвержденіе такого рода, что его не можетъ доказать ни одинъ человекъ. Да тѣ же самые естествоиспытатели ни разу не сдѣлали даже и попытки—

опытами, экспериментами или какими-нибудь другими чувственными доказательствами, которые одни только для них имѣютъ значеніе, убѣдить всѣхъ въ томъ, что Бога нѣтъ. Можетъ ли быть найдено болѣе грубое противорѣчіе всякому разуму? Сперва они утверждаютъ немногое, именно, — что нельзя доказать положеніе: «Бога нѣтъ». Изъ этого они выводятъ заключеніе: «теперь мы можемъ объяснить все механически». И когда они начинаютъ такъ объяснять, то говорятъ: «хотя мы этого и не можемъ объяснить, но такъ должно быть!» Если они переносятъ свои объясненія на доисторическія времена, о которыхъ мы ничего не знаемъ, то выставляютъ опять новыя, еще менѣе доказательныя, утвержденія. Если они будутъ говорить, что матерія, атомъ и всѣ образованія изъ нихъ, — камни, металлы и пр. были живыми, то ни одинъ разумный человѣкъ не повѣритъ имъ въ этомъ; да они и не могли доказать этого, а слѣдовательно, происхожденіе жизни у нихъ не объясняется, — объясненіе только отодвигается еще дальше.

Все объясняютъ изъ началъ эволюціи лишь затѣмъ, чтобы можно было отрицать Бога; потому что, если все — случайно, то нѣтъ разумаго Творца и Промыслителя міра, къ Которому бы всякій размышляющій наблюдатель могъ относить благоустройство и цѣлесообразность, господствующія въ мірѣ. Но уже апостоль Павелъ сказалъ, что «невидимое Его, вѣчная сила Его и Божество, отъ созданія міра черезъ разсматриваніе твореній видимы» (Римл. 1). И на дѣлѣ оказывается, что только немногіе естествоиспытатели были совсѣмъ невѣрующими. Деммертъ («Религія естествоиспытателей») высчиталъ, что изъ извѣстныхъ за всѣ времена 300 естествоиспытателей 242 вѣровали въ Бога Творца, и только 20 были невѣрующими, причемъ лишь 5 человѣкъ изъ нихъ относились враждебно къ христіанству. Такимъ образомъ, совершенно ложно положеніе, что естественная наука дѣлаетъ невозможной вѣру, и что вѣра и знаніе исключаютъ другъ

друга. Одинъ и тотъ же Богъ создалъ природу и въ Библии сказалъ человѣку Свое слово. Если естествознаніе вѣжется несогласнымъ съ Библией, то надо допустить, что изслѣдованіе природы было не точно и выведенное на основаніи его заключеніе оказалось ложнымъ. И въ дѣйствительности, само естествознаніе признаетъ, что многіе изъ его прежнихъ положеній оказались ошибочными и невѣрными: оно чуть ли не ежедневно дѣлаетъ новыя открытія и вынуждено бываетъ отказываться отъ стараго. Но если естествоиспытатель не признаетъ, что «небеса проповѣдаютъ славу Божию и о дѣлахъ рукъ Его вѣщаютъ твердь», то это вина не его науки, а злобы его сердца и служенія грѣху, къ которому онъ прилѣпляется; его чувственный разумовъ и воля не хотятъ быть отвѣтственными передъ Творцомъ; поэтому онъ и проповѣдуетъ: «нѣтъ Бога!»

И образованная чернь говоритъ послѣ: «нѣтъ Бога; наука не нашла нигдѣ Творца; все случайно; мы сами и все, что дѣлаемъ, все естественно и необходимо и есть продуктъ эволюціи!» Но — «сказалъ безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Бога» (Псал. 13, 1).

Объясненіе происхожденія и устройства міра изъ случая, такимъ образомъ, невозможно и даже невысказуемо. Всегда остаются и стоятъ на виду у всѣхъ семь загадокъ Дюбуа - Реймона. Но научныя объясненія, которыя не опираются на знаніе и ничего, въ сущности, не объясняютъ,—такія объясненія оказываются ложью и обманомъ, когда они сообщаются «образованнымъ» людямъ, какъ научныя факты и результаты. Всякій честный естествоиспытатель долженъ еще и теперь согласиться съ Ксенофаномъ (569 до Р. Х.): «никто не позналъ достовѣрную истину и не познаетъ ее, ни въ отношеніи къ Богу, ни въ отношеніи къ вселенной, потому что на всемъ лежитъ отпечатокъ личнаго мнѣнія».

Сама наука не мало страдаетъ отъ матеріализма. Передъ нимъ преклонились лишь нѣкоторые естествоиспы-

татели, да и тѣ вытѣснили уже опять его теоріи. Но матеріализмъ жизни по временамъ пронизываетъ насъ сквозь все мышленіе и всю дѣятельность, литературу и политику, прессу и искусство, словомъ, всю духовную жизнь, и проповѣдуетъ, особенно въ социализмѣ, свое ложное ученіе съ драматизмомъ, который не только погребаетъ всякую вѣру въ Бога, но грозитъ уничтожить и всю культуру. «Духъ матеріализма красной нитью проходитъ черезъ всю современную культуру и увлекаетъ за собой всякаго, кто не нашелъ крѣпкаго якоря» ¹⁾...

О своемъ твореніи дать точныя свѣдѣнія можетъ только Самъ Творецъ, и это онъ сдѣлалъ въ Своемъ словѣ, въ Священномъ Писаніи. Откуда Моисей почерпнулъ свои знанія о твореніи? Откуда знаетъ писатель книги Іова о томъ, о чемъ онъ рассказываетъ во 2-й гл., 1—6 ст.? Откуда почерпнуто въ Библии и многое другое, чего человечество не могло никогда постигнуть, не говоря уже о томъ, чтобы самостоятельно дойти до того? При этомъ удивительно, что въ Библии совсѣмъ не упоминается ни о какихъ, признанныхъ давно уже ложными, представленіяхъ языческихъ ученыхъ о твореніи, формѣ земли и пр., несмотря на то, что Моисей, Даніилъ, ап. Павелъ.. были хорошо знакомы съ наукой своего времени. Слова: «въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю», постоянно повторяющіяся въ Библии, хотя и часто подвергаются сомнѣнію, но никогда не опровергаются. И мы вѣримъ въ живого Бога, Который можетъ сотворить то, что Онъ захочетъ, для Котораго нѣтъ ничего невозможнаго; и мы принимаемъ Его слово, какъ истину и—міровыя загадки перестаютъ для насъ быть таковыми. Но этого Бога никто намъ не можетъ показать и доказать ни чрезъ философію, ни чрезъ логику, или же при помощи опыта. Онъ

¹⁾ Ланге. „Исторія матеріализма“.

заявляеть о Себѣ Самъ въ нашемъ собственномъ сердцѣ и совѣсти, и какъ скоро Онъ дѣйствуетъ тамъ, мы убѣждаемся, что Его слово—истина, что Онъ сотворилъ міръ и насъ и промышляетъ о Своемъ твореніи и что мы должны отдавать Ему отчетъ въ своихъ мысляхъ, словахъ и дѣйствіяхъ. Если мы теперь знаемъ, что Богъ сотворилъ насъ и все существующее, то естественно, должны всегда, какъ твореніе Божіе, благодарить Бога за все, думать, что мы ничего не имѣемъ своего, во всѣхъ своихъ помышленіяхъ и во всякомъ разумѣніи приносить Ему благодарность за Его великіе дары и благодѣянія, Его почитать и прославлять. Для обнаруженія Своего величія и славы, Своего достоинства и чести создалъ Богъ насъ и весь міръ, чтобы все покорялось Его волѣ. Но кто всегда думаетъ объ этомъ, кто всегда благодарить Его?

Кто отрицаетъ Творца и истину міротворенія, тотъ хочетъ самъ себѣ быть владыкой, хочетъ произвольно пользоваться своими силами, дарами и благами, которые не самъ далъ себѣ, и хочетъ распоряжаться ими, какъ своими тѣломъ и душой, по своему усмотрѣнію; между тѣмъ, онъ только домоправитель, экономъ, намѣстникъ Бога, Который далъ ему все, Который сотворилъ богатыхъ и бѣдныхъ; Ему каждый долженъ дать отчетъ въ употребленіи послѣдней полученной отъ него полушки, каждаго духовнаго дара,—отчетъ въ каждомъ словѣ и даже мысли. Но человѣкъ хочетъ самъ имѣть право у Бога, и Богъ находится у него какъ бы въ долгу. Такъ что человѣкъ оказывается свободнымъ, а Богъ связаннымъ и ограниченнымъ. Богъ далъ человѣку заповѣди, и человѣкъ хочетъ опредѣлить, какъ далеко простирается ихъ значеніе и дѣйствіе; Богъ открываетъ человѣку Свои дѣла, Свою милость, Свою волю, и человѣкъ хочетъ узнать, какаѧ доза истины заключается въ Божественномъ Откровеніи; Богъ далъ человѣку глаза, уши и языкъ, и человѣкъ думаетъ, что Богъ не можетъ говорить съ человѣкомъ, не

можетъ понимать его языка, не можетъ и не имѣеть права пользоваться человѣкомъ, какъ своимъ орудіемъ, человѣкомъ, котораго Онъ создалъ!

Если мы не понимаемъ божественнаго устройства и управленія міромъ, и думаемъ, что тотъ или этотъ распорядокъ былъ бы лучше, или, даже—что Богъ будто бы несправедливо поступаетъ, въ своемъ твореніи, то намъ слѣдовало бы воскликнуть вмѣстѣ съ Павломъ: «о, бездна богатства и премудрости и вѣдѣнія Божія! Какъ непостижимы судьбы Его и неизслѣдимы пути Его! (Рим. 11, 33)). Не обратилъ ли Богъ мудрость міра сего въ безуміе?» (1 Кор. 1, 20). Если въ насъ возникаетъ сомнѣніе относительно благодати и милосердія, праведности и святости Божіей, то намъ слѣдуетъ со всѣми святыми чтить и прославлять Бога: «Ты одинъ святъ, Ты одинъ правосуденъ! Да, Господь, всемогущій Богъ, Правда Твоя истинна и правосудна!» Но всякое учительство на пути Божіемъ, всякая попытка къ улучшенію или исправленію Божественной воли, есть богохульство.

Но и наоборотъ, нельзя говорить, что міръ хорошъ такъ, какъ онъ есть, т.-е. что онъ вполне совершененъ; несчастіе необходимо для того, чтобы дать намъ почувствовать счастье; вѣчнаго счастья, безъ перемѣнъ и превратностей, никто не можетъ достигнуть. Богъ создалъ міръ совершеннымъ (Быт. 1, 31), человѣкъ же извратилъ его (Быт. 3, 17). Богъ создалъ человѣка для вѣчнаго блаженства; человѣкъ самъ внесъ въ міръ все зло и несчастье; это было для него вмѣстѣ и наказаніемъ за грѣхопаденіе.

Богъ сотворилъ человѣка по Своему образу и далъ ему все, въ чемъ только онъ нуждался съ однимъ лишь за-прещеніемъ: не ѣсть плодовъ съ дерева познанія добра и зла. Назначеніемъ человѣка было — здѣсь, на землѣ, жить вполне счастливой жизнью въ общеніи съ Богомъ

и безъ смерти достигать вѣчнаго блаженства на небѣ, не вкушая смерти, — какъ Енохъ и Ілія. Но діаволь заронилъ сѣмя сомнѣнія въ душу первыхъ людей. Онъ соблазнилъ ихъ лживымъ увѣреніемъ: «вы не умрете»; Адамъ и Ева преступили заповѣдь Божію, а въ нихъ согрѣшили и весь человѣческій родъ. Мы всѣ въ лицѣ нашихъ прародителей, вмѣсто продолжительнаго и несмѣняемаго счастья безъ конца, избрали себѣ смерть, и она начинается теперь развѣдать наше существо уже съ рожденія, такъ что вся наша жизнь есть постепенное умираніе, сплошное горе, нужда и несчастье... Если бы въ лицѣ Христа, Сына Божія (Быт. 3, 15), не было найдено Искупителя за насъ, то мы всѣ бы навсегда умерли въ Адамѣ. Но теперь Богъ поддерживаетъ и сохраняетъ бытіе тварей, управляетъ міромъ, удовлетворяетъ наши нужды и даетъ пропитаніе для тѣла, укрываетъ и предохраняетъ насъ отъ всякаго зла, поскольку Онъ предотвращаетъ возможность злу приносить намъ дѣйствительный вредъ; кромѣ того, Онъ еще опредѣлилъ, для нашей же пользы, чтобы мы — отрекались отъ міра и его наслажденій, приходили къ вѣрѣ во Христа и черезъ то достигали вѣчнаго блаженства, пріобщались бы божественной жизни, вступали въ блаженное общеніе съ Богомъ.

* * *

(Продолженіе слѣдуетъ).

„ПЧЕЛЫ ЖУЖЖАТЬ“

Въ ряду наиболѣ острыхъ проявленій освободительнаго движенія въ наше тревожное время видное мѣсто заняло, такъ называемое, аграрное движеніе или, проще, земельные беспорядки. Сбитая совершенно съ толку проповѣдью различныхъ свободъ, темная крестьянская масса во многихъ мѣстахъ поняла эту проповѣдь въ смыслѣ полнѣйшей нравственной разнуздаемости, въ смыслѣ свободы отъ всякихъ нравственныхъ и общественныхъ обязанностей, въ смыслѣ свободы грабить, убивать и не стѣсняться ни въ чемъ, ни въ какихъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, какъ бы дики, безнравственны и безобразны они ни были,—благо такая проповѣдь потакаетъ столь сильнымъ въ человѣческой душѣ дурнымъ инстинктамъ и страстямъ. Но эта проповѣдь «свободы», насилія и захватнаго права ни въ чемъ не нашла себѣ среди народа столь благодарной почвы, какъ въ земельномъ вопросѣ. Исконная, стародавняя, никогда не умирающая, а, напротивъ, все усиливающаяся, болѣзненная, завѣтная мечта народа о землѣ, приняла реальную и осязательную, но крайне разрушительную, форму и крайне острый и буйный характеръ. Во многихъ мѣстностяхъ, крестьяне рѣшили силою отобрать у землевладѣльцевъ землю и начали захваты помѣщичьихъ земель и имѣній, причемъ для того, чтобы владѣльцы не могли вернуться на отнятыя у нихъ земли, стали устраивать самые дикие и безобразные погромы и разгромы помѣщичьихъ домовъ и имѣній, слишкомъ хорошо извѣстные въ настоящее время, изъ газетъ и рассказовъ

очевидцевъ, всѣмъ и каждому. Иногда погромныя дѣйствія опираются на рассказы, что захватываемая земля принадлежала раньше крестьянамъ и захвачена ея теперешними владѣльцами насиліемъ или обманомъ: этимъ стараются дать нѣкоторую санкцію замышляемому погрому.

Участи захватываемыхъ силою земель не избѣжали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи и монастырскія земли. Погромы и захваты монастырскихъ земель и имѣній, хотя сравнительно и малочисленные, такъ какъ и земель-то монастырскихъ и церковныхъ сравнительно очень мало,— все же имѣли въ послѣднее время мѣсто въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Одинъ изъ такихъ захватовъ и изображенъ въ рассказѣ В. Дмитріевой «Пчелы жужжатъ» (*Русское Богатство* октябрь 1906 года).

Г-жа Дмитріева изъ современныхъ писательницъ — несомнѣнно одна изъ лучшихъ, но направленіе ея писательства—самое либеральное, идущее совершенно въ унисонъ всѣмъ крайностямъ современнаго освободительнаго движенія. Поэтому можно себя представить, въ какомъ духѣ написанъ рассказъ, и на чьей сторонѣ симпатіи автора.

Въ полуверстѣ отъ стариннаго Устьянскаго монастыря, тотчасъ за монастырскимъ лугомъ, расположена раззоренная до нельзя деревня Сарафановка, на гумнахъ которой «давно уже никто не видѣлъ ни скирда хлѣба, ни омета соломы, никакихъ запасовъ, указывающихъ на то, что здѣсь живутъ «хозяйственные мужички». Вездѣ было пусто, голо и непріютно; все, до послѣдняго зерна, до послѣдней былинки соломы, съѣдалось задолго до новы, а остальное время Сарафановка ѣла самое себя, то занимая кое-гдѣ подъ рабочія руки, то собираясь Христовымъ именемъ. Какъ убогая старушка, сидѣла она при дорогѣ и скорбно глядѣла на прохожихъ и проѣзжихъ подслѣповатыми окнами своихъ взлохмаченныхъ и развалившихся избъ, ничего не прося, ни на кого не жалуясь. И когда

прохожій или проѣзжій прямо изъ зеленыхъ, тѣнистыхъ рощъ Устьинскаго монастыря, миновавъ цвѣтушіе широкіе монастырскіе луга, попадалъ на сѣрую, пустынную улицу Сарафановки, по которой съ голоднымъ хрюканьемъ бродили два или три свиныхъ скелета, на него нападала оторопь, и онъ спѣшилъ поскорѣе пройти или проѣхать мимо этого страшнаго обиталища голода и нищеты. Но отойдя, онъ долго еще оглядывался назадъ и, видя на безмятежной синевѣ горизонта темную кайму лѣса, въ перемежку съ зеленымъ бархатомъ луговъ, начиналъ думать, что все это ему приснилось... до того странно было появленіе голоднаго призрака среди зеленого приволья лѣсовъ и луговъ»...

Съ нескрываемымъ вождельніемъ смотрѣли каждую весну сарафановцы на монастырскіе луга. Такъ и чесались у нихъ руки «размахнуться» косами и скосить себѣ всю траву. Когда же цвѣли луга, и теплый вѣтеръ нагонялъ на Сарафановку душистыя волны, руки чесались у нихъ невыносимо. Вѣроятно, на этомъ желаніи попользоваться монастырскими лугами была основана и твердая увѣренность сарафановцевъ, что луга эти прежде когда-то принадлежали имъ, но много лѣтъ тому назадъ были отданы предками ихъ монастырю «во временное пользованіе», да такъ и остались за нимъ. Нельзя сказать, чтобы увѣренность эта покоилась на сколько-нибудь прочныхъ основаніяхъ, но такъ какъ мечтать объ отобраніи отъ монастыря луговъ было такъ пріятно, то увѣренность эта и продолжала держаться у сарафановцевъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вернулся въ Сарафановку изъ военной службы унтеръ-офицеръ Исай Шкворневъ, человекъ толковый и грамотный. Крѣпко засѣла у него въ головѣ мысль—отсудить у монастыря луга, и онъ отправился въ городъ къ адвокату. Адвокатъ попался молодой, ретивый и усердно принялся за дѣло. Но сколько онъ ни хлопоталъ, сколько ни искалъ документовъ,—самаго главнаго, плана на землю, нигдѣ не нашель, а безъ

этого дѣла начинать было нельзя. Адвокатъ уѣхалъ, и Сарафановка «погрузилась въ мракъ и отчаяніе. По вечерамъ въ окнахъ избъ не свѣтилось ни одного огонька: керосину не было, и сидѣть было нечего, поэтому всѣ засвѣтло заваливались спать и спали долго, спали безпробудно, какъ звѣри спать въ своихъ берлогахъ. Жуткое молчаніе водворялось тогда въ деревнѣ, только изрѣдка вѣтеръ съ тоскливымъ воемъ проносился надъ ней»... Но когда наступила весна, и теплый вѣтеръ снова принесъ въ Сарафановку запахъ свѣжей травы, старики послѣзали съ печей, безъ всякаго уговора отправились къ Шкворневу и объявили ему, что нужно косить монастырскіе луга.

«— Ну, а законъ-то какъ же?—спросилъ Шкворневъ.— Не взирая, стало быть, на законъ?»

Старикъ Лука Заяцъ стремительно схватился съ лавки и возопилъ:

— Великое дѣло—законъ. Какой-такой великое дѣло—законъ, коли намъ всѣмъ одинъ конецъ—подыхать? Что съ закономъ, что безъ закону—все равно, братцы, смерть одна! Будя! Не хотимъ болѣ терпѣть! Косить да возить—вотъ тебѣ и законъ! На! Возьми! Откуси съ пальцемъ!.. Они надъ нами повластвовали, теперь мы повластвуемъ!.. Всѣмъ міромъ пойдёмъ! Ляжемъ на земь и помремъ! На, рѣжь, бей, топи—смерть одна! Великое дѣло—законъ!

Онъ кричалъ и метался въ иступленіи и, съ своими кровавыми, вывороченными вѣками, съ длиннымъ, торчащимъ зубомъ, былъ похожъ на страшный призракъ голода и нищеты, возставшій со дна смрадной ямы, чтобы крикнуть на весь міръ о своемъ страданіи.

Старики смотрѣли на него и одобрительно покачивали головами. Когда онъ кончилъ, Шкворневъ поднялся съ мѣста.

— Что жъ, старики!—сказалъ онъ. Я согласенъ. Міръ рѣшилъ, и я съ нимъ. Коли бѣда—такъ заодно; коли помирать, такъ вмѣстѣ. Съ Господомъ!»

На другой день еще до свѣту вся Сарафановка поднялась на ноги и отправилась на монастырскіе луга, и скоро на нихъ засверкали косы сарафановскихъ мужиковъ. Мужики косили съ такимъ увлеченіемъ, что не замѣчали ни времени, ни жары, ни усталости...

Между тѣмъ въ монастырѣ поднимается тревога, и къ полдню къ косцамъ подъѣхалъ становой съ монастырскимъ казначеемъ о. Юліаномъ. Мужики не обращаютъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія и продолжаютъ косить. Тщетно уговариваетъ ихъ о. Юліанъ, тщетно грозитъ имъ становой; — мужики, молча, продолжаютъ косить, а на станового съ о. Юліаномъ начинаютъ наступать бабы. О. Юліанъ въ испугѣ тащитъ станового назадъ... На другой день исправникъ докладываетъ губернатору, что въ Сарафановкѣ бунтъ; а на слѣдующій день утромъ на ближайшей къ монастырю желѣзнодорожной станціи высадились офицеры и солдаты, а вслѣдъ за ними пріѣхалъ и губернаторъ.

Сарафановцы между тѣмъ все косили. «Они почти что не отдыхали, не пили, не ѣли, и дневали, и ночевали на лугу, покинувъ свои смрадныя, темныя избы, гдѣ было такъ трудно, такъ тяжело жить. Они были какъ пьяные отъ работы, отъ сытнаго запаха сочной травы, отъ всего этого богатства, которое, какъ кладъ, долго не давалось въ руки и съ которымъ было связано столько надеждъ и ожиданій. Вся ихъ бѣдная, голодная жизнь какъ будто освѣтилась, и они уже заранѣе высчитывали, поскольку воровъ достанется на дворъ, сколько можно продать, сколько оставить и какія улучшенія сдѣлать въ хозяйствѣ... И вдругъ среди всѣхъ этихъ тайныхъ надеждъ, радостныхъ ожиданій, сложныхъ расчетовъ, надъ лугомъ пронесся отчаянный крикъ:

— Солдаты идутъ!».....
 Опускаемъ занавѣсъ надъ безобразной и страшной сценой избіенія мужиковъ нагайками и сѣченія ихъ розгами. Скажемъ только, что авторъ постарался во всю и

не пожалѣлъ ни усилій, ни красокъ, чтобы сдѣлать эту сцену какъ можно болѣе омерзительной и страшной. Четверыхъ, засѣченныхъ до полусмерти, и пятерыхъ другихъ отвезли прямо въ острогъ, остальные, послѣ строгаго внушенія не бунтовать, были отпущены по домамъ. «Усталый, но довольный губернаторъ, съ пріятнымъ сознаніемъ исполненнаго долга, сѣлъ въ тарантасъ и уѣхалъ къ архимандриту пить чай съ семью сортами наливокъ; за нимъ двинулась и вся его свита: исправникъ, становой, урядники и стражники. Потомъ увели солдатъ, и когда ихъ тяжелый топотъ замеръ за лѣсомъ вмѣстѣ съ обрывками разухабистой пѣсни, которую имъ приказали пѣть, — надъ опустѣвшимъ лугомъ водворилось мертвое молчаніе. На небѣ догорала желтая заря, и было что-то погребальное въ ея тускломъ свѣтѣ, разлитомъ надъ истоптанной равниной, гдѣ вмѣсто душистыхъ цвѣтовъ и травъ теперь валялись только груды измочаленныхъ, окровавленныхъ прутьевъ. Но пришла грустная ночь, загасила зарю и все задернула сумракомъ печали. А тамъ за гумнами, притаившись въ сѣрыхъ потемкахъ, смутно чернѣла Сарафановка и угрюмо молчала».

Изъ оставшихся на свободѣ мужиковъ всѣхъ хуже чувствовалъ себя Лука Заяць, хотя его и не драли. Отъ негодованія, стыда безсильной злобы, жалости и желанія мести онъ цѣлыхъ два дня почти въ бреду проворочался на печкѣ, потомъ, наконецъ, всталъ, вышелъ во дворъ, выдернулъ изъ плетня два кола потолще (другого лѣсу у него не оказалось) и вытесалъ изъ нихъ крестъ. Крестъ этотъ онъ покрылъ сверху двумя тесинками, такъ что получился «храмчикъ», т.-е. крестъ-часовенка, какіе ставятъ на кладбищахъ и на большихъ дорогахъ, гдѣ произошло убійство или разбой. Затѣмъ собралъ со всей деревни ребятъ и вмѣстѣ съ ними отправился на то мѣсто, гдѣ происходила экзекуція. Тамъ онъ выкопалъ яму и поставилъ храмчикъ.

Прошло нѣсколько времени. О. Юліанъ опять сидитъ послѣ обѣда въ саду подъ старой липой, на томъ же

мѣстѣ, гдѣ застала его вѣсть о захватѣ сарафановцами монастырскихъ луговъ, а передъ нимъ стоитъ низенькій, лысый монахъ и съ смиреннымъ видомъ, но почти съ нескрываемаго злорадствомъ докладываетъ ему, что сѣна монастырь этотъ годъ не соберетъ и половины (то потоптано, то растаскано), что мужики грозятъ разнести монастырь въ щепки и «всю братію искоренить», что баба Чека, засѣченная нагайками, умерла, что съ молоденькимъ послушникомъ Ивасикомъ, бывшимъ свидѣтелемъ экзекуціи, сдѣлался родимчикъ и, наконецъ, что на мѣстѣ экзекуціи мужики поставили храмчикъ—на память дѣтямъ и внукамъ. Съ ужасомъ слушаетъ все это о. Юліанъ; ему дѣлается почти дурно... Вдругъ «что-то гулко треснуло, и звякнули всѣ разомъ монастырскіе колокола, какъ на похоронахъ». Въ монастырѣ поднялась тревога. Оказалось—треснула древняя монастырская колокольня.

«Дряхлая и обомшѣлая, какъ прешедшая предѣлъ жизни старица, колокольня осѣла на бокъ, и толстыя балки, на которыхъ висѣли колокола, перекошились. Изъ-подъ самой крыши, по стѣнѣ, покрытой сѣрозелеными язвами и наростами, вилась широкая черная трещина; штукатурка мѣстами осыпалась, и обнаженные кирпичи зіяли, словно кровавыя раны на живомъ тѣлѣ. Холодный ужасъ таился въ нѣдрахъ рассѣлины и глядѣлъ оттуда незрячимъ, темнымъ окомъ. Неясные шорохи еще рѣяли за древними стѣнами, какъ будто тамъ шла какая-то таинственная работа, несущая разрушеніе и гибель.

— Кончилось наше тихое житіе!—слезливо прошептавъ о. Юліанъ, сотрясаясь всѣмъ своимъ дряблымъ тѣломъ.—Грядутъ времена иныя, и будетъ сія земля въ погибель и въ опустѣніе... Вотъ уже оно при дверяхъ,—слышимъ, видимъ и осязаемъ... Приде день великій гнѣва Его, и кто можетъ стати?

Братія испуганно молчала. За стѣнами все еще слышались шорохи и шелесты, шла невидимая работа разрушенія»...

Цѣль разсказа несомнѣнно та, чтобы, по возможности, обѣдлить и оправдать аграрное движеніе и показать, насколько, съ нравственной точки зрѣнія, незаконно и къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводитъ владѣніе землею такихъ учрежденій, какъ монастыри. Чтобы вѣрнѣе достигнуть этой цѣли и усилить желаемое впечатлѣніе, авторъ не остановился ни передъ чѣмъ и пустился даже въ мистицизмъ, столь несвойственный такой реалистичѣ-писательницѣ, какъ г-жа Дмитріева. Наказаніе Божіе явно постигаетъ монастырь, и въ видѣ треснувшей колокольни является явное знаменіе гнѣва Божія, а о. Юліачъ пророчествуетъ на свою голову. Послушникъ Ивасикъ впадаетъ въ истерику. Вообще авторомъ сдѣлано все, чтобы вселить въ читателя жалость и сочувствіе къ мужикамъ и изобразить жадность и звѣрство монаховъ и администраціи. Но авторъ въ своемъ усердіи хватаетъ черезъ край и оттого разсказъ сильно теряетъ въ художественности, и тенденція автора слишкомъ явно выступаетъ наружу. Прежде всего, въ разсказѣ совсѣмъ не выяснено, отчего бѣдны сарафановцы. Не зависѣло ли это въ какомъ-либо отношеніи, хотя бы отчасти, и отъ нихъ самихъ, отъ ихъ непредпріимчивости и т. н. причинъ? Потому, монаховъ разсказъ упрекаетъ въ жадности; но вѣдь многимъ ли лучше ихъ и сарафановцы, которые, не имѣя никакихъ сколько-нибудь ясныхъ и твердыхъ доказательствъ въ принадлежности имъ луговъ, такъ какъ могущаго быть единственно несомнѣннымъ доказательства, плана, у нихъ нѣтъ, тѣмъ не менѣе преисполняются увѣренности, что луга — ихъ собственность, и отправляются косить ихъ, не желая даже вступать ни въ какіе переговоры съ явившимися ихъ уговаривать о. Юліаномъ и становымъ? Въ особенно неестественными являются дѣйствія Шкворнева. Бываетъ, въ дѣйствительности, и бывало нерѣдко, что распространителями среди крестьянъ темныхъ и ложныхъ слуховъ о «землѣ» являются различные бѣглые солдаты; но чтобы умный, грамотный, толко-

ВЫЙ и бывалый унтеръ-офицеръ не зналъ того, что ко-
сить чужіе луга нельзя, что это безнаказанно пройти не
можетъ и непременно должно кончиться катастрофой и
карой для захватчиковъ,—этого представить себѣ нельзя.
Это произошло уже отъ излишняго усердія автора.—
Книжныя, искусственныя, пророческія рѣчи Луки Зайца,
самаго убогаго и невзрачнаго изъ сарафановцевъ,—рѣчи,
обращенныя между прочимъ къ малымъ ребятамъ, кажутся
смѣшными, — до того онѣ неестественны. Слишкомъ пре-
увеличены и надежды и расчеты сарафановцевъ на нѣ-
сколько возовъ сѣна, которые пришлись бы на каждый
дворъ.

Насколько симпатичны въ разсказѣ сарафановцы, на-
столько антипатиченъ губернаторъ, ругающійся площад-
ными словами и бьющій мужиковъ по лицу.

При всемъ томъ, если монастырь дѣйствительно зналъ,
что луга—не его, а принадлежать крестьянамъ, онъ дол-
женъ былъ давнымъ-давно возвратитъ луга имъ, и для
него не можетъ быть въ этомъ никакого оправданія; и
во всякомъ случаѣ монастырь долженъ былъ бы проявить
больше состраданія къ обѣднѣвшимъ и изголодавшимся
крестьянамъ (хотя изъ разсказа же видно, что монастырь
все жѣ оказывалъ нѣкоторую помощь сарафановцамъ).
Но дѣло въ томъ, что обстоятельство это остается въ
разсказѣ совершенно невыясненнымъ. Въ данномъ же слу-
чаѣ—что же оставалось дѣлать монастырю? Дать сарафа-
новцамъ безпрепятственно скосить и убрать траву — это
значило бы навсегда отказаться отъ луговъ. Монастырь
только дѣлаетъ заявленіе ближайшему полицейскому на-
чальству—становому и вмѣстѣ съ нимъ, въ лицѣ о. Юлі-
ана, пытается уговорить сарафановцевъ, но тѣ не обра-
щаютъ на нихъ никакого вниманія и не хотятъ вступать
съ ними ни въ какіе переговоры. Дальнѣйшее все при-
надлежитъ уже самому становому, оскорбленному и воз-
мущенному до глубины души такимъ явнымъ неповино-
веніемъ сарафановцевъ, и губернской администраціи, и

заступничество монастыря за крестьянъ (можетъ быть, оно и было) не принесло бы имъ никакой пользы, такъ какъ на него не обратили бы никакого вниманія.

Монастырь представленъ въ разсказѣ богатымъ, но откуда у него это богатство, изъ разсказа совершенно не видно. Провинціальныя, захолустныя монастыри обыкновенно очень и очень небогаты, если только не обладаютъ какою-либо особо чтимою, привлекающею богомольцевъ, святыней, а чтобы въ Устьинскомъ монастырѣ была такая святыня,—изъ разсказа совсѣмъ не видно.

Еще одна особенность и обычное заблужденіе всѣхъ пишущихъ о духовенствѣ издалека: о. Юліанъ говоритъ по славянски и къ каждому слову приплетаешь тексты. Этого въ дѣйствительности никогда не бываетъ. По этому одному можно уже всегда и безошибочно узнать, что человекъ изображаемой имъ духовной среды въ дѣйствительности не знаетъ и пишетъ не съ натуры. У лучшихъ писателей изъ быта духовенства, происходящихъ притомъ изъ духовной среды, какъ, напр., у Елпатовскаго и нѣкоторыхъ другихъ, этого никогда не бываетъ.

Разсказъ г-жи Дмитріевой интересенъ въ томъ отношеніи, что изображаетъ собою новое, дѣйствительно имѣющее въ послѣднее время мѣсто, хотя и крайне прискорбное, явленіе; но онъ испорченъ слишкомъ явной, несправедливой и потому антихудожественною, тенденціей.

Свящ. Н. Колосовъ.

БЛИЗОСТЬ ПРИХОДА КЪ ЦЕРКВИ¹⁾.

Оставьте дѣтей приходить ко Мнѣ, и не браните ихъ: тацѣхъ бо есть царствіе Божіе. Аминь малому вѣкъ: иже аще не приметъ царствія Божія яко отроча, не имать внити въ не. (Марк. X, 14. 15.).

Радостно привѣтствую васъ, братіе св. храма сего, съ торжествомъ. Исполнились нзши общія благія желанія:

¹⁾ Рѣчь произнесенная по случаю освященія новаго зданія для приходской школы и богадѣльни — при Московской Василіе-Кесарійской церкви, 30 октября 1906 года. Новое обширное зданіе для приходской школы и богадѣльни при Московской Василіе - Кесарійской церкви, сооруженное главнымъ образомъ на пожертвованія прихожанъ, было освящено Высокопреосвященнѣйшимъ Митрополитомъ Владиміромъ 30 октября 1906 года, совершившимъ Божественную литургію въ семь храмѣ. По освященіи зданія, — Владыка Митрополитъ благословилъ отъ себя св. иконою старосту церкви И. Г. Волкова, принимавшаго дѣятельное участіе въ устроеніи зданія, (прихожане также поднесли ему отъ себя св. икону), при чемъ произнесъ глубоко поучительную рѣчь о томъ, какъ важно въ наше тяжелое время православно-русскимъ людямъ быть близкими къ Св. Церкви, а за сямъ удостоилъ выслушать отчетъ о постройкѣ новаго зданія, печатаемую рѣчь и милостиво раздѣлить трапезу устроенную старостою въ залѣ новаго зданія для прихожанъ. Во время трапезы была произнесена рѣчь наблюдателемъ школь г. Москвы, о. архимандритомъ Алипіемъ, о томъ высокомъ значеніи, — какое имѣютъ приходскія школы для нашего русскаго народа. На освященіи новаго зданія присутствовалъ и Градоначальникъ г. Москвы А. Ф. Рейнботъ, чудесно спасенный въ тотъ день отъ злодѣйскаго покушенія на пути въ храмъ Св. Василія Кесарійскаго.

новое зданіе для церковно-приходской школы и богадѣльни, въ коемъ давно уже чувствовалась настоятельная потребность,—сооружено и имѣеть быть нынѣ освящено. Возблагодаримъ милосерднаго Господа за Его вседѣйствующую и всесовершающую помощь въ семъ благомъ дѣлѣ! Да благословить и наградить Самъ Онъ нашего уважаемаго ктитора, благодаря ревности и щедрой жертвѣ котораго оно было начато и совершено со столь желаннымъ успѣхомъ и въ столь короткое время, а равно—и всѣхъ, принесшихъ на сіе сооруженіе большія и малыя жертвы, вложившихъ въ сіе благое дѣло своей безмездный трудъ, усердіе, заботы!

Время нашего дѣтства есть самое дорогое, цѣнное время въ нашей жизни. Въ дѣтствѣ полагается основаніе всему дальнѣйшему развитію и направленію человѣка. Что посеяно въ нѣжную, воспримчивую душу дитяти въ ранніе годы, то остается достояніемъ его на всю послѣдующую жизнь. Посему на воспитаніе въ дѣтскіе годы должно быть обращено особенно заботливое вниманіе. Но не тогда ли воспитаніе приноситъ истинную пользу, когда оно сообразуется съ естественными, природными свойствами дитяти? *Оставьте дѣтей приходити ко Мнѣ и не браните ихъ,*—сказалъ Спаситель. Какъ всякое молодое растение тянется къ солнцу, такъ и душа дитяти, возрожденная благодатию Христа во св. Таинствѣ Крещенія, естественно влечется къ Нему Своему Возсоздателю: посмотрите, какая живая любовь свѣтится во взорахъ дитяти, обращенныхъ къ пречистому лику Спасителя, съ какимъ вниманіемъ прислушивается оно къ тому, что родители говорятъ ему о Христѣ, съ какою радостію стремится за ними въ храмъ Божій, гдѣ Христосъ обитаетъ! Отсюда долгъ родителей и воспитателей не состоитъ ли главнымъ образомъ въ томъ, чтобы всячески содѣйствовать дѣтямъ приближаться къ Спасителю, укрѣплять и развивать въ нихъ чувства любви и благоговѣнія къ Нему и тѣ дѣтскія свойства чистоты и незлобія, которыя дѣлають ихъ достойными

царствія Божія? Но наше современное воспитаніе руководствуется ли этою главною цѣлю воспитанія—внѣдрить въ воспримчивыя души дѣтей любовь ко всему святому и божественному? Не болѣе ли стремится оно къ обогащенію ихъ разными полезными познаніями, чѣмъ къ укрѣпленію въ нихъ добрыхъ навыковъ и качествъ? Слѣдуетъ ли послѣ того удивляться, что наша молодежь не имѣетъ нравственныхъ устоевъ, отрицаетъ все святое и дорогое для человѣка, отказывается повиноваться старшимъ,—когда наше воспитаніе въ семьѣ и школѣ, будучи обращено къ другимъ цѣлямъ, тѣмъ самымъ препятствуетъ дѣтямъ возрастать въ любви ко Христу и познаніи Святой Его воли?

Но есть въ нашемъ отечествѣ школа, просвѣщеніе дѣтей свѣтомъ вѣры Христовой полагающая въ основу всего дѣла обученія и воспитанія. Это школа церковная, находящаяся подъ сѣнію св. Церкви и подъ руководствомъ служителей алтаря Господня. Въ этомъ ея сила и преимущество. Призваніе ея высоко и священно; она должна готовить въ лицѣ дѣтей будущихъ сыновъ неба и наслѣдниковъ райскихъ обитателей, одѣлать изъ нихъ послушныхъ чадъ Церкви Православной, честныхъ, вѣрныхъ помазаннику Божію, гражданъ, усердныхъ труженниковъ, выше всего ставящихъ Законъ Божій и требованія долга и совѣсти. Церковная школа это родная наша школа, близкая русскому сердцу: начало ея положено еще тогда, когда на Руси появилось христіанство — послѣ принятія нашими предками св. Крещенія при равноапостольномъ князѣ Владимірѣ. При содѣйствіи этихъ школъ насаждено просвѣщеніе въ нашемъ отечествѣ; онѣ воспитали многочисленныхъ любителей духовной письменности, цѣлыя бібліотеки наполнившихъ рукописями священныхъ и нравоучительныхъ книгъ. Нашъ православный русскій народъ, въ дѣтской простотѣ своего сердца любящій Христа и преданный святой Его Церкви, — издавна привыкъ къ такой школѣ и полюбилъ ее. Когда во второй половинѣ

прошедшаго столѣтія, подъ вліяніемъ нерусскихъ вѣяній, школьное обученіе приняло болѣе свѣтское направленіе, народъ былъ недоволенъ и искалъ родной ему школы. И вотъ незабвенный Царь Миротворецъ въ 1889 году воззвалъ къ новой жизни эту изгнанную было, но любимую народомъ, церковную школу... Не должна ли по всему этому школа церковная и теперь пользоваться нашимъ всеобщимъ вниманіемъ и сочувствіемъ?

Но вотъ въ послѣднее время появились среди насъ люди, отторгшіеся отъ вѣры и Церкви, желающіе и нашъ христіанскій православный русскій народъ отвлечь отъ послушанія Христовой Церкви. Съ этою цѣлю они устно и въ печати стали повсюду распространять укоризненные, злобныя клеветы на церковную школу, дѣлая ее тѣмъ участницею въ крестѣ божественнаго основанія вѣры нашей. Все, носящее на себѣ отпечатокъ церковности, возбуждаетъ ихъ ненависть, они желали бы поколебать всѣ исконныя устои нашей общественной и государственной жизни, покоящіяся на единеніи съ Церковію,—благо-состояніе же народное думали бы основать не на началахъ вѣры и любви христіанской, взаимообщенія и благо-творенія, а на насильственномъ отнятій чужой собственности...

И сколь печальными послѣдствіями сопровождаются всѣ эти старанія враговъ вѣры и Церкви! Что мы видимъ нынѣ? Среди многихъ сыновъ нашего православнаго отечества усердіе къ вѣрѣ и Церкви, преданность власти предержавшей, замѣтно уменьшаются, благочестіе падаетъ, пороки усиливаются. Взаимная любовь между христіанами оскудѣла настолько, что не только оскорбить ближняго словомъ, но и нанести вредъ его благосостоянію и даже лишить его жизни—стало явленіемъ довольно обычнымъ въ наши дни... Въ чемъ же искать намъ, выхода изъ столь печальнаго и опаснаго состоянія какъ не въ возвращеніи на путь вѣры и близости ко св. Церкви, въ усиленіи религіознаго просвѣщенія въ народъ? Только одна вѣра Христова, возгрѣвающая въ сердцахъ нашихъ

чувства любви и милосердія, можетъ служить краеугольнымъ камнемъ и нашего вѣшняго благосостоянія,—желаемаго нами обновленія и улучшенія нашей жизни, ибо *безъ Мене*, сказалъ Спаситель, *не можете творити нечесоже* (Іоан. XV, 5.). Только воспитаніе дѣтей народа въ духѣ православія можетъ подготовить въ лицѣ ихъ истинныхъ сыновъ нашей родины, нелицемѣрно ее любящихъ, радѣющихъ съ усердіемъ о ея благѣ, — которые будутъ ясно сознавать, что цѣль нашего существованія не ограничивается нашею здѣшнею земною жизнію, но простирается и за ея предѣлы, и которые посему будутъ заботиться не о вѣшнемъ только матеріальномъ своемъ благосостояніи, но будутъ жить и трудиться для Бога, для неба и вѣчности.

Вотъ почему если когда, то нынѣ, въ нами переживаемое время, особенно цѣнны и благопотребны старанія православныхъ русскихъ людей объ усиленіи и расширеніи дѣла церковно-приходскаго просвѣщенія и благотворенія. Всѣми этими заботами не только полагается начало оживленію приходскаго взаимообщенія, но и создается общее наше благо народное. Приходъ есть малая часть нашей Православной Россіи,—какъ бы сѣмя, изъ котораго возрастаетъ и развивается ея обширное древо: но если сѣмя жизненно и плодоносно, то и все возрастающее изъ него древо крѣпко и способно къ плодотворенію.

Благодареніе Господу! Любовь ко Христу и Его св. Церкви жива въ нашемъ православномъ народѣ и никакимъ усиліямъ враговъ вѣры, препятствующихъ раскрытію этой любви, не заглушить ея. Крѣпка эта святая любовь и въ нашемъ здѣшнемъ православно-русскомъ приходѣ. Показателемъ ея служитъ нашъ благоустроенный и благолѣпный храмъ, многолюдство и усердіе молящихся въ немъ, наконецъ въ послѣднее время—усердіе въ созиданіи подъ сѣнію его новаго приходскаго дома. Еще прежній нашъ церковный староста, нынѣ покойный Авраамій Васильевичъ Пыховъ, былъ озабоченъ необходимостію устроенія сего дома; предназначенная имъ на сіе дѣло,

собранныя значительная (18 тыс. руб.) церковная сумма послужила основаніемъ новаго сооруженія. Да даруетъ Господь миръ душѣ его и оставленіе согрѣшеній за эти заботы о нуждахъ прихода! И теперь, какъ только, по ревностному почину нашего церковнаго ктитора, послѣ молебствія въ храмѣ, было сдѣлано воззваніе къ приходу, полились на сіе благое дѣло щедрыя жертвы: благодаря главнымъ образомъ ямъ мы и имѣемъ теперь при храмѣ благоустроенное, обширное, свѣтлое помѣщеніе для школы, религиозно нравственныхъ бесѣдъ для народа, воскреснаго чтенія и приходскихъ собраний, — кромѣ просторной и удобной палаты для богадѣльни, равное которому едва ли найдется теперь въ нашей первопрестольной столицѣ.

«Подъ кровъ св. Церкви спѣшите православные русскіе люди!» какъ бы говорите вы, братіе, своимъ примѣрнымъ усердіемъ въ созиданіи новаго приходскаго дома. «Въ единеніи съ Церковію—наша сила и оплотъ противъ современныхъ золь и нестроений. Она—живой источникъ благодати възгрѣвающей въ насъ любовь Божию; она—хранительница вѣчной истины, указующей намъ вѣрный путь жизни. Всѣмъ намъ нужно посему какъ можно ближе стать къ своему приходскому храму, стараться принимать наиболѣе живое участіе въ нашихъ приходскихъ церковныхъ дѣлахъ. Тако, скажемъ словами св. Апостола: *подобаетъ вамъ въ дому Божіи жити, яже есть Церковь Бога жива, столпъ и утвержденіе истины* (1 Тимое. III, 15.).

Да неослабѣваетъ и впредь, но да возрастаетъ и укрѣпляется въ насъ эта любовь ко Христу и близость, усердіе ко св. его Церкви, и да даруетъ Господь намъ увидѣть новые благіе плоды этой любви и усердія. Новосозданный при нашемъ храмѣ домъ да послужитъ средствомъ обновленія и оживленія не только въ дѣтяхъ, но и во всѣхъ насъ духа вѣры, и да будетъ онъ для насъ тихимъ свѣтильникомъ, согрѣвающимъ сердца наши сочувствіемъ ко всему доброму и полезному, и распространяющимъ среди насъ животворный свѣтъ Христовъ, миръ и отраду.

Священникъ Арсеній Разумихинъ.

Мое путешествіе во внутренность Кавказскихъ горъ.

Разсказъ пустытника.

Иногда возымѣлъ желаніе войти въ глубочайшія мѣста Кавказскихъ горъ и найти мѣсто безмолвнѣйшее, вполнѣ удаленное, гдѣ бы никогда не бывала нога человѣческая,—такое, чтобы вполнѣ могло соотвѣтствовать требованіямъ пустынно-безмолвной жизни. И было мнѣ извѣстно, что такового мѣста нигдѣ нельзя найти въ здѣшнемъ краѣ, кромѣ какъ въ хребтахъ Карталинскаго перевала, который нѣкогда приходилось мнѣ переходить, когда мы уходили изъ Черноморской губерніи въ Кубанскую область, по причинамъ, кои вѣдаетъ Господь, и объявлять кои, пожалуй, будетъ непристойно, потому что по необходимости придется войти въ грѣхъ осужденія многихъ. А потому лучшимъ будетъ, когда исполнимъ слово Священнаго Писанія: да не возглаголють уста наша дѣлъ человеческихъ.

Взявши что было нужно на дорогу, пошелъ я въ сію страшную, необитаемую страну.

Нѣсколько дней шелъ дорогою, которая идетъ на этотъ переваль; но, подходя къ нему, поворотилъ направо и необычно суровая мѣстность приняла меня въ нѣдра свои. Она прежде всего поразила меня своею совершенною безлюдностію, такъ что здѣсь уже нѣтъ и слѣда жительства человѣческаго. Страна по своему недружелюбная. Растительность тощая, лѣсъ по преимуществу хвойный, и мѣстами дерева чрезвычайнаго размѣра и въ вышину и

толщину; овраги, пропасти, ущелья. Иногда нужно было пролѣзть между скалъ и каменныхъ разсѣлинъ съ немовѣрнымъ усиліемъ, а индѣ съ опасностію упасть въ пропасть по причинѣ обрывовъ.

Нѣсколько дней пробылъ въ сей странѣ, удивляясь и разнообразію и чудному расположенію скалъ, утесовъ и холмовъ.

Мѣстность поражала обширностію и великимъ протяженіемъ и была вся наполнена чрезвычайнымъ разнообразіемъ видимаго.

Предъ входомъ въ великое и страшное ущелье стояли, какъ неусыпаемые стражи, два высочайшихъ горныхъ шпиля, какъ бы возбранявшіе своимъ грознымъ видомъ вступить мнѣ въ сію юдоль плача и долину смерти. Взглянувъ на низъ въ пропасть, я поразился ужаснымъ страхомъ: она напоминала бездну адову, не имѣющую предѣла ни въ глубину, ни въ ширину. Оградивши себя крестнымъ знаменіемъ и призвавши въ помощь себя всемогущее заступленіе Преподобной Богоматери, я началъ спускаться — круто и стремнинно; самое дно пропасти, за дальностію, никакъ не было видно, даже не слышно было и шума текущей въ глубинѣ рѣчки. Почти цѣлый день спускался на низъ, руками опираясь о землю, а ноги простирая впередъ, двигался на спинѣ. Видѣлъ много звѣриныхъ логовищъ, слышалъ ревъ звѣрей, когда они замѣтивши человѣка отъ страха бѣгутъ, кидаясь стремглавъ въ пропасти разсѣлинъ горъ. Увидѣвши сіе возскорбѣлъ я сердцемъ своимъ и сказалъ самъ себѣ: окаянень я человѣкъ. Будучи созданъ царемъ и владыкою, являюсь нынѣ какъ врагъ Божіей твари и мучитель! Ношу на себѣ образъ Божій и есмь какъ бы намѣстникъ Божій на землѣ, но превратился въ страхъ и ужасъ для твари. Увы, какое извращеніе порядка причинилъ грѣхъ человѣку!..

Почти около полудня спустился на самый низъ пропасти и сѣлъ на камень, по правую сторону текущей

рѣчки. Обозрѣлся кругомъ, и былъ объять чувствомъ унынія и безнадежія, ради совершенной безжизненности мѣста: ни кусточка, ни травы, ни цвѣточка. Стѣрыя скалы, сурово нависнувши надъ рѣкою, глядѣли угрюмо и обдавали меня мертвящимъ холодомъ, который производилъ въ членахъ моихъ оцѣпененіе. И мнилось мнѣ, что я нахожусь въ преисподнихъ ада, въ самой утробѣ земли. Никогда замѣтно не бываетъ здѣсь луча солнечнаго, а потому и нѣтъ признака никакой жизни. Ни мошки, ни комара, ни малаго жучка: царить полная смерть. Но и здѣсь, въ безднахъ адовыхъ, вспомнилъ я, по божественному Давиду, Бога и возвеселился. И здѣсь припомнилась мнѣ его священная пѣснь: «камо пойду отъ Духа Твоего и отъ лица Твоего камо бѣжу; аще сниду во адъ Ты тамо еси» (Псал. 138, 7—11) и другая: «аще пойду посредѣ сѣни смертныхъ не убоюся зла, яко Ты со мною еси»... (Псал. 22) И какъ пророкъ Іона изъ чрева китова возопилъ я всѣмъ сердцемъ моимъ о помилованіи, чтобы извелъ меня Господь изъ сего чрева адова снова на свѣтъ Божій, и молитва моя не осталась тщетною: началъ по малу возводиться къ надеждѣ избавленія. Посидѣвши здѣсь довольно и отдохнувши, сталъ смотрѣть, въ которую сторону лучше идти. Видѣлось, что нужно было идти внизъ по теченію рѣчки. Пошелъ. Смотрю же удобнаго мѣста, чтобы вылѣзть на вершины горъ. И когда увидѣлъ удобную лоцинку началъ подниматься. Къ вечеру достигъ довольно возвышеннаго мѣста и расположился ночевать на прекрасной равнинкѣ, покрытой зеленью и цвѣтами и орошаемой источникомъ воды. Мѣсто необыкновенно красивое, и ночь была восхитительно прекрасная: глубокая темнота покрывала всю страну и уравнила въ безразличное состояніе всѣ неровности (горы, холмы, пропасти); и что днемъ видѣлось, какъ волнующаяся поверхность моря, изрытая пропастями, холмами и оврагами, теперь все это, закрытое мракомъ, являло одинъ видъ. Мертвая повсюду тишина нарушалась плачевнымъ крикомъ тоскующей птицы

(совы), которая, какъ лучше нельзя, согласуя душевному настроенію пустынника, вмѣстѣ съ нимъ плачетъ о лишеніи великаго блага. Но сія безсознательно слѣдуя общему закону всей твари, повинувшейся суетѣ неволею, сѣтуетъ и плачетъ въ ожиданіи дондеже свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ, а этотъ разумно скорбитъ, сѣтуетъ и плачетъ о лишеніи небеснаго блаженства, что расточившій отцовское наслѣдіе, изгнанъ отъ наслѣдія святыхъ—на страну далече, и даже доселѣ во юдоли плачевной, питаюсь рождами свиней и прахомъ земли, бѣдственно и злѣ проводитъ житіе свое, внѣ отческаго дома.

Мои впечатлѣнія и чувства, при зрѣніи на небо въ темную ночь.

Съ пустынной горы Кавказскаго хребта.

Во всю свою жизнь никогда и ни чѣмъ я такъ не поражался, никакое явленіе въ природѣ и ничто изъ нея видимыхъ вещей не пораждало во мнѣ столько многочисленныхъ и глубокихъ мыслей и не возвышало стремленій моего сердца къ Творцу природы, какъ то, чтобы въ темную ночь, при невозмутимой повсюду тишинѣ, смотрѣть на небо, усыпанное несмѣтными звѣздами. Производимое симъ видомъ чувство есть свойства безграничнаго, какъ и зримыя небеса. Смотря въ недоступную даль небесъ, видитъ человекъ, что въ необъятныхъ высотахъ воздушнаго пространства идетъ шествіе славы Божіей тихо и величественно, но однакоже вразумительно и внушительно; и слышатся небесно дивныя гимны въ честь и славу Божественной и велелѣпной славы всемогущаго Бога, но не этимъ чувственнымъ слухомъ, а слухомъ сердца, коему доступенъ бываетъ духовный міръ, когда оно, освободившись отъ впечатлѣній міра сего, дѣлается способнымъ къ воспріятію впечатлѣній горняго міра. Во-

истину можно сказать, что ничего нѣтъ подобнаго во всей видимой природѣ дивному сему и прелестивѣйшему зрѣлищу!..

И видится, какъ будто бы здѣсь въ небесахъ Господь особенно внятно явилъ славу творчества Своего, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь во всей природѣ видимую во всѣхъ концахъ земли.

Правда, и море покоясь въ нѣдрахъ своихъ, поражаетъ могуществомъ сокрытыхъ въ немъ силъ, необъятнымъ протяженіемъ и множествомъ водяной стихіи. Восходъ и заходъ солнца въ тихій часъ утра и вечера тоже восхищаютъ душу въ пренебесный міръ — къ незаходимому солнцу правды. Семицвѣтная радуга, положенная въ облакахъ Создателемъ, въ показаніе того, что уже никогда не будетъ всемірнаго потопа, хотя не имѣетъ существенности, но имѣетъ видъ прекрасный и очаровательный; и напоминаетъ о страшно великомъ бѣдствіи, которому подвергся первобытный міръ за грѣхи отъ Бога. И шумящая на горѣ дубрава, и вѣтромъ волнуемая нива, и все вообще твореніе Божіе, въ духовномъ разумѣ зримое, явственно показываетъ слѣды Божіи, Его невидимое присноусущество, вѣчную славу и неисповѣдимыя совершенства.

Но все это не такъ поразительно и внушительно, какъ небеса, коихъ вѣщаніе исходитъ во всю землю и глаголы ихъ во всѣ концы вселенныя (Псал. 18, 1). Иная звѣзда, какъ бы преимуществуя надъ другими, горитъ полнымъ и обильнымъ свѣтомъ, явственно превосходя прочія небесныя свѣтила полнотою свѣта; въ другой горитъ переливный свѣтъ, подобно текущей рѣкѣ, а въ иной видѣтъ дрежащій свѣтъ, будто боязливо внутри себя движущійся. Многія звѣзды за дальностію едва видны. Онѣ не болѣе какъ малѣйшія свѣтлыя точки. Только замѣтно, что отъ ярко горящихъ звѣздъ находятся на неизмѣримой высотѣ. Но всѣ онѣ, зажженные рукою Вседержителя, радостно, усердно и непрерывно творятъ свою всемогущую службу въ честь и славу неисповѣдимаго Божія совершенства.

Дѣйствительно, нѣтъ возможности и нельзя найти словъ къ точному выраженію того впечатлѣнія и тѣхъ чувствъ, коими объемлется наша душа при видѣ сего торжественнаго, великолѣпнаго и ни съ чѣмъ несравнимаго зрѣлища!..

Прежде всего замѣчаемъ, что все наше духовное существо объемлется глубокимъ чувствомъ благоговѣнія къ Создателю своему, Котораго грозное всемогущество, безпредѣльная сила, власть и ни съ чѣмъ несравнимая слава такъ очевидно созерцаются въ небесныхъ высотахъ. Потому сердце наше поражается страхомъ отъ сознанія Божескаго величія и Его безпредѣльной власти и силы. Вся гордость наша смиряется, и человѣкъ, хотя бы и не хотѣлъ, но невольно сознаетъ все свое конечное убожество, нищету и полное ничтожество въ виду необъятной славы, величія и Божескаго всемогущества.

Но при всемъ томъ, по сродству своего духа съ Божественнымъ, влечемся мы туда, внутренно слыша духовнымъ инстинктомъ сердца, что тамъ наша вѣчная жизнь, тамъ всѣ святые угодники Божіи — старшіе по Христу братья наши. Тамъ престолъ Вседержителя, окруженный непреступною славою, предъ которымъ смѣжаются очи пламенные Херувимы и Серафимы, и 24 старца полагаютъ вѣнцы свои, говоря: «достоинъ Ты Господи пріяти славу и честь и силу, ибо Ты сотворилъ все» (Апокал. 4, 11). Тамъ Препоблагословенная Владычица Богородица, Матерь Христа Бога нашего ходатайствуетъ о нашемъ вѣчномъ спасеніи предъ Сыномъ Своимъ и Богомъ нашимъ. Тамъ ангелы вопіютъ непрестаннымъ гласомъ: «Святъ, Святъ Господь Богъ Саваоѣ, полны суть небеса и земля славы Твоя!..»

Тамъ міръ небесный и блаженная жизнь, гдѣ нѣтъ скорби и болѣзни и печалей, коими наполнена наша земная жизнь. Тамъ свѣтъ лица Божія наполняетъ всѣхъ небожителей потоками небеснаго радованія, тамъ на водахъ упокоенія пребываютъ всѣ благочестно пожившіе и

въ вѣрѣ во Христа скончавшіеся отцы наши и братья. Тамъ упокоеніе всѣмъ потрудившимся за правду въ животъ семъ! И нашъ духъ влечется туда всею своею природою, ибо отъ Бога исшелъ и къ Нему хочетъ возвратиться, Иже и даде его.

Но вотъ намъ желалось бы узнать, что являютъ собою сіи свѣтящіеся на небѣ безчисленные міры!.. Есть ли тамъ жизнь, или они мертвы въ существѣ своемъ? И это сокрыто отъ насъ земнородныхъ. Гадательно судимъ, что должна быть всенепремѣнно и тамъ полная жизнь и конечно лучшая, чѣмъ наша на землѣ. Ибо говорится, и мы вѣруемъ, что Богъ есть Творецъ безчисленныхъ міровъ; а извѣстно, что слово міръ понимается не какъ мертвое вещество, а какъ совокупность живыхъ существъ, одаренныхъ разнообразіемъ жизненныхъ способностей во славу Всезидателя Бога, вся премудростію сотворшаго. Да и кромѣ того, нельзя придумать разумной причины, по которой бы нужно быть такому безчисленному множеству мертвыхъ міровъ. Если все сотворено для славы Божіей, то написано: «не мертвіи восхвалятъ Тя Господи, но мы живіи». Только нельзя знать, какая именно тамъ жизнь; потому что никому изъ живущихъ на землѣ не благоволилъ Господь открыть сего. Не это ли суть тѣ обители многи въ домѣ Отца небеснаго, о коихъ возвѣстилъ намъ Спаситель нашъ во святомъ Своемъ Евангеліи?

Приходятъ здѣсь на мысль слова святаго апостола Павла, показующіе различіе будущаго блаженства: «ина слава солнцу, ина слава лунѣ, ина слава звѣздамъ; звѣзда бо отъ звѣзды разиствуеть во славѣ. Такожде и въ воскресеніи мертвыхъ» (1 посл. Кор. 15, 41).

Итакъ, видя Божественное величіе, въ небесахъ явленное, земный зритель исполняется страхомъ и трепетомъ повергается въ прахъ предъ неисповѣдимыми совершенствами Божіими и мнитъ себя быть землею и пепломъ. Правда, хотѣлось бы принять участіе въ безмолвныхъ гимнахъ Божественнаго пѣснопѣнія, войти своимъ грѣш-

нымъ существомъ въ среду шествія свѣтозарныхъ пѣвцовъ славы Божіей. Но увы насколько оказываешься малъ и недостаточенъ къ таковому предпріятію, какъ червякъ противу всесильнаго и грознаго всемогущества Божія.

Проснувшись утромъ, пробылъ здѣсь не малое время, будучи исполненъ необычныхъ и святыхъ чувствъ отъ великолѣпнаго зрѣлища, принявши слухомъ сердца таинственное вѣщаніе, какъ ночь ноци возвѣщаетъ разумъ (Псал. 18, 3). Потомъ началъ восходить на горную высоту, которая показывалась высоко надъ головою, какъ бы наравнѣ съ облаками. Долго боролся и превозмогалъ великій трудъ подъема; каждый шагъ былъ чувствителенъ и отзывался потрясеніемъ во всемъ тѣлѣ, какъ знаютъ это всѣ тѣ, кои бываютъ въ таковомъ упражненіи. Но наконецъ достигъ вершины шпиля и снова увидѣлъ себя превознесеннымъ надъ всею землею. Обходя же прекрасную равнинную площадку горнаго шпиля, я нашель источникъ воды, бьющій фонтаномъ изъ-подъ камня, потомъ потокомъ протекающій небольшое пространство и низвергающійся въ пропасть.

Еще идя далѣе, внезапно былъ пораженъ ужасомъ и страхомъ и вся кости моя затрепеташа отъ необычнаго зрѣлища... Удивленному взору моему представился обнаженный скелетъ мертвеца, благочинно лежащій подъ сѣнію громаднѣйшей сосны. Увидѣвши сіе, я палъ на колѣни и сотворилъ усердную молитву ко Господу Іисусу Христу, о упокоеніи усопшаго раба Божія, имя коего Ему единому вѣдомо; и не только имя, но и всѣ его дѣла, цѣль и намѣренія, и чесо ради здѣсь онъ окончилъ свой временный животъ. Скончавъ молитву, обратился я къ лежащему мертвецу. Конечно, подумалъ я, это нѣкто другой, какъ одинъ изъ пустынниковъ, который, бывъ томимъ жаждою любви ко Господу Іисусу Христу, обрѣлъ это уединеннѣйшее, всецѣло удаленное отъ міра мѣсто. И здѣсь совершенно свободный отъ всѣхъ попеченій мірскихъ, не

связанный заботами вѣка сего и его обычною суетою, въ мирѣ и покоѣ предалъ духъ свой Господу Іисусу Христу, ради любви Котораго пришелъ въ сію суровую страну.

Блаженъ еси ты брате, сказалъ я въ сердцѣ своемъ, честна кончина твоя, и жребій твой со святыми; благополучно исшелъ ты изъ суетнаго міра и обрѣлъ себѣ блаженный покой и невозмутимую тишину на горной возвышенности!.. Воистину блаженъ путь, въ онѣже отшелъ еси брате, яко уготовася тебѣ мѣсто покоя. Да будетъ въ мирѣ покой твой! Спи до радостнаго утра всеобщаго воскресенія!..

Утромъ выкопавши могилу, закопалъ кости усопшаго, сотворивши по силамъ своимъ надгробное пѣніе.

И жилъ я на семь уединенномъ и возвышенномъ курганѣ двѣ недѣли, наслаждаясь полнымъ безмолвіемъ, молитвою и зрѣніемъ славы Божіей, явленной въ природѣ, которая воистину есть зеркало всемогущества Божія и величественный органъ, немолчно воспѣвающій безконечныя совершенства Божія. Конечно, только нужно съ нашей стороны постараться о томъ, чтобы раскрыть въ своей душѣ внутренней слухъ сердца, коему бываетъ слышна величественная гармонія міроздавія Божія.

Пустынникъ В. Кириллукъ.

Экскурсія студентовъ Московской Духовной Академіи на Ближній Востокъ¹⁾.

5 іюня.

Троицынъ день. Часовъ около 10 отслуженъ былъ молебенъ. Пѣли многолѣтіе—«Кораблю сему многая лѣта». Праздничнаго настроенія нѣтъ. Невольно вспоминаешь домашнюю обстановку во время этого праздника... Наблюдаемъ дельфиновъ. Морской воздухъ дѣйствуетъ на здоровье очень хорошо, потому что съ моря не можетъ быть вредныхъ испареній, и воздухъ не зараженъ міазмами.

На пароходъ встрѣчаются представители довольно разнообразныхъ національностей — русскіе, армяне, греки, евреи, французы, нѣмцы. Досадно, что мы съ ними не можемъ имѣть никакого общенія.

Видѣются берега Босфора. Море перемѣнило черноватый цвѣтъ на синій. Публика идетъ на носъ смотрѣть видящійся берегъ, покрытый дымкой. На морѣ разстояніе очень скрадывается. Думаете, что сейчасъ будемъ въ Босфоръ; не тутъ-то было: приходится долго ждать. Наконецъ, мы въ Босфоръ. Липезрѣемъ европейскій и азіатскій берега. При входѣ въ Босфоръ, на азіатскомъ берегу находится турецкая крѣпость. Пароходъ идетъ самымъ тихимъ ходомъ, команда дожидается разрѣшенія на пропускъ парохода, въ противномъ случаѣ ему грозитъ опасность отъ крѣпости. Босфоръ — это одно изъ лучшихъ

мѣсть на земномъ шарѣ, здѣсь находятся дачи высокопоставленныхъ лицъ и богачей. Между прочимъ мы видѣли дачу нашего русскаго посла Зиновьева. Дачные дома имѣютъ очень красивый видъ, съ парохода кажется, что всѣ они стоятъ у самой воды. Любуясь видами Босфора, мы незамѣтно для самихъ себя вошли въ Золотой Рогъ. Нашему зрѣнію открываются прекрасные виды Константинополя. Услужливый грекъ помогаетъ намъ ориентироваться. Намъ показываютъ Стамбуль, Скутари, Галату. Видали Константинополь произвелъ на меня, впечатлѣніе большой кучи сѣрыхъ кирпичей, расположенныхъ очень красиво. Пароходъ остановился. Насъ встрѣтили монахи Константинопольскаго Пантелеймоновскаго подворья. Съ парохода сошли въ лодки и побѣжали къ таможенѣ. Таможня представляетъ убогій сарай, гдѣ турецкіе чиновники осматривали наши паспорта и штемпелевали вещи. Чтобы особенно не придирались таможенные чиновники, мы дали имъ 15 руб. (бакшишъ). Они были очень обрадованы добродетельнымъ даяніемъ и прекратили осмотръ нашихъ вещей. У таможни намъ пришлось порядочно постоять, потому что мы не знали, какъ переправить наши вещи на Пантелеймоновское подворье. Мы спрашиваемъ извозчиковъ, коихъ съ огнемъ не найдешь около таможни. Монахи рекомендуютъ нанять хамаловъ для переноски нашего багажа, но они просятъ очень дорого. Кстати слова два о хамалахъ. Они поднимаютъ тяжести въ 10 и болѣе пудовъ и переносятъ ихъ на довольно большемъ разстояніи. Только что мы вышли изъ таможни, услужливые Турки торговцы предлагаютъ намъ всякую всячину—лакомства, украшенія, свой трудъ и проч. Ихъ назойливости, кажется, нѣтъ границъ. Мнѣ все казалось страннымъ, какъ будто бы я попалъ въ сказочный міръ. Прежде всего обращаешь вниманіе на крикъ, шумъ гамъ окружающихъ турокъ. Немножко становится жутко, думаешь, какъ бы чего худого не было, но потомъ привыкаешь и не обращаешь на оглушительные крики никакого вниманія. Всѣ

турки въ красныхъ фескахъ. Это головное украшеніе къ нимъ очень идетъ. Немного прошлись по набережной, а потомъ свернули какъ бы въ узенькій тѣсный переулокъ, по которому ни въ какомъ случаѣ нельзя проѣхать въ экипажѣ. Вездѣ грязь, вонь, собаки. Собаки производятъ очень непріятное впечатлѣніе своимъ приниженнымъ видомъ. Каждая улица въ Константинополь имѣетъ своихъ собакъ. Если собаки по ошибкѣ перейдутъ на другую улицу, начинается драка. Турки относятся къ собакамъ съ большимъ уваженіемъ. Одна легенда говорить, что собаки когда-то избавили турокъ отъ голода. Собаки же въ потустороннемъ мірѣ помогутъ перейти имъ изъ мѣста мученія въ мѣсто покоя, радости, блаженства.

Въ Пантелеймоновскомъ подворьѣ мы устроились хорошо. Наскоро пообедавши и напившись чаю, мы поспѣшили на плоскую крышу. Отсюда мы наблюдали то, что было доступно нашему зрѣнію. Во первыхъ, мы обратили вниманіе на гречанокъ, находящихся на противоположныхъ крышахъ. Одинъ изъ товарищей увидѣлъ нашъ пароходъ «Королева Ольга». По нашей улицѣ безпрестанно ходитъ шарманщикъ. Наступаетъ ночь сразу около 7-ми часовъ. Воочію пришлось убѣдиться, что на востокѣ ночь начинается рано. Въ Константинополь да и вообще во всѣхъ восточныхъ городахъ жизнь начинается съ наступленіемъ ночи, а днемъ она замираетъ. Начинается веселье, не похожее на наше. Созерцая это веселье, самъ невольно участвуешь въ немъ. Въ сосѣднемъ кафе шантанѣ греки пѣвцы и музыканты поютъ и играютъ. Мы были очень удивлены, когда услышали наши русскія пѣсни: Ахъ ты, берега,.. Зачѣмъ ты безумная любишь... Музыка очень однообразна, скоро надоѣдаетъ. Но видъ Константинополя ночью, это восторгъ. Волшебница луна своимъ свѣтомъ освѣщаетъ большую дорогу Золотого Рога. Весь Золотой Рогъ и городъ въ огняхъ, которые отъ темноты ночи производятъ впечатлѣніе мерцающихъ звѣздъ. Послушники подворья знакомили насъ съ городомъ и его

обитателями, они много говорили намъ о туркахъ и грекахъ. «Турки народъ честный, хорошій», рекомендовали послушники, «они съ большимъ уваженіемъ относятся къ духовнымъ особамъ всѣхъ вѣроисповѣданій». Мы долго смѣялись, когда намъ сообщили, что турки духовное лицо называютъ «ерундой». Что касается грековъ, то они народъ недоброжелательный, они ликуютъ по поводу нашихъ неудачъ въ войнѣ съ Японцами. Въ грекахъ пришлось разочароваться. Я почему то раньше къ грекамъ относился съ уваженіемъ; но рекомендація послушниковъ и нашего лѣтописца—Греци льстиви даже до сего дня меня—убѣдила что греки народъ нечестивый.

6 іюня.

Духовъ день. Преосвященный и многіе изъ экскурсантовъ направились по узкимъ грязнымъ улицамъ Константинополя въ Троицкій храмъ, гдѣ служилъ греческій патріархъ Іоакимъ. Пришли къ самому концу службы, когда уже патріархъ раздавалъ молящимся антидоръ. Патріархъ произвелъ на меня очень пріятное впечатлѣніе. Всѣ мы къ нему подходили подъ благословеніе. Нашъ ректоръ передалъ намъ, что его блаженство приглашаетъ насъ къ себѣ. Въ храмъ чуть было не вынули изъ кармановъ студентовъ деньги, но руки воровъ были пойманы, такъ что все обошлось благополучно. Изъ храма пошли на Галатскую башню, чтобы съ высоты ея полюбоваться Константинопольскими видами. За входъ съ насъ взяли по череку (40 коп.). Съ башни осматривали храмъ св. Софій, мечети съ ихъ минаретами, фанару (патріархія). Видъ Константинополя производитъ впечатлѣніе обгорѣвшаго города. Дома кажутся съ башни маленькими, игрушечными. Крыши по восточному обычаю плоскія, можно на нихъ прогуливаться и любоваться видами города. Возвращаясь домой на Пантелеймоновское подворье, мы замѣтили, какъ нѣкоторые турки показывали пальцами на одного участника, нашей экскурсіи, который былъ въ русской рубашкѣ. Ока-

зывается, здѣсь считается неприличнымъ ходить въ одной рубашкѣ безъ манишки и галстука. Придя на подворье, я сталъ дѣлиться впечатлѣніями о Константинополѣ съ монахомъ, который съ большимъ удовольствіемъ рассказывалъ мнѣ въ свою очередь о нравахъ турокъ и грековъ. Среди этой бесѣды товарищи мои ушли осматривать св. Софію. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать, метался изъ стороны въ сторону, какъ маленькій ребенокъ. Я остался на подворьѣ только одинъ. Я страшно волновался, тосковалъ, ничѣмъ не могъ себя успокоить. Прошу монаха, чтобы онъ меня проводилъ, но долгъ службы ему не позволяетъ этого сдѣлать. Я еще больше волнуюсь и припоминаю выраженіе: не видать св. Софіи, это значитъ не побывать въ Константинополѣ. Монахъ успокаиваетъ меня, совѣтуетъ пойти одному и предлагаетъ мнѣ металликъ (2 коп.) заплатить за проходъ по мосту. Я послушался. Иду, испытываю тревожное настроеніе. Обращаюсь къ одному турку, спрашиваю его на ужасно ломанномъ французскомъ языкѣ о Софіи, фанарѣ. Тутъ мнѣ пришлось самому убѣдиться, что турки очень вѣжливы. Турокъ понималъ меня и даже немного проводилъ меня до мечети; бѣда моя, что я не понималъ турка: мнѣ показалось, что мечеть, къ которой онъ подвелъ меня, и есть св. Софія (онъ, по всей вѣроятности, совѣтовалъ мнѣ зайти сюда).

Въ мечеть мнѣ пришлось входить въ первый разъ въ жизни, поэтому естественно я не зналъ, что при входѣ въ мечеть нужно снимать штилеты или надѣвать особыя приготовленныя туфли. Я хотѣлъ было сразу влетѣть въ мечеть, но меня раба Божія остановили, просятъ бакшишъ и надѣть туфли; но я протестовалъ противъ этого, съ важностью показавъ на свои пуговицы. Очевидно, мой внушительный взглядъ загипнотизировалъ привратника, и онъ меня пропустилъ безъ всякихъ церемоній. Наскоро пришлось осмотрѣть мечеть. Нашихъ конечно я не нашелъ. Чистота, опрятность необыкновенная, на полу разостланы циновки. Правовѣрные возсылаютъ свои молитвы Богу и

Его пророку Магомету. Итакъ, вмѣсто св. Софїи я осмотрѣлъ другую мечеть. Отсюда я отправился въ фанару къ патріарху въ надеждѣ, что и товарищи пошли туда же. И въ патріархіи нашихъ не нашелъ. Прихожу на подворье и рассказываю, что я видѣлъ и слышалъ и гдѣ былъ. Когда сталъ дѣлиться впечатлѣніями о св. Софїи, то оказалось, что я ее совсѣмъ не видалъ. Я былъ крайне недоволенъ своей ошибкой, но утѣшалъ себя мыслью, что я одинъ самостоятельно путешествовалъ по Константинополю.

Послѣ сытнаго ужина (сельди, уха, рыба, черешни, виноградное вино) мы вышли на крышу выработать сообща программу осмотра достопримѣчательностей Константинополя.

7 іюня.

Подыскали себѣ проводника еврея, знающаго кое-какъ русскій языкъ. Профессора и сопутствующіе насъ отдѣлились и составили свои компаніи. Пошли въ Стамбуль черезъ мостъ, который перекинутъ черезъ Босфоръ. Обычно при переходѣ каждый субъектъ долженъ заплатить металликъ (2 коп.). Мы по совѣту нашего проводника попробовали не платить, потому что рѣшили пока на время считать себя солдатами (мы были въ формѣ), а съ военныхъ за проходъ по мосту не берутъ. Благополучно прибыли пѣшкомъ на площадь, гдѣ неподалеку находятся турецкій базаръ, церковь св. Ирины, Оттоманскій музей, колонна Константина, которая когда-то блескомъ своимъ освѣщала весь Константинополь. Входъ въ церковь св. Ирины воспрещенъ, мы только обратили вниманіе на ея наружный призматическій видъ. Въ этомъ храмѣ въ 381 г. былъ второй вселенскій соборъ, на которомъ присутствовалъ великій учитель Церкви Григорій Богословъ. Неподалеку отъ церкви св. Ирины находится старый платанъ. Господа!—обратился къ намъ сіящій проводникъ еврей—я теперь вамъ скажу отъ себя. Это дерево много

событій пережило на своемъ долгомъ вѣку. Вы видите, что оно сохнетъ у корня, но вѣтви его еще не перестаютъ зеленѣть: это дерево изображаетъ еврейскій народъ, народъ Божій, онъ засохъ теперь, не приноситъ плода, на его мѣсто встали христіане, приносящіе свѣжіе, здоровые плоды. Но будетъ время, съ паѳосомъ продолжалъ проводникъ, когда еврейство и христіанство подадутъ другъ другу руки и братски обнимутся. Мы аплодировали нашему проводнику. Оттоманскій музей помѣщается въ двухъ приличныхъ просторныхъ зданіяхъ. Я назову предметы, на которые я обратилъ свое вниманіе въ музей. Никогда не забуду прекрасно исполненный гробъ Александра Македонскаго. Осматривали гробницы, вывезенныя изъ Сидона, Смирны, Моди. Привлекаетъ вниманіе посетителя музея гробница Финикійскаго Императора, который приказалъ не открывать гробницу. Но это завѣщаніе не исполнено, гробъ открытъ, и найдено въ немъ много драгоценностей. Въ Вавилонской коллекціи я обратилъ вниманіе на сфинксы, муміи, гробницы, на которыхъ изображены крылатые люди. Вотъ стоитъ статуя Христа, изображающая добраго пастыря, взявшаго заблудшую овцу на рамена свои. Я совсѣмъ было не обратилъ вниманіе на слезницы для плакальщицъ, которыя во время похоронъ собирали свои слезы въ такъ называемые слезницы; но когда объ этомъ сказалъ проводникъ мы всѣ заинтересовались, повидимому, ничтожнымъ предметомъ. Въ музей порядочно находится гіероглифовъ, обращаютъ на себя вниманіе гіероглифы изображенные на глинянномъ валикѣ, они обозначаютъ завѣщаніе Новохудоносора. Во второмъ зданіи музея помѣщаются преимущественно статуи. Я обратилъ вниманіе на статую: Зевса, Геркулеса, Аполлона, Нерона, Самсона, Адриана. Всѣхъ болѣе по исполненію мнѣ понравилась статуя дочери Нерона. За осмотръ музея взяли съ каждаго по череку (40 коп. на наши деньги). Изъ музея мы должны были попасть въ патріархію, поэтому мы пошли на поѣздъ, который насъ подвезъ почти до стѣнъ Константи-

нополя Стѣны въ полуразрушенномъ положеніи, съ вѣншей стороны ничего особеннаго не представляютъ, но въ историческомъ отношеніи онѣ имѣютъ большое значеніе: онѣ были свидѣтелями паденія Константинополя. Мы шли неподалеку отъ стѣнъ въ самое жаркое время дня, по пыльной, не защищенной никакой растительностью отъ жаркихъ солнечныхъ лучей, дорогѣ. Нѣкоторые студенты роптали на проводника, зачѣмъ-де онъ повелъ по такому мѣсту. Проводникъ въ свою очередь жаловался на туристовъ, почему они мало интересуются замѣчательностями Константинополя. Когда мы спросили гда, кто болѣе всѣхъ изъ туристовъ добросовѣстно относится къ своимъ обязанностямъ, то онъ не обинуясь на первомъ мѣстѣ поставилъ нѣмцевъ, потомъ англичанъ, французовъ, а на послѣднемъ русскихъ и въ частности насъ. На пути мы заинтересовались турецкимъ кладбищемъ, которое все сплошь затѣнено кипарисами. На могилахъ поставлены памятники ввидѣ продолговатыхъ пластинокъ съ надписями по турецки. Нельзя было пройти мимо мечети Кахриеджами, прежняго храма, въ которомъ сохранилась древнѣйшая христіанская живопись и мозаика. Проходя мимо цыганскаго табора, мы встрѣтили подростковъ цыганокъ, которыя встрѣчали насъ съ пѣснями, съ хлопаньемъ въ ладоши, ожидая, очевидно, получить бакшишъ, и онѣ не ошиблись въ расчетѣ.

Проводникъ намъ сообщаетъ, что мы будемъ скоро у Влахернской. Когда я услышалъ это, мнѣ сразу представилась торжественная обстановка богослуженія въ день нашего академическаго праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Мнѣ думалось, что храмъ Влахернскій величественный, но пришлось разочароваться, когда мы вмѣсто храма увидѣли темную часовню съ черными стѣнами и потолкомъ, обстановка убогая, народу почти никого нѣтъ, псаломщикъ разгуливаетъ въ часовнѣ въ жилетѣ.

Чтобы попасть въ патріархію, нужно было проѣхать довольно значительное разстояніе по Золотому рогу на

пароходѣ. Патріархъ Іоакимъ встрѣтилъ насъ просто безъ всякихъ регалій, орденовъ. Черезъ переводчика нашъ ректоръ сказалъ рѣчь. Патріархъ благодарилъ за привѣтствіе ректора, профессоровъ и студентовъ, сожалѣлъ, что у насъ въ Россіи дѣла идутъ не особенно хорошо. Ректора и профессоровъ патріархъ пригласилъ въ особую комнату, гдѣ они разсуждали о церковныхъ дѣлахъ. Патріархъ разсужденія велъ въ строго консервативномъ духѣ. Ректоръ и профессора остались имъ недовольны. Во время бесѣды патріарха съ нашими профессорами, мы принимали восточное угощеніе глико, потомъ осматривали покои патріарха. Покои ничего особеннаго не представляютъ: наши русскіе архіереи живутъ гораздо богаче, чѣмъ Константинопольскій патріархъ. Изъ покоевъ патріарха послѣ трогательнаго прощанія мы направились въ патріаршую церковь. Здѣсь уже стояла толпа молящихся грековъ, которые собрались встрѣчать русскаго владыку. Патріаршій храмъ мы огласили русскимъ пѣніемъ. Повидимому, греки съ удовольствіемъ слушали наше пѣніе. Неряшливость и халатность въ храмѣ намъ сразу бросились въ глаза. Только что нашъ ректоръ подошелъ къ царскимъ вратамъ, какъ бойкій грекъ (очевидно псаломщикъ), успѣлъ юркнуть въ алтарь, тамъ посуетился немного, отдернулъ завѣсу и отворилъ царскія врата, для того чтобы принять въ алтарь преосвященнаго. У насъ, конечно, это не допускается. Насъ проводили со звономъ. Но какой убогій звонъ здѣсь въ Константинополѣ! Здѣсь намъ пришлось убѣдиться, что только одна матушка-Россія славится колоколами, краснымъ звономъ.

Дм. Марковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Одинъ изъ вопросовъ церковно-богослужебной практики.

(Нѣсколько словъ къ сопастырямъ—въ виду предстоящаго Всероссийскаго Церковнаго Собора).

Предстоящій Всероссийскій Церковный Соборъ, котораго, съ свѣтлыми надеждами ожидаютъ нынѣ православно-русскіе люди,—кромѣ другихъ важныхъ церковныхъ дѣлъ,—нужно думать, займется пересмотромъ нашихъ богослужебныхъ чиновъ и книгъ. Въ исполненіе словъ св. Апостола: «вся вамъ благообразно и по чину да бываютъ»,—имъ, можно полагать, будутъ даны соответствующія указанія относительно того, что въ нашемъ богослуженіи можетъ подлежать измѣненію или сокращенію въ практикѣ приходскихъ церквей, сообразно съ измѣнившимися условіями приходской жизни, и что должно оставаться неизмѣннымъ; равно какъ — будутъ установлены какія-либо руководственныя правила относительно совершенія богослуженія и молитвословій въ тѣхъ случаяхъ приходской жизни, которые не предусмотрѣны въ нашемъ нынѣ дѣйствующемъ церковно-богослужебномъ уставѣ. Такіе случаи, встрѣчающіеся въ пастырской практикѣ, каждый разъ вызываютъ въ пастыряхъ недоумѣніе: что дѣлать, какъ совершить молитвословіе, чтобы оно соотвѣтствовало данному случаю и въ то же время не стало въ противорѣчіе съ общимъ характеромъ богослужебныхъ книгъ и церковно-богослужебнаго языка. На одинъ изъ такихъ недоумѣнныхъ случаевъ пастырской практики мы и рѣшаемся обратить вниманіе сопастырей въ настоящей замѣткѣ, въ надеждѣ, что быть можетъ нѣкоторые изъ нихъ откликнутся на нее указаніемъ другихъ подобныхъ же случаевъ.

Въ г. Москвѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ существуетъ добрый обычай освящать молитвою, въ присутствіи священника, самое начало дѣла заключенія законнаго брачнаго союза. Когда желающіе вступить въ законное супружество, а равно ихъ родители или ближайшіе родственники дадутъ на то свое взаимное согласіе, то обыкновенно въ домѣ родителей или родственниковъ невѣсты совершается такъ называемый «сговоръ» (т.-е. окончательное и открытое изъявленіе взаимнаго согласія жениха и невѣсты, а равно и ихъ родителей, на вступленіе въ бракъ), — или: «просватанье» (т.-е. окончаніе переговоровъ о свадьбѣ и заключеніе взаимнаго согласія), «нареченіе» (такъ какъ съ этого времени желающіе вступить въ бракъ получаютъ новое наименованіе «женихъ и невѣста»), «благословеніе» (такъ какъ въ это время женихъ и невѣста благословляются родителями св. иконою), «обрученіе» (такъ какъ обыкновенно во многихъ мѣстахъ, хотя впрочемъ не вездѣ, въ это же время женихъ и невѣста, въ знакъ своего будущаго обрученія въ церкви, надѣваютъ кольца): сюда, для совершенія по этому поводу молитвословія и благословенія имѣющихъ вступить въ законный бракъ, приглашается и священникъ. Какое въ это время слѣдуетъ совершать молитвословіе, или по какому чину благословлять жениха и невѣсту предъ совершеніемъ брака,—это, какъ извѣстно, многихъ пастырей ставитъ въ затрудненіе. Каждый изъ пастырей, несомнѣнно, сознаетъ свою обязанность укрѣплять и своею молитвою, такъ сказать, одухотворять существующіе въ средѣ нашихъ православныхъ русскихъ людей добрые обычаи. А такой добрый обычай, какъ освященіе молитвою начала столь важнаго дѣла въ нашей жизни, каково заключеніе брачнаго союза, требуетъ отъ пастыря особеннаго вниманія: желательно, чтобы молитвословіе пастыря, совершаемое при этомъ случаѣ, способно было возбудить въ сердцахъ ближайшихъ участниковъ сего дѣла—жениха и невѣсты—молитвенное усердіе, воскрилить и ободрить ихъ на предстоящій предъ ними новый путь жизни надеждою и упованіемъ на Господа и вѣрою во всеблагій Его Промыслъ, наконецъ—оставить въ душахъ ихъ доброе воспоминаніе и слѣдъ на всю послѣдующую жизнь, а равно могло бы произвести доброе впечатлѣніе и на присутствующихъ при этомъ семейномъ

торжествъ родителей и родственниковъ. Между тѣмъ какого-либо особаго мѣлитвословія или чина на этотъ случай въ нашихъ церковно-богослужебныхъ книгахъ не положено, а потому пастыри въ этомъ случаѣ въ разныхъ мѣстахъ поступаютъ различно, каждый или по своему усмотрѣнію, или же руководствуясь практикою своего предшественника по служенію и сослужителей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ домашнее благословеніе предъ бракомъ совершается въ слѣдующемъ порядкѣ: «Возложивъ на себя епитрахиль, священникъ трижды благословляетъ преклоненныя и нѣсколько сближенныя главы жениха и невѣсты, и даетъ имъ въ руки по зажженной свѣчѣ. Послѣ обыкновеннаго возгласа, поется: Царю небесный, затѣмъ прозносится краткая сугубая ектенія о здравіи жениха и невѣсты и за «воспитавшія ихъ родители». Далѣе читается молитва просительная о благополучномъ завершеніи начатаго (брачнаго) дѣла. Эта молитва берется изъ Евангелія, назначеннаго для церковнаго употребленія (напечатана въ началѣ его): «Господи Иисусе Христе, Сыне Единородный безначальнаго Твоего Отца, реклъ еси пречистыми Твоими усты: яко безъ Мене не можете творити ничесоже. Господи мой Господи, вѣрую объемъ въ души моей и сердцѣ Тобою реченная, припадаю Твоей благодати: помози ми грѣшному, сіе желанное мною наченъ о Тебѣ Самомъ совершити»; возгласъ къ ней присоединяется: «яко Ты еси благославляй и освящай всяческая». На краткомъ отпускѣ присоединяются святые приходскаго храма. При вторичномъ же благословеніи, или на такъ называемомъ «обрученіи» (домашнемъ) повторяются тѣ же моленія, или присоединяется еще къ нимъ пѣніе покаянныхъ тропарей: «Помилуй насъ Господи, помилуй насъ»,—которые идутъ какъ бы въ замѣнъ молитвы на начатое дѣло, уже столь близкое теперь къ своему концу» (Поповъ Е. протоіерей. Письма по православно-пастырскому богословію, 2 ч., 81 стр.). Вмѣсто указанной молитвы (положенной въ началѣ св. Евангелія) нѣкоторые овященники читаютъ молитву изъ чина малаго освященія воды: «Владыко многомилостиве Господи Иисусе Христе»,—причемъ въ концѣ ея послѣ словъ «и спаси души наши» добавляются: «и благослови насъ», «яко благу и человеклюбецъ». Въ другихъ же мѣстахъ благословеніе совершается такимъ образомъ: По прибытіи священника въ домъ не-

вѣсты для благословенія, женихъ и невѣста становятся на коврѣ близъ другъ друга; священникъ, возложивъ на себя епитрахиль и ставъ впереди ихъ предъ св. иконами, начинаетъ: **Благословенъ Богъ нашъ, и читаетъ (самъ или псаломщикъ): «Царю небесный»** и прочія начинательныя молитвы; затѣмъ, по возгласѣ, на **«Отче нашъ»**, тропари: **«помилуй насъ, Господи помилуй насъ»**, послѣ чего священникъ читаетъ молитву чина обрученія: **«Боже вѣчный, разстоящіяся собравый въ соединеніе»** (см. Треб. послѣдов. обрученія), и при произнесеніи словъ: **«Самъ благослови и рабы Твоя сія»** (имя рекъ жениха и невѣсты), обратившись къ жениху и невѣстѣ, благословляетъ ихъ общимъ благословеніемъ—обоихъ одновременно. Потомъ, по окончаніи этой молитвы, читается **«Достойно есть»**..., и бываетъ краткій отпустъ, на которомъ жениху и невѣстѣ дается для цѣлованія крестъ (С. В. Булгаковъ. Настольная книга для священно - церковно - служителей, стр. 788).

Указанный второй порядокъ молитвословія, по мнѣнію свящ. о. Сильченкова (Сильченковъ Н. свящ. Практическое руководство при отправленіи приходскихъ требъ. 1888 г., стр. 73) представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ, такъ какъ молитва, читаемая здѣсь изъ чина обрученія (**«Боже вѣчный»**), вполнѣ примѣнима именно къ данному случаю. На возраженіе же, что чтеніе молитвы изъ **«Послѣдованія о обрученіи»**—противозаконно, въ виду запрещенія совершать обрученіе отдѣльно отъ вѣчанія,—свящ. Сильченковъ отвѣчаетъ, что: 1) чтеніе одной молитвы еще не составляетъ всего чина обрученія, и 2) что содержаніе ея ничего не говоритъ объ обрученіи, но единственно и главнымъ образомъ о благословеніи, что и нужно въ данномъ случаѣ. Но какъ справедливо замѣчаетъ редакция руководства для сельскихъ пастырей (за 1889-й годъ, кн. II-я), указаннымъ порядкомъ благословенія жениха и невѣсты на дому по чину обрученія, хотя бы не полному, — во всякомъ случаѣ нарушается существующее запрещеніе совершать обрученіе отдѣльно отъ вѣчанія,—и, во избѣжаніе смѣшенія и повторенія чина обрученія и домашняго благословенія, совѣтуетъ при такъ называемомъ **«просватаньи»** лучше читать молитву изъ Евангелія (**«Господи Іисусе Христе, Сыне Единородный»**), съ нѣкоторымъ измѣненіемъ словъ этой молитвы: **«помози**

ми грѣшному»...,—дабы онѣ соотвѣтствовали данному случаю,—именно такимъ образомъ: «помози работѣ Твоимъ (имена жениха и невѣсты) сіе желаемое ими наченъ о Тебѣ Самомъ, навершити»... О. протоіерей Хойнадкій (Хойнадкій А. Ѳ. протоіерей. Практическое руководство для священнослужителей при совершеніи св. Таинствъ. 1882 г., 39 стр.) вмѣсто молитвословій, не узаконенныхъ церковнымъ уставомъ, совѣтуетъ при «просватаньи» совершать простые задравные молебны, безъ всякихъ лишнихъ вставокъ или дополненій. Но: 1) совершеніе такихъ простыхъ молебновъ едва ли можетъ удовлетворить присутствующихъ при началѣ дѣла заключенія брачнаго союза, тѣмъ болѣе при повсемѣстномъ почти утвердившемся теперь обычаѣ совершать при этомъ случаѣ особыя молитвословія; 2) приглашающіе священника на стоворъ, или просватанье—обыкновенно говорятъ при этомъ: прошу «благословить образомъ» (а не отслужить молебенъ), тѣмъ самымъ указывая на особенность имѣющаго быть совершеннымъ молитвеннаго чина въ данномъ случаѣ; 3) молитвенное усердіе можетъ быть сильнѣе, если самое молитвословіе будетъ принаровлено къ потребностямъ даннаго случая и 4) дополненія къ обычнымъ молитвословіямъ въ данномъ случаѣ, указывающія на поводъ и цѣль молитвеннаго собранія, не могутъ быть названы нарушеніемъ церковнаго устава, который не имѣлъ возможности предусмотрѣть и регламентировать всѣ возможные случаи и частныя обстоятельства нашей жизни и нашихъ отношеній, возникшія вполнѣдствіи, такъ какъ чего-либо противнаго общему духу и строю церковныхъ чиноположеній онѣ не должны содержать въ себѣ; притомъ же эти дополненія входятъ въ мѣстную дѣйствующую практику съ надлежащаго разрѣшенія и благословенія мѣстной епархіальной власти.

У насъ подъ руками имѣется рукописный «чинъ благословенія жениха и невѣсты», употреблившійся въ прошлые годы здѣшними (Московскими) протоіереями и священниками (употребляется ли теперь гдѣ этотъ чинъ мы не знаемъ). Происхожденіе этого чина неизвѣстно, но передавшій мнѣ этотъ чинъ происхожденіе его относить къ митрополиту Филарету, хотя, судя по слововыраженію, мы не думаемъ, чтобы онъ былъ составленъ приснопамятнымъ святителемъ, а только имъ, быть можетъ, до-

зволень къ употребленію. Состоить этотъ чинъ, кромѣ начальныхъ молитвъ и тропарей: помилуй насъ Господи... Господи помилуй насъ... Милосердія двери... еще изъ особыхъ прошеній на ектеніи—и особой молитвы. Какъ тѣ, такъ и другая принаровлены къ данному случаю. Вотъ текстъ ихъ: ектенія помилуй насъ Боже... Еще молимся о милости, жизни, мирѣ, здравіи, спасеніи, посѣщеніи и оставленіи грѣховъ рабовъ Божіихъ (имя рекъ), предстоящихъ и молящихся Тебѣ. Еще молимся о еже благословитися благому начинанію ихъ, еже купно жити имъ въ законномъ супружествѣ по заповѣдямъ Божіимъ. Еще молимся о еже утвердятся сердцамъ ихъ въ союзъ любви, да радостно достигнуть совершенія желаній ихъ и, промышленіе Твое славя, благоугождати Тебѣ дѣлы благими потщатся день отъ дне въ предняя простираяся по стезямъ заповѣдей Твоихъ. Еще молимся о еже податися дару благодати родителемъ ихъ (или благодѣтелемъ, воспитателемъ), да чрезъ нихъ свидеть на ня благословеніе небесное, домы чадъ утверждающее. Еще молимся за всю братію и за вся христіаны. По возгласѣ: «яко милостивъ», молитва: Господи Боже нашъ, великій въ совѣтѣ и дивный въ дѣлѣхъ, творяй милость любящимъ Тя и споспѣшествуяй уповающимъ на Тя, благословляяй всякое благое начинаніе и совершити е силу подаваяй, устрой во благое и сіе дѣло, еже нынѣ о рабѣхъ Твоихъ (имя рекъ), молящихся Тебѣ съ нами, начинаемъ; сотвори имъ милость Твою; благослови желаніе сердець ихъ во святой союзъ супружества вступить; подаждь имъ свыше благодать Твою къ соединенію сердець ихъ союзомъ любви неразрушимымъ, по глаголанному ими слову; соосѣвни ихъ всечестнымъ образомъ Единороднаго Твоего Сына и Господа нашего Іисуса Христа, купно и образомъ Пречистыя Его Матери (или образомъ такихъ-то святыхъ), да сохраняеми и соблюдаеми отъ всякаго злаго обстоянія и лукавыхъ чловѣкъ озлобленія радостно достигнуть во время благопотребное совершенія желаемаго сердцамъ ихъ. Яко отъ Тебе Единаго вси приедемъ всякое благословеніе и всякій даръ совершенный, и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и Св. Духу нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ».

Руководствуясь отчасти симъ чиномъ, который въ настоящемъ его видѣ, по слововыраженіямъ въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ, мы находимъ не вполне удобнымъ къ употребленію, а отчасти—чиномъ «службы о призываніи помощи, благодати и дара Пресвятаго Духа, въ началѣ всякаго добраго дѣла», помѣщенной въ «Іерейскомъ молитвословѣ», изданія 1885 года (каковою службою благословлялъ руководствоваться при совершеніи «благословенія образомъ», какъ передавали намъ нѣкоторые здѣшніе священники, митрополитъ Московскій Сергій † 1896 г.),—и желая по мѣрѣ силъ послужить исполненію словъ св. Апостола: «вся вамъ благообразно и по чину да бывають», мы рѣшаемся предложить вниманію сопастырей свой опытъ «чина благословенія образомъ жениха и невѣсты», въ надеждѣ, что интересующіеся симъ дѣломъ выскажутся печатно по поводу предлагаемаго чина и такимъ образомъ совмѣстными усиліями можно будетъ его обработать, дополнить или измѣнить.

По прибытіи священника въ домъ родителей невѣсты для благословенія, женихъ и невѣста становятся на коврѣ близь другъ друга (женихъ—съ правой стороны) предъ св. иконами. Священникъ, возложивъ на себя епитрахиль и преподавъ имъ благословеніе, становится впереди ихъ и начинаетъ: «Благословенъ Богъ нашъ». Аминь. Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ. Царю небесный (поется); за симъ (самимъ священникомъ или псаломщикомъ) читаются прочія начинательныя молитвы. По возгласѣ на «Отче нашъ» поются тропари: Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ. Слава. Господи помилуй насъ. И нынѣ. Милосердія двери. Послѣ сего: «Богъ Господь и явился намъ» и тропари: 1) «Пречистому Твоему образу покланяемся Благій»..., 2) «Къ Богородицѣ прилежно», «Заступница усердная» или тропарь Покрова Пр. Богородицы: «днесь благовѣрнии людіе свѣтло празднуемъ, осыняеми Твоимъ Богоматери пришествіемъ»..., 3) Тропарь святому храму, 4) Тропари тѣмъ святымъ, иконы коихъ назначены къ благословенію. Припѣвы: Слава Тебѣ Боже... Пресвятая Богородице спаси насъ... Святый Угодниче Божій, моли Бога о насъ... Избави отъ бѣдъ и скорбей рабъ Твоихъ Владыко. Спаси отъ бѣдъ рабы Твоя, Богородице. Молите Бога о насъ... и ектенія: Помилуй насъ Боже, по величій милости Твоей... Еще молимся о милости, жизни, мирѣ, здравіи, спасеніи, оставленіи грѣховъ и благословеніи рабовъ Божіихъ (имена жениха

и невѣсты), здѣ предстоящихъ и молящихся Тебѣ. Еще молимся о еже благословити доброе намѣреніе рабовъ Своихъ сихъ — въ законное супружество вступить, и благоизволити благополучно дѣло сіе начати, и спѣшно кромѣ всякаго препятія въ славу Твою скончати, силою, дѣйствомъ, и благодатию Пресвятаго Духа. Еще молимся о еже утвердиться сердцамъ ихъ въ союзъ любви, и сохраненымъ имъ быти въ вѣрѣ, во всякомъ благочестіи же и исполненіи заповѣдей Христовыхъ, во вся дни живота ихъ. Еще молимся о родителяхъ, воспитавшихъ я, и благодѣявшихъ имъ, да чрезъ нихъ снидетъ на ны благословеніе небесное, дома чадъ утверждающее. Еще молимся за всю братію и за вся христіаны. Возгласъ: яко милостивъ и человеколюбець... За симъ тропарь, гласъ 2-й (см. «Іерейскій молитвословъ», 454 об.). «Творче и Создателю всяческихъ, Боже, дѣла рукъ нашихъ, къ славъ Твоей начинаемая, Твоимъ благословеніемъ спѣшно исправи, и насъ отъ всякаго зла избави, яко единъ всесиленъ, и человеколюбець». Кондакъ, гласъ 6 й: «Скорый въ заступленіе, и крѣпкій въ помощь, предстани благодатию силы Твоея нынѣ, и благословивъ укрѣпи, и въ совершеніе намѣренія благаго дѣла рабовъ Твоихъ произведи: вся бо елика хочещи, яко сильный Богъ творити можещи». Слава и нынѣ: «Предстательство христіанъ непостыдное». Послѣ сего: Прокименъ, гласъ 7-й: Возлюблю «Тя Господи крѣпосте моя, Господь утвержденіе мое. Стихъ: «Богъ мой, помощникъ мой, и уповаю на Него». Евангеліе отъ Іоанна, зачало 51-е, глава 15, съ 9 по 16-й: («Рече Господь Своимъ ученикамъ: якоже возлюби Мя Отець, и Азь возлюбихъ васъ: будите въ любви Моей...: да его же аще просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ»). И ектенія: Рцемъ вси отъ всея души и отъ всего помышленія нашего—рцемъ. Господи Вседержителю Боже... Помилуй насъ Боже... Призри, Владыко человеколюбче, милостивымъ Твоимъ окомъ на рабы Твоя сія (имена жениха и невѣсты), къ Твоему благоутробію вѣроу припадающія, и услышавъ моленія ихъ, благое намѣреніе ихъ, еже въ законное супружество вступить, благослови и благополучно дѣло свое начати и благоспѣшно безъ всякаго препятія въ славу Твою совершити, яко всесильному Царю, молимтися, услыши и помилуй. Ангела Твоего, хранителя пристави дѣлу сему, благоувѣтливѣ Господи, и еже

разрушити вся препятія видимыхъ и невидимыхъ враговъ, споспѣшеніе же во всемъ ко благополучному совершенію начинающимъ дѣло свое сотворити, молимится преблагій, Спасе, услыши и помилуй. Еще молимся Тебѣ Господу Богу нашему, еже услышатися гласу моленія нашего, и помиловатися рабомъ Твоимъ (имена жениха и невѣсты) и исполнити благая желанія ихъ, покрыти же ихъ отъ всѣхъ врагъ видимыхъ и невидимыхъ, отъ всякія напасти, бѣды и скорби, и недуговъ избавити, и подати имъ миръ, тишину, здравіе же съ долгоденствіемъ и довольствомъ: рцемъ вси, вседаровитый Господи, скоро услыши и милостивно помилуй. Еще молимся и о всѣхъ, здѣ предстоящихъ и молящихся Тебѣ. Возгласъ: услыши ны Боже... Миръ всѣмъ. Главы ваша Господеви приклоните. Господу помолимся. «Господи Боже нашъ, великій въ совѣтѣхъ и дивный въ дѣлѣхъ, творяй милость Твою любящимъ Тя и споспѣшествуй во благое всѣмъ уповающимъ на Тя, благопріятну сотвори молитву нашу и рабомъ Твоимъ симъ (имена жениха и невѣсты), доброе намѣреніе во святой союзъ супружества вступить имущимъ и дѣло свое нынѣ, нами молящимся Тебѣ, начинающимъ, Твое благословеніе небесное испосли, и помози имъ сіе, желаемое ими, наченъ о Тебѣ Самомъ и совершити; глаголанное ими другъ ко другу слово благодатію Твоею утверди и союзомъ неразрушимыя любви сердца ихъ соедини, отъ всякія же напасти и озлобленія ихъ соблюди. Соосѣбни ихъ всечестнымъ изображеніемъ святыни Твоея, покрый кровомъ крилу Твоею, спаси и сохрани молитвами Пречистыя Твоея Матери и всѣхъ святыхъ Твоихъ, да благостію Твоею охраняеміи, радостно достигнуть во время благопотребно совершенія желаемого сердцамъ ихъ, промышленіе Твое о нихъ прославляя. Яко Ты еси благословляяй и освящаяй всяческая Христе Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ со безначальнымъ Твоимъ Отцемъ, Пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь». Послѣ сего священникъ, взявъ св. икону (назначенную къ благословенію), при троекратномъ земномъ поклоненіи жениха и невѣсты, трижды соосѣбняетъ ею главы ихъ, произнося при семъ: «Господи Самъ благослови и помилуй рабы Твоя сія. Мати Божія сохрани я подъ кровомъ Твоимъ. Св. Угодниче Божій (св. иконою кою благословляетъ) моли Бога о насъ!» За симъ

начинають благословлять родители невѣсты. Отець невѣсты принимаетъ отъ священника свою св. икону, а мать невѣсты — хлѣбъ, и становятся: первый со св. иконою противъ невѣсты, вторая съ хлѣбомъ противъ жениха. Благословляемые поклоняются трижды предъ св. иконою, прикладываются къ ней, за симъ цѣлуютъ хлѣбъ и благословляющихъ въ руку и уста. Послѣ сего отецъ невѣсты беретъ хлѣбъ, мать св. икону, благословляемые вторично дѣлаютъ тоже. Такимъ же образомъ совершается засимъ благословеніе родителями жениха, или замѣняющими ихъ, воспріемниками невѣсты и жениха и ихъ родственниками. Въ сіе время священникъ съ пѣвцомъ поютъ: «Кто Тебе не ублажить... Въ чермѣмъ мори... Мати убо... Милосердія двери... Не имамы иныя помощи... Всесвятая Богородице... Все упованіе мое»... и другія приличествующія свящ. пѣснопѣнія. По совершеніи благословенія св. иконами, священникъ, взявъ приготовленные кольца, трижды осѣняетъ кольцомъ жениха, засимъ невѣсту, произнося при семъ: «во имя Отца и Сына и Св. Духа», и въ залогъ будущаго обрученія, надѣваетъ ихъ на указательные пальцы правой руки жениха и невѣсты, а послѣ сего преподаетъ имъ общее благословеніе своею рукою, со словами: «Благословеніе Господне да почіетъ на васъ всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ». Засимъ совершаетъ отпущекъ: Премудрость. Достойно есть. Пресвятая Богородице. Слава Тебѣ Христе Боже. Христось истинный Богъ (поминаетъ святыхъ храма и святыхъ, иконами коихъ благословлялись и св. праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анну), причемъ даетъ для цѣлованія жениху и невѣстѣ св. крестъ, или св. икону. И привѣтствуетъ ихъ съ начатіемъ дѣла и нареченіемъ, а родителей съ нареченными, желая чтобы начатое совершилось во благо.

Изложенный полный чинъ благословенія можетъ быть сокращенъ хотя бы такимъ образомъ: послѣ начальнаго пѣнія «Царю небесный», непосредственно слѣдуетъ: «Богъ Господь» и пѣніе тропарей: Спасителю, Божіей Матери, Святому храму и Святымъ, иконы коихъ приготовлены къ благословенію. За симъ ектенія: Помилуй насъ Боже... Еще молимся о милости жизни, мирѣ... Еще молимся о еже благословити доброе намѣреніе... Призри, Владыко челолюбче, милостивымъ Твоимъ окомъ... Ангела Твоего хранителя пристави дѣлу сему... Еще молимся о ро-

дителехъ ихъ... Еще молимся за всю братію... По возгласъ: «услыши ны Боже»... Миръ всѣмъ... Главы ваша... и молитва: «Господи Боже нашъ», послѣ которой совершается благословеніе, какъ показано въ выше изложенномъ полномъ чинѣ.

Предлагая вниманію сопастырей настоящее изложеніе «чина благословенія» въ полномъ и сокращенномъ видѣ, мы усердно просимъ печатно откликнуться на него соотвѣтствующими указаніями и замѣтками, которыя мы съ благодарностію примемъ,—въ надеждѣ, что онѣ послужатъ, быть можетъ, поводомъ для живаго обмѣна мыслей между пастырями и по другимъ наиболѣе важнымъ вопросамъ,—каковой обмѣнъ мыслей весьма желателенъ и полезенъ въ виду ожиданія предстоящаго помѣстнаго Всероссийскаго Церковнаго Собора.

Священникъ Арсеній Разумихинъ.

1907 года февраля 10 дня.

„Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ“.

Въ полдень, 25 января, между лекціями въ нашей Академіи появилось на обычномъ мѣстѣ объявленіе, что въ шесть часовъ вечера въ первой аудиторіи будетъ читать Н. Н. Неплюевъ. Онъ приглашенъ студентами еще до Рождества, на что высказалъ свое согласіе. Совѣтъ Академіи къ этому препятствій не находилъ.

Студенты съ оживленіемъ толпились вокругъ объявленія, читали и говорили о Неплюевѣ.

Это тотъ самый Неплюевъ, который занималъ когда то видное общественное положеніе, потомъ оставилъ его, посвятивъ себя религіозному дѣлу. Основалъ у себя въ имѣніи Черниговской губ. братство св. Креста. Съ разныхъ мѣстъ съѣзжаются туда жаждущіе религіозной братской жизни люди. Здѣсь они работаютъ, молятся и живутъ въ духѣ любви и православной вѣры.

Въ шесть часовъ вечера студенты длинными вереницами потянулись на верхній коридоръ, въ аудиторію.

Разсѣлись по мѣстамъ. Въ ожиданіи посматриваютъ на

сдѣланныя приготовленія. Стулья были разставлены, кафедра убрана. Мягкій свѣтъ лампъ озарялъ присутствующихъ.

На кафедре вскакиваетъ одинъ изъ товарищей и заявляетъ, что Николай Николаевичъ проситъ пропѣть предъ началомъ: «Царю небесный» и желаетъ у старшаго изъ батюшекъ-студентовъ получить благословеніе.

Не успѣвъ онъ сойти съ кафедры, гулъ голосовъ смолкаетъ, и въ аудиторію входитъ Н. Н. Неплюевъ.

Дружно подхватили голоса: «Царю небесный». Настроеніе ожиданія и возбужденности смѣняется тихимъ молитвеннымъ чувствомъ, и это молитвенное чувство, кажется, объединило всѣхъ собравшихся.

Медленно всходитъ на кафедру представительный сѣдой господинъ. Надѣваетъ очки и начинаетъ говорить.

Онъ началъ именно съ того самаго встроенія, которое охватило всѣхъ молящихся: чувства единенія и стремленія къ Богу и Его правдѣ. Намѣчаетъ планъ своихъ лекцій. Предупреждаетъ, что онъ простой мірянинъ и знаетъ въ области богословія, можетъ быть, меньше студентовъ высшей богословской школы, но богатъ жизненнымъ опытомъ и этимъ жизненнымъ опытомъ онъ и хочетъ подѣлиться съ нами.

Далѣе слѣдовала самая лекція. Весь составъ этихъ лекцій разложенъ былъ на нѣсколько дней. Въ этотъ день была лекція о догматической сторонѣ христіанскаго вѣроученія: о Богѣ, какъ любви, цѣли нашихъ стремленій.

Второй день была лекція о нравственной сторонѣ вѣроученія. Онъ говорилъ «о связующемъ всѣхъ цементѣ любви при свѣтѣ любви къ Богу всѣмъ разумѣніемъ». Настаивалъ на мирномъ созиданіи добра: борьба, говоритъ онъ, истощаетъ силы, обращаетъ вниманіе только на зло «дурныхъ людей», отвлекаетъ отъ прямой цѣли сознательнаго развитія добра въ себѣ и окружающихъ. Для этой цѣли лучше даже отдѣлиться отъ дурныхъ и негодныхъ людей, составить свою организацію труда и мирнаго преуспѣванія въ добрѣ: организація придаетъ добродѣляни силу и стойкость.

Въ послѣдующихъ лекціяхъ говорилось о трудовомъ братствѣ св. Креста у него въ Черниговской губ.: организаціи, жизни, трудахъ и ошибкахъ. Оказывается, что братство это очень строго ведетъ свою дѣятельность.

Тамъ есть церковь, больница, школа,. Всякій исполняетъ свои работы. Бывали ошибки и недовольства братьевъ, но въ общемъ на всѣхъ братство дѣйствуетъ оживляющимъ образомъ. Такъ многіе прїѣзжали туда невѣрующими и возвращались оттуда опять въ лоно православной церкви, начинали ходить въ церковь и прїобщаться.

Говорилось о всеобщей организаціи братства, какъ самостоятельной общины, или какъ отдѣленія всемірнаго союза «мира». Говорилось о волненіяхъ и убійствахъ, совершающихся въ Россіи, о противорѣчїи ихъ нравственному закону любви, о малой дѣятельности пастырей, не останавливающихъ убійствъ, о пассивности мирявъ, ссылающихся на пастырей, хотя они тоже члены церкви, тѣла Христова, о предстоящемъ соборѣ, который покажетъ путь вѣрующему человѣку и призоветъ его покаяться. Въ заключеніе Н. Н. просилъ всѣхъ молиться о немъ и братьяхъ его, особенно по пятницамъ, потому что въ это время у нихъ бывають также молитвы за всѣхъ трудящихся, молящихся и страдающихъ, такъ что въ этой молитвѣ они будутъ объединяться, хотя находятся въ разныхъ мѣстахъ Россіи

На послѣднихъ лекціяхъ Н. Н. Неплюева присутствовали о. Ректоръ Еп. Евдокимъ Волоколамскій и нѣкоторые изъ профессоровъ.

По окончаніи послѣдней лекціи о. Ректоръ сказалъ Н. Николаевичу благодарственную рѣчь. Въ ней онъ благодарилъ за эти лекціи, читанныя студенчеству, высказалъ свою полную радость по случаю открытія дверей Академіи для такого почтеннаго гостя. Припомнилъ всю его жизнь, полную трудовъ и волненій, упрековъ и порой нерасположенности, доставшихся на его долю отъ общества. Представилъ его апостоломъ нашей Русской церкви, принесшимъ святой миръ и оживленность въ умы и занятія студентовъ,— занятія, по необходимости носящія часто тяжелый, книжный, безжизненный отпечатокъ.

Отъ имени студентовъ говорилъ 4 курса студ. А. В. Гаврилюкъ. Онъ благодарилъ отъ лица студентовъ Николая Николаевича за труды и прїѣздъ въ Академію, отмѣтилъ живительное дѣйствіе лекцій на студентовъ, выразилъ надежду, что во многихъ душахъ изложенные жизненные опыты и представленія произведутъ благотворное вліяніе.

Какимъ свѣтомъ озарился въ нашемъ преставленіи Н. Н. Неплюевъ! Какимъ горящимъ свѣтильникомъ кажется онъ среди окружающей тьмы сомнѣній и невагодъ съ его тихимъ, но послѣдовательнымъ созиданіемъ добра и простою вѣрою!

Простая рѣчь Н. Н. Неплюева была такъ сильна, что передавалась другимъ и зарождала въ душѣ то недовольство и презрѣніе къ радостямъ жизни, то раскаяніе, то желаніе лучшей жизни, простой и вѣрующей. Душа примиралась. Умъ смолкалъ съ своими сомнѣніями и противорѣчіями. Возникалъ ясно и опредѣленно образъ жизни по вѣрѣ и «связующему цементу любви».

Пусть же эти свѣтлыя чувства, которыя упали на сердца многихъ студентовъ, перейдутъ и на всѣхъ другихъ. Пусть и у нихъ также смолкнутъ сомнѣнія, сердце оживится къ доброй любвеобильной жизни. Пусть оставятъ свою теплохладность, загорятся пламенемъ Христовой правды, взаимопомощи, жизни по вѣрѣ.

Свѣтло станетъ имъ въ окружающей темнотѣ.

... Пропѣли молитву, Н. Н. Неплюевъ попрощался со всѣми. Получилъ благословеніе отъ Преосвященнаго. Поцѣловалъ студента, говорившаго ему рѣчь. Еще разъ попрощался и, напутствуемый благодарностями, вышелъ...

Студенты вучками расходились, передавая свои впечатленія и настроенія.

Студентъ Московской Духовной Академіи
Г. П. Любомировъ.

Пріютъ Царицы небесной.

(Письмо въ редакцію).

На дняхъ я услыхалъ о существованіи Братства во имя Царицы небесной и Пріюта для призравнѣ дѣтей идіотовъ и эпилептиковъ. Братство основано въ Петербургѣ въ 1894 г. Въ 1905 г. открыто отдѣленіе Братства въ Москвѣ. Я пришелъ въ Московское отдѣленіе Пріюта.

Впечатлѣніе потрясающее: дѣти нѣмыя, малоголовыя,

буйныя, кричащія, мычащія, скорченныя, нечистоплотныя; изъ 67 дѣтей 47 лишены элементарнаго, животнаго инстинкта-чистоплотности.

Пріютомъ завѣдуетъ монахиня Ангелина, которая общила мнѣ цѣнныя свѣдѣнія. Въ ея распоряженіи находятся 22 сестры и 3 служителя. Всѣ сестры послушницы или монахини изъ разныхъ монастырей,—работаютъ или по собственному почину, или по назначенію игуменя; врачъ пріюта Н. Н. Некрасовъ читаетъ имъ лекціи по уходу за нервно больными, анатоміи и массажу; со временемъ сестры займутся изученіемъ исправленія рѣчи. Въ пріютѣ 6 отдѣленій; 1-ое и 2-ое Фребелевское отдѣленіе и школа соединены вмѣстѣ вслѣдствіе тѣсноты, 3-е безпокойное, 4-е слабое, 5-е ремесленное, 6-е лазаретъ.

Отрадно видѣть слѣды добраго разумнаго ухода. Нѣкоторыя больныя развиваются духовно и физически: пріучаются работать, порядочно читаютъ, считаютъ, пишутъ, поютъ; ихъ тетради очень опрятны; два мальчика съ видимымъ удовольствіемъ говорили мнѣ стихи (Майкова, басню Крылова...); изъ дѣтскихъ работъ я видѣлъ швабры, корзинки, полочки, бумажное плетенье; дѣвочки шьютъ. Во *всѣхъ* отдѣленіяхъ (даже въ безпокойномъ) дѣти при мнѣ ласкались къ сестрамъ; и ко мнѣ тоже всюду льнули съ довѣрчивою лаской: очевидно они привыкли къ ласковому обращенію.

Благотворное значеніе Пріюта очевидно: онъ облегчаетъ страданія невинныхъ дѣтей, избавляетъ бѣдныя семьи отъ непосильнаго ухода и тратъ, спасаетъ здоровыхъ дѣтей отъ зараженія (эпилепсіей); уменьшаетъ число пожаровъ и другихъ несчастныхъ случаевъ.

Средства очень скудны, а нужды велики: несмотря на малоизвѣстность пріюта, въ одной Москвѣ 100 кандидатовъ ждуть вакансій; (а кромѣ этихъ 100 человекъ сколько еще такихъ несчастныхъ находится въ Москвѣ?)—Воздухъ нечистъ вслѣдствіе тѣсноты. Та же причина, тѣснота, мѣшаетъ отдѣленію подрастающихъ мальчиковъ отъ дѣвочекъ. Слишкомъ малъ садъ—всего 40 квадр. саж.; негдѣ работать въ саду.—Ю. М. Корзинкиной пожертвовано 5¹/₂ десятинъ для устройства колоніи съ церковью близъ Рублевскаго водопровода. По недостатку средствъ трудно представить, когда будетъ можно хотя бы только положить начало устройству колоніи. Амбулаторный прі-

емъ разрѣшенъ; частнымъ образомъ помощь уже подается; но официальнаго открытія еще не послѣдовало за немѣннѣемъ средствъ.

Этотъ пріютъ есть единственное въ своемъ родѣ учрежденіе въ Москвѣ. Хочется вѣрить, что передъ праздникомъ Пасхи добрые люди придутъ на помощь доброму дѣлу. Самыя малыя пожертвованія деньгами и вещами не только новыми, но и старыми будутъ приняты съ глубокой благодарностью.

Николай Прейсъ.

Р. С. Пожертвованія и членскіе взносы принимаются въ Пріютъ Братства въ домъ графинь Ланскихъ № 7—9—11, на углу Дурновскаго и Трубниковскаго переулковъ, близъ Новинскаго бульвара и Смоленскаго рынка.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ НАЧИНАЕТСЯ СЪ 15-го НОЯБРЯ СЕГО 1906 Г.

Одобренный и рекомендованный Св. Синодомъ, Министр. Народн. Просв. и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній.

ПОДПИСНАЯ
ЦѢНА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1907г.

на ежемѣсячный музыкальный журналъ

Ноты, даваемые за годъ журналомъ, стоятъ въ отдѣльной продажѣ около 75 руб.

4р. „МУЗЫКА И ПѢНІЕ“

ВЪ ГОДЪ.

(XII ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВЪ ГОДЪ:

I. Около 200 страницъ текста. Въ этой части (литературной) примутъ участіе гг. Бахлановъ, Бернштейнъ, Гольцисонъ, Лебедевъ свящ. Лисицынъ свящ., Магон (псевд.), Молчановъ, Надинъ, Смирнова, Стрельманъ и мног. друг.

II. Больше 600 страницъ нотъ содерж. болѣе 400 пьесъ. Эта часть (музыкальная) состоитъ изъ 4-хъ отдѣловъ: 1) Церковное, школьное и хоровое пѣніе. 2) Романсы на 1 и 2 голоса съ аккомп. фортеціано. 3) Фортеціан. соч. и нов. тапцы. 4) Пьесы для скрипки, виолончели и др. инструментовъ домашняго оркестра.

Въ этой части (музыкальной) примутъ участіе слѣд. русскіе композиторы: гг. Гольцисонъ, Гродскій, Клязиченко, Компанейскій, Крыжановскій, Лисицынъ св., Папченко, Гавриловъ, Сениловъ, Черновъ и мног. друг.

Редакція предполагаетъ дать въ этомъ году серію сочиненій Глинки.

Изъ иностранной музыки въ журналъ помещается только все выдающееся и интересное.

Кромѣ того въ 1907 году подписчикъ получаетъ **БЕЗПЛАТНО** ПОЛНУЮ ОПЕРУ ДЛЯ ФОРТЕЦИАНО **ДЛЯ ФОРТЕЦИАНО**

„Жизнь за Царя“ или „Русланъ и Людмила“

ГЛИНКИ

или одну изъ слѣдующихъ оперъ для фортеціано: Фаустъ, Кармень, Аида, Гугеноты, Травиата и Тангейзеръ. Для пѣнія съ фортеціано: Пляцы и Панъ Сотникъ. Оперетокъ—Птички пѣвчіи, Прекрасная Елена, Красное Солнышко и Корневильскіе Колокола. Духовныхъ сочиненій—одинъ изъ выпусковъ Исторической Христоматіи, въ которую входятъ знаменитыя соч. Веделя, Дегтярева, Сарти и др. Нежелаемый отдѣлъ можно замѣнить съ выб. однимъ изъ 100 альбомовъ музык. пьесъ и романсовъ или однимъ выпускомъ Исторической Христоматіи.

4р. въ годъ съ дост. и перес. по всей Россіи — 5 руб., за границу—6 р. Допуска разср. по одному руб. Пробный номеръ высыл. за 60 к. марк. Подробн. объясн. и списокъ альбомовъ 4р. высылается **БЕЗПЛАТНО**.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала Музыка и Пѣніе при книжно-музыкальномъ магазинѣ П. К. Селиверстова, Спб. Садовая, 22.

За редактора-издателя А. С. Селиверстова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1907 г. на
иллюстрированный журналъ работъ и развлеченій для юношества
„ТРУДЪ и ЗАБАВА“.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой — 3 рубля,
на полгода—1 р. 50 к.

Въ теченіи 1907 года подписчики получаютъ:

1) **Двѣнадцать номеровъ** художественно-иллюстрированнаго журнала, въ которомъ будутъ помѣщены статьи по ручному труду, работамъ, занятіямъ, ремесламъ, естествознанію, популярной физикѣ, біографіи популярныхъ дѣятелей науки, электротехникѣ, фотографіи, живописи, зимнему и лѣтнему спорту, подвижныя игры на воздухѣ, игры и забавы въ комнатѣ, открытія и изобрѣтенія, совѣты, переписка, отвѣты на вопросы, рассказы, стихотворенія, парады, шутки, загадки и т. п.

Въ теченіе года въ журналѣ будетъ печататься большой и весьма интересный романъ для юношества въ двухъ частяхъ, извѣстнаго французскаго писателя Поля Д'Ивуа „**Докторъ Безымянный**“.

2) **Двѣнадцать книгъ** романовъ и повѣстей для юношества извѣстныхъ иностранныхъ писателей беллетристовъ: Мавра Токая „**Приключеніе матроса забытаго на кораблѣ во льдахъ Сѣвернаго полюса**“, въ двухъ книгахъ. Фенимора Купера „**Слѣдопытъ**“, повѣсть изъ жизни индѣйцевъ въ Америкѣ, въ одной книгѣ. Луи Буссенара „**Жанъ Сорви-голова — Герои Малахова кургана**“, романъ изъ войны во время Севастопольской компаніи въ 3 книгахъ. У. Г. Хедзона „**Натуралистъ на Лаплатѣ**“, интересныя записки о жизни и нравахъ животныхъ въ Америкѣ, въ двухъ книгахъ. Фенимора Купера „**Звѣробой**“, повѣсть изъ жизни американскихъ охотниковъ, въ одной книгѣ. Калитана Стани „**Сказочное сокровище**“, приключеніе двухъ молодыхъ бретонцевъ на кораблѣ корсара, въ трехъ книгахъ.

3) **Двѣнадцать премій**, въ числѣ которыхъ войдутъ: рисунки для рисованія, рисунки для раскрашиванія, силуэты для тѣневого театра, рисунки для ажурныхъ работъ по дереву и металлу, рисунки для выжиганія по дереву и папкѣ, рисунки для тисненія по кожѣ, рисунки для вышиванія; рисунки для рѣзбы по дереву — плоская и выпуклая рѣзба.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 1 р., къ 1 марта 1 р. и къ 1 июля 1 р. Контора журнала „**ТРУДЪ и ЗАБАВА**“ въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 110.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1907 годъ
на иллюстрированный еженедѣльный безъ предварительной
цензуры журналъ общества счетоводовъ

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ.

Цѣль органа обсуждать практическіе вопросы и задачи и все достойное подражанія, примѣненія, введенія въ жизнь.

Имѣются отдѣлы: бібліографическій, справочный и объявленій.

Вся чистая прибыль отъ изданія журнала обращается во

вспомогательный капитал Общества для выдачи безвозвратных пособій нуждающимся Членам Общества.

Подписная цѣна: на годъ 6 руб., на полгода 3 руб., на два мѣсяца 1 руб.

Съ подпискою адресоваться въ редакцію журнала.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 43. Москва, Б. Тверская, № 18, д. О. Езерскаго.

Редакторы: *О. В. Езерскій, Н. О. Езерскій.*

Издатель *Общество Счетоводовъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

на выходящую подъ редакціей А. А. Коринфскаго ежедневную (не исключая и поведѣльниковъ), политическую, общественную и литературную газету съ еженедѣльными иллюстрированными приложениями.

ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ГОЛОСЪ ПРАВДЫ“.

Въ каждомъ № 8 страницъ.

НАПРАВЛЕНІЕ ГАЗЕТЫ НАЦІОНАЛЬНО-ЛИБЕРАЛЬНОЕ.

Освѣдомленность самая широкая.

Газета борется противъ теченій крайнихъ правыхъ и лѣвыхъ партій одинаково вредныхъ для естественнаго развитія началъ и свободъ, возмущенныхъ Манифестомъ 17-го октября.

Интересамъ трудящихся классовъ, а въ особенности нуждамъ крестьянства, на страницахъ „Голоса Правды“ отводится самое широкое мѣсто.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ: на 1 г.—4 р., на 11 м.—3 р. 70 к., на 10 мѣс.—3 р. 25 к., на 9 мѣс.—3 р., на 8 мѣс.—2 р. 70 к., на 7 мѣс.—2 р. 35 к., на 6 мѣс.—2 р., на 5 мѣс.—1 р. 50 к., на 4 мѣс.—1 р. 35 к., на 3 мѣс.—1 р., на 2 мѣс.—75 к., на 1 мѣс.—50 к.

ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ: на 1 годъ—5 р., на 11 мѣс.—4 р. 75 к., на 10 мѣс.—4 р. 25 к., на 9 мѣс.—3 р. 75 к., на 8 мѣс.—3 р. 40 к., на 7 м.—2 р. 95 к., на 6 мѣс.—2 р. 50 к., на 5 мѣс.—2 р., на 4 мѣс.—1 р. 85 к., на 3 мѣс.—1 р. 40 к., на 2 мѣс.—1 р. 10 к., на 1 мѣс.—70 к.,

Подписка принимается на всѣ сроки: въ главной конторѣ редакціи—Спб., Невскій пр., д. № 112, кв. 8, въ экономическомъ обществѣ общ. свар. корп. (Литейный, 18). Годовая подписка принимъ въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, т-ва Вольфъ, конторѣ объѣден. Метцль и К^о, кіоскахъ Пташниковъ и др. Въ провинціи—во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Допускается разсрочка годовымъ подписчикамъ: при подпискѣ 1 р. и затѣмъ ежемѣсячно по 1 р. Войсковымъ частямъ, учителямъ сельскихъ школъ, крестьянамъ, сельск. общ. и волостн. правл. въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и для городскихъ подписчиковъ.

О подпискѣ въ 1907 году на

С О О Б Щ Е Н І Я

Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ВЫПУСКАХЪ

(восемнадцатый годъ изданія).

„Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества“—единственный въ Россіи журналъ, посвященный вопросамъ востоковѣдѣнія въ обширномъ смыслѣ. Его задача—изученіе Востока Ближняго въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ и на протяженіи всей многовѣковой его исторіи вплоть до нашего времени. Палестина, Сирія, Византія, Греція, Египеть, Аѳонъ, Синай, Кипръ, Славянскія земли—вотъ страны и мѣстности, подлежашія изученію въ журналѣ, причемъ преимущественное вниманіе будетъ удѣляться Святой Землѣ, съ ея многочисленными святыми мѣстами. Церковная и гражданская исторія этихъ странъ и мѣстностей, археологія, литература, географія, тонографія, современный бытъ въ самыхъ разнообразныхъ развѣтвленіяхъ, отдѣлахъ и вопросахъ—вотъ центральные пункты журнальной программы. Въ частности, въ журналѣ будутъ помѣщаться—ислѣдованія по различнымъ научнымъ вопросамъ, очерки дѣятельности восточныхъ іерарховъ, церковно историческіе и иные матеріалы, описанія путешествій современныхъ и давнихъ, обзоръ сношеній Востока съ Россіей и характеристики русскихъ дѣятелей, описаніе дѣятельности инославной пропаганды на Востокѣ, свѣдѣнія о положеніи здѣсь русскаго дѣла, вѣсти и корреспонденціи о современной церковно-общественной жизни на Востокѣ, обзоръ иностранной литературы и переводы лучшихъ иностранныхъ сочиненій по востоковѣдѣнію, критика и библиографія русскихъ изданій, мелкія извѣстія и замѣтки, официальные отчеты и сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества и т. д. Статьи будутъ носить частью научный, частью популярный характеръ. Нѣкоторыя изъ нихъ будутъ иллюстрированы.

Цѣль изданія—служить духовному единенію между Православнымъ Востокомъ и Россіей путемъ научнаго изученія и объективнаго изслѣдованія прошлаго и настоящаго состоянія Востока, а равно ихъ взаимныхъ отношеній.

Въ теченіе 1907 г. „Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества“ будутъ изданы въ четырехъ выпускахъ, по десяти печатныхъ листовъ въ каждомъ.

Подписная цѣна на „Сообщенія“ въ 1907 году—три рубля съ адресною.

Подписка принимается исключительно въ Капцеларіи Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества: С.-Петербургъ, Вознесенскій просп., д. № 36.

Рукописи, съ обозначеніемъ условій и четко переписанныя, посылаются въ редакцію: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 170, кв. 50.

Редакторъ профессоръ С.-Петербургской духовной академіи

Ив. Ив. Соколовъ.

ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ И

ИЗВѢСТІЯ ПО ЛИТЕРАТУРѢ, НАУКАМЪ И БИБЛІОГРАФІИ,

издаваемый Т-вомъ М. О. Вольфъ.

„Вѣстникъ Литературы“ и „Извѣстія“ будутъ выходить ежемѣсячными иллюстрированными выпусками, въ двухъ самостоятельныхъ отдѣлахъ, изъ которыхъ первый — „Вѣстникъ Литературы“ — будетъ заключать въ себѣ статьи по вопросамъ литературы, науки и библіотечнаго дѣла, критическіе разборы новыхъ книгъ, біографіи, воспоминанія и неизданныя письма писателей, очерки о современныхъ теченіяхъ въ литературѣ, историко-литературныя изслѣдованія, статьи по техникѣ чтенія и пр., и пр.; во второмъ же отдѣлѣ — „Извѣстіяхъ“ — будутъ помѣщаться: хроника литературнаго міра и книжныхъ новостей въ Россіи, вѣсти изъ Франціи, Германіи, Англіи, Америки, славянскія извѣстія, *Rossica*, новости по библіографіи и библіотечному дѣлу, справки по вопросамъ, касающимся книгъ (почтовый ящикъ) и, кромѣ того, ежемѣсячные систематическіе каталоги всѣхъ выдающихся новыхъ книгъ, русскихъ и иностранныхъ, списки книгъ, находящихся въ печати, спеціальныя каталоги по разнымъ отраслямъ знанія, указатели главнѣйшихъ журнальныхъ статей и т. п.

Первый отдѣлъ журнала будетъ иллюстрированъ снимками съ замѣчательныхъ произведеній печати, сценами изъ сочиненій выдающихся авторовъ, русскихъ и иностранныхъ, портретами, библіотечными знаками, рѣдкими автографами и пр., и пр.

Годовая подписная цѣна „Вѣстника Литературы“, вмѣстѣ съ „Извѣстіями по Литературѣ“, съ дост. и перес. **ОДИНЪ РУБЛЬ.**

Съ перес. за границу — 1 р. 50 к. (= 4 франка).

Подписка принимается въ редакціи, въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 16 линія, 5—7, с. д., а также въ конторахъ „Вѣстника Литературы“, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ: въ С.-Петербургѣ: 1) Гостинный Дворъ, 18, и 2) Невскій пр., 13; въ Москвѣ: 1) Кузнецкій Мостъ, 12, д. Дзамгаровыхъ, и 2) Моховая ул., 22, д. Чижова и Курьиндиной (противъ университета).

ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

„ДѢЯТЕЛЪ“

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ:

- 1) Правительственныя распоряженія.
- 2) Статьи литературнаго, экономическаго, гигиеническаго, педагогическаго и медицинскаго содержанія.
- 3) Повѣсти, рассказы, стихотворенія и другія статьи бытового, нравственнаго и историческаго содержанія.
- 4) Письма изъ провинціи.
- 5) Свѣ-

дѣнія, полезныя въ жизни. 6) Изъ жизни и печати. 7) Свѣдѣнія о дѣятельности благотворительныхъ учреждений. 8) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и другихъ странахъ. 9) Свѣдѣнія о дѣятельности Обществъ трезвости въ Россіи и за границею. 10) Протоколы Казанскаго Общества Трезвости. 11) Критика и библиографія. 12) Объявленія.

Подписная цѣна за годъ 2 рубля. Полугодовая подписка не принимается, а съ приложеніемъ №№ газеты Русь Православная и Самодержавная за годъ 5 руб.

Журналъ за 1904 годъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министер. Народ. Просвѣщ. въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

Выписывающіе за 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905 и 1906 годы платятъ 20 рублей и получаютъ всѣ изданія общества бесплатно.

Адресъ редакціи: Казань.

Редакторъ-издатель **А. Т. Соловьевъ.**

XX г. изданія. „КОРМЧИЙ“ XX г. изданія.

издаваемый при участіи отца Іоанна Кронштадтскаго за 4 рубля въ годъ съ пересылкой даетъ:

52 №№ иллюстрированнаго журнала разнообразнаго интереснаго духовно - нравственнаго содержанія. Въ журналѣ, между прочимъ, будутъ продолжаться печатаніемъ статьи, имѣвшія выдающійся успѣхъ въ прошлыхъ годахъ: отвѣты на недоуменные вопросы,

Священ. В. А. Черкесова и его же

„Краткіе вопросы вопрошающимъ“ на личные запросы каждаго.

Къ журналу бесплатно прилагаются:

52 №№ еженедѣльнаго вѣстника подъ заглавіемъ Современное Обозрѣніе событій текущей жизни, издаваемого по программѣ: 1) руководящая передовая статья на современныя темы; 2) церковная жизнь; 3) общественная жизнь; 4) заграничныя извѣстія; 5) добрые люди нашего времени; 6) полезныя совѣты и указанія; 7) разныя замѣтки; 8) изъ газетъ и журналовъ.

52 №№ иллюстрированныхъ листовъ по житіямъ воскресныхъ святыхъ (для чтенія въ храмѣ и семьѣ въ праздничные дни, а также для бесплатной раздачи народу въ церквахъ).

12 Книжекъ для народа подъ общимъ заглавіемъ: Народная бібліотека „Кормчаго“, состоящая изъ ряда назидательныхъ разсказовъ изъ быта народнаго, школьнаго, миссіонерскаго, военнагои проч.

12 Православно-миссіонерскихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ отвѣты на недоумѣнные вопросы расколо-сектантства.

12 иллюстрированныхъ листовъ на современно-общественные вопросы, выдвигаемые настоящимъ смутнымъ временемъ.

1 книга проповедей на всѣ воскресные и праздничные дни цѣлаго года, а также на разные случаи приходской жизни. Для удобства пользованія этимъ весьма цѣннымъ для Пастырей-Проповѣдниковъ прило-

женіемъ, редакція разошлетъ его при первомъ же № журнала на 1907 годъ.

12 книжекъ подъ общимъ заглавіемъ: „Современные вопросы при свѣтѣ христіанства“.

Журналъ „Кормчій“ одобренъ и рекомендованъ разными вѣдомствами.

Выписывающіе 10 экз. годовыхъ получаютъ еще 1 экз. бесплатно.

Подписку на журналъ „Кормчій“ посылать по такому адресу: Москва, Большая Ордынка, домъ Королева, въ редакцію журнала „Кормчій“.

Редакторъ Протоіерей *И. Н. Бухаревъ*.

Издатель Священникъ *С. С. Ляпидевскій*.

„НАСТАВЛЕНІЯ И УТѢШЕНІЯ СВ. ВѢРЫ ХРИСТІАНСКОЙ“.

Движимый желаніемъ не только молитвою, но и дѣломъ служить духовному назиданію русскаго христіолюбиваго народа, Русскій на Афонѣ Общежительный Скитъ святаго Апостола Андрея Первозваннаго предпринялъ въ 1887 году изданіе въ г. Одессѣ періодическаго духовнаго листка подъ названіемъ „Наставленія и Утѣшенія св. вѣры христіанской“. Въ 1902 году это изданіе подвергнуто было измѣненіямъ, частью вызваннымъ духовными нуждами читателей, частью вытекавшимъ изъ сознанія издателей, что они по мѣрѣ силъ своихъ должны удовлетворять современнымъ запросамъ мысли и чувства. Въ 1907 году журналъ „Наставленія и Утѣшенія“ будетъ неуклонно слѣдовать вновь принятому съ 1902 года направленію.

ПРОГРАММА

духовнаго журнала „Наставленія и Утѣшенія св. вѣры христіанской“ съ добавленіемъ отдѣла „Вѣсти съ Афона“.

1) Выписки изъ твореній св. отцовъ Церкви и изъ произведеній благочестивыхъ писателей позднѣйшаго времени, вызываемыя современными потребностями, по изданіямъ въ разныхъ духовныхъ журналахъ, бывшихъ уже въ разсмотрѣніи духовной цензуры.

2) Выписки изъ богослужебныхъ молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній въ славянскомъ текстѣ съ прибавленіемъ русскаго перевода, если таковой окажется въ духовныхъ изданіяхъ, одобренныхъ цензурою, (какъ напр., въ трудахъ проф. Сиб. Академіи Ловягина, въ журналѣ „**Душеполезное Чтеніе**“ и т. п.) и въ трудахъ русскихъ поэтовъ.

3) Бесѣды, поученія, слова и рѣчи извѣстныхъ проповѣдниковъ.

4) Назидательныя сказанія изъ житій святыхъ мужей и женъ.

5) Сказанія о проявленіи благодатной силы Божіей въ разнаго рода явленіяхъ, извлекаемыя изъ оглашаемыхъ въ печати извѣстій.

6) Статьи по разнымъ отраслямъ церковной исторіи и историко-литературнаго знанія, преимущественно имѣющія отношеніе къ Афону, Православной Восточной и Русской церковной жизни.

7) Статьи, сообщенія и необнародованные матеріалы церковно-литургическаго и церковно-археологическаго характера (съ рисунками).

8) Описанія праздниковъ и обрядовъ, совершаемыхъ во славу Господа и Святыхъ Его.

9) Описанія и повѣствованія изъ церковно-исторической жизни Аеоны и Православнаго Востока.

10) Описаніе путешествій ко святымъ мѣстамъ, а также храмовъ, обителей, священныхъ предметовъ Богопочитанія и иныхъ памятниковъ христіанской святыни на Аеоны, на Православномъ Востоку и въ нашемъ отечествѣ (съ рисунками).

11) Жизнеописанія іерарховъ, подвижниковъ и дѣятелей Греково-восточно-Россійской церкви (съ рисунками и портретами).

12) Событія и явленія текущей церковно-религіозной жизни на Аеоны и на Православномъ Востоку, а также въ Россіи.

13) Библиографическія замѣтки о новыхъ русскихъ книгахъ и издавіяхъ церковнаго и духовно-нравственнаго содержанія.

14) Разныя отрывочныя извѣстія и замѣтки; корреспонденція, объявленія.

Изданіе будетъ выходить **одинъ разъ въ мѣсяць**, въ объемѣ 6 печатныхъ листовъ.

Цѣна на годъ **ТРИ рубля** съ доставкою городскимъ подписчикамъ и съ пересылкою иногороднимъ.

Желающіе выписывать журналъ „**Наставленія и Утѣшенія св. Вѣтры Христіанской**“ за 1887, 1888 и 1890 гг. могутъ получить въ переплетъ и съ пересылкою по цѣнѣ **3 руб. 25 коп.** За 1897, 1898, 1901, 1902, 1903 и 1904 гг. съ пересылкою безъ переплета—**3 руб.**

Подписку на изданіе просятъ адресовать: **въ гор. Одессу, на Подворье Русскаго на Аеоны Свято-Андреевскаго Общежительнаго Снита, Рыбная ул., д. № 58, Довѣренному Сниту.**

Съ требованіями по дѣламъ редакціи просятъ обращаться по адресу: **Одесса, Одесскій Кадетскій Корпусъ.**

Редакторъ, Протоіерей *Сергій Петровскій.*

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

„БОЖІЯ НИВА“

Троицкій собесѣдникъ для православной семьи и школы

въ 1907 году (шестой годъ изданія)

съ Божіей помощью будетъ продолжаться по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прежде.

„БОЖІЯ НИВА“ имѣетъ цѣлю оказывать нравственную поддержку всѣмъ, кто трудится въ великомъ дѣлѣ воспитанія дѣтей въ духъ христіанскаго благочестія; дать этимъ труженикамъ возможность обмѣниваться мыслями по тѣмъ вопросамъ, которые особенно тревожатъ ихъ христіанскую совѣсть; показывать на фактахъ, какъ велико и свято то дѣло, коему они служатъ, какъ и чѣмъ проявляетъ себя это дѣло въ школьной и семейной жизни; въ чемъ состоитъ тотъ идеаль, къ ко-

ему должна быть направлена *вся ить* воспитательная работа. „БОЖІЯ НИВА“ стремится указывать тѣ пути и средства, коими воздѣлывается добрая по природѣ своей нива дѣтскаго сердца. Теплое сочувствіе, съ какимъ повсюду встрѣчено было наше скромное изданіе, даетъ намъ увѣренность, что руководители подростяющаго поколѣнія находятъ въ немъ то, что такъ благопотребно для нихъ особенно въ наше время, время всякихъ тлетворныхъ вѣяній не только въ области воспитанія, но и вообще въ религіозной жизни современнаго общества.

Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ изданіе одобрено для выписки въ бібліотеки народныхъ школъ.—Епархіальные Училищные Совѣты могутъ вносить „Божію Ниву“ въ списокъ изданій, требуемыхъ ими изъ Училищнаго при Св. Синодѣ Совѣта за счетъ суммъ, ассигнуемыхъ на школьныя бібліотеки.

Въ составъ программы сего изданія входятъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Церковь и школа. II. Семья и школа. III. Школа и народная жизнь. IV. Школа какъ воспитательница эстетическаго чувства. V. Письма и восходы: мѣтопись церковныхъ школъ. VI. Переписка нашихъ читателей. VII. Наши дневники. Приложенія: «Зернышки Божіей нивы». Троицкое чтеніе для дѣтей. (12 №№ въ годъ).

Сроки выхода—12 разъ въ годъ.

Годовая подписка съ приложеніями ОДИНЪ РУБЛЬ съ пер.

Подписка на текущій годъ продолжается. Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе №№ съ приложеніями. *Подписка принимается только въ Редакціи.* Желающіе подписываться чрезъ книжные магазины должны предупреждать о доставкѣ полной подписной стоимости журнала (1 руб.). *Коммисіонная скидка не допускается.*

Подписка на полгода и на отдѣльные мѣсяцы не принимается.

Первые пять томовъ „БОЖІЕЙ НИВЫ“ можно получать въ переплетъ по 1 р. 25 к. каждый томъ, а въ коленкоровомъ переплетѣ по 1 р. 75 к. съ пересылкой.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію „Божіей Нивы“.

Первый годъ изданія.

Открыта подписка на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ

МЕНТАЛИЗМЪ

(Подписной годъ съ декабря мѣсяца).

Въ годъ 12 номеровъ. Выходить 12 числа каждаго мѣсяца.

Журналъ посвященъ исключительно Ментализму и оккультнымъ наукамъ, дающимъ возможность каждому развивать свои духовныя способности для примѣненія ихъ въ жизни, такъ какъ сила внутри насъ, и искусство правильно пользоваться этой силой можетъ дать блестящіе результаты въ достиженіи успѣха въ своихъ предпріятіяхъ. Къ несчастью, очень многіе игнорируютъ эту силу, не подозревая ея присутствія, и терпятъ всякаго рода лишенія и неудачи. А между тѣмъ мысль безгранично могущественна, она даетъ полную возможность сдѣлать счастливымъ не только себя, но и другихъ. Нашъ журналъ будетъ посвящать своихъ читателей въ принципы наукъ, берущихъ свое начало въ Ментализмъ. Личный и лѣчебный магнетизмъ, гипнотизмъ, телепатія, ясновидѣніе и проч. будутъ подробно изложены на страницахъ „Ментализма“, а также много будетъ дано матеріала для изученія френологіи, физіономики, графологіи, хирософіи и др. Кромѣ этого намѣчено много статей изъ популярнаго журнала „Новыя Мысли“, имѣющаго въ Новомъ и Старомъ Свѣтѣ громаднѣйшую аудиторію читателей. Источниками служатъ корифеи оккультныхъ наукъ, какъ-то: В. Аткинсонъ, Мартинъ де-Баскали, Д. Бодиско, Эрнестъ Боскъ, С. Гута, Дарель, Г. Джексонъ, Дюрвилъ, Ле-Зоаръ, Элифасъ Леви, Карлъ дю-Прель, Баронъ Карлъ фонъ-Рейхенбахъ, Роша, д-ръ Старъ, В. Торнболъ, д-ръ Ж. Энкосъ (Папюсъ), К. Фламарионъ и др. Для болѣе легкаго и удобнаго изученія статей по специальнымъ вопросамъ онѣ будутъ снабжены многочисленными рисунками. Являясь первымъ пионеромъ для Россіи въ популяризаціи ментальной силы, редакція задалась мыслию создать сознательную ментальную семью изъ своихъ подписчиковъ для успѣшной борьбы съ житейскими невзгодами, для чего и включаетъ ихъ безплатно въ члены Перваго въ Россіи Кружка Менталистовъ, чтобъ каждый изъ нихъ, войдя въ цѣпь ментальной вибраціи, могъ пользоваться на практикѣ Ментальной силой. Портретная галерея свѣтилъ оккультизма.

Подписная цѣна на годъ 12 рублей, за границу 15 рублей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Марьяна роша, Старое шоссе, 1-й пр., д. Урусовой, кв. № 6. Тел. 105-50.

Редакторъ-Издатель *Н. Б. Бутовтъ.*

XXXI ГОДЪ ИЗДАНИЯ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

ЗДАДУШЕВНОЕ СЛОВО

ДВА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ иллюстрируемые журнала для детей в юности, основанные С. М. МАКАРОВОЙ и издающиеся под редакцией П. М. ОЛЬХИНА.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ НАЧАЛСЯ 1-го НОЯБРЯ 1906 Г. — ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл.“ для детей

МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 5 до 9 лѣтъ) получаютъ

52 №№ и 42 ПРЕМИИ.

Въ числѣ послѣднихъ: БОЛЬШУЮ КАРТИНУ въ 22 краски „МАЛЕНЬКЕ, ДА УДАЛЕНЬКЕ“; 12 картинокъ ИГРЪ И ЗАНЯТІЙ на раскраш. и черк. листахъ; „МАЛЕНЬКИЙ РУССКИЙ ИСТОРИКЪ“; 6 нн. „СИБИЛЮТЕНИ МАЛЕНЬКАГО ЧИТАТЕЛЯ“ и ин. др.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаться: „ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕЧКА“ и „ДѢТСКАЯ МОДА“; Подписная цѣна каждого изданія „Здудушевнаго Слова“, со всѣми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой — въ годъ **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.**

Допускается расрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая — по съ требованіемъ, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращается: въ конторы „ЗДАДУШЕВНАГО СЛОВА“, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Волъфъ—С. ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Гостиный Дворъ, 18, или 2) Невскій пр., 13.

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл.“ для детей

СТАРШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 9 до 14 лѣтъ) получаютъ

52 №№ и 37 ПРЕМИЙ.

Въ числѣ послѣднихъ: КВАРЦЕВУЮ КАРТИНУ — ПОСЛѢДНЯЯ НАДЕНДА“; „ИСТОРИЮ НАПОЛЕОНА“; ЭКОНОМ. нн. „ЛЕРМОНТОВЪ ВЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ“; 12 картинокъ нн. ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ для юношества и ин. др.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаться: „ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕЧКА“ и „ДѢТСКАЯ МОДА“.

Подписная цѣна каждого изданія „Здудушевнаго Слова“, со всѣми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой — въ годъ **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.**

Допускается расрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая — по съ требованіемъ, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращается: въ конторы „ЗДАДУШЕВНАГО СЛОВА“, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Волъфъ—С. ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Гостиный Дворъ, 18, или 2) Невскій пр., 13.

2 р.

ЗА ГОДЪ — 6 РУБЛЕЙ, РАСРОЧКА — ПО 2 РУБЛЯ.

XXXI ГОДЪ ИЗДАНИЯ

„П Н Е В М А“.

Приборъ для лѣченія легочныхъ болѣзней

(инфлуэнца-гриппъ, бронхитъ, чахотка и т. д.),

**а также для отвычки отъ табаконуренія и исправленія
голоса.**

Изобрѣтеніе врача **М. Н. Глубоковскаго.**

Разрѣшено Медицинскимъ Совѣтомъ (№ 2581).

До сихъ поръ при лѣченіи болѣзней легкихъ всѣ лѣкарства вводились и вводятся въ организмъ черезъ желудокъ. Не говоря о томъ, что при введеніи черезъ желудокъ лѣкарства дѣлаютъ весьма длинный обходный путь, поступаая въ общій токъ крови, чтобы достигъ легкихъ и бороться съ бактеріями, на самый желудокъ эти вещества (при чахоткѣ обыкновенно гваяколь и креозотъ) дѣйствуютъ чрезвычайно вредно, тогда какъ при чахоткѣ и вообще при легочныхъ болѣзняхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ хорошее питаніе. Въ итогѣ неизвѣстно, чего больше получается: пользы или вреда.

„Пневма“ даетъ возможность вводить лѣкарственные вещества прямо въ большія легкія, минуя желудокъ и дѣйствуя непосредственно на бактеріи.

Подробныя объясненія и наставленіе прилагаются при „Пневмѣ“, отдѣльно же высылаются за двѣ 7-ми коп. почт. марки.

Цѣна прибора три рубля, съ пересылкой 3 р. 50 к.

Адресъ для требованій: Москва, Долгоруковская, д. 42, кв. 5. Влад. М. Глубоковскому.

Н О В Ы Я К Н И Г И:

Проф. А. Спасскій. Исторія догматическихъ движеній въ эпоху вселенскихъ соборовъ (въ связи съ философскими ученіями того времени). Т. 1-й: тринитарный вопросъ (исторія ученія о св. Троицѣ). Ц. 2 р. 50 к.

Его же. Обращеніе императора Константина Великаго въ христіанство. Ц. 40 к.

Проф. А. Гарнакъ. Религіозно-нравственныя основы христіанства въ историческомъ ихъ выраженіи. (Изъ исторіи миссіонерской проповѣди христіанства за первые три вѣка). Ц. 1 р. 50 к.

Спрашивать въ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

„ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ“

МОЖНО ПРИОБРѢТАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ протоіерея Д. Ѳ. Насицына редактора журнала „Душеполезное Чтеніе“ съ приложеніемъ портрета, факсимиле и рисунка. Москва. 1902 г. Цѣна 1 руб. съ пересылкой.

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНІЕ ЯЗЫЧЕСТВА. Опытъ философской исторіи естественныхъ религій. Проф. М. Д. Акад. А. И. Введенскаго, т. I (стр. XII+752). Цѣна 3 руб. съ пересылкой.

Полное собраніе РЕЗОЛЮЦІЙ ФИЛАРЕТА, Митрополита Московскаго. (Съ приложеніемъ портрета М. Филарета) съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. И. Н. Корсунскаго и протопресвитера В. С. Маркова. Томъ I. (XX+2+619 стр.). Цѣна 2 руб. съ пересылкой. Томъ II (вып. 1, 2 и 3). Цѣна 2 р. съ пересылкой.

Д. Б. ЕПИСКОПА ВИССАРИОНА: 1) Поученія, говоренныя въ Костромѣ въ 1897 году. Ц. 80 к., съ пер. 1 руб. 2) Костромскія поученія за 1898 годъ. Ц. 1 руб., съ пер. 1 руб. 20 к. 3) Костромскія поученія за 1899 годъ. Ц. 1 руб., съ пер. 1 руб. 20 коп. 4) Костромскія поученія за 1900 годъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. 5) Костромскія поученія за 1901 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 6) Костромскія поученія за 1902 годъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 7) Костромскія поученія за 1903 годъ. Цѣна 80 коп. съ перес. 1 руб. 8) Костромскія поученія за 1904 годъ. Ц. 50 к., съ пер. 70 коп. 9) Толкованіе на париміи изъ новозавѣтныхъ книгъ. 1895. Ц. 40 к. съ перес. 50 к. 10) Толкованіе на париміи изъ книгъ пророковъ: Іереміи, Іезекииля, Даниила, Іоила, Іоны, Михея, Софоніи, Захаріи и Малахіи. 1892 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. 11) Толкованіе на париміи изъ книги пророка Исаіи. Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 50 к. 12) Голосъ пастыря. 1893. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 13) Духовная пища. Сборникъ для религіознаго чтенія. 1891. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 14) Изъясненіе молитвы Господней. Ц. 15 к. 15) Христіанскіе уроки. Второе изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 16) Сборникъ для назидательнаго чтенія. Второе изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 17) Духовный свѣтъ. Второе изданіе. Ц. 1., съ пер. 1 р. 20 к. 18) О вечернѣ. Два публичныхъ чтенія. Изд. 1891 г. Ц. 30 к., съ пер. 35 к.

Расколы первыхъ вѣковъ христіанства. Монтеанизмъ, новаціанство, допатизмъ и вліяніе ихъ на раскрытіе ученія о Церкви. Изслѣдованіе Д. *Касицына*. Выпускъ первый. 1889 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сказаніе о житіи оптинскаго старца Іеросхимонаха отца Амвросія. Архим. Григорій (Борисоглѣбскаго). Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Святитель Ѳеоданъ, затворникъ и подвижникъ Вышенской пустыни. И. А. Крутикова. 1899 г. Ц. 50 к. съ пер. 65 к.

Высокопресвящ. Иннокентій, Арх. Таврическій. Ц. 1 р. съ пересылк.

Преподобный Серафимъ Саровскій. Ц. 60 к. съ пересылкой.

Христіанство и социальная реформа. Ц. 15 к. съ пересылкой.

Указатели къ Душеполезному Чтенію: за 1860—1869 гг., 1880—1889 годовъ, по 15 к. за каждое десятилѣтіе.

**Кромѣ сихъ книгъ тамъ же можно пріобрѣтать слѣдующія
брошюры Епископа ВИССАРІОНА:**

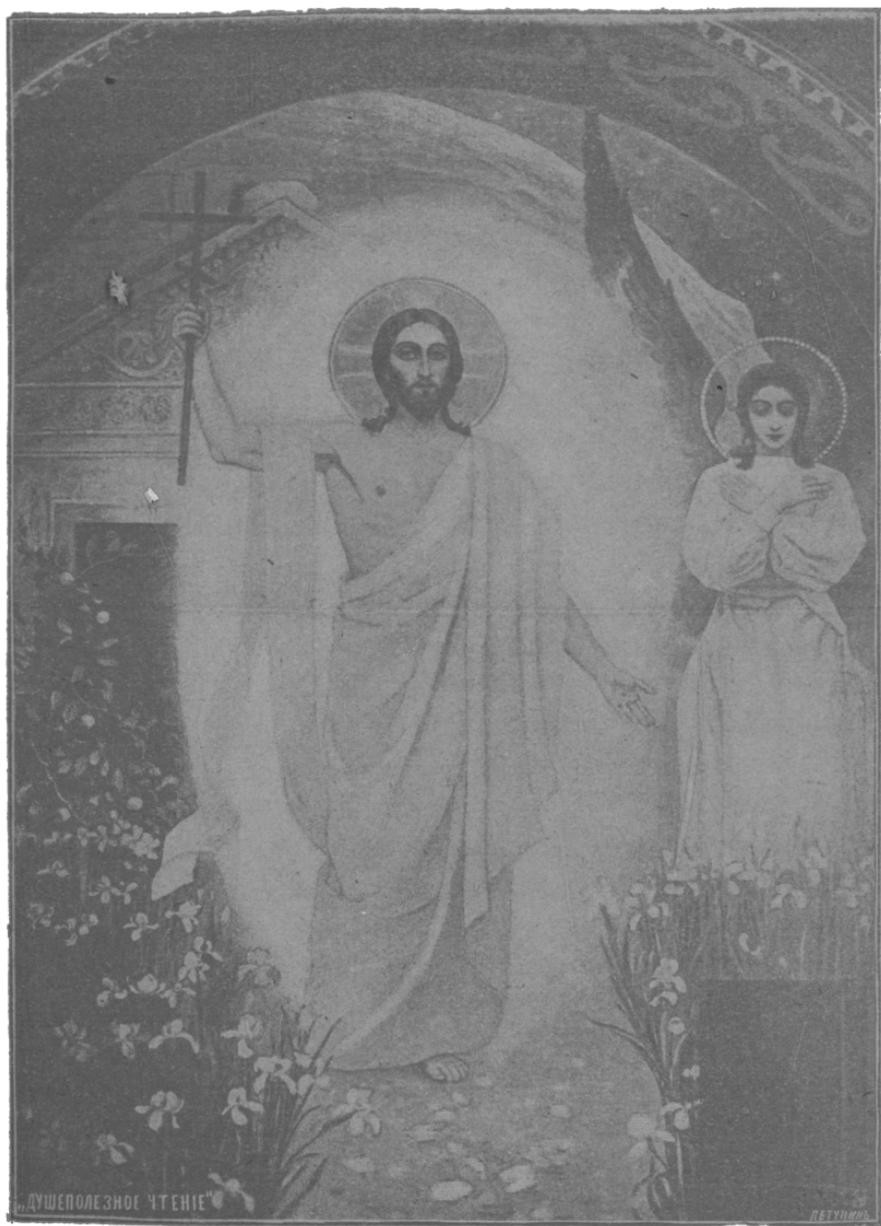
1. **Грѣхи чувствъ:** зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе, осязаніе и внутреннее чувство. Ц. 6 коп.
2. **Раздоръ между мужемъ и женой.** Ц. 5 к.
3. **Духовное завѣщаніе.** Ц. 4 к. 4. **Гордость.** Ц. 4 к. 5. **Старость.** Четвертое изданіе. Ц. 7 к. 6. **Братья и сестры.** Ц. 4 к. 7. **Сверови и невѣстки.** Ц. 5 к. 8. **О христіанскихъ именахъ.** Ц. 3 к. 9. **Изреченія слова Божія, располагающія къ покаянію.** Третье изданіе. Ц. 2 к. 10. **О тѣлесныхъ дѣйствіяхъ при богослуженіи и молитвѣ** (стояніе, колѣнопреклоненіе, паденіе ницъ, воздѣланіе рукъ, поклоненіе лицомъ на востокъ, крестное знаменіе). Третье изданіе. Ц. 3 к. 11. **Радости и скорби родителей о дѣтяхъ.** Пятое изданіе. Ц. 2 к. 12. **Многочадіе и безчадіе.** Четвертое изданіе. Ц. 3 к. 13. **Святость брачнаго союза.** Изданіе второе. Ц. 4 к. 14. **Дружба.** Шестое изданіе. Ц. 4 к. 15. **О путешествіяхъ къ святымъ мѣстамъ.** Второе изданіе. Ц. 3 к. 16. **Лица безбрачныя.** Шестое изданіе. Ц. 4 к. 17. **Утѣшеніе и совѣты людямъ, живущимъ въ бѣдности.** Пятое изданіе. Ц. 2 к. 18. **Доброе имя.** Шестое изданіе. Ц. 2 к. 19. **Женихи и невѣсты.** Шестое изданіе. Ц. 4 к. 20. **Отчимы и мачехи, пасынки и падчерицы.** Шестое изданіе. Ц. 4 к. 21. **Изъясненіе краткихъ изреченій, употребляемыхъ въ богослуженіи.** Четвертое изданіе. Ц. 5 к. 22. **Нѣчто о вечеринкахъ и балахъ.** Изд. 2-е. Ц. 4 к. 23. **Убогіе.** Изд. 5-е. Ц. 4 к. 24. **Сиротство.** Изд. 5-е. Ц. 4 к. 25. **Вдовство.** Изд. 5-е. Ц. 4 к. 26. **Инокъ ПАРФЕНІА. Число раскольниковъ.** Ц. 2 к. 27. **Преосвященнаго ІЕРЕМІИ—отшельника. Врачевство духовное отъ міра собираемое** (52 стр.). Ц. 10 к. 28. **Врачи и ихъ пациенты.** Второе изданіе исправленное и дополненное. Ц. 5 к. 29. **Лѣствица добродѣтелей.** Уроки христіанскаго усовершенствованія по руководству **Лѣстницы** преподобнаго отца нашего Іоанна, игумена Синайской горы. **Лѣствичника** (52 стр.). Цѣна 10 к. 30. **Высокое значеніе храма Божія.** Изданіе второе. Цѣна 4 коп.

Всѣ 30 брошюрь (въ нихъ около 825 стран.) съ пересылкой 1 р. 25 к.

При выпискѣ книгъ и брошюрь сразу на 25 и болѣе рублей 20%_с уступки и пересылка на счетъ редакціи.

Нѣкоторые спрашиваютъ **Душеполезное Чтеніе за всѣ годы его изданія**, но, вмѣсто изданія за **сорокъ семь лѣтъ**, полные экземпляры **Душеполезнаго Чтенія** имѣются только за пятнадцать лѣтъ, за 1887, 1888, 1890, 1893, 1894, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904.

1905 и 1906 годы, которые и продаются по **2** рубля, каждый годъ, съ пересылкой.

Воскресеніе Христова.

Работа художника М. В. Нестерова (Кіевскій Владимірскій соборъ).

ЦѢЛИ И СРЕДСТВА.

Вы будете, какъ боги, знающіе добро и зло (Быт. 3, 5).

Познаете истину, и истина освобождаетъ васъ свободными (Іоан. 8, 32).

Люди прошлыхъ вѣковъ пытались находить въ Библии ключъ для рѣшенія и пониманія самыхъ различныхъ загадокъ и вопросовъ. По Библии хотѣли учиться астрономіи, геологіи, исторіи. По Библии хотѣли опредѣлять судьбы будущаго. Ей ставили вопросы объ исходѣ войнъ, о судьбѣ народовъ, о концѣ міра. Библия являлась универсальнымъ учебникомъ и гидомъ. Этотъ взглядъ теперь отвергають какъ невѣрующіе, такъ и вѣрующіе. Съ точки зрѣнія послѣднихъ сфера Библии есть исключительно религіозная. Изъ нея должно извлекать религіозныя истины и заповѣди и ничего болѣе. Библия не учитъ, какъ движется земля и какъ идетъ небо (видимое), но она учитъ, какъ идти къ небу (невидимому). Таковъ взглядъ многихъ вѣрующихъ.

Область Библии есть только религія. Но дѣло въ томъ, что религія есть все или ничто. Если Библия есть богодухновенный источникъ религіозной истины, она есть все; если религія есть только самообманъ человѣчества, то Библия есть продуктъ самой убыточной формы этого самообмана.

Библия есть истина. Такова наша вѣра. Какъ истина, она должна открыть глаза натуралисту на природу и историку на исторію. Какъ истина, она должна научить

всему, но въ духѣ, а не въ буквѣ, въ принципахъ, а не въ подробностяхъ. Люди глубокаго благочестія постоянно читаютъ Библію и постоянно извлекаютъ изъ нея все новые и новые уроки. Но истина Библии не дается сразу и задаромъ. Библія — не учебникъ, содержаніе котораго можно бы было легко исчерпать и потомъ отбросить. Библія — слово Бога обращенное къ человѣку — постольку дается человѣку, поскольку человѣкъ отдается Богу.

Истина даетъ счастье. Всѣ ищутъ счастья, но счастье не дается людямъ. Что нужно дѣлать, чтобы стать счастливыми? Библія съ непререкаемою ясностью разъясняетъ, и почему люди несчастны, и какъ найти счастье. И отвѣты Библии вполне отвѣчаютъ голосу нашей собственной природы, какъ одна истина всегда будетъ совпадать съ другою. Постараемся выяснитъ это.

Лессингъ сказалъ: если бы Богъ держалъ въ одной рукѣ истину, а въ другой — ея исканіе и предложилъ мнѣ на выборъ взять то или другое, я взялъ бы послѣднее. Подобную мысль, но въ другой формѣ, выразилъ Фихте. *Frei sein ist Nichts—frei werden ist Himmel*—быть свободнымъ не значить ничего, становиться свободнымъ, это—небо. Такія изреченія обыкновенно трактуютъ, какъ примѣры смѣшенія средствъ съ цѣлями. Въ учебникахъ психологіи издавна развивается такая теорія. Если человѣкъ намѣчаетъ себѣ какую-нибудь цѣль и стремится къ ней, то нерѣдко бываетъ, что самый процессъ стремленія, средства употребляемые для цѣли становятся самодовлѣющей цѣлью. Приводятъ обыкновенно въ примѣръ скупцовъ, которые сначала собираютъ богатства и деньги, чтобы наслаждаться, а потомъ находятъ наслажденіе въ самомъ процессѣ собиранія и накопленія. Деньги становятся для нихъ самодовлѣющей цѣлью. Оставимъ пока въ сторонѣ скупцовъ. Постараемся лучше и правильнѣе понять Лессинга и Фихте. Допустимъ на минуту, что они не правы. Допустимъ, что Лессингъ долженъ былъ взять истину, а Фихте—свободу вмѣсто того, чтобы ограничи-

сзаться только стремленіемъ къ нимъ. Но возможно ли это? Можно ли получить истину и свободу, какъ вѣчто внѣшнее? Можно получить яблоко, даже цѣлое царство отвявъ, но нельзя получить самого себя отъ кого-нибудь другого. Истина, которою владѣеть человѣкъ, неотдѣлима отъ человѣка. Онъ можетъ приобрѣсти ее только путемъ собственной самодѣятельности. Человѣку сообщается истина, что Библія есть божественное откровеніе. Чрезъ это сообщеніе Библія еще не станетъ для него божественнымъ откровеніемъ. Онъ можетъ знать ее всю наизусть, и она останется для него мѣдью звенящею и кимваломъ бряцающимъ. Для того, чтобы человѣкъ воспринялъ Библию, какъ божественное откровеніе, нужно, чтобы онъ воспиталъ свой духъ такъ, чтобы онъ могъ ощущать божественность духа благовѣстія. Отъ области религіозной обратимся къ сферѣ научной. Вещественный міръ подчиненъ законамъ мѣры, числа и вѣса. Сообщеніе человѣку истины должно выразиться и въ сообщеніи ему знанія всѣхъ этихъ законовъ. Знаніе всѣхъ математическихъ дисциплинъ безъ усилій и труда войдетъ въ голову человѣка. Пусть такъ. Допустимъ, что этому человѣку дана какая-нибудь задача для рѣшенія. Если сообщенное ему знаніе истины состоитъ и въ томъ, что ему сообщено рѣшеніе этой задачи, тогда у его мысли не остается мѣста для дѣятельности. Его мышленіе будетъ мертвымъ механизмомъ. Но если ему сообщены только принципы для рѣшенія, тогда кромѣ знанія этихъ принциповъ ему нужна собственная самодѣятельность; нужно, чтобы мышленіе было воспитано, дисциплинировано, способно самостоятельно оперировать. Это достигается лишь путемъ умственного самовоспитанія и упражненія. Кромѣ теоріи всегда требуются практическія занятія. Возражаютъ нѣкоторые, что Богъ можетъ сообщить человѣку не только знаніе истины, но и умѣнье владѣть ею. Мышленіе неопытное Богъ можетъ превратить въ мышленіе опытное. Разсуждающіе такъ не хотятъ понять, что такая операція равносильна созданію новаго человѣка

вмѣсто прежняго и безмѣрно унижаетъ достоинство чело-
вѣка. Высшее достоинство челоѣка заключается въ томъ,
что онъ владѣетъ свободою волею, слѣдовательно, спо-
собностью самосозданія. Онъ самъ создаетъ себя, самъ
развиваетъ свое мышленіе и истинное счастье онъ нахо-
дитъ въ чувствѣ успѣховъ этого самосозданія. Въ шко-
лахъ можно наблюдать учениковъ, которые сами рѣшаютъ
задачи, и учениковъ, которые пользуются чужими рѣше-
ніями. Послѣдніе могутъ также хорошо понять и усвоить
рѣшеніе, какъ и первые, но между тѣми и другими бу-
детъ оставаться то различіе, какое существуетъ между
челоѣкомъ открывшимъ теорему и челоѣкомъ появ-
шимъ это открытіе. Мысль перваго должна работать го-
раздо сильнѣе, въ немъ несравненно сильнѣе должна быть
энергія духовной жизни и радость вслѣдствіе чувстви-
ванія этой энергіи. Челоѣкъ и сохраняется Богомъ и нуж-
дается въ непрестанной помощи Божіей, неотдѣлимъ че-
ловѣкъ и отъ челоѣчества, и люди приближаются къ
истинѣ коллективными усиліями. Безъ взаимопомощи они
существовать не могутъ. Но за всѣмъ тѣмъ челоѣкъ
создаетъ себя и самъ, самъ усовершенствуетъ свою мысль,
усвояетъ истину. И Лессингъ, отказываясь отъ даровой
истины и заявляя о готовности трудиться надъ ея отыс-
каніемъ, только отстаивалъ достоинство челоѣка.

Свобода есть величайшее благо. Чѣмъ болѣе мы чув-
ствуемъ себя свободными, тѣмъ болѣе мы счастливы.
Участь раба представляется намъ презрѣнною и жалкою
и недостойною челоѣка, именно потому, что челоѣкъ, не
имѣющій свободы, представляется намъ неполнымъ чело-
вѣкомъ. Часто поэты и мыслители проводили параллель
между могущественными государями и бѣдными дѣтми
полей, ставя вопросъ, на первый взглядъ представляю-
щійся страннымъ: кто изъ нихъ счастливѣе? Монархъ,
видящій у ногъ своихъ милліоны подданныхъ, сознающій,
что онъ можетъ привести къ подчиненію и сосѣднія дер-
жавы, окруженный блескомъ и роскошью, отъ которыхъ

ослѣпляются глаза у непривычныхъ людей, и какой-нибудь пушкинскій цыганъ, слушающій на зарѣ въ степи пѣсню соловья и не знающій, что онъ будетъ ѣсть въ полдень? Какое здѣсь сравненіе! А между тѣмъ, если при-смотримъ повнимательнѣе, то окажется, что сравненіе возможно, и что выгоды вовсе не на сторонѣ перваго положенія. Монархъ связанъ въ своемъ поведеніи тягостными условіями этикета, его жизнь почти не принадлежитъ ему, и если бы онъ захотѣлъ подобно цыгану послушать наединѣ въ степи пѣсню птички, легко могло бы оказаться, что то, что возможно бездомному бѣдняку, невозможно для могущественнаго монарха. И сознавать это тяжело. Лучше ходить въ рубищѣ, чѣмъ носить на рукахъ золотыя цѣпи. Но главныя стѣсненія свободы даются не отъицъ, создаются не общественнымъ положеніемъ, но полагаются самимъ человѣкомъ. Государь, посвящающій себя всецѣло на служеніе благу подданныхъ, чувствуетъ себя счастливымъ, видя ихъ благополучіе. Для человѣка дорого сознавать себя нравственно свободнымъ. Заключенный въ темницу ап. Павелъ безъ сомнѣнія чувствовалъ себя болѣе свободнымъ, чѣмъ какой-нибудь римскій цезарь — рабъ своихъ страстей и жертва эксплуатаціи своихъ придворныхъ. Развитіе въ себѣ нравственной свободы есть путь къ истинному счастью. Сознаніе отсутствія этой свободы или, по крайней мѣрѣ, сознаніе ея недостаточности есть источникъ мученій. Ап. Павелъ изображаетъ это въ посланіи къ римлянамъ. «Не понимаю, что дѣлаю, потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю... А потому уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. Ибо знаю, что не живетъ во мнѣ, т. е. во плоти моей доброе; потому что желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу; уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. Итакъ, я нахожу законъ, что, когда хочу дѣлать доброе, прилежитъ мнѣ злое. Ибо по внутреннему

человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божиємъ: но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Бѣдный я человѣкъ! Кто избавить меня отъ сего тѣла смерти? (Римл. 7, 15, 17—24)? Сознаніе зависимости отъ вѣшной силы есть горькое и обидное сознаніе, но сознаніе, что при отсутствіи вѣшной зависимости человѣкъ не можетъ располагать самъ собою, сознаніе отсутствія нравственной свободы есть еще болѣе горькое и обидное. Не только тяжело для человѣка, если вопреки своему лучшему «я» онъ подчиняется своимъ страстямъ, но если даже его не имѣющаго нравственныхъ силъ насильно влекутъ къ тому, что онъ считаетъ истиннымъ благомъ.

Но если сознавать себя несвободнымъ, значить, сознавать себя несчастнымъ, то напротивъ, сознавать себя свободно развивающимся и усовершенствующимся дорого для человѣка. Когда подвижникъ оглядывается назадъ на пройденный имъ путь скорбей и испытаній, развѣ онъ сожалѣетъ о томъ, что ему пришлось претерпѣть такъ много? Развѣ каждая побѣда духа надъ плотью не радовала его въ свое время? И развѣ онъ былъ бы счастливѣе, если бы онъ прямо былъ созданъ съ тою степенью праведности, которую прибрѣлъ цѣною великихъ трудовъ и усилій? Нѣтъ; онъ былъ бы менѣе счастливъ, если бы только былъ счастливъ. Свобода есть творческое начало въ человѣкѣ. Благодаря свободѣ, человѣкъ, такъ сказать, создаетъ самого себя, создаетъ содержаніе своего духа. Процессъ духовнаго развитія есть въ нѣкоторой мѣрѣ процессъ самосозданія. Душа человѣка въ началѣ своего существованія является почти совершенно безсодержательною и неопредѣленною. Вѣшній міръ, воздѣйствуя на нее, не даетъ ей прямо содержанія, а лишь матеріаль для содержанія, который она обрабатываетъ сама. Получаемыя впечатлѣнія отъ вѣшняго міра душа воспринимаетъ не пассивно, но реагируетъ на нихъ. Конечно,

свобода человѣческой души, какъ ограниченной, условна и имѣеть тѣсныя предѣлы, но за всѣмъ тѣмъ она существуетъ: человѣкъ можетъ идти и къ Богу и отъ Бога. Богъ для блага человѣка желаетъ, чтобы человѣкъ шелъ къ Нему, и человѣкъ, когда направляется къ Богу, идетъ направляемый и поддерживаемый свыше, однако идетъ свободно, и если онъ не захочетъ идти, движеніе прекратится. Созданіе автоматовъ, сознающихъ себя блаженными, было бы недостойно Бога. На самомъ дѣлѣ такія созданія заключали бы въ себѣ внутреннюю ложь. Каждое изъ нихъ сознавало бы себя, свое «я» блаженнымъ, но что такое «я» этихъ созданій? Чистая фикція, они начинены содержаніемъ отвѣтъ: ихъ мысли, настроенность, стремленія вложены въ нихъ такъ же, какъ мы вкладываемъ вещи въ сундуки, у нихъ нѣтъ ничего, и когда такое созданіе скажетъ: я желаю или я рѣшаюсь, то оно произнесетъ грубую ложь.

Истину и свободу человѣкъ долженъ пріобрѣтать для себя самъ путемъ собственныхъ усилій. Таковъ законъ природы и таковъ законъ Божій, ибо законы естественные и законы Божественные—одно и то же. Но разъ это такъ, то путь къ истинѣ и свободѣ оказывается длиннымъ и нелегкимъ. И вотъ—возникаетъ вопросъ: нельзя ли сократить этотъ путь? И являются попытки его утвердительнонаго рѣшенія. Эти попытки въ сущности совершенно подобны попыткѣ перейти изъ одной точки пространства въ другую, не проходя пространства посредствующаго, или попыткѣ пройти разстояніе между двумя точками по линіи кратчайшей, чѣмъ прямая. Геометрія отрицаетъ возможность такихъ путей, но въ области духа возможное и невозможное не такъ легко различимы, и мы видимъ, исторія человѣчества начинается съ того, что первые люди вмѣсто прямого пути къ высшему счастью избираютъ путь фантастическій. Діаволь сказалъ имъ, что достаточно съѣсть плодъ отъ запрещеннаго дерева, и они станутъ какъ боги, знающіе добро и зло. Въ планахъ Божествен-

наго смотрѣнія познаніе истины непременно должно стать удѣломъ человѣчества. Блаженство человѣка состоитъ въ его ближайшемъ общеніи съ Богомъ, но тѣснѣйшее Богообщеніе возможно лишь при полнѣйшемъ Богопознаніи. Первые люди должны были стремиться къ познанію, и передъ ними была обширная территорія для расширенія познаній и приближенія къ истинѣ. Но имъ говорить, что этой истиной можно овладѣть даромъ, совсѣмъ безъ усилій, путемъ не требующаго усилій нарушенія закона. Діаволь указываетъ людямъ ту же цѣль, что и Богъ: обладаніе истиной. Различіе заключается въ средствахъ. Богъ потребовалъ отъ людей дѣланія (Быт. 2, 15), а діаволь указалъ, что можно обойтись и безъ дѣланія. Дерево, которое первые люди не хранили и не воздѣлывали, было хорошо для пищи, пріятно для глазъ и вождельно, потому что давало знаніе. Все это можно было получить даромъ. Прародители человѣчества не устояли предъ этимъ искушеніемъ, и діаволь не обманулъ ихъ, они овладѣли истиной, но только не той истиной, которая даетъ счастье и свободу, а той истиной, которая убиваетъ. Они узнали истину, что, совершивъ зло, они стали внѣ истины и внѣ истинной жизни. Истина въ Богѣ, но ихъ сильнѣйшее желаніе теперь состоитъ въ томъ, чтобы укрыться отъ Бога.

Такъ начался первый періодъ въ исторіи человѣчества. Въ началѣ втораго періода, мы видимъ, къ духовному родоначальнику имѣющаго возродиться человѣчества діаволь приближается съ рядомъ подобныхъ искушеній. Во всѣхъ нихъ предлагается достигнуть цѣли безъ усилій: получить хлѣбъ не трудясь (Мѡ. 4, 3), убѣдить другихъ въ своемъ Божественномъ посланничествѣ посредствомъ изумительнаго чуда (Мѡ. 4, 6), наконецъ, получить власть надъ другими только за поклонъ (Мѡ. 4, 9). Но какой на самомъ дѣлѣ смыслъ этого послѣдняго предложенія: «все это дамъ тебѣ, если, падши, поклонишься мнѣ?» Стань моимъ рабомъ, говоритъ діаволь, и я поставлю тебя гос-

поодиномъ. Съ понятіемъ господина соединяется представленіе о свободѣ не только по отношенію къ себѣ, но направляющей и другихъ. Въ предложеніи діавола заключается внутреннее противорѣчіе. Онъ говоритъ: сдѣлай противное своей свободѣ, чтобы твоя свобода стала больше и выше. Но это невысказано. Всякое отреченіе отъ своей истинной свободы есть ея потеря, причиняющая тяжкое страданіе, какъ всякая потеря истиннаго блага. Это есть ограниченіе своего «я», ограниченіе бытія, удаленіе отъ цѣли—достиженія совершенной свободы.

«Познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными» (Іоан. 8, 32), сказалъ Христось. Свобода есть удѣлъ гражданъ царствія Божія. Но царствіе Божіе не есть географическая территория, опредѣляемая какими либо широтами и долготами: человекъ находитъ его въ самомъ себѣ. «Царствіе Божіе внутри васъ есть» (Лук. 17, 21). При другомъ случаѣ Христось сказалъ: «царство небесное силою берется, и употребляющіе усиліе восхищаютъ его» (Мѣ. 11, 12). Подъ царствомъ небеснымъ здѣсь разумѣется тоже царствіе Божіе (см. Лук. 16, 16). Оказывается, что нужна энергичная самодѣятельность, нужно употребленіе силы и усилій, чтобы стать членомъ царствія Божія, быть въ истинѣ и свободѣ. Богъ и діаволь предлагаютъ одно и тоже человеку: истину и свободу. Но средства предлагаемыя ими совершенно различны. Богъ предлагаетъ человеку свободную самодѣятельность споспѣшествуемую Божественною благодатью. Діаволь предлагаетъ сдѣлку кажущуюся необыкновенно выгодною. Никакихъ трудовъ, никакихъ усилій, а такъ какіе-нибудь пустяки: обмануть кого-нибудь, взять себѣ непринадлежащее, присвоить себѣ чужія права или власть, вообще допустить ложь или произвести стѣсненіе чей-либо свободы, и отъ этого должны восторжествовать истина и свобода.

Трагическій характеръ человеческой исторіи и обусловливается тѣмъ, что отъ дней Евы и до настоящаго времени люди поддаются на удочку діавола и стремятся об-

рѣтать царствіе Божіе безъ трудовъ и усилій путемъ дешевой сдѣлки съ діаволомъ. Человѣку присущи стремленія къ истинѣ, добру и красотѣ. Человѣкъ сознаетъ, что его долгъ—знать истину. Онъ не обязанъ знать интригъ и конспирацій своихъ ближнихъ, но обязанъ знать высшую истину, опредѣляющую всѣ его обязанности. Обязанъ знать правду. Обязанъ разыскать ее. Мы знаемъ, что лучшіе люди всѣхъ временъ искали ее. Мы читали, какъ искали правды св. Іустинъ, блаж. Августинъ, св. Владиміръ. Но вотъ — выступаетъ діаволь и начинаетъ нашептывать: «самъ нечего искать истины, вы ее уже знаете. Истина есть то, что вы видите. Чего вы не видали, того и не существуетъ. Вы не видали Бога, Его и нѣтъ. Предъ вашими глазами не совершалось чудесъ, ихъ не бываетъ. Вамъ не являлись обитатели иныхъ—духовныхъ — міровъ и ваши умершіе, потому что нѣтъ никакихъ міровъ кромѣ этого матеріальнаго. Все живущее живетъ въ этой матеріальной вселенной. Не ищите ничего высшаго, потому что нѣтъ ничего выше васъ. Зная себя, вы знаете высшее проявленіе разума, знаете всю міровую разумность. Вы то именно и суть боги, и нѣтъ никакихъ боговъ вышшихъ, чѣмъ вы. Но если вы боги, хотя и ограниченные природною необходимостію, то поскольку вы не связаны этою необходимостію, вы сами себѣ законъ. Вы сами опредѣляете себя». Повидимому, здѣсь торжество свободы, но это только повидимому. Здѣсь только миражъ свободы. Во первыхъ, здѣсь человѣкъ дѣйствуетъ, не зная истины, дѣйствуетъ во имя мнимаго знанія. Его способность къ самоопредѣленію уже обманута. Во вторыхъ, не зная высшей истины, онъ подчиняется въ своемъ самоопредѣленіи, какъ истинѣ, тому, что одинъ англійскій мыслитель называлъ духовнымъ климатомъ момента. Въ каждую эпоху и въ каждомъ мѣстѣ существуютъ умственные теченія, настроенія, стремленія, догматы; за нихъ и ухватываются люди, не хотящіе принять Бога по наслѣдству отъ предковъ, какъ вышній авторитетъ, и не

употребляющіе усилій, чтобы ощутить Бога истинны въ себѣ. Чтобы быть счастливымъ, нужно знать истину, нужно быть мудрымъ. Діаволь даетъ чрезвычайно простой рецептъ счастья: «обманите себя, сочтите ваше незнаніе знаніемъ и ваше невѣжество мудростію, и вы будете счастливы».

Человѣкъ сознаетъ, что онъ долженъ дѣлать добро, долженъ воспитывать добро въ себѣ и другихъ, долженъ стремиться къ тому, чтобы вокругъ него, какъ въ шестой день творенія, все было «хорошо весьма» (Быт. 1, 31). Но воспитывать въ себѣ добрую настроенность очень трудно, воспитывать такую настроенность въ другихъ еще труднѣе. Между тѣмъ все дѣло въ томъ, чтобы душа человѣка была добра, тогда и всѣ дѣла его будутъ добры, и будетъ царство добра. На землѣ очень много благъ, и если бы люди были добры и любили другъ друга, то тогда этихъ земныхъ благъ у каждаго было бы столько, сколько ему нужно. Христосъ и сказалъ объ этихъ благахъ: «ищите прежде царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ» (Мѡ. 6, 33). Но является діаволь и говоритъ: «ищите прежде этого всего, а царство Божіе и правда Его приложатся сами собою; прежде всего нужно, чтобы люди имѣли блага. Отнимите у имущихъ и отдайте немущимъ. Ущербъ причиненный немногимъ даетъ довольство многимъ. Предложенія духа тьмы всегда крайне однообразны: станьте рабами, и вы получите свободу; причините зло, и вы создадите счастье. Путемъ ограбленія богатыхъ создастся счастье міра. Какой простой путь! Въ Макбетѣ Шекспира мы читаемъ разсужденіе маленькаго Макдуффа узнавшаго, что лжецовъ и клятвопреступниковъ вѣшаютъ честные люди: «лжецы и клятвопреступники значить дураки, потому что ихъ слишкомъ достаточно для того, чтобы перебить и перевѣшать честныхъ людей» (Pearson's Shakespeare. edit. by Howard Staunton. Vol. III. p. 504). Измѣняя это разсужденіе, должно сказать: бѣдные люди значить дураки, потому что ихъ слишкомъ доста-

точно для того, чтобы они могли ограбить богатыхъ. Экспериментъ слишкомъ простъ и на пространствѣ вѣковъ онъ производился многократно и многообразно. Результатъ его всегда былъ одинъ и тотъ же. Символически онъ изображенъ въ библейскомъ описаніи сна фараона. «Сказалъ фараонъ Іосифу: мнѣ снилось: вотъ, стою я на берегу рѣки; и вотъ, вышли изъ рѣки семь коровъ тучныхъ плотью и хорошихъ видомъ и паслись въ тростникѣ; но вотъ, послѣ нихъ вышли семь коровъ другихъ, худыхъ, очень дурныхъ видомъ и тощихъ плотью: я не видывалъ во всей землѣ Египетской такихъ худыхъ, какъ онѣ; и съѣли тощія и худыя коровы прежнихъ семь коровъ тучныхъ; и вошли тучныя въ утробу ихъ: онѣ были такъ же худы видомъ, какъ и сначала. И я проснулся» (Быт. 41, 17—21). Если бы счастье міра зависѣло *только* отъ перераспределенія богатствъ, это давно было бы сдѣлано. Напрасно думаютъ, что въ теченіе тысячелѣтій люди не догадались сдѣлать того, что такъ легко сдѣлать. Но попытки сдѣлать это легкое приводили всегда къ повторенію картины сна фараона: тощія коровы, похравъ тучныхъ, не становились полнѣе. Бывало и нѣчто худшее. Убіеніе курицы несущей золотыя яйца заставляло еще болѣе худѣть тѣхъ, которые и раньше были тощи. Если бы можно было раздѣлить поровну не только матеріальныя блага, но и знанія и умѣнье работать, то и тогда, — хотя и значительно увеличилось бы благополучіе человечества, — осталась бы безграничная территория для проявленія зла: зложелательство, злорадованіе, зависть продолжали бы отравлять жизнь. Абсолютнаго равенства создать нельзя: у одного можетъ носъ оказаться красивѣе, чѣмъ у другого. Тотъ можетъ носить платье красивѣе, чѣмъ его ближній. А зависть дѣйствуетъ главнымъ образомъ въ области малыхъ, а не большихъ неравенствъ. Бѣднякъ, имѣющій пятачекъ, обыкновенно завидуетъ не миллионеру, а своему бѣдному сосѣду, имѣющему гривенникъ. Но люди могутъ дѣлать только деньги и вещи. Они даже не

могутъ раздѣлить пониманія вещей. Тѣмъ болѣе они не могутъ раздѣлить знаній, способностей, склонностей. Практическій идеаль челоѳчества можно свести къ тремъ *ria desideria*. 1) Чтобы на землѣ каждый могъ получать потребныя ему блага. 2) Чтобы существовалъ такой порядокъ или строй, при которомъ каждая индивидуальность имѣла бы возможность полнаго и совершеннаго развитія. 3) Чтобы тяжелая сторона труда была сложена не только съ людей, но и съ животныхъ на машины, и чтобы людямъ была оставлена только работа усовершенствующая ихъ физически и духовно. Для достиженія первой и третьей цѣли нужно всестороннее развитіе техники, которое можетъ быть достигнуто только временемъ, трудомъ и гениемъ. Достиженіе второй, цѣли стоитъ въ зависимости какъ отъ развитія техники, такъ и отъ моральнаго развитія челоѳчества. При невысокомъ состояніи техники и при невысокомъ моральномъ развитіи проведеніе принципа равенства, не допускающаго никому подняться надъ уровнемъ посредственности, будетъ давить все выдающееся, приведетъ къ гибели генія, остановитъ прогрессъ или—вѣрнѣе—сообщитъ движенію челоѳчества обратное направленіе. Это и нужно темнымъ силамъ зла. Равенство есть начальное состояніе людей и оно должно стать ихъ идеальнымъ состояніемъ. На пути отъ этого начала къ этому идеалу стоитъ дифференціація. Сокрушить ее дубинами, какъ сокрушали варвары стараго времени статуи Фидія и Праксителя, нельзя. Нельзя и уничтожить ее бомбами, какъ уничтожаютъ неудобныхъ людей варвары новаго времени. Двойное зло происходитъ отъ этого дикаго способа уничтоженія зла. Озлобленіе развивается въ тѣхъ, кому или близкимъ кого грозятъ бомбами, и въ тѣхъ, которые хотятъ при помощи бомбъ вести войну ради торжества добра. Происходитъ умноженіе зла. Торжество добра отодвигается за горизонты будущаго. Въ современной печати очень нерѣдко встрѣчаются разсужденія, что ненужно заниматься филантропіей, нечего помо-

гать бѣднымъ и несчастнымъ. Что, говорить, можетъ выйти изъ такой филантропіи? Пять-десять бѣдняковъ будутъ выведены на хорошей и счастливый путь, но нищета, страданія и зло останутся. Нѣтъ; нужно сразу совершить радикальный переворотъ и уничтожить зло. Во имя этихъ разсужденій бросаютъ отцовъ, матерей, братьевъ и сестеръ въ нужды и страданія и уходятъ на великую борьбу со зломъ. Не хотятъ довольствоваться малыми подвигами, хотятъ подвиговъ великихъ. Евангеліе обѣщаетъ награду и за чашу студеной воды, но они думаютъ, что если напоить и накормить десять человѣкъ, то и это ничего не стоитъ. Они хотятъ облагодѣтельствовать или, по крайней мѣрѣ, 150 милліоновъ русскаго народа или—еще лучше—полторы тысячи милліоновъ всего человѣчества. Но если бы всѣ такъ дѣйствовавшіе и дѣйствующіе своеобразные идеалисты запасъ своихъ силъ—а этихъ силъ у нихъ не мало—отдали на служеніе матеріальному преуспѣванію и культурному развитію бѣдныхъ и низшихъ слоевъ населенія, то они теперь бы уже далеко подошли къ намѣчаемому ими политическому, соціальному и экономическому идеалу. Но они хотятъ путемъ одного переворота добиться того, чего можно достигнуть лишь медленнымъ и долгимъ поступательнымъ движеніемъ. Вслѣдствіе этого идеаль равнаго развитія и равнаго благосостоянія людей остается далеко, далеко. А тѣ, которые думаютъ, что они осуществляютъ этотъ идеаль завтра или послѣ завтра, страдаютъ и причиняютъ много тяжкихъ страданій и своимъ близкимъ и своимъ врагамъ.

Человѣкъ любитъ красоту, онъ хочетъ ее видѣть въ себѣ и вокругъ себя. Наблюденіе и размышленіе легко открываютъ, что красота неразрывно связана съ добромъ и разумомъ. Страсти и пороки обезображиваютъ человѣка. Неразумное отношеніе къ природѣ уничтожаетъ красоту въ природѣ. Высокая мысль и благородная настроенность сообщаетъ красоту и некрасивому лицу. Гении человѣчества дали міру много прекрасныхъ произве-

дений искусства. Но для счастья человечества нужно, чтобы красота воплотилась въ дѣйствительности, въ природѣ, въ людяхъ. На этомъ пути человечествомъ сдѣлано немного. Понятно, потому что этотъ путь нелегокъ. Чтобы культивировать красивый цвѣтокъ, нужно много времени и усилий. Но чтобы людей сдѣлать прекрасными, для этого нужно и безмѣрное улучшение матеріальныхъ условий, и измѣненіе формъ быта, и моральное и интеллектуальное развитіе. Нужно столь многое, что пока красота является лишь спорадически и не создается программъ для того, чтобы сдѣлать ее всеобщю. Но красоты хотятъ. И опять дѣло устроится очень просто: вмѣсто красоты создается ея поддѣлка. Цвѣтъ лица, цвѣтъ и густота волосъ, фигура тѣла, все это можетъ быть создано въ мгновенья, самое большее—въ часы. Въ дѣйствительномъ результатѣ, правда, усилится прежнее безобразіе, но видъ, миражъ красоты явится на время. Сцены театровъ, балеты даютъ красивѣйшія картины, какія-то фантастическія видѣнія. Но это—только миражъ. Стоитъ подойти поближе, декорации окажутся написанными аляповато и безобразно, красивыя улыбающіяся лица окажутся страшно размалеванными, и подъ этою размалеванностью, подъ дѣланнми улыбками откроются напряженіе, изнуреніе и забота. Никакой красоты и никакого веселья! А люди пришли въ театръ, чтобы посмотрѣть на первую и насладиться вторымъ. Истинная красота въ человечествѣ можетъ явиться лишь въ отдаленномъ будущемъ. Но люди не думаютъ объ этомъ. Вмѣсто дѣйствительной красоты будущаго они немедленно получаютъ поддѣлку красоты въ настоящемъ. Но это немедленное удовлетвореніе инстинкта красоты фальсифицированную красотою есть движеніе не по направленію къ красотѣ, а по направленію къ безобразію.

Въ самыхъ разнообразныхъ стремленіяхъ человѣка мы находимъ стремленіе къ силѣ. Сильно знаніе, сильна добродѣтель, сильна красота. Но все эти виды силы можно приобрѣсти лишь путемъ продолжительнаго и труднаго

самозданія. Діаволь указываеъ иной удобнѣйшій способъ для того, чтобы стать сильнымъ. Это — пріобрѣтеніе богатства. Богатство даетъ возможность замѣнить свой трудъ чужимъ. Другіе люди предлагаютъ богатому свои знанія, другіе люди постараются облагодѣлать его видъ и общить всему тому, что его окружаетъ, подобіе красоты. Даже и добродѣтель легко можно проявить путемъ благотворительности. Отсюда—погоня за богатствомъ, отсюда—корыстолюбіе, скупость, лихоиманіе, воровство, убійства и самыя разнообразнѣйшіе виды преступленій. Разбойникъ грабитъ и убиваетъ проѣзжаго на большой дорогѣ, на награбленные деньги покупаетъ себѣ какую-нибудь шелговскую поддевку и яркій кушакъ, и въ этомъ своемъ нарядѣ онъ—позорнѣйшее пятно на фонѣ челоуѣчества—представляетъ себя существомъ содѣйствующимъ умноженію красоты на землѣ. Люди поступаютъ своими убѣжденіями, поступаютъ нечестно, совершаютъ подлоги, легальныя и даже нелегальныя кражи для того, чтобы обезпечить своихъ дѣтей и дать имъ возможность быть честными. Но прежде всего люди пріобрѣтаютъ богатства, накапливаютъ деньги, чтобы гарантировать себя отъ возможныхъ невзгодъ и случайностей. Выше было сказано, что психологи разсматриваютъ скупцовъ, собирающихъ деньги и не имѣющихъ въ виду ими пользоваться, какъ людей, которые смѣшиваютъ средство съ цѣлью и у которыхъ средство обратилось въ цѣль. Это—не такъ. Въ основѣ дѣятельности скупцовъ лежатъ иные—порочныя и несознаваемые—мотивы. Сознательно или безсознательно скупецъ разсматриваетъ людей, какъ взаимно борющихся между собою. Чувство солидарности несвойственно скупцамъ. Сила челоуѣка по безсознательной теоріи скупца должна быть равна его личности умноженной на его состояніе. Личность, разумъ, подъ нею и принадлежащія ей знанія, ловкость, умѣнье, есть тоже перемѣняющаяся величина, и чѣмъ эти свойства больше, тѣмъ болѣе большую силу представляетъ состояніе находящееся въ рукахъ такого

лица. Другіе люди, учитывая произведеніе лица на его богатство, находятъ, что борьба съ нимъ рискованна и опасна и оставляютъ его въ покоѣ. Такимъ образомъ для скупца каждая приобретаемая имъ и опускаемая въ копилку копейка не есть мертвый капиталъ: не тратя ея, онъ покупаетъ на нее гарантію покоя.

Въ русской литературѣ есть два высокохудожественные образа скупца: Плюшкинъ и скупой рыцарь. Оба они одиноки, оба не вѣрятъ въ людей. Плюшкинъ въ бесѣдѣ съ Чичиковымъ постоянно трактуетъ своихъ крѣпостныхъ людей, какъ воровъ и мошенниковъ. Скупой рыцарь заявляетъ, что его родной сынъ покушался его обокрасть. Оба эти героя скупости рассматриваютъ людей, какъ враговъ, и защиту отъ нихъ видятъ въ своемъ благосостояніи. Но Плюшкинъ—существо ничтожное—не думаетъ о томъ, чтобы стать выше людей, подчинить ихъ себѣ, онъ хочетъ вести противъ нихъ только войну оборонительную. Онъ собираетъ всякую дрянь, чтобы ни въ чемъ не имѣть нужды, чтобы не быть захваченнымъ бѣдою въ распахъ. Скудой рыцарь — другое дѣло. Это — человекъ могучей воли и широкаго пониманія. Онъ готовъ вести войну наступательную. Ему нужны не ржавые гвозди, а золото. Ему нужна не гарантія того, что онъ всегда можетъ купить кусокъ хлѣба, а увѣренность, что онъ можетъ другихъ подчинить своей власти. Въ своемъ подвалѣ съ сундуками золота онъ говоритъ:

Что не подвластно мнѣ?.. Какъ вѣкій демонъ,
Отселѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу—воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою,
И музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный геній мнѣ поработится,
И добродѣтель и бессонный трудъ
Смирненно будутъ ждать моей награды.

Я свистну—и ко мнѣ послушно, робко
 Вползаетъ окровавленное злодѣйство,
 И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
 Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
 Мнѣ все послушно, я же—ничему;
 Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
 Я знаю мощь мою; съ меня довольно
 Сего сознанья...

Онъ знаетъ мощь свою. Въ томъ и заключается горе скупцовъ, что они дѣйствительно знаютъ свою мощь, т. е. что въ глубинѣ своей души они всегда чувствуютъ, что у нихъ нѣтъ никакой мощи, что ихъ сила мнимая. Истинная сила есть та, которая неотъемлема, которая составляетъ одно съ человѣкомъ. Но богатство есть нѣчто внѣшнее. Богатство, это—палка, хозяиномъ которой является тотъ, у кого она въ рукахъ. Но выпустилъ на минуту ее изъ рукъ, ее схватилъ другой, и ее уже не вернешь. Это чувствуютъ всѣ скупые. Пониманіе этого отмѣчается и у Плюшкина и у скупого рыцаря. Плюшкинъ находитъ невозможнымъ уѣхать на сутки изъ дома, потому что у него «народъ — или воръ или мошенникъ: въ день такъ оберутъ, что и кафтана не на чемъ будетъ повѣсить». Скупой рыцарь доходитъ до утверженія, что родной сынъ хотѣлъ его убить. При такихъ условіяхъ спокойное сознаніе мощи становится невозможнымъ. Скупцы сознаютъ, что связь соединяющую ихъ съ богатствомъ легко оборвать, поэтому ихъ удѣломъ всегда является страхъ потерять то, что они приобрѣли. Въ Евангеліи есть притча о богачѣ, который, благоустроивъ все, мечталъ сказать своей душѣ: «душа! много добра лежитъ у тебя на многіе годы: покойся, ѣшь, пей, веселись. Но Богъ сказалъ ему: безумный! въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя; кому же достанется то, что ты заготовилъ» (Лк. 12, 19 — 20)? Правду этой евангельской притчи люди чувствовали давно. Въ буддійскомъ описаніи суетности благъ міра говорится:

«я имѣю сыновей и сокровища, здѣсь я буду жить въ холодное и здѣсь въ теплое время года. Такъ размышляетъ глупецъ и хлопочеть и не видитъ препятствій, между тѣмъ какъ его, человѣка съ скованнымъ сердцемъ, уноситъ смерть, какъ лѣсной потокъ спящую деревню, и не помогутъ ему сыновья и кровные друзья». Это—типъ богача, который не помнить завѣта мудраго: поминай послѣдняя твоя; но скупцамъ свойственна заботливость: они постоянно помнятъ о будущемъ, и это будущее смущаетъ ихъ и въ формѣ смерти и въ формѣ случайности. Неизмѣннымъ и постояннымъ спутникомъ жизни скупца является страхъ. Скупецъ не знаетъ принципа взаимопомощи, онъ знаетъ лишь борьбу за существованіе. Совмѣстно съ развитіемъ скупости въ человѣкѣ развивается человѣконенавистничество. Оно очень часто доходитъ до того, что скупые даже самымъ близкимъ не желаютъ ничего добраго. Очень обыкновенная исторія, что скупые, умирая, завѣщаютъ положить ихъ въ гробъ въ томъ или другомъ костюмѣ или подложить имъ подъ голову ту или другую подушку. Обыкновенно оказывается, что въ такихъ подушкахъ или въ такомъ платкѣ у нихъ зашито всѣ ихъ деньги. Видя въ деньгахъ — силу, а въ людяхъ — своихъ враговъ они, значить, не желаютъ, чтобы даже послѣ ихъ смерти враги ихъ усиливались. Но на самомъ дѣлѣ сила человѣка въ немъ самомъ и въ союзѣ съ другими людьми, а не въ деньгахъ. «Не имѣй сто рублей, а имѣй сто друзей», говоритъ пословица. Но духъ тьмы нашептываетъ человѣку: друзья ненадежны, они могутъ измѣнить, предать; деньги всегда вѣрно служатъ своему владѣльцу, они не измѣняютъ никогда. Но если надежные друзья и цѣнны и дороги, то, вѣдь, ихъ и трудно приобрѣтать. Трудно найти человѣка способнаго быть истиннымъ другомъ и трудно завоевать его права на дружбу. Деньги приобрѣтать легко, если прямою цѣлью поставить приобрѣтеніе. Для того, чтобы чувствовать себя благополучнымъ, нужно имѣть силу. Желательно приобрѣсти ее легкимъ, а не труднымъ путемъ.

И вотъ — это обычное стремленіе приобрѣсти счастье дешевымъ путемъ приводитъ къ результату, который совершенно противоположенъ желаемому. Человѣкъ отталкиваетъ отъ себя дѣйствительную силу — расположеніе и любовь другихъ людей — и вооружается силой мнимой — мертвымъ золотомъ или бумажками. Но инстинктивное чувство правды говорить ему, что эти бумажки и монеты не стоятъ ничего и что съ каждой новопріобрѣтенной бумажкой онъ приобрѣтаетъ себѣ новаго врага въ лицѣ того, кто былъ принужденъ отдать ему эту бумажку. Такимъ образомъ всякое новое приобрѣтеніе есть умноженіе силъ непріятеля. Отсюда для скупца за мнимую радость каждаго приобрѣтенія скрывается дѣйствительное мученіе.

Добиться легкими средствами счастья, получить счастье немедленно, — вотъ къ чему обычно стремятся люди. И получаютъ мнимое счастье и дѣйствительное страданіе; но любовь къ легкимъ средствамъ и стремленіе поскорѣе получить блага у людей такъ велики, что они сознательно предпочитаютъ мнимое счастье дѣйствительному, разъ первое можно получить немедленно, а второе обѣщается лишь въ проблематическомъ будущемъ. Въ этихъ случаяхъ нѣтъ недоразумѣнія и обмана. Человѣкъ знаетъ, что онъ покупаетъ иллюзію вмѣсто дѣйствительности, и знаетъ, что онъ покупаетъ эту иллюзію дорогой цѣной, и все-таки покупаетъ. Иллюзія дается ему наркотиками — алкоголемъ, опиумомъ, гашишемъ. Наркотическія вещества, введенныя въ организмъ, уничтожаютъ въ человѣкѣ чувство внутренняго разлада и чувство дисгармоніи между нимъ и внѣшнимъ міромъ. Они даютъ ему чувство довольства собою и окружающимъ. Нѣкоторые наркотики даютъ гораздо больше: волшебныя грезы, сладостныя видѣнія. Но для употребляющихъ наркотики не секретъ, 1) что вслѣдъ за иллюзіей блаженства ихъ ожидаетъ дѣйствительное угнетенное состояніе, распатанность нервовъ, боль, неспособность къ работѣ; 2) что повторные приемы наркотическихъ веществъ ослабляютъ иллюзію радостей и ум-

ножаютъ горе дѣйствительности: организмъ расплывається, способности тупѣютъ, развивается наркоманія — страсть къ употребленію наркотиковъ, удовлетвореніе которой приведетъ организмъ къ гибели. И за всѣмъ тѣмъ наркоманія существуетъ въ ужасающихъ размѣрахъ. И кромѣ наркоманіи прямой существуетъ много видовъ наркоманіи замаскированной: различные типы занятій и удовольствій, дающіе человѣку забвеніе горькой дѣйствительности и наполняющіе его духъ игрою привлекательныхъ представлений. Но послѣдствія всякаго и прямого и замаскированного наркоза одни и тѣ же — умноженіе горя жизни.

Люди хотятъ получать счастье легкимъ путемъ. Они дѣлаютъ то, что по ихъ мнѣнію дастъ счастье въ скорѣйшемъ времени и въ полнѣйшей степени. Съ такъ поступающими происходитъ одно изъ двухъ: или они страдаютъ въ погонѣ за мнимымъ счастьемъ, или убѣдившись, что ихъ рецепты счастья никуда негодны, теряютъ вѣру въ счастье вообще и становятся жертвами отчаянія. Какъ же поступать? Какъ стать на вѣрную почву? Какъ найти путь, дѣйствительно приближающій къ истинѣ?

Этотъ путь найденъ и возвѣщенъ давно. Его открываетъ человѣку Библія въ своихъ заповѣдяхъ. Она говоритъ ему, что онъ долженъ дѣлать, чтобы спастись, и то, что она говоритъ, есть раскрытіе того, что заложено въ душу человѣка. Окончательная цѣль намѣчаемая человѣкомъ есть спасеніе, совершенство, блаженство. Что нужно для этого дѣлать, какія должно употреблять средства? Чтобы получить отвѣтъ на этотъ вопросъ, нужно понять взаимоотношеніе средствъ и цѣлей. Взаимоотношеніе это на самомъ дѣлѣ таково: средства неотдѣлимы отъ цѣли, и цѣль, выражаясь ариѳметически — хотя ариѳметика здѣсь неполнѣ приложима, — есть сумма или совокупность средствъ. Человѣкъ хочетъ изучить какую-нибудь науку, для этой цѣли онъ ее изучаетъ. Изученіе есть средство, но каждый моментъ этого изученія есть осуществленіе части цѣли. Цѣль есть окончаніе процесса и вмѣстѣ суммиро-

ваніе его. Человѣкъ хотѣлъ воспитать въ себѣ добрую настроенность; все, что онъ дѣлалъ для этого, всѣ отдѣльные акты подъема его духа къ добру сливаются въ концѣ концовъ въ одинъ результатъ и создаютъ нравственное содержаніе его духа.

Счастье человѣка опредѣляется состояніемъ его духа, степень и прочность этого счастья опредѣляется степенью совершенства духа (Мѡ. 5, 48). Кто выяснитъ себѣ, что все дѣло—въ духъ, что все вышнее есть несущественный придатокъ, тотъ легко пойметъ, какія средства должны вести къ конечной цѣли. Цѣль—совершенство, путь—совершенствованіе. Процессъ совершенствованія заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: развитіе духовныхъ силъ и возрастаніе чувства благополучія вслѣдствіе этого развитія. Каждая новая истина, расширяя умъ, даетъ и новую радость; каждый новый шагъ по пути добра даетъ и новую отраду. Средство является здѣсь относительнымъ осуществленіемъ цѣли, идеальное осуществленіе которой относится къ будущему вѣку.

Но одно дѣло—понять и другое дѣло—осуществить то, что понимаешь. Послѣднее неизмѣримо труднѣе перваго. «Добраго, котораго хочу, не дѣлаю», говорилъ Апостоль. Путь добра для того, кто собирается вступить на него, является и труднымъ и не заключающимъ въ себѣ чертъ привлекательности. Путь добра, это—путь Христа. Христосъ говоритъ объ этомъ пути, что онъ берется силою, называетъ его игомъ и бременемъ. Однако имѣются непререкаемыя основанія для того, чтобы не падать духомъ и не приходиться въ отчаяніе отъ трудностей пути. Человѣчество живетъ. Въ немъ проявляется много добраго, но поскольку въ немъ есть добро, постольку, значить, люди несли на себѣ иго Христово, ибо никакимъ другимъ путемъ приобрѣтеніе добра невозможно. Но добро есть; значить, для людей возможно, и въ нѣкоторой мѣрѣ они идутъ путемъ Христовымъ. Затѣмъ Христосъ возвѣстилъ истину, дающую высокое ободреніе и поднимающее силы у тѣхъ, кто

желаетъ за Нимъ послѣдовать. Эта истина состоитъ въ томъ, что трудности Его пути становятся меньше и меньше, по мѣрѣ того, какъ этотъ путь проходятъ. Мало этого. Если въ обычной жизни чѣмъ долѣе идетъ человѣкъ, тѣмъ труднѣе ему становится идти, то, наоборотъ, на пути Христовомъ чѣмъ долѣе идетъ человѣкъ, тѣмъ болѣе этотъ путь превращается въ благій и легкій. «Возьмите иго Мое на себя, сказалъ Христосъ, и научитесь отъ Меня: ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ; и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго Мое благо и бремя Мое легко» (Мѣ. II, 29—30).

Кто любитъ людей и хочетъ имъ блага, тотъ долженъ понять, что никакимъ инымъ путемъ, кромѣ несенія ига Христова, онъ не сдѣлаетъ жизнь человѣчества благою и легкою.

С. Глаголевъ.

ПРОЩАЛЬНАЯ РѢЧЬ СВЯЩЕННИКА КЪ ПРИХОЖАНАМЪ.

Возлюбленные мои братіе о Христвѣ и други! Въ настоящія минуты разставанія моего съ вами приходитъ на память изреченіе древняго Премудраго учителя: *есть осьмь время, и время всякой вещи подъ небесемъ*. Именно такъ мы и видимъ, что все на землѣ временно, начиная съ малѣйшаго былія и мельчайшаго насѣкомаго до верховнаго созданія на землѣ—человѣка. Все имѣетъ начало и конецъ; всякій предметъ является и потомъ исчезаетъ, и человѣкъ рождается и умираетъ. Да и вся жизнь человѣка проходитъ подъ вліяніемъ времени: бывають у него дни радости, потомъ наступаютъ дни печали; бываетъ время свиданія, а затѣмъ слѣдуетъ время разлуки. Въ послѣднемъ смыслѣ законъ времени сейчасъ исполняется на мнѣ. Около 30 лѣтъ тому назадъ было время перваго моего служенія въ семъ храмѣ и начала моего ознакомленія съ прихожанами, а теперь настало время моей разлуки съ мѣстомъ моего служенія.

Долговременная болѣзнь, продолжающаяся по сіе времени, разрушила мои силы до такой степени, что я вынужденъ былъ, какъ ни тяжело было, отказаться отъ продолженія службы, чтобы имѣть покой, необходимый моему разстроенному здоровью. Покой есть лучшее лѣкарство при моей болѣзни. Но состоя на службѣ, я не могъ имѣть его, ибо, вромѣ трудовъ и заботъ, а иногда огорченій неизбѣжныхъ, я не видѣлъ покоя души отъ одной мысли.

что, вслѣдствіе болѣзни, не могъ быть совершителемъ постоянныхъ службъ церковныхъ и даже, случалось, въ великіе праздники. Могъ ли я не скорбѣть и не сокрушаться духомъ въ такіе дни? Одинъ звукъ праздничныхъ колоколовъ потрясалъ мою душу. И вотъ въ такомъ грустномъ положеніи я за благо счелъ, во-благовременіи до наступленія трудной для священника св. сорокадневныя, просить епархіальное начальство объ увольненіи меня за штатъ, которое недавно я и получилъ. Конечно, велика скорбь моя въ данномъ случаѣ, но величина скорби значительно уменьшается при той мысли, что я остаюсь неразлученъ съ вами, возлюбленные братіе, имѣя жителство въ кругу излюбленнаго мною прихода; надѣюсь видѣться съ вами и имѣть иногда молитвенное общеніе съ вами въ семъ храмѣ, и еще, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства митрополита Владиміра, участвовать въ собраніяхъ и совѣтахъ, имѣющихъ быть по проекту оживленія приходской жизни.

Такимъ образомъ, разлука моя съ вами въ настоящее время совершается только съ формальной точки зрѣнія, какъ начальника съ подчиненнымъ причтомъ, какъ пастыря съ пасомыми и какъ духовнаго отца съ духовными чадами, но внутренняя связь душъ нашихъ можетъ пребывать неразрывною. Впрочемъ, хотя это такъ и будетъ, но тѣмъ не менѣе благовременнымъ считаю исполнить мой святой долгъ просить и молить вашу любовь простить мнѣ все, чѣмъ я огорчилъ и обидѣлъ кого словомъ или дѣломъ или мысленнымъ осужденіемъ, простить всѣ мои прегрѣшенія великія и малыя, да и *Отецъ нашъ небесный проститъ вамъ согрѣшенія ваши* (Мѣ. VI, 14). Чувствую въ глубинѣ души и сознаю за собою еще важный долгъ. Вспоминая бывшія всегда ко мнѣ добрыя отношенія ваши и дорого цѣня каждое ваше доброе слово, ваши радушные привѣты, которыми вы щедро надѣляли меня, за все приношу вамъ глубочайшую отъ всей души благодарность и молю и буду молить Господа Бога, да

воздасть Онъ вамъ Своими богатыми милостями за всѣ ваши милости ко мнѣ, какъ служителю у св. престола Его. А васъ, возлюбленные братіе, уседно прошу и умоляю не забывать меня въ молитвахъ вашихъ, особенно когда постигнетъ меня страшный часъ смертный.

Буди благословеніе Господне на васъ всегда, нынѣ и присно.

Священникъ Іоаннъ Шаровъ.

БЛАГОДАТНЫЙ САРОВСКИЙ ЦѢЛИТЕЛЬ.

Любовь не умираетъ. Живъ для вѣрующаго сердца и любвеобильный Саровскій подвижникъ Серафимъ, почившій во святыхъ. Какъ и при жизни, онъ и послѣ кончины своей не перестаетъ съ своимъ любовнымъ участіемъ отзываться на людскія горести, на людскія невзгоды. Онъ и нынѣ, въ отвѣтъ на молитвенную вѣру, творить чудеса духовнаго возрожденія! Онъ и доселѣ врачуетъ людскія немощи! Гдѣ безсильно часто бываетъ людское врачевство, гдѣ беспомощно опускаются руки, но гдѣ теплится пламень вѣры, онъ, въ отвѣтъ на эту вѣру, незримо является съ своимъ благодатнымъ врачеваніемъ, дѣйственно показывая тѣмъ самымъ, что для любви не существуетъ границъ, что любовь неограничена и безпредѣльна въ своихъ проявленіяхъ.

И въ отрадную лѣтопись проявленій любви преподобнаго Серафима еще долго, долго будутъ вписываться случаи его благодатной помощи. И вотъ на этотъ разъ особенно выразительное проявленіе этой любви къ одному двѣнадцатилѣтнему отроку — сыну бывшаго иркутскаго губернатора, нынѣ бригаднаго генерала, Михаила Никифоровича Кайгородова.

Въ половинѣ сентября 1905 г. Михаилъ Никифоровичъ долженъ былъ отбыть къ мѣсту своего назначенія — въ Иркутскъ. Отправляясь въ дальній путь, М. Н. съ своей супругой Варварой Алексѣвной и дѣтьми заѣхали въ Саровскую обитель, куда и ранѣе не разъ ѣздила эта семья. Саровская обитель для нея была всегда любимымъ

мѣстомъ нравственнаго отдохновенія при современныхъ тревогахъ. Дѣти М. Н. здѣсь тоже проводили по нѣскольку дней. Посѣщая мѣста подвиговъ Преподобнаго, они съ особенною охотою доставали иногда по цѣлымъ часамъ воду изъ Серафимовскаго источника и разливали ее богомольцамъ. И теперь, отправляясь на отвѣтственный постъ иркутскаго губернатора, М. Н. еще разъ захотѣлъ помолиться у мощей святаго Старца. И особенно влекло сюда супругу М. Н., материнское сердце которой на этотъ разъ тревожилось немалою скорбію. Дѣло въ томъ, что ея старшій мальчикъ, Сережа, былъ серьезно нездоровъ еще съ весны 1905 года, когда онъ почувствовалъ острую боль въ желудкѣ. Домашній врачъ, лечившій Сережу, правда находилъ только уплотненіе легкихъ и катаральное состояніе желудка. А мальчикъ, между тѣмъ, ослабѣвалъ и ослабѣвалъ, жалуясь часто на желудочную боль. Наступило 14-е сентября 1905 года. М. Н. Кайгородовъ уже приготовился въ путь къ мѣсту службы. У мальчика около этого времени случился особенно острый приступъ желудочной боли. Помощь врача смягчила нѣсколько страданія Сережи, и М. Н. вмѣстѣ съ семьєю отправился въ Иркутскъ черезъ Саровъ. Съ желѣзнодорожной станціи Рузаевки путь до Сарова рѣшено было совершить черезъ Понетаевскій монастырь. За версту отъ этого монастыря у больного, при сильномъ толчкѣ экипажа, снова появилась знакомая боль. Снова скорбныя мысли стали тревожить материнское сердце... И только вѣра въ любвеобильнаго Саровскаго старца окрыляла радостной надеждой душу скорбящихъ родителей.

Оставивъ больного мальчика въ Понетаевѣ на попеченіе лазаретной инокини Евгеніи, М. Н. со своею семьєю отправился въ Саровъ, гдѣ мать больного пламенно молилась объ уврачеваніи сына и взяла для него масла отъ мощей Преподобнаго и воды изъ Серафимовскаго источника...

Отдыхъ въ Понетаевкѣ былъ благодѣтеленъ для маль-

чика: ему сдѣлалось лучше. Вѣрующимъ родителямъ казалось, что вотъ-вотъ старецъ совсѣмъ исцѣлитъ его...

Но видно Богу угодно было еще испытать вѣру скорбныхъ родителей и показать чудо своего милосердія чрезъ святаго служителя Своего въ тотъ моментъ, когда совершенно изсякнетъ надежда на человѣческую помощь.

М. Н. Кайгородовъ съ семьєю и болящимъ мальчикомъ отправился изъ Сарова въ Иркутскъ. Предстоялъ долгій утомительный путь по сибирской желѣзнодорожной линіи. Во время этого пути мальчику опять стало хуже, и съ 26 сентября желудокъ началъ постоянно выдѣлять слизь. Случайно находившійся въ поѣздѣ врачъ призналъ положеніе Сережи настолько серьезнымъ, что считалъ необходимымъ сдѣлать операцію въ виду предполагавшагося заворота кишекъ. А на пути слѣдованія поѣзда не было ни города, ни аптеки, такъ что путникамъ съ больнымъ ребенкомъ предстояло еще ѣхать двое сутокъ до ближайшаго города Красноярска. Понятно, что эти двое сутокъ для скорбящихъ родителей, постоянно опасавшихся за жизнь своего ребенка, показались вѣчностью. Изстрадавшаяся мать, сознавая всю опасность положенія горячо любимаго сына, только тихо молилась Саровскому подвижнику, прося у него благодатной помощи.

Но вотъ и Красноярскъ... Врачъ, еще ранѣе встрѣтившійся въ поѣздѣ, попрежнему настаивалъ на немедленной операціи.

«Но гдѣ производить операцію?—Въ этомъ незнакомомъ городѣ? Гдѣ искать врачей-операторовъ, лечебницу?»—размышляли скорбящіе мать и отецъ. Но не время долго раздумывать. Явившійся желѣзнодорожный врачъ и, какъ оказалось потомъ, прекрасный хирургъ посоветовалъ перенести больного ребенка, въ маленькую больницу общества Красноярскихъ врачей. Родители согласились. Глубокимъ, осеннимъ вечеромъ, при свѣтѣ факеловъ, больной мальчикъ былъ перенесенъ на носилкахъ по грязнымъ улицамъ въ докольно скромную, чтобы не сказать болѣе,

лечебницу... И это въ чужомъ городѣ, среди чужихъ, незнакомыхъ людей! Печально, какъ-то непривѣтливо-сумрачно было кругомъ, когда несли больного по городу въ осеннюю непогоду... Еще печальнѣе было на сердцѣ бѣдной матери больного ребенка. Но она, поддѣржываемая своей сокровенной вѣрой въ Саровскаго подвижника, овладѣвала собой и бодро шла въ больницу за своимъ сыномъ. Здѣсь ему немедленно была сдѣлана ванна... Оставалось до операціи еще ночь, тревожная ночь, которую В. А. просидѣла у изголовья больного. Наступило 29-е сентября. При участіи 4 хъ врачей, Б., П., Ш. и К., была произведена довольно сложная операція. И что же представилось врачамъ когда они вскрыли полость живота?! Кромѣ заворота кишекъ оказалось еще прободеніе, а кромѣ того въ брюшной полости образовался громадный гнойный пузырь, издававшій уже трупный запахъ. Удаливъ, насколько то было возможно, гной, врачи, опасаясь общаго зараженія крови, наскоро наложили шовъ, пользуясь, при этомъ, для скрѣпленія швовъ и колодіумомъ. Для выдѣленія гноя была вставлена дренажная трубка. Послѣ окончанія операціи, продолжавшейся часъ, врачи, нашедшіе, что мальчику нечѣмъ питаться, вынесли рѣшительный приговоръ: «больной можетъ прожить всего нѣсколько часовъ, и если бѣ они, врачи, знали, что у него за болѣзнь, то они не стали бы дѣлать и операцію». Ужасный для родителей приговоръ! Но, несмотря на безотрадное рѣшеніе врачей, мать, все время не перестававшая молитвенно обращаться къ преподобному Серафиму, твердо вѣрила, что ребенокъ останется живъ и, къ удивленію врачей, она произнесла вслухъ: «онъ будетъ, будетъ живъ»...

Операція была сдѣлана утромъ, и мать ребенка все время,—и день, и наступившую затѣмъ ночь,—не отходила отъ постельки больного, не переставая призывать въ молитвѣ святаго Саровскаго угодника. Не отходили отъ больного и дежурившіе по очереди врачи, ежеминутно

ожидавшіе печальнаго исхода. Между тѣмъ больной, проснувшись послѣ хролоформа, подѣ которымъ дѣлалась операція, снова впалъ въ забытѣе. Подѣ утро, съ 29 на 30-е сентября, часа въ четыре утра, утомленная отъ долгой безсонной ночи мать ребенка слегка закрыла глаза. Томительная ужасная ночь! И вдругъ В. А. видитъ какъ бы спустившееся въ комнату свѣтлое серебристое облако, изъ котораго отчетливо выдѣлилась согбенная фигура преподобнаго Серафима въ простомъ черномъ одѣяніи... Святой старецъ направился къ постелькѣ больного. Въ это же самое время больной открываетъ глаза и говоритъ: «мама, помажь меня святымъ масломъ отъ преподобнаго Серафима». Мать встала за масломъ, которое было съ нею, и въ это время видѣніе исчезло. Приободренная, она беретъ масло и мажетъ имъ голову, грудь и руки своего мальчика. Черезъ нѣсколько минутъ, врачъ, вышедшій ненадолго въ сосѣдную комнату, взявъ руку больного, чтобы опредѣлить пульсъ. И вдругъ на его лицѣ невольно выразилось удивленіе. Пульсъ какъ бы сдѣлалъ скачекъ и безъ видимой причины сталъ почти совершенно нормальнымъ. Но материнское сердце уже знало эту причину...

Между тѣмъ мальчикъ, незадолго предѣ этимъ обратившійся къ матери съ просьбою помазать его масломъ отъ Преподобнаго, снова заснулъ и спалъ до 10 часовъ утра, когда пришелъ навѣстить его главный операторъ П. Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, увидавъ мальчика улыбающимся.

Въ этотъ же день больной былъ перенесенъ на носилкахъ въ свободный, на это время, губернаторскій домъ въ Красноярскѣ, гдѣ онъ чрезъ 4 дня сталъ принимать пищу. А черезъ 10 дней онъ ужъ былъ настолько здоровъ, что вмѣстѣ съ своею матерью могъ переѣхать въ Иркутскъ. При этомъ не было никакихъ осложненій въ болѣзни. Даже прободенная кишка, оставленная, вслѣдствіи спѣшности операціи и боязни зараженія, незашитою, срослась сама.

Мать не скрывала своей сердечной вѣры въ чудодѣйственную помощь преподобнаго Серафима. И эта вѣра побудила одного изъ врачей давать лекарства больному въ водѣ изъ Серафимовскаго источника, а другой врачъ взявъ икону Преподобнаго и съ нею проводилъ больного до Иркутска, гдѣ черезъ 3 мѣсяца мальчикъ сталъ совершенно здоровъ, даже здоровѣе и крѣпче, чѣмъ прежде...

Этотъ поразительный случай далъ одному изъ врачей поводъ описать въ медицинскомъ журналѣ примѣръ живучести дѣтскаго организма...

Но вѣрующее сердце видитъ, конечно, что это не борьба дѣтскаго организма со смертію, а чудодѣйственная помощь великаго угодника Божія, помощь, явленная въ то время, когда людская мудрость уже была бессильна бороться съ разрушительнымъ дѣйствіемъ законовъ природы.

Это, поистинѣ, славная страница въ поучительной исторіи благодатной помощи смиреннаго Саровскаго цѣлителя.

И если современность отрицаетъ иногда чудеса благодатнаго врачеванія, то здѣсь мы имѣемъ поразительный случай молитвеннаго взаимообщенія живыхъ съ святопочившими подвижниками, которые, по милосердію Божию, всегда готовы отвѣтить своею любовью призывающимъ ихъ и показать, осязательно показать, что надъ естественными силами и законами природы господствуютъ иные надмірные, сверхъестественные силы и законы, которые никогда нельзя учесть и понять однимъ разумомъ безъ религіозной вѣры ¹⁾). Есть, слѣдовательно, такая область явленій, къ которой приложима только мѣрка высшаго порядка, которая становится намъ понятна только чрезъ сердечную вѣру.

И каждое благодатное явленіе въ этой области будетъ новымъ и новымъ ручательствомъ за то, что въ обществѣ еще жива та евангельская вѣра, которая можетъ творить чудеса.

Д. Введенскій.

¹⁾ Сообщено со словъ Варвары Алексѣевны Кайгородовой, супруги бывшаго Иркутскаго губернатора М. Н. Кайгородова, нынѣ бригаднаго генерала.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.)*

(Изъ дневника инока).

«*Сниди со креста... спаси Себе и наю!*» — говорили разбойники. Но — если бы Онъ сошелъ, то и не спасъ бы насъ, а именно спасалъ, вися на крестѣ... Господи! Непостижимо дѣло человѣколюбія Твоего! И какъ все въ немъ не *человѣчески*, а *Божески*-мудро, искусно, прекрасно

* * *

До какихъ предѣловъ должно доходить наше терпѣніе и стояніе въ подвигѣ? До самой смерти. Пусть тяготы и скорби надорвутъ твои силы, пусть ты не выдержишь, наживешь болѣзнь, умрешь... Блаженна доля твоя! Ты «претерпѣлъ до конца», не сойдя съ твоего креста, и принесъ лучшую жертву любви и вѣрности все претерпѣвшему для тебя распятому Страдальцу.

* * *

«*Простимъ вся воскресеніемъ!*»... Господи! Призываю и Тебя Самого къ этому дивному всепрощенію, отъ Тебя заповѣдуемому Церковію. *Прости и Ты мнѣ вся* Твоимъ свѣтлымъ воскресеніемъ, даровавшимъ прощеніе Адаму и всему падшему человѣчеству...

* * *

*) Продолженіе. См. мартовскую кн. *Душепол. Чит.* 1907 г.
часть I.

Когда молишься Господу въ какомъ-либо несчастіи или жалкомъ положеніи и чувствуешь недостатокъ вѣры, скудость дерзновенія, знай, что недостающее достаточно восполняется самою жалостію твоего положенія, и Господь ради этой жалости не умедлитъ явить тебѣ помощь, только не переставай просить о ней какъ умѣешь и можешь.

* * *

Господи! Даруй мнѣ чувство Твоей драгоцѣнности, чувство Твоей сладостности, желанности и утѣшительности! Даруй познать въ Тебѣ истинное наше Сокровище и всепревосходящую Красоту, Сладость и Утѣшеніе!

* * *

«*Кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ!*» (Матѣ. 27, 25)—кричали Іудеи. А сами выговариваютъ потомъ Апостоламъ: «*зачѣмъ вы хотите навести на насъ кровь чловѣка сего?*» (Дѣян. 5, 28). О, окаянные убійцы Господа моего! Хотѣли бы и въ страшныхъ послѣдствіяхъ ужаснаго дѣла своего умыть руки и свалить все съ больной головы на здоровую! Вотъ истинныя исчадія исконнаго чловѣкоубійцы!

* * *

«*Дерзнувъ, вниде къ Пилату (Іосифъ)*»... О, какъ многознаменательно это коротенькое «дерзнувъ»! Сколько поднимъ кроется любви, самоотверженія, преданности и признательности ко Спасителю! Ничего не побоялся вѣрный и благороднѣйшій другъ Христовъ: ни страха іудейскаго, ни гнѣва Пилатова, и съ мужествомъ истиннаго исповѣдника идетъ на свой благородный тонко-сильный протестъ всѣмъ участникамъ незаконнаго Христуобійства.

* * *

Молясь за «ненавидящихъ и обидящихъ» тебя, помолись и о себѣ, о прощеніи своихъ немощей и грѣховъ, кото-

рыя почти всегда служатъ немалымъ поводомъ къ ненавидѣнію насъ ближними. Это чувство спасетъ тебя и отъ того вреднаго заблужденія и самовозношенія, будто ты своею молитвою за обидчиковъ являешь сверхдолжное христіанское совершенство.

* * *

Господи! Преклонись ко мнѣ Твоею дивною любовію и всепрощеніемъ, помощію, защищеніемъ и утѣшеніемъ, какъ преклонился ты къ ногамъ Петра Твоимъ смиреніемъ! Да что Петра? Увѣряю, что прежде всѣхъ не обошелъ Ты даже и ногъ Своего *предателя*! Сколько въ Евангеліи поразительныхъ подробностей о людскихъ отношеніяхъ,— какъ ослѣпительный снопъ лучей солнца, внезапно прорвавшійся въ безпросвѣтную тьму и ударившій по неподготовленнымъ къ свѣту глазамъ съ неистытанною и нестерпимою силою!

* * *

Какъ широка и всеобъемлюща Христова любовь! Куда вы отъ нея уйдете? *Θομα и невѣріемъ* нашель Господа! И невѣріемъ Господь уловилъ его Себѣ въ убѣжденнѣйшаго проповѣдника вѣры и непостижимыхъ таинъ Божіихъ!..

* * *

«*Смирися... смиренію моему*»... Господь смирилъ Себя и уничтожилъ до страданій и даже крестной смерти за насъ, и это тогда, когда мы были горды, когда издѣвались надъ Нимъ, мучили, терзали Его... Не тѣмъ ли болѣе Онъ смирится *смиренію* нашему, смиренному нашему зову къ Нему и молебъ — посѣтитъ наши души, купленныя цѣною Его крови и во смиреніи зовущія Его на помощь и состраданіе.

* * *

«Христосъ воста — веселіе вѣчное!» Изъ года въ годъ сколько сердець человѣческихъ исполняются самымъ чистымъ, святымъ веселіемъ востанія Христова! Умирають эти носители Христова веселія — нарождаются *другіе*. И тѣ, которые перестали веселиться *здѣсь* — умерли, не перестаютъ жить и въ *другой жизни* своимъ, поистинѣ *вѣчнымъ* веселіемъ Христова воскресенія!

* * *

«Нѣсть человекъ иже живъ будетъ и не согрѣшитъ»... И самые иногда св. благонамѣреннѣйшіе люди допускали такія ошибки, немощи и погрѣшности, которыя служили для нихъ вѣчнымъ укоромъ. И никуда не уйдешь отъ этихъ ошибокъ, какъ не уйдешь отъ самого себя. И такъ или иначе этотъ внутренний «гной» каждаго человека найдетъ себѣ выходъ и прорывы, болѣе или менѣе болѣзненные и непріятные.

* * *

Господи! И самъ я не знаю, чего иногда у Тебя прошу! Самъ не знаю, чего желаю. Прошу иногда недобраго, неполезнаго, неразумнаго. Желаю — суетнаго, временнаго, душегубнаго, несмысленнаго, несоотвѣтствующаго премудрымъ планамъ Твоего о насъ промышленія. И не знаю самъ, что мнѣ худо и что хорошо. Посему, сдѣлай Самъ такъ, какъ Тебѣ благоугодно, и даруй ощутить Тебя и благо мое — въ послушаніи и всецѣлой покорности всеблагой волѣ Твоей!

* * *

Господи! Ты — кротокъ, незлобивъ, любвеобиленъ и всепрощающе-милосердъ! *Не Ты* насъ наказываешь, караешь, подвергаешь несчастіямъ. А *мы сами* бываемъ виною всему этому и *нуждаемся* въ этомъ для своего вразумленія, очищенія, исправленія.

* * *

Господь милостивъ къ намъ и въ страданіяхъ нашихъ и во всѣхъ скорбяхъ и несчастіяхъ, которыя мы считаемъ Его наказаніями. Эти скорби и страданія неизбежны на здѣшной землѣ, гдѣ всякой радости долженъ быть конецъ. Господь этими неизбежными страданіями обращаетъ наше сердце къ Нему, влечетъ къ Себѣ все наши чувства и помысленія, порождаетъ сладкое чувство зависимости отъ Него, покорности и преданности Ему и утѣшенія отъ Него.

* * *

Меня спросили: можно ли молиться за всѣхъ? — неодинаково жившихъ, вѣровавшихъ и скончавшихся, завѣдомо невѣровавшихъ и умершихъ безъ покаянія, за иновѣрцевъ и т. п.? Сердце наше въ этомъ, мнѣ кажется, лучшей совѣтницѣ. Любопытно, какъ составилось для меня рѣшеніе этого вопроса. Я ѣхалъ въ вагонъ жел. дороги. Со мной разговорила одна интеллигентная старушка. Мысль моя какъ разъ работала надъ разрѣшеніемъ поставленныхъ вопросовъ. Въ это время старушка заводитъ рѣчь... о своей любимой собачкѣ. Собачка болѣла какою-то внутреннею болѣзнію, которая должна была кончиться мучительнѣйшею смертію. Раздираясь жалостію къ своей любимицѣ, старушка—что же придумала? Я—говорить—давай молиться Господу Богу: Господи! возьми ее отъ меня лучше скорѣе безъ всякихъ мученій (до развитія болѣзни). И что же? Однажды эта собачка, будучи весела такъ, какъ никогда, и безъ всякой видимой причины, вдругъ на глазахъ старушки отбѣгаетъ нѣсколько въ сторону, расплывается на бугоркѣ и—едва успѣли къ ней подойти—оказывается бездыханною... Итакъ, смотрите же: Господь не возгнушался молитвою даже за собаку. Ужели за человѣка, который, конечно, въ очахъ Божіихъ дороже всякой собаки, ужели за этого человѣка можетъ быть молитва грѣшная, неумѣстная, запрещенная? Да на что же тогда намъ и сердце любящее, сострада-

тельное, жалостливое? Что намъ за дѣло судить, какъ жили наши ближніе, насколько заслужили участія Божія и нашего, насколько заслужили нашихъ — тоже не Богъ вѣсть какихъ святыхъ — молитвъ? Есть у насъ жалость къ нимъ, и довольно этого для молитвы. А судить каждаго можетъ и будетъ одинъ Господь.

Что касается молитвы за *иноверцевъ* въ церкви, то здѣсь нужно особаго рода *разсужденіе*. Если бы въ церкви въ запискахъ съ именами о здравіи вдругъ послышалось имя старушкиной «бишки»,—это, конечно, было бы уже неумѣстно. Разумѣется, и здѣсь человекъ къ собакамъ приравнять нельзя, но все же — имена какого-нибудь Сигизмунда, Шарлотты и т. п. — не совсѣмъ какъ-то удобны для возглашенія въ православной Церкви. Какъ хотите, но если и не достигаютъ наши земныя перегородки до неба, по словамъ одного богослова, однако — и валить все въ одну кучу безъ разбора мы не имѣемъ права. Молитва въ церкви есть молитва *общенія*, единства вѣры и жизни. Привлекать къ этому общенію не исповѣдующихъ этого единства — значило бы или чинить насиліе надъ ихъ совѣстью и воззрѣніями, или же фальшивить, лгать. Вотъ почему сама Церковь научаетъ насъ здѣсь выдержанности и мудрой осторожности, возглашая молитвенныя прошенія *общаго* характера: объ «отступльшихъ отъ правыя вѣры», объ «обращеніи и вразумленіи заблуждшихъ», о «соединеніи всѣхъ», объ упокоеніи «умершихъ безъ покаянія и причастія св. Тайнъ» и т. п.—Частная домашняя молитва совсѣмъ другое дѣло. Здѣсь мы выражаемъ свою личную любовь и долгъ своего лично сердца, которое имѣетъ предъ собою лицо одного Свидѣтеля и Судии Бога. Тутъ не можетъ быть никакихъ границъ молитвъ: молись за всѣхъ, за самыхъ отчаянныхъ грѣшниковъ, за всѣхъ кого только пожалѣетъ твое маленькое объявленное пламенемъ св. чувства сердце. Вѣкъ не забуду я въ такихъ случаяхъ ста-

рушкину собачку и услышанную Создателемъ всего молитву о ней. И исторія Церкви знаетъ разительнѣйшій случай, когда Господь помиловалъ даже отъявленнаго еретика-императора, причинившаго немало бѣдъ св. Церкви,—помиловалъ именно за молитвы другихъ и особенно—его жены.

A. I.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТЦОВСКІЙ РАЗДѢЛЪ¹⁾.

(Разсказъ).

V.

Наканунѣ Свѣтлаго праздника пріѣхалъ Илья къ отцу. Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Москвы онъ видѣлся съ Ѳедоромъ. Братья много и долго говорили объ интересующемъ ихъ дѣлѣ предстоящаго свиданія и разстались въ надеждѣ, что быть можетъ отецъ, ради наступающаго великаго праздника, склонившись на просьбы старшаго сына, смягчитъ свое черствое сердце и ради Воскресшаго Христа проститъ раскаившагося сына.

И вотъ пріѣхалъ Илья въ деревню. Поликсена Михеевна и Никандръ встрѣтили его съ распростертыми объятіями и, какъ всегда, очень обрадовались его пріѣзду. Но Никонъ Ильичъ какъ-то сумрачно встрѣтилъ сына. Это конечно не могло укрыться отъ наблюденія присутствующихъ.

— Будто отецъ не радъ моему пріѣзду—замѣтилъ Илья мачихѣ, когда отецъ за чѣмъ-то вышелъ въ другую комнату.

— Ахъ, милый Илюша, — сказала она, ты себѣ и представить не можешь, какъ тяжело всѣмъ намъ послѣ всего происшедшаго между отцомъ и Ѳедей.

— Въ довершеніе всего мы не можемъ даже заикнуться о немъ—добавилъ Никандръ.

¹⁾ Окончаніе. См. мартовскую кн. *Душепол. Чтенія* 1907 г.

— А. вотъ я не только зайкнусь, но и цѣлую рѣчь поведу съ отцомъ о Федорѣ,—развязно проговорилъ Илья.

— Смотри, только грозу лишнюю вызовешь или до болѣзни разстроишь отца—отвѣтила Поликсена Михеевна.— Впрочемъ, дѣлай какъ знаешь.

— Подумайте—возразилъ Илья.—Завтра великій праздникъ Христовъ. Неужели же не дрогнетъ сердце отца при воспоминаніи о раскаявшемся сынѣ его. Ну огорчилъ, оскорбилъ, но вѣдь и раскаяніе его искренне. Я знаю, что отецъ нашъ истинный христіанинъ. Ранѣе всегда не забывалъ Бога. Попытаюсь же я умиловить его гнѣвное сердце и облегчить его душу страдающую. Вѣрю, что и ему сейчасъ должно быть тягостно, несмотря на всю стойкость характера и кажущееся самообладаніе. Вотъ потому то, друзья мои, и надо намъ сдѣлать попытку къ улучшенію положенія, разсѣявъ общую семейную тяжесть.

— Вѣрно ты говоришь Илья!—воскликнулъ Никандръ.— Становлюсь твоимъ помощникомъ. Придетъ отецъ. Начиная, а я поддержу.

— Охъ смотрите не вышло бы хуже — вздохнула Поликсена Михеевна.

Затѣмъ немного помолчавъ добавила:

— Много я прожила съ этимъ человѣкомъ и такъ изучила его, какъ кажется никто изъ васъ. Онъ страшно самолюбивъ и такъ упрямъ, такъ упрямъ, что и сравненія не подберу.

— Все равно. Или теперь или никогда — возразилъ Илья.

— Согласенъ—добавилъ Никандръ.

— Посмотримъ—прошептала Поликсена Михеевна.

Тутъ всѣ замолчали, такъ какъ въ комнату входилъ Никонъ Ильичъ.

Усѣвшись въ кресло онъ отвернулся къ окну и блуждающимъ взоромъ сталъ смотрѣть въ пространство.

Илья откашлялся и началъ:

— Я прїѣхалъ къ вамъ для того, чтобы въ кругу близкихъ моему сердцу людей встрѣтить въ мирѣ и радости великій праздникъ Свѣтло-Христова Воскресенія. Но вижу, что ни мира ни радости здѣсь нѣтъ, ибо они омрачены поступкомъ Ѳедора. Теперь же Ѳедоръ раскаялся. Прїѣзжалъ въ Москву и слезно просилъ меня передать вамъ, что ради Свѣтлаго дня молить о прощеніи. Деньги достанетъ и сполна заплатить свою недоимку.

— Какъ, ты видѣлъ Ѳедора и быть можетъ даже принималъ его у себя послѣ всего случившагося?—воскликнулъ Никонъ Ильичъ.

— Да, много говорилъ съ нимъ. Увѣщевалъ и вразумлялъ его — отвѣтилъ Илья.— Впрочемъ онъ и безъ этого давно созналъ свою вину и теперь еще разъ молить вашего прощенія.

— Папа простите Ѳедора — вставилъ свое слово Никандръ.

— Ради наступающаго великаго и всепрощающаго дня Христова, того самаго кроткаго Христа, Который простилъ своихъ мучителей—добавилъ Илья.

Вдругъ Никонъ Ильичъ, страшно побагровѣвъ, послѣшно вскочилъ съ своего мѣста, и замахавъ кулаками, истерически вскрикнулъ:

— Боже до чего я дожилъ! Вижу негодяями сыновей своихъ, осмѣливающихся сочувствовать тому, чье имя мнѣ совѣстно вспоминать. Хороша же заступа за посрамленнаго отца.

Потомъ, шатаясь, устремился къ двери, продолжая порывисто выкрикивать:

— Пока живъ, не можетъ быть прощенія. Никогда—никогда. Онъ проклятъ мною. А вы только позорите меня. Стыдитесь, недостойные...

По уходѣ Никона Ильича растроенная происшедшею сценою Поликсена Михеевна, очевидно опасаясь за мужа, бросилась вслѣдъ за нимъ, лишь успѣвъ проговорить:

— Я предупреждала, какъ бы хуже не было. Такъ оно теперь и вышло.

— Правду она говорить, Илья,— сказалъ Никандръ.— Отца не вразумишь и не переупрямишь. И лучше будетъ, когда мы съ тобою отложимъ всякое въ этомъ случаѣ попеченіе. Иначе только повредимъ.

— Да—произнесъ какъ бы про себя Илья.— Не чаялъ я того, чтобы въ глаза отца уподобиться негодяю...

— Э, полно, братъ — успокоительно замѣтилъ Никандръ.— Мало ли что съ горяча скажетъ старикъ. Обойдется. Еще вѣдь и не то бываетъ. Про Федора же больше напоминать все-таки, пожалуй, не слѣдуетъ.

VI.

Прошло еще три года. Илья и Петръ продолжали аккуратно высылать отцу деньги, несмотря на всю сопряженную съ этимъ трудность. Положеніе Ильи за это время улучшилось, такъ какъ по службѣ онъ получилъ повышение съ соотвѣтственною прибавкою жалованія. Последняя дала возможность не стѣснять уже себя въ такой мѣрѣ, какъ то было раньше. Биржевой курсъ фондоваго рынка повысился, почему по ликвидаціи прежнихъ спекуляцій ему все-таки удалось сохранить нѣкоторыя крохи изъ отчисленнаго отцомъ капитала. Въ результатъ онъ уже не ютился съ женой въ одной тѣсной комнатѣ, какъ три года тому назадъ, но имѣлъ отдѣльную квартиру и питался болѣе здоровою пищею. Положеніе же Петра, напротивъ, ухудшилось. Жена постоянно болѣла, дѣти также. Въ довершенія бѣды произошли съ администраціей какія-то недоразумѣнія, слѣдствіемъ которыхъ онъ лишился службы. И если бы не сбереженія его расчетливой жены, то до пріисканія новой службы прямо было бы нечемъ жить, не говоря уже объ отцовской выплатѣ. Что же касается Федора, то отцовское проклятiе страшно тяготило его. Онъ похудѣлъ, осунулся. Постоянно ходилъ сосредоточеннымъ, задумчивымъ. Сталъ нервенъ, раздражителенъ, почему сдѣлался крайне тяжелымъ въ семьѣ своей. Тамъ

въ свою очередь наступило несогласіе и разладъ. Жена тяготилась душевнымъ состояніемъ мужа. Дѣти бѣжали отъ сумрачнаго отца. Къ службѣ онъ относился равнодушно, какъ бы машинально, исполняя всѣ ея обыденныя требованія. Хуторъ свой забросилъ и, несмотря на довершеніе задуманной посадки сада, старался какъ можно рѣже туда заглядывать. По совѣту Ильи и Назаринова онъ сначала заложилъ, а затѣмъ продалъ большую часть земли при хуторѣ и полученными отъ этой продажи деньгами сполна расплатился съ отцомъ, возвративъ ему черезъ Никандра всю задержанную недоимку. Послѣ высылки денегъ онъ еще разъ писалъ отцу, но всякая новая попытка о примиреніи оказывалась тщетною...

— Что, братъ, не выгараеть?—спросилъ какъ-то Назариновъ, встрѣтивъ Федора на улицѣ.

— По прежнему—слышать не хочетъ—отвѣтилъ тотъ.

— Видно старинныя дворянскія традиціи глубоко вѣдрились въ его упрямую душу—вздохнулъ Назариновъ.— Я вонъ по своему дворянскому роду не ниже его, а такъ бы ни за что не поступилъ. Ну, Богъ ему судья. А все-таки жаль.

— Чего?

— Да того, что вышло такъ не ладно. Тебѣ же, молодой другъ мой, совѣтую серьезно взять себя въ руки, не отчаиваться и не падать духомъ. Ну посуди самъ, что хорошаго, ежели распустишь нюни! Самъ изстрадался, семью измучилъ. Этакъ и до желтаго дома рукой подать...

— Не дай Богъ.

— То-то же. Ужъ вѣрь мнѣ старику. Худого не посоветую.

— Я и такъ глубоко вамъ благодаренъ—съ чувствомъ проговорилъ Федоръ.

Затѣмъ что-то припомнивъ добавилъ:

— Вѣдь вотъ и забылъ вамъ сказать.

— Что?

— Илья пишетъ, что отецъ собрался ѣхать въ Москву

Хочетъ посовѣтываться съ знаменитыми окулистами по поводу болѣзни глазъ.

— Это, братъ, ты важную новость сообщилъ—задумчиво проговорилъ Назариновъ. Вѣдь ты знаешь, что мнѣ очень бы хотѣлось лично повидать Никона. Напиши Ильѣ, чтобы немедля увѣдомилъ, какъ только отецъ пріѣдетъ въ Москву.

— Напишу.

— Москва отсюда недалеко. Тогда я соберу свои дряхлыя кости и поѣду къ нему на свиданіе.

Разставшись съ Назариновымъ и возвратившись домой, Ѳедоръ тотчасъ же послалъ Ильѣ письмо, прося его сообщить о прибытіи въ Москву отца.

Черезъ недѣлю отъ брата пришла телеграмма съ увѣдомленіемъ, что отецъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Никандромъ и остановился у него въ квартирѣ.

Ѳедоръ востропнулся и помчался къ Назаринову сообщить ему полученную вѣсть. У самого же на душѣ появилось предчувствіе чего-то рокового, неизбежнаго...

VII.

Никонъ Ильичъ пріѣхалъ въ Москву усталый, утомленный.

— Не думалъ, чтобы такъ растрясла меня дорога—между прочимъ говорилъ онъ. — Въ вагонѣ было тѣсно и душно. Постоянные сквозняки. Вчера, когда выѣхали, казалось будто ничего, но, когда подъѣзжали къ Москвѣ, погода измѣнилась. Подулъ холодный вѣтеръ, а сыростью такъ и пронизываетъ. Моимъ же старымъ костюмъ это въ особенности чувствительно.

На предложеніе отдохнуть, онъ безпрекословно согласился, удалившись въ спальню.

По его уходѣ Никандръ сказалъ:

— Мы не совѣтывали ему ѣхать въ Москву. Сами видите ужъ настолькоъ старъ, что еле ногами двигаетъ. Си-

дѣтъ бы ему теперь на одномъ мѣстѣ дома, да въ теплѣ. Такъ нѣтъ. Задумаль ѣхать въ Москву совѣтываться на счетъ глазъ съ оккулистами.

— Что же у него особеннаго съ глазами? — спросила жена Ильи.

— По моему ничего — отвѣтилъ Никандръ. — Просто слѣды старческой слабости и больше ничего.

— И Поликсена Михеевна тоже отговаривала его ѣхать?

— Также и она. Толку-то изъ этого не вышло никакого, потому отца нашего не переупрямишь. Разъ что задумаль, такъ тому, значить, и быть.

— Да—подтвердилъ Илья.—Это совершенная правда.

— Старому человѣку долго ли простудиться — продолжалъ Никандръ,—притомъ тавому, который въ послѣднее время вообще чувствовалъ себя слабымъ и безвыѣдно сидѣлъ дома.

На другой день Никонъ Ильичъ хотѣлъ было ѣхать къ окулисту, но сказалъ, что думаетъ обождать еще денекъ—другой, такъ какъ съ дороги чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ.

Конечно домашніе поддержали его намѣреніе, въ свою очередь убѣждая посидѣть еще немного въ комнатахъ, дабы получше отдохнуть «съ дороги».

Къ вечеру пріѣхалъ Назариновъ.

Всѣ очень ему обрадовались, въ особенности самъ Никонъ Ильичъ.

Старики радушно обнялись и крѣпко разцѣловались.

— Вотъ неожидаль — твердилъ Никонъ Ильичъ.—Спасибо дружище. Большое спасибо. А ужъ я думаль, что не увидимся...

— Вѣдь нарочно въ Москву ѣхаль—отвѣчалъ Назариновъ,—чтобы со старымъ товарищемъ встрѣтиться...

— Спасибо, спасибо.

— А помнишь ли, Никонъ, какъ мы съ тобою походомъ шли. Еще тогда насъ въ полку за дружбу закадычную двумя Аяксами звали.

— Ну вотъ, какъ же не помнить...

— Славное было времячко...

Тутъ начались воспоминанія прежняго. Старики оживились, наперерывъ перебивая другъ друга разказами о наиболѣе интересныхъ эпизодахъ военнаго времени и послѣдующихъ случаяхъ совмѣстной службы.

Потомъ среди бесѣды Назариновъ, будто что-то вспомянувъ, спросилъ Никона Ильича.

— Скажи пожалуйста, правда ли, говорятъ, ты отстранилъ отъ себя Федора и знать его не хочешь?

При этихъ словахъ Никонъ Ильичъ нахмурился. Назариновъ же продолжалъ:

— Э, Никонъ. На ладонь мы съ тобою дышемъ, и дни наши, быть можетъ, тамъ сочтены, а все-таки хватаетъ у насъ упрямства, чтобы затаить злобу на другихъ. Впрочемъ, чего тамъ на другихъ. Не краснорѣчивъ, братъ, я и обиняками не привыкъ говорить, почему скажу прямо: нехорошо ты сдѣлалъ, что проклялъ сына родного. Ну, допустимъ, плохо онъ тамъ передъ тобою поступилъ. Ростовщикомъ что ли за твой несуразный дележъ назвалъ. Потомъ же и прощенія за это просилъ. Раскаялся. Мало ли что по молодости лѣтъ вышло. А ты вонъ поди... «Не сынъ онъ мнѣ больше. Слышать про него не хочу. Мои, дескать, дворянскія традиціи задѣлъ». А того не сообразилъ, по христіански ли поступаешь и каковы послѣдствія будутъ. Вѣдь губишь не одного только Федора, а и семью его неповинную. Къ тому же самъ мучаешься и тяжкій грѣхъ на душу берешь...

Никонъ Ильичъ при началѣ этой рѣчи, поблѣднѣвъ, откинулся на задокъ кресла и, казалось, молча слушалъ, что говорилъ Назариновъ. При послѣднихъ же словахъ порывисто всталъ съ своего мѣста, подошелъ близко къ говорившему и нагнувшись къ нему, полусшепотомъ, отчеканивая каждое слово, произнесъ:

— Объ этомъ больше ни звука. Слышишь ли! Если не хочешь со мною прервать дружескихъ отношеній, то повторяю—больше ни-ни. Иначе...

— Что иначе?

— Да то, что не твое дѣло вмѣшиваться въ мою семейную жизнь и читать мнѣ какія-то школьническія натаціи. У тебя дѣтей нѣтъ. И лучше сдѣлаешь, если, сидя со своею старухою, не станешь мутить другихъ.

— Ахъ вотъ какъ! — проговорилъ Назариновъ. — Погляжу я, и черствъ же ты сталъ подѣ старость Никонъ! Вижу—упрямство и гордыня заѣли тебя. А про то забываешь, что смертный часъ не далекъ...

— Опять!—еле сдерживая себя отъ гнѣва воскликнулъ Никонъ Ильичъ. — Если такъ, то прощай. Слушать тебя больше не желаю.

Тутъ Никонъ Ильичъ круто повернулся и вышелъ изъ комнаты. Затѣмъ плотно притворилъ за собою дверь, громко щелкнувъ замкомъ.

— Богъ съ нимъ—печально произнесъ Назариновъ.— Больше, кажется, мнѣ тутъ нечего дѣлать. И впрямь отправлюсь лучше къ своей старухѣ.

— Да нѣтъ же. Оставайтесь. Посидите—заговорили въ одинъ голосъ Илья съ Никандромъ.

Но разстроенный старикъ ихъ не слушалъ. Поспѣшилъ проститься и уѣхать.

VIII.

По уѣздѣ Назаринова Никонъ Ильичъ расхворался.

— Положимъ мнѣ немного нездоровилось и раньше—сказалъ онъ.—Видно въ дорогѣ еще простудился. А тутъ вотъ этотъ старый воронъ порастроилъ меня. Ну чего тамъ каркалъ по напрасну...

— Не послать ли за докторомъ—предложилъ Илья.

— Нѣтъ пустяки, обойдется. Выплюсь и завтра буду здоровъ.

Однако словамъ Никона Ильича не суждено было исполниться. На другой день онъ чувствовалъ себя настолько плохо, что приглашенный врачъ предупредилъ присут-

ствующихъ, чтобы особенно слѣдили за больнымъ, такъ какъ очевидно у него начинается какая-то серьезная болѣзнь.

— Главное лѣта уже такія—добавилъ многозначительно докторъ. — Всякая простуда для него крайне опасна, а тѣмъ болѣе, если обнаружится горячешное состояніе.

Черезъ два дня докторъ объявилъ присутствующимъ, что у больного всѣ признаки остраго воспаления легкихъ, то-есть такой болѣзни, которую старикъ врядъ ли перенесетъ.

Услышавъ такой приговоръ Илья тотчасъ же далъ телеграммы Поликсенъ Михеевнѣ, Петру и Ѳедору, прося ихъ прибыть возможно скорѣе къ постели опасно больного. вмѣстѣ съ тѣмъ приглашенъ былъ священникъ ближайшей церкви, отецъ Николай. Впрочемъ Никонъ Ильичъ, почти все время находившійся въ памяти, и самъ выразилъ желаніе приобщиться Святыхъ Таинъ.

Передъ тѣмъ, какъ пропустить священника въ комнату больного, братья рассказали ему печальную исторію съ Ѳедоромъ и въ свою очередь просили содѣйствія къ примиренію отца съ сыномъ.

— Пока, батюшка, вы подготовите больного, а тѣмъ временемъ можетъ быть подѣдетъ и Ѳедоръ.

Конечно священникъ обѣщалъ сдѣлать все съ его стороны возможное.

— Если бъ даже вы не просили объ этомъ — сказалъ онъ, — то и тогда я счелъ бы своимъ пастырскимъ долгомъ облегчить страждущую душу болящаго.

Въ это время къ говорившимъ подошелъ докторъ.

— Поспѣшайте — торопливо произнесъ онъ. — Иначе какъ бы не было поздно. Больному дѣлается хуже.

Священникъ со Святими Дарами направился въ комнату больного...

IX.

— Да благословить васъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ—обратился священникъ къ больному.—И да сподобить Онъ васъ приобщиться Святыхъ Его Таинъ во исцѣленіе души и тѣла.

— Я радъ—простовалъ больной.

— Приступимъ же къ святой исповѣди — продолжалъ священникъ.—Простимъ враговъ своихъ. Отбросимъ гнѣвъ. Забудемъ обиды. И если душу вашу волнуютъ, либо смущаютъ помыслы житейскія, то, съ полною вѣрою въ благодать Господню, постараемся отдалиться отъ нихъ. И очистимся духовно отъ всякія скверны, дабы по волѣ Божьей явились готовыми предстать предъ престолъ Его Всевышній...

При этихъ словахъ священника больной сдѣлалъ крестное знаменіе, но продолжалъ молчать не произнеся ни одинаго звука.

Далѣе духовникъ приступилъ къ самой исповѣди и затѣмъ перевелъ рѣчь на отторгнутаго сына, какъ бы желая этимъ вызвать исповѣдника на откровенность душевную.

Однако больной по прежнему упорно хранилъ молчаніе.

Вдругъ священнику показалось, что старикъ будто теряетъ сознание...

— Все равно, что глухая исповѣдь — съ прискорбіемъ подумалъ онъ.

Затѣмъ, опасаясь за дальнѣйшій исходъ совершавшагося Таинства, тутъ же прочелъ соотвѣтствующую молитву, поспѣшивъ приобщить больного тѣла и крови Господней.

Когда потомъ вошли домашніе, чтобы поздравить больного со Святымъ причастіемъ, то снова увидѣли его въ сознаніи, привѣтливо смотрящимъ на близкихъ.

— Слава Богу — говорили присутствующіе. — Теперь вамъ будетъ лучше. А скоро сюда пріѣдутъ Поликсена Михеевна, Петръ и Ѳедоръ.

При послѣднемъ словѣ больной вздрогнулъ, и глаза его загорѣлись ненавистью.

— Неужели же и теперь не простишь — чуть было не произнесли братья, — но вовремя спохватились.

— Ну и кремень! — подумала жена Ильи. — Послѣ такого великаго Тайинства, какъ причастіе Господне, при томъ въ столь знаменательный для него часъ, и вдругъ... ненависть, зло...

Между тѣмъ Никонъ Ильичъ отвернулся къ стѣнѣ и закрылъ глаза. Въ спальнѣ водворилось угрюмое молчаніе.

Вдругъ пріотворилась дверь и въ комнату тихо ступая по ковру вошелъ Ѳеодоръ. Въ тотъ же моментъ больной, точно гальванизированный, страшно вздрогнулъ, широко открылъ глаза и собравъ всѣ свои послѣднія силы хрипло крикнулъ:

— Вонъ мерзавецъ!..

Тутъ подскочилъ докторъ. Сталъ успокаивать больного, дѣлая присутствующимъ жесты, чтобы тѣ удалились, пока больной не успокоится.

Ѳеодоръ, шатаясь какъ пьяный, первый вышелъ изъ спальни. За нимъ послѣдовали остальные. Еле добравшись до перваго попавшагося стула, онъ съ размаху грохнулся на него всѣмъ своимъ грузнымъ корпусомъ...

— Скорѣй, скорѣй съ нимъ дурно — засуетились окружающіе.

Съ Ѳеодоромъ дѣйствительно случился обморокъ.

Х.

Черезъ три дня Никонъ Ильичъ скончался, окруженный всей своею семьею, за исключеніемъ одного лишь Ѳеодора. Петръ и Поликсена Михеевна успѣли еще застать больного съ проблесками памяти. Онъ благословилъ жену и дѣтей, причемъ успѣлъ сказать, что на оставшееся послѣ перваго раздѣла имущество у него составлено особое завѣщаніе, почему можетъ умереть покойно.

— Никонъ, а простишь ли ты Ѳедора?—спросила Поликсена Михеевна.

При этомъ вопросѣ всѣ присутствующіе замерли въ томительномъ ожиданіи, но полное молчаніе было отвѣтомъ на ея слова.

— Дорогой мужъ мой—воскликнула она.—Я вижу тебя не простишь.—Умоляю же тебя ради всего святого и того страшнаго часа, который уже близокъ для тебя—прости его. Не уноси съ собой въ могилу ненависть и злобу. Вѣдь ты христіанинъ и по натурѣ человѣкъ добрый. Не губи же навсегда свою душу грѣшную и не оставляй послѣ себя отчаянія и горя.

— Отецъ, ради Бога прости его—повторили сыновья.

Но Никонъ Ильичъ лежалъ на кровати безмолвно, съ закрытыми глазами. Слышалъ ли онъ, что говорили окружающіе, или же дѣйствительно началъ терять сознаніе—сказать трудно, только съ этого момента онъ больше не проронилъ ни единого звука и затѣмъ послѣ непродолжительной агоніи скончался.

Никона Ильича похоронили подобающимъ образомъ.

Послѣ его похоронъ Поликсена Михеевна расхворалась. Болѣзнь сдѣлалась какая-то странная, необъяснимая... Ее преслѣдовали галлюцинаціи, и духовному взору постоянно представлялся Никонъ Ильичъ въ ужасно удрученномъ и печальномъ видѣ. Она лишилась сна, ѣды... Приглашенный врачъ ничего особеннаго въ ея состояніи не нашель, объяснивъ все это крайнею нервностью и прописавъ лишь успокоительныя средства. Однако домашніе очень беспокоились за нее и уже подумывали пригласить психіатра, такъ какъ душевное состояніе не улучшалось.

По ночамъ раздавались ея полные отчаянія возгласы.

— Никонъ, Никонъ! Ты страшенъ. Ты горишь весь. Отойди отъ меня несчастный. Не губи меня своимъ ужасомъ...

Всѣмъ слышавшимъ столь страшныя слова невольно дѣлалось жутко, и чувство это какъ-то безотчетно передавалось отъ одного къ другому.

Странно также и то, что не одной Поликсенъ Михеевъ представлялся покойный въ такомъ безпокойномъ видѣ. Въ сновидѣніяхъ онъ являлся чуть не еженощно сыновьямъ своимъ. Такой скорбный, печальный...

— Несчастный! душа его скорбитъ и не можетъ найти себѣ покоя въ мірѣ томъ загробномъ — говорилъ отецъ Николай, — выслушивая рассказы братьевъ.

— И мы всѣ близкіе мучаемся за него — грустно восклинули они.

— Надо больше молиться — наставительно говорилъ священникъ. — И просить Отца Небеснаго объ успокоеніи страждущей души покойнаго.

— Мы молимся батюшка — отвѣчали ему. — Вонъ Поликсена Михеевна чуть не всѣ деньги свои разослала по обителямъ святымъ. Сколько вкладовъ благотворительныхъ сдѣлала. И мы всѣ усердно молимъ Господа объ успокоеніи души его смятенной.

— Грустно-грустно — качалъ головою отецъ Николай. — Я и самъ печалюсь за него душою, ибо и мнѣ, духовнику его, тяжело становится при воспоминаніи о немъ. Вотъ и молюсь за него сугубо...

— А Федоръ, бѣдняга, не хуже Поликсены Михеевны извелся...

— Неужели?

— Да.

— Побольше упованія надо имѣть на милосердіе Божіе. И вѣрьте, легче будетъ.

— Вотъ, батюшка, хотимъ всей семьею ѣхать къ Сергію Преподобному. Тамъ въ Троицкой обители почиваетъ Никонъ Святой, имя котораго носилъ усопшій. Будемъ просить его молитвъ передъ Господомъ угодныхъ. Теперь вся наша надежда единственно на эту поѣздку въ обитель къ Преподобному.

— Истинно одобряю ваше намѣреніе — проговорилъ священникъ. — И да благословитъ васъ Господь исполнить задуманное.

— Спасибо батюшка.

Священникъ же продолжалъ:

— Искренно вѣрю, что молитвы заступниковъ нашихъ Святыхъ Сергія и Никона будутъ услышаны Всемогущимъ, и Онъ по великой благодати своей успокоитъ страждущую душу новопреставленнаго раба своего въ мѣстѣ свѣтломъ и покойномъ, гдѣ нѣтъ печали и воздыханія, но есть жизнь вѣчная, безконечная...

Черезъ два дня, ослабленная тяжелымъ нервнымъ недугомъ Поликсена Михеевна, въ сопровожденіи Ильи, Никандра и Петра была уже въ Троице-Сергіевской Лаврѣ. По дорогѣ къ нимъ присоединились старый Назариновъ съ женою. Всѣ съ глубокою вѣрою въ великій промыселъ Божій горячо молились передъ ракою Преподобнаго Сергія и гробницею Святаго Никона объ упокоеніи страждущей души. Три раза слушали молебенъ, а затѣмъ въ церкви Черниговской Божіей Матери—панихиду объ усопшемъ.

Придя послѣ этого въ гостиницу на ночлегъ, утомленные проведеннымъ днемъ, всѣ уснули крѣпкимъ сномъ. На другой день Поликсена Михеевна и ея окружающіе чувствовали себя вполне бодро и хорошо. Также какъ и наканунѣ продолжали усердно молиться за новопреставленнаго раба Божія. А на слѣдующую ночь Поликсена Михеевна увидѣла во снѣ покойнаго мужа, который необыкновенно радостно и съ полною ясностью сказалъ ей:

— Спасибо мои близкіе, дорогіе. Теперь мнѣ совсѣмъ легко. Молитвы ваши спасли меня...

Въ ту же ночь окружающимъ Поликсену Михеевну также явился въ сновидѣніяхъ Никонъ Ильичъ, но предсталъ онъ на этотъ разъ не такимъ страшнымъ въ своей безотрадной печали, какъ-то было раньше, но уже казался ихъ духовному взору радостнымъ, сіяющимъ...

— Слава Богу—сказали утромъ другъ другу братьи.— Теперь отцу нашему легче. Подтвержденіемъ этому нынешній сонъ.

— Сны бываютъ пророческими, и всѣ знаютъ, что чрезъ сновидѣнія не рѣдки случаи виспосланія на людей Божественной благодати—проговорилъ присутствовавшій при этомъ Назариновъ.

Затѣмъ добавилъ:

— Конечно — все произшедшее на недавней памяти нашей очень печально, тѣмъ не менѣе искренне вѣрю, что Господь услышитъ возносимыя молитвы и снова пошлетъ въ семью вашу покой и благодать...

XI.

Изъ Троице-Сергіевской Лавры всѣ возвращались бодрыми и здоровыми. Дома Илью уже ожидало письмо отъ Ѳедора. Оно очевидно было написано подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, только что переживаемаго имъ восторженнаго чувства. Письмо это онъ тотчасъ же прочемъ собравшимся на его зовъ роднымъ.

Вотъ что писалъ Ѳедоръ:

«Представь себѣ, дорогой братъ, отецъ нашъ, оттуда изъ-за гроба простилъ меня. Я это теперь чувствую всѣмъ сердцемъ моимъ, всей душою моею, всѣмъ помысломъ моимъ... Чудесное прощеніе его какъ бы возродило меня къ новой жизни. И я знаю, ты это самъ поймешь, какое именно чувство я, такъ много перестрадавшій за послѣдніе годы, — долженъ сейчасъ испытывать!.. Слушай же братъ мой. Видѣлъ я въ эту ночь не сонъ, но будто видѣніе. Долго я съ вечера не спалъ и лежа въ постели скорбно размышлялъ о тяготѣющемъ на мнѣ отцовскомъ проклятіи, разбившемъ всю жизнь мою. На душѣ было такъ тяжело-тяжко... Не припомню, какъ слѣдуетъ, задремалъ ли я, или произошло «это» непосредственно въ соединеніи съ душевнымъ моимъ состояніемъ,—только вдругъ вижу,—дверь въ мою комнату отворилась. Кто-то вошелъ. Смотрю и глазамъ не вѣрю. Передо мною стоитъ отецъ...

— «Прощаю тебя, бѣдный сынъ мой,—явственно про-

говорилъ онъ. Будь счастливъ. Да благословить тебя Господь...

«Съ этими словами онъ нагнулся и, крѣпко поцѣловавъ меня, сталъ невидимъ.

«Вѣришь ли, точно страшная тяжесть свалилась съ души моей. Я разомъ почувствовалъ себя такъ легко-легко. Сердце трепетно забилося, и забилося оно дивною радостью, всепрощеніемъ и счастіемъ... Я какъ бы и сейчасъ слышу эти чудныя слова и прикосновеніе къ лицу моему губъ его... Прочитай мое письмо всѣмъ близкимъ нашимъ и скажи имъ, что я теперь счастливъ, счастливъ, безпредѣльно счастливъ»...

— Благодарю тебя Боже, за великую милость Твою!— со слезами на глазахъ и перекрестившись на образъ говорила Поликсена Михеевна.

А присутствующіе добавили: •

— Свершилось чудо Господне. Будемъ же радоваться и ликовать совмѣстно съ братомъ нашимъ Ѳедоромъ.

На другой день, передъ отъѣздомъ Поликсены Михеевны и Никандра въ деревню, зашелъ къ Ильѣ отецъ Николай. Всѣ очень ему обрадовались и конечно тотчасъ же подробно рассказали о случившемся.

Внимательно ихъ выслушавъ, священникъ сказалъ:

— Наша православная Церковь, имѣя тѣсную связь съ загробнымъ міромъ, путемъ постоянной молитвы за умершихъ, учить также молиться за нихъ и всю многочисленную паству свою, при этомъ проповѣдуя святую истину о жизни вѣчной.

«По вѣрѣ вашей дастся вамъ»—говорилъ великій Учитель, Господь нашъ Иисусъ Христось. Какъ видимъ эти чудныя слова Спасителя, въ связи съ ученіемъ Церкви Христовой объ общеніи съ усопшими, воочію оправдались въ настоящемъ случаѣ.

«Слава Творцу вселенной, даровавшему людямъ, чрезъ сошедшаго на землю Сына Своего, жизнь вѣчную»!..

Ив. Бабанинъ.

РАБСТВО И СВОБОДА ¹⁾.

Въ наши дни, когда такъ много людей, ищущихъ и даже настоячиво требующихъ себѣ всякихъ гражданскихъ «свободъ», не безынтересно вспомнить то время, когда гражданской свободой пользовались немногіе люди, а гораздо бѣльшая часть людей находилась въ рабскомъ подчиненіи у людей свободныхъ. Интересно вспомнить, какъ жили люди въ рабствѣ, и какъ они освободились отъ него. Намъ, свободнымъ людямъ, не только интересно, но и полезно знать, кому или чему мы обязаны тѣмъ, что мы не рабы, а свободные. Узнавши, какъ жили люди въ рабствѣ, мы научимся цѣнить ту свободу, какою мы пользуемся; а узнавши истиннаго виновника нашей свободы, мы будемъ знать, кому отдать наше благодарное за свободу сердце.

Вотъ тѣ побужденія, по которымъ я намѣренъ сказать вамъ сегодня о древнемъ рабствѣ, его постепенномъ смягченіи и полной отмѣнѣ подѣ влияніемъ христіанства.

Христіанство оказало могущественное влияніе на всѣ стороны человѣческой жизни. Оно преобразовало отношенія семейныя, общественныя, государственныя, международныя. Но нигдѣ, кажется, благотворное влияніе христіанства не сказалось такъ сильно, такъ ярко, какъ на рабствѣ.

Рабство въ древнемъ, дохристіанскомъ мірѣ было явленіемъ повсемѣстнымъ: не было государства или народа,

¹⁾ Чтеніе фабр.-заводскимъ рабочимъ г. Москвы въ аудиторіи Историческаго Музея.

гдѣ бы не было рабовъ или невольниковъ. Особенно широкаго развитія достигло рабство въ Римскомъ государствѣ, ко времени пришествія Христа Спасителя. Римъ къ тому времени покорилъ весь міръ и кишѣлъ рабами: Римляне, въ качествѣ побѣдителей, обращали значительную часть побѣжденныхъ народовъ въ своихъ рабовъ,— и чѣмъ шире распространялись завоеванія Римлянъ, тѣмъ больше становилось у нихъ рабовъ. Одна побѣда въ Эпирѣ (въ сѣв.-западн. части Греціи) дала Римлянамъ до 150.000 плѣнныхъ, обращенныхъ въ рабство; Юлій Цезарь вывезъ изъ Галліи 63.000 рабовъ; война съ іудеями кончилась порабощеніемъ 97.000 іудеевъ. Не удивительно, что еще за 150 лѣтъ до Р. Хр., послѣ покоренія Греціи, число рабовъ въ Римѣ превосходило число свободныхъ жителей болѣе, чѣмъ втрое. Если свободный гражданинъ имѣлъ только трехъ рабовъ, то это считалось уже признакомъ большой бѣдности. Люди средняго достатка имѣли по нѣскольку десятковъ и сотенъ рабовъ. Богачи считали своихъ рабовъ тысячами; а у выдающихся богачей, владѣльцевъ огромныхъ имѣній, рабовъ были цѣлыя арміи.

Каково было положеніе рабовъ въ древнемъ мірѣ, объ этомъ слишкомъ печальную повѣсть передаетъ намъ исторія.—За рабомъ не признавалось никакого человѣческаго достоинства; рабъ считался не личностью, не разумнымъ существомъ, а животнымъ. И таковъ былъ взглядъ на рабовъ закона, — столь прославленнаго въ исторіи римскаго права. Лучшіе римскіе юристы ставили рабовъ наравнѣ съ животными. Въ нотаріальныхъ духовныхъ завѣщаніяхъ завѣщатели относили своихъ рабовъ очень часто къ разряду наслѣдства движимаго, въ числѣ котораго были перечисляемы и быки, и лошади, — въ одномъ параграфѣ съ ними помѣщались и рабы. Рабы-земледѣльцы разсматривались римскими юристами, какъ движимость или инвентарь земледѣльческой фермы; послѣдняя, по выраженію одного юриста, должна быть снабжена троякаго рода движимостью: неодушевленной (земледѣльческими ору-

діями), безсловесной (животными) и словесной (рабами) ¹⁾. Рабовъ продавали и покупали на рынкахъ, какъ товаръ, какъ вещь, и они подлежали оплатѣ такою же пошлиной, какъ и предметы неодушевленные. — Низведеніе раба на степень рабочаго животнаго выражалось и въ томъ, что римскіе законы не признавали ни браковъ между рабами, ни семейныхъ и родственныхъ связей. По взгляду закона, между рабами могло быть только сожителство, но не бракъ; у раба не должно быть семьи; онъ можетъ быть супругомъ, отцомъ, братомъ только въ томъ случаѣ, если это въ интересахъ его господина. Если рабъ, съ разрѣшенія господина, и заводилъ свою семью, то это разрѣшеніе ни къ чему не обязывало господина: онъ имѣлъ право, игнорируя родственныя связи, продать всю семью раба въ разныя руки. Дѣти рабовъ не принадлежали своимъ родителямъ, а, составляя собственность господина, поступали съ самаго рожденія къ особымъ кормилицамъ, а потомъ къ особому педагогу, который ихъ дрессировалъ. Отецъ и мать — рабы не имѣли права оплакивать своего дитя, если, по волѣ господина, его продавали, били, истязали, уродовали. «Отцомъ нельзя быть, если ты рабъ», — говорить съ горькой ироніей Плавтъ въ одной изъ своихъ комедій, — имѣть и выражать родительскія чувства рабу не полагалось. — У раба не было даже собственнаго имени, — этого перваго признака человѣческой личности ²⁾. Раба звали или по имени его господина: «рабъ такого-то», или давали ему кличку, прозвище, какъ собакѣ или лошади. Придумывать и измѣнять прозвища своимъ многочисленнымъ рабамъ было пріятнымъ развлеченіемъ для страдавшихъ отъ бездѣлья римскихъ господъ. — Власть господина надъ рабомъ была безгранична. Господинъ

¹⁾ Варронъ. De re rust. 1, 17.

²⁾ „Nomen, praenomen, cognomen — приличны лишь свободнымъ людямъ; человѣкъ, не имѣющій свободы, не можетъ имѣть претензіи на это“, — говоритъ Квинтиліанъ (Instit. orat. VII, 3, § 26).

могъ дѣлать съ рабомъ своимъ все, что хотѣлъ; жизнь и смерть раба были безусловно во власти его господина. Если бы господинъ по одному капризу своему подвергъ раба мучительной казни,—никому до этого не было дѣла, и никто не привлекъ бы его за это ко взысканію: законъ не ограничивалъ произвола господъ по отношенію раба. Понятія «несправедливаго» и «противозаконнаго» не имѣли приложенія къ рабамъ ¹⁾. Не было такой жестокости, которая считалась бы предосудительной по отношенію къ рабу. Существовалъ даже такой звѣрскій законъ, что если рабъ убьетъ своего господина, то всѣ находившіеся въ его домѣ рабы подвергались смертной казни (распятію на крестѣ); судъ въ этомъ случаѣ не давалъ себѣ труда разыскивать виновнаго. И вообще для рабовъ не существовало суда; они не могли даже являться въ качествѣ свидѣтелей иначе, какъ подъ пыткой.—Правда, нѣкоторые императоры хотѣли поставить въ законахъ предѣлъ произволу и жестокости господъ. Но мертвая буква законовъ была не въ силахъ перемѣнить нравовъ: общество было такъ испорчено, что на благодѣтельные для рабовъ законы никто почти не обращалъ вниманія, — что доказывается повтореніемъ однихъ и тѣхъ же законовъ почти каждымъ императоромъ до временъ Константина Великаго. Такое отношеніе къ законамъ и не удивительно, когда нѣкоторые императоры сами нарушали ихъ, подавая примѣръ жестокости. Такъ, императоръ Августъ приказалъ распять на мачтѣ своего корабля управляющаго своего, который изжарилъ и съѣлъ (по ошибкѣ, должно быть) его любимую перепелку (прославившуюся въ птичьихъ бояхъ, до которыхъ римляне были страстные охотники). А императоръ Макринъ прозванъ былъ своими домочадцами «живодеромъ», за его невѣроятную жестокость къ рабамъ.

¹⁾ „Все позволено по отношенію къ нимъ: мы не считаемъ ихъ за людей и обращаемся съ ними, какъ съ вьючнымъ скотомъ“,—говоритъ Сенека (Epist. XLVII).

Рабы у господъ дѣлились на два класса: на деревенскихъ, разосланныхъ по многочисленнымъ имѣніямъ, и на городскихъ или домашнихъ, для личныхъ услугъ господину.— Деревенскіе рабы—одни обрабатывали землю, другіе работали въ каменоломняхъ и рудникахъ, иные — на мельницахъ и въ булочныхъ, или пекарняхъ. Всѣ они изнывали подъ непосильнымъ трудомъ, подверженные полному произволу управляющаго и присмотрщиковъ изъ рабовъ, заслужившихъ вѣрной службой довѣріе господина. Это были большею частію люди крайне жестокіе, озлобленные и испорченные долгимъ рабствомъ, желавшіе выместить на подчиненныхъ обиды и побои, вынесенные нѣкогда ими самими. Плеть и палка готовы были ежеминутно обрушиться на спины несчастныхъ тружениковъ.— Рабы-земледѣльцы за цѣлый день утомительной работы получали самую скудную пищу, а на ночь ихъ загоняли, какъ скотину, и запирали въ *эргастулу*,—подземелье, или подземную тюрьму, освѣщенную сверху множествомъ узкихъ отверстій, въ которыя едва можно было просунуть руку. Между рабами-земледѣльцами можно было замѣтить особенно жалкихъ и несчастныхъ, — тѣхъ, которые осуждены были господами на вѣчную неволю: они шли за плугомъ, скованные желѣзными цѣпями по рукамъ и ногамъ, лицо ихъ было заклеено каленымъ желѣзомъ. Пославши ихъ въ самое отдаленное имѣніе свое, господинъ совершенно забывалъ объ ихъ существованіи, и у нихъ не оставалось даже надежды испросить себѣ у него помилованія. — Жизнь рабовъ, работавшихъ въ каменоломняхъ и рудникахъ, едва ли не была еще несчастнѣе, чѣмъ жизнь рабовъ-земледѣльцевъ: эти, по крайней мѣрѣ, работали на воздухѣ, а тѣ иногда забывали о дневномъ свѣтѣ, работая весь день въ сырости, во тьмѣ, въ душномъ, испорченномъ воздухѣ. — Особенно тяжело жилось рабамъ въ пекарняхъ и на мельницахъ. Здѣсь изобрѣтена была даже особая машина вродѣ колеса, которую надѣвали рабу на шею: она мѣшала ему поднести руку ко

рту, если онъ пытался, мучимый голодомъ, отвѣдать муки или хлѣба во время работы. Глубоко несчастенъ былъ рабъ, посланный господиномъ на мельницу, молотъ тамъ муку, пока не умретъ. Вотъ какъ изображаетъ одинъ римскій писатель мельничныхъ рабовъ: «О, боги! Что это за бѣдные, жалкіе люди! Все тѣло, едва прикрытое лохмотьями плаща, багрово и исполосовано ударами бича; клейменный лобъ; обритыя головы; ноги сжаты желѣзнымъ кольцомъ; ужасная блѣдность; вѣки такъ извѣдены дымомъ и воспалены, что глаза едва могутъ смотрѣть»¹⁾).

Городскимъ, или дворовымъ, рабамъ жилось нѣсколько легче, трудъ ихъ не такъ былъ тяжелъ; но за то они постоянно были на глазахъ своего господина, чаще подвергались его капризамъ, чаще становились жертвами жестокости. Сочиненія древнихъ писателей сохранили намъ множество картинъ безчеловѣчно - жестокаго обращенія господъ съ рабами. По словамъ римскаго писателя 1-го вѣка Сенеки, у богачей его времени почти весь день уходилъ на расправу съ своими рабами. Орудія этой расправы, приводимыя въ движеніе необузданнымъ гнѣвомъ господъ, испорченныхъ подобострастіемъ и ласкательствомъ рабовъ, были разнообразны и ужасны,—это были застѣжки, плети изъ воловьихъ жилъ, цѣпи, тюрьмы, кресты, желѣзные когти, пытки всякаго рода, раскаленное до красна желѣзо для выжиганья на лбу позорныхъ клеймъ, пещеры, наполненныя дикими звѣрями... И эти истязанія рабовъ производились иногда за пустыя провинности, приводившія однако въ ярость изнѣженныхъ, избалованныхъ римскихъ богачей: за разбитый стеклянный сосудъ, за недостаточно прохладное питье, за неисправную сервировку стола, за плохо постланную постель, за дурно вычищенные сандалии,—за то, наконецъ, что рабъ кашляетъ или чихнетъ во время стола или не такъ стара-

¹⁾ Апулей, Мет. IX,—въ *Прав. Обзор.*, 1889, т. 3, стр. 495.

тельно отгоняет мухъ ¹⁾). Жестокость къ рабамъ дѣлалась у нѣкоторыхъ богачей привычкой; для нея не надо уже было и гнѣвной вспышки: она становилась просто обыкновеннымъ дѣломъ и не замѣчалась. Такъ, при входѣ въ домъ многіе приковывали раба-привратника на такую же цѣпь, на какой мы держимъ дворовыхъ собакъ. Провинившихся рабовъ нѣкоторые любители изысканныхъ блюдъ бросали въ садки съ муренами, чтобы эти лакомыя рыбы питались ихъ трупами и жирѣли. Больныхъ рабовъ иные господа приказывали прирѣзывать, а другихъ—перевозили на пустой островъ среди рѣки Тибра и тамъ оставляли на произволь судьбы (вручали покровительству Эскулапа, храмъ котораго тамъ нѣкогда находился, а въ сущности—голодной смерти). Иные не только не сознавали жестокости по отношенію къ рабамъ, но еще хвастались ею. Такъ, одинъ проконсулъ Азіи при Августѣ (Валерій Мессала), казнивъ въ одинъ день до 300 человекъ рабовъ, говорилъ, прохаживаясь среди обезглавленныхъ жертвъ: «Я совершилъ царское дѣло!» ²⁾).

Между дворовыми рабами были и образованные рабы: и ученые, и представители разнаго рода искусствъ: архитекторы, скульпторы, живописцы, пѣвцы, актеры. Ученымъ рабамъ римляне поручали воспитаніе своихъ дѣтей,—это были рабы педагоги. Только однимъ искусствомъ не позволялось заниматься рабамъ—ораторскимъ: ораторство было привилегіей свободныхъ гражданъ.—Понятно, что положеніе рабовъ ученыхъ и художниковъ было лучше положенія рабовъ рабочихъ и слугъ. Но никакая ученость, никакая талантливость не давали рабу человѣческихъ правъ и не избавляла отъ жестокости господина. Вотъ краснорѣчивый фактъ: Плутархъ, знаменитый греческій историкъ, замѣтивши однажды какую-то провинность за рабомъ, велѣлъ высѣчь его. Рабъ, будучи самъ

¹⁾ Сенека, „De ira“, II, 21, 25, 30, 31.

²⁾ Ibid., II, 5.—*Ирав. Обзор.* 1889, III, 475—480.

человѣкомъ образованнымъ, привелъ выдержку изъ сочиненій самого Плутарха о вредѣ гнѣва. Тогда Плутархъ началъ ему доказывать, что онъ вовсе не сердится, и, обращаясь къ палачу, сказалъ: «Пока мы съ твоимъ товарищемъ будемъ философствовать, ты, пожалуйста, бей его плетью»¹⁾.—Если раба образованнаго не такъ часто и не такъ жестоко наказывали, какъ раба рабочаго или слугу, то надо принять во вниманіе, что для образованнаго физическое наказаніе было гораздо чувствительнѣе, чѣмъ для рабочаго или слуги, потерявшаго почти совсѣмъ сознаніе человѣческаго достоинства. Поэтому положеніе ученыхъ рабовъ было, можетъ быть, еще тяжелѣе, чѣмъ положеніе рабочихъ и слугъ: науки и развивали ихъ, давали имъ понятіе о человѣческомъ достоинствѣ, о человѣческихъ правахъ, и заставляли сознавать всю горечь и унижительность безправнаго рабскаго существованія... Правда, бывали случаи, что образованные рабы откупались отъ своихъ господъ и становились свободными; но господа продавали свои права слишкомъ дорогою цѣной, поэтому случаи выкупа были рѣдки.

Таково было положеніе рабовъ въ древнемъ языческомъ мірѣ. Болѣе униженнаго, болѣе жалкаго положенія и представить невозможно!

Священникъ П. Архангельскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹ Авль Галлій, Noet. att. 1, 24.—*Прив. Обзор.* 1889, III, 477.

Архіерея Петровской эпохи въ ихъ перепискѣ съ Петромъ Великимъ¹⁾.

Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины I Сильвестръ былъ переведенъ въ Казань и ему дарованъ титулъ архіепископа, а затѣмъ въ 1727 г. и митрополита. Казанью однако закончилась карьера старца митрополита. Вскорѣ послѣ прибытія Сильвестръ началъ войну противъ все-сильнаго тогда губернатора Волынскаго. Изъ числа разныхъ дѣлъ можно отмѣтить его доношеніе въ Синодъ на одного изъ любимцевъ Волынскаго, Чебоксарскаго воеводу Алексѣя Зборовскаго, который «для своей корысти, произыскивая себѣ прибытки, умысля о брадобритіи и платѣ, якобы исполняя прежній указъ велѣлъ написать съ него копія и разослать по всѣмъ церквамъ для объявленія народу. На возраженіе духовныхъ дѣлъ управителя протопопа Александра Кузнецова, что публикуются въ церквахъ только синодальные указы, а указъ о брадобритіи публикованъ только въ 1722 году на торгахъ и приличныхъ мѣстахъ, Заборовскій поносилъ протопопа всякими ругательствами; хотѣлъ сковать и отослать въ Москву. Въ іюнь 1730 г. по приказу Заборовскаго бить батогами священникъ Аванасьевъ, причемъ Заборовскій говорилъ, что убьетъ лучшаго духовнаго судью, и что архіереешку растригутъ; за воеводою и бурмистры поступаютъ также; бьютъ духовныхъ и посылаютъ къ протопопу показать

¹⁾ Окончаніе. См. февральскую кн. *Душенол. Чтенія* 1907 г.
часть I.

побой, а съ губернаторомъ Заборовскій имѣеть сильное дружество». Синодъ впрочемъ ограничился только тѣмъ, что это доношеніе преосв. Сильвестра представилъ въ копіи въ Сенатъ 19 октября 1730 года.

Вражда Сильвестра съ губернаторомъ Волынскимъ все болѣе и болѣе обострялась. Сильвестръ подалъ на Волынскаго пункты, обвиняющіе Казанскаго губернатора въ воровствѣ и грабительствѣ и въ смертныхъ убійствахъ, но и Волынскій не дремалъ, и зорко слѣдя за Сильвестромъ, скоро нашелъ подходящій случай отмщенія.

Въ Богородичскій Свіяжскій монастырь былъ сосланъ бывшій Коломенскій митрополитъ Игнатій Смола. Преосвященный Игнатій, по словамъ Чистовича ¹⁾, «извѣстенъ какъ приверженецъ царицы Евдокіи Лопухиной и царевича Алексѣя и какъ противникъ новоучрежденнаго Синода и его распоряженій. Онъ постриженъ въ монашество изъ московскихъ купцовъ ²⁾. Въ междупатріаршество посвященъ былъ (въ 1712 г.) митрополитомъ Стефаномъ, изъ архимандритовъ Московскаго Богоявленскаго монастыря, въ епископы суздальскіе; въ 1719 г. переведенъ на Крутицы, съ званіемъ митрополита и съ порученіемъ въ его управленіе патріаршаго духовнаго приказа. Это была очень высокая и почтенная должность при патріархахъ. Крутицкіе митрополиты, обыкновенно, заступали мѣсто патріарха въ случаѣ его болѣзни или смерти, и были ближайшіе кандидаты на это званіе. Учрежденіе Св. Синода разомъ подорвало всѣ мечты и надежды Игнатія. Онъ еще надѣялся управлять самовластно патріаршею областію и презрительно отнесся къ одному изъ распоряженій Св. Синода, касавшемуся, между прочимъ, и патріаршей области. Св. Синодъ подвергъ его суду, и за это временное умаленіе своей чести и за нѣкоторыя противности, «изъ которыхъ явствуетъ, якобы

¹⁾ Теофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 190.

²⁾ Московск. любопыт. мѣсяцословъ на 1776 г., стр. 150.

онъ имѣть власть выше синодальнаго правительства», ему внушено было и на будущее время «изъяснить честь Св. Синода безъ всякаго умаленія, и повиноватися оному во всемъ безъ прекословія, понеже оной Синодъ имѣть честь, силу и власть патріаршескую, или едва и не большую, понеже есть соборъ»¹⁾. Въ томъ же году, по высочайшему повелѣнію, изъ тайной канцеляріи сообщено Св. Синоду для изслѣдованія, что Игнатій явился виновнымъ въ дѣлѣ бывшей царицы Евдокии Ѳедоровны Лопухиной. «Въ прошлыхъ годѣхъ, въ бытность ея царицы въ Суздальскомъ монастырѣ, а его — Суздальскимъ епископомъ, онъ прихаживалъ къ ней, бывшей царицѣ, на поклонъ и видалъ ее въ мірскомъ платьѣ и руку ея цаловалъ, а не доносилъ. Онъ же въ прошломъ 1717 году приказалъ попу церкви Казанскія Богородицы, что въ Суздаль, ее, бывшую царицу, пустить пѣть всенощную, что тотъ попъ и учинилъ; да онъ же прислалъ къ ней царю возниковъ сѣрыхъ нѣмецкихъ, на которыхъ она ѣзживала». Игнатія вызвали въ С.-Петербургъ. По изслѣдованіи дѣла, онъ оказался виновнымъ въ важномъ преступленіи, а именно: «вѣдая правильную великую государыню Екатерину Алексѣевну, почиталъ за царицу монахию Елену и отдавалъ ей такую честь, которой весьма она отрѣшена. И хотя за то повиненъ былъ жестокому штрафованію, но его царское величество, по милости своей и ради заключеннаго съ Швеціею мира, ту вину его простилъ и повелѣлъ быть ему въ Иркутской епархіи архіереемъ, и писаться епископомъ, и служеніе отправлять въ опредѣленныхъ епископскому сану одеждахъ, а савкоса не употреблять и бѣлаго клобука не носить». Высочайшій указъ объявленъ ему въ Синодѣ Новгородскимъ архіепископомъ Ѳеодосіемъ 8 сентября 1721 г.—Игнатій подалъ государю жалобу, въ которой просилъ выслушать донесеніе Тайной канцеляріи объ его дѣлѣ,

¹⁾ Описаніе докум. и дѣлъ арх. Св. Синода, т. 1, стр. 220—223.

потому что въ Синодѣ не было сообщено изъ нея полнаго свѣдѣнія, а его уволить отъ Иркутской епархіи. Государь согласился и, 1-го октября, пріѣхалъ въ Синодъ для слушанія дѣла. По окончаніи чтенія, Государь уволить Игнатія отъ Иркутской епархіи, дозволивъ ему отойти, за старостію, на обѣщаніе въ Нилову пустынь. Это не только не смягчило, напротивъ еще больше раздражило Игнатія. По крайней мѣрѣ мы не знаемъ, чему другому приписать слѣдующій его поступокъ. Живя въ Ниловой пустыни и пользуясь авторитетомъ по своему званію, онъ приказалъ вырвать изъ общаго поминальнаго синодика листы, «на которыхъ вписаны были имена родителей достоблаженныхъ памяти фамиліи его императорскаго величества». По доносу мѣстнаго инквизитора, Синодъ приказалъ изслѣдовать это дѣло, а къ строителю послать указъ, для объявленія бывшему м. Игнатію, чтобы онъ ни въ какія монастырскія, подлежащія до настоятельскаго управленія, дѣла отнюдь вступать не дерзалъ ¹⁾.

Въ 1727 г. Петръ II повелѣлъ Игнатія перевести въ Коломну митрополитомъ и быть въ присутствіи Синода въ числѣ синодальныхъ членовъ. Въ 1730 г. въ Синодѣ возникло дѣло о Воронежскомъ епископѣ Львѣ Горловѣ по доносу Воронежскаго вице-губернатора Пашкова, и Игнатій за медленность въ осужденіи Льва 4 декабря при собраніи синодальныхъ членовъ и другихъ архіереевъ былъ лишенъ архіерейскаго сана черезъ Угрѣшскаго игумена Аввакума снятія мантии и панагіи и взятіемъ посоха, а 6 декабря «отправленъ въ монастырь къ архимандриту Гавріилу, съ угрозою о лишеніи священства и монашества за малѣйшее отступленіе отъ правилъ ссылки.»

Сильвестръ принялъ Игнатія ласково и по возможности облегчилъ его горькую долю. Этимъ-то и воспользовался Волынской. «За предлогомъ къ доносу», пишетъ Чисто-

¹⁾ Описаніе докум. и дѣлъ арх. Св. Синода, т. 1, стр. 81—88.

визъ ¹⁾), «дѣло не стало. Въ Москву повѣщено было, что Игнатій ѣздилъ изъ Свѣжскаго монастыря въ Раифскую пустынь къ Сильвестру и Сильвестръ прѣвзжалъ къ нему въ Свѣжскъ. Высочайшимъ указомъ велѣно было это дѣло изслѣдовать. Оказалось, что Казанскій митрополитъ показывалъ къ Игнатію почтеніе не по званію простаго чернеца, но по подобію архіерея, именно въ разговорахъ звалъ его *владыко святыи*, цѣловался съ нимъ, какъ архіерей съ архіереемъ, бывалъ у него неоднократно, въ публичныхъ столахъ саживалъ подлѣ себя на первомъ за собою мѣстѣ, возилъ его съ собою въ разные дома и дозволялъ при себѣ благословлять людей разныхъ чиновъ. Этого мало—это всѣ видѣли и знали; а между тѣмъ это было въ такое время, когда судили за слова, сказанныя вдвоемъ шопотомъ; столъ, стѣны, стулья—все подслушивало и доносило. Такъ было и здѣсь.

Во время слѣдованія прилучился къ допросу спасскій архимандритъ Питиримъ и, между прочимъ, показалъ, что во время гощенья въ Раифской пустыни, въ ту пору, когда былъ тамъ Сильвестръ, Игнатій останавливался въ квартирѣ намѣстника. Вечеромъ «ходя вездѣ» они зашли съ Сильвестромъ къ намѣстнику въ келью. Тутъ между разговоровъ Игнатій, нагнувшись мало къ Сильвестру, говорилъ тайно: «вотъ-де лишили меня архіерейскаго сана напрасно. И ей ли... архіерея судить!»²⁾ Митрополитъ на это ничего не сказалъ.

По обычаю начался розыскъ. У Сильвестра отобрали всѣ его письма, тетради и книги. Въ тетрадяхъ оказались немалыя противности. На одной тетради, «писанной на подобіе исторіи о бѣломъ клубуѣ», сдѣлана была рукою Сильвестра приписка съ бранными намеками на распоряженіе, которымъ запрещалось русскимъ митрополитамъ ношеніе бѣлаго клубука. Сильвестръ показалъ, что онъ сдѣлалъ эту приписку «не къ поношенію чести Го-

¹⁾ Ibid., стр. 343.

сударыни, ниже злоствую, но токмо укоряя Римлянъ». — На другой тетради переписанъ былъ извѣстный указъ е монастыряхъ и монахахъ, 31-го января 1724 года, тоже съ припискою, между строкъ, Сильвестра. Сильвестръ показалъ, что «сдѣлалъ то отъ неразумія своего, а не по злобѣ и не къ поношенію ея императорскаго величества». — Наконецъ у Сильвестра нашли письмо, написанное въ видѣ церковнаго манифеста, съ обвиненіемъ Теофана въ неправославіи и нерадѣніи о церкви православной: «сынове восточныя церкви, вси православные христіане, по ревности своей, отъ всея души жалѣя, объявляемъ главную обиду святыхъ соборныхъ нашей церкви: во-первыхъ, первый духовныхъ дѣлъ судія присмотру о ней не имѣть и о полезномъ не радѣть и о другихъ соборныхъ церквахъ не брежетъ и по всему видно есть, что онъ не православенъ». Тутъ ужъ нельзя было укрыться. Сильвестръ признался, что все это написано о Новгородскомъ архіепископѣ Теофанѣ по злобѣ и отъ безумія, а неправославіи и никакой противности церковной онъ за нимъ не знаетъ.

По окончаніи слѣдствія, 30 декабря 1731 г., доложено было обо всемъ Государынѣ и того жъ дня послѣдоваль Высочайшій указъ съ обыкновенною формулой: «хотя бывший Коломенскій архіерей (Игнатій) за новое жесточайшее преступленіе подлежалъ бы жестокому истязанію; токмо Ея Величество милосердуя изволила указать послать его въ Николаевскій Корельскій монастырь и содержать подъ крѣпкимъ карауломъ, и быть ему въ томъ монастырѣ безвыходно; а Казанскаго Сильвестра послать на обѣщаніе въ Александроневскій монастырь съ тѣмъ, чтобы ему въ служеніи не быть и мантии архіерейской и панагіи не носить». Но на другой же день послѣдоваль новый указъ, которымъ велѣно содержать его митрополита въ Невскомъ монастырѣ неисходно.

Можно было предвидѣть, что этимъ дѣломъ съ Сильвестромъ не кончится, потому что, живя въ Невскомъ мо-

настырѣ, онъ былъ у всѣхъ на глазахъ и могъ найти себѣ милостивцевъ. Такъ и случилось. На Благовѣщеніе (25-го марта 1732 г.) было въ Невскомъ монастырѣ обыкновенное праздничное собраніе. Заточенный Сильвестръ, конечно, не упустилъ случая поговорить съ тѣмъ и другимъ о своемъ жалкомъ положеніи. Феоданъ или кто другой замѣтилъ это. На третій же день послѣ праздника (28-го марта) послѣдовалъ Высочайшій указъ слѣдующаго содержанія: «Ея Императорскому Величеству извѣстно учинилось, что оный Сильвестръ въ Невскомъ монастырѣ содержитъ себя не такъ, какъ надлежитъ, но употребляетъ свои коварственныя ханженства, чего было ему чинить отнюдь не надлежало; а можетъ быть, что и еще изъ того коварства надѣяться больше возможно худыхъ дѣлъ». Вслѣдствіе этого велѣно сослать его въ Крыпецкій монастырь Псковской епархіи.

Въ бытность въ Крыпецкомъ монастырѣ, въ іюлѣ того же (1732) года, Сильвестръ сказалъ за собой государево слово и требовалъ, чтобы его съ сержантомъ Сукинымъ представили въ Москву въ Сенатъ. Походная тайная канцелярія нарядила за ними своего сержанта съ солдатами и приказала «взять ихъ изъ Пскова и вести порознь одалъ другъ отъ друга, чтобы колодники между собою разговоровъ никакихъ не имѣли; а ежели паче чаянія въ дорогѣ изъ оныхъ колодниковъ учнетъ кто говорить непотребное, то велѣтъ записать и имѣть секретно. И для опасенія, чтобъ болѣе непотребныхъ словъ отъ нихъ не происходило, заклепать имъ ротъ... и смотрѣть, чтобъ они себя чѣмъ не умертвили и не убѣжали. Питъ имъ давать отвѣдывая сперва то сержанту самому, и на пищу давать имъ хлѣбъ, переламывая въ малые куски. Недоѣзжая до С.-Петербурга за пять верстъ, одного человѣка прислать для извѣстія въ Походную тайную канцелярію; а помянутыхъ колодниковъ вести въ Екатеринбургъ и содержать тамъ до указа. Въ дорогѣ, кто они, не сказывать».

Слово и дѣло Сильвестра было не что иное, какъ жа-

лоба на приставленнаго къ нему сержанта Сукина, который будто бы грозилъ ему, что привяжетъ его къ столбу и убьетъ. Во время утрени (когда Сильвестръ объявилъ за собою государево слово), Сукинъ, будто бы, билъ его палкой и кулаками и ругалъ всячески, и когда Сильвестръ пошелъ къ игумену жаловаться, тотъ въ догонъ билъ его до самаго игумена, а игумень никакой обороны не учинилъ.

Началось слѣдствіе, пошли допросы, показанія. Сильвестръ сначала «говорилъ перемѣнныя рѣчи», попросту сказать, путался, но потомъ сознался, что Сукинъ его не бивалъ, только какъ въ церкви, такъ и на паперти «тащилъ его нечестно; и такіе слова, что хотѣлъ бить, ему говорилъ, потому онъ и сказалъ за собой слово, убоясь тѣхъ угрозъ. Ктому жъ держался онъ въ томъ монастырѣ въ великомъ утѣсненіи и нуждѣ, отчего, желая освободиться изъ того монастыря, и сказалъ за собою оное дѣло напрасно».

Въ августѣ въ Псковъ командированъ былъ изъ Тайной канцеляріи Преображенскій капитанъ-поручикъ Замыцкій для разбора дѣла между Псковскимъ епископомъ Варлаамомъ и воеводою княземъ Солнцевымъ. Ему жъ поручено было изслѣдовать дѣло Сильвестра въ Крыпецкомъ монастырѣ. Игумень съ братіей не подтвердили ничего, что показывалъ Сильвестръ на Сукина; а подтвердили только, что Сильвестръ кричалъ всенародно, чтобъ его везли въ Москву въ Сенатъ, что имѣеть онъ дѣло великое.

Наконецъ 19-го октября 1732 г. въ кабинетѣ состоялся приговоръ: «вышеозначеннаго Сильвестра, что вѣдая онъ о винѣ своей, за которую держанъ былъ въ монастырѣ за карауломъ, не имѣя оттого въ себѣ воздержанія, учинилъ еще означенную важную продерзость, кричалъ всенародно вышепоказанныя слова и въ отвѣтахъ своихъ затѣвая объявлялъ перемѣнныя рѣчи — и за то снять съ него архіерейскій санъ и лишить его іеромонашества и

велѣть ему быть простымъ монахомъ, дабы отъ него впредь продерзостей болѣе не происходило; а по исполненіи оного послать его въ Выборгъ и велѣть его содержать въ замкѣ называемомъ Гермонъ (въ томъ самомъ, въ которомъ впоследствии содержался преосвященный Теофилактъ Лопатинскій) и для караула опредѣлить капрала и четырехъ человѣкъ солдатъ. А Сукина освободить¹⁾. Печальный обрядъ снятія съ него знаковъ архіерейскаго сана и монашескаго званія исполнили въ Тайной канцеляріи Горицкій архимандритъ Иларіонъ съ Благовѣщенскимъ протоіереемъ Іоанномъ».

Узникъ скончался 31 мая 1735 г. Послѣ его смерти оказалось въ Казани и Москвѣ принадлежащихъ ему денегъ 1319 руб. и кое что изъ имущества, припрятаннаго въ Казани въ амбарахъ въ зернѣ и у знакомыхъ. Деньги были употреблены на постройку синодальнаго дома.

Таковы были владыки Петровскаго времени!

А. Титовъ.

1906 г. октября 9 дня.

¹⁾ Протоколы Тайн. Р. Д. канц. 19-го октября 1732 г.

ЛЕГЕНДА О ПРЕПОД. ІОСИФЪ ВОЛОКОЛАМСКОМЪ.

(Начало монастырскаго землевладѣнія).

Лѣтомъ прошлаго года я собрался ѣхать въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь. Сначала я думалъ отправиться туда черезъ Волоколамскъ, но мнѣ посовѣтовали слѣзть на ст. Числино, не доѣзжая города верстъ 20. «Здѣсь и мѣстность красивѣе, и до монастыря ближе», говорили мнѣ. Я послушался.

Пріѣхалъ на станцію въ третьемъ часу ночи. Лошадей, какъ и нужно было ожидать, не оказалось и нанять было некого, такъ что пришлось часа два съ половиной просидѣть въ прокопченомъ, биткомъ набитомъ трактирѣ, въ густыхъ облакахъ махорки. Окна почему-то были закрыты, хотя ночь была очень теплая. Звонъ чашекъ и чайниковъ, шумъ, крикъ, ругань. Голова и безъ того тяжелая послѣ безсонной ночи, тутъ уже окончательно разболѣлась. Но скоро, на мое счастье, трактирщица подвела ко мнѣ широкоплечаго старика и, указывая на меня, сказала: «вотъ, можетъ быть съ тобой онъ поѣдетъ до монастыря». Я готовъ былъ ѣхать съ кѣмъ угодно и на чемъ угодно, только бы поскорѣе выбраться отсюда, а съ этимъ старикомъ, добродушно улыбавшимся, и на его маленькомъ тарантасигѣ я поѣхалъ тотчасъ и съ особымъ удовольствіемъ.

Мы выѣхали въ шестомъ часу утра, когда іюнское солнце уже довольно высоко поднялось надъ горизонтомъ и приятно пригрѣвало, а легкій утренній вѣтерокъ обду-

валъ еще пріятнѣе уже успѣвшія запылиться лицо и руки. Дорога была хорошая, и тарантасъ катился довольно ровно. Убаюканный его стукомъ и мѣрнымъ топотомъ копытъ, усталый, съ больною головою, я скоро заснулъ.

Вдругъ я почувствовалъ, что кто-то хочетъ стащить меня съ тарантата. Въ ужасѣ я откинулся назадъ, крикнулъ и... проснулся. Тарантасъ стоялъ на верху крутой Выголовской горы ¹⁾, и старикъ, полуобернувшись на облучкѣ, старался разбудить меня. Я открылъ глаза.

«Баринъ, а баринъ, проснись! Полно спать-то. Посмотри-ка, какая у насъ благодать!..»

Старикъ указывалъ кнутомъ на чудный, далекій видъ, открывавшійся съ этого мѣста. Онъ былъ такъ хорошъ, что показался мнѣ даже и въ то время, послѣ такого и неожиданнаго пробужденія, нѣжнымъ, ласкающимъ взоръ изъ-подъ легкой пелены утренняго тумана. Я протеръ глаза и принялся внимательно осматривать мѣстность. Налѣво, подъ горой въ оврагѣ, въ который мы должны были спуститься, журчалъ по камешкамъ съ мелкими водопадами хрустальный ручеекъ, извиваясь узкой лентой и исчезая гдѣ-то за большимъ кустомъ. На дальнемъ планѣ синѣлъ прозрачной дымкой лѣсъ. Направо картина была еще лучше.

«Ну, баринъ, посмотришь и будетъ. Пора трогаться», категорично заявилъ мой кучеръ, и мы начали спускаться съ горы. Спускъ былъ крутой; чтобъ не упасть, пришлось держаться за крылья тарантаса, такъ что я совсѣмъ забылъ о прерванномъ созерцаніи утренняго пейзажа. Спихнулся лишь тогда, когда былъ на другой сторонѣ оврага, но было уже поздно: кустарникъ и ольхи закрыли чудныя картины.

Дальше поѣхали ровнымъ открытымъ полемъ. Стало скучно, и я опять задремалъ.

Черезъ нѣсколько времени старикъ снова разбудилъ меня.

¹⁾ Верстахъ въ 10—12 отъ монастыря.

«Полпо же, баринъ, тебѣ спать-то. Посмотри, какія чудеса у насъ, въ другомъ мѣстѣ такихъ и не найдешь».

Я уже совсѣмъ выспался и сталъ искать глазами чудесь, о которыхъ говорилъ старикъ.

«Да вонъ, вонъ тудо смотри!»

И онъ указывалъ мнѣ въ длинной высокой грядѣ широкой проходъ, который велъ изъ оврага, гдѣ мы ѣхали, въ другой, сосѣдній оврагъ.

«Это чортова работа», добавилъ загадочно старикъ, сильно ударивъ кнутомъ лошадь при словѣ «чортова», желая усилить его значеніе и поскорѣе проѣхать мимо нечистаго мѣста.

Я ничего не понялъ изъ этого восклицанія моего кучера и, быть можетъ, именно поэтому какъ самая выемка, такъ и особенно послѣднее замѣчаніе сильно заинтересовали меня. Всю дремоту, какъ рукой сняло, и я началъ осматривать то мѣсто, куда указалъ старикъ. Здѣсь было много оригинальнаго. Въ длинномъ высокомъ холмѣ были устроены, какъ бы ворота съ крутыми боками, красиво поросшими мелкимъ кустарникомъ, среди котораго одиноко возвышались тощія березки. Откуда эта выемка? — былъ у меня первый вопросъ. Вода не могла промыть такого высокаго холма, тѣмъ болѣе, что рѣчка тевла параллельно ему. Нарочно прорытая дорога? Нѣтъ, наши мужички съ роду для себя не прорывали такихъ дорогъ, они лучше 10 верстъ кряку сдѣлають, чѣмъ пророкутъ такую гору. Подѣхали ближе. И дороги-то здѣсь нѣтъ, да и некуда ей итти. Откуда же такое «чудо». Я недоумѣвалъ и рѣшился попросить объясненія у нахмурившагося старика.

«Ну да!» ворчалъ онъ, «разсказывай ему, а онъ спать будетъ. Когда проснешься, тогда и расскажу».

Однако онъ скоро смилостивился.

«Это мѣсто», и онъ снова указалъ на выемку, «называется у насъ—«чортовы ворота», а то и просто «Воротища»¹⁾, потому что это чортова штука».

¹⁾ Верстахъ въ 6—7 отъ монастыря.

Это было давно. Лѣтъ триста, а можетъ быть и четыреста тому назадъ. Въ то время пришелъ сюда и здѣсь поселился одинъ монахъ. Собою видный, начитанный, строгій и мастеръ говорить. Какъ его звали при крещеніи, тогда никто не зналъ, а самъ онъ о своемъ имени сначала никому не говорилъ, и только послѣ открылось, что это былъ препод. Юсифъ, основатель Волоколамскаго монастыря. Построилъ себѣ этотъ монахъ келью, вокругъ нея развелъ огородъ и началъ копать прудъ, что теперь называется «Юсифовымъ». Въ свободное отъ занятій время онъ читалъ божественныя книги, ходилъ въ деревню и тамъ училъ народъ истинной жизни, или крестьяне приходили къ нему; иногда сочинялъ посланія монахамъ, или писалъ уставъ для своего будущаго монастыря. Вотъ однажды лѣтомъ, когда этотъ общительный, трудолюбивый монахъ, утомившись отъ дневной работы, сидѣлъ и писалъ правило о томъ, какъ должны жить монахи, къ нему въ келью пришелъ худой, измученный, много постившійся монахъ, но взглядъ его изъ-подъ нависшихъ бровей свѣтился безконечною любовью къ людямъ и самоотверженіемъ. Вдвоемъ они долго бесѣдовали, обсуждая монашескую жизнь. Уже занялась утрення заря. Сначала говорили мирно, но чѣмъ дальше шла бесѣда, тѣмъ она все чаще и чаще переходила въ споръ. Дьяволъ, который подслушивалъ ихъ разговоръ у дверей и при спорѣ, когда оба монаха начинали горячиться, всякій разъ умильно вилялъ хвостомъ, не выдержавъ дольше, пролѣзъ въ келью чрезъ неплотно затворенную дверь и улегся на печкѣ рядомъ съ двумя стрѣльцами, пробиравшимися въ Тверь.

Въ пылу спора ни одинъ изъ монаховъ не замѣтилъ, какъ прошмыгнулъ къ нимъ чортъ и какъ онъ взобрался на печку. Они продолжали разговоръ, не замѣчая его.

«Нѣтъ, братъ, не такъ! Я думаю, что всѣ монахи должны уйти изъ міра, жить въ пустынь. И тамъ они должны стараться не убивать свою плоть, а воздѣлывать

сердца и развивать свой умъ. Инокъ долженъ подчиняться не вѣшной дисциплинѣ, какъ говоришь ты, а божественному писанію. Приготовивъ себя, онъ тогда уже долженъ своими молитвами помогать братьямъ, оставшимся жить среди соблазновъ міра».

Начало разговора чортъ плохо слышалъ черезъ дверь, но теперь онъ пришелся ему по душѣ. «Ловко! такъ, такъ», шепталъ довольный бѣсъ, «пусть уйдутъ изъ міра и заключатся въ одиночествѣ всѣ люди, которые должны поддерживать истинную вѣру, и благотворительность, и просвѣщеніе на Руси, пусть уходятъ, и тогда ужъ мое будетъ царство, тогда ужъ никто не вырвется изъ моихъ когтей». Предвкушая славу и силу своего будущаго могущества, онъ отъ удовольствія раза два дернулъ себя слегка за жидкую русую бороденку.

«Нѣтъ, нѣтъ!» отвѣчалъ этому монаху Іосифъ. «Иноки должны жить какъ разъ наоборотъ. Въ міру имъ мѣсто. Здѣсь искушенія и соблазны сильнѣе, поэтому они тверже закалятся въ борьбѣ съ ними, окрѣпнутъ духомъ возрастутъ силой и, какъ солнца, будутъ свѣтить среди міра. Они будутъ свѣтить изъ середины мрака и разгонять тьму невѣжества и суевѣрія. У нихъ подъ руками будутъ богатые имущества, огромныя земли. Я до смерти буду защищать церковныя богатства и монастырскія земли, и первый начну собирать ихъ въ свои крѣпкія руки. Мы настроятъ больницы, богаделенъ, училищъ. Будемъ заботиться и о душахъ и о тѣлесной жизни нашихъ ближнихъ. Будемъ истинными учителями... Не возражай. Я знаю, ты опять о нищетѣ. Я увѣренъ, что по моему лучше! Я настою на своемъ!»

«Позволь сказать только одно слово», все-таки перебилъ его другой монахъ. «Иноку по евангелію не подобаетъ не только имѣти имѣнія, но и желати то стяжавати. Вѣдь инокъ отрицаетъ міръ и все, что въ немъ, какъ же онъ послѣ этого можетъ тратить время на заботы о мірскихъ имуществахъ, о земляхъ и богатствахъ?»

«Нѣтъ, нѣтъ! Молчи! Я постараюсь, чтобъ по моему было! И я добьюсь своего!»

Чортъ, какъ мячикъ, скатился съ печки и скрылся въ сѣняхъ за дверью. Потомъ выскочилъ оттуда и молніей поднялся кверху, чтобы тамъ притти въ себя отъ того, что онъ услышалъ. Но въ воздухѣ одна туча висѣла надъ другой, и вверху дышать было такъ же трудно, какъ и въ кельѣ на печкѣ. Чортъ уже совсѣмъ пересталъ соображать. «Убью Іосифа, пока не поздно», прошепталъ онъ и приказалъ тучѣ, на которой онъ усѣлся, двигаться къ той горѣ, гдѣ теперь «Воротища». Туча спустилась на землю у самаго начала горы въ оврагъ, по которому мы сейчасъ ѣхали, и бѣсъ прыгнулъ съ нея, ударившись брюхомъ о камень.

Теперь онъ сталъ уже не маленькимъ, горбатымъ чертенкомъ съ обтрепаннымъ хвостикомъ, а огромный дѣтина съ длиннымъ коровьимъ хвостомъ, бычьими выгнутыми рогами и съ огромными перепончатыми лапами. Онъ со злостью схватилъ поперекъ этотъ длинный хребетъ и вырвалъ изъ него огромный кусокъ. Такъ получились «чортовы воротища». Съ этой землею онъ опять усѣлся на тучу и вмѣстѣ съ нею сталъ подниматься. Туча медленно поплыла къ монастырю. Утреннее солнышко уже поднялось надъ горизонтомъ и пріятно грѣло шершавую спину бѣса, который, сидя по-турецки и прикрывая рукою глаза, внимательно наблюдалъ за кельей. А туча все приближалась и приближалась къ ней. Осталось всего полторы-двѣ версты. Для зоркихъ дьявольскихъ глазъ келья была видна со всѣми подробностями. Туча остановилась, и бѣсъ поджидалъ появленія Іосифа, чтобъ придавить его этимъ кускомъ земли.

Вдругъ въ кельѣ раздались крики. На порогъ ея показался стрѣлецъ, а за нимъ и другой, оба они выталкивали въ шею пришедшаго къ Іосифу монаха, въ которомъ бѣсъ при солнечномъ свѣтѣ узналъ Нила Сорскаго. Затѣмъ на крыльцо вышелъ и самъ Іосифъ. Поднялся вихрь. Небо прояснилось. Туча быстро понеслась ему навстрѣчу, а

сидѣвшій на ней чортъ разломилъ землю пополамъ и взялъ по куску въ каждую руку, готовый бросить ихъ всякую секунду въ Іосифа.

Въ этотъ моментъ раздался и повисъ въ воздухѣ первый ударъ колокола къ заутренѣ въ Спировской ¹⁾ церкви. Бѣсъ остановился на мгновенье. Отъ удара ли колокола, или отъ быстрого движенія тучи у него вдругъ прояснилось въ головѣ. Какая-то завѣса спала съ его глазъ, и онъ, вмѣсто ненависти, съ любовью посмотрѣлъ на Іосифа и такъ сильно захоталъ отъ удовольствія, что легкій громъ прокатился по чистому утреннему небу и заставилъ вздрогнуть стараго спировскаго священника, частыми шагами спѣшившаго въ церковь. «Вѣдь, не Ниль, а Іосифъ будетъ моимъ дорогимъ помощникомъ», закончилъ чортъ свое внутреннѣе размышленіе. «Какъ же это я не могъ сообразить раньше», невольно упрекнулъ онъ себя за оплошность.

Чтобъ загладить свою ошибку, бѣсъ тотчасъ же соскочилъ съ тучи, преобразился сановитымъ бояриномъ и степенно пошелъ навстрѣчу Іосифу.

«Здравствуй св. отецъ! Я къ тебѣ съ просьбою: прими отъ меня малое пожертвованіе земель. Я дамъ ея тебѣ немного, но повѣрь мнѣ — съ моей легкой руки земли потекутъ къ тебѣ со всѣхъ сторонъ. Ты будешь богатъ, будешь помогать бѣднымъ, больнымъ строить пріюты и больницы», продолжалъ льстиво напѣвать Іосифу бояринъ. «Инокіи твоего монастыря и всѣхъ другихъ русскихъ монастырей рано или поздно будутъ могущественными владѣтелями земли, но они будутъ смиренны: «будутъ стоять, стиснувъ свои ружья и соединивъ ногѣ, и въ отвѣтахъ будутъ сладки».

Удивился Іосифъ, что бояринъ не подошелъ къ нему подь благословеніе и съ недоувѣріемъ было взглянулъ на него, но онъ въ своемъ желаніи и просьбѣ такъ ясно

¹⁾ Въ 2-хъ верстахъ отъ Іосифова Волоколамскаго монастыря.

выразилъ и повторилъ то, о чемъ мечталъ, чѣмъ жилъ Юсифъ, что послѣдній теперь уже съ умилениемъ и восторгомъ смотрѣлъ на этого «благочестиваго и милостиваго» боярина. Когда тотъ кончилъ, Юсифъ расплывалъ его и хотѣлъ было записать его имя на вѣчное поминовеніе, но бѣсъ отъ такой любезности отказался, отговорившись своимъ смиреніемъ и недостойнствомъ: «не хочу оставлять своего имени потомкамъ и исторіи», скромно заявилъ онъ. Потомъ онъ низко поклонился Юсифу и спесивою боярской поступью медленно пошелъ прочь. Пройдя шаговъ десять въ сторону отъ преподобнаго, бояринъ остановился, постоялъ, снялъ шапку, кинулъ ее вверхъ, крикнувъ: «сейчасъ, отче, получишь мой дорогой подарокъ», и сталъ невидимъ.

Большими кругами, какъ ястребъ въ выси неба, плавно поднималась боярская шапка, съ каждымъ разомъ нѣсколько отклоняясь на западъ. Изумленный Юсифъ шелъ за ней, не спуская глазъ. Еще моментъ и шапка коснулась тучи: шумъ, громъ и свистъ вѣтра оглушили Юсифа. Онъ упалъ безъ чувствъ. Но брилліантовые капли медвяной утренней росы, еще висѣвшія на кончикахъ листьевъ щавеля и клевера, живой водой упали ему въ лицо, и онъ скоро очнулся. Открылъ глаза и поднялся: предъ нимъ былъ обѣщанный подарокъ. Двѣ кучи песку ¹⁾. «Вотъ мы и подѣхали къ нимъ, видишь?» спросилъ старикъ, оставливая лошадь.

Я увидалъ передъ собою два насыпные кургана, изъ которыхъ одинъ былъ нѣсколько больше другого. Такіе курганы устраивались обыкновенно нашими предками X—XI вѣка надъ могилами умершихъ воиновъ. Эти двѣ песчаныя кучи, опущенныя внизу частымъ кустарникомъ и мелкимъ олешникомъ базались двумя гигантскими бо-

¹⁾ Вѣроятно, версты поторы отсюда до монастыря, а можетъ быть и менѣе.

ярскими шапками и своею формою помогли, вѣроятно, народной фантазіи увѣичать конецъ исторической легенды.

Ну, конечно, Іосифъ былъ недоволенъ такимъ подаркомъ и печальный вернулся въ свою келью. Да и на что ему нужна была куча песку? Но предсказаніе и пожеланіе боярина исполнились. Эти кучи оказались талисманомъ. Къ нимъ, какъ къ магниту, притягивались пожертвованія землею, угодыми. Завѣтная мечта Іосифа исполнилась: монастырь, въ послѣдствіи выстроенный имъ, сталъ богатъ.

«Отъ бѣса, отъ его дьявольскаго подарка пошло все это! Кабы были бѣдны, иль жили въ пустынь, во всякомъ случаѣ было бы лучше!»

«Ну, баринъ, довольно! Нагрѣшилъ я съ тобой. Осудилъ монаховъ. Прости меня, Господи!» старикъ истово перекрестился и задумался.

Проѣхали съ четверть версты; дорога раздвоилась. На распутѣ тарантасъ остановился.

«Баринъ, не дойдешь ли ты теперь пѣшкомъ? Больше версты не будетъ. А мнѣ ѣхать то нужно вотъ въ эту, на горкѣ, деревню.

Я расплатился со старикомъ и отпустилъ его.

«Прости, и тебя то въ искушеніе ввелъ, и самому тяжело, что людей осудилъ. Не мое это, а ихъ дѣло. Пошли школы, больницы, страннопріимная, а въ голодные годы и общая трапезная, гдѣ всюду служили смиренные иноки. Среди непроглядной ночи преп. Іосифъ былъ свѣтымъ мѣсяцемъ, а иноки ясными звѣздами. Всѣмъ было тепло, уютно, какъ и думалъ Іосифъ.

«Но умеръ онъ и... все перевернулось вверхъ дномъ, и стало такъ, какъ хотѣлъ и думалъ бѣсъ. Теперь облѣпившіеся монахи только и заботятся, что о своемъ спокойствіи. Это ужъ дѣло бѣса, а не желаніе преподобнаго. Бѣсъ, а не Іосифъ, руководить ими во всемъ, сохраняя ихъ огромныя земли. Что они продѣлываютъ, я ужъ и не буду тебѣ говорить: это всякому извѣстно. А все отъ кого? Ну, прости!»

Старый ямщикъ снялъ шапку, поклонился и тронулъ
возжами.

Я пошелъ своей дорогой къ монастырю и думалъ о
могучей творческой силѣ, о широкой душѣ и дѣтской вѣрѣ
русскаго народа.

Онъ теперь пробуждается. Дайте ему свѣта!

Вл. Соколовъ.

ТИПЫ ПРАВОСЛАВНАГО РУССКАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ СОВРЕМЕННОЙ СВѢТСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Минувшая русско-японская война неизбежно должна была породить цѣлую литературу. И литература эта далеко еще не при концѣ. Напротивъ, она только еще разрастается, такъ какъ только теперь настало время подведенія этой войнѣ итоговъ во всевозможныхъ формахъ, между прочимъ и въ беллетристической. И иногда въ воспоминаніяхъ участвовавшихъ въ этой войнѣ лицъ дается мѣсто и священникамъ, бывшимъ въ то время въ войскахъ. — Симпатичный типъ такого священника данъ въ разсказѣ Эрастова «Отступленіе» (Сборникъ «Знанія» вып. 13-й).

Желѣзнодорожный поѣздъ везетъ на театръ войны офицеровъ и солдатъ. Въ офицерскомъ вагонѣ идетъ пьянство, карточная игра и ссоры. Ссора, наконецъ, начинаетъ принимать угрожающіе размѣры...

— «Господи! Господа капитаны! Опамятуйтесь! Бога вы забыли!—раздался съ верхней скамьи жалобный, дребезжащій голосъ.—На войну ѣдете, вѣдь Богъ знаетъ...

— А ты, попъ, помолчи, когда тебя не спрашиваютъ!—грубо оборвалъ его одинъ изъ игравшихъ въ карты бородатый, коренастый штабсъ-капитанъ.—Лежи тамъ себѣ, да Богу молись! Такъ-то лучше будетъ, отецъ Лаврентій! (Тѣмъ не менѣе ссора все-таки утихла).

Священникъ притихъ. Болѣзненный съ виду, отецъ Лаврентій, съ типичнымъ крестьянскимъ лицомъ, съ жидкой

бѣлокурой растительностью, производилъ впечатлѣніе человека, выбитаго изъ своей обычной колеи, и въ большихъ синихъ глазахъ его, дѣтски чистыхъ и простодушныхъ, часто свѣтилось отраженіе не то испуга, не то грубокаго внутренняго недоумѣнія. Говорилъ онъ мало, больше прислушивался съ напряженнымъ вниманіемъ къ разговорамъ другихъ, а если и заговаривалъ, то дѣлалъ это нервно, порывисто, причемъ голосъ его слегка дрожалъ отъ робости или волненія, а глаза подергивались влагой. Часто, когда офицеры увлекались скабресными анекдотами, среди смѣха можно было уловить тяжелый вздохъ и сопровождавшія его слова: «О Господи, прости и помилуй!» долетавшія съ верхней полки, гдѣ отецъ Лаврентій проводилъ большую часть времени. Офицеры часто подтрунивали надъ нимъ, но въ общемъ обращали на него очень мало вниманія и не стѣснялись его присутствіемъ, на что, впрочемъ, отецъ Лаврентій не обижался».

Отецъ Лаврентій былъ до войны священникомъ въ бѣдномъ, глухомъ селѣ.

«Благодареніе Всевышнему за все! — говоритъ онъ. — Дома-то не легче было. Куды тамъ! Попъ я бѣдный, въ глухомъ селѣ; иновѣрцевъ и раскольниковъ въ округѣ много, а которые православные, такъ захудалый народъ... Хлѣбъ да квасъ, да гнилая картошка... Самъ и за сохой ходишь и за бороной... Что жъ, на все Богъ! А тутъ и господа офицеры вотъ—хорошіе люди, и солдатики—свои люди... духовному лицу рады... Трудовъ особливыхъ нѣту—напутствовать, душу утѣшить грѣшную... Богу съ ними послужить... Содержаніе, какъ по нашей деревнѣ, совсѣмъ хорошее... Кабы не пролитіе крови, не убивство, и совсѣмъ бы хорошо!..»

«Пролитіе крови» и ужасы войны однако доводятъ отца Лаврентія до сумашествія. Пока же онъ только скорбитъ о «пролитіи крови» и вмѣстѣ умиляется предъ величіемъ и красотой природы. И свободное время почти все проводитъ въ созерцаніи природы и молитвѣ.

— «Удивляюсь я вамъ, батя, какъ это вы легко отъ скорби къ умиленію переходите!—говоритъ ему одинъ изъ офицеровъ.

— А то какъ же, другъ дорогой? Не подобно иначе! Какъ же не скорбѣть о положившихъ животъ свой на полѣ брани и какъ не умиляться передъ величіемъ Господнимъ? Душѣ христіанской и дано Создателемъ скорбѣть и умиляться—сіи высочайшія качества! Я что жъ... Я человѣкъ темный, не то, что новое священство, которые академики и подобное... можно сказать, мужикъ обыкновенный, но и мнѣ Господь Богъ даровалъ и скорбь, и умиленіе».

Съ теченіемъ времени отецъ Лаврентій начинаетъ приходить въ умиленіе уже не такъ часто, какъ прежде. Изъ собственныхъ сбереженій и солдатскихъ добровольныхъ пятakovъ онъ сколачиваетъ нѣкоторую сумму денегъ и обзаводится, какъ онъ выражается, «божьимъ хозяйствомъ». «Хозяйство это заключалось въ китайской крытой футу-дункѣ, которую отецъ Лаврентій, послѣ многихъ хлопотъ, превратилъ въ крошечный подвижный алтарь, предъ которымъ по воскресеньямъ онъ отправлялъ сокращенную, «походную» службу, привлекавшую немало солдатъ съ сосѣднихъ биваковъ. Онъ какъ будто сталъ избѣгать офицерскаго общества и цѣлыми часами просиживалъ среди солдатъ, гдѣ онъ чувствовалъ себя болѣе своимъ человѣкомъ».

Съ войны отцу Лаврентію однако не удастся вернуться здоровымъ.

Въ числѣ вопросовъ, выдвинутыхъ современнымъ освободительнымъ движеніемъ, находится между прочимъ и вопросъ о вдовыхъ священникахъ. Вопросъ этотъ въ литературѣ и журналистикѣ, и духовной, и свѣтской, поднимался неоднократно и раньше, и былъ рѣшаемъ различно, т.-е. и за и противъ второбрачія священниковъ. Въ послѣднее же время въ ряду вопросовъ, касающихся

духовенства, вопросъ этотъ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе видныхъ и острыхъ и рѣшается въ освободительной печати, духовной и свѣтской, исключительно въ пользу второбрачія духовенства. — На эту тему написанъ между прочимъ и рассказъ Мих. Чехова «Единая жена» (*Звонарь* январь 1907 года ¹⁾). Рассказъ ведется отъ лица главнаго его героя, молодого сельскаго священника о. Константина Устрялова. Сюжетъ рассказа довольно таки необыкновенный.

Кандидатъ священства Константинъ Устряловъ получаетъ «со взятіемъ» приходъ въ селѣ Малыя Журавны и тутъ же, въ губернскомъ городѣ, знакомится съ своей будущей женой, дочерью умершаго священника того села, куда онъ поступаетъ во священники. На третій день послѣ знакомства происходитъ уже и вѣнчаніе, очевидно, здѣсь же, въ губернскомъ городѣ; а на седьмой день послѣ знакомства о. Константинъ, уже рукоположенный во священника, ѣдетъ съ женою къ себѣ въ приходъ. На душѣ у о. Константина смутно; жена кажется ему совершенно чужою, и онъ, хотя видитъ, что она простудилась и озыбла, дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ этого. Домой пріѣзжаютъ они ночью; въ комнатахъ стоитъ невыносимый спиртный запахъ, а теща оказывается пьяною (что пилъ покойный мужъ ея, о. Константину было уже извѣстно); вдобавокъ жена сразу заболѣваетъ. Остатокъ ночи отецъ Константинъ проводитъ безъ сна.

«Кричалъ сверчокъ, сбоку стонала жена, а я все ходилъ взадъ и впередъ и, несмотря на усталость, никакъ не могъ успокоиться и вздремнуть.

Что я сдѣлалъ? Куда я попалъ? Кто эти люди, съ которыми мнѣ придется дѣлить всю жизнь?

¹⁾ Собственно *Звонарь* можетъ скорѣе быть отнесенъ къ духовнымъ журналамъ, но такъ какъ въ немъ сотрудничаютъ и свѣтскіе писатели, то изъ рассказовъ, принадлежащихъ этимъ послѣднимъ, мы вѣ-которые и будемъ разсматривать.

Закричали пѣтухи, потомъ замычали въ клѣвахъ коровы, и когда затѣмъ разсвѣтъ заглянулъ ко мнѣ въ окно, то онъ увидѣлъ меня все также на ногахъ. Я по прежнему все ходилъ взадъ и впередъ, какъ звѣрь, попавшійся въ клѣтку, и теперь уже ясно сознавалъ, что выхода больше нѣтъ, и что дверь жизни захлопнулась для меня навсегда». (Не слишкомъ ли сильно?).

На утро изъ чистосердечнаго покаяннаго признанія жены отецъ Константинъ узнаетъ объ истинной причинѣ ея болѣзни, и то, что онъ узнаетъ, производитъ на него такое ошеломляющее впечатлѣніе,—что ему кажется, будто земля уходитъ у него изъ-подъ ногъ и потолокъ валится ему на голову. (Черезъ нѣсколько дней оказывается, что жена о. Константина, кромѣ того, еще и въ чахоткѣ. Потолокъ снова валится на голову отца Константина, но потомъ, поразмысливъ нѣсколько, онъ успокоивается и рѣшаетъ, что это для него даже лучше).

Какъ во снѣ, почти ничего не помня и не сознавая, служить обѣдню въ это злосчастное утро о. Константинъ и послѣ обѣдни не хочетъ идти домой, а отправляется бродить по селу и попадаетъ на чай къ мѣстному кулаку, кабатчику и трактирщику Дѣву. И хотя послѣ того онъ все-таки приходитъ домой, во домъ, жена и теща кажутся ему уже совершенно чужими. Но Господь посылаетъ отцу Константину и нѣкоторое утѣшеніе.

Недалеко отъ села находится небольшая усадьба, гдѣ живутъ старушки сестры Шупаевы съ племянницей, прелестной двадцатилѣтней дѣвушкой Наденькой. Сестры очень богомольны и очень любятъ духовенство. Въ Журавнахъ давно уже нѣтъ священника; поэтому сестры очень обрадовались пріѣзду новаго батюшки и въ первый же вечеръ его пріѣзда присылаютъ за нимъ. Послѣ своего дома, который казался отцу Константину адомъ, домъ Шупаевыхъ, гдѣ всѣ отнесли къ нему въ высшей степени ласково и сердечно, кажется ему прямо раемъ, а обитательницы его—ангелами.

«Послѣ чаю—повѣствуетъ авторъ—я собрался уходить, но онѣ удержали меня, и мы долго затѣмъ играли въ лото. Ставка была по копейкѣ, но не разъ и не два я замѣтилъ, что онѣ умышленно не закрывали свои номера, чтобы лишній разъ дать мнѣ выиграть. А когда я, наконецъ, простился съ ними и сталъ уходить, то на крылечкѣ догнала меня Наденька и что-то сунула мнѣ въ руки.

— Передайте это вашей матушкѣ—сказала она.

Это было что-то круглое, завернутое въ газетную бумагу. Когда я развернулъ по дорогѣ бумагу, то въ ней оказался горшокъ съ топленнымъ коровинымъ масломъ».

И еще хуже и тошнѣе показалось отцу Константину дома, гдѣ ему «по прежнему было тѣсно и душно, пахло переваренной капустой и гдѣ—не то въ трубѣ не то въ щель подвывалъ вѣтеръ. И что это за несчастный домъ, что это за убогое гнѣздо—жалуется авторъ—гдѣ сама птица чувствуетъ себя на чужбинѣ!»

Все хуже и хуже идетъ жизнь въ домѣ отца Константина. Наступаетъ зима; въ домѣ холодно; изъ оконъ невыносимо дуетъ; теща пьетъ безъ просыпа, а женѣ его становится все хуже и хуже. Денегъ въ домѣ нѣтъ ни копейки, такъ какъ приходъ разоренъ и бѣденъ донельзя, и ненадо пригласить доктора къ больной женѣ, и все приходится брать въ долгъ у Дѣева, да Шупаевы присылаютъ то сахару, то мяса. Почти все свободное время отецъ Константинъ проводитъ у Шупаевыхъ, занимается вмѣстѣ съ Наденькой въ школѣ и, къ ужасу своему, замѣчаетъ, что Наденька начинаетъ ему нравиться и притомъ чѣмъ дальше тѣмъ больше. Та, въ свою очередь, тоже почти не скрываетъ своихъ симпатій къ нему.

Съ наступленіемъ Великаго поста женѣ отца Константина становится совсѣмъ плохо. Она уже не встаетъ съ постели; затѣмъ, у нея начинается бредъ. И вотъ однажды она обращается къ мужу съ униженной и вмѣстѣ настойчивой просьбой исповѣдать ее. Отецъ Константинъ, хотя не сразу, соглашается.

«Я надѣлъ на себя епитрахиль. Агнія Петровна (такъ звали жену о. Константина) стала на кровати на колѣняхъ, я покрылъ ея главу, и она принесла предъ Богомъ покаяніе.

Это была торжественнѣйшая минута въ моей жизни. Самъ виновный (въ любви къ Наденькѣ), не смѣя взглянуть ей въ глаза, я принималъ отъ нея это покаяніе. Она каялась, а я слушалъ ее, возмущался и негодовалъ всѣмъ моимъ существомъ.

Бѣдняжка! за всю свою жизнь она не испытала ни единого счастливаго мига! Это была одна сплошная, непрерывная нужда, это была кабала, въ которой затапывали въ грязь ея дѣвичье тѣло, и борьба съ которой была для нея непосильна. Какъ она мечтала о счастливой семейной жизни! И я, ея мужъ, не нашелъ для нея ни единого ласковаго слова, чтобы скрасить ея послѣднія минуты, ни единой фразы, изъ которой она могла бы понять, что я ее простилъ и что она уже не одинока. Горе, горе, горе! И я понялъ, что убивалъ этимъ ея духъ»...

На шестой недѣлѣ жена о. Константина умерла.

Еще раньше этого о. Константинъ узнаеть, что Шупаевымъ грозитъ полное разореніе, такъ какъ они страшно задолжали Дѣву. Помѣстье ихъ должно быть продано, а сами они, оставшись безъ всякихъ средствъ, должны уѣзжать куда-нибудь.

Наступаетъ Пасха.

Послѣ обѣдни о. Константинъ отправляется къ Шупаевымъ. Оттуда Наденька идетъ его провожать и по дорогѣ признается ему въ любви.

«Чувство необыкновеннаго счастья наполнило вдругъ все мое существо. Все въ природѣ вдругъ перемѣнилось для меня какъ-то сразу и получило новый смыслъ. Безотрадное дѣтство, убогая молодость, которыхъ нечѣмъ было помянуть, несчастная женитьба и пережитыя страданія послѣднихъ дней показались мнѣ маленькими и ушедшими куда-то далеко, какъ переплывшему океанъ кораблю

кажутся ничтожными волны рѣки. И предо мною вдругъ открылась счастливая до сказочности жизнь, полная волшебныхъ сновъ, жизнь, о которой я не смѣлъ даже и мечтать»...

Но о. Константинъ вспоминаетъ, кто онъ, и отвѣчаетъ Наденькѣ, что священнику второй разъ жениться нельзя... Придя домой, онъ даетъ волю слезамъ.

«Это были послѣднія слезы въ моей жизни. Онѣ принесли мнѣ если не счастье, то успокоеніе, и послѣ нихъ я навѣки остался тѣмъ, чѣмъ состою теперь».

Черезъ мѣсяцъ Шупаевы уѣхали.

«Я долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ и, когда онѣ скрылись изъ виду, возвратился къ себѣ домой. Пѣли птицы, жужжали насѣкомыя и, точно по покойнику, перекливались пѣтухи.

Теперь я навѣки остался одинъ.

Почему?..»

Этими словами кончается рассказъ. Цѣль разсказа совершенно ясна: вызвать сожалѣніе къ несчастному, поистинѣ безъ вины виноватому священнику и возбудить вопросъ: почему вдовый священникъ навсегда долженъ остаться безбрачнымъ? Чтобы усугубить впечатлѣніе, выведенъ исключительный, даже маловѣроятный случай. Рассказъ принадлежитъ, повидимому, брату покойнаго Антона Чехова и сотруднику въ его произведеніяхъ, писателю, создавшему нѣсколько недурныхъ рассказовъ. По замыслу автора, герой разсказа, о. Константинъ, долженъ выйти почти идеальнымъ лицомъ. Но—странное дѣло!..

Въ сентябрьской книжкѣ *Русскаго Богатства* за 1906 годъ помѣщенъ рассказъ Семена Быстрова «Отставной попъ (воспоминанія безмѣстнаго попа)». Уже самое заглавіе разсказа показываетъ, чего можно ожидать отъ него. И дѣйствительно безобразіе и циничіе разсказа намъ и читать не приходилось. Рассказъ, какъ и у Чехова, ведется отъ лица главнаго героя разсказа, молодого сельскаго священника, недолго, впрочемъ, пробывшаго въ

этомъ званіи. И вотъ, несмотря на то, что Чеховъ старается вывести человѣка почти идеальнаго, а Быстровъ завѣдомо ненормальнаго, герой Чехова какъ-то невольно напоминаетъ собой героя разсказа Быстрова. Въ этомъ разсказѣ священникъ своимъ поведеніемъ вообще и своимъ отношеніемъ къ женѣ въ особенности (хотя онъ относится къ ней совсѣмъ не звѣрски) доводитъ ее до самоубійства. Но многимъ ли лучше отношеніе къ женѣ отца Константина? Правда, онъ не коритъ жену ея несчастіемъ, но для этого нужно уже было быть совершеннымъ палачемъ, тѣмъ болѣе, что онъ знаетъ, что она ни въ чемъ не виновата. Онъ самъ вспоминаетъ и кается, что несчастная, страдалица жена не слыхала отъ него ни одного слова участія; несмотря на всѣ ея мольбы побыть около нея, онъ все время проводитъ у Шупаевыхъ. Правда, онъ былъ несчастенъ и самъ, но если бы онъ поменьше упивался своимъ горемъ и нашель бы въ себѣ участіе къ женѣ, и ему было бы легче, и ея страданія были бы меньше. И, при искусственности главнаго типа, и самый разсказъ не производитъ того впечатлѣнія, на какое рассчитанъ, и самый вопросъ теряетъ свою остроту.

Есть въ разсказѣ и другія странности, напр., черезчуръ уже быстрое знакомство о. Константина съ невестой и свадьба ихъ, притомъ все это почему-то въ губернскомъ городѣ и почему-то при ближайшемъ участіи епархіальной власти, которой все извѣстно. Окружающіе знаютъ все, но почему-то ничего не хотятъ сказать жениху. Вообще замѣтно, что разсказъ написанъ человѣкомъ, плохо знающимъ духовную среду, и съ заранѣе поставленной опредѣленной цѣлью, и потому ему недостаетъ естественности.

Гораздо симпатичнѣе и естественнѣе отецъ Мисаилъ изъ недоконченнаго, къ сожалѣнію, разсказа В. К. «Въ бѣдѣ» (*Еженедѣльникъ Голоса Русскаго* № 18 й 1907 года), у котораго жена тоже болѣетъ и потомъ умираетъ. Этого, и самъ по себѣ человѣкъ прекрасный и добрый, употреб-

ляетъ всяческія, хотя и тщетныя, усилія помочь умирающей женѣ и облегчить ея страданія.

Къ числу пастырей добрыхъ, не часто уже теперь выводимыхъ въ литературѣ, нужно отнести и игумена отца Досиея въ небольшомъ, но не дурномъ разсказѣ Н. М. «Слава въ вышнихъ Богу» (*Дѣло и Отдыхъ* № 50 й 1906 года), который подбираетъ и спасаетъ отъ смерти конокрада Алешку и даетъ ему пріютъ у себя въ монастырѣ, несмотря на недовольство братіи и озлобленіе крестьянъ на то, что монастырь пріютилъ ихъ врага и лиходѣя. Однако Алексѣй подъ самое Рождество забирается въ монастырскую церковь и хочетъ тамъ выломать кружку. Но это не удается ему: его застаютъ на мѣстѣ преступленія. Казначей монастыря о. Никодимъ грозитъ Алексѣю Сибирью и кандалами, и у самого о. Досиея дѣлается смутно на душѣ. «Онъ съ болью чувствовалъ, что одинъ изъ уголковъ его души, гдѣ, какъ голубь въ грозу, среди всеобщаго равнодушія и озлобленія, тайлась его любовь къ людямъ и теплилось состраданіе къ нимъ,—оскорбленъ и поругавъ. Правъ оказался не онъ, Досиеей, желавшій людямъ только добра и правды и только добро и правду видѣвшій въ нихъ, а Никодимъ, всегда громящій людскіе пороки и самъ умѣющій побѣждать ихъ, неумолимо требующій того же и отъ другихъ»...

Все время, пока гремѣлъ о. Никодимъ, о. Досиеей молчалъ, не вмѣшиваясь въ допросъ вора. «Отвернувшись, онъ смотрѣлъ въ окно, на небо, искрящееся ясными звѣздами, точно у него прося разъясненія и совѣта. И чѣмъ больше смотрѣлъ на ясныя звѣзды Досиеей, тѣмъ легче становилось у него на сердцѣ»...

— «Постой—остановилъ онъ отца Никодима—какъ же онъ праздникъ встрѣчать будетъ?»—И затѣмъ тихо подошелъ къ Алексѣю, который стоялъ, опустивъ голову.

— «Скоро наступитъ великій праздникъ, Алексѣй, я не хочу, чтобы ты встрѣтилъ его, какъ колодникъ, Богъ съ

тобой!.. Во имя Младенца Христа, я прощаю тебя и выдавать не буду... только ты уходи от насъ; хоть и не съ добромъ ты пришелъ сюда, въ храмъ Божій, но не со зломъ выйдешь отсюда. Не дѣлайте ему зла, отпустите!— повелительно обратился онъ къ братіи и, не слушая гнѣвныхъ возгласовъ Никодима, не боясь заслужить недовольство братіи, онъ свѣтлый и радостный поспѣшилъ покинуть храмъ.

Никогда еще не было такъ легко на душѣ у о. Досиея, какъ утромъ за рождественской службой. Онъ зналъ, что многіе недовольны имъ, но знакомый голосъ его сердца успокоивалъ его сладкими рѣчами, нашептывая, что онъ одержалъ славную побѣду надъ собою. Досиеей стоялъ умиленный, слушая божественные напѣвы, и никогда еще празднигъ Рождества Христова не казалась ему такимъ свѣтлымъ и радостнымъ».

Служба кончилась. О. Досиеей вышелъ изъ храма. Вдругъ кто-то бросился къ его ногамъ, обнялъ ихъ и припалъ къ нимъ лицомъ.

— «Кто это?—испугался Досиеей.—Встань, Христось съ тобой! Это ты, Алексій? Что тебѣ надо?»

— Не гони, не гони меня!—захлебывался тотъ, ловя и пѣлуя его руки. — Позволь мнѣ остаться здѣсь, возьми меня къ себѣ, возьми, святой отче! Искуплю грѣхи мои, замолю ихъ въ этомъ храмѣ, въ которомъ ты простилъ меня... всѣ кляли... всѣ гнали, ненавидѣли... ты — одинъ ты — пожалѣлъ меня...

Какая-то свѣтлая волна прихлынула къ сердцу отца Досиея, онъ нагнулся надъ рыдающимъ Алексѣемъ.

— Встань, братъ мой, и войди въ число иноковъ нашей обители.

Онъ поднималъ глаза къ небу и, глядя туда, гдѣ, алѣя лаской полоской, уже занималась заря, медленно и умиленно произнесъ: «Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!»

Можно мириться и съ типомъ священника, выведеннаго въ разсказѣ С. Караскевичъ-Ющенко «Зиновій Голубъ» (*Вѣстникъ Европы* январь 1907 года). Въ психіатрической больницѣ священствуетъ отецъ Анеимъ, человекъ добродушный и мягкій. Прежде былъ онъ священникомъ въ селѣ и тамъ чувствовалъ себя не особенно хорошо: совѣстился онъ брать за требы, угнетала его и грубость народная. Здѣсь же онъ чувствуетъ себя отлично: служба не трудная, жалованье опредѣленное, общество интеллигентное. Матушка его, правда, скучаетъ здѣсь, такъ какъ она привыкла къ хозяйству. Но Господь посылаетъ ему и искушеніе: въ больницу, по приговору суда, за разные проступки, какъ одержимый религіознымъ помѣшательствомъ, присылается штундистъ Зиновій Голубъ. По докладу одного изъ врачей, онъ признается находящимся въ здоровомъ разсудкѣ, его переводятъ въ разрядъ испытуемыхъ и дѣлаютъ старшимъ швейцаромъ больницы. Вскорѣ у Голуба рождается ребенокъ (съ нимъ живетъ и его семья) и онъ, несмотря на всѣ увѣщанія о. Анеима и уговоры нѣкоторыхъ изъ служащихъ больницы, крестить его самъ и по своему. Тѣмъ бы, пожалуй, дѣло и кончилось, но на именины о. Анеима между прочими гостями прѣзжаетъ миссіонеръ отецъ Розентовскій. Это — оригинальная личность. Высокій, стройный, съ точно изваяннымъ изъ мрамора лицомъ и большими черными, немигающими глазами, онъ производитъ нѣкоторую сенсацію однимъ своимъ появленіемъ среди гостей отца Анеима. Онъ слѣпъ. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ студентовъ академіи и на четвертомъ курсѣ внезапно ослѣпъ. Красивая дѣвушка-институтка увлеклась мыслью быть подругой его жизни и хранительницей его и сдѣлалась его женой. Она сопровождаетъ мужа на бесѣды и вычитываетъ, по его указанію, нужныя мѣста изъ Библіи.

Отецъ Розентовскій устраиваетъ съ Голубомъ бесѣду, которая, разумѣется, кончается ничѣмъ. Послѣ этой бесѣды отецъ Анеимъ нѣкоторое время чувствуетъ себя

опозореннымъ и уничтоженнымъ, хотя, собственно, неизвѣстно почему. Голубъ начинаетъ открытую пропаганду штурдизма. Его судятъ и ссылаютъ на поселеніе.

Любопытенъ въ этомъ же разсказѣ и типъ старика-благочиннаго, отца Гавріила. Отецъ Гавріиль—шутникъ и анекдотистъ. Всѣ матушки его благочинія — его кумы, и онъ, для краткости, зоветъ ихъ просто кумушками. Но подъ веселою наружностью въ душѣ отца Гавріила таится неутѣшная и ни на минуту не покидающая его скорбь, скорбь по сынѣ, сосланномъ на дальній сѣверъ.

Г. Потапенко снова разсказываетъ про ссору двухъ матушекъ («Липовый медъ», разсказъ. Ежемѣсячныя приложенія къ *Нивѣ* январь 1907 года). Въ наше тревожное время, когда на очереди стоятъ такіе важные, животрепещущіе и острые вопросы, казалось бы и не къ мѣсту разсказывать о такихъ мелочахъ, какъ ссора двухъ сельскихъ матушекъ изъ-за дѣлежа караваевъ и изъ-за горшечка липоваго меда. Но, присмотрѣвшись повнимательнѣе къ разсказу, можно придти къ заключенію, что онъ и теперь можетъ имѣть нѣкоторое значеніе. Ниже мы покажемъ—какое.

Въ богатомъ селѣ Чибрики (очевидно, на югѣ Россіи)—два священника—отецъ Василій и отецъ Антоній—и всего одинъ дьячекъ; дьякона нѣтъ. Оба священника—люди порядочные, воздержные, трезвые и живутъ въ большомъ мирѣ между собою; въ мирѣ вообще живутъ между собою и ихъ матушки. Но однажды Великимъ постомъ отцу Антонію вдругъ занездоровилось, и его потоваршески замѣнилъ отецъ Василій. Все это было въ порядкѣ вещей; но дѣло въ томъ, что короваи и другія приношенія («жертвоприношенія», какъ выражается нашъ авторъ) дѣлили сами матушки, смотря по тому, чья была недѣля: въ недѣлю отца Антонія дѣлежку производила жена отца Антонія, въ недѣлю отца Василя — жена отца Василя.

Въ этотъ разъ жена отца Василя, воспользовавшись тѣмъ, что мужъ ея замѣнилъ отца Антонія (дѣло было въ субботу, когда происходило поминовеніе и приносились въ церковь прихожанами хлѣбы, калачи и другія приношенія), тайкомъ отъ мужа (который не дозволилъ бы ей этого) незаконно произвела дѣлежку вмѣсто жены отца Антонія—подъ предлогомъ, что той теперь некогда, такъ какъ она должна ухаживать за больнымъ мужемъ. При этомъ она отложила себѣ и горшечекъ липоваго меду, который и батюшки и матушки одинаково любили. Изъ-за этого между матушками возникла ссора, которая продолжалась до самой Пасхи, когда ихъ, наконецъ, помирили пріѣхавшія дѣти. Оба батюшки, не видящіе рѣшительно никакихъ причинъ къ ссорѣ, но не могшіе ничего подѣлать съ своими женами, жестоко страдаютъ нравственно отъ этой ссоры. Они привыкли едва не ежедневно бывать другъ у друга (они и живутъ-то въ одномъ домѣ), а теперь имъ приходится видѣться только въ церкви. Тѣмъ пріятнѣе становится имъ, когда такъ тяготившая ихъ вражда ихъ матушекъ прекратилась. Разсказъ кончается угощеніемъ отца Антонія матушкой отца Василя липовымъ медомъ.

Разсказъ написанъ въ юмористическомъ тонѣ, но основная мысль его, затрогиваемая г. Потапенко не въ первый разъ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Какъ много зла происходитъ отъ излашней «практичности» матушекъ и какое дурное вліяніе онѣ зачастую оказываютъ тѣмъ на своихъ мужей! Какъ часто и глубоко портятся, благодаря черезчуръ практичнымъ женамъ, доселѣ болѣе или менѣе идеально смотрѣвшіе на свои обязанности и желавшіе искренно послужить приходу духовныя лица! И какъ, наконецъ, это мѣшаетъ сближенію съ приходомъ, о которомъ такъ много говорится и пишется въ послѣднее время!

Страннымъ нѣсколько представляется то, что въ большемъ приходѣ — два священника и не только нѣтъ дьякона, но даже и другого псаломщика.

Въ очеркахъ А. Фонъ-Гейстлика «Отець Вавила» (Зво-наръ январь 1907 года) выведенъ интересный типъ сельскаго пономаря старыхъ временъ, какіе еще и доселѣ остались кое-гдѣ по селамъ, но несомнѣнно уже выводятся.

Простъ и мудро-непритязателенъ пономарь Конкордій. Не увлекаясь модою и современными требованіями, онъ носить не сюртукъ, а подрясникъ. «Онъ не могъ бы сказать, что лучше и что хуже, грѣшно ли носить свѣтскую одежду и спасеніе ли въ длинной одеждѣ, но онъ отлично понималъ, что духовная одежда для него выгоднѣе, дешевле, всегда параднѣе и приличнѣе. Покрой свѣтскаго платья часто мѣняется, а покрій духовнаго платья никогда изъ моды не выйдетъ. Онъ неизмѣняемъ на цѣлые вѣка, и то, что шито лѣтъ тридцать тому назадъ, еще въ его молодости, то и сейчасъ еще лежитъ у него въ сохранности для праздничнаго выхода и изъ моды не вышло. Онъ еще и то имѣетъ въ виду, что матерія при духовномъ костюмѣ не изрѣзывается такъ, какъ при свѣтскомъ покроевъ платья, а это опять большая экономія. Появилась гдѣ-либо дыра, подрясникъ не годенъ къ употребленію, но это еще ничего не значитъ. Онъ можетъ имѣть другое назначеніе. Изъ распоротаго по швамъ подотва вновь строятся и брючки сыну, и пальцецо его сестренкѣ, и кофточка съ навидкой другой.

— Пока еще не велики, такъ, ладно, и изъ стараго поносить—разсуждаетъ онъ.

Глядь и сбереглось нѣсколько рублей въ годъ.

— Копейка къ копейкѣ—проживетъ и семейка—что и требуется въ его тяжелой жизни.

Итакъ, Конкордій, разъ облачившись, при опредѣленіи на должность, въ длинное полукафтанье или подрясникъ, такъ и остался вѣренъ ему во всю свою дальнѣйшую жизнь. Простъ, дешевъ, легокъ и проченъ этотъ костюмъ. Его сошьетъ любой деревянскій портной. Онъ близокъ къ русскому кафтану. Имъ покрывается отъ головы до пятъ все тѣло...

Разница лѣтняго костюма отъ зимняго—только въ томъ, что послѣдній на ватѣ.

Въ сырое время и на работѣ Конкордій надѣваетъ кафтанъ и армякъ домашняго бурога сукна; зимою—овчинный нагольный полушубокъ съ таковымъ же тулупомъ, на руки—голицы (рукавицы) изъ грубой желтой конской кожи, подъ ними—шерстяныя, крупно вязаныя варежки. На головѣ шляпа съ широкими полями... зимою замѣняемая шапкою кошачьей шкурки. Волосы всегда связаны въ пучокъ или заплетены въ косичку. Дается имъ просторъ только по двенадцатымъ праздникамъ, да иногда въ воскресные дни на время Богослуженія въ церкви. По выходѣ изъ церкви, таковыя немедленно опять вплетаются въ косу, покрываются шляпой, и—поѣзжай куда хочешь и въ грязь, и въ пыль; они ни въ чемъ ему не мѣшаютъ, равно какъ и сами не требуютъ за собою ухода. Когда бы кто ни потребовалъ его на службу, онъ, надѣвъ сей костюмъ, уже является въ должномъ парадѣ. Болѣе требовать нечего. Окончивъ службу, онъ снимаетъ подрясникъ и готовъ на всякое сельское и домашнее занятіе. Выглядитъ онъ всегда съ достоинствомъ, исправляетъ службу съ вѣрою и истиннымъ усердіемъ. Служа, онъ предстоитъ Богу, какъ и должно быть. Весь предается дѣлу. Онъ убѣжденно не промѣняетъ свое званіе на должность какого-либо свѣтскаго служащаго. — «Пою Господу моему, дондеже есмь»—вся цѣль его жизни...

Тѣмъ не менѣе, какъ типъ такихъ служаекъ становится рѣже, такъ и описанный костюмъ обреченъ на уничтоженіе, и даже въ глухихъ селахъ доживаетъ послѣдніе дни.—Въ недавнее время на страницахъ *Церковнаго Вѣстника* происходила цѣлая полемика по вопросу о духовномъ костюмѣ, причемъ обѣ стороны аргументировали одинаково остроумно, основательно и убѣдительно, и обѣ остались каждая при своемъ мнѣніи...

Свящ. Н. Колосовъ.

ПЕССИМИЗМЪ ТЕОРИИ И ОПТИМИЗМЪ ЖИЗНИ.¹⁾

III.

Если съ разясненной точки зрѣнія мы окинемъ однимъ взглядомъ философскую дѣятельность Гартмана, охватывающую почти полстолѣтія и проявившуюся въ многочисленныхъ сочиненіяхъ, большихъ и малыхъ, то въ ней обнаружится какъ бы два разнородныхъ пласта или, точнѣе, двѣ идейныхъ сферы, — съ различными и даже противоположными притяженіями. Въ одной, гдѣ царить Гартманъ первой стадіи, поклонникъ слѣпого и темнаго волевого начала, мы имѣемъ предъ собою повтореніе довольно извѣстныхъ и часто совсѣмъ не оригинальныхъ схемъ пантеизма, то разсудочно-сухихъ и даже схоластическихъ, то мистически-туманныхъ, — имѣемъ, дѣйствительно, какъ бы философско-пантеистическій романъ, своего рода миеологию, въ чемъ не безъ основанія упрекали Гартмана той эпохи наиболѣе строгіе изъ его критиковъ. Во второй идейной сферѣ, гдѣ царить Гартманъ второй формаціи, поклонникъ идеи, логическаго въ абсолютномъ и—что особенно важно—телеологическаго оптимистъ, мы имѣемъ предъ собою рядъ оригинальныхъ, смѣло намѣченныхъ брешей въ пантеистическомъ міропониманіи, образованныхъ мощными ударами критическаго разума, вдохновляемаго наиболѣе здоровыми инстинктами природы: здѣсь мы имѣемъ сильную до несокрушимости критику материалистическаго

¹⁾ Окончаніе. См. мартовскую кн. *Душепол. Читенія* 1907 г.

атомизма, механизма въ біологіи, дарвинизма и т. д. Все это крѣпкіе строительные камни, которые могли бы быть использованы при возведеніи философскаго зданія на иномъ фундаментѣ и въ иномъ стилѣ, — зданія въ направленіи теистическомъ.

Говоръ и шумъ, съ значительною примѣсью страстности, созданъ около имени Гартмана произведеніями перваго фазиса или первой стадіи и, прежде всего, *Философією Безсознательнаго*, съ ея остроумными и смѣлыми парадоксами. Но знатоки философіи цѣнятъ главнымъ образомъ произведенія Гартмана второй стадіи, которыя написаны не для толпы, но для науки и которыя даже и одни могли бы обезпечить ихъ автору безспорное и прочное мѣсто въ исторіи мысли. Въ этомъ отношеніи особенно заслуживаютъ вниманія три его сочиненія изъ числа послѣднихъ: *Ученіе о категоріяхъ* (1895 г.), *Міросозерцаніе современной физики* (1902 г.) и послѣднее, появившееся за какихъ-нибудь два-три мѣсяца до смерти философа и являющееся какъ бы его философскимъ завѣщаніемъ, *Проблема жизни, философскія штудіи* (1906 г.). Эти три сочиненія, — особенно два первыхъ, какъ наиболѣе обработанныя, — останутся образчиками строгаго научнаго метода, истинно-философскаго глубокомыслія и содержательности почти неисчерпаемой. Они могутъ соединить около имени Гартмана, въ общемъ чувствѣ преклоненія предъ его философскимъ гениемъ, людей самыхъ различныхъ философскихъ направленій.

Къ сожалѣнію, я не могу входить здѣсь въ ихъ обсужденіе и ограничусь лишь бѣглымъ ознакомленіемъ съ послѣднимъ его трудомъ.

Проблема жизни — въ собственномъ смыслѣ «лебедная пѣснь» Гартмана. И это не потому только, что названная книга есть послѣднее произведеніе философа, но также и потому, что это — одно изъ наиболѣе характерныхъ его произведеній, съ мотивами, очень рѣшительными и вмѣстѣ очень своеобразными. Въ немъ умира-

ющій лебедь философской мысли еще разъ окидываетъ родныя ему палестины человѣческаго знанія, такъ старательно имъ исхоженныя, и отмежевываетъ то, что влекло его къ себѣ, что было ему близко и дорого, отъ того, что отталкивало,—свое и сродное отъ чужаго и несроднаго.

Въ книгѣ двѣ части: историческая и систематическая.

Первая часть есть великолѣпный, чрезвычайно содержательный, при краткости, и въ то же время безупречно точный, литературный справочникъ по данному вопросу. Всякій, кто захочетъ интимно войти въ исторію биологической проблемы, долженъ не только ознакомиться съ этою частью книги, но и постоянно держать ее предъ собою; — именно какъ настольный справочникъ. Въ сжатомъ схематическомъ обзорѣни здѣсь дано критическое изложеніе важнѣйшихъ трудовъ новѣйшихъ биологовъ (около полусотни!), начиная съ Дарвина, благодаря чему книга ставитъ своего читателя, такъ сказать, подъ перекрестный огонь тѣхъ острыхъ и иногда чрезвычайно страстныхъ споровъ, которыми отмѣчено, въ области философствующей биологіи, и вообще въ области натурфилософій, послѣднее полу столѣтіе.

Вторая, систематическая, часть книги обсуждаетъ—критико-полемиическимъ методомъ—важнѣйшія проблемы философской биологіи: о границѣ между органическимъ и неорганическимъ, о строеніи клѣтки, о развитіи многоклеточныхъ организмовъ, о регуляторныхъ функціяхъ организма, о биологическомъ значеніи смерти, о законѣ наследственности, о половомъ размноженіи, о происхожденіи человѣка, о такъ называемомъ жизненномъ принципѣ, въ связи съ вопросами объ энергетикѣ, механикѣ, о цѣлесообразности и причинности въ области биологіи, о психофизической причинности и т. д.

Основная точка зрѣнія Гартмана въ книгѣ *Проблема жизни* та же, что и въ третьемъ томѣ его *Философій Безсознательнаго*, посвященномъ спеціально дарвинизму, то-есть—точка зрѣнія телеолога-неовиталиста.

Существуетъ ли граница между органическимъ и неорганическимъ,—граница непреходимая? Несомнѣнно. Но она лежитъ не тамъ, гдѣ ее такъ часто искали: не въ матеріи, потому что наука уже вступила на путь искусственнаго изготовленія такъ называемыхъ органическихъ веществъ, и не въ формѣ, потому что наука констатировала уже, наприм., въ структурѣ кристалловъ, клѣточковидныя формы, которыя когда-то считались специфическими для организмовъ.

Итакъ, ни матеріальныхъ, ни формальныхъ отличительныхъ признаковъ между двумя областями природы, органическою и неорганическою, указать нельзя. Но тѣмъ не менѣе грань между ними есть и вполне твердая,—именно *непреходимая*: это—*телеологическое направленіе механическихъ процессовъ, въ цѣляхъ сохраненія, развитія и воспроизведенія организма, жизненную силу.*

Черезъ это утвержденіе Гартманъ, очевидно, примыкающій къ виталистамъ, отграничиваетъ свою точку зрѣнія отъ всѣхъ матеріалистическихъ и механистическихъ теорій, включая и дарвинизмъ чистаго типа. Для него, какъ и для другихъ виталистовъ, вопросъ уже не въ томъ, *есть ли* граница механическаго міропониманія, но *развѣ* лишь въ томъ, *идѣ* именно она пролегаетъ.

Однако, склоняясь ко взгляду, который, казалось бы, уже окончательно сошелъ со сцены чуть ли не цѣлыхъ столѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ натурофилософіею Шеллинга и Окена, современная философствующая біологическая школа неовиталистовъ, и Гартманъ въ ряду ея представителей,—глубоко видоизмѣняетъ понятіе жизненной силы, не только въ отношеніи методологическомъ, но и по содержанію. Методъ у неовиталистовъ не дедуктивный, какъ у старыхъ виталистовъ, а индуктивный, требующій тщательной регистраціи и описанія всѣхъ тѣхъ явленій въ органической жизни, въ какихъ ясно проявляется ихъ сверхмеханическій характеръ. Этимъ именно путемъ,—и это вторая существенная черта различія между старыми виталистами

и неовиталистами,—ясно устанавливается, прежде всего, что жизненная сила *не есть*: она не есть, не только нечто материальное (это-то признавали и виталисты), но не есть и нечто антропоморфно-индивидуальное, откуда слѣдуетъ,—это положительный тезисъ Гартмана,—что *жизненная сила есть нечто безсознательно-сверхиндивидуальное* или, какъ онъ выражается, *нѣкоторый безсознательный «психидъ»*.

Результаты своихъ разъясненій относительно природы жизненной силы Гартманъ формулируетъ такъ: «Какъ положительное приобрѣтеніе послѣдняго столѣтія въ отношеніи къ принципу жизни, слѣдуетъ разсматривать то, что этотъ принципъ, въ случаѣ если мы его вообще примемъ, долженъ быть мыслимъ, какъ *психическій* въ своемъ проявленіи и какъ *метафизическій* въ своей сущности или своемъ корнѣ, который, будучи нематериальнымъ, вѣстѣ съ тѣмъ, абсолютно *безсознательнъ* и *супраиндивидуаленъ*. Въ немъ можно различать идеальную и реальную стороны, самозаконность (автономію) жизненныхъ процессовъ и — тенденцію или силу осуществить эту высшую органическую законность. Его можно разсматривать, какъ динамическій принципъ, отличающійся отъ другихъ динамическихъ принциповъ своеобразною закономерностію собственнаго дѣйствія, или какъ нѣкотораго рода законодательство, которому присущи стремленіе и сила себя проявлять или, наконецъ, какъ нѣкоторое неразложимое единство обнимаемыхъ и объединяемыхъ имъ моментовъ, идеальнаго и реальнаго» (стр. 385).

Такова формула. Скажутъ: однако, въ этой формулѣ нѣтъ ничего особеннаго; такъ, скажутъ, всегда говорили не только неовиталисты, но даже и виталисты архаики и что же, собственно, Гартманъ сказалъ новаго и оригинальнаго?.. Если угодно, въ формулѣ, дѣйствительно, нѣтъ ничего особеннаго, оригинальнаго и неслыханнаго. Но такова ужъ судьба всѣхъ вообще *формулъ*. Онѣ схватываютъ лишь общепризнанное и безспорное. Деталь же,

то-есть самое характерное въ теоріи, ея, такъ сказать, душа, въ формулу не входитъ, потому что въ ней не вмѣщается, но какъ бы вѣется надъ нею, индивидуализируя ея, одухотворяя и осмысливая.

И есть и у Гартмана, въ его *Проблемы жизни*, именно такія характерныя детали, дающія ключъ къ пониманію всей его теоріи, въ ея своеобразіи.

Однако, чтобы овладѣть этимъ ключемъ, намъ необходимо войти въ нѣкоторыя тонкости.

И прежде всего намъ необходимо освоиться съ понятіемъ такъ называемыхъ *центральныхъ* и —соотносительно—*не-центральныхъ* силъ.

Каждая изъ «центральныхъ» (по старой терминологіи материальныхъ) силъ непременно связана съ двумя пространственными точками, изъ которыхъ одна служитъ при обнаруженіи силы точкою исходною, а другая конечною, — точкою приложенія силы. Переходъ силы изъ одной точки въ другую (наприм., качаніе маятника) всегда совершается въ прямомъ направленіи и опредѣляется строго-точными, математически выразимыми, законами, — по элементарнымъ принципамъ равенства дѣйствія и противо-дѣйствія, потенціала и эргала (формулы, опредѣляющія переходъ скрытой энергіи въ живую) и проч. Если мы имѣемъ предъ собою систему или группу однородныхъ центральныхъ силъ или различныя преломленія, такъ сказать, изученія одной и той же силы, то всѣ они пересекаются въ одной центральной точкѣ (отсюда и самый терминъ). Весь неорганическій міръ, съ этой точки зрѣнія, есть не что иное, какъ система или комплексъ проявленій такихъ, пространственно связанныхъ, силъ, производящихъ въ своемъ взаимодействіи «объективную видимость» матеріи, — то-есть матерію, какъ *объективное* явленіе, въ отличіи отъ *субъективнаго*, въ сознаніи каждаго изъ насъ, почему Гартманъ и называетъ центральныя силы матеріеобразующими или матеріетворными силами (*materiierende Kräfte*, — трудно переводимый терминъ). Съ

другой стороны, совершенно понятно изъ сказаннаго, что обнаруженіе центральныхъ силъ всегда привязано къ матеріи: въ этомъ только смыслѣ центральныя силы могутъ быть, пожалуй, названы и *матеріальными*, — выраженіе, во всякомъ случаѣ, не точное, такъ какъ всякая сила въ сущности нематеріальна или, что тоже, духовна.

Въ отличіе отъ этихъ центральныхъ, — или, по старой терминологіи, матеріальныхъ, физическихъ, — силъ, силы нецентральныя, органическія и духовныя, характеризуются тѣмъ, что онѣ, хотя и имѣютъ въ матеріальномъ мірѣ свои точки приложенія, на которыя дѣйствуютъ, но не имѣютъ исходныхъ матеріальныхъ точекъ и въ этомъ смыслѣ въ пространствѣ не привязаны, а слѣдовательно и обнаруженіе ихъ, дѣйствуютъ ли онѣ изолированно или группами, не проявляется въ постановкѣ объективной видимости матеріи: это не суть матеріеобразующія силы, — *nichtmateriiierende Kräfte*. Поэтому матерія, въ точномъ смыслѣ этого слова, ни въ коемъ случаѣ не есть источникъ и даже носитель такихъ силъ.

Органическая жизнь опредѣляется сочетаніемъ этихъ двухъ силъ: центральныхъ и нецентральныхъ, связанныхъ и относительно-свободныхъ, которыя подчиняютъ себя первыя и сообщаютъ *направленіе* ихъ работъ. Гартманъ, впрочемъ, вовсе не считаетъ необходимымъ настаивать на терминѣ: «органическая сила». Для тѣхъ, кто воспитался на точномъ понятіи силы, какъ именно центральной, «матеріальной», «физической», связанной, онъ считаетъ позволительнымъ замѣнить ставшій въ извѣстныхъ кругахъ одіознымъ терминъ: «жизненная сила» какимъ-нибудь другимъ: агенція, динамическій принципъ, аналогонъ воли, психондъ и т. д. Лишь бы удерживалось зерно мысли, которое состоитъ именно въ томъ, что организмъ и органическимъ явленіямъ присущъ особенный, специфическій принципъ реализаціи опредѣленныхъ законовъ, — законовъ жизни органической, — тенденція къ этой реализаціи и вмѣстѣ мощь для такой реализаціи, то-есть присуще именно нѣчто «психондное», *душенподобное*.

Другая важная деталь, съ которою намъ теперь слѣдуетъ ознакомиться, чтобы понять біологическую точку зрѣнія Гартмана, есть понятіе двухъ различныхъ формъ причинности: изотропной и анизотропной.

Извѣстно, что вопросъ объ отношеніи души къ тѣлу или—въ біологической сферѣ—«психоида» къ организму рѣшается по одной изъ двухъ основныхъ, типовыхъ схемъ: или параллелизмъ или взаимодѣйствіе.

Процессы психическій или психоидный (біологическій) и физическій протекаютъ параллельно, ни прямо ни косвенно не влияя одинъ на другой,—тутъ своего рода предуставленная гармонія: такъ рѣшаетъ вопросъ гипотеза параллелизма.

Душа или «психоидъ» вліяетъ на тѣло, не только косвенно, но и прямо, въ порядкѣ причинно-цѣлевомъ, равно какъ и, наоборотъ, — тѣло вліяетъ на душу: таково рѣшеніе гипотезы психофизическаго взаимодѣйствія.

Гартманъ рѣшительно становится на эту послѣднюю точку зрѣнія и считаетъ, — совершенно послѣдовательно, конечно,—такое рѣшеніе необходимымъ предположеніемъ гипотезы неовитализма.

Но какъ же, — спрашиваютъ обыкновенно, — какъ возможно такое взаимодѣйствіе при разнородности души («психоида») и тѣла? На этотъ вопросъ, которому Гартманъ посвятилъ, между прочимъ, специальную главу и въ своей *Современной психологіи*, онъ отвѣчаетъ очень просто, — вмѣстѣ и остроумно и убѣдительно.

«Разнородное»!.. Но развѣ мы знаемъ въ природѣ что-нибудь вполне однородное?.. А разъ совершенно однороднаго нѣтъ, тогда пришлось бы, вѣдь, вообще отрицать взаимодѣйствіе и реальную власть закона причинности. Получилась бы нелѣпость. Это, во-первыхъ. Затѣмъ. Мнимая разнородность души и тѣла совершенно исчезаетъ, если мы будемъ разсматривать ихъ, — какъ и слѣдуетъ съ волюнтаристической точки зрѣнія, — въ качествѣ различ-

ныхъ проявленій одного и того же въ сущности динамическаго начала, то-есть абсолютной воли¹⁾.

Мы знаемъ уже, что всякое живое существо, — чело-вѣка, животное, растеніе, — съ точки зрѣнія Гартмана слѣдуетъ разсматривать *въ явленіи* дуалистически: душа или психоидъ, въ одной стороны, тѣло—съ другой. Тѣло есть проявленная системы центральныхъ силъ, подчиненныхъ *своимъ* опредѣленнымъ законамъ: физическимъ, химическимъ, механическимъ. Душа или «психоидъ» есть проявленная система нецентральныхъ силъ, подчиненныхъ *своимъ* законамъ. Теперь, если бы внутреннее начало было чистымъ сознаниемъ, а внѣшнее чистою матеріею, то, конечно, взаимодѣйствіе между ними, какъ совершенно разнородными — *аллотропная причинность*—было бы невозможно, потому что оставалось бы вѣчною тайною, *какъ* «чистое сознание» дѣйствуетъ на «чистую матерію». Но дѣло въ томъ, что, какъ у матеріи есть своя внутренняя сторона, — такъ какъ вѣдь матерія есть проявленіе хотя и матеріетворныхъ, но, по существу или въ отнологическомъ смыслѣ, нематеріальныхъ, духовныхъ силъ (вѣдь всѣ силы духовны!), — такъ и у сознанія есть какъ бы свое безсознательное, волево-динамическое окруженіе. Нѣтъ монады, которыя были бы чистымъ духомъ, равно какъ и, наоборотъ, — нѣтъ тѣлъ, которыя были бы только тѣлами: это сдѣлалось общимъ мѣстомъ со времени Лейбница. У всего внутренняго—въ сферѣ конечнаго бытія—есть свое внѣшнее и у всего внѣшняго есть свое внутреннее. Вотъ въ этомъ-то *фактъ* и дана возможность

¹⁾ См. *Современную психологию*, русск. перев. М. Филиппова, стр. 346—7.—Въ *Проблемы жизни* Гартманъ прибавляетъ еще нѣсколько соображеній, чрезвычайной важности. Эти соображенія, однако, такъ спеціальны и вводятъ въ такія, лишь знатокамъ дѣла, доступныя трудности, что я рисковалъ бы остаться совершенно непонятымъ, если бы задумалъ передать ихъ теперь во всѣхъ деталяхъ: волей-неволей мнѣ приходится, такимъ образомъ, ограничиться лишь двумя-тремя намеками на мысль философа—не болѣе.

взаимодѣйствія,— совершенно понятной *изотропной причинности*. Когда сознательное дѣйствуетъ на бессознательное или волево-динамическое, то это для насъ совершенно понятно, потому что здѣсь предъ нами случай причинности имманентной, то-есть самой понятной изъ всѣхъ, — какъ намъ совершенно понятно, такъ какъ внутренне извѣстно, дѣйствіе, положимъ, чувства на разумъ, разума на волю и т. д. Равнымъ образомъ, когда бессознательное или волево-динамическое окруженіе чистаго сознанія дѣйствуетъ на внутреннюю, также бессознательную сторону тѣла, то опять-таки взаимодѣйствіе здѣсь совершенно понятно, потому что дѣйствуетъ другъ на друга однородное,—подобно тому, наприм., какъ дѣйствуютъ другъ на друга говорящіе, жестикулирующіе и т. д. люди. А размы это понимаемъ, то перестаетъ уже быть для насъ загадкою, «магически-супранатуральнымъ» актомъ, и взаимодѣйствіе между сознаніемъ и тѣломъ, духомъ и природою вообще. Нужно, слѣдовательно, лишь разложить кажущуюся непрерывною цѣпь причиннаго взаимодѣйствія души и тѣла на рядъ изотропно-причинныхъ моментовъ и тогда, переходя по ступенямъ этой лѣстницы, мы уяснимъ себѣ и аллотропное взаимодѣйствіе между душою или психомомъ и организмомъ, и ничего чудеснаго у насъ не останется.

Такова основная мысль *Проблемы жизни*.

Нужно, однако, сознаться, что, къ сожалѣнію, *Проблема жизни* обработана Гартманомъ далеко не съ такою тщательностію, какъ другіе изъ его позднѣйшихъ, наиболѣе зрѣлыхъ, трудовъ, — особенно, наприм., *Ученіе о категоріяхъ*, *Міросозерцаніе современной физики* и, пожалуй, *Современная психологія*. Историческая часть книги, вообще говоря обработана лучше систематической. Въ послѣдней же есть досадныя недомолвки, на иныхъ страницахъ чисто конспективный схематизмъ, вмѣсто подробнаго изложенія и т. д. Все это очень затрудняетъ чтеніе книги. Но если кто, тѣмъ не менѣе, ее преодолѣетъ, тотъ най-

доть въ ней ключъ, котораго, быть можетъ, уже давно искалъ, — ключъ къ философскому пониманію біологическихъ тайнъ, которыя дотолѣ отъ него капризно ускользали.

И прежде всего онъ пойметъ и признаетъ, что, дѣйствительно, существуетъ глубокая и воистину непреодолимая грань между органическимъ и неорганическимъ, между живою природою и мертвою и—далѣе—между областью біологіи и психологіи. Правда, объ этомъ говорить не біологическіе эксперименты, не микроскопъ и не скальпель. Самъ Гартманъ не разъ оговаривается, что здѣсь приходится спускаться въ области подъ- или за-микроскопныя, куда проникаетъ лишь мысль. Но отъ этого выводъ не становится, конечно, менѣе убѣдительнымъ. Напротивъ, именно здѣсь со всею силою обнаруживается незамѣнимая важность философскихъ анализовъ, идущихъ объ руку съ научными: въ такихъ областяхъ это единственные путеводители.

Онъ пойметъ, во-вторыхъ, что, хотя внутреннее и вѣншее начала въ организмѣ разнородны, но это не мѣшаетъ имъ быть и жить, то-есть функционировать, какъ единому психофизическому цѣлому, въ постоянномъ взаимодействіи, причемъ, однако же, конечная разгадка этой тайны открывается лишь тому мыслителю, который взглянетъ на нее съ точки зрѣнія Первоначала Абсолютнаго,—на что <философъ безсознательнаго> нашелъ въ себѣ достаточно мужества, вопреки половинчатымъ скептикамъ разныхъ оттѣнковъ...

Но я чувствую, что утомилъ аудиторію этими специальными тонкостями и, поэтому, перейду теперь къ общей заключительной характеристикѣ.

IV.

Одинъ изъ біографовъ Гартмана и систематизаторовъ его философіи ¹⁾ беретъ, въ качествѣ эпиграфа для своей книги, слѣдующія замѣчательныя слова Эмерсона:

¹⁾ Dr. Arthur Drews.

«Будьте на стражѣ, когда великій Богъ посылаетъ на нашу планету *мыслителя*. Ибо это значить, что тогда все въ опасности. Происходить тогда нѣчто подобное тому, какъ если бы въ большомъ городѣ вспыхнулъ пожаръ и никто не знаетъ, гдѣ онъ окончится и гдѣ, поэтому, въ городѣ безопасно. Не остается тогда — съ приходомъ великаго мыслителя—ни одной части науки, страницы которой завтра же не могли бы быть перевернуты. Нѣтъ уже болѣе такихъ литературныхъ авторитетовъ, нѣтъ такъ называемыхъ вѣчныхъ, вѣчно славныхъ именъ, которыхъ не приходилось бы переоцѣнивать заново и, можетъ быть, отвергать... Даже самыя надежды и чаянія чело- вѣка, за- вѣтныя мысли его сердца, быть и нравственность чело- вѣчества, самая религія: все подлежитъ тогда новымъ обобщеніямъ и перегруппировкамъ. И это всегда служить знакомъ вступленія Божества въ чело- вѣческую жизнь, нѣкотораго высшаго вліянія (*Einströmen*¹) на духъ чело- вѣка. Отсюда тотъ невольный трепеть, который сопровождаетъ подобные моменты».

Прекрасныя, полныя глубины и выразительности, слова!

Дѣйствительно въ инныя эпохи, какъ бы самъ Богъ посылаетъ людей выдающейся духовной силы, которые подводятъ итоги прошлому и ставятъ запросы будущему,— какъ бы бросаютъ въ горнило критики созданія прежнихъ строителей культуры, изъ металловъ драгоценныхъ и простыхъ, для очищенія и переплавки въ новыя формы, со- образно новымъ потребностямъ и запросамъ духа.

Гартманъ былъ одинъ изъ тѣхъ «мыслителей», кото- рые дѣлаютъ именно это, которые призываются въ эпохи духовнаго возбужденія для переоцѣнки цѣнностей, увле- кающаяся иногда,—какъ въ данномъ случаѣ,—даже до поста- новки *новой цѣны* «Цѣнному»...

¹) Отлично передаетъ этотъ терминъ двустипіе Алексѣя Толстого: „Какъ горной бури приближеніе, какъ натискъ пѣнящихся водъ те- перь въ груди моей растеть святая сила вдохновенья“.

По широтѣ захвата мысли, которой ничто, никакіе интересы, не оставались чуждыми, Гартманъ, безъ преувеличенія, былъ и остается для нашей эпохи *unicum*, а по силѣ мысли, по ея безстрашному радикализму, онъ можетъ быть поставленъ въ параллель развѣ лишь съ однимъ Ницше ¹⁾.

При всемъ различіи между Гартманомъ и Ницше,—различіи, доходящемъ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, почти до антиподизма,—между ними, въ самомъ дѣлѣ, много общаго.

Обоимъ имъ, прежде всего, присущъ своего рода аристократизмъ мысли. Не тотъ аристократизмъ, который дается родовитостью или блестящимъ внѣшнимъ положеніемъ, но тотъ, который возвышаетъ человѣка талантливаго надъ ординарностью, мыслителя оригинальнаго и прямолинейнаго надъ подражателями и слабоголовыми путаниками, гения надъ толпою. Этотъ аристократизмъ мысли проявился, правда, весьма различно у систематика Гартмана и афориста Ницше. Но за этими внѣшними, почти формальными различіями мы не должны и не можемъ просматривать общаго.

Обоимъ имъ, далѣе, претитъ слезливая Шопенгауеровская мораль состраданія,—не менѣе, чѣмъ корыстная мораль эвдемоніи и нивелирующая мораль альтруистической гетерономіи.

Оба они, въ сущности, оптимисты и у обоихъ у нихъ, только лишь въ разной степени и съ различными оттенками,—эволюціонный оптимизмъ осложненъ эвдемонологическимъ пессимизмомъ (побѣжденнымъ!).

¹⁾ На сходство между Гартманомъ и Ницше впервые указалъ, еще въ 1890 г., извѣстный Георгъ Брандесъ. Drews также его признаетъ хотя заходить, въ этомъ направленіи, по нашему мнѣнію, уже нѣсколько далеко,—до констатированія у Ницше Гартмановскихъ идей, только лишь въ невѣрномъ и уродливомъ отраженіи, какъ-бы въ разбитомъ зеркалѣ (op. cit. s. 684). Это, конечно, крайность. Но въ томъ объемѣ, въ какомъ параллель между Гартманомъ и Ницше изложена нами (по Drews'у) въ текстѣ, мы считаемъ еѣ вполне допустимою.

Оба они убѣжденные противники демократической вивеллировки общества, и у социальной демократіи, во всей современной литературѣ, быть можетъ, не найдется болѣе непримиримыхъ противниковъ, наносящихъ утопической доктринѣ неотразимые атлетическіе удары, какъ въ лицѣ именно этихъ двухъ мыслителей.

Оба они убѣждены, что культурное движеніе человѣчества обусловлено трудомъ пролагающаго новые пути «аристократическаго меньшинства», въ которомъ единственно надежда на будущее и гарантія противъ культурнаго одичанія,—хотя Гартманъ и не идетъ въ этомъ направленіи такъ далеко, какъ Ницше, съ его противопоставленіемъ морали господъ и рабовъ.

Оба они считаютъ философовъ, или, вообще, людей мысли, истинными вдохновителями и руководителями жизни, наиболѣе авторитетными оцѣнщиками, при случаѣ и переоцѣнщиками, міровыхъ цѣнностей, какъ бы таксаторами жизни и закулисными режиссерами міровой сцены.

Наконецъ, оба они стоятъ въ оппозиціи къ традиціоннымъ формамъ религіозной жизни, — только, тогда какъ Ницше ограничивается лишь глумленіемъ и отрицаніемъ, Гартманъ изъ обломковъ разрушеннаго религіознаго міросозерцанія хочетъ возвести «религію будущаго», «религію духа», хотя его замысль, какъ продуктъ искусственный, какъ въ собственномъ смыслѣ «сочиненіе», и разбился о равнодушіе массъ...

Итакъ, предъ нами переоцѣнка по всей линіи. Я не могу, конечно, касаться здѣсь всѣхъ этихъ вопросовъ,—это завело бы слишкомъ далеко,—и ограничусь лишь нѣсколькими замѣчаніями общаго характера, главнымъ образомъ съ религіознометафизической точки зрѣнія.

И прежде всего,—о *религіозной философіи*. При всей своей, положительно изумляющей, діалектической тонкости и остротѣ анализа, Гартманъ, однако, именно въ религіозной философіи страдаетъ несомнѣннымъ дальтонизмомъ. Онъ знаетъ христіанство лишь въ двухъ западныхъ формахъ:

въ формѣ католичества и протестантизма и, потому, жало его критики естественно направлено именно противъ этихъ формъ или типовъ христіанской мысли и жизни. Но и эти типы онъ знаетъ лишь издали и книжно, потому что самъ никогда не жилъ,—о чемъ и самъ говорить въ своей автобіографіи,—живою религіозною жизнью, въ общеніи съ единомысленно настроенными христіанами. Поэтому, даже и въ отношеніи къ этимъ формамъ религіозной жизни, онъ рѣзокъ, иногда до вульгарности, и несправедливъ—до жестокости. Въ католичествѣ онъ видитъ лишь искусственно гальванизируемый трупъ, мумію, а въ его богословіи — мертвый языкъ. Протестантизмъ же для него есть не болѣе, какъ могильщикъ, призванный исторіею для погребенія этого трупа: чтобы удостовѣриться, что католичество дѣйствительно мертво, могильщикъ отсѣкаетъ у него членъ за членомъ съ безжалостностью анатома, вслѣдствіе чего отъ католичества остаются будто бы лишь *membra disjecta*... Это, если угодно, картинно, но исторически невѣрно и даже, съ чисто эстетической точки зрѣнія, не изящно. И тѣмъ не менѣе православный богословъ, который въ своихъ исканіяхъ христіанства въ духѣ и истинѣ Христа, конечно, не можетъ увлекаться, ни схоластическимъ схематизмомъ католической догматики, ни столь же, можетъ быть, схематически-схоластическимъ, хотя уже и безъ догматовъ и въ другомъ направленіи, богословіемъ либеральнаго протестантизма, — такой богословъ можетъ пройти много стадій объ руку съ суровымъ аналитикомъ, философомъ безсознательнаго. Даже и въ сочиненіяхъ, повидимому, столь страшныхъ уже по самымъ своимъ заголовкамъ, какъ «Саморазложеніе христіанства», «Кризисъ христіанства въ современномъ богословіи», онъ можетъ вычитать много полезнаго. Особенно, наприм., изъ послѣдняго сочиненія онъ можетъ убѣдиться, что когда разрушено историческое зданіе церкви и на голомъ, плохо выровненномъ мѣстѣ начинаютъ создавать новую религію, то получается просто нѣчто

жалкое и убогое; что, разъ вступили на путь критическаго просѣванія догматовъ, то это просѣваніе, какъ бы по инерціи, будетъ идти все впередъ и впередъ до тѣхъ поръ, пока отъ догматовъ и догматики уже ничего не останется... Тогда ужъ, конечно, какъ и проѣктировалъ Гартманъ, людямъ, томимымъ потребностью въ религіи, ничего не останется, какъ заказывать составленіе катехизисовъ философамъ, по желаніямъ и вкусамъ каждаго... Но это не религія, а суррогатъ религіи, совершенно лишennyй духовной питательности.

Это, во-первыхъ.

Во-вторыхъ, *метафизика* Гартмана неволью поражаетъ всякаго, кто вдумывается въ ея основы и конструкцію, своею идейною бѣдностью, бѣдностью иногда до убожества, какою-то совершенно поверхностною и вдобавокъ монотонною схематизаціею — до схоластицизма. Несмотря на то, что Гартманъ заимствуетъ изъ христіанско-теистическаго міросозерцанія совсѣмъ несвойственные началамъ его философіи термины, — твореніе, благодать, искупленіе, возрожденіе и т. д., — онъ никакъ не можетъ, что называется, свести концы съ концами. Наприм., онъ учитъ о пространственной и временной ограниченности міра. Но переходъ отъ домірнаго бытія къ міровому процессу и отъ міроваго процесса къ послѣміровому состоянію Безсознательнаго-Абсолютнаго въ его философіи закутанъ такимъ туманомъ словъ и образовъ, въ которомъ ничего разсмотрѣть нельзя. Именно здѣсь миеологичность метода въ его «философскомъ романѣ», за которую не напрасно укоряли философа, проявляется во всей своей смущающей наготѣ и вмѣстѣ во всемъ своемъ безсиліи. Начало міра и міроваго процесса, — учитъ Гартманъ, — покоится на «иниціативѣ» Безсознательнаго, то-есть на абсолютно безпричинномъ и, потому, случайномъ, какъ бы капризномъ переходѣ слѣпой и безпредметной воли въ опредѣленное желаніе, — въ желаніе быть, проявиться, — а дѣль міроваго процесса заключается въ томъ, чтобы обу-

здать эту слѣпую волю съ ея ненасытною жаждою быть, чтобы ввести, такъ сказать, вогнать неразумно выступившую изъ себя волю снова въ ея первоначальное состояніе, въ состояніе безпредметной потенціальности, силою логической идеи, которая должна, такъ сказать, пережить волю и обнаружить абсолютную иллюзорность ея «иниціативы»... И вотъ эта хитропремудрая идея расщепляетъ единую въ себѣ волю на элементы,—атомы, силы, индивидуумы, до сознательныхъ включительно,—чтобы они, въ своемъ противоборствѣ и взаимоистребленіи, поняли, наконецъ, что быть и жить вовсе не сладко и что лучше ужъ не быть... По картинному сравненію Гартмана, міровой процессъ есть какъ бы фонтанъ, горящій разноцвѣтными огнями реальности, который вздымается все выше и выше, пока, въ сознательныхъ существахъ, струя не преломится и не возвратится сама на себя: въ этомъ, замѣчаетъ философъ, дано уже начало конца, міроваго самоискупленія воли, «энтропіи» или «апокатастасиса»... Все это, говорю, очень картинно. Но вѣдь это именно «философскій романъ», какая-то ультра-фантастическая рапсодія, если только позволительно называть этимъ терминомъ то абстрактно-громоздкое описаніе процесса, которымъ Гартманъ часто отпугиваетъ даже и людей, привыкшихъ ко всякимъ философскимъ экстравагантностямъ. Міровой процессъ, — говоритъ, наприм., Гартманъ, — покоится на возвышеніи алогичнаго чрезъ антилогичное къ логичному (телеологичному) и на связанной съ этимъ процессомъ реакціи логичнаго противъ антилогичнаго... Эта внутренне антилогичная природа или самопротиворѣчіе воли, которое влечетъ логичное къ раскрытію своего содержанія, чтобы снова возвратить или привести хотѣніе въ состояніе нехотѣнія, находитъ свое выраженіе въ энтропіи и приводитъ къ апокатастасису и т. д. Извольте-ка разобраться во всемъ этомъ! Поневоля вспомнишь, перечитывая подобныя и иногда даже еще болѣе громоздкія тирады, изрѣченіе древняго геніальнаго простеца философа,

Сократа: «множество страшныхъ словъ путаешь смыслъ смертныхъ»... Какъ далеко, въ сравненіи съ Гартманомъ, видѣлъ нашъ философъ, Вл. С. Соловьевъ, который все то, что Гартманъ относитъ къ Божеству, считалъ мыслимымъ развѣ лишь въ примѣненіи ко «второму абсолюту» или міровой душѣ, а не къ первому, истинному и самосущему Божеству, свободному и сознательно-разумному!

Наконецъ, есть и еще одно, на что мнѣ хотѣлось бы теперь обратить ваше вниманіе. Истекшимъ лѣтомъ мнѣ пришлось проѣзжать чрезъ Берлинъ какъ разъ въ то время, когда газеты говорили о смерти философа. Сообщалось о знакахъ вниманія къ нему со стороны «большой публики», прессы, ученыхъ корпорацій и, между прочимъ, Берлинскаго Философскаго Общества, посвятившаго Гартману специальное засѣданіе, на которомъ говорилъ рѣчь проф. Лассонъ, въ присутствіи семейства, родныхъ и знакомыхъ, — говорилъ «въ честь и память *отошедшаго въ вѣчность*» (*Verewigten*)... У меня невольно и какъ-то какъ бы самъ собою сложился вопросъ: что же собственно для этого великаго, «отошедшаго въ вѣчность», — что для него эта «вѣчность»? Конечно, вещь не измѣняется въ своемъ реальномъ отношеніи къ намъ въ зависимости отъ того, какъ мы объ ней думаемъ и какъ ее себѣ воображаемъ. Такъ и для Гартмана «вѣчность» наступила, — независимо отъ того, какъ онъ объ ней думалъ и училъ, съ своей философской точки зрѣнія. Но тутъ другой вопросъ: не повергло ли реальное загробное откровеніе вѣчности, своею неожиданностію, философа въ то высшее «изумленіе», предвареніемъ котораго, лишь слабымъ намекомъ на которое служить изумленіе, собственное философамъ, и являющееся подлиннымъ источникомъ и стимуломъ философіи? Поставлю вопросъ и еще иначе: не явилось ли для него это замогильное изумленіе реальнымъ обличеніемъ его, — все же въ основѣ своей, особенно именно въ этой области, пантеистическаго, — философствованія?.. О, я знаю, что при своей жизни, фи-

лософъ, если бы ему предложить подобные вопросы, отклонилъ бы ихъ, съ своею обычною снисходительно-примирительною улыбкою, какъ лежащіе въ другой плоскости, сравнительно съ уровнемъ его міропониманія. Но вопросъ видимо его занималъ и даже смущалъ, — въ тайникахъ души. Всего за какихъ-нибудь два года (пожалуй, и того меньше!) онъ помѣстилъ, въ одномъ скромномъ періодическомъ изданіи, специальный трактатъ о смерти ¹⁾, въ которомъ, съ своимъ обычнымъ пристрастіемъ къ рубрицистикѣ, рассматриваетъ вопросъ по излюбленнымъ схемамъ, съ точекъ зрѣнія: біологической, этической и телеологической. Въ этой статьѣ онъ доказываетъ, что смерть — особенно старческая — біологически вполнѣ естественна, а съ этико-телеологической точки зрѣнія имѣетъ свой, вполнѣ исчерпывающій это печальное, но неизбѣжное явленіе, смыслъ: въ интересахъ рода или, глубже, въ интересахъ достиженія искупительной цѣли міроваго процесса, путемъ совершенствованія всего живущаго, необходимо, чтобы старый, ставшій уже не воспримчивымъ и не отзывчивымъ на окружающее, организмъ уступалъ свое мѣсто другимъ, которые, именно вслѣдствіе своей молодости и жизнеспособности, болѣе пригодны для подъема жизни на высшія ступени и слѣдовательно больше отвѣчаютъ конечнымъ, телеологическимъ цѣлямъ міроваго процесса... Значить, разъ организмъ состарѣлся, — онъ долженъ покорно принести эту послѣднюю жертву міровому цѣлому. И человекъ не долженъ составлять и не составляетъ исключенія. И для него, разъ онъ состарѣлся, участь та же и — «о жизни поконченъ вопросъ, больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ»... Какъ видимъ, все вышло, въ разъясненіи Гартмана, спокойно и какъ бы даже примирительно: смерть имѣетъ свой разумный смыслъ и безъ предположенія *загробнаго существованія*, для мысли о которомъ въ пантеистической системѣ, какъ извѣстно, нѣтъ мѣста. И тѣмъ

¹⁾ *Der Tod* въ *Türmerjahrbuch*, 1904.

не менѣе чувствуется, что подѣ спокойною гладью этихъ рациональныхъ соображеній, этого «героическаго» отношенія къ смерти, въ душѣ философа идутъ какія-то другія, какъ бы подводныя теченія. Уже самый замысль написать статью такого рода весьма характеренъ: разѣ понадобилось специальное оправданіе смысла смерти, то, очевидно, въ немъ была психологическая потребность, такъ какъ вѣдь всякое оправданіе есть уже косвенное свидѣтельство закрывшагося сомнѣнія... И здѣсь мнѣ снова приходится повторить въ приложеніи къ Гартману строфу Тютчева, уже приведенную выше:

О, сердце полное тревоги,
 О, какъ ты бьешься на порогахъ
 Какъ бы двойного бытія!..

Однако, время уже и кончить бесѣду, и я позволю себѣ присоединить къ сказанному еще лишь нѣсколько словъ.

Если уже и въ религіозной сферѣ, по слову Апостола (1 Кор. 11, 19), «надлежитъ быть *разномыслямъ*», то-есть проявленіямъ религіозно-творческаго своеобразія, «чтобы открылись искусные»,—то тѣмъ болѣе необходимы «разномыслія» въ свободной области человѣческой мысли. Вотъ почему, хотя, какъ я только что намѣтилъ, многое у Гартмана не можетъ не вызывать на критику и философскую оппозицію, особенно именно здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, гдѣ мысль воспитывается въ согласіи съ христіанскою истиною,—однако, я думаю, что академическое студенчество хорошо сдѣлало, посвятивъ памяти Гартмана специальный вечеръ. Во многомъ мы разоидемя съ Гартманомъ. Но длинныя стадіи въ области философскихъ исканій, какъ я сказалъ, мы все же можемъ сдѣлать объ руку съ нимъ и даже—скажу больше—подъ его руководствомъ. Ибо, въ концѣ концовъ, Гартманъ

былъ философомъ-идеалистомъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Онъ повсюду искалъ идею, мистическое, божественное,—искалъ и находилъ даже и тамъ, гдѣ многіе, такъ называемые идеалисты, ее и не подозреваютъ. Въ низменномъ онъ видѣлъ слѣды и черты высокаго, именно какъ бы откровенія Божественной Идеи и, разъ онъ ее находилъ, онъ прослѣживалъ ея дыханіе по всѣмъ ступенямъ мірозданія. Вотъ почему, часто тамъ, гдѣ мысль попадаетъ въ тиски механизма или матеріализма, Гартманъ способенъ изъ этихъ тисковъ ее высвободить. Особенно для философствующихъ теологовъ, во многихъ и очень многихъ пунктахъ философія Гартмана можетъ быть чрезвычайно полезна, и многое въ ней можно использовать въ цѣляхъ философско-апологетическихъ. Но даже и тамъ, гдѣ мы, теологи по спеціальности, должны будемъ разойтись съ Гартманомъ, мы найдемъ въ немъ, по крайней мѣрѣ, честнаго и умнаго противника. А, по ставшему классическимъ выраженію Ланге, прямолинейные отрицатели всегда лучше слабоголовыхъ путаниковъ...

Итакъ, еще разъ, академическое студенчество хорошо сдѣлало, что собралось теперь почтить память Гартмана. Но оно сдѣлало бы и еще лучше, если бы выдѣлило изъ своей среды, изъ числа людей, тяготящихся къ философіи, такихъ, которые бы взяли на себя трудъ систематически и критически разработать отдѣльныя стороны Гартмановской философіи и представить ихъ на судъ «большой публики», въ качествѣ ученыхъ диссертаций. Дѣло это очень стоитъ того, чтобы посвятить ему, по крайней мѣрѣ, избытокъ академическихъ силъ: на поприщѣ научнаго труда нельзя намъ отставать...

Алексѣй Введенскій.

УЧЕНИЕ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА О СОБСТВЕННОСТИ ¹⁾.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Учение св. Іоанна о собственности и коммунизмъ.

Необходимость рѣшенія вопроса объ отношеніи ученія св. І. З. о собственности къ коммунизму. — Сближеніе патристическаго и коммунистическаго ученій о социальномъ строѣ. — Взглядъ Р. Albert'a на ученіе св. І. Златоуста. — Неосновательность этого взгляда. — Коренное отличіе коммунизма отъ ученія св. Іоанна Златоуста. — Ученіе Прудона. — Обвиненіе Іисуса Христа въ коммунизмѣ. — Несостоятельность такого обвиненія. — Златоустъ всегда признавалъ и защищалъ чужую собственность. — Обличая скупыхъ, онъ призывалъ ихъ къ милосердію, а не возмущалъ противъ нихъ толпу. — Увлеченіе и гипербола въ его рѣчахъ — явленіе естественное и *вредитъ* никому ими онъ не хотѣлъ и не могъ. — Златоустъ училъ бѣдныхъ покорности и терпѣнію. — Взглядъ его на значеніе бѣдности. — Онъ не принуждаетъ, а убѣждаетъ. — Духъ свободы въ Церкви Христовой. — Общеніе имѣній. — Общій выводъ: назначеніе благъ общее, а обладаніе установлено Богомъ и предполагаетъ собственность. — За скупость и недостатокъ милосердія человекъ отвѣчаетъ предъ Богомъ, а не предъ людьми. — Основаніе милосердія — братская любовь христіанъ другъ ко другу. — Одинъ Богъ силенъ дать и воленъ отнять блага. — Распоряжаясь своею собственностью, человекъ долженъ руководиться божественнымъ закономъ о любви къ ближнему. — Заключение.

Мы окончили изложеніе ученія св. Іоанна Златоуста о собственности; въ своемъ мѣстѣ мы указывали также внутренній смыслъ и значеніе этого ученія. Въ заключеніе — мы можемъ только преклониться предъ величіемъ,

¹⁾ Окончаніе. См. мартовскую кн. *Душеполезнаго Чтенія* 1907 г.

чистотой и возвышенностью этого учения и личности самого Иоанна Златоуста. Этимъ бы можно было и закончить нашу бесѣду съ читателемъ, если бы извращеніе и перетолкованіе этого учения не вызвало въ литературѣ весьма важнаго недоразумѣнія.

Въ современной полемикѣ по вопросу объ уничтоженіи бѣдности нѣкоторыми изъ западныхъ ученыхъ высказывается полное убѣжденіе въ томъ, что будто-бы еще древне-христіанская Церковь стояла на сторонѣ такъ называемаго социализма, что она будто-бы требовала принудительнаго устраненія богатыхъ отъ ихъ собственности для распредѣленія ея между бѣдными.

Такимъ образомъ, отцы христіанской Церкви здѣсь оказываются въ довольно странномъ обществѣ съ коммунистами,—и такое представленіе встрѣчается въ сочиненіяхъ даже серьезныхъ ученыхъ, занимающихся социальными вопросами.

Что касается, въ частности, св. Иоанна Златоуста, то напр. Paul Albert и нѣкоторые другіе ученые признаютъ его демагогомъ, энтузіастомъ, утопистомъ ¹⁾, чуть не революционеромъ... На какомъ основаніи? На основаніи... его учения о собственности, нами только что изложеннаго.

Не входя въ детальное рѣшеніе вопроса объ отношеніи Отцовъ Церкви къ коммунистическимъ тенденціямъ, мы ограничимся здѣсь приведеніемъ нѣкоторыхъ замѣчаній св. Иоанна Златоуста, которыя въ достаточной степени облегчатъ намъ разрѣшеніе вопроса о степени солидарности св. Иоанна Златоуста съ коммунистами.

Стоитъ лишь вспомнить изложенное выше ученіе о дозволительности богатствъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что не смотря на всю кажущуюся крайность нѣкоторыхъ выраженій, допускаемыхъ имъ въ обличеніяхъ богачей, св. отецъ, однакожь, признаетъ право личной соб-

¹⁾ „Chrysostôme fut surtout un utopiste, mais un utopiste passionné. Paul Albert. opus cit. p. 141. Conf. p. 146 etc.

ственности вполнѣ неприкосновеннымъ. Тогда какъ чистый коммунизмъ требуетъ равнаго дѣлежа всѣхъ матеріальныхъ владѣній, полной отчужденія правъ собственности и наслѣдства, св. Златоустъ убѣждаетъ христіанъ только не злоупотреблять этими своими правами, которыя онъ признаетъ вполнѣ законными.

Революціонное возрѣніе на частную собственность выражено въ извѣстномъ изреченіи Прудона: «собственность есть воровство» ¹⁾. Но можно ли усматривать сходство (не говоримъ уже о тождествѣ) ученія Прудона съ ученіемъ св. Златоуста?

Впрочемъ, извѣстно, что было время, когда социализмъ выступалъ даже съ извѣстной окраской религіи; мало того, онъ ссылался даже на Христа, какъ перваго социалиста, который поставилъ всѣхъ людей подъ одинъ уровень.—Да и какихъ болѣзней не испытала на себѣ чело-вѣческая мысль, предоставленная самой себѣ!—Но возвратимся къ ученію св. Златоуста. Сколько разъ мы видѣли, какъ энергично и настойчиво св. Златоустъ обличалъ корыстолюбивыхъ за ихъ посягательство на чужую собственность!

Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: «Ап. Павелъ не давалъ запрещенія людямъ обогащать себя и не приказывалъ имъ дѣлать себя бѣдными, лишаясь своего богатства; но предписывалъ только не быть гордымъ въ богатствѣ» ²⁾.

Ясно, что, по ученію св. Іоанна Златоуста, одно только назначеніе благъ міра сего—общее. Богъ сотворилъ ихъ на пользу всѣхъ; но отдалъ ихъ въ *собственность* только

¹⁾ La propriété s'est vol.

²⁾ „Не того хочу, чтобы ты былъ *работникомъ* своего имущества, и не того также чтобы, какъ на *смотру*, взиралъ ты на данное тебѣ въ служеніе Богомъ“ (Кирилль, архіеп. Іерус. 8 оглас. слово къ преосв., стр. 122). Въ этихъ словахъ выражена основная идея ученія о собственности св. Златоуста!

нѣкоторымъ. По отношенію къ другимъ людямъ, богатый подлинно есть господинъ своихъ благъ въ томъ смыслѣ, что никто другой не въ правѣ оспаривать ихъ у него, или спрашивать у него отчета въ ихъ употребленіи.

Такимъ образомъ, какова бы ни была сила, скажемъ болѣе, преувеличеніе нѣкоторыхъ выраженій въ бесѣдахъ св. Іоанна Златоуста о христіанскомъ значеніи и употребленіи собственности, ученіе его стоитъ выше упрековъ въ коммунистическихъ тенденціяхъ. Онъ проповѣдывалъ милосердіе, какъ долгъ, чисто религіозный, какъ заповѣдь, предписываемую отъ имени одного Бога, *исполненія которой можетъ требовать также только одинъ Богъ.*

Цѣлю земной жизни Господа Спасителя была не социальная реформа, а основаніе на землѣ Царства Божія. Христосъ явился не для того, чтобы совсѣмъ уничтожить бѣдность, напротивъ, онъ заранѣе говоритъ, что бѣдные всегда будутъ (Іоан. XII, 8), но Онъ явился съ тѣмъ, чтобы облегчить бремя жизни для всего рода человѣческаго, смягчить ту рѣзкую и жестокую грань, какая господствовала въ дохристіанскомъ мірѣ между богачемъ и нищимъ, и научить всѣхъ взаимной *братской* любви во имя и славу общаго Единого Отца Небеснаго. «Отче нашъ, остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ», вотъ сущность ученія Христова, которую забываютъ всѣ, навязывающіе христіанству социализмъ.

Не грабeжъ, не насильное отнятіе чужой собственности, даже не зависть неимущаго къ имущему проникаетъ все христіанское ученіе о собственности, а, наоборотъ, покорное преклоненіе предъ высшимъ Промысломъ Божиимъ. Только одинъ Богъ, Творецъ и Вседержитель, можетъ отнять у имущаго и даровать неимущему; всякій же другой, кто дерзнетъ посягнуть на эти верховныя права Владыки міра, окажется предъ лицомъ праведнаго Судіи лукавымъ рабомъ, преступившимъ заповѣдь своего Господа.

Нѣкоторыхъ соблазняетъ примѣръ первенствующей

церкви, о которой св. дѣписатель упоминаетъ въ 4 гл. книги Дѣяній Св. Ап. Но, по справедливому замѣчанію доктора богословія Ульгорна, церковь эта вполнѣ носитъ характеръ семейства. Семейственное чувство взаимности среди первыхъ христіанъ было такъ сильно, что у множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа, и никто ничего изъ своего имѣнія не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее (Дѣян. IV. 32).

Надо помнить, что въ этой великой семьѣ *никто не принуждался* къ отреченію отъ собственности. Ап. Петръ прямо говоритъ Ананіи, что онъ могъ удержать свое поле за собою, а также, когда онъ продалъ его, могъ-бы удержать за собою и вырученныя деньги (Дѣян. 5, 4). Это вполнѣ было дѣло свободной любви, но она была столь могуча, что уравнивала всѣ наличныя различія во владѣніи, такъ что среди христіанъ не оказывалось такихъ, которые бы имѣли какой-либо недостатокъ ¹⁾.

«То была весна, которая прошла, какъ проходитъ всякая весна на землѣ. То было время дѣтства, которое исчезаетъ со всѣмъ своимъ блескомъ и очарованіемъ, но въ Церкви Христовой была уже насаждена любовь, и въ этомъ мы имѣемъ залогъ того, что какъ-бы эта новая жизнь любви по временамъ ни омрачалась, все таки она никогда не можетъ исчезнуть совсѣмъ. Солнце взошло и всегда будетъ побѣдоносно разгонять всѣ омрачающія его тучи» ²⁾. Основанная Спасителемъ нашимъ Церковь озарила и не перестанетъ озарять землю такимъ свѣтомъ любви, какого старый міръ никогда не зналъ даже во времена величайшаго своего процвѣтанія.

Въ самомъ дѣлѣ, поражать прещеніями и угрозами небесной кары похитителя наслѣдства другого, защищать

¹⁾ См. „Христіанская благотворительность въ древней церкви“. Соч. г. Ульгорна, доктора богословія. Изд. А. Г. Лопухина. СПб. 1899 года. Цѣна 2 р. Стр. 71.

²⁾ Ibid. Стр. 90

отъ этого похитителя законнаго владѣтеля имѣнія — не значить-ли это вполне признавать право собственности? Что касается скупыхъ, которые не были виновны ни въ насилии, ни въ хищничествѣ, то для пониманія рѣзкихъ словъ, съ которыми св. Златоустъ обращался къ нимъ, нужно принять во вниманіе мѣсто и время, въ которое онъ произносилъ свои бесѣды. Эти скупые, судя по его описанію, имѣли уши столь же грубыя, какъ и сердце; чтобы они могли слышать, имъ нужно было говорить какъ можно громче и яснѣе. Сила нападенія должна была соотвѣтствовать силѣ сопротивленія. Какой пламенный проповѣдникъ, въ жару импровизаціи, не впадаетъ иногда въ сильныя преувеличенія?

Если св. евангелистъ Іоаннъ называлъ человѣкоубійцами не любящихъ своихъ ближнихъ, если св. ап. Павелъ скупыхъ клеймилъ названіемъ идолопоклонниковъ, если св. Аванасій и послѣ него другіе знаменитые проповѣдники объявляли душегубцами оставлявшихъ безпомощнымъ своихъ братьевъ, то св. Іоаннъ Златоустъ могъ безъ большого преувеличенія считать ихъ похитителями. Когда онъ выражался съ такой силой и, пожалуй, рѣзкостью, то не было опасности, что бѣдные, понимая его буквально, силою захватятъ ту часть, въ которой имъ отказано.

Св. І. Златоустъ предъ богатымъ гремѣлъ противъ скупости, предъ бѣднымъ возвышалъ голосъ противъ зависти и ропота; богатому онъ проповѣдывалъ благотворительность, а бѣдному терпѣніе; онъ даже до того настаивалъ на значеніи терпѣнія, что на первый взглядъ это могло бы показаться крайностью. Подвергая человѣка нищетѣ, Богъ по его словамъ, имѣетъ цѣлью болѣе возбудить его къ дѣятельности, къ раскрытію своихъ способностей и силъ, нежели приучить его къ терпѣнію.

«Примѣръ Лазаря», говоритъ Златоустъ, «дѣлаетъ непростительнымъ нетерпѣливый ропотъ бѣдныхъ, — ибо этотъ несчастный не жаловался, не ропталъ когда лежалъ у дверей жилища богача; онъ не говорилъ, какъ многіе

другіе: «чтоже это такое? Вотъ злой человѣкъ проводитъ жизнь свою среди наслажденій, а я умираю съ голоду, уничтожаемый его презрѣніемъ»¹⁾. Припомнимъ также и то, что св. Златоустъ не принуждалъ, а только убѣждалъ²⁾ своихъ слушателей благотворить и, если порицалъ, то не за богатство, а за нехристіанское его употребленіе и скупость³⁾. Все это совсѣмъ не походитъ на коммунизмъ и социализмъ.

Св. Церковь дорожа духомъ *свободы* христіанскихъ дѣйствій, завѣщаннымъ ей отъ Самого Господа, никогда не хотѣла предписывать, *сколько* должно подавать бѣднымъ, и какъ ни сильно возставала она противъ скупыхъ богачей, но никогда не подвергала отлученію даже тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые совсѣмъ отказывались помогать бѣднымъ.

Даже *общеніе имѣній*, которое было высшимъ выраженіемъ любви первыхъ христіанъ іерусалимской общины, нельзя никакъ признать гражданскимъ коммунизмомъ, съ *обязательнымъ* общеніемъ имуществъ⁴⁾.

¹⁾ De Lazar. conc. 2. c. 1; conc. 1. c. 9, 12; in Ps. 4, c. 9. Cf Амврос. Hexaëmer. VI, 51W52; August. Serm. 85. De script. c. 6.

²⁾ „Я только убѣждаю, а не принуждаю, чтобы вы не желали чужого, чтобы удѣляли и отъ своего“. Б. на Іоан 65, стр. 415.

³⁾ Homel. 83. in Matth. c. 4; Conf. De Eutrop. c. 3. Conf. Seron. Comm. in Matth. Conf. Б. на 1 кор. ч. I. стр. 194. Исторія пелагианства также подрываетъ основательность упрека въ коммунизмъ и социализмъ, дѣлаемаго свв. Отц. Церкви.

⁴⁾ „Впрочемъ, если и согласиться на сіе“, говоритъ А. В. Горскій въ своей „Исторіи Церкви апостольской“, „что духъ братолюбія побудилъ первыхъ христіанъ совсѣмъ отказаться отъ всякой собственности и ввести между собою полное общеніе стяжаній, то нельзя не назвать учрежденіе такового общенія такимъ уклоненіемъ отъ естественнаго порядка, какому надлежало быть по требованію порядка сверхъестественнаго, когда первое явленіе божественной жизни въ человѣкѣ столько было сильно, что не могло не проторгнуться сквозь всѣ связи порядка естества“. (Твор. св. отц. въ р. пер., изд. при М. Д. Академіи. 1883 г. II. 415.).

Богодухновенный истолкователь ученія Христова св. апостолъ Павелъ говорить: *«если я роздалъ все имѣніе мое, а любви не имѣю, нптѣ мнѣ въ томъ никакой пользы»* (1 Кор. VIII, 3). Это сказано о раздающихъ свое имѣніе. А вотъ что говорить Слово Божіе о приобретающихъ блага міра сего: *«какая польза человеку, если онъ міръ весь приобрететъ, а свою душу погубитъ?»*.

Какъ все это безконечно далеко отъ коммунистическихъ и социалистическихъ притязаній! Здѣсь въ истинномъ Христовомъ ученіи — братская любовь и самоограниченіе, а тамъ жестокой эгоизмъ и посягательство на чужой трудъ и добро; здѣсь возвышенная свобода и презрѣніе къ излишествами и богатству, а тамъ насильное отчужденіе, обезличеніе ближняго и утопическое стремленіе уравнивать всѣхъ и каждаго, не взирая на то, что и сама природа далеко не одинаково одарила силами и способностями всѣхъ, населяющихъ міръ Божій.

Итакъ, какими-бы цѣлями ни руководился приписывающій Евангелію и Святымъ Отцамъ Христовой Церкви идеи коммунизма и социализма, онъ не можетъ имѣть успѣха тамъ, гдѣ читаютъ и знаютъ Слово Божіе и подлинныя творенія святыхъ богопросвѣщенныхъ отцовъ и учителей Церкви. Въ этомъ не можетъ не убѣдить насъ изученіе твореній св. Іоанна Златоуста, этого величайшаго свѣтильника вселенской Церкви, едва ли не самаго знаменитаго проповѣдника Слова Божія и краснорѣчивымъ архипастырскимъ словомъ и примѣрнѣйшею высоко-христіанскою жизнедѣятельностію. Его ученіе о собственности основано всецѣло на словѣ Бога живаго, единаго источника истины и потому чуждо заблужденій и крайностей, свойственныхъ нерѣдко и самымъ благонамѣреннымъ измышленіямъ слабаго человѣческаго ума.

Вотъ почему, если христіанинъ искренно желаетъ лучше и цѣлесообразнѣе устроить свою жизнь и приблизить къ себѣ Царствіе Божіе, онъ непремѣнно долженъ, при встрѣчѣ съ разнообразнѣйшими рѣшеніями социальными и этическихъ вопросовъ, прежде всего памятовать

завѣтъ великаго апостола любви св. Іоанна Богослова, данный всѣмъ христіанамъ и на всѣ времена: *«Возлюбленные! не всякому духу вѣрйте, но испытайте духовъ, отъ Бога-ли они, потому что много лжепророковъ появилось въ міръ»* (1 Іоан. IV, 1).

Принятый нами на себя пріятнѣйшій трудъ систематическаго изложенія ученія св. Іоанна Златоуста о собственности мы и посвящаемъ съ любовью тѣмъ, кто помнить этотъ завѣтъ возлюбленнаго ученика Господня, сознаетъ свой долгъ предъ св. Церковію и матерью-родиной *«не всякому духу вѣрять, но и испытывать духовъ, отъ Бога-ли они»*. Не всѣ наши братья во Христвъ могутъ осуществить этотъ спасительный завѣтъ въ своей жизни съ одинаковой легкостію и успѣхомъ, не всѣ имѣютъ достаточно времени, чтобы изучить многочисленныя творенія св. Златоуста и тамъ найти надежное руководство и отеческое наставленіе, кому и чему вѣрять, за кѣмъ слѣдовать и кого остерегаться. А жизнь не ждетъ: бѣдныя болѣютъ и умираютъ отъ людской жестокости почти ежедневно, пороки и преступленія противъ чужой собственности грозятъ пошатнуть самыя основы человѣческаго общества...

И если нашъ трудъ облегчитъ хотя одной христіанской душѣ путь ко спасенію, если хотя одной слезой угнетеннаго бѣдняка станетъ меньше, если собранныя нами *«золотыя»* слова великаго отца Церкви о собственности смягчатъ хотя одно сердце и напомнятъ ему о любви къ ближнему, то мы сочтемъ себя вознагражденными сторицею. И мы вѣримъ, что по молитвамъ св. Іоанна Златоуста, настоящая работа наша не останется безъ душевной пользы для читателя и приведетъ его ближе къ источнику вѣчной истины Слову Божію и исповѣданію Христа не только словомъ, но и дѣломъ, по примѣру Златоустаго учителя церкви. Да будетъ!

Іоаннъ Говядовскій, священникъ въ Константинополь.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Сказаніе.

И шель Алексѣй, человекъ Божій, шель по землѣ, благословляя ее и пробуждая оцѣпенѣвшія за зиму воды. И пробуждались рѣки и озера, и облегченно вдыхала земля, сбрасывая съ себя бѣло-снѣжный покровъ; и вдыхали горы высокія, и съ макушекъ ихъ бѣжали въ долины ручьи, сверкая и вздрагивая. И пѣли, пѣли ручьи.

И когда вдыхала земля, то весь воздухъ наполнялся благоуханіемъ. И ликовало небо, проясняясь, проясняясь.

Шель Алексѣй, человекъ Божій, къ говорливымъ ручьямъ, къ отраднымъ земныхъ вздохамъ прислушивался. Раздавалъ онъ ребяткамъ «цареградскіе стручки», которыми—сказываютъ,—питался Креститель Іоаннъ, въ ту пору, какъ въ пустынѣ находился.

А вслѣдъ за Алексѣемъ, человекомъ Божиимъ, летѣли пчелки-мохнатки, пчелки-труженицы, жужжали, жужжали и будоражили рыбу въ подводныхъ станахъ. Дарья, святая мученица, едва успѣвала рубить проруби. И видно было, какъ въ прорубяхъ барахталась рыба...

Шель и шель Алексѣй и пришелъ въ свято-русскую землю. И какъ пришелъ онъ, — ярче стало играть солнышко, день прибавился, ночь укоротилась. Заголосили сорокъ пичугъ, изъ-за синя моря пробравшихся. Жаворонки завели по-настоящему пѣсни, и Кононь, святой мученикъ, сталъ по ночамъ огорода оправлять, незримо помогая бабамъ-хозяйкамъ.

Шель Алексѣй по свято русской землѣ, а прекрасная Греція посылала ему сладостное благоуханіе дѣвственныхъ миртъ, счастливая Аравія—благовопіе мирры и ладана, а отъ Краснаго моря изливался цѣлительный бальзамъ, даръ черной Нубіи и знойной Мекки.

Собирая медоносную траву, Алексѣй, человекъ Божій, прошелъ Арменію и остановился у Кавказскихъ горъ. И окинулъ онъ своимъ чистымъ взоромъ великую свято-русскую землю и узрѣлъ святой, что ликуеть природа да не ликуеть Божій людъ. И призадумался святой Алексѣй и сталъ онъ пытливо всматриваться кругомъ. И видитъ: нѣсть числа мандрагоръ. Пышно разрослась она тамъ-и-сямъ, душитъ прочую растительность. И содрогнулся человекъ Божій Алексѣй и сказалъ:

— Пчелки мои, выдерните съ корнями всю мандрагору, сколько ни есть ея. Не подобаеъ появляться мандрагоръ весною на свято-русской землѣ.

И спросили пчелки:—святой Алексѣй, человекъ Божій, отчего же мандрагоръ и не расти на свято-русской землѣ?

И сказалъ пчелкамъ Алексѣй, человекъ Божій: развѣ вы не знаете, мои пчелки, что мандрагора вырастаетъ подъ висѣлицами? Вѣдь недаромъ въ корнѣ мандрагоры скрыта адамова голова.

И ринулась туча пчелиная на мандрагору и стала выдергивать ее съ корнемъ, и при этомъ страшно вскрикивала мандрагора, точно это былъ человекъ, а не растение, и какъ будто пчелы мучили его; и даже не вскрикивала мандрагора, а праведнѣе сказать, стонала. И еще ниже опустилъ голову Алексѣй, человекъ Божій, и дрожало изсохшее тѣло его, прикрытое рубищемъ...

И пошелъ онъ дальше; святой шель, проходило и время. И съ каждымъ днемъ природа становилась краше, и голо-систѣе сорокъ пичугъ, изъ-за синя моря на Русь пробравшихся. Но не радовали онъ Алексѣя; все стояли ро-синки слезъ въ его впалыхъ глазахъ, все больше и больше слышались ему вздохи и голоса нищихъ.

И скорбно подумалъ онъ: «ахъ, сколько вздоховъ и нищихъ! Русь, Русь».

И пришелъ Алексѣй, человѣкъ Божій, къ Иордани русской, къ царицѣ русскихъ рѣкъ,—широкой Волгѣ. И видитъ онъ, что прямо изъ-за моря Хвалынскаго летять три Христовыхъ птицы, тѣ самые клесты, которые,—сказываютъ,—вытаскивали тернии изъ чела Христа-Господа и гвозди изъ креста.

Какъ небесная радуга красивая, Христовы птицы держали въ своихъ крестообразныхъ клювахъ цвѣты сянго страстоцвѣта. Взмахнувъ ярко-красными крыльями, прекрасныя птицы винули Алексѣю, человѣку Божию, цвѣты сянго страстоцвѣта. Принявъ ихъ, святой сказалъ: «Великій постъ подходитъ къ концу».

И, поклонившись клестамъ, пошелъ дальше. И когда Алексѣй, человѣкъ Божій, приближался къ сердцу свято-русской земли, снова увидѣлъ онъ, что изъ-за моря Варяжскаго летять еще три Христовыхъ птицы, держа въ своихъ крестообразныхъ клювахъ Христовъ терновникъ.

Взмахнувъ надъ Алексѣемъ, человѣкомъ Божиимъ, своими огненно-красными крыльями, прекрасныя клесты кинули ему Христовъ терновникъ. И, принявъ его, сказалъ святой: «вотъ и Голгоѳа подошла. Близко и Свѣтлый праздникъ».

И, поклонившись клестамъ, пошелъ дальше. И всѣ шесть Христовыхъ птицъ, смѣшавшись съ пчелками мохнатками, летѣли вслѣдъ за Алексѣемъ, человѣкомъ Божиимъ.

И прошелъ Алексѣй всю свято-русскую землю, благословляя, и вышелъ за предѣлы ея. И остановился у исхода моря Варяжскаго, прислушивается: словно бы рѣже вздохи, словно бы глуше становятся плаксивые голоса нищихъ. Но все больше яснѣетъ небо, и солнце красное начинаетъ играть, играть, какъ дитя въ колыбели.

И глядитъ Алексѣй, человѣкъ Божій, какъ это солнышко разыгралось, и во впалыхъ глазахъ святого сохнутъ росинки слезъ.

И снова видитъ онъ, что съ трехъ разныхъ сторонъ летятъ къ нему еще три безсмертныхъ клеста—Христовы птицы безъ сянго страстоцвѣта и безъ Христова терновника въ крестообразныхъ клювахъ. И, взмахнувъ надъ человѣкомъ Божиимъ своими алыми крыльями, сказали прекрасные клесты: «насъ послало небо сказать, что Христосъ воскресъ!.. чу, слышите?»

И слышать пчелки-труженицы и шесть клестовъ, которые прилетѣли изъ-за моря Хвалынскаго и Варяжскаго: колокольный звонъ наполняетъ воздухъ; ликованіе понеслось етъ земли къ небесамъ. И земля трепещетъ отъ радости, и небо льнетъ къ землѣ.

А вмѣсто вздоховъ да нищенскихъ плаксивыхъ голосовъ звучить изъ края въ край по всей свято-русской землѣ: «Христосъ воскресъ!»—«Воистину воскресъ!»

И просвѣтлѣло лицо Алексѣя, человѣка Божія, и воскликнулъ онъ, охваченный неземною радостью:—«Христосъ воскресъ, мои пчелки! Земля, Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ, добрые клесты!»

И отвѣтили ему его пчелки и добрые клесты, Христовы птицы: «воистину воскресъ Онъ!» И понесли они Алексѣя, человѣка Божія, къ блаженнымъ въ чертоги райскіе.

И когда возносился святой отъ земли,—сильнѣе прежняго изливался бальзамъ, что отъ Краснаго моря, больше прежняго посылала ему счастливая Аравія благовопіе мирры и ладана, а прекрасная Греція—сладостное благоуханіе дѣвственныхъ миртъ. И Царица Небесная бросала Алексѣю, человѣку Божию, орхидеи, которыя народъ называетъ цвѣтами «Духа Святого», потому что онѣ похожи на голубя, расправляющаго крылышки.

Павелъ Россіевъ.

УРОКИ ХРИСТИАНСКАГО ДѢЛАНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО.

(Къ 27-му апрѣля — дню памяти св. отца нашего Стефана, игумена бывшаго Печерскаго, а впослѣдствіи епископа Владимірскаго на Волыни).

«Терпѣніе скорбей».

Св. Стефанъ отъ юныхъ дней находился подъ руководствомъ достохвальнаго во игуменахъ, преподобнаго отца нашего Θεодосія Печерскаго, былъ любимымъ его ученикомъ и подражалъ добродѣтелямъ своего учителя. Сего ради и избранъ былъ братією на должность «доместика», или уставщика. Предъ кончиною же преподобнаго Θεодосія, когда возникъ вопросъ о преемникѣ сему блаженному мужу, всѣ братія единогласно просили преподобнаго поставить имъ игуменомъ Стефана... Принявъ эту должность по преставленіи своего наставника и учителя, св. Стефанъ много потрудился на пользу св. Лавры. И благодарію Божією, молитвами преподобныхъ отецъ нашихъ Антонія и Θεодосія, вскорѣ достроилъ церковь, начатую преподобнымъ Θεодосіемъ, и перевелъ братскія келіи ближе къ новому храму, а на прежнемъ мѣстѣ были оставлены немногіе братія, для погребенія умершихъ. Благословеніе Божіе видимо почивало на дѣятельности преподобнаго въ мѣстѣ семъ... Врагъ же рода человѣческаго, который всегда борется съ рабами Божими, произвелъ смятеніе въ мирной обители, вооруживъ противъ блаженнаго мужа часть братіи,

и св. Стефанъ былъ безвинно низложенъ съ игуменства, и удаленъ изъ монастыря. Но не палъ духомъ преподобный и не озлобился противъ братіи, столь тяжко его оскорбившей, а напротивъ, любовью никогда отъ нихъ не отлучался и прилежно о нихъ молился, подражая тезоименитому своему святому первомученику Стефану, глаголя: «Господи, не постави имъ грѣха сего!» Когда же узнали о таковой скорби преподобнаго многіе изъ бояръ и вельможъ, его духовныхъ дѣтей, врученныхъ ему преподобнымъ Θεодосіемъ, то помогли ему устроить другой монастырь, недалеко отъ Печерскаго. Когда же преставился епископъ славнаго града Владиміра на Волини, тогда на каеэдру эту избранъ былъ св. Стефанъ, и добръ управивъ ввѣренную ему паству ко Христу, пастырей начальнику, преставился въ 1094 году апрѣля 27-го. Такъ еще на землѣ превознесъ Господь избраннаго Своего! И сіе—за терпѣніе въ скорбяхъ, за любовь николиже отпадающую. Правда, не всегда скорби временныя переходятъ и претворяются здѣсь на землѣ въ радость... Часто, часто облегченіе отъ скорби ждетъ насъ только за гробомъ... Но обратимся вниманіемъ къ терпѣнію преподобнаго и научимся быть подражателями св. мужа во всѣхъ обстояніяхъ житейскихъ, наипаче же въ скорбяхъ; остановимся мыслью и на любви христіанской, которая неразлучна съ терпѣніемъ, по слову апостола: *любы долготерпитъ, любы вся терпитъ* (1 Кор. 13, 4, 7) Св. Стефанъ, любовью Христовою одушевленный, памятовалъ слова Спасителя: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* (Лук. 21, 19), и въ отвѣтъ на тяжкія огорченія, причиненныя ему братією, обнаружилъ истинно-христіанское незлобіе и терпѣливо почесъ крестъ, ему виспосланный, взирая на вѣчное мздовоздаяніе и памятуя слова Господни: *Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ* (Римл. 12, 19; Втор. 32, 35). Такъ, и всѣмъ намъ надлежитъ не озлобляться и не унывать въ скорбяхъ, а терпѣливо ихъ сносить, памятуя, что все въ жизни намъ посылается не безъ воли Божіей. Святитель Тихонъ За-

донскій говорить, что «въ благоденствіи человекъ возносятся, въ злоденствіи смиряется: сего ради Богъ посылаетъ на человека крестъ, чтобы смирился, и тако не потерялъ бы вѣчнаго блаженства» ¹⁾. По отношенію же къ оскорбляющимъ, въ терпѣннн имѣемъ особенно большую потребу, а воздаяніе по ихъ дѣламъ должны предоставить Господу, непрестанно содержа въ умѣ евангельскую заповѣдь: *любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ* (Мѣ. 5, 44). По этому поводу св. Тихонъ говорить: «Терпѣніе истинное есть—не токмо не отмщевать, но и не хотѣть отмщевать обидѣвшему, хотя бы сердце и поощряло къ тому. Больше и высочайшее терпѣніе есть не чувствовать обиды и болѣзни въ сердцѣ своемъ. Таковой подлинно міру, плоти и грѣху *умре, а живетъ* Христу. Таковой ни похвалою возносится, ни поношеніемъ оскорбляется; какъ въ благополучіи, такъ и въ злополучіи равенъ, постояненъ, тихъ и кротокъ. Преблагополучное есть такое сердца состояніе!» ²⁾. Какъ же сего достигнуть? *Вѣрую*, ибо «истинное терпѣніе христіанское отъ вѣры происходитъ, и безъ вѣры быть не можетъ», продолжаетъ св. Тихонъ. «Понеже плоть наша всегда хочетъ воли своей послѣдовать, въ пріятностяхъ и увеселеніяхъ міра сего быть: почему всякой противности ужасается и, когда приключится, смущается и негодуетъ. Но вѣра, въ сердцѣ живущая, сіе ея смущеніе укрощаетъ и умирятъ, представляя, что все по Божію промыслу бываетъ, что Богъ посылаетъ наказаніе не отъ гнѣва, но отъ любви: *егоже бо любитъ Господь, наказуетъ* (Евр. 12, 6), что скоро сему бѣдствію конецъ будетъ; что временной скорби послѣдуетъ радость вѣчная; что нетерпѣніемъ и негодованіемъ благость Божія оскорбляется,—и тако смущаемое и волнуемое сердце укрощаетъ и утѣшаетъ. Тако Давидъ святой въ печали и скорби душу свою вѣрою утѣшалъ:

¹⁾ Творенія св. Тихона, изд. 5-е, т. I, стр. 176.

²⁾ Тамъ же, т. II, стр. 271.

*вскую прискорбна еси, душе моя? и вскую смущаеши мя?
Уповай на Бога, яко исповѣмся Ему, спасеніе лица моего,
и Богъ мой» (Пс. 41, 6) ¹⁾.*

Возложимъ же и мы все упованіе на Господа, потщимся терпѣніемъ тещи указаннымъ намъ жизненнымъ путемъ и не престанемъ взывать: Упованіе мое Отець, прибѣжище мое Сынъ, покровъ мой Духъ Святыи,— Троице Святая, слава Тебѣ, да будетъ воля Твоя!

А. Зеландъ.

¹⁾ Тамъ же, т. II, стр. 271.

Экскурсія студентовъ Московской Духовной Академіи на Ближній Востокъ¹⁾.

8 іюня.

Всѣ экскурсанты были хозяевами дня — каждый могъ пойти туда, куда ему нужно было пойти. Я направилъ стопы свои въ единственномъ числѣ осматривать Айсо-Софію. При входѣ съ меня попросили за осмотръ 2 черека (80 к.), но при настойчивомъ выторговываніи, я заплатилъ одинъ черекъ. При осмотрѣ меня сопровождалъ турокъ, объясненія котораго, конечно, на турецкомъ языкѣ, я почти совсѣмъ не понималъ. Я обратилъ вниманіе на громадную величину св. Софіи, на древне-христіанскую живопись и мозаику и оставшіеся доселѣ кресты на стѣнахъ. Скажу чистосердечно, что св. Софія, какъ чудо искусства, не произвела на меня впечатлѣнія. Это и неудивительно: нетолько я, профанъ въ искусствѣ, но и понимающій его не получаютъ отъ св. Софіи желаемого впечатлѣнія. Я слышалъ, что св. Софія не произвела никакого впечатлѣнія на нашего бывшего профессора Е. Голубинскаго (извѣстный историкъ - византологъ). Неудовлетворенный осмотромъ чуда искусства я пошелъ домой на подворье. Совершенно случайно встрѣчаю нашего преосвященнаго ректора и сопровождающаго его монаха о. Галактіона. Преосвященный предлагаетъ мнѣ вернуться и повторить осмотръ

¹⁾ Продолженіе. См. мартовскую кн. *Душепол.* Чт. 1907 г.

св. Софіи, Оттоманскаго музея и пр. мѣстъ. Мнѣ не осталось ничего дѣлать какъ только благодарить Владыку. Я сѣлъ въ коляску, и поѣхали. Осмотръ мы начали съ музея, а не съ св. Софіи, потому что въ послѣдней правовѣрные совершали утреннюю молитву. Я осматривалъ достопримѣчательности музея съ еще большимъ интересомъ, чѣмъ вчера. Особенное вниманіе преосвященный обратилъ на головное украшеніе на одной женской статуѣ, похожее на греческій клубокъ. Наскоро осмотрѣвши св. Софію, мы зашли въ мечеть Ахмета; планъ и архитектура ея такія же, какъ и св. Софіи. Мечеть намъ понравилась внутреннимъ убранствомъ; въ этотъ день мечеть Ахмета произвела на меня большее впечатлѣніе, чѣмъ св. Софія.

Теперь намъ предстояло осмотрѣть цистерну Константина. Надъ этой цистерной находится цѣлый кварталъ. Въ цистерну ведетъ небольшая дверь и лѣстница въ 16 ступеней. Когда мы вошли въ дверь, то ничего не было видно, кругомъ мракъ; но сопровождавшая насъ турчанка зажгла факель, на который я больше обратилъ вниманіе, чѣмъ на внутренность цистерны. Въ самомъ дѣлѣ, картина была заслуживающая вниманія. Казалось, что свѣтъ и тьма ведутъ борьбу между собой. На душъ стало легко, свѣтло, когда зажженный факель освѣтилъ большое разстояніе цистерны. Грустно стало, когда факель сталъ потухать. Стоялъ съ поникшей головой и думалъ: вѣдь такъ бываетъ и въ жизни человѣческой. Съ полной, юной энергіей человѣкъ начинаетъ дѣлать добро, но вотъ на пути встрѣчается ему препятствіе, и онъ складываетъ свое оружіе. И считаетъ себя безсильнымъ. Хотѣлось долго стоять въ цистернѣ на одномъ мѣстѣ и думать, думать безъ конца; но о. Галактіонъ подходитъ ко мнѣ и сообщаетъ, что во времена Константина цистерна своей водой снабжала жителей всего Константинополя, что своды цистерны подпираются 450 колоннами, которыя расположены въ 28 рядовъ.

Изъ цистерны направились на турецкій базаръ. Здѣсь турецкіе продавцы привѣтствовали насъ русскимъ: здравствуйте. Сначала они своимъ обращеніемъ насъ заинтересовали, но потомъ интересъ перешелъ въ негодование, потому что назойливые продавцы насъ безцеремонно брали за руки, за одежду.

Порядочно утомившись отъ впечатлѣній сегоднешняго осмотра, мы поспѣшили домой. Мы возвращались для разнообразія по Босфору на лодкѣ. Несмотря на физическое переутомленіе, мы любовались Босфоромъ. Особенно ласкала наше зрѣніе вода Босфора—вблизи у лодки она имѣла привлекательный видъ—то темновато-голубой, то синеватый, то свѣтло-зеленый.

Послѣ сытнаго монастырскаго обѣда мы съ товарищемъ отправились по приглашенію въ болгарскую духовную семинарію. На дорогѣ насъ остановилъ человекъ съ принадлежностями для чистки сапогъ. По Константинополю охотниковъ этого занятія ходитъ очень много, и всѣ они находятъ себѣ дѣло, потому что здѣсь не принято ходить въ галошахъ, и сапоги требуютъ постоянной чистки. Минуты въ 2 или 3 наши сапоги были вычищены, за работу заплатили по металлу (по 2 коп.). Во время чистки сапогъ къ намъ подошелъ татаринъ, изъ нижегородской губерніи. Онъ очень обрадовался, что ему пришлось видѣться съ русскими. Россія не здоровъ, кричалъ онъ, очевидно намекая на наши неудачи въ войнѣ съ Японіей; и еще для большаго доказательства, что онъ русскій, онъ обругался нецензурной русской бранью.

Въ семинарію мы пошли пѣшкомъ. Семинарія снаружи походить на монастырь, со всѣхъ сторонъ она окружена стѣнами. Когда мы вошли въ семинарскую ограду, то увидѣли предъ собой зеленѣющія вѣжно деревья и клумбы съ цвѣтами. Вездѣ чистота, опрятность. «Кто это», показываемъ мы на молодыхъ людей, прогуливающихся въ рясахъ и камилавкахъ.—«Это, отвѣчаютъ намъ,—воспитанники духовной семинаріи». Намъ стало жаль ихъ. Они, очевидно,

живутъ какъ монахи. Лѣтъ пять тому назадъ по инициативѣ одного архіерея нашъ Всероссійскій св. Синодъ чуть было ни ввелъ форму монашескаго покроя для питомцевъ нашей духовной школы. Удивляться было нечему, и мы питомцы русской духовной школы не застрахованы отъ монашеской ряски и камилавка. Насъ встрѣтилъ инспекторъ семинаріи, бывшій студентъ нашей академіи. Онъ угостилъ насъ по восточному, т.-е. сначала было подано глико (стаканъ холодной воды съ вареньемъ), потомъ по рюмкѣ ликеру и по маленькой чашкѣ кофе. На востокѣ вообще мало пьютъ чай, но о. инспекторъ знаетъ слабость русскаго человѣка, и въ частности нашу, поэтому онъ распорядился подать намъ чай. Послѣ дружной товарищеской бесѣды (еще пришло нѣсколько человѣкъ студентовъ), мы начали осматривать семинарію. Зданіе семинаріи удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ въ педагогическомъ и гигиеническомъ отношеніяхъ; мы были въ классахъ, въ спальняхъ—вездѣ чистота и свѣтло. Библіотеки почти совсѣмъ не существуетъ. Въ столовую мы пришли во время ужина. Воспитанники сидятъ тихо, скромно, какъ монахи за трапезой. Кормятъ хорошо, ужинъ изъ 3-хъ блюдъ. Послѣ ужина воспитанники вышли въ семинарскій садъ, чтобы хотя немного отдохнуть отъ экзаменаціонной зубрежки. Учебники тѣ же самыя, какіе и въ нашихъ русскихъ духовныхъ семинаріяхъ, только они, конечно, съ русскаго языка переведены на болгарскій. О. инспекторъ приглашалъ насъ на завтрашній день на экзаменъ съ правомъ спрашивать воспитанниковъ. Но это интересное предложеніе, извинившись, мы не приняли, потому что завтра у насъ предполагается поѣздка на Принцевы острова.

Начало смеркаться, когда мы пошли обратно домой. Пройдя почти половину разстоянія, мы сѣли на конку. Кондукторъ конки Грекъ подходитъ къ намъ и проситъ деньги за проѣздъ, мы даемъ ему по піастру (8 коп.), а нужно было отдать по 1½ піастра (12 коп.), чего мы не

знали. Начивается между нами споръ. Споръ этотъ былъ интересенъ тѣмъ, что мы пробовали спорить на разныхъ языкахъ (на греческомъ, французскомъ, нѣмецкомъ). Кондукторъ немного понимаетъ по-французски, но мы по французски умѣемъ читать и переводить со словаремъ. Наконецъ, мы бросили торговаться на разныхъ языкахъ, каждый сталъ высказывать свои мысли на родномъ языкѣ, и дѣло кончилось тѣмъ, что мы поняли и отдали слѣдующія деньги. Должно быть, мы уже очень были комичны во время спора, потому что одинъ господинъ и одна дама, сидѣвшіе неподалеку отъ насъ, хохотали до слезъ. Конва наша идетъ только по главной улицѣ Перы, и намъ нужно было еще пройти довольно значительное разстояніе по разнымъ улицамъ. Съ нами опять случилась незадача: мы никакъ не можемъ напасть на ту улицу, гдѣ находится подворье. Удивительнаго вичего нѣтъ, что мы блуждали, ибо улицы и дома до того похожи другъ на друга, что ихъ можетъ различить только привычный глазъ.

9 іюня.

День богатъ впечатлѣніями. Сегодня мы совершили экскурсію на Принцезы острова, которые отъ Константинополя находятся на разстояніи часовъ двухъ ѣзды на пароходѣ. Съ парохода мы любовались видами Константинополя. Намъ показывали Никею, гдѣ былъ первый вселенскій соборъ въ 325 году, Халкидонъ, гдѣ былъ четвертый вселенскій соборъ въ 451 году. При видѣ этихъ историческихъ пригородовъ съ ясной отчетливостью воскресаютъ въ памяти подробности соборовъ. На пароходѣ сидятъ большею частью турки. Слуга турокъ ходитъ съ графиномъ и стаканами наполненными прѣсной водой и предлагаетъ желающимъ. Охотниковъ много, день жаркій, стаканъ прѣсной воды стоитъ металикъ (2 коп. на наши деньги). На пароходѣ мы разсуждали довольно свободно. Откуда ни возьмись явился къ намъ молодой человекъ турокъ, кото-

рый подошелъ къ нашей кучкѣ собравшихся экскурсантовъ и безцеремонно съ открытымъ ртомъ ловилъ наши слова. Мы хотѣли было страннаго субъекта предать остракизму, но намъ не посовѣтовали этого дѣлать, сказали, что этотъ субъектъ изъ тайной сыскной полиціи. Послѣ этого предупрежденія мы вели себя съ осторожностью. Оказывается, нигдѣ такъ не развита тайная полиція, какъ въ Турціи.

Мы проѣхали мимо двухъ первыхъ острововъ Проти и Антигоны, потому что они почти ничѣмъ не замѣчательны. Туристы обычно посѣщаютъ два послѣдніе острова Халби и Принкипо. Мы рѣшили сначала погулять на Принкипо. Весь этотъ островъ въ зелени. Подъ южными лучами жаркаго солнца здѣсь созрѣваютъ персики, апельсины, лимоны, финики. Мы всѣ единогласно согласились обойти кругомъ Принкино. Кто не надѣялся на свои силы, тотъ нанималъ осла. Насъ сопровождалъ о. діаконъ Николай Константинопольской посольской церкви, бывшій студентъ нашей академіи. Дорога вела все время около моря. Восхищаясь растительностью острова, мы незамѣтно подошли къ монастырю св. Николая. Непослѣдалеку отъ монастыря мы купались въ морѣ. Что за прелесть купанье въ морѣ, ни одна роскошная баня и ванна не можетъ замѣнить его! Послѣ купанья мы пошли въ монастырскую ограду, гдѣ находится памятникъ убитыхъ плѣнныхъ русскихъ воиновъ въ 1856—1857 гг. Въ церкви св. Николая насъ встрѣтили настоятель монастыря, архимандритъ и его помощникъ іеромонахъ; братіи совсѣмъ нѣтъ въ монастырѣ. Мы пропѣли: тропарь — «Правило вѣры и образъ кротости» и вѣчную память по убитымъ воинамъ. О. архимандритъ принялъ насъ очень радушно, онъ предложилъ намъ кушать и чай пить. О. архимандритъ и студенты въ любезностяхъ конкурировали другъ предъ другомъ, причемъ переводчикомъ былъ о. діаконъ Николай (архимандритъ—грекъ). Монастырь производитъ очень отрадное впечатлѣніе, содержится на средства рус-

скаго правительства. Попрощавшись съ гостепріимнымъ о. настоятелемъ, мы пошли продолжать свое путешествіе. Мы остановились около одного роскошнаго сада и долго любовались; очевидно, хозяинъ сада замѣтилъ любопытство туристовъ и попросилъ насъ войти въ садъ. Нашимъ восхищеніямъ и восторгамъ не было конца. Мы съ удовольствіемъ съ полчаса наслаждались въ саду. Отсюда мы пошли къ морю, чтобы на лодкахъ переѣхать на островъ Халки.

Островъ Халки поднимается очень высоко надъ уровнемъ моря. На островѣ находится высшая богословская греческая школа и коммерческое училище. На Халки живетъ на покоѣ бывшій патріархъ Никодимъ. Богословская школа находится на самой вершинѣ острова (снаружи островъ имѣетъ видъ холма). Не безъ труда мы дошли до храма высшей богословской науки. Насъ принялъ преосвященный ректоръ школы епископъ Апостоль, грекъ, кончившій курсъ въ Кіевской духовной академіи. Было предложено намъ обычное греческое угощеніе—глико. Епископъ довольно порядочно владѣетъ русскимъ языкомъ, такъ что объяснялся съ нами безъ переводчика. Онъ соболѣзновалъ намъ по поводу неудачъ въ войнѣ съ японцами. Потомъ онъ издали завелъ рѣчь о томъ, что когда де русскіе обращали вниманіе на своихъ братьевъ по вѣрѣ и крови—грековъ, болгаръ и сербовъ, тогда промыслъ Божій направлялъ Россію на лучшее будущее. Такъ же было лѣтъ полсотни тому назадъ, а теперь, господа, сами видите. Рѣчь епископа намъ не понравилась. Лишній разъ пришлось убѣдиться, что Греци льстиви даже до сего дне. По окончаніи бесѣды, мы вышли на террасу полюбоваться видами Халки и окружающимъ моремъ. Мы завидовали жизнью нашихъ коллегъ. Сама природа для нихъ является знаменитѣйшимъ профессоромъ богословскихъ наукъ. Намъ казалось, что живые люди постоянно бесѣдуютъ съ Богомъ, а Ангелы Божіи охраняютъ ихъ отъ всякаго зла; студенты такъ же,

какъ и въ болгарской духовной семинаріи, ходять въ расахъ и камилавкахъ; режимъ строгій.

Сегодня мы порядочно устали, поэтому одна партія экскурсантовъ поспѣшила скорѣе отправиться на пароходѣ на подворье, а другая партія во главѣ съ нашимъ ректоромъ отправилась къ его блаженству патріарху Никодиму, который здѣсь живетъ на покой. Я присоединился къ первой партіи. Товарищи передавали, что патріархъ принялъ экскурсантовъ очень радушно, онъ долгое время жилъ у насъ въ Москвѣ и къ русскимъ привыкъ. На стѣнахъ въ его покояхъ находятся портреты русскихъ Императоровъ и Императриць, особенно онъ чтитъ память Александра III. Будто бы соотечественники патріарха Никодима за любовь и приверженность ко всему русскому называютъ его русскимъ, и онъ за это не обижается.

Дм. Марковъ.

(Продолженіе будетъ).

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Воскресающей Россіи.

(Дума передъ Пасхой).

Христось, Христось воскресь! Воистину воскресь!
Воспойте: живъ Господь и слава въ вышнихъ Богу!
Блеснулъ свободы лучъ и намъ съ родныхъ небесъ!
Осанна! Вайями усыплете дорогу!..
Пойдемъ! свободы лучъ блеснулъ съ родныхъ небесъ;
Побѣду довершимъ при кликахъ всенародныхъ:
„Христось, Христось воскресь!“ Воистину воскресь!
И стала наша Русь землей людей свободныхъ!

(Изъ стихотв. Розенгейма: „19 февраля 1861 г.“).

«Что же это! Проклятая жизнь! Гдѣ же Богъ этой жизни, куда Онъ смотритъ? Проклятая жизнь. Изойти слезами, умереть, уйти! Зачѣмъ жить, когда лучшіе погибаютъ, когда разбита прекрасная форма! Ты понимаешь это отецъ? Нѣтъ оправданья жизни, нѣтъ ей оправданья... Такъ, ломая руки, восклицала женщина, замирая передъ ужасомъ угаснувшей жизни въ сошедшемъ съ ума человѣкѣ¹⁾».

Приведенный отрывокъ изъ извѣстной драмы Андреева, невольно поражающій своимъ контрастомъ со стихами поэта въ эпиграфѣ, весьма характеренъ. Вырвавшіяся болѣзненнымъ стономъ изъ страдающей души слова остались почти безъ отвѣта со стороны того, къ кому были обращены. Но вѣдь этотъ человѣкъ, ученый астрономъ или звѣздочетъ по прозвищу, удалился отъ жизни, заключивъ ее всю въ свою обсерваторію, возвышающуюся надъ его домомъ на горахъ, откуда онъ по временамъ спускался внизъ къ женѣ и дѣтямъ и, какъ возвратившійся

¹⁾ Андреевъ. „Къ звѣздамъ“.

изъ далекаго путешествія странникъ, съ удивленіемъ озирался на поразившія его новости. Для него неожиданно было все, что тогда происходило на землѣ; происходило же здѣсь очень много. Шла ожесточенная борьба людей, борьба за существованіе, за лучшую жизнь, за счастье на землѣ; борьба, вылившаяся въ форму возстанія, гордо поднятое знамя котораго было разорвано врагами. Для молодаго, съ юношескимъ пыломъ и отважнымъ сердцемъ, сына звѣздочета, судьба оказалась злой мачехой: онъ сгорѣлъ въ жару сраженія,— раненый попалъ въ тюрьму и сталъ тамъ томиться, пока не сошелъ съ ума. Отецъ случайно узналъ объ участи сына, въ одинъ изъ своихъ спусковъ съ верху въ низъ краемъ уха услыхавъ упомянутое имя сына и почти безсознательно спросивъ: «что это? Гдѣ Николай?» На утѣшеніе дочери: «не пугайся, отецъ, онъ раненъ, въ тюрьмѣ», ученый останавливается въ недоумѣніи и, разводя руками, удивленно говоритъ: «развѣ тамъ еще убиваютъ? Развѣ тамъ еще есть тюрьмы?» Присутствующимъ не оставалось ничего болѣе, какъ сказать: «съ неба... свалился».

Люди не поняли звѣздочета: онъ не съ неба свалился, а на небо шелъ. Изолированный отъ жизни удаленностью и толщиной стѣнъ своей обсерваторіи, онъ порвалъ съ дѣлами земли почти всѣ связи и не интересовался ничѣмъ. Занятый научными вычисленіями, онъ все время смотрѣлъ на звѣзды, слѣдилъ за безконечнымъ круговращеніемъ свѣтилъ небесныхъ и видѣлъ то, чего не видѣли другіе—вѣчность. Въ бездонной глубинѣ этой вѣчности потонулъ для него весь міръ, и все въ этомъ мірѣ, кромѣ безсмертія, было для него ничто. «Смерть, несправедливость, несчастья, всѣ черныя тѣни земли—вотъ суетныя заботы». И на роковой вопросъ одного изъ своихъ ученыхъ друзей: значить, явись завтра новый Наполеонъ и зажми весь міръ въ желѣзномъ кулакѣ,—это тоже будетъ суетная забота?» онъ спокойно и съ невозмутимымъ равнодушіемъ отвѣчаетъ: «да... я такъ думаю». Ученый звѣздочетъ, все время думающій и стремящійся къ звѣздамъ, былъ «сыномъ вѣчности», которая поглощала своимъ безконечнымъ содержаніемъ всѣ, измѣряемые временемъ, невзгоды жизни и осмысливала для него эту жизнь, хотя бы съ минутнымъ наслажденіемъ ею. «Когда человѣкъ думаетъ только о своей жизни и о своей смерти..., тогда

ему страшно жить и такъ скучно, какъ блохѣ, заблудившейся въ склепѣ». Не думалъ только объ этомъ звѣздо-четѣ, а поѣтому ему не было страшно и скучно жить, и смерть,—ни своя, ни другихъ,—не смущала его. Непонятное для насъ отношеніе отца къ сыну не было бездушнымъ, потому что отецъ думалъ обо всемъ. «Я думаю», говоритъ онъ, «о прошломъ, и о землѣ, и о тѣхъ звѣздахъ, обо всемъ. И въ туманѣ прошлаго я вижу мириады погибшихъ; и въ туманѣ будущаго я вижу мириады тѣхъ, кто погибаетъ, и я вижу космосъ, и я вижу вездѣ торжествующую безбрежную жизнь—и я не могу плакать объ одномъ!» Вотъ гдѣ оправданіе жизни, котораго искала и не нашла женщина (погибшій былъ ея женихъ), проглявъ за то эту жизнь, не нашла потому, что передъ ней не горѣлъ огонь вѣчности, и взоры ея скользили по поверхности земли, не видавъ неба съ его лазурью и звѣздами.

Конечно, нѣтъ оправданія жизни, когда человекъ родится для того, чтобы послѣ смерти исчезнуть безслѣдно! Когда разбитая, изуродованная прекрасная форма заключаетъ въ себѣ все, а за ней и въ ней—нѣтъ ничего. Посмотрите на то, что вокругъ насъ! Морозъ подереть по кожѣ отъ ужасной правды! Къ счастью, мы живемъ въ такой толчеѣ, въ такое кипучее, бурное время, когда почти нѣтъ возможности разобраться въ хаосѣ полученныхъ за день впечатлѣній. Нѣтъ мгновенья, которое не дарило бы насъ неожиданностью. Не успѣешь опомниться отъ одной вѣсти, какъ уже глашатай несетъ другую, за ней слѣдуетъ третья, тамъ четвертая и т. д.—безъ конца. Вездѣ жизнь кипитъ ключемъ. Развилась такая нервозность и чуткость ко всему, что политическій барометръ ежеминутно то опускается, то поднимается, и отъ малѣйшаго колебанія чашка вѣсовъ политическаго равновѣсія уже наклоняется въ другую сторону. Въ стремительно-бурномъ потокѣ начавшагся теченія одни безпринципно плывутъ по теченію, другіе прямо сторонятся отъ жизни, третьи выступаютъ въ роли самоотверженныхъ и погибаютъ на полѣ брани. Политическіе интересы такъ переплелись между собою; участвующіе въ борьбѣ партій поцали въ такой перекрестный огонь, что даже въ сторонѣ стоящему наблюдателю становится жарко и жутко.

Ожесточенная борьба озвѣрѣвшихъ людей, въ которой никто не щадить никого и обливаетъ одинъ другого пѣлыми ушатами грязи, идетъ не даромъ. Ее люди ведутъ все изъ за того же земного счастья, которое каждый понимаетъ по своему. Изъ-за этого счастья воюють люди; изъ-за него они раздѣлились на неисчислимое множество партій, настроили между собой тысячи перегородокъ и боятся перейти за нихъ, не рискуя даже близко подойти къ враждебному лагерю. Всѣ вѣрятъ только въ себя, въ свои планы и силы. Одни говорятъ: удержите старый порядокъ, включите стремительный потокъ жизни въ прежнiе берега,—и тогда все успокоится. Другiе съ ними спорятъ: нѣтъ, перестройте всю жизнь по новому, проройте другое русло для исторiи,—и тогда будетъ конецъ междоусобной войнѣ. Третьи не соглашаются ни съ тѣми, ни съ другими и рассуждаютъ такъ: я умираю съ голоду и мои братья также; постройте по нашему типу царство земное,—и не будетъ голодныхъ, и всѣ заживуть спокойно.

Такъ утѣшаютъ несчастныхъ страдальцевъ земли люди различныхъ подраздѣленiй, предлагая тысячу проектовъ земныхъ царствъ съ подробной регламентацiей правъ и обязанностей ихъ членовъ. И послѣ этого фабрикують еще новые планы какихъ-нибудь оригинальныхъ построенiй.. Но зачѣмъ все это? Зачѣмъ такая суета и хлопоты людей, зачѣмъ тысячи гибнущихъ жертвъ, тысячи энергичныхъ усилiй воли и неимоверныхъ напряженiй мысли, когда «смерть и время царятъ на землѣ»? Смерть съ мрачнымъ ужасомъ холодной могилы и время съ неудержимой быстротечностью своихъ безостановочныхъ моментовъ, поглощающiя въ себѣ все, все обезсмысливають. «Что же это! Проклятая жизнь! Изойти слезами, умереть, уйти. Зачѣмъ жить, когда лучшiе умирають, когда—разбита прекрасная форма?»—Уйти отъ проклятой жизни и закопаться въ тѣсную глубь сырой земли—вотъ единственный исходъ для тѣхъ, кто смотритъ на мiръ съвозъ призмѣ времени и смерти. Надо быть сыномъ въчности, чтобы не быть убитымъ такимъ пессимизмомъ и оправдать ту жизнь, оправданiя которой искали и не нашли сыны времени. Сынъ въчности среди исчезающихъ случайностей мiровой суеты созерцаетъ безсмертiе душъ, носящихъ въ себѣ въчность, и послѣ разрушенiя прекрасной формы—разлагающагося тѣла—сливающихся съ мiровой

жизнью въ безконечно-великомъ, неразрывномъ единствѣ. онъ видитъ, какъ, покорные желѣзной силѣ тяготѣнія, несутся въ пространствѣ по своимъ путямъ безконечные міры, — и надъ всѣми ними господствуетъ одинъ великій, одинъ безсмертный духъ.

Но и сынъ вѣчности напрасно думалъ, что онъ осмыслилъ бытіе, оправдалъ жизнь, и что эта жизнь для него — не проклятіе. Хотя онъ въ свѣтлыхъ перспективахъ тянушагося въ безконечность будущаго и видѣлъ безпредѣльный просторъ, видѣлъ неизсякаемый океанъ творческихъ силъ, созерцалъ мириады погибшихъ и погибающихъ, видѣлъ всюду космосъ и звездъ — торжествующую, безбрежную жизнь, но... онъ думалъ, что сыномъ вѣчности когда-нибудь только еще назовется человекъ, а онъ имъ уже назвался въ составѣ всего человечества, назвался тогда, когда ап. Павелъ закончилъ побѣдный гимнъ воскресшей жизни словами: «смерть! гдѣ твое жало? Адь! гдѣ твоя побѣда?» (1 Кор. 15, 55); назвался тогда, когда воскресъ Христосъ и, поправши смертію смерть, проложилъ людямъ путь на небо и открылъ двери въ вѣчность; когда отъ сотрясенія земли разсыпались могилы, и раскрылись гробы, чтобы возвратитъ восторжествовавшей жизни отнятыя у нея жертвы побѣжденной теперь смерти; сынъ вѣчности искалъ вѣчность въ вѣкахъ и пространствахъ и привѣтствовалъ сына вѣчности, какъ неизвѣстнаго и далекаго друга, но эта вѣчность гораздо опредѣленнѣе и ближе къ намъ, и Тотъ изъ людей, Кто первый пріобщился ей, всегда подлѣ насъ — умертвившій воскресеніемъ смерть Христосъ. Воскресшій Христосъ — вотъ дѣйствительное оправданіе жизни и реальное основаніе личнаго безсмертія, которымъ только и можно осмыслитъ существованіе и взаимнъ котораго у «сына вѣчности» было какое-то неопредѣленное, мутное, съ расплывчатымъ содержаніемъ понятіе универсальнаго безсмертія, коллективной вѣчности, мыслей, чувствъ и дѣлъ людей.

Отрицателей всегда было много, теперь они есть и впередъ они будутъ. Посмотрите, какую картину рисуетъ Евангелистъ: «и сіи, собравшись со старѣйшинами и сдѣлавши совѣщаніе, довольно денегъ дали воинамъ и сказали: скажите, что ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали, и если слухъ объ этомъ дойдетъ до Правительства, мы убѣдимъ его и васъ отъ неприятности из-

бавимъ; они, взявши деньги, поступили, какъ научены были. И пронеслось слово сіе между іудеями до сего дня» (Матѣ. 28, 12—15).—Честолюбивая, фарисейская гордость и мелочное самолюбіе іудеевъ привели Христа на Голгоу, возвели Его на эшафотъ и пригвоздили ко кресту. Но разбушевавшимся стихіямъ человѣческихъ страстей этого было мало: движимые ненавистью и злобой противъ Того, Кто называлъ Себя Царемъ Израиля и Кого полюбилъ народъ, люди захотѣли вдвойнѣ убить Христа. Имъ надо было теперь совершенно уничтожить Христа, а Его Божественный обликъ вырвать изъ довѣрчивой и признательной души народа. И вотъ они рѣшили украсть Христа у человѣчества. Преступный замыселъ былъ чудовищно-грандіозенъ и кошунственно-ужасенъ. Но обозленное честолюбіе въ союзъ съ подоспѣвшимъ къ нему на помощь сребролюбіемъ, осуществляетъ его... и у многихъ людей воскресшаго Спасителя не стало. Но вѣдь это была клевета, безчестная выдумка безсильныхъ въ своей безмѣрной злобѣ злыхъ людей, которой трудно, а лучше—невозможно было повѣрить.—И за все послѣдующее время историческаго христіанства не перестаютъ появляться люди, которые по самымъ разнообразнымъ мотивамъ говорятъ, что Христось не былъ Богомъ, что чудеса Христовы—это что-то въ своемъ родѣ весьма простое и обыкновенное, что воскресеніе Христа—фальсификація самого зауряднаго и естественнаго явленія природы и т. д. Они также во второй разъ убиваютъ Богочеловѣка и крадутъ Его у людей. Но безъ Него и имъ плохо: они должны погибнуть въ отчаяніи безысходнаго пессимизма и молча смириться передъ всеуничтожающей адской силой безпощадной смерти,

Смерть такъ говоритъ словами одного поэта о своемъ владычествѣ надъ вселенной:

Все мое—и плодъ и сѣмя,
 Безконечна власть моя.
 Покорись сѣдое время,
 Я—владычица твоя.
 Все мое! Я всѣмъ владѣю,
 Что родится, то умретъ;
 Все подъ властію моею,
 Все въ гробахъ моихъ сгніетъ ¹⁾.

¹⁾ Изъ стихотв. Губера: „Смерть и время“.

Безъ Христа людямъ ничего не оставалось бы дѣлать, какъ подписаться подъ этими самохвальными словами смерти, гордой сознаниемъ своего могущества и властвующей надъ всѣмъ въ мірѣ. Безъ воскресшаго Христа, воскресившаго съ Собой людей, жалки были бы эти люди со своими игрушечными попытками устроить на землѣ счастье, основавъ царство любви, равенства, свободы и братства. Тогда бы въ безсмыслицу обратилась вся та ожесточенная борьба, которую люди, устилая дорогу трупами, ведутъ цѣлые вѣка, приспособляясь къ жизни и отстаивая права на существованіе. Тогда пустой игрушкой, забавой для развлечения была бы вся масса того труда, энергіи и инициативы, которые люди вкладываютъ въ устройство лучшаго уклада жизни. Тогда бы сразу обезцѣнилась и свелась къ нулю вся та кипучая и могучая работа творческихъ силъ пробудившагося политическаго самосознанія русскаго народа, которая должна воскресить Россію, создать новую Русь на развалинахъ старой... Смерть безъ воскресенія обезсмысливаетъ все въ торопливости и суматохѣ людей, заботящихся о жизни, страстно желающихъ и добивающихся чего-то... Да, если все кончается послѣднимъ вздохомъ умирающей души, и живое въ человѣкѣ простирается только до молотка, забивающаго гвозди въ гробовую крышку, тогда не будетъ большой бѣды — замуравить въ могилу и сразу всѣхъ живущихъ на землѣ, потому что рано или поздно, а придется землей же засыпать всякую жизнь. И нечего тогда, дѣйствительно, понапрасну растрчивать энергію и силы на выработку такого уклада жизни, который кажется наилучшимъ и который дается людямъ цѣною величайшихъ усилій мысли и воли и выходитъ на свѣтъ послѣ страшныхъ мукъ рожденья. Не все ли равно, такъ или иначе будутъ люди жить въ короткій промежутокъ своего земного странствованія до времени, когда неизбѣжнымъ, хотя и бессмысленнымъ, актомъ смерти обезцѣнять свое существованіе и покончатъ всѣ счеты съ жалкой жизнью, разбивъ о каменную плиту надгробнаго памятника лобъ своей житейской глупости.

Ни одинъ человѣкъ не рѣшится на такую отважную вылазку, чтобы довести до послѣднихъ предѣловъ своего сознанию безсодержательность міроваго бытія: тогда нельзя будетъ ему жить и по неволѣ придется обращаться за

услугами къ смерти. Вотъ здѣсь то и нужна людямъ загробная жизнь съ воскресшимъ Христомъ, Который обезсмертилъ человѣка и самымъ дѣломъ ввелъ его въ предѣлы вѣчности. Вотъ чего не доставало звѣздочету, не настоящему сыну вѣчности; и вотъ почему онъ со своею, находимую имъ въ вѣкахъ и пространствахъ, вѣчностью, не имѣлъ оправданія жизни. Только вѣра въ воскресшаго Бога и Человѣка, воскресившаго людей и сдѣлавшаго ихъ дѣйствительными сынами вѣчности, даетъ жизни то, чѣмъ можно оправдать ее и изъ проклятiя обратить въ благословенiе.

Только эта вѣра можетъ воодушевить и влить новыя, свѣжія силы въ тѣхъ, кто взялъ на себя великую, отвѣтственную миссію оздоровленія души народной и созиданія обновленнаго русскаго государства. Только при такой вдохновляющей вѣрѣ въ свое безсмертіе можемъ мы воскресить Россію истиннымъ, а не призрачнымъ «обновленіемъ» жизни во всѣхъ сторонахъ ея общенароднаго проявленія. И мы вѣримъ, что Христось, воскресившій людей для вѣчности, поможетъ воскреснуть и нашей родинѣ для новой, справедливой, доброй жизни. Русскимъ нельзя не вѣрить въ воскресеніе Христа и мертвыхъ. Невольно вспоминаются здѣсь вдохновенныя слова поэта:

«Блаженъ, кто вѣритъ въ наше время,
 Что не настолько одряхлѣлъ
 Нашъ жалкій міръ, чтобъ не сумѣлъ,
 Въ концѣ концовъ, онъ сбросить бремя
 Всесокрушающаго зла,—
 Той страшной ржавчины рутины,
 Что крѣпко вѣвласть намъ въ тѣла
 И гнетъ позорно наши спины.
 Блаженъ, кто вѣрою такой
 Въ себѣ питаетъ духъ и тѣло
 И, въ жертву ей убивъ покой,
 Идетъ впередъ наивно—смѣло»¹⁾.

Но воодушевляясь вѣрой въ воскресшаго Христа въ своей творчески созидательной дѣятельности, надо уже и идти за Христомъ: слѣдуетъ начинать съ царства Божія, въ свою очередь, начинающагося съ преобразованія души

¹⁾ Изъ стихотв. Вейнберга: „Блаженъ, кто вѣритъ въ наше время“.

человѣка. Этого царства Божія надо искать прежде всего, зная, что съ наступленіемъ его будетъ у насъ и все остальное. Когда люди найдутъ это, внутри ихъ находящееся царство Божіе и явившееся въ міръ съ появленіемъ въ немъ Христа; когда они будутъ любить враговъ и перестанутъ ненавидѣть братьевъ; не будутъ дѣлать другимъ того, чего бы не хотѣли, чтобы имъ дѣлали,—тогда жизнь устроится сама собой и свободно волеетъ свое новое содержанье въ новыя, совершеннѣйшія формы, и всѣ заживутъ спокойно, не опасаясь, какъ хищныхъ звѣрей, людей, ведущихъ страшную борьбу конкуренцій и протягивающихъ руки за хлѣбомъ, давя другъ друга. Тогда будутъ всѣ жить и умирать безъ смущенія и безъ проклятія угаснувашаго бытія, ожидая своего воскресенія для бессмертной жизни и вѣчности въ воскресшемъ Христѣ. Вотъ почему людямъ должно быть дорого царство Божіе, оставленное имъ въ наслѣдіе воскресшимъ и вознесшимся Христомъ, а нами часто промѣняваемое на чечевичную похлебку, и вотъ почему они должны искать этого царства прежде всего, прежде всѣхъ царствъ земныхъ, человѣческихъ. Только сдѣлавшись членами царства Божія и сильныя сознаніемъ своего безсмертія въ вѣчности воскресшаго Христа, люди найдутъ оправданіе жизни и смыслъ въ той энергично кипучей, хлопотливой дѣятельности, посредствомъ которой они перестраиваютъ свою жизнь по новому.

«Придетъ пора,
 Всѣ возродимся снова мы
 Изъ нѣдръ и тлѣнія и тьмы
 Для правды и добра.
 Такъ сѣй святая сѣмена!
 Придетъ желанная весна:
 И братство, и любовь
 Весь міръ сплотятъ въ семью одну,
 И мы, встрѣчая ту весну,
 Соединимся вновь.
 И вѣрь, во дни эпохи той,
 Создастся громкій и святой
 Глаголь самихъ небесъ,—
 Не только словомъ на устахъ,
 Но глубоко въ людскихъ сердцахъ—
 Воскресъ Христось, воскресъ!»¹⁾

¹⁾ Изъ стихотв. Пальмина: „Воскресная цѣсна“.

Ожидая встрѣчи желанной весны и насаждая святая сѣмена новой жизни въ любви со всѣми, хочется звать къ работѣ въ тѣсномъ содружествѣ...

«Проклятая жизнь! Гдѣ же Богъ этой жизни, куда Онъ смотреть?»—Такъ спрашиваютъ подавленные печальною дѣйствительностью люди. Вотъ отвѣтъ: Богъ этой жизни на небѣ и смотреть Онъ съ неба на землю, чтобы съ земли возвести людей на небо въ вѣчность по пути безсмертія. «Зачѣмъ жить, когда лучшіе погибаютъ, когда—разбита прекрасная форма!» еще восклицаютъ они. А христіанинъ имъ скажетъ: жить нужно затѣмъ, чтобы, имѣя неразрушимую душу и безсмертный духъ, послѣ смерти тѣла воскреснуть въ воскресшемъ и насъ воскресившемъ Христѣ, Богочеловѣкѣ.

И только тогда, когда мы въ точкѣ зенита восходящаго надъ торжествующей всюду безбрежной жизнью солнца и надъ міриадами безчисленныхъ міровъ поставимъ воскресшаго Христа, осмысливающаго бытіе, только тогда мы будемъ въ правѣ воскликнуть вмѣстѣ съ сыномъ вѣчности и сказать его же словами: «Умираютъ только звѣри, у которыхъ нѣтъ лица... Нѣтъ смерти для человѣка, нѣтъ смерти для сына вѣчности!»

П. Н. К.

Отъ словъ къ дѣлу.

Девять часовъ вечера—часъ, съ котораго очень часто начинаютъ собираться къ преосвященному ректору академіи студенты для братской бесѣды за стаканомъ чаю. И въ этотъ день, какъ и во многіе другіе дни, вокругъ большого стола всѣ мѣста были заняты студентами. На столѣ тихо шумитъ громаднхъ размѣровъ самоваръ, мягкой огонь пятисвѣчника освѣщаетъ молодыя, полныя жизни, силъ и юношеской энергіи, лица студентовъ, окружающихъ столъ. Здѣсь обычно ведется оживленная бесѣда на разныя темы религіозно-нравственнаго, философскаго и современнаго церковно-общественнаго характера.

Въ тотъ вечеръ, съ котораго я хочу начать свое повѣствованіе, бесѣда была необычно оживлена. Рѣчь шла

объ образованіи среди студентовъ тѣсно сплоченнаго кружка съ цѣлю самовоспитанія и приготовленія себя на служеніе дѣлу Христову. Много говорили о неподготовленности нашихъ молодыхъ пастырей къ своему высокому и отвѣтственному служенію, говорили о томъ, что семинарія мало даетъ своимъ питомцамъ для будущаго пастырства, а въ современныхъ академіяхъ мало кто и интересуется предметами, относящимися къ пастырскому служенію. Все это указываетъ на необходимость самостоятельной работы въ дѣлѣ приготовленія себя къ будущему общественному служенію.

На этомъ собраніи стало извѣстно, что среди студентовъ уже существуетъ небольшой кружокъ проповѣдниковъ, которые, желая подготовить себя къ будущему общественному служенію словомъ, начали уже произносить проповѣди въ академическомъ храмѣ за службами съ общенароднымъ пѣніемъ. Среди присутствующихъ нашлись желающіе присоединиться къ нимъ, и такимъ образомъ образовался проповѣдническій кружокъ.

Въ средѣ собравшихся находился молодой монахъ, который обладалъ хорошими организаторскими способностями и, будучи еще свѣтскимъ человѣкомъ, во время пребыванія своего въ культурныхъ центрахъ Запада, имѣлъ возможность познакомиться со многими христіанскими организаціями. Онъ предложилъ выработать уставъ новаго кружка и попросилъ позволенія приготовить къ слѣдующему собранію небольшой докладъ о христіанскихъ организаціяхъ на Западѣ. Собравшіеся выразили свое удовольствіе по поводу предложенія о. Христофора, — такое имя носить этотъ монахъ, — и занялись здѣсь же распределеніемъ проповѣдей на будущую недѣлю между изъявившими желаніе участвовать въ этомъ дѣлѣ. Желающихъ нашлось такое количество, что всѣмъ имъ въ теченіе недѣли нельзя было говорить въ академическомъ храмѣ, а потому рѣшили просить разрѣшенія у настоятелей посадскихъ церквей произносить проповѣди въ ихъ храмахъ, когда не будутъ проповѣдывать они сами. Такъ началъ свое существованіе проповѣдническій кружокъ, который въ настоящее время уже имѣетъ правильную организацію. — Проповѣди произносятся въ академическомъ храмѣ и въ посадскихъ храмахъ: Рождественскомъ, Петропавловскомъ, Ильинскомъ и иногда въ Никольскомъ. При каж-

домъ храмъ есть группа студентовъ, которые и распределяютъ между собою порядокъ произношенія и темы проповѣдей. За рѣдкими исключеніями проповѣди произносятся безъ тетрадки. Эта живая бесѣда производитъ сильное впечатлѣніе на присутствующихъ въ храмъ, и народъ начинаетъ уже такъ привыкать къ живой проповѣди за церковнымъ богослуженіемъ, что остается недовольнымъ, когда по болѣзни или по какимъ-либо другимъ причинамъ не бываетъ проповѣди.

Прошла недѣля... Студенты собрались снова въ квартиру преосвященнаго. Прежде всего былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности за протекшую недѣлю проповѣдническаго кружка: кто, въ какихъ храмахъ, на какія темы произносилъ проповѣди, какое впечатлѣніе произвела проповѣдь на слушателей, какъ приняли проповѣдниковъ приходскіе священники. Затѣмъ о. Христофоромъ былъ прочитанъ небольшой рефератъ о внутренней миссиі въ Германіи. Референтъ познакомилъ съ существованіемъ самыхъ разнообразныхъ христіанскихъ организацій и союзовъ. Особенное вниманіе обратилъ на себя — «союзъ дѣтей». Здѣсь нѣкоторыми изъ присутствующихъ были сдѣланы сообщенія о бѣдственномъ существованіи въ Попадѣ дѣтей, едва имѣющихъ пріютъ, безпризорныхъ, полуголодныхъ, полураздѣтыхъ, живущихъ въ невозможныхъ нравственныхъ и гигиеническихъ условіяхъ. Говорили о томъ, какъ они растутъ, чѣмъ питаются ихъ души съ ранняго дѣтства, и что поэтому получается изъ нихъ, когда они возмужаютъ. Главной ихъ воспитательницей является улица съ ея развращающимъ вліяніемъ. Здѣсь они съ раннихъ лѣтъ привыкаютъ къ пороку, къ брани скверными словами, привыкаютъ къ попрошайничеству, а иногдѣ и хуже того — начинаютъ воровать. Дома отъ родителей и родственниковъ они не видятъ ни привѣта, ни ласки — на нихъ смотрятъ не какъ на Божіе благословеніе, а какъ на непосильное бремя. Хорошему имъ негдѣ научиться. Въ церкви они почти не бываютъ, потому что не съ кѣмъ имъ и пойти туда, хорошихъ примѣровъ они не видятъ: отецъ бываетъ дома только въ праздники и большею частію въ нетрезвомъ видѣ; мать, часто сама не получившая хорошаго христіанскаго воспитанія, да еще замученная непосильною работою, болѣзнями, тяжелою нуждою, не въ состояніи слѣдить за воспитаніемъ своихъ дѣтей.

Такъ дѣти и растутъ подъ развращающимъ вліяніемъ улицы. Указывали и на то, что эти дѣти по бѣдности своихъ родителей не посѣщаютъ школы и лишены возможности научиться даже читать и писать.

Притти на помощь этимъ дѣтямъ, вырвать ихъ изъ той грязи физической и главнымъ образомъ нравственной, дать имъ увидѣть просвѣтъ жизни, дать имъ возможность хотя нѣсколько часовъ въ сутки подышать чистымъ воздухомъ, увидѣть ласку, услышать доброе слово, — эти мысли, внушаемая любовью къ невиннымъ Божиимъ созданіямъ, зароились въ молодыхъ умахъ присутствующихъ. Среди собравшихся нашлись любители занятій съ дѣтьми, нашелся и руководитель священникъ—отецъ троицкихъ дѣтей, бывшій наблюдатель церковно-приходскихъ школъ, человекъ въ педагогическомъ дѣлѣ весьма опытный.

Рѣшили начать съ того, что въ ближайшій праздникъ (Введеніе во храмъ Пресвятой Богородицы) члены проповѣдническаго кружка будутъ говорить проповѣди о важности дѣла воспитанія и обученія дѣтей и пригласятъ бѣдныхъ родителей въ слѣдующее воскресенье приводить своихъ дѣтей въ рождественскую церковно-приходскую школу.

21 ноября по всѣмъ посадскимъ церквамъ было возвѣщено о зарождающемся добромъ дѣлѣ, — въ академическомъ храмѣ проповѣдь произносилъ самъ руководитель новаго дѣла, священникъ о. Іоаннъ Васильевъ. Въ своей проповѣди относительно программы, устава, средствъ и дѣятельности будущаго «союза» онъ говорилъ: «наша программа—св. евангеліе, нашъ уставъ—заповѣдь о любви къ ближнему, наши средства—но ихъ пока ровно столько, сколько ихъ было у св. апостоловъ, когда Господь послалъ ихъ на проповѣдь. Но мы не смущаемся, говорилъ онъ дальше, мы сильны вѣрою въ Божественное промышленіе, вызвавшее изъ небытія къ бытію наше доброе дѣло; мы твердо вѣруемъ въ правоту, полезность и благотворность нашего дѣла для общества, мы, наконецъ, сильны вѣрою въ наши молодыя силы, коихъ не намѣрены жалѣть въ борьбѣ съ улицей и порокомъ». Послѣ воодушевленной проповѣди маленькій мальчикъ пошелъ по церкви съ кружкой собирать на «союзъ дѣтей». Собрано было 18 рублей. Съ этой ничтожной суммой, но съ громаднымъ запасомъ энергии, молодыхъ силъ, знанія, а главное любви къ дѣлу и начали юные труженики.

Въ первое воскресенье послѣ Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы въ рождественской церковно-приходской школѣ было необычное для праздника оживленіе—школа была полна дѣтьми, но дѣтьми не такими, какихъ привыкла видѣть въ своихъ стѣнахъ эта благоустроенная школа. Здѣсь собрались на этотъ разъ не прилично и тепло одѣтыя и хорошо обутыя дѣти, сюда пришли дѣти полураздѣтыя и едва обутыя, худосочныя отъ постоянного недоѣданія, дѣти улицы, едва имѣющія уголь въ какой-либо грязной каморкѣ. Попавши въ чистое, свѣтлое и высокое помѣщеніе, они чувствовали себя несвободно.—

Среди собравшихся дѣтей большинство, какъ и нужно было ожидать, оказались неграмотными, а потому здѣсь же явилась мысль о ежедневныхъ занятіяхъ съ ними, такъ какъ занятія черезъ недѣлю принесутъ мало пользы, а главное—нравственно-воспитательное вліяніе этихъ собраній на дѣтей будетъ сведено къ нулю, и цѣль образованія общества дѣтей не будетъ достигнута. Желаящіе пожертвовать своимъ трудомъ въ пользу несчастныхъ дѣтей нашлись здѣсь же, да надѣялись, что и еще среди студентовъ найдется нѣсколько человѣкъ, которые согласятся притти на помощь безпризорнымъ и заброшеннымъ дѣтямъ, и рѣшили открыть ежедневныя занятія съ дѣтьми. Но здѣсь встрѣтилось затрудненіе — гдѣ найти помѣщеніе для ежедневныхъ занятій? Въ рождественской школѣ—свои занятія, въ академіи нѣтъ мѣста, а снимать помѣщеніе не на что—въ распоряженіи участниковъ этого дѣла было только 18 рублей, изъ которыхъ въ этотъ же день было израсходовано около трехъ рублей, чтобы накормить голодныхъ дѣтей. Положеніе было очень тяжелое. Съ одной стороны желаніе притти на помощь обездоленнымъ, заброшеннымъ, безпризорнымъ дѣтямъ, съ другой — отсутствіе помѣщенія, въ которомъ можно было бы собирать дѣтей, и средствъ для того, чтобы снять гдѣ-либо помѣщеніе для занятій. Положившись на волю Божию, съ вѣрой въ то, что доброе дѣло не можетъ заглухнуть, съ надеждой на помощь отъ добрыхъ людей, рѣшили, не смущаясь минимальностію средствъ, искать квартиру, а пока собирать дѣтей въ академической школѣ и въ квартирѣ учителя вести съ ними занятія. Нужно было видѣть съ какою радостію, съ какимъ восторгомъ дѣти собирались въ эту новую импровизированную школу,

гдѣ не было ни книгъ, ни партъ, ни вѣсной доски. Но Богъ не оставляетъ въ добромъ дѣлѣ, Онъ посылаетъ сердечныхъ людей, которые поддерживаютъ и помогаютъ развиваться всему хорошему. Такъ было и съ этимъ дѣломъ. Совершенно случайно узнали, что въ городскомъ училищѣ есть старые парты, которыя стоятъ безъ употребленія, и когда обратились къ начальству, то оно съ удовольствіемъ передало эти парты въ новую зарождающуюся школу; тамъ же были найдены и классныя доски. Когда нашлась школьная обстановка, то сняли подходящую для школы квартиру и перевели въ нее дѣтей.—Далѣе сердце участниковъ болѣло за то, что дѣти, не дождавъ и не допивая дома, голодными уходятъ и изъ школы; хотѣлось, чтобы хотя въ обѣденное время дать имъ чашку чаю съ хлѣбомъ, а еще лучше было бы накормить горячими щами. Стали думать, гдѣ бы достать дѣтямъ что-нибудь для обѣда. Рѣшили обратиться къ намѣстнику Троицкой Лавры и попросить, чтобы онъ разрѣшилъ выдавать изъ страннопріимной ведро щей для голодныхъ дѣтей. Но увы: это оказалось неудобнымъ. Богъ и здѣсь пришелъ на помощь, несчастнымъ дѣтямъ: Онъ расположилъ сердца добрыхъ людей, и въ «дѣтскій союзъ»¹⁾ стали присылать все необходимое для школы и голодныхъ дѣтей. Такъ въ скоромъ времени прислали большой самоваръ, четыре дюжины чашекъ, нѣсколько учебныхъ книгъ, небольшой подержанный шкафъ, чаю, сахару, ведро капусты, мѣру картофеля, поношенные костюмы, нѣсколько десятковъ аршинъ ситца на рубашки мальчикамъ и на платья дѣвочкамъ. Студенты жертвовали карандаши, бумагу, перья, ручки, поношенные тужурки и пр., и пр. Черезъ нѣкоторое время въ «союзъ дѣтей» приняли близкое участіе посадскія дамы и барышни, которыя кромѣ занятій съ дѣтьми стали имъ шить изъ присланнаго ситца рубашки и платья.

Время близилось къ святкамъ и въ средѣ участниковъ дѣтскаго союза стали говорить о рождественской елкѣ для дѣтей, на которой и можно было бы раздать имъ новыя рубашки и платья и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить дѣтямъ

¹⁾ Подъ такимъ именемъ извѣстно новое учрежденіе, о которомъ идетъ рѣчь.

праздничное удовольствіе, а если кто-либо пришлетъ, то раздать дѣтямъ и гостинцы. Эту мысль близко къ сердцу приняли дамы и барышни, симпатизировавшія «союзу дѣтей» и къ празднику было прислано достаточное количество и конфектъ и пряниковъ. Учителя и учительницы успѣли разучить съ дѣтьми нѣсколько стихотвореній, пѣсенокъ и игръ для елки.—Къ празднику дѣти уже стали терять свою робость и забитость.

До праздника Рождества Христова съ дѣтьми занимались менѣе мѣсяца, но несмотря на короткій срокъ, несмотря на многія неблагопріятныя обстоятельства для занятій, къ празднику дѣти почти всѣ уже читали, считали въ предѣлахъ трехъ десятковъ и знали нѣсколько молитвъ. Вотъ что значитъ любовь къ дѣлу и усердіе!

Но эта любовь и преданность дѣлу помощи безпризорнымъ дѣтямъ сдѣлала и еще болѣе. Это безкорыстное служеніе меньшимъ братьямъ обратило на себя вниманіе мѣстной интеллигенціи и посадскихъ купцовъ, и въ очередномъ засѣданіи думы городъ рѣшилъ притти на помощь этому новому просвѣтительному-благотворительному учрежденію. Въ думѣ постановили дать для «союза дѣтей» бесплатное помѣщеніе съ отопленіемъ и кромѣ того обѣщано на будущее время заготовить и провизіи на зиму—мапуты, картофеля и хлѣба. Такъ съ самыхъ первыхъ шаговъ Богъ помогаетъ этому дѣлу и посылаетъ черезъ добрыхъ людей поддержку.

Нѣкоторые посадскіе обыватели стали обвинять завѣдующихъ приѣмомъ дѣтей въ томъ, что они, кромѣ дѣтей дѣйствительно бѣдныхъ дѣтей, принимаютъ и дѣтей такихъ родителей, которые были бы въ состояніи отдать своихъ дѣтей въ другія школы и платить за нихъ. Такое обвиненіе побудило участниковъ «союза дѣтей» скорѣе ознакомиться по самымъ квартирамъ съ положеніемъ своихъ учениковъ. Два студента взяли адреса учениковъ и пошли по ихъ домамъ. Трудно передать на словахъ тѣ картины бѣдности и убожества, которыя пришлось увидѣть въ этихъ домахъ. Прежде всего и съ адресами въ рукахъ очень трудно было найти тѣ квартиры, гдѣ жили родители этихъ дѣтей: приходилось по нѣскольку разъ приходиться въ домъ, указанный по адресу, и уходить напутствуемыми увѣреніями, что въ домѣ такихъ жильцовъ, какихъ спрашивали, не находится. Оказывается, что ихъ и не считаютъ за

жильцовъ: они живутъ въ подвалахъ, куда едва проникаетъ Божій свѣтъ, они живутъ въ такой ужасной обстановкѣ, что трудно себѣ и представить. Я попытаюсь описать квартиру семейства одного изъ мальчиковъ «союза дѣтей».—Подвалъ двухъэтажнаго дома. Изъ темнаго прохода въ маленькую каморку ведетъ обитая лохмотьями дверь съ покосившимися косяками. При тускломъ свѣтѣ, который едва проникаетъ сквозь покрытие слоемъ грязи стекла маленькаго оконца, наполовину ушедшаго въ землю, можно было разсмотрѣть слѣдующее. Направо отъ входа русская печь—она занимаетъ треть каморки, налѣво лежитъ куча тряпокъ, около передняго угла стоитъ небольшой сундукъ, на которомъ сидитъ разутая и въ изорванномъ платьѣ дѣвочка лѣтъ восьми, на рукахъ у нея былъ мальчикъ лѣтъ трехъ—на немъ была надѣта одна рубашенка совершенно грязная. Немного правѣе стоитъ столъ сколоченный изъ нѣсколькихъ досокъ, промежутки между которыми заполнены грязью, — на немъ остатки вчерашняго ужина: два обкусанные куска хлѣба, недоѣденный соленый огурецъ, деревянная миска съ невымытыми ложками. Около стола притихли при нашемъ появленіи двое маленькихъ дѣтей: они должно быть бѣгали вокругъ стола; одѣтые въ изорванные рубашки они были босы, несмотря на то, что полъ былъ съ большими щелями, въ которыя несомнѣнно шель холодный воздухъ. Отецъ этихъ дѣтей кололъ дрова по найму, мать панималась мыть полы—обоихъ ихъ не было дома. Въ этой маленькой, низкой, грязной — полъ должно быть никогда не мылся и не моется — полутемной, полухолодной каморкѣ ютятся семь человѣкъ, а мнѣ казалось, что здѣсь и трое съ трудомъ могли бы помѣститься. И при осмотрѣ квартиръ другихъ семей, изъ которыхъ дѣти ходятъ учиться въ школу «союза дѣтей», мы встрѣчали много, подобныхъ только что описанной.

Вотъ дѣти такихъ-то семей и домовъ и собраны въ «союзъ дѣтей», гдѣ ихъ учатъ первоначальной грамотѣ, Закону Божию, кормятъ горячимъ обѣдомъ и по возможности замѣняютъ ихъ изорванные костюмы болѣе твердыми и теплыми, а худые сапоги новыми или хотя и подержанными, но все-таки твердыми.

Въ настоящее время въ «союзѣ дѣтей» находится около 60-ти человѣкъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Для удобства за-

занятій они раздѣлены на четыре группы. Съ ними занимаются двѣнадцать учителей студентовъ и четыре учительницы съ среднимъ образованіемъ. При «союзѣ» образовался дамскій комитетъ, состоящій изъ интеллигентныхъ дамъ Сергіева Посада, которыя раздѣлили между собой труды по хозяйственной, гигиенической части и обучаютъ дѣтей рукодѣлю, онѣ же стараются изыскивать средства къ существованію «союза дѣтей» и сами помогаютъ собственными средствами. Собранія дамскаго комитета происходятъ каждое воскресенье въ помѣщеніи «союза дѣтей».

Я опишу какъ проходитъ день въ «союзѣ дѣтей». Въ девятомъ часу утра дѣти начинаютъ собираться въ школу «союза дѣтей». Идутъ со всѣхъ концовъ посада, вся бѣдность собирается подъ одинъ кровъ, и въ 8¹/₂ часовъ совершается утренняя молитва. Въ классѣ въ переднемъ углу предъ иконой теплится лампада. Послѣ молитвы начинаются занятія. Въ 12 часовъ бываетъ обѣдъ для дѣтей. Къ этому времени завѣдующая столомъ дама или барышня готовитъ всѣмъ дѣтямъ чернаго хлѣба и раскладываетъ на обѣденномъ столѣ по числу пришедшихъ дѣтей. Послѣ общаго пѣнія молитвы дѣти рассаживаются вокругъ стола и имъ подаютъ горячее — щи или картофельный супъ, вторымъ блюдомъ бываетъ гречневая каша съ масломъ. Послѣ обѣда дѣти, пропѣвши молитву, въ продолженіи получаса гуляютъ, а затѣмъ снова начинаютъ заниматься, и занятія продолжаются до четвертаго часа.

Занятія ведутся не только въ будни, но и въ праздничные дни. Въ праздничные дни занятія начинаются послѣ 12 часовъ, когда дѣти вернутся изъ церкви отъ литургіи ¹⁾. Въ праздничные дни съ дѣтьми ведутся религиозно-нравственные бесѣды, они обучаются рукодѣлю подъ руководствомъ опытной учительницы и слушаютъ рассказы изъ естественной исторіи. — Собранія дѣтей по праздникамъ преслѣдуютъ главнымъ образомъ нравственно-воспитательную цѣль — отвлечь дѣтей отъ улицы и дать имъ возможность провести праздничный день по христіански.

Да поможетъ Господь этимъ благимъ начинаніямъ!

Д. Радонежскій.

¹⁾ Подъ надзоромъ одной или двухъ учительницъ дѣти собираются къ литургіи въ академическую церковь.

СОДЕРЖАНІЕ I ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1907 г.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ и АПРѢЛЬ.

Стран.

Благослови вѣнецъ лѣта благодсти твоея Господи.
(Съ картины Васнецова).

1. О ВНУТРЕННЕМЪ ОБНОВЛЕНІИ. Свящ. Арсенія Разу-
микина. 3—6
2. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЛЕОНИДА, АРХІ-
ЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО. 7—20
169—185 323—335
3. УРОКИ И ПРИМѢРЫ ИЗЪ ИСТОРИИ ДРЕВНИХЪ СОБО-
РОВЪ — ПРИМѢНИТЕЛЬНО КЪ ПРЕДСТОЯЩЕМУ ВСЕ-
РОССІЙСКОМУ СОБОРУ. Проф. А. П. Лебедева. 21—62
4. ДЕНЬ У ОТЦА ГЕОРГІЯ КОССОВА. (Изъ воспоминаній о
повздіи въ с. Спасъ-Чокрагъ). Н. И. Д—скаго. 63—82
Послѣднія минуты св. Филиппа митрополита. (Съ
картины Новоскольцева). Къ 9-му января.
5. ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ. (Изъ дневника вдова). А. І.. 83—88
214—220 360—366 517—523
6. АРХІЕРЕИ ПЕТРОВСКОЙ ЭПИХИ ВЪ ИХЪ ПЕРЕПИСКѢ
СЪ ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ. А. Титова. 89—100
221—243 549—557
7. УЧЕНІЕ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА О СОБСТВЕННОСТИ.
Свящ. Іоанна Говядовскаго. 101—113
196—208 372—388 605—613
8. ПИСЬМА АРХІЕПИСКОПА КАЛУЖСКАГО ГРИГОРІЯ КЪ
ІГУМЕНІИ НИКИТСКАГО МОНАСТЫРЯ ПАИСИ. 114—118
288—290 404—406
9. ПАМЯТИ СКРОМНАГО ДѢЯТЕЛЯ. (Изъ исторіи Москов-
скаго Синодальнаго училища церковнаго пѣнія). Н. Каш-
кина. 119—126
Спасеніе ап. Петра. (Съ картины Плоггорста). Къ 16-му
января.
10. НРАВСТВЕННОСТЬ И НАУКА О НРАВСТВЕННОСТИ.
Ив. Николина. 127—136

11. ТИПЫ ПРАВОСЛАВНАГО РУССКАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ СВѢТСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ (1905—1906 гг.). Свящ. Н. А. Колосова..... 136—147
244—259
12. УРОКИ ХРИСТИАНСКАГО ДѢЛАНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО. (Къ 28-му и 29-му января). А. Зеландъ (онъ же А. Кодратовъ)..... 148—151
13. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Правда жизни. И. П. Н.—Христось, Евреи и Мессія. (Нѣсколько мыслей по поводу книги Г. С. Чамберлена: „Явленіе Христа“). Павла Росіева.—Отрадное явленіе. Д. Радонежскаго..... 152—167
14. ИСЦѢЛЕНІЕ ПО МОЛИТВѢ КЪ ПРЕПОДОБНОМУ СЕРАФИМУ, САРОВСКОМУ ЧУДОТВОРЦУ. Сообщ. Протоіерей Русской, въ Берлинѣ, церкви А. П. Мальцевъ. 186—195
15. УРОКИ ХРИСТИАНСКАГО ДѢЛАНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО. (Къ 10-му февраля—дню памяти преподобнаго отца нашего Прехора чудотворца). А. Зеланда..... 209—213
16. ЧТО ТАКОЕ ПРАВДА? Ив. Николина..... 260—268
17. БЛАЖЕННЫЙ СОФРОНІЙ, 3-й ЕПИСКОПЪ ИРКУТСКІЙ. Протоіерей Милія Чифранова, настоятеля Свято-троицкой церкви при Императорскомъ Россійскомъ Генеральномъ Консульствѣ въ г. Ургѣ..... 269—273
18. СЧАСТЬЕ И ХРИСТИАНСТВО. * * *..... 274—287
425—434
19. ЭКСКУРСІЯ СТУДЕНТОВЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ НА БЛИЖНІЙ ВОСТОКЪ. Дм. Маркова.... 291—303
460—468 622—629
20. ПОДВИГИ И УСИЛІЯ ВЪ ДОБРОДѢТЕЛИ. Ипполита. .. 304—311
21. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Станемъ все предъ судомъ Вѣчной Правды! (о современныхъ общественныхъ настроеніяхъ съ христіанской точки зрѣнія). Свящ. Сергія Четверикова. — Въ память Русскихъ воиновъ умершихъ въ далекой Японіи. Епископа Кіотосскаго (въ Японіи), Андроника. 312—321
22. ПРЕДСТОЯЩІЙ ВСЕРОССІЙСКІЙ СОБОРЪ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ДРЕВНИХЪ СОБОРОВЪ. Проф. А. П. Лебедева. 336—359
23. УРОКИ ХРИСТИАНСКАГО ДѢЛАНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО. (Къ 28-му марта—дню памяти преподобномученика Евстратія Печерскаго). А. Зеланда. . 367—371
24. ОТЦОВСКІЙ РАЗДѢЛЪ. (Разсказъ). Ив. Бабанина..... 389—403
524—540
25. ПЕССИМИЗМЪ ТЕОРІИ И ОПТИМИЗМЪ ЖИЗНИ. Опытъ характеристики міросозерцанія Гартмана въ цѣломъ. (Съ приложеніемъ портрета). Проф. Алексія Введенскаго.. 407—424
584—604
26. „ПЧЕЛЫ ЖУЖЖАТЪ“. Свящ. Н. А. Колосова. 435—444
27. БЛИЗОСТЬ ПРИХОДА КЪ ЦЕРКВИ. Свящ. Арсенія Раумикина. 445—450

28. **МОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВНУТРЕННОСТЬ КАВКАЗСКИХЪ ГОРЪ.** Разсказъ пустынноика. Пустынноика В. Кириллова. 451—459
29. **ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.** Одинъ изъ вопросовъ церковно-богослужебной практики. (Нѣсколько словъ къ сопастырямъ—въ виду предстоящаго Всероссийскаго Церковнаго Собора). Свящ. Арсенія Разумихина.—„Свѣтъ во тьмѣ свѣтится“. Студента Московской Духовной Академіи Г. П. Любомирова. — Пріютъ Царицы Небесной. (Письмо въ редакцію). Николая Прейса. 469—484
Воскресеніе Христова. Рисунокъ.
30. **ЦѢЛИ И СРЕДСТВА.** Проф. С. С. Глаголева. 485—507
31. **ПРОЩАЛЬНАЯ РѢЧЬ СВЯЩЕННИКА КЪ ПРИХОЖАНАМЪ.** Свящ. Іоанна Шарова. 508—510
32. **БЛАГОДАТНЫЙ САРОВСКІЙ ЦѢЛИТЕЛЬ.** Д. Введенскаго. 511—516
33. **РАБСТВО И СВОБОДА.** Свящ. П. Архангельскаго. 541—548
34. **ЛЕГЕНДА О ПРЕПОД. ІОСИФЪ ВОЛОКОЛАМСКОМЪ.** (Начало монастырскаго землевладѣнія). Вл. Соколова. 558—567
35. **ТИПЫ ПРАВОСЛАВНАГО РУССКАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ СОВРЕМЕННОЙ СВѢТСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.** Свящ. Н. А. Колосова. 568—583
36. **ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!** Сказаніе. Павла Россіева. 614—617
37. **УРОКИ ХРИСТИАНСКАГО ДѢЛАНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО.** (Къ 27-му апрѣля—дню памяти св. отца нашего Стефана, игумена бывшаго Печерскаго, а впоследствии епископа Владимірскаго на Вольтни). А. Зеландъ. 618—621
38. **ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.** Воскресающей Россіи. (Дума передъ Пасхой). П. Н. К. — Отъ словъ къ дѣлу, Д. Радонежскаго. 630—647
- ОБЪЯВЛЕНІЯ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1907 г. на

иллюстрированный журналъ работъ и развлеченій для юношества

„ТРУДЪ и ЗАБАВА“.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой — 3 рубля,
на полгода — 1 р. 50 к.

Въ теченіи 1907 года подписчики получатъ:

1) **Двѣнадцать номеровъ** художественно-иллюстрированнаго журнала, въ которомъ будутъ помѣщены статьи по ручному труду, работамъ, занятіямъ, ремесламъ, естествознанію, популярной физикѣ, географіи популярныхъ дѣятелей науки, электротехникѣ, фотографіи, живописи, зимнему и лѣтнему спорту, подвижныя игры на воздухѣ, игры и забавы въ комнатѣ, открытія и изобрѣтенія, совѣты, переписка, отвѣты на вопросы, рассказы, стихотворенія, шарady, шутки, загадки и т. п.

Въ теченіе года въ журналѣ будетъ печататься большой и весьма интересный романъ для юношества въ двухъ частяхъ, извѣстнаго французскаго писателя Поля Д'Ивуа „**Докторъ Безымянный**“.

2) **Двѣнадцать книгъ** романовъ и повѣстей для юношества извѣстныхъ иностранныхъ писателей беллетристовъ: Мавра Юка „**Приключеніе матроса забытаго на кораблѣ во льдахъ Сѣвернаго полюса**“, въ двухъ книгахъ, Фенимора Кунера „**Слѣдопытъ**“, повѣсть изъ жизни индѣйцевъ въ Америкѣ, въ одной книгѣ. Луи Буссонара „**Жанъ Сорви-голова — Герои Малахова кургана**“, романъ изъ войны во время Севастопольской компаніи въ 3 книгахъ. У. Г. Хедзона „**Натуралистъ на Лаплатѣ**“, интересныя записки о жизни и правахъ животныхъ въ Америкѣ, въ двухъ книгахъ. Фенимора Кунера „**Звѣробой**“, повѣсть изъ жизни американскихъ охотниковъ, въ одной книгѣ. Капитана Стани „**Сказочное сокровище**“, приключеніе двухъ молодыхъ бретонцевъ на кораблѣ корсара, въ трехъ книгахъ.

3) **Двѣнадцать премій**, въ числѣ которыхъ войдутъ: рисунки для рисованія, рисунки для раскрашиванія, силуэты для тѣлевого театра, рисунки для ажурныхъ работъ по дереву и металлу, рисунки для выжиганія по дереву и папкѣ, рисунки для тисненія по кожѣ, рисунки для вышиванія; рисунки для рѣзбы по дереву — плоская и выпуклая рѣзба.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 1 р., въ 1 марта 1 р. и къ 1 июля 1 р. Контора журнала „ТРУДЪ и ЗАБАВА“ въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 110.

ВѢРА И ЦЕРКОВЬ.

Основанный нами восемь лѣтъ тому назадъ, духовный, богословско-апологетическій журналъ „**Вѣра и Церковь**“ имѣетъ своею задачею раскрытіе и отстаиваніе непререкаемой истинности Христовой вѣры, „не нововводно“ хранимой Духомъ

Святымъ въ Православной Церкви, въ противодѣйствіе рационализму и невѣрію. Охватившее же наше отечество такъ называемое „освободительное“ движеніе, которое подъ именемъ „духовнаго обновленія“ проникло и въ церковь, коснулось и самой вѣры, обяываетъ, думается намъ, православнаго апологета неуклонно держаться того же строго охранительнаго направленія и въ положительномъ раскрытіи хранимаго въ нашей Церкви православія. Поэтому, выходя изъ той мысли, что не внѣшнимъ создается внутреннее и не изъ общаго слагается частное, и не закрывая глазъ на практическіе недочеты современной богословской мысли и церковной жизни, мы признаемъ болѣе цѣлесообразнымъ и нужнымъ не „новые пути“ для этой мысли и жизни отыскивать и пролагать, а отмѣчать и выяснять духоносную истину и животворящую силу въ старыхъ, отцами завѣщанныхъ, устояхъ.

Для незнакомыхъ съ журналомъ нужно сказать, что по содержанию своему онъ дѣлится на три отдѣла; въ первомъ — **научно - богословскомъ** отдѣлѣ журнала помѣщаются статьи, служащія къ разъясненію тѣхъ богословскихъ (въ широкоемъ смыслѣ слова) вопросовъ, которые въ современной жизни и печати понимаются несогласно съ ученіемъ православной церкви, второй отдѣлъ — **церковно-общественный**, посвящается обзорнѣю и обсужденію съ точки зрѣнія православной церковности выдающихся явленій духовной жизни современнаго общества, а предметомъ третьяго — **библіографическаго**, служатъ книги и журнальныя статьи, преимущественно богословско-апологетическаго и учебнаго содержанія. Къ этому долгомъ считаемъ присовокупить, что въ наступающемъ году въ журналѣ будутъ помѣщаться подробныя свѣдѣнія о постановкѣ религіозно-нравственнаго образованія и воспитанія въ той русско-національной школѣ, которую подъ именемъ Кирилло-Меѳодіевской готовится основать въ Москвѣ „Русское монархическое собраніе“.

Журналъ выходитъ *десять разъ* въ годъ (за исключеніемъ іюня и іюля мѣсяцевъ) книжками не менѣе 10 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна на годъ — *пять рублей*, съ доставкой и пересылкой — *шесть рублей*, на полгода — *три рубля*.

Подписка принимается у редактора-издателя, законоучителя Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая, протоіерея Іоанна Ильича Соловьева (Москва, Остоженка, зданіе лицея) и въ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга.

Въ редакціи продаются оставшіеся экземпляры журнала за 1900—1906 годы по *четыре рубля* за годъ съ пересылкой.

Редакторъ-издатель, прот. І. Соловьевъ.

Объявленіе о продолженіи изданія при Кіевской духовной Семинаріи

ЖУРНАЛА

РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

въ 1907 подписномъ году.

Въ 1907 подписномъ году журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“, вступая въ 48-й годъ существованія, останется вѣрнымъ своей задачѣ — содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, православно русскому духовенству въ его святомъ и многотрудномъ служеніи.

Бурнымъ потокомъ текутъ событія русской жизни въ послѣднее время, затрогивая существеннымъ образомъ положеніе Православной Церкви и ея служителей. Привѣтствуя пышные всходы государственныхъ и церковныхъ реформъ и по мѣрѣ силъ содѣйствуя ихъ расцвѣту и созрѣванію, мы пойдемъ навстрѣчу современнымъ теченіямъ жизни государственной и общественной съ крестомъ Христовымъ въ рукахъ и въ сердцахъ. Какъ граждане Россійской имперіи, будемъ служить, по мѣрѣ возможности, укрѣпленію великой родины нашей на началахъ обновленія и свободы, но силою вѣры Христовой и любви, завѣщанной Христомъ. Мы не будемъ равнодушными зрителями великой преобразовательной работы, совершаемой государствомъ при живомъ участіи общества; но мы не забудемъ, что наша прямая обязанность служить „созиданію Церкви Христовой, яже есть тѣло Его“; среди бурь и волненій житейскаго моря мы будемъ призывать паству свою къ единой несокрушимой скалѣ—вѣрѣ Христовой, къ жизни въ мирѣ, любви и надеждѣ на Господа, въ кораблѣ, которому не страшны житейскія волны, у котораго кормчій — Христосъ, и который есть Церковь Его.

Теперь, когда въ Россіи объявлена свобода вѣроисповѣданія, для сектантовъ и старообрядцевъ свобода устроенія своей церковно-приходской жизни, подъ знаменемъ имени Христова, свободно и открыто поднимаются враги православной вѣры;—но мы безобязанно, съ твердой надеждой на помощь Христову, станемъ на стражѣ Православной Церкви, какъ стояли всегда, удвоивъ свою энергію въ защитѣ православной паствы отъ посягательства иновѣрцевъ, еретиковъ, сектантовъ и старообрядцевъ. Во взаимобщеніи и единеніи—прочный залогъ для успѣшной дѣятельности и для успѣшной борьбы, а потому „Руководство для сельскихъ пастырей“ съ полною готовностью предлагаетъ свои страницы всѣмъ пастырямъ, желающимъ подѣлиться своими мыслями, наблюденіями и опытомъ съ сопастырями. Въ тѣхъ же цѣляхъ возможнаго широкаго ознакомленія читателей съ указаніями пастырскаго опыта, журналъ въ 1907 году будетъ давать время отъ времени на своихъ страницахъ, въ формѣ достаточно полныхъ обзорѣній, свѣдѣнія о церковной и пастырской дѣятельности въ восточно-православныхъ и западныхъ инославныхъ церквахъ, а также обзоръ церковно-общественной жизни и выдающихся событій приходской жизни Россіи.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 еженедѣльно выходящихъ номеровъ, что составитъ три тома, изъ 12 книжекъ „Провѣдѣй“ и 12 выпусковъ „Богословскаго библиографическаго Листка“.

Кромѣ того, въ 1907 г. Редація дастъ подписчикамъ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія, нотный сборникъ „**Церковныя пѣснопѣнія**“.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія бібліотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1885 г. за № 280).

Подписная цѣна съ пересылкой во все мѣста Россійской имперіи **ШЕСТЬ рублей**.

Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ Консисторій, Правленій семинарій и училищъ и благочинныхъ можетъ быть отсрочена до конца подписнаго года.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: *Кіевъ, въ редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.*

Открыта подписка на 1907 годъ

на новый иллюстрированный ежемѣсячный журналъ для дѣтей и юношества

„СОЛНЫШКО“.

Журналъ даетъ въ годъ 12 книгъ иллюстрированнаго журнала для дѣтей и юношества съ приложеніемъ отдѣловъ для маленькихъ дѣтей и для только что умѣющихъ читать и 12 номеровъ „Педагогическаго отдѣла“. Кромѣ того, каждый мѣсяцъ будетъ дано приложеніе въ видѣ раскрашенныхъ рисунковъ для скенванія, вырѣзыванія, выпиливанія и пр. Среди приложеній намѣчены: большой „Дѣтскій Театръ“, „Синематографъ“, „Циркъ“, „Стереоскопъ“, „Микроскопъ“, „Химическій кабинетъ“ и пр.

Главная цѣль журнала давать все, выходящее въ иностранной литературѣ и заслуживающее вниманія, въ русскомъ переводѣ. Кромѣ этого большое мѣсто займутъ и оригинальные произведенія. Для значимости дѣтей съ классическими образцами Запада въ журналѣ, начиная съ перваго номера, начнутъ помѣщаться классическія литературные произведенія западныхъ авторовъ съ объясненіями. Среди нихъ намѣчены сочиненія Цюкке, Свифта, Мериме, Гете, Клейста, Грильпардера и др. Въ педагогическомъ отдѣлѣ будутъ помѣщены „учебникъ географіи“, „учебникъ англійскаго языка“ и „опытъ энциклопедическаго словаря для дѣтей“

На страницахъ журнала будетъ помѣщенъ особый отдѣлъ, посвященный играмъ, занятіямъ, забавамъ, шарадамъ, ребусамъ и пр. Такимъ образомъ наше изданіе представитъ собою цѣнный подарокъ для всѣхъ возрастовъ и цѣлую энциклопедію педагогическихъ знаній.

Адресъ редакціи и конторы: Москва, Остоженка, домъ страхового общества „Якорь“.

Подписная цѣна въ годъ съ доставкою и пересылкою 3 руб., безъ доставки въ Москвѣ 2 руб. 50 коп. Допускается разсрочка по 1 руб. при подпискѣ, къ 1 февраля и къ 1 апрѣля.

Редакторъ А. Н. Грень.

Издатель М. В. Балдинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

на выходящую подъ редакціей А. А. Коринфскаго ежедневную (не исключая и понедѣльниковъ), политическую, общественную и литературную газету съ еженедѣльными иллюстрированными приложениями.

ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ГОЛОСЪ ПРАВДЫ“.

Въ каждомъ № 8 страницъ.

НАПРАВЛЕНІЕ ГАЗЕТЫ НАЦІОНАЛЬНО-ЛИБЕРАЛЬНОЕ.

Освѣдомленность самая широкая.

Газета борется противъ теченій крайнихъ правыхъ и лѣвыхъ партій: одинаково вредныхъ для естественнаго развитія началъ и свободъ, возмущенныхъ Манифестомъ 17-го октября.

Интересамъ трудящихся классовъ, а въ особенности нуждамъ крестьянства, на страницахъ „Голоса Правды“ отводится самое широкое мѣсто.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ: на 1 г.—4 р., на 11 м.—3 р. 70 к., на 10 мѣс.—3 р. 25 к., на 9 мѣс.—3 р., на 8 мѣс.—2 р. 70 к., на 7 мѣс.—2 р. 35 к., на 6 мѣс.—2 р., на 5 мѣс.—1 р. 50 к., на 4 мѣс.—1 р. 35 к., на 3 мѣс.—1 р., на 2 мѣс.—75 к., на 1 мѣс.—50 к.

ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ: на 1 годъ—5 р., на 11 мѣс.—4 р. 75 к., на 10 мѣс.—4 р. 25 к., на 9 мѣс.—3 р. 75 к., на 8 мѣс.—3 р. 40 к., на 7 м.—2 р. 95 к., на 6 мѣс.—2 р. 50 к., на 5 мѣс.—2 р., на 4 мѣс.—1 р. 85 к., на 3 мѣс.—1 р. 40 к., на 2 мѣс.—1 р. 10 к., на 1 мѣс.—70 к.,

Подписка принимается на все сроки: въ главной конторѣ редакціи—Спб., Невскій пр., д. № 112. кв. 8, въ экономическомъ обществѣ общ. гвар. корп. (Литейный, 18). Годовая подписка приним. въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, т-ва Вольфъ, конторѣ объявлен. Метцль и К^о, кіоскахъ Пташниковъ и др. Въ провинціи—во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Допускается разсрочка годовымъ подписчикамъ: при подпискѣ 1 р. и затѣмъ ежемѣсячно по 1 р. Войсковымъ частямъ, учителямъ сельскихъ школъ, крестьянамъ, сельск. общ. и волостя. правл. на тѣхъ же условіяхъ, какъ и для городскихъ подписчиковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1907 годъ

на иллюстрированный еженедѣльный безъ предварительной цензуры журналъ общества счетоводовъ

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ.

Цѣль органа обсуждать практическіе вопросы и задачи и все достойное подражанія, примѣненія, введенія въ жизнь.

Имѣются отдѣлы: библиографическій, справочный и объявленій.

Вся чистая прибыль отъ изданія журнала обращается во

вспомогательный капиталъ Общества для выдачи безвозвратныхъ пособій нуждающимся Членамъ Общества.

Подписная цѣна: на годъ 6 руб., на полгода 3 руб., на два мѣсяца 1 руб.

Съ подпискою адресоваться въ редакцію журнала.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 43. Москва, Б. Тверская, № 18, д. О. Езерскаго.

Редакторы: *О. В. Езерскій, Н. О. Езерскій.*

Издатель *Общество Счетоводовъ.*

ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

„ДѢЯТЕЛЪ“

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, гигиеническаго, педагогическаго и медицинскаго содержанія. 3) Повѣсти, рассказы, стихотворенія и другія статьи бытового, нравственнаго и историческаго содержанія. 4) Письма изъ провинціи. 5) Свѣдѣнія, полезныя въ жизни. 6) Изъ жизни и печати. 7) Свѣдѣнія о дѣятельности благотворительныхъ учреждений. 8) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и другихъ странахъ. 9) Свѣдѣнія о дѣятельности Обществъ трезвости въ Россіи и за границею. 10) Протоколы Казанскаго Общества Трезвости. 11) Критика и библиографія. 12) Объявленія.

Подписная цѣна за годъ 2 рубля. Полугодовая подписка не принимается, а съ приложеніемъ №№ газеты Русь Православная и Самодержавная за годъ 5 руб.

Журналъ за 1904 годъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министер. Народ. Просвѣщ. въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

Выписывающіе за 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905 и 1906 годы платятъ 20 рублей и получаютъ всѣ изданія общества бесплатно.

Адресъ редакціи: Казань.

Редакторъ-издатель **А. Т. Соловьевъ.**

„НАСТАВЛЕНІЯ И УТѢШЕНІЯ СВ. ВѢРЫ ХРИСТІАНСКОЙ“.

Движимый желаніемъ не только молитвою, но и дѣломъ служить духовному назиданію русскаго христіанскаго народа, Русскій на Афонѣ Общежительный Скитъ святаго Апостола Андрея Первозваннаго предпринялъ въ 1887 году изданіе въ г. Одессѣ періодическаго духовнаго листка подъ названіемъ „Наставленія и Утѣшенія св. вѣры христіан-“

ской". Въ 1902 году это изданіе подвергнуто было измѣненіямъ, частью вызваннымъ духовными нуждами читателей, частью вытекавшимъ изъ совнанія издателей, что они по мѣрѣ силъ своихъ должны удовлетворять современнымъ запросамъ мысли и чувства. Въ 1907 году журналъ „Наставленія и Утѣшенія“ будетъ неуклонно слѣдовать вновь принятому съ 1902 года направленію.

ПРОГРАММА

духовнаго журнала „Наставленія и Утѣшенія св. вѣры христіанской“ съ добавленіемъ отдѣла „Вѣсти съ Аѳона“.

1) Выписки изъ твореній св. отцовъ Церкви и изъ произведеній благочестивыхъ писателей позднѣйшаго времени, вызываемыя современными потребностями, по изданіямъ въ разныхъ духовныхъ журналахъ, бывшихъ уже въ разсмотрѣніи духовной цензуры.

2) Выписки изъ богослужебныхъ молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній въ славянскомъ текстѣ съ прибавленіемъ русскаго перевода, если таковой окажется въ духовныхъ изданіяхъ, одобренныхъ цензурою, (какъ напр., въ трудахъ проф. Спб. Академіи Ловягина, въ журналѣ „Душеполезное Чтеніе“ и т. п.) и въ трудахъ русскихъ поэтовъ.

3) Бесѣды, поученія, слова и рѣчи извѣстныхъ проповѣдниковъ.

4) Назидательныя сказанія изъ житій святыхъ мужей и женъ.

5) Сказанія о проявленіи благодатной силы Божіей въ разнаго рода исцѣленіяхъ, извлекаемыя изъ оглашаемыхъ въ печати извѣстій.

6) Статьи по разнымъ отраслямъ церковной исторіи и историко-литературнаго знанія, преимущественно имѣющія отношеніе къ Аѳону, Православной Восточной и Русской церковной жизни.

7) Статьи, сообщенія и необнародованные матеріалы церковно-литургическаго и церковно-археологическаго характера (съ рисунками).

8) Описанія праздниковъ и обрядовъ, совершаемыхъ во славу Господа и Святыхъ Его.

9) Описанія и повѣствованія изъ церковно-исторической жизни Аѳона и Православнаго Востока.

10) Описаніе путешествій ко святымъ мѣстамъ, а также храмовъ, обителей, священныхъ предметовъ богопочитанія и иныхъ памятниковъ христіанской святыни на Аѳонѣ, на Православномъ Востокѣ и въ нашемъ отечествѣ (съ рисунками).

11) Жизнеописанія іерарховъ, подвижниковъ и дѣятелей Грековосточно-Россійской церкви (съ рисунками и портретами).

12) Событія и явленія текущей церковно-религіозной жизни на Аѳонѣ и на Православномъ Востокѣ, а также въ Россіи.

13) Библиографическія замѣтки о новыхъ русскихъ книгахъ и изданіяхъ церковнаго и духовно-нравственнаго содержанія.

14) Разныя отрывочныя извѣстія и замѣтки; корреспонденціи, объявленія.

Изданіе будетъ выходить **одинъ разъ въ мѣсяцъ**, въ объемѣ 6 печатныхъ листовъ.

Цѣна на годъ **ТРИ рубля** съ доставкою городскимъ подписчикамъ и съ пересылкою иногороднимъ.

Желающіе выписывать журналъ „Наставленія и Утѣшенія св. Вѣры Христіанской“ за 1887, 1888 и 1890 гг. могутъ получить въ пере-

летѣ и съ пересылкой по цѣнѣ **3 руб. 25 коп.** За 1897, 1898, 1901, 1902, 1903 и 1904 гг. съ пересылкой безъ переплета—**3 руб.**

Подписку на изданіе просятъ адресовать: **въ гор. Одессу, на Подворье Русскаго на Авонтъ Свято-Андреевскаго Общежительнаго Снита, Рыбная ул., д. № 58, Довѣренному Сниту.**

Съ требованіями по дѣламъ редакціи просятъ обращаться по адресу: **Одесса, Одесскій Кадетскій Корпусъ.**

Редакторъ, Протоіерей *Серій Петровскій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1907 годъ НА ДУХ. ЖУРНАЛЪ

„СТРАННИКЪ“

СЪ БЕЗПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

<Общедоступной Богословской Библіотеки>

и прибавленія къ ней.

Духовный журналъ „Странникъ“ будетъ издаваться въ 1907 году по прежней широкой программѣ, обнимающей весь кругъ движеній богословско-философской мысли и церковно-общественной жизни, интересамъ которой онъ неослабно служить въ теченіе болѣе сорока лѣтъ. При журналѣ въ качествѣ бесплатнаго приложенія издается „Общедоступная Богословская Библіотека“, имѣющая своею цѣлю сдѣлать вполнѣ доступными для читателей лучшія и капитальнѣйшія произведенія русской и иностранной богословской литературы.

Въ 1907 году подписчикамъ будутъ даны три капитальныхъ сочиненія:

I. „Православная Богословская Энциклопедія“, или Богословскій Энциклопедическій словарь, содержащій въ себѣ необходимыя для всякаго серьезно образованнаго человѣка свѣдѣнія по всѣмъ предметамъ богословскаго и философскаго знанія, томъ восьмой, въ который войдутъ слова на буквы К и Л (съ картами и иллюстраціями).

II. Толковая Библія, съ иллюстраціями, или комментарий на всѣ книги Св. Писанія Ветхаго и Новаго Заветъ. Томъ IV, въ который входятъ Учительныя книги въ томъ числѣ вся ПСАЛТИРЬ.

III. Христіанство гр. Л. Н. Толстого и Христіанство Евангелія— особый трактатъ изъ серіи „Христіанство, наука и невѣріе на зарѣ XX вѣка“. Предлагаемый трактатъ поможетъ читающей публикѣ ориентироваться въ религіозныхъ воззрѣніяхъ („запретныхъ сочиненій“, широко нынѣ распространенныхъ въ Россіи) гр. Толстого и выветъ съ тѣмъ лучше понять и оцѣнить подлинное ученіе Евангелія.

Журналъ попрежнему будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ 10—12 и болѣе печатныхъ листовъ (до 200 страницъ въ книжкѣ).

Цѣна: а) въ Россіи за журналъ „Странникъ“ съ приложеніемъ двухъ томовъ „Общедоступной Богословской Библіотеки“ и трактата восемь (8) рублей съ пересылкой; б) за границей 11 руб. съ перес.

Примѣч. а) Въ отдѣльной продажѣ для неподписчиковъ цѣна „Богосл. Библіотеки“ 2 р. 50 к. за томъ, безъ перес. и 3 р. съ перес.

б) Желающіе имѣть выпуски „Библиотеки“ въ изящномъ англійскомъ переплетѣ благоволятъ прилагать по 50 к. за выпускъ.

в) Новые подписчики, желающіе получить уже вышедшіе восемнадцать выпусковъ „Библиотеки“ (4-ре тома „Православнаго Собесѣд. Богословія“, 2 тома „Исторіи Христ. церкви въ XIX в.“, 7 т. „Правосл. Богосл. Энциклопедіи“, 2 т. сочин. Фаррара: „Жизнь и труды свв. отцовъ и учителей церкви“ (съ иллюстраціями) и 3 т. „Толковой Библіи“, прилагаютъ при выпискѣ всѣхъ по 1 р. за выпускъ (въ перепл. по 1 р. 50 к.), а при выпискѣ на выборъ по 1 р. 50 к. (въ пер. по 2 р.).

Адресоваться: Въ редакцію духовнаго журнала „Странникъ“ — С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 182.

Городскіе СПб. подписчики благоволятъ обращаться въ контору редакціи „Странникъ“: Невскій пр., 182.

За Редактора С. Артемьевъ.

Издательница Р. А. Артемьева, урожд. Лопухина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новый сельско-хозяйственный и экономической журналъ

ХОЗЯИНЪ-СЪВЕРЯНИНЪ.

„Хозяинъ-Сверянинъ“ органъ еженедѣльный, что дастъ возможность отмѣчать текущую жизнь своевременно, — будетъ выходить отдѣльными выпусками — книжками (всего 52 въ годъ) по слѣдующей программѣ:

1. С.-хозяйственно-экономическія мѣропріятія и распоряженія Правительства. 2. Хозяйственная хроника. 3. Земская жизнь. Работа земствъ въ хозяйственно-экономическомъ отношеніи. 4. Животноводство. 5. Молочное дѣло. 6. Земледѣліе и луговое хозяйство. 7. Промыслы подсобные въ сельскомъ хозяйствѣ. 8. Сельско-хозяйственная технология. 9. Сельско-хозяйственное образование. 10. Землепользованіе и землеустройство. Община и подворное владѣніе. Меліорациі. Опытное дѣло. 11. Лѣсное дѣло. 12. Дѣятельность сельско-хозяйственныхъ об-

шесть, товариществъ, кооперацій, съѣздовъ. 13. Корреспонденціи сел.-хозяйственно-экономическаго характера. 14. Обзоръ научно-хозяйственной литературы. 15. Библиографія. Критическій обзоръ. 16. Вопросы и отвѣты. 17. Спросъ и предложеніе. 18. Торговыя извѣстія. Сельско-хозяйственные рынки. 19. Объявленія.

Подписная цѣна (съ доставкой и пересылкой): на 1 годъ 2 руб., на полгода 1 руб. 20 коп.

На меньшіе сроки подписка не принимается.

Число постоянныхъ сотрудниковъ обѣщаетъ быть весьма значительнымъ, т. к. Редакція обратилась къ болѣе чѣмъ 300 различнымъ специалистамъ.

Кромѣ того Редакціи обѣщаны отдѣльныя статьи отъ многихъ выдающихся писателей, по экономическимъ и сельско-хозяйственнымъ вопросамъ.

Вниманію гг. авторовъ и книгоиздателей. Въ наше время, когда книжный рынокъ сильно освѣжился массой интересныхъ, разнообразныхъ и популярныхъ книгъ по самымъ различнымъ отраслямъ народного хозяйства—Редакція считаетъ необходимымъ поставить возможно шире „Библиографическій отдѣлъ“ и приглашаетъ всѣ книжныя фирмы (а также отдѣльныхъ издателей) присылать свои изданія для отзыва, подробнаго разбора и объявленія о нихъ на страницахъ „Хозяина-Сѣверянина“.

Редакція принимаетъ помѣщеніе объявленій въ „Хозяинъ-Сѣверянинъ“ какъ отъ сельско-хозяйственно-промышленныхъ фирмъ, такъ равно и о предложеніи и спросѣ труда по сельскому хозяйству по слѣдующей таксѣ:

Цѣлая ($\frac{1}{1}$) страница (позади текста) 10 р., $\frac{1}{2}$ страницы 5 р., $\frac{1}{4}$ страницы 2 р. 50 к., $\frac{1}{8}$ страницы 1 р. 25 к.

Спросъ и предложеніе труда 10 коп. строка.

При помѣщеніи объявленій нѣсколько разъ дѣлается скидка.

Издатели: А. В. Гудковъ-Бѣляковъ, М. А. Кушныренко Кушныревъ и М. А. Малининъ.

Адресъ редакціи: г. Вологда, типографія А. В. Гудкова-Бѣлякова (противъ Александровскаго сада).

Содержаніе январской и февральской книги

„ХРИСТИАНИНА“.

за 1907 годъ.

Наши задачи. *Ред. Вѣчный скиталецъ, Епископа Евдокима.* Христіанство, какъ религія прогресса. *Д—ра Буле.* Нравственная трагедія социализма. *Проф. М. М. Тарьева.* Заблужденіе Гаутамы. *Проф. С. С. Глаголева.* Куда итти? Разсказъ. *И. Н. Василькова.* Печальная страница. *И. М. М—скаго.* Стихотворенія: Христіанинъ. *И. С. П.*—Два завѣта (Диптихъ).—I. Аврагамъ Ицгаку.—II. Beethoveniana.—Ааронъ Моисею.—Назорей.—Двѣ ночи. I.—Поздняя осень. (У окна).—II.—Весна. (Надъ Москвой-рѣчкой).—Костромская сторона. *П. А. Флоренскаго.*—Встань же грозная! *П. Л.*—Воззваніе Гр. Л. Н. Толстого.—Какъ живутъ социалисты. *В. И. Независимаго.*—Передъ лицомъ народнаго бѣдствія И. Гофштеттера.—„Внутренняя Миссія“ въ Германіи.